

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА

LXXXVIII

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1965 ГОДУ

BIBLIOTHECA BUDDHICA

XXXVI

« НАУКА »

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВОПРОСЫ МИЛИНДЫ (МИЛИНДАПАНЬХА)

ПЕРЕВОД С ПАЛИ, ПРЕДИСЛОВИЕ,
ИССЛЕДОВАНИЕ И КОММЕНТАРИЙ
А. В. ПАРИБКА

ཀུན་ཀྱི་ཡི་རྒྱལ་པོས་གནས་འདྲེན་གྱི་ཡི་རྒྱལ་ལྟ་ལན་ཆེན་མོ།

МОСКВА • 1989

ББК 86.39
В 74

Редакционная коллегия серии
«Памятники письменности Востока»

О. Ф. Акимушкин, С. С. Аревшатян, А. Н. Болдырев, Г. М. Бонгард-Левин (зам. председателя), И. С. Брагинский, Г. Ф. Гирс (зам. председателя), В. Н. Горегляд, П. А. Грязневич, Д. В. Деопик, И. М. Дьяконов (председатель), Г. А. Зограф, Дж. В. Каграманов, У. И. Каримов, Е. И. Кычанов, Л. Н. Меньшиков, Е. П. Метревели, Э. Н. Темкин (отв. секретарь), А. Б. Халидов, С. С. Цельникер, К. Н. Юзбашян

Ответственный редактор
В. Г. ЭРМАН

Утверждено к печати
Институтом востоковедения АН СССР

В 4703020100-181 121-89
013(02)-89

ББК 86.39

ISBN 5-02-016554-9

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1989

Полный список книг серий «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока» за 1959—1985 гг. опубликован в брошюре «Памятники литературы народов Востока. Памятники письменности Востока. Каталог серийных изданий. 1959—1985», вышедшей в свет в 1986 г. Ниже приводится список книг, вышедших в свет после публикации каталога и готовящихся к изданию.

- XXXII, 4. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. IV. Пер. с кит., предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1986.
- XXXII, 5. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. V. Пер. с кит., предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1987.
- LXI. Мела Махмуд Байазиди. Таварих-и кадим-и Курдистан («Древняя история Курдистана»). Т. I. Перевод «Шараф-наме» Шариф-хана Бидлиси с персидского языка на курдский язык (курманджи). Изд. текста, предисл., указатели, оглавление К. К. Курдоева и Ж. С. Мусаэлян. М., 1986.
- LXXVI. Бай юй цзин (Сутра ста притч). Пер. с китайского и коммент. И. С. Гуревич. Вступит. ст. Л. Н. Меньшикова. М., 1986.
- LXXVII. Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Пер. с древне-армянского и примеч. М. О. Дарбинян-Меликян и Л. А. Хандарян. Вступит. ст. С. С. Аверинцева.
- LXXVIII. Книга деяний Ардашира, сына Папака. Транскрипция текста, пер. со среднеперс., введ., коммент. и глоссарий О. М. Чунаковой. М., 1987.
- LXXIX. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История возникновения законов янычарского корпуса). Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с турецкого, коммент. и введение И. Е. Петросян. М., 1987.
- LXXX. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскрита, коммент. и предисл. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1988.
- LXXXI, 1—4. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149—1169). Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. Е. К. Кычанова. В 4-х книгах. Кн. 1. Исследование. М., 1987.
- Кн. 2. Факсимиле, пер. и примеч. (главы 1—7). М., 1987.
- Кн. 3. Факсимиле, пер. и примеч. (главы 8—12). М., 1989.
- Кн. 4. Факсимиле, пер. и примеч. (главы 13—20). М., 1989.
- LXXXII. Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги (Да Тан Сань-цзан цюй цзин шихуа). Пер. с кит., исслед. и примеч. Л. К. Павловской. М., 1987.
- LXXXIII. 'Аджа'иб ад-дунйа (Чудеса мира). Критический текст, пер. с перс., введ., коммент. и указатели Л. П. Смирновой.
- LXXXIV. 'Али ибн Мухаммад ибн 'Абдаллах ал-Фахри. Китаб талхис ал-байан фи зикр ахл-ал-фирак ва-л-адйан (Краткое разъяснение к перечню последователей разных вер). Факсимиле ру-

- кописи. Изд. текста, вступит. ст., краткое изложение содержания, примеч. и указатели С. М. Прозорова. М., 1988.
- LXXXV. Аннамбхатта. Тарка-санграха и Тарка-дипика («Свод умозрений» и «Разъяснение к своду умозрений»). Пер. с санскрита, исслед. и примеч. Е. П. Островской.
- LXXXVI. Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). Пер. с санскрита, исслед. и коммент. В. И. Рудого.
- LXXXVII. Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к родителям. Изд. текста факсимиле, вступит. статья, пер. с тангутского, коммент. и прилож. К. Б. Кепинг. Послел. М. В. Крюкова.
- LXXXIX. Дзэами Мотокиё. Предание о цветке стиля (Фуси кадэн), или Предание о цветке (Кадэнсё). Пер. со старояпонского, вступит. ст. и примеч. Н. Г. Анариной.
- XC. История Чойджид-дагини. Факсимиле рукописи. Транслитерация текста, пер. с монг., исслед. и коммент. А. Г. Сазыкина.
- XCI. Махабхарата. Т. VIII. Карнапарва (Книга о Карне). Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой.
- XCII. Мах Шараф-ханум Курдистани. Хроника дома Ардалан (Та'рих-и Ардалан). Пер. с перс., примеч. и предисл. Е. И. Васильевой.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
«Вопросы Милинды» и их место в истории буддийской мысли	19
Вопросы Милинды (Милиндапаньха)	63
Книга первая. Внешнее повествование	64
Книга вторая Вопросы о свойствах	80
Книга третья. Вопросы-рогатины	123
Книга четвертая. Вопрос о выводе	300
Книга пятая. О пользе чистых обетов	317
Книга шестая. Сравнения	329
Комментарий	375
Приложения	435
1. Реконструкция Книги I с учетом ее китайского варианта	436
2. Сутра запуска колеса проповеди	445
3. Сутра «Высшее благо»	452
4. Сутра «Презрение»	453
5. Случай с монахиней Ваджрой	455
6. Сутра «Колтун»	456
7. История якши, ударившего Шарипутру	457
8. Сутра «Алавийская»	459
9. «Малая сутра о Малункье»	461
10. Сутра «Чатумская»	464
11. Сутра «Верх знамени»	468
12. История обращения Нанды	470
13. Козни Мары	472
14. Беседа Нагасены с царем о душе, цитируемая в <i>Абхидхарма-</i> <i>кошабхашье</i>	473
Глоссарий	474
Список сокращений	477
Литература	478
Summary	481

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые читателю в русском переводе «Вопросы Милинды» (далее — ВМ) — текст яркой индивидуальности и необычной судьбы, памятник древнеиндийской словесности, неповторимым образом соединяющий в себе немалую философскую, художественную, буддологическую и историко-культурную значимость. ВМ дошли до нас в двух версиях — пространной палийской, с которой выполнен настоящий перевод¹, и значительно более краткой китайской, соответствующей двум первым книгам палийского текста². Сочинение в целом отличается неоднородностью жанра, стиля, а отчасти и языка, что свидетельствует об исторической длительности формирования его в нынешнем виде и об отсутствии единого автора. За исключением первой книги — «Внешнего повествования», являющегося экспозицией ко всему тексту, памятник создан в форме бесед между греческим (пали уопако) царем Милиндой и буддийским монахом Нагасеной. Уже беглое знакомство с ВМ позволило Э. Бюрнуфу и Э. Харди³ отождествить Милинду с эллинистическим царем Менандром, правителем одного из государств, образовавшихся на территории Северо-Западной Индии и сопредельных стран после восточного похода Александра Македонского. Его царствование относят к 130—100 гг. до н. э.⁴ Отчеканенные Менандром монеты с его изображением найдены на территории современных Афганистана, Пакистана и Северной Индии⁵. Город Сагала (современный Сиялкот), в котором, согласно нашему тексту, состоялась беседа, упомянут в «Географии» Страбона⁶. Оказалось, таким образом, что

¹ Издание: Milindapañho. The Pali Text ed. by V. Trenckner. London—Edinburgh, 1880.

² См.: *Demiéville P.* Les versions chinoises du Milindapañha.— *Bulletin Française d'Extrême-Orient*. 1924, XXIV, c. 1—158.

³ *Burnouf E.* Introduction à l'histoire du buddhisme indien. P., 1845, c. 517; *Hardy E.* A Manual of Buddhism. L., 1860, c. 570.

⁴ Die Fragen des Königs Menandros. Aus dem Pali... übersetzt von F. O. Schrader. B., [1907], c. XVI.

⁵ Там же.

⁶ Страбон. География, XI, II, 1.

ВМ — единственное произведение древнеиндийской литературы, где фигурирует реально существовавший и названный по имени древний грек. Милинда, правда, упомянут еще раз в средневековом сочинении кашмирца Кшемендры *Бодхисаттвавадана-кальпалата*⁷, но совершенно безлико и несодержательно. Царь этот, несомненно, был наиболее выдающимся из греко-индийских властителей, в свое время он продвинул границы греческих владений в Индии далеко на восток, вплоть до Сакеты [известную фразу из *Махабхараты* Патанджали (II в. до н. э.): «Грек осадил Сакету» — принято связывать именно с Менандром] и даже Паталипутры⁸. Однако военные успехи нечасто оставляли по себе у индийцев прочную память. Чем же заслужил завоеватель-иноземец столь редкую в Индии честь превратиться в литературный персонаж? Интересно свидетельство Плутарха Херонейского (I—II вв.), которому имя Менандра было известно. По его словам, после кончины царя семь городов оспаривали между собой привилегию похоронить останки его на своей земле⁹. Если для эллиниста такой фольклоризированный факт напомнит скорее всего о Гомере, то индолог увидит в нем отражение религиозно окрашенного почтения к покойному, желание построить ступу, что применительно к светскому лицу монарха означает восприятие его как чакравартина — праведного царя-покровителя буддизма. Предположение это подтверждается внутренними данными текста. В конце кн. II ВМ Милинда и впрямь выражает симпатию и уважение к учению своего собеседника. Он говорит даже, что, стань он, как это принято по индийскому обычаю, учеником (*antevāsi*) Нагасены, он быстро смог бы понять дхарму до конца (*ājāṇeuyaṃ*), т. е. достиг бы архатства — буддийской святости, но, увы, такой поступок для него невозможен. Ведь как частное лицо царю не выжить — слишком уж много у него врагов, — и ему остается поглядывать на Нагасену, уподобясь «льву в золотой клетке»: почетно, да несвободно. Подводя итог беседе, Милинда подчеркивает, что должен отблагодарить монаха со всей щедростью — не потому, что Нагасене и на самом деле нужны его дары, а для создания благоприятного общественного мнения. Таким образом, царь изображен деятельным покровителем буддизма, хотя формально-ритуализованного принятия его в словах Милинды и нет, что тоже любопытно, ибо выглядит заметным отклонением от индийских поведенческих норм: по правилам диспута побежденный принимает учение победителя. Впрочем, не столь уж важно, сделался ли Милинда лично приверженцем буддизма, каким его рисует

⁷ В Ступавадане (№ 57).

⁸ Там же.

⁹ The Questions of King Milinda. Transl. from the Pali by T. W. Rhys Davids. Oxf., 1890, с. XXI.

кн. III—VI ВМ. В описании их скорее можно видеть индианизацию реального царя-грека. Индианизацией равным образом представляется и повествование кн. I, где Милинда изображен неутомимым спорщиком, наводившим трепет на учителей и проповедников всех мастей, покуда он не столкнулся с великим Нагасеной и не принял его учения. Правдоподобнее считать Менандра образованным и любознательным человеком, интересовавшимся распространенными в его владениях сектами, религиями, философиями, — таких людей среди эллинистических монархов, а позднее и римских императоров было немало, — а равно и здравомыслящим политиком, который осознал, что утвердиться в чужой стране, не заручившись поддержкой влиятельного вероучения, просто нереально.

Собеседник царя, монах Нагасена, неизвестен сколько-нибудь подробно из источников, независимых от ВМ. В индийской литературе северных школ раннего буддизма единственное упоминание о нем мы встречаем в гл. 9 *Абхидхармакошабхашьи* Васубандху (V в.), где процитирован краткий отрывок из беседы тхеры с царем Калингой (очевидное искажение иноязычного имени Милинда). Нагасена объясняет в нем, почему Будда отказывается отвечать на вопрос о тождестве либо различности тела и души, т. е. на один из четырех «оставляемых без ответа» вопросов в философии Будды (наряду с вопросами о вечности либо бренности мира, о его конечности либо бесконечности и о посмертном бытии святого). Оказывается, ответ невозможен логически, ибо души (*jīva*) не существует. Если верить Васубандху, то Нагасена был первым и к V в. уже «древним» автором, высказавшим это принципиальное положение. Но тогда его приходится признать незаурядной фигурой в раннем буддизме¹⁰. Цитируемого у Васубандху пассажи в дошедшем до нас тексте ВМ нет, но сама проблема существования души поднимается в нем не раз (в начале второго дня беседы в кн. II и в самом ее конце, а если считать и обсуждение проблемы «знатока», что отличается лишь терминологией, то всего четыре раза). В тибетском буддизме Нагасена включен в группу «шестнадцати архатов», личных учеников Будды, проповедовавших будто бы его учение в разных странах. Но раннебуддийская традиция не содержит какого-либо упоминания о прижизненном ученике Будды Шакьямуни с таким именем. Вероятно, поэтому у тибетцев, принявших буддизм едва ли не спустя тысячелетие после эпохи жизни реальных Менандра и Нагасены, имя последнего связалось с именами прочих видных сподвижников Шакьямуни просто как имя прославленного древнего деятеля, сведений о котором уже не сохранилось. Историческая реальность, как известно, очень

¹⁰ Цитируемый Васубандху отрывок переведен в Приложении 14.

быстро заволакивалась в Индии легендами и мифологическими художественными клише. Ведь даже палийская версия кн. I, которую нет оснований относить в ее окончательном виде к эпохе позже V в., разбавляет первоначальный текст крайне неловкими интерполяциями из канонической сутры «Плоды шраманства»: царя Милинду заставляют беседовать с современниками Будды, хотя несколькими страницами ранее в уста Будды вложено пророчество, предрекающее рождение Милинды через пятьсот лет после его кончины. Ясно, что уже ко времени создания комментариев на палийский канон (к V в.), цитирующих ВМ, историческая перспектива была утрачена. Итак, данные индийской и тибетской традиций позволяют лишь утверждать, что в свое время (вероятно, не менее двух веков после его смерти) Нагасена почитался в буддийском мире крупной величиной. Собранный и проанализированный П. Демьевилем¹¹ китайский материал не добавляет к этому заключению ничего нового.

Историчность обоих главных персонажей ВМ и сама уникальность фигуры царя-иноземца в индийской литературе делают предположение о реально имевшей место встрече и беседе весьма вероятным. Древнейшие части текста ВМ можно считать, таким образом, обобщенным и преломленным отражением случившегося греко-индийского культурного контакта, своего рода индийской его версией. Доля этих частей от общего объема палийского текста невелика и составляет не более 1/5, куда входят отдельные куски кн. I (см. ниже) и почти вся кн. II. Здесь еще заметны не успевшая стереться инокультурная необычность царя, манера его поведения, способ выражаться; есть и иные свидетельства культурного греческого присутствия. Исходя из этого, допустимо датировать эту часть текста рубежом нашей эры. Созданы данные разделы ВМ были, вероятно, на индийском Северо-Западе, примерно там же, где произошла встреча Менаандра с Нагасеной. Поэтому языком подлинника не мог быть пали, неупотребительный в Пенджабе. Вернее всего предполагать какой-то вариант гибридного санскрита, но не чистый санскрит, ибо частые цитаты и заимствования из Канона никогда не встречаются в литературе в брахмански правильной санскритской форме. В жанровом отношении кн. I квалифицируется как *авадана*, а кн. II напоминает некоторые образцы канонических сутр, но достаточно своеобразна: синтаксис ее прозрачнее, метода ведения беседы отработанее, нежели в сутрах, а повествование, помимо реплик собеседников, рудиментарно. Содержательно же кн. II есть философско-доктринальный диалог на буддийские темы, вносящий немало нового в буддийскую мысль.

¹¹ *Demiéville P. Les versions chinoises du Milindapanha, с. 46—64.*

Прочие части ВМ, составляющие $\frac{4}{5}$ объема памятника, дописаны позднее. Никакого греческого влияния, присутствия или колорита в них уже незаметно. Милинда здесь ничем не отличается от обычного индийского царя, он теперь убежденный буддист, соблюдающий обеты, прилежно изучающий Канон и стремящийся разрешить свои сомнения беседой с авторитетным наставником. Стиль кн. III выделяется заметной изысканностью на фоне предыдущих частей текста и обнаруживает знакомство автора не только с канонической буддийской литературой, но и с древнеиндийской поэтикой. Появляются многочисленные сложные слова, усложняется синтаксис, нередко употребления perfetto причастия в функции сказуемого и конструкции герундивов с различными связками. Немало встречается здесь слов, зафиксированных палийскими словарями только в ВМ, но приводимых в «Словаре гибридного санскрита» Эджертона. Отличия языка и авторской манеры свидетельствуют в пользу значительно более позднего создания кн. III. Поскольку она неоднократно цитируется палийскими комментаторами Канона, к V в. она уже существовала, хотя и нельзя утверждать с достоверностью, что в теперешнем виде. Стилистические соображения более определенно ограничивают эпоху ее сложения первыми веками нашей эры. Жанр кн. III в буддийской литературе уникален, ее можно назвать апологетическо-герменевтическими беседами.

Книги IV—VI составлены еще позднее и гораздо менее значительны. Книга IV представляет в основном художественный интерес, не будучи содержательно оригинальной, а две последние книги достаточно провинциальны и художественно. Созданы они на Цейлоне (а значит, на языке пали), что явствует из обилия морских сравнений и перечня портов и приморских стран в кн. V, где названы все области Индии и сопредельных стран, но не Цейлон.

Исследования ВМ немногочисленны. Палийский текст был впервые опубликован в 1880 г. В. Тренкнером на основании трех цейлонских и одной сиамской рукописи¹². В 1890 и 1894 гг. Т. В. Рис-Дэвидс издал почти полный (за исключением вопросов 6 и 21 из кн. III, невозможных для опубликования в условиях викторианской Англии) английский перевод с двумя введениями, отождествлением части канонических цитат и анализом известных тогда исторических данных о Менандре¹³. Выполненный О. Шрадером частичный перевод на немецкий язык первых двух книг¹⁴ ставит целью выделить исторически первоначальное, по мнению исследователя, а также наиболее значительное содержательно и литературно ядро

¹² См. примеч. 1.

¹³ См. примеч. 9.

¹⁴ См. примеч. 4.

текста. Но что касается первого, то теперь достаточно очевидно на гиперкритичность Шрадера, а во втором отношении он явно пристрастен¹⁵. В переводе О. Шрадера принимается в основном понимание текста, предложенное Т. В. Рис-Дэвидсом; перевод снабжен обширными и содержательными комментариями, в том числе толкованиями философско-психологических терминов. С прогрессом буддологии обе эти работы значительно устарели. Существует ряд более поздних переводов ВМ на современные европейские языки¹⁶ и на японский. Есть также выполненные в русле буддийской традиции переводы на сингальский, бирманский, тайский языки¹⁷.

Исследование китайской версии, начатое С. Леви и Э. Шпехтом¹⁸ и продолженное П. Пельо¹⁹, подытожено в основательном труде П. Демьевиля²⁰, включающем перевод, сопоставительный анализ палийского и китайского текстов и словарь терминологических соответствий. Выводы П. Демьевиля следующие.

1. Ни китайская, ни палийская версии первой книги не сохранили первоначальной редакции. В пратекст входили описание Сагалы, история детства и монашеского воспитания Нагасены, беседа царя с Аюпалою и победа над ним, встреча царя с Нагасеной. При этом даже порядок расположения этих отрывков различен в китайской и палийской версиях, что не позволяет восстановить первоначальный текст с достоверностью. Впоследствии в палийскую редакцию и в тот текст, который (в достаточно плохой сохранности) имели перед собою китайские переводчики, были добавлены легенды о встречах царя с Нагасеной в прошлых существованиях, в обеих редакциях не совпадающие. Палийский текст был также расширен интерполяцией в него истории о Тиссе Моггаллипутте, эпизодом путешествия монахов в небесную обитель Тридцати Трех богов и рассказом о поездке молодого Нагасены в Паталипутру (все эти вставки — из комментария на тхеравадинскую

¹⁵ О. Шрадер считает сравнительно маловажной кн. III. Однако художественные ее достоинства несомненны, а содержательный анализ показывает, что герменевтика ее знаменует собою весьма важный этап эволюции буддизма к махаяне.

¹⁶ Die Fragen des Milindo. Aus dem Pali... übersetzt von Nyānatiloka. Bd. 1. Lpz., 1919; Bd. 2. München — Neubiberg, 1924; Milinda's Questions. Transl. from the Pali by I. Horner. L., 1963—1964.

¹⁷ См.: Behrsing S. Beiträge zu einer Milindapanha—Bibliographie.— Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London. 1933, vol. 7, c. 335—348, 517—539.

¹⁸ Specht Ed. et Lévi S. Deux traductions chinoises du Milindapanho.— Proceeding of the Ninth International Congress of Orientalists. Vol. 1. L., 1893, c. 518—529.

¹⁹ Pelliot P. Les noms propres dans les traductions chinoises du Milindapanha.— Journal Asiatique. Sér. 11. 1914, t. 4, c. 379—419.

²⁰ См. примеч. 2.

Винаяпитаку), краткой сводкой содержания тхеравадинской *Абхидхаммапитаки*, весьма неуклюжей вставкой из плохо подогнанного отрывка сутры «Плоды шраманства» и некоторыми другими, менее значительными добавлениями.

2. Редакции второй книги в целом совпадают. В китайском тексте кое-где имеются небольшие вставки с пояснением терминов и расшифровкой перечней; одна пара отрывков представлена местами.

3. Китайский перевод выполнен не позже III в. н. э., т. е. принадлежит к ранней эпохе переводов. Терминологические соответствия не соблюдаются сколько-нибудь строго, содержательные тонкости текста не переданы. Язык перевода — близкий к разговорному, небрежный, понимается с трудом.

«Вопросы Милинды» привлекали до сих пор исследователей преимущественно как исторический источник и выдающийся памятник древнеиндийской литературы, достоинства которого оцениваются неизменно высоко. Выяснения его места в истории буддийской мысли систематически еще не проведено. Чрезмерное значение, придаваемое ВМ М. Роем в его «Истории индийской философии»²¹, явно необоснованно.

На русском языке существовал до сих пор прямой перевод с пали только трех отрывков из ВМ²². Цитатами, приводимыми в книге М. Роя, пользоваться нельзя: это результат последовательного перевода с пали на бенгальский и на русский, и текст в них совершенно неузнаваем.

Настоящее издание преследует две различные и не во всем легко совместимые цели, поскольку адресовано двум группам читателей. Желательность такого совмещения диктуется особенностью культурной ситуации в нашей стране. В западных странах широкий интерес читающей публики к классическим памятникам индийской культуры отсутствует, и специалист, работая над переводом, предназначает его преимущественно для коллег²³; особенно это верно применительно к текстам, которые при всей их художественной значимости несут еще и выраженное философское содержание, а ВМ как раз таковы. Это освобождает переводчика от трудной задачи адекватного воспроизведения стиля и художественности формы вообще; перевод становится итогом научного исследования и интерпретации только содержания памятника и средством передачи его смысла, и в нем допустимо использование любых пластов лексики, в том числе свободное употребление современных фило-

²¹ Рой М. История индийской философии. М., 1958.

²² Антология мировой философии. Т. 1. М., 1969, с. 126—128; Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. Язык пали. М., 1965, с. 201—202.

²³ Французский коллега сказал как-то раз в личной беседе переводчику, что не видит смысла в переводе одного выдающегося древнеиндийского памятника на французский язык, поскольку уже есть английский перевод.

софских и психологических понятий (например, феноменологической школы) или, напротив, оставление множества труднопереводимых в европейском культурном коде понятий без перевода, в индийском звучании.

Задача историко-культурного исследования переводимого текста стоит в не меньшей мере и перед переводчиком на русский язык, но он, зная о большом интересе широкого круга читателей к индийской культуре и мысли, вправе рассчитывать на достаточно обширную аудиторию, вовсе не сводящуюся к одним только специалистам, а следовательно, учитывая ее интересы, не может пренебрегать передачей средствами русского языка эстетической ценности индийского текста. Однако соединение художественности и терминологической строгости — а терминов в «Вопросах Милинды» используется немало — дается очень нелегко.

Прежде всего перевод мировоззренческих индийских текстов труден потому, что они созданы в рамках культуры, выросшей из самой себя и, в частности, не опирающейся в своих лингвистических средствах ни на что, кроме своего собственного языка — древнеиндийского или раннесреднеиндийского в разных вариантах. Стало быть, любые понятия, сколь бы специализированными и отвлеченными от обыденного употребления они ни были, продолжали для индийцев оставаться в своей языковой оболочке знакомыми и понятными словами, не производившими впечатления чего-то чуждого. Этимология их всегда прозрачна и нередко помогает понять ход мысли, приведшей к их обособлению и превращению в термины; иными словами, они мотивированы не только особой логикой дисциплины, в которой применяются, но и всеобщей логикой мышления, запечатленной в языке. Это сохраняет гибкость и живость мысли, воплощенной в понятии, облегчает его усвоение и применение и дает ему необходимое для философского мышления слияние непосредственности и опосредованности, а кроме того, позволяет использовать его и в художественных целях, как слово родное, знакомое, говорящее уже своим звуковым обликом и вызывающее многообразные и не жестко определенные образы и ассоциации. Указанную особенность философского языка пали и санскрит разделяют с древнегреческим. Трудности перевода платоновских текстов, наиболее ярко воплощающих в себе синтетичность специально-терминологического и общепонятного, хорошо известны. В индийских языках к этому присоединяется ее одна черта — поражающее богатство и развитость лексики, выражающей явления душевного мира, и отсутствие у нее европейских эквивалентов. Изрядная часть этого богатства терминологизируется в буддийской философско-психологической теории, что делает буддийские тексты самыми труднопереводимыми во всей индийской философии.

Понятно, что единого пути преодоления двух названных сложностей предложить нельзя. В переводе ВМ опробован лишь один из вариантов, вряд ли применимый без изменений к текстам иного типа. Главной задачей здесь было возможно более полно и адекватно передать художественность памятника, создать у читателя русского перевода впечатление, максимально близкое к тому, какое производил, как можно предпологать, подлинник на индийского читателя, *не слишком сведущего в буддизме*, но при этом так воспроизвести по-русски специальные термины, чтобы они, оставаясь русскими словами (как их оригиналы — палийскими словами), уже своим строем не только не противоречили возможности толковать в них или вырастить в них терминологический смысл, но и, напротив, способствовали этому, так чтобы язык помогал, а не мешал читателю думать. Приведем примеры. Слово *saṅkhāro* (санскр. *saṃskāra*) есть отглагольное существительное от *saṃ+kr̥* «подготавливать», «обрабатывать», а этимологически «со-[вместно] делать» и означает в общепотребительном языке «приготовление; обработка; обряд» и пр. В буддийской терминологии это слово значит «дхарма, наличное появление которой вызывается многими условиями». Оно переведено как *слагаемое*, что этимологически не совпадает с индийским значением, но легко может быть осмыслено как буддийский термин, если бы таковой существовал в русском языке, а именно: 1) *Слагаемое* (пассивное причастие от «слагать») есть то, что складывается из многого (=сложённое), но при этом не непременно сложное — этот оттенок не диктуется языком с необходимостью, — то, получение, проявление чего сложно, зависит от нескольких причин и условий. 2) *Слагаемое* далее есть то, что дает в сумме нечто иное — тогда это те «слагаемые», которые, выступая в качестве условий, дают возможность проявления некоторого другого «слагаемого». Именно так и толкуется обусловленность санскар в буддизме. 3) Наконец, *слагаемое* есть также то, что может быть сложено, отложено в сторону — как в выражении «сложить с себя бремя», и тогда это слово передает не менее актуальный для буддийского учения смысл: сансары можно погасить, прекратить их тягостное проявление, исключить возможность их будущего бытия. Осуществление этого и есть достижение нирваны. Этот последний смысл не содержится в индийском термине как слово, но он совершенно уместен, так что получается даже, что русский эквивалент мог бы оказаться более пригодным для выражения индийского понятия, чем его прообраз.

Слово *vi-takko* «раз+мысль, рассуждение» терминологически означает ввод в сознание нового содержания и передано как *задумывание* — слово, актуально не существующее в русском языке, поэтому свободное от неправильных жестких ассо-

циаций, но вполне допустимое, и его понимание в указанном смысле возможно.

Из имен собственных переводятся явно опознаваемые в своем качестве клички и прозвища, а также значащее имя приближенного царя Милинды — Саббаддина (Всё-отдам), знание значения которого необходимо для адекватного понимания текста.

В пределах осуществлением поставленной задачи был бы перевод, полностью свободный как от западноевропейских заимствований, так и от недопереведенностей. Ведь оставлять слово без перевода — это, строго говоря, недоделывать свою работу до конца, безразлично, происходит ли это из-за неумения или обусловлено языковыми или культурными факторами. Естественно, что такое предельно последовательное осуществление принципа оказалось невозможным. Перевод — слишком тонкое и сложное дело, чтобы принципы его можно было легко и кратко сформулировать в виде полумеханически прилагаемых к материалу правил. Главные отступления следующие: введено латинское слово «аффект» как переводной эквивалент палийского *kilesa* (санскр. *kleśa*). Этот термин предлагается понимать в духе спинозовской «Этики», где он выражает близкое и объемно и содержательно к индийскому понятие. Оставлены без перевода слова: «йог», «йога» — они уже прижились в русском языке; «шраман» — важна парность — «шраматы» и «брахманы», а «брахман» уже заимствовано; «дхарма» в специально-буддийском значении — это понятие совершенно непереводаемо; «абхидхарма» — чтобы не потерять связь с «дхармой»; «Татхагата» — эпитет Будды, значение которого не было до конца ясно уже индийцам; «бодхисаттва» — по личному неумению переводчика (перевод должен быть возможен); «нирвана» — в начале текста, где термин просто упоминается, но не разъясняется, переведено этимологически как «покой», чтобы не поощрять укоренившиеся в русском языковом сознании совершенно превратные, даже пошлые понимания; ближе к концу текста, где нирвана становится предметом обсуждения, слово оставлено без перевода; «сутра» — название литературного жанра является частным термином, для которого внутренняя словесная форма не слишком важна. Все эти слова даны в санскритском, а не в палийском звучании в силу большей известности санскрита.

Требованием воссоздания художественно цельного впечатления продиктована форма подачи в Приложении кн. I ВМ, оригинал которой во всех подробностях невосстановим. Была сделана попытка представить ее, опираясь на результаты проведенного Демьевилем анализа, в виде, максимально близком к наличной палийской редакции, освободив последнюю от позднейших разрушающих единство напластований. Выброшены ин-

терполяции канонической *Винаи* и из сутры «Плоды шраманства»; произведено еще несколько незначительных сокращений за счет мест, отсутствующих в китайской версии. Обрывки текста местами переставлены, чтобы избежать неоправданных сбоев в изложении, которыми пестрит палийская версия. Добавлено шесть бесцветных фраз на стыках переведенных пассажей; они заключены в квадратные скобки. Одним словом, переводчик поступил примерно так же, как архитектор-реставратор безнадежно испорченного поздними перестройками памятника: убрал все, что мешает обзору целого, и подкрепил древние стены незаметными и не портящими вида современными опорами.

По существующему обыкновению, перевод текста кн. I в дошедшей до нас палийской версии помещен в основной корпус издания, а реконструкция вынесена в Приложения, однако при первом чтении переводчик посоветовал бы читателю начать с реконструированной версии.

При переводе кн. II в нескольких случаях сличение китайской и палийской версий позволило предположительно восстановить изначальное чтение и улучшить понимание текста. Эти случаи указаны в примечаниях. Перевод прочих книг, отсутствующих в китайской рецензии, следует целиком палийскому изводу.

Таким образом, перевод представляет издаваемый памятник как общекультурное явление, моделирует языковую стихию смыслов, в которой он создан. За малыми исключениями, судить на основании одного его о философски-доктринальном содержании текста было бы неосторожно. Все сколько-нибудь тонкие проблемы нерешаемы без знания подлинных терминов. Даже сам подлинник нельзя считать готовым материалом для историко-культурной интерпретации: без включения его в исторический контекст он не более чем отрывок без начала и конца.

В Комментарии даются сведения, необходимые для понимания отдельных мест текста, но не текста в целом: элементы текстологии, отождествления канонических цитат, расшифровки намеков, комментирование реалий и пр. Ряд приложений должен отчасти компенсировать отсутствующее у читателя переводное знание канонической буддийской литературы. Из текстовых источников только канонические тексты являются непосредственным фоном ВМ, ибо «Вопросы» в южнобуддийской литературе занимают вполне определенное место — после Канона и перед всем прочим, т. е. комментариями, компендиями и т. п.

Книгу завершают глоссарий, который служит выборочным словарем к специальному языку текста.

«ВОПРОСЫ МИЛИНДЫ» И ИХ МЕСТО В ИСТОРИИ БУДДИЙСКОЙ МЫСЛИ

Адекватная оценка памятника духовной культуры предполагает знание идеологического, философского, эстетического и общекультурного контекста и фона, в которых он возник и функционировал и в связи с которыми только и можно оценить степень его своеобразия, заурядность или исключительность, традиционность или новизну. Применительно к «Вопросам Милинды» (далее — ВМ) эта предпосылка в идеальном случае означала бы: 1) основательное знакомство с буддийской канонической литературой, от которой этот текст и содержательно и стилистически весьма зависим; 2) некоторое общее представление о стиле древнеиндийского философствования, бытовании религиозных и философских идей — как в текстовой форме, так и в первоначальной, собственной, не овнешненной еще в виде текста форме профессионально-специализированной и имеющей свое определенное место в обществе деятельности. Для неспециалиста выполнить первое из названных требований было бы очень затруднительно, ибо число переведенных на русский язык важных буддийских текстов пока что ничтожно, а равным образом отсутствует и содержательная и компетентная вторичная обзорная литература. Частичным восполнением этой нехватки должны служить избранные переводы тех произведений разных жанров из состава *Типитаки*, которые упоминаются или обсуждаются в ВМ (они приведены в Приложениях). Что же до второго требования, то здесь положение дел еще не менее удовлетворительно, несмотря на видимое обилие литературы. Существуют литературоведческие исследования, но для них рассмотрение доктринального содержания буддийских и вообще религиозно-философских текстов — задача посторонняя. В специально-буддологических работах внимание исследователей привлечено к содержанию текстов, но редко и недостаточно четко осознается необходимость изучать его в единстве с функционально обусловленной формой изложения. Общие работы по индийской философии также не избежали

указанного недостатка, кроме того, они в значительной степени устарели. Существуют, наконец, труды по истории древней Индии, и в них описывается социальный статус общин, являвшихся коллективными производителями и хранителями духовной культуры¹. Но все же ясно, что некоторые важные выводы касательно особенностей содержания, предмета и формы идеологической деятельности древнеиндийского общества в их связи с присущей последнему спецификой духовного производства, воспроизводства и обмена информацией могут быть сделаны только во взаимодействии исторической социологии и филологии. Подобных готовых выводов, на которые можно было бы опереться в анализе ВМ, и в самом деле еще нет. Приходится поэтому рассмотрению самого памятника предпослать поневоле предварительные описание и отчасти объяснение несомненно существовавшей взаимообусловленности социального положения творца культуры, преимущественного предмета его размышлений и текстовой формы запечатления результатов. Конечно, обстоятельное рассмотрение этого триединства потребовало бы специальной работы. Нас это единство в его особенной древнеиндийской форме будет интересовать в той мере, в какой связано с ВМ и, более конкретно, проявляется в функциональной форме и жанре данного текста. А именно в выяснении нуждается следующее.

1. ВМ написаны в форме беседы или диалога (слово «диалог» обязывает к значительно большему, чем просто «беседа»). Но что такое в древней Индии диалог? Каковы социальные позиции и ситуационные роли его участников? Каково соотношение диалога как литературной формы и реальной, хотя, быть может, и обобщенной, очищенной от случайного беседы людей? Каковы цели собеседников или типология целей, ибо нельзя исключить, что существовало общественно установленное членение бесед в зависимости от целей. Ведь разговор на столь важные, мировоззренческие темы, как те, что затрагиваются в ВМ, есть своего рода совместная духовная деятельность, и вполне вероятно, что у нее к данной эпохе уже выработались свои правила. Даже слово «вопрос» в заглавии текста должно быть проверено на терминологичность. Без специального рассмотрения естественно ожидать неосознанной подстановки на место индийского жанра более привычной, культурно определенной формы диалога, например сократического, как у Платона или Ксенофонта, или аристотелевского, как в произведениях Цицерона, что было бы ошибкой.

2. Бросается в глаза изобилие повторов в речах собеседников, причем повторов буквальных и очень близко расположенных. В жн. II Нагасена, приводя требуемый Милиндой «при-

¹ См., например: Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969.

мер» (или сравнение), считает почему-то необходимым и перед сравнением, и после него повторить описание того, что сравнивается, в совершенно неизменных выражениях.

[Нагасена:] «Свойство сосредоточения — главенство, государь. У всех благих дхарм глава одна — сосредоточение: все они — низины сосредоточения, склоны сосредоточения, скаты сосредоточения». — [Милинда:] «Приведи пример». — [Нагасена:] «Как в здании с островерхой кровлей, государь, все закрытины от конька спускаются, на коньке сходятся, конек их всех выше — вот точно так же, государь, у всех благих дхарм глава одна — сосредоточение, все они — низины сосредоточения, склоны сосредоточения, скаты сосредоточения» (кн. II, гл. 1).

В кн. III Милинда не устает всякий раз дословно повторять формулировки взаимно несовместимых, [по его мнению], тезисов. Ему недостаточно просто сказать: «Два эти положения взаимно противоречивы», но он непременно говорит: «Если верно, что „А“, то выражение „Б“ неверно. А если верно, что „Б“, то выражение „А“ неверно». Равно и Нагасена начинает свой ответ ему с повторения уже не раз произнесенных только что тезисов в тех же самых выражениях.

Последняя книга ВМ переполнена нескончаемыми повторами, для современного читателя крайне нудными и удлинняющими книгу более чем вдвое.

Явная намеренность повторов требует объяснения; списать ее на счет неумения перефразировать наивно. Следует предположить, что повторы являются принадлежностью функционального стиля, либо литературного (в широком смысле слова «литература») жанра, либо даже его реального прообраза — принятой формы беседы людей о значимых предметах. Выяснение функции повторов есть вторая после конкретизации понятия диалога задача в понимании культурного текста ВМ.

3. Необыкновенная интенсивность использования «примеров» (в принятом переводном эквиваленте, который не вполне соответствует термину подлинника; то, что называется в ВМ «примерами», не совсем пример, но также и «сравнение», «модель» и пр.) нуждается в истолковании и ставит также вопрос о степени теоретичности текста. В ВМ имеются достаточные свидетельства весьма высокого уровня понятийного мышления; ср., например, рассмотрение процесса обработки чувственных данных, начинающихся с соприкосновения (кн. II, гл. 3), или зрелую диалектику тождества и нетождества (кн. II, гл. 2). Но как совместим такой уровень с постоянной отсылкой к обыденным представлениям?

4. Если повторы вызывают непосредственное впечатление излишества, то, с другой стороны, в тексте регулярно встречаются и предельно краткие, без расшифровки остающиеся загадочными и не всегда расшифровываемые перечни, которые,

возможно, и обладают понятийной структурой, но не имеют до объяснения не более как упорядоченные наборы слов. Расшифровка перечня, когда она дается, оказывается пространственным и содержательным текстом. Так, объяснение набора «других благих дхарм» занимает большую часть гл. 1 кн. II; значительная часть гл. 3 этой же книги посвящена расшифровке «группы дхарм, начинающихся с соприкосновения». Такие перечни, называемые в языке самоописания буддизма *матрика* (*mātrkā*), играют важнейшую роль в канонических и позднейших философских текстах. Итак, последний вопрос о культурно-идеологическом фоне таков: каково в самом первом приближении (претендовать на окончательность преждевременно) возможное и правдоподобное происхождение матрик и каков способ их функционирования?

О ПРАКТИКЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Канонические тексты *Суттапитаки* свидетельствуют, что беседа на культурно значимые темы была в древности в большой мере кодифицирована, протекала по общеизвестным и редко нарушавшимся правилам, которые ввиду своей общеизвестности специально в источниках не обсуждаются. Существование и содержание этих норм, а также мера их обязательности приходится устанавливать косвенно. Эти нормы оказались в дальнейшем очень устойчивыми; по-видимому, они в основном не только сохранились на протяжении средневековья, но и оказали влияние на жанровые формы философской литературы.

Важнейшим элементом кодифицированности было наличие небольшого числа достаточно определенных ситуационных ролей, в которых мог выступить человек, участвующий в диалоге. Каждая из них предполагала особое отношение к предмету обсуждения и собеседнику, прежде всего к его словам; смена ролей в ходе самой беседы в целом обусловлена ее перипетиями и не может быть нарушена без отчетливого осознания участниками и присутствующими того, что имеет место непорядок, «игра не по правилам». Нарушитель же подвергается общественному осуждению, возможно, осмеянию. Восстанавливаемые роли таковы.

1. Нейтрально-любопытствующее лицо, которому нужны сведения о каких-то элементах содержания учения, представителя которого он расспрашивает. Обычная форма вопроса примерно такова: «Как у вас (если обращаются к рядовому последователю некоторого учения, или как вы, если адресат — глава какой-то религиозно-философской общности или ее зрелый адепт)

учат (или учите) о таком-то предмете?» Получив требуемый ответ, нет нужды выражать к нему какое-либо отношение — согласие или неодобрение. По данным текстов, такие расспросы обычно не затягиваются надолго, и нейтральное любопытство сменяется либо одобрительным приятием, либо неприятием с попыткой оспорить. Это самый необязывающий вариант беседы, представленный в канонических буддийских сутрах довольно скупой — как из-за малой его интересности, так и в силу нелюбви буддизма к пустому любопытству. В ВМ ни один из собеседников в этой роли не выступает.

2. Ученик, общающийся с учителем либо с более опытным, чем он сам, представителем того же учения, которому он следует. Ученику необходимо не только получить сведения, но и понять содержание учения, о котором он расспрашивает. Он задает вопросы, выслушивает ответы, но должен быть готов услышать иной раз, что вопрос никуда не годится (так, в *Самьюттаникае* не раз встречаются пассажи, где Будда в ответ на вопрос неопытного монаха говорит: «Вопрос поставлен неудачно» — на *kallo rañho* — и затем объясняет почему) либо что отвечать на этот вопрос в данном учении нельзя (ср. Приложение 9), а то и получить в ответ нечто на первый взгляд совершенно невразумительное, но при этом не возмутиться и не упрекнуть отвечающего в изречении бессмыслиц, а почтительно спросить далее: «Как мне понимать смысл сказанного тобою?» Вопросание в позиции ученика начинается с доверия к компетенции отвечающего, и задача состоит в том, чтобы имеющееся у последнего понимание сделать фактом также и своего мышления. Эта позиция предполагает изначальное признание своей несамостоятельности в мышлении, незрелости и подчиненности собеседнику. Установка сознания — освоить и понять, но никак не критиковать, что вполне разумно; стремление критиковать прежде понимания к добру не приводит. Отметим, что позиция ученика всегда искренна, т. е. аналога иронической стратегии беседы, применяемой Сократом в ранних платоновых диалогах, когда под видимостью непонятливости, стремления понять смысл и набраться мудрости у сведущего человека скрывается искусное принуждение его к самостоятельному мышлению и выявление противоречивости обыденного сознания, — такого аналога в буддийских канонических текстах нет.

Ученическая позиция распространяется далее и на поведение человека в общении с представителями иных учений. В этом случае признание своей временной незрелости проявляется в отказе комментировать как-то их слова и выражать отношение к высказываниям, несовместимым со своим учением. В сутрах не раз встречается ситуация, когда молодые монахи-буддисты, сталкиваясь с джайнами, брахманами и пр. и слыша

какие-либо сомнительные суждения об учении Будды, воздерживаются от спора, но направляются к Будде и просят его выразить свое отношение к соображениям идеологических конкурентов.

3. Самостоятельный мыслитель, который может быть как основателем нового учения (например, Будда), так и зрелым его приверженцем (например, ученики Будды Кашьяпа или Шарипутра), имеет возможность участвовать в споре с представителем иного учения (или иного толка внутри того же учения). Такой спор чреват серьезными последствиями, решиться на него нелегко, ситуация спора у многих вызывает сильный стресс; см. страх царя перед предстоящей беседой с Нагасеной (кн. I), хотя роль царя несколько иная, нежели роль самостоятельного мыслителя (см. ниже). Страх вызывается как боязнью публичного позора и насмешки, зачастую ожидавших побежденного, так и более существенными причинами. Спор протекал как словесная схватка, как поединок, в котором вовсе не обсуждались и не сравнивались как целое достоинства и недостатки учений, исповедуемых диспутантами; это была проба интеллектуальных и психических сил участников, их владения правилами диспута, спортической логикой опровержения тезиса оппонента, хладнокровия, находчивости и пр. Поэтому реально спор мог иметь предметом сравнительно маловажный тезис, не затрагивающий существа убеждений противников, однако победа в споре понималась как торжество учения, исповедуемого победителем, — оно практически доказывало свою силу этой победой. Можно сказать, что в древнеиндийском споре сочетается весьма архаичное представление о «словесном агоне»² с важной характеристикой, присущей всем древнеиндийским религиозно-философским учениям, а именно тотальностью их воздействия на личность, индивида, так что индивид, исповедующий данное учение, закономерно полагается последним, самым весомым доводом в пользу этого учения. Так, в сутрах является почти общим местом принятие встретившимися с Буддой людьми его учения не потому, что они успели уже полностью или сколько-нибудь адекватно понять достоинства последнего, что происходит гораздо позже, но из-за неотразимого впечатления, произведенного на них самой личностью Будды. Будда как человек оказывается важнейшим аргументом в пользу буддизма, что осознается и в самоописании буддийского учения: принятие буддизма словесно выражается в прибежище «к Будде, к [буддийской] дхарме и к [основанной Буддой] общине»³. Такое положение дел не должно удивлять, если помнить о предмете

² Васильков Я. В. О возможности греческого влияния на «Вопросы Милинды» (в печати).

³ Переход от приверженности к личности к приверженности к учению — это первый этап «арийского пути», т. е. «обретение слуха».

основных религиозно-философских систем древней Индии. Ведь предмет этот — индивид и пути его «освобождения», что реально означало развитие психики и интеллекта и освоение специфической культуры. Итак, считать критерием — причем практическим! — эффективности учения победу его адепта в споре достаточно разумно — не менее, чем измерять физическое развитие спортсмена его успехом в соревнованиях. Но, с другой стороны, специфическая деятельность в споре может стать успешной и благодаря профессиональной тренировке, вследствие чего возможна победа более формально искушенного, хотя содержательно и неправого оппонента. Так в ситуации спора проявляется различие, доходящее порой до ступени противоречия, между духовной культурой и интеллектуальной выучкой. Из-за этого положение побежденного, но не переубежденного диспутанта становится трагичным. В силу общепризнанности правил спора и обоснованности, хотя и односторонней, его как практического критерия истинности учения побежденный лишается своего смысла жизни, явившего свою ничтожность перед лицом противника. Ведь отсутствие видимых социальных выгод, вытекающих из принятия того или иного учения (официально признанного, тем более государственного учения не было, преобладала мировоззренческая терпимость, и статус последователей разных учений был в целом однотипным), означало, что главным мотивом, влияющим на выбор индивидом мировоззрения, была его подлинная убежденность. Серьезное отношение к спору и к убеждениям противника давало естественный выход — принятие его учения и переход на позицию ученика. В противном случае, при нежелании это сделать и невозможности сознаться самому себе и присутствующим в собственной беспринципности, единственным выходом оставалось самоубийство, что не раз упоминается — правда, для более позднего периода истории Индии — Таранатхой в его «Истории буддизма в Индии»⁴. В сутрах палийского Канона самоубийства в результате поражения в споре не описываются. Вероятно, это объясняется подчеркиваемым умением Будды переубедить собеседника в истинности своего учения, т. е., не оставляя его в положении бессмысленного существования, тотчас помочь ему обрести новый смысл. Аналогом пограничной ситуации поражения в сутрах выступает насыл Буддой при помощи йогических сил на собеседника, не желающего признать неприятную для него правоту Будды или стремящегося уклониться от ответа на рискованный для его взглядов вопрос, якши с раскаленной булавой. Ср., например, в «Малой сутре о Саччаке» (М 35): «[Говорит Будда:] „Отвечай же, Агнивешьяна, не время теперь молчать! У того, Агнивешьяна, кто на относящийся к дхарме [т. е. прин-

⁴ См.: [Васильев В.]. История буддизма в Индии, сочинение Даранаты. Пер. с тибетского В. Васильева. СПб., 1869.

ципиальный. — А. П.] вопрос Татхагаты до трех раз подряд не ответит, тут же голова на сто частей расколется“. И в это время вадждерожджающий якша с железной ваджрой в руке, горящей, раскаленной, пылающей, явился в воздухе над Саччакой, сыном нигантхов: „Если этот Саччака, сын нигантхов, до трех раз подряд на относящийся к дхарме вопрос Татхагаты не ответит, тут же голову ему на сто частей расколую!“ А видели этого вадждерожджающего якшу только Блаженный и Саччака, сын нигантхов. И вот Саччака, сын нигантхов, уstraшенный, потрясенный, с волосами, вставшими дыбом, ища защиты у Блаженного, ища спасения у Блаженного, ища прибежища у Блаженного, сказал: „Пусть спрашивает меня почтенный Го-тама, я отвечу“».

4. Относительная независимость спора как специального умения породила фигуру спорщика ради спора, т. е. владеющего техникой диспута и умеющего опровергать тезис оппонента, но не имеющего никаких собственных положительных убеждений интеллектуала. Пожалуй, только к такому спорщику и применимо для древнеиндийской культуры слово «интеллектуал», предполагающее разрыв духовного и рассудочного. Именно таков Милинда, каким он рисуется в кн. I ВМ. Он назван *vetandī*, т. е. «спорщик-дуэлянт»; отмечается, что он был «неодолимым, непобедимым спорщиком» (*vādī durāsado duppasaho*). Царь — «любитель заводить споры и охотник вступать в диспуты с рассуждателями (*lokāyata-*), возражателями (*vetandī-*) и им подобными людьми». В палийском варианте кн. I перечисляются известные царю «науки», но нигде нет упоминания об исповедуемом им учении; в споре с Аюпалой он не выдвигает никакого своего тезиса, но уличает тхеру в непоследовательности; так же пытается он поступить, беседуя с Нагасеной, приравнявшись к первой же реплике оппонента. Показательны слова кн. I: «В то время в городе Сагале уже двенадцать лет не было ученых... Узнав, что где-то живет ученый шраман, брахман или мирянин, царь отправлялся к нему и задавал ему вопрос, но никто не мог угодить царю и ответить на его вопросы. Люди уходили куда глаза глядят, а те, кто не уходил на чужбину, сидели все и молчали. Монахи же по большей части уходили в Гималаи». Оказывается, что завзятый спорщик представляет не меньшую опасность для думающей части общества, чем искусный и задиристый дуэлянт XVI в., который хуже разбойника. От разбойника в конце концов можно откупиться, но дуэлянту нужна победа. Так же и умелый спорщик, исповедующий какое-либо положительное учение, не представлял бы общественной опасности, но просто увеличил бы своей деятельностью число приверженцев своего учения, немало примеров этому можно найти в «Истории буддизма в Индии» Таранатхи. Активность же царя — ниспровергателя учений изображается и

в палийской и в китайской версиях кн. I ВМ как своего рода стихийное бедствие культуры, а Нагасена выступает едва ли не спасителем духовной жизни от хаоса, для чего палийская версия находит нужным даже свести героя с небес.

Существование такого паразитического культурного явления, как беспринципный спорщик, свидетельствует о развитости, обособленности спора как социального института. Понятно, что подобный спор никак не принадлежит в отличие от сократического диалога к тем, в которых рождается истина. Рождается в нем только победа. Но истина не рождается и в беседе учителя с учеником, как и в простом расспрашивании любопытствующего. Стало быть, не диалог, не беседа есть тот вид духовной деятельности в древней Индии, в котором появляется новое философское знание и понимание. Но из этого следует, что и текст ВМ, поскольку он написан в диалогической форме, не мог быть исторически первым источником, вводящим новое философское содержание, и если оно в нем — сравнительно с более ранней литературой — обнаруживается, то нужно предполагать существование иной, недиалогической по форме литературы, до нас не дошедшей, в которой оно впервые было изложено. Данное положение будет конкретизировано ниже, при рассмотрении кн. II ВМ.

Для уяснения правил древнеиндийского диспута и большей легкости постановки вопроса о ситуации ему противоположной рассмотрим более подробно свидетельства канонических текстов.

Многие пассажи заставляют предположить, что спор часто ограничивался обсуждением одного-единственного тезиса, не обязательно принципиального для содержания учения. По-видимому, ограничение спора одним тезисом было набирающей силу тенденцией. В диалогах ранних упанишад (см.: Чхандогья V.3—7 или Брихадараньяка III) встречаются еще серии следующих один за другим и непосредственно логически не связанных между собой вопросов. В *Суттапитаке* такая ситуация почти не встречается. Ср., например, следующие эпизоды.

1. В «Сутре об Абхае» (М 58) нигантхи подговаривают Абхаю, возможно своего мирского последователя, «уязвить шрамана Готаму в споре», чтобы прославиться самому: «Ведь будут говорить, что молодой кшатрий Абхая столь мощного, столь могучего шрамана Готаму в споре уязвил». Предлагаемый способ «уязвления» таков: спросить у Будды, произносит ли он такие высказывания, которые другим людям неприятны и не по нраву. Если он ответит утвердительно, то далее спросить: «А в чем же тогда твое отличие от обывателя?»; если же ответит отрицательно, то сказать: «А как же ты тогда, почтенный, сказал о Девадатте, что его удел — ад, преисподняя, что он там целую кальпу находиться будет и что он неизлечим [от послед-

ствий своего злодейства]? Ведь Девадатта на это рассердился и был недоволен». Поддавшись подстрекательству, Абхая задает Будде вопрос, но тот говорит, что однозначного ответа быть не может. Абхая тотчас же восклицает: «Вот и пропали нигантхи, почтенный», т. е. уязвление не удалось, в заочном споре они потерпели поражение. В ходе дальнейшей беседы Будда разъясняет Абхое, каковы и от чего зависят варианты ответов, и Абхая признает себя мирским последователем Будды — после обсуждения единственного и маловажного вопроса.

2. В «Сутре об Упали» (М 56) рассказано, как Упали, впоследствии видный сподвижник Будды, а тогда еще последователь джайнов, перешел в буддизм. Джайн по имени Дигхатапасси встретился с Буддой и обменялся с ним мнениями о том, какое из трех *деяний* (камма, в буддийской терминологии), или *кар* (daṇḍa, в терминологии нигантхов), более весомо своими последствиями: телесное, словесное или «умное» (внутрипсихическое). Джайн утверждал, что это — телесное деяние, а Будда — что это деяние психическое. Спорить и переубеждать друг друга они не стали, расспросили и на том расстались. (Таким образом, здесь мы имеем вариант осведомительной беседы.) Затем Дигхатапасси, явившись к своему учителю — нигантхе, сыну Наты, пересказал тому в присутствии Упали содержание беседы. Упали высказывает желание пойти к «шраману Готама» и его переспорить. Дигхатапасси пытается предостеречь его и нигантха, сына Наты, заявляя, что «шраман Готама — колдун, знает завлекающее колдовство, которым он завлекает к себе учеников других учителей». Однако сын Наты уверен в Упали, как в себе самом (это очень важный момент; глава учения сам свидетельствует о зрелости своего последователя, что и позволяет тому вступать в спор). Встретившись с Буддой, Упали беседует с ним о сравнительной весомости деяния и весьма быстро убеждается в правоте Будды. В результате Упали провозглашает, что он вполне удостоверился и становится последователем Будды, что Будду не удивляет (не слишком ли просто и быстро?). Будда лишь советует ему поступать обдуманно и в любом случае не оставлять свою помощь и нигантхов.

3. Пространная «Сутра о Паясии» (Д XXIII) излагает диалог между вольнодумцем Паясием, не признававшим «того света и богов», и тхерой Кумаракашьяпой. Поскольку, как замечает тхера, воззрения Паясия неслыханны, не согласуются с общепринятым, бремя обоснования лежит на нем. В ходе беседы тхера отклоняет все фактические аргументы Паясия, интерпретируя их так, что всякая убедительность пропадает. В заключение Паясий признает себя мирянином-буддистом, хотя ничего специфически буддийского не обсуждалось.

4. В «Сутре вопросов Шакры» (Д XXI) Шакра беседует с

Буддой в позиции ученика; он задает, формально говоря, несколько вопросов, но по смыслу они суть моменты развития одной и той же темы. Вопросы ученика может быть немало, однако они, как правило, диктуются содержательной логикой и, судя по данным текстов, очень редко бывают не связаны между собой (примером бессвязности может служить гл. 7 в кн. II ВМ.)

5. В самих ВМ также имеется пример феноменально быстрой победы в споре, тотчас приводящей к принятию буддизма. Перед началом беседы второго дня Анантакая, провожая Нагасену во дворец, спрашивает походя его о том, что же такое «Нагасена»; вероятно, он плохо понял смысл предшествующей дискуссии царя с тхерой. Нагасена сначала осведомляется о собственном мнении Анантакаи, с легкостью разбивает его и вынуждает Анантакаю признать, что «с таким диспутантом он беседовать не в состоянии». Нагасена сообщает правильное решение согласно абхидхарме — и вот Анантакая уже буддист. Представить себе обращение в новое мировоззрение так просто, после столь незначительного обмена репликами так же трудно, как счесть приближенного царя, надо думать человека образованного и неглупого, восторженно-покладистым простаком. На наш взгляд, приведенные примеры убедительно свидетельствуют, что принятие в данной ситуации нового учения обусловлено не психологическими особенностями личностей, не субъективно, а отражает одну из норм общественного института диспута.

6. Изложение обстоятельств диспута сохранилось в вводной части комментария к «Малой калингской джатаке» (№ 301). Она ценна и как источник другого литературного жанра по сравнению с сутрами, и как более поздний текст. Четыре дочери получили в наследство от ученых родителей 1000 тезисов для диспута и наказ: если в диспуте их победит мирянин, то выйти за него замуж, если монах — вступить в его общину. Они встречаются с Шарипутрой и беседуют с ним. Справившись с тысячей тезисов, Шарипутра просит позволения и самому кое-что спросить; ответа он не получает, разъясняет сам и узнает тут же от девиц-оппонентов, что они должны теперь принять буддийское монашество. Итак, единственный вопрос Шарипутры принес ему победу.

7. В более позднюю эпоху развитой систематической философии тенденция сводить противоборство систем-учений к одному положению сохранялась и получила логическую разработку. Так, принадлежащий Чандракирти «Комментарий в ясных словах» на «Основоположения мадхьямики» Нагарджуны заключает в себе обзор и опровержение философской пригодности почти всех основных понятий хинаянской философии того времени; это обширный и сложнейший текст. Но формально он органи-

зован как цепной *modus tollens* с единственным начальным тезисом. В первой главе излагается взгляд мадхьямиков. Вторая начинается с возражения оппонента по схеме: «Вы утверждаете, что А. Но из А следует Б, а Б неверно. Стало быть, не А». Мадхьямик доказывает верность Б; в третьей главе оппонент выдвигает тезис В, следующий из Б и не являющийся, по его мнению, истинным, и т. д. Обзорные средневековые сочинения по философии построены сходным образом. Множество учений упорядочивается автором по признаку близости к его собственным убеждениям (последняя глава посвящена бывает исповедуемому им учению), затем учение А опровергается учением Б, это последнее — учением В и т. п.

Организация диспута в виде цепочки логически связанных отношениями следования тезисов является внешней и неадекватной, но все же попыткой устранить противоречие между многообразием доктринального содержания и равнодушной к этому содержанию односторонне рассудочной и эристической формалистикой спора. В эпоху, отраженную в канонических текстах и в ВМ, нет даже и этой попытки, разрыв между спором и учениями самими по себе максимален. Спор оказывается границей учений, отражением их взаимной чуждости и малой соизмеримости. Но поскольку логически связанное изложение используется в рассматриваемую эпоху почти исключительно в споре (как и в средневековые, оно литературно оформляется в виде текста, моделирующего спор), а требование такого изложения от философии закономерно, то эта взаимная чуждость есть столько же и несовершенство формы самой философии, ее внутренний недостаток. Содержательно философия богата и разработана, а отсутствие способа ее дискурсивного изложения воспринимается не как ее недостаток, но как порок дискурсивной формы. Так, в Каноне не раз утверждается, что учение Будды (=дхарма) «недоступно рассуждению» (*atakkāvacago*) и «понимается умными людьми интрасубъективно» (*pacattam veditabbam vipbūhi*). Дискурсивность есть форма интеллектуальной всеобщности, и неподатливость содержательного ядра учения дискурсивному изложению есть поэтому отрицательное выражение невсеобщности содержания и непредназначенности его для всех (естественно, не буквально для всех, а для интеллектуально способных понять его). Учение во всем его богатстве адресовано к «слушателям-ученикам» (*sāvako*): в Каноне термин употребляется не только в значении «ученики Будды», но вообще «ученики главы религиозно-философского направления, принимающие соответствующую диалогическую позицию и волевую установку». Важные блоки учения никогда не излагаются первому встречному, нужно еще заслужить, быть достойным и готовым, чтобы их услышать. Так, «арийские истины» Будда «возвещает» не раньше, чем удостоверится в психиче-

ской готовности слушателей их воспринять, и предваряет их проповедью о духовно-нравственной пользе щедрости, о необходимости блюсти обеты и пр.

Положение ученика считается плохо совместимым с занятиями спорщиков, склонность к диспутам осуждается (как разжигающая страсти и как мешающая продвижению в дхарме безотносительно к психологически дурному воздействию на спорщика): в каноническом клише (см., например, М 104), монахам-буддистам ставится в заслугу, что они не погрязают в спорах, описываемых такими словами: «Не понимаешь ты до конца эту дхарму и устав, а я понимаю до конца эту дхарму и устав. Где тебе понять до конца эту дхарму и устав? Ты на ложном пути, я на правильном пути. У меня связно, у тебя бессвязно. Что вначале сказать надо было, ты потом сказал, что потом сказать надо было, вначале сказал. Непродуманно у тебя, непоследовательно. Твое утверждение оспорено. Ты уличен [в противоречии]. Ступай подумай, как будешь выпутываться, а если можешь, то обороняйся [прямо на месте]».

Предшествующее изложение дало общую картину спора; из более конкретных черт его упомянута только тенденция к обсуждению единственного тезиса. Детальное же рассмотрение техники спора, его логической формы связано с анализом функции повторов; кроме того, логическая форма спора в существенном совпадает с таковой беседы ученика с учителем (различие между ними — в целях и установках), она является всеобщей дискурсивной формой, ранним вариантом индийского силлогизма.

СИЛЛОГИСТИЧЕСКАЯ ФОРМА ИЗЛОЖЕНИЯ В БУДДИЙСКОМ КАНОНЕ И В ВМ, ОБЪЯСНЕНИЕ И ОПОВЕРЖЕНИЕ КАК ДВЕ ЕЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Силлогизм как предмет рассмотрения появляется в индийской философии впервые в *Ньяясутрах* в виде «пятичленного высказывания» (pañcāvayāva vākya), осознанного этой школой впоследствии, под влиянием реформы Дигнаги, как словесное выражение «вывода-для-другого». Иллюстрирующий пример такого силлогизма сохранился без изменений до конца средневековья: 1) «[Эта] гора [есть] место огня». 2) «Ибо [она есть] место дыма». 3) «Где дым, там и огонь, как в очаге». 4) «Но эта [гора есть] место дыма». 5) «Поэтому [эта] гора [есть] место огня». Обращает на себя внимание симметричность композиции «пятеричного высказывания». Центральный член заключает в себе второй, решающий аргумент, который не всегда обязателен (так, он отсутствует в форме «вывода-для-себя») и

вводится явно в случае, если адресат — «другой», к которому обращен вывод, — не знает, не желает знать или не помнит, что, где дым, там и огонь. Относительно третьего члена второй и четвертый, первый и последний симметричны и либо и содержательно и формально, либо только содержательно тождественны. Различия между членами этих двух пар суть различия в их отношении к рассудку субъекта — адресата вывода. Вывод начинается некоторым тезисом, не являющимся содержанием сознания адресата. Адресат нуждается в понимании тезиса. Мы будем намеренно говорить пока именно о понимании, а не о доказательстве, ибо понятие доказательства неочевидно и требует при исследовании индийского силлогизма и его сопоставлении с европейскими аналогами уточнения и обоснования. Однако понимание есть снятие опосредованности знаком, иными словами, адресат нуждается в указании связи между высказанным тезисом и известным ему положением дел в мире. Первый этап этого указания и опосредования содержится во втором члене — основании. Но если основания недостаточно, если для адресата неясно, почему и как указанное как основание действительно есть основание, то дается вторичное опосредование, а именно разъяснение основания в своем качестве быть основанием. Это осуществляется приведением известного адресату положения дел, чем и является «пример» (*udāharaṇam*). На стадии проведения «вывода-для-другого», зафиксированной в примере, объясняющий и адресат достигли точки согласия, понимания одного и того же. Последующие члены силлогизма снимают проведенное опосредование и приводят сознание адресата относительно объясняемого содержания к форме непосредственности как снятой опосредованности, т. е. к той форме, в какой это содержание присутствует в сознании доказывающего уже до начала процесса объяснения. Таким образом, «пятичленное высказывание» в отличие от описываемых в аристотелевских «Аналитиках» силлогизмов гораздо отчетливее в своей структуре проявляет себя как организованный процесс получения нового знания, однако с существенной оговоркой: это получение нового знания другим человеком, процесс совместной мыслительно-языковой деятельности, служащий облегчению воспроизведения одним сознанием знания, уже имеющегося в ином сознании.

Впрочем, рассмотрение членов силлогизма, данное здесь, почти не опирается на текст *Ньяясутр* или других ранних произведений этой школы. Указания этих текстов кратки; обсуждение реального процесса воспроизведения нового знания, как оно нами представлено, имеется лишь в поздних памятниках ньяи, например в Таркасанграхе. Догадаться о таком гносеологическом значении силлогизма, исходя лишь из ранних текстов, было бы нелегко. Их авторы не были озабочены тем, чтобы

раздельно описать содержание сознания каждого из собеседников и ступени изменения их — все это не занимает авторов трактатов по ньяе. Предложенное же истолкование опирается на ранние формы диалогического философского общения, представленные в текстах буддийского Канона и в «Вопросах Милинды». Поданное в монологической форме «пятичленное высказывание» (в *Ньяясутрах* его диалогическая природа вообще не замечается, а позднее благодаря Дигнаге признается, о чем свидетельствует сам термин «вывод-для-другого», но наличие одного лишь термина является малой опорой для выведения всех принципиальных следствий) есть конденсация в монологе типичной формы диалога, в котором происходит объяснение либо опровержение тезиса. Кн. II ВМ состоит почти сплошь из таких силлогизмов, распределенных в виде реплик между собеседниками. В диалоге познавательная роль их обнажена и очевидна. Ср., например, кн. II, гл. 1: 1а (*вопрос, ведущий к формулированию тезиса, т. е. первого члена силлогизма*). Царь молвил: «Почтенный Нагасена, каково свойство мудрости?» — 1б (*тезис*). «...освещать — свойство мудрости» — 2а (*требование указать основание*). «Каким образом, почтенный, свойство мудрости — освещать?» — 2б (*формулировка основания, hetu, т. е. второго члена силлогизма*). «Когда возникает мудрость, государь, она рассеивает потемки неведения, порождает свет ведения, проливает сияние знания, освещает арийские истины, и тогда подвизающийся видит истинной мудростью: [всё это] бrenно, тяжело, без самости.» — 3а (*требование опосредовать отношение основания и наличного бытия уподоблением*). «Приведи пример» (ораммап, а не udāharaṇaṃ; термин обсуждается ниже). — 3б (*приведение примера, т. е. третий член силлогизма*). «Представь, государь, что в темный дом внесли светильник. Внесенный светильник рассеет потемки, породит свет, прольет сияние, осветит очертания предметов. (Далее без встречных реплик царя Нагасена продолжает до конца. Реплики царя излишни, поскольку он и тхера пришли к общему содержанию, к единомыслию в рамках данного объяснения и, стало быть, неважно, кто дальше говорит. Нагасена приводит царя к непосредственному, т. е. уверенному, твердому, само собою разумеющемуся принятию исходной формулировки.) 4 (*подведение, upaṇaya*). Вот точно так же, государь, когда возникает мудрость, она рассеивает потемки неведения, порождает свет ведения, проливает сияние знания, освещает арийские истины, и тогда подвизающийся видит истинной мудростью: [всё это] бrenно, тяжело, без самости.» — 5 (*заключение, piṅgaṇa, т. е. последний член силлогизма*). Вот так, государь, свойство мудрости — освещать».

Для наглядности представим в диалогической форме и стандартный пример найяиков с горою: 1. «На этой горе есть

огонь». — 2а. «Каким образом это можно узнать?» — 2б. «Потому что на ней виден дым». — 3а. «Но каким образом то, что на ней дым, означает, что на ней и огонь? Поясни, пожалуйста». — 3б. «Но ведь где дым, там и огонь, как в очаге на кухне, что не раз ты сам наблюдал. 4. А здесь тоже дым. 5. Поэтому здесь есть и огонь».

Обнаруженное происхождение силлогизма из диалога есть интересное и важное подтверждение общего положения о происхождении дискурсивного мышления как внутренней речи и способности единичного субъекта из интериоризации внешней речи и процессов совместной мыслительно-речевой деятельности. Для диалектики это доказано на материале западной философии. Диалектика в современном, т. е. послегегелевском, смысле возникла благодаря внесению внутрь единого теоретического субъекта разных позиций мысли, теоретического разноречия (*δια-λεκτική*), первоначально распределенного между реально разными субъектами, как в античном понимании диалектики. Но для недиалектической логики материал западной философии не дает подобных данных: происхождение аристотелевского силлогизма из распределенных между участниками дискуссии реплик тщательно заделано и глубоко скрыто изложением. «Аналитик». Индийская философия позволяет проследить становление и недиалектической логики из дискуссии. Само мышление оказывается результатом снятия внешней опосредованности со стороны другого сознания и благодаря этому в своем понятии снимает различие случайного, индивидуального в психическом действии и становится конкретно-всеобщим.

Обнаружение силлогистической формы, лежащей в основании бесед в ВМ, прежде всего в кн. II, решает в основном вопрос функции повторов. Надлежит еще пояснить назначение их в кн. III, в начале формулировок тезисов Милиндой и в повторении их Нагасеной. По-видимому, здесь назначение повторов более практически обусловленное, они служат предохранителем против возможных попыток путем перефразирования и легкого изменения формулировки подменить тезис. Крайняя лингвистическая изошренность спорщиков, аналогичных греческим софистам, опиралась на достижения древнеиндийской грамматической науки. Она делала такую опасность вполне реальной. Вот некоторые свидетельства из ВМ: в беседе о колеснице царь использует синтаксическую неоднозначность выражения «Я? Семь лет» (в подлиннике *sattavasso'ham*, что, рассуждая формально, может быть понято двояко: либо «я емь семь лет», либо «ко мне относятся семь лет»); в кн. II, гл. 6, умозаключение царя основывается на этимологии слова *brahmapasāgi*. Буквальное повторение тезиса представляется лингвистическим соответствием логического закона тождества, что тем более естественно при углубленном интересе индийцев к проб-

лемам взаимоотношения слова и смысла, к философской семантике.

Проделанный анализ силлогизма велся в психологических или нейтральных терминах, без использования понятия доказательства. Это может вызвать сомнение в том, относится ли такой «силлогизм» к сфере логического, либо вызвать упрек в психологизации логики. К рассмотрению данной проблемы мы теперь и обратимся. Приведенный из ВМ пример силлогизма-диалога взят из контекста беседы ученика и учителя, в форме которой протекает вся дискуссия кн. II после того, как попытка Милинды заняться спором привела к его поражению и он, согласно принятым нормам, стал в позицию ученика. Познавательное назначение силлогизма в такой беседе есть объяснение, приведение собеседника к пониманию. Но понимание есть постижение смысла (разумеется, не первичного элементарного слоя смысла, сводящегося к общезыковому смыслу, а следующего за ним содержания мысли). Это понимание есть отдельный этап, самостоятельная ступень освоения мысли, или, более определенно, некоторого фрагмента учения, и прохождение его должно предшествовать постановке вопроса об отношении мысли к ее объекту, т. е. вопроса об истинности. Вопрос же о связности и непротиворечивости излагаемого в кн. II ВМ может возникнуть только изредка. Понятно, что, пока излагаются и поясняются отдельные дхармы, он вообще неуместен: нечто простое и самотождественное противоречивым быть не может. Когда же заходит речь о совместной функции дхарм в течении какого-то целостного процесса, то возможность непротиворечиво помыслить взаимодействие дхарм решается вполне удовлетворительно примером; что же касается того, действительно ли противоречия нет, то это решается отчасти при освоении содержания систематических текстов абхидхармы, а окончательно, конечно, лишь в йогической практике. Ведь тогда человек на самом себе проверяет и в самом себе узнает функционирование этих дхарм. Эта же практика решает вопрос и об истинности учения. Таким образом, в силу специфичности предмета буддизма доказательство в процессе освоения доктрины оказывается маловажным, даже излишним. Так же, как в буддизме, должно было обстоять дело и у джайнов, и в брахманистской системе йоги, ибо предмет этих учений один и тот же; в принципе не отличалось и положение в грамматической теории, поскольку правильные языковые формы известны непосредственно и до науки и могут быть предъявлены.

Итак, древнеиндийская философско-религиозная система, несмотря на большую долю чисто понятийного, т. е. философского, не религиозного, содержания, первоначально могла существовать без понятия и практики строго логического доказательства в привычном смысле, но с использованием силлогиз-

ма как абстрагированной от случайного и единично-субъективной формы порождения в сознании нового содержания с помощью упорядоченного употребления слов. На наш взгляд, это есть логика, хотя и не «формальная». Кант определял трансцендентальную логику в отличие от формальной как логику, которая хотя и отвлекается от любого объекта, но сохраняет в себе понятие о том, что у нее вообще есть объект. Подобно этому выявленную форму логики можно определить как такую, которая отвлекается от всякого конкретного субъекта, от реального индивида, но сохраняет в себе понятие о том, что она направлена к субъекту вообще. По сравнению с нею логика обеих аристотелевских «Аналитик» отвлекается и от субъекта вовсе, оказываясь логикой неизвестно для кого. В онтологии такая позиция побуждает к конструированию универсального субъекта, т. е. философского бога.

В ситуации диспута использовалась, по данным текстов, та же форма пятичленного силлогизма, но в отличие от беседы ученика и учителя она использовалась как орудие опровержения тезиса оппонента. Характернейшей чертой опровержения (не следует путать этот термин с «доказательством противного») в споре является приведение противника к противоречию с самим собою, а не выведение из его тезиса согласно принятым правилам какого-либо положения, ложного «самого по себе», безотносительно к воззрениям участника. Вполне возможно, что из тезиса одного из диспутантов другой выводил положение, с которым он сам был бы согласен, но которое не устраивало выдвигавшего тезис⁵. Такой оборот дела считался бы полноценной победой, тем более что действительное отношение опровергающего к высказываниям оппонента и не важно — это факт мнения, а не оспариваемые высказывания. Значит, в споре применение силлогизма также не сопровождается представлением об истинности или ложности либо противоречивости некоторого множества высказываний самого по себе без связи с совершенно неопределенным, но подразумеваемым субъектом. Самое меньшее, что можно сказать о единичном субъекте, являющемся адресатом логически организованного высказывания, есть определение того, как он как совершенно абстрактный носитель разума относится к высказыванию: либо он его понимает, либо нет; в первом случае либо согласен, либо нет. (Заметим, что эта классификация еще не вывела нас во внелогическую область психологии.) Если он понимает и согласен, то применение логики излишне, ибо цель, к которой она стремится, уже налицо; если не согласен, то требуется применением логики уничтожить его несогласие, опровергнуть неприя-

⁵ В «Сутре о Паясии» Кумаракашьяпа опровергает довод Паясия, использующего термин *джива* («душа»), неприемлемый для тхеры, с помощью этого же термина.

тие; а если не понимает, то требуется объяснить. Итак, индийский силлогизм есть всеобщая форма освоения сознанием содержания мысли, имеющая два варианта — опровержение и объяснение. Конкретная мысль, осваиваемая адресатом силлогизма в этих двух типовых случаях, несколько разнится: непонимающий осваивает новую мысль как свою; несогласный убеждается в ложности своего мышления о некоторой мысли как ложной, благодаря чему она становится также его мыслью.

После рассмотрения вывода-для-другого вернемся к осмыслению европейского логического понятия доказательства и попробуем выяснить соотношение его с индийскими типами применения логики. Понятие доказательства, появившееся в науке впервые в трудах греческих математиков, а в философии — в «Органоне» Аристотеля, было разработано прежде всего на материале геометрии, где оно означает сделанный согласно правилам вывод из безусловно истинных, очевидных положений (аксиом), а потому обладающий аподиктической достоверностью. Сходным образом определяет доказательство и Аристотель: «Силлогистическая посылка есть вообще утверждение или отрицание чего-то относительно чего-то по указанному способу; и доказывающей она будет, если она истинна и получена из первых [положений]»⁶. В Индии не было науки геометрии, а индийский коррелят геометрии как конкретной науки, выполнявшей роль эталона научного познания, т. е. грамматика, не требовал понятия доказательства, ибо имел дело с объектом, исчерпывающе известным каждому, доступным непосредственной «опытной» проверке. Значит, научная база для формирования понятия доказательства отсутствовала. Философское же понятие доказательства, начиная с Аристотеля, неявно расширяет сферу «очевидных и истинных первых положений», вернее, опирается на их существование, не занимаясь специально вопросом о том, каковы же они помимо чисто математических утверждений. Сложность этой проблемы иллюстрируется неудачей, постигшей Декарта в его попытке конкретизировать их и явно назвать первые самоочевидные положения. В практике индийского философствования не было самого соблазна постулировать философские, а не просто обыденные, общепризнанные первоположения. Хотя в *Ньяясутрах* и есть термин для тезиса, признаваемого всеми системами, В. Рубен замечает, что неизвестно, существует ли таковой вообще, ибо ни одного примера найти не удастся⁷. Понятие доказательства, как оно исторически функционировало в европейской философии, несовместимо с обнаруженным индийским воззрением на логику как имеющую некоторого неопределенного адресата, но прин-

⁶ «Первая аналитика», кн. I, гл. 1, 24а.

⁷ Die Nyāyasūtras. Text, Übersetzung, Erläuterung und Glossar von W. Ruben. Lpz., 1928, с. 10.

ципиально небезадресатную. С индийской точки зрения «доказательство» есть нечто противоречивое — это некоторое истинное логическое выведение из первоначал, сделанное «никем ни для кого», но тогда оно и не имеет ни к какому реальному субъекту отношения, его можно с чистой совестью предоставить самому себе. В особенности верно это для буддийской философии, не признающей атмана. В брахманистских системах высший атман легко может быть связан с доказательством — можно толковать доказательство как мышление высшего атмана, обладающего всеведением, и потому истинное. В буддизме же понятие доказательства в указанном строгом смысле не имеет никакой онтологической опоры. Если приведенные соображения верны, то разумно было бы считать, что в разработке силлогизма из пяти частей, ранняя история которого до *Ньяясутры* еще мало изучена, буддисты сыграли существенную роль.

ФУНКЦИЯ «ПРИМЕРА» В СОСТАВЕ СИЛЛОГИЗМА И МЕРА ЕГО УБЕДИТЕЛЬНОСТИ

Силлогизм как классическое «пятичленное высказывание» *ньяя* и силлогизм, используемый в ВМ, несмотря на структурное сходство и тождество в том отношении, что оба они принадлежат к адресатной, или неопределенно-субъектной, логике, существенно различны в своем третьем члене. Это может вызвать подозрение в некорректности их совместного рассмотрения. Необходимо, стало быть, более отчетливо сформулировать и свести воедино их сходства и различия и по возможности удостовериться в том, что первые существеннее.

Третий член силлогизма в ВМ называется *опамма* (उपमा — «сравнение», т. е. этимологически «относящееся к сравнению», а по закрепленному словоупотреблению «прием в беседе, сводящийся к применению сравнений»). Само слово *опамма* в Каноне не встречается, употребительно только *упама*, хотя практика использования сравнений довольно близко напоминает ВМ. Впервые *опамма* появляется в ВМ и в колофонах к *Катхаваттху*, относящихся, вероятно, к более позднему времени, чем кн. II ВМ. Таким образом, ВМ знаменуют ступень в осознании *опаммы* как логического приема, получающего терминологическое выражение. Сравнения-*упама* в Каноне принадлежат к числу излюбленных средств объяснения и опровержения. Использование их в объяснениях сравнительно редко включает их в рамки пятичленного высказывания в качестве третьего члена; это объясняется ситуацией проповеди. Обычно сравнения используются в монологической проповеди. Сначала, как правило, излагается само сравнение, наглядная картинка, иной раз весьма разработанная, а затем производится система-

тическое сопоставление-отождествление элементов сравнения со сравниваемым доктринальным содержанием. Так, рассказывается о бегстве человека и спасении его от преследователей, о том, как он попадает в пустую деревню, как там на него набрасывается шесть разбойников и пр. Затем сообщается, что пустая деревня — это органы чувств, разбойники — объекты этих чувств и т. д.; весь образ в целом оказывается иносказанием буддийского духовного пути. Если бы этот же материал излагался диалогически, с активным участием расспрашивающего ученика, то получилась бы пятичленная схема: вначале либо ученик бы спросил о существенных элементах духовной практики и об опасностях на ее пути, либо соответствующие понятия ввел бы учитель, потом последовал бы вопрос о том, каким образом функционируют названные дхармы, и разъяснение; была бы высказана просьба проиллюстрировать его сравнением и пр.

Не менее часто и использование сравнений в споре; из всего канонического материала здесь выделяется изощренностью и продуманностью сравнений «Сутра о Паясии» (Д XXIII), на примере которой целесообразно проанализировать силлогическое их использование в литературе, предшествующей ВМ. Паясий полагает, что «того света нет» (*natthi pagaloko*), и приводит по просьбе дискутирующего с ним тхеры Кумаракашьяпы ряд обоснований. Вот одно из них: у меня, говорит Паясий, среди знакомых попадают негодяи. Когда я узнаю, что кто-то из них опасно заболел и вряд ли поправится, я иду к нему и говорю: «Любезный! Если верно все то, что утверждают о том свете шраманы и брахманы, то ты, несомненно, попадешь в ад. Я сомневаюсь в том, что он существует. Сделай милость, если ты в самом деле попадешь в ад, то зайди ко мне ненадолго или пошли ко мне из ада вестника, чтобы я удостоверился: да, действительно, ад есть, все верно». Негодяй обещает мне помочь, но после смерти ни сам не приходит, ни вестника не посылает. Вот я и полагаю, что нет того света. В ответ Кумаракашьяпа предлагает следующее сравнение: представь, говорит он, что к тебе привели лютого разбойника и ты приговорил его к смертной казни. Палачи выводят его из города и тащат к лобному месту. И тут разбойник вдруг говорит: «Уважаемые! Здесь рядом находится моя родная деревня. Позвольте мне ненадолго отлучиться, с родными попрощаться, а уж потом меня казните!» Разве отпустят палачи разбойника прощаться? Не вернее ли будет считать, что, несмотря на его мольбы, палачи немедленно его казнят? Паясий с этим согласен. Вот точно так же, заключает Кумаракашьяпа, крошечники не отпустят негодяя из ада, несмотря на его мольбы, и вестника ему не найти, потому никто к тебе и не приходит. В чем, несмотря на все остроумие, неокончателность объяснения та-

кого типа? Прежде всего, конечно, в невозможности никакой объективной проверки, но это не относится к логике. Логически же здесь не обосновано само сравнение: Кумаракашьяпа предложил две подобные друг другу ситуации (безотносительно к тому, действительны ли они или только возможны!), но ни из чего не следует, что при более пристальном рассмотрении обеих ситуаций подобие их в существенном для спора отношении сохранится, что придуманная тхерой картина не может быть развита тут же его оппонентом и применена против него самого. Недостаточно по этому поводу просто сказать, что всякое сравнение хромает. Ведь по замыслу «сравнения» Кумаракашьяпы представляют собой развернутые картины с детальным соотносением двух ситуаций (приведенный пример — один из простейших), т. е. попытки создать модель обсуждаемой ситуации и ввести изоморфизм двух объектов мысли. Но изоморфизм должен опираться на исчерпывающее соответствие одной ситуации другой, когда каждому простейшему, далее неразложимому элементу одной ситуации соответствует нечто в модели. Именно этот решающий шаг и делается Нагасеной в кн. II ВМ, что превращает «сравнения» в полноценные модели, логически совершенно корректные и нуждающиеся только в последующей проверке на содержательную истинность. В самом деле, рассмотрим завершающее гл. I кн. II сравнение пяти благих дхарм — веры, усилия, памятования, сосредоточения, мудрости — с четырехчастным войском царя. «Все рода войска — слоны, конница, колесницы, пехота, будучи различными, содействуют достижению одной цели — разгрому вражеского войска в сражении. Вот точно так же, государь, и все эти дхармы, будучи различными, содействуют достижению одной цели: все они уничтожают аффекты». Сравнение вполне можно расширить и углубить, сопоставив, например, части вражеского войска с разными аффектами или вспомнив, что выше сосредоточение определялось свойством главенства и сопоставлялось с царем; но какие-либо отклонения сравнения исключены. Ведь гипотетическое возражение такого рода: «Но ведь бывает, что войско струсит, или изменит царю, или очень устанет, поэтому не возможно ли, что и данные дхармы не приведут к единой цели? Или, как возможно соперничество между колесничими и пехотой, так и вера и мудрость начнут мешать друг другу» — можно основательно парировать: «Конечно, войско может и дрогнуть, и струсить, и распасться, но на то оно и нечто сложное, имеющее много потенциальных качеств и свойств. Однако каждая из перечисленных дхарм по определению сводится к качественно определенному простому самодействию, и, стало быть, к дхармам сопоставление с дурным войском неприменимо». Итак, шаг, сделанный в ВМ в применении сравнений-моделей, превращает их в безукоризненный способ демонстрации

возможности непротиворечиво мыслить себе вводимые понятия как одиночно, так и в их взаимосвязях. Обыденность материала никоим образом не умаляет логической строгости и вообще не влияет на нее. ВМ есть первый из сохранившихся текстов, в котором вводится метод моделирования абхидхармы по частям. В дальнейшем этот метод значительно усовершенствуется в комментариях на каноническую абхидхарму. Приводимые там модели отличаются гораздо большей сложностью и обширностью и применены к более теоретически разработанным и изощренным разделам абхидхармистского учения.

Как правило, царь не удовлетворяется одной моделью и требует нескольких. Иной раз вводимые Нагасеной модели бывают изоморфны (так, в кн. II, гл. 4, возможность длительного пребывания обитателей ада в аду, без немедленного их уничтожения в адском пекле, иллюстрируется беременностью самцов водяных животных, сухопутных животных и беременностью женщин), но чаще они различны по структуре. Возможность неизоморфных моделей принципиально важна. Если бы все обыденные модели были изоморфны, то моделируемая теоретическая система допускала бы только одну интерпретацию и была бы не чем иным, как переформулированием обыденного опыта в иных терминах, т. е. не была бы теорией и методом достижения необыденных состояний психики. Сосуществование и использование несходных моделей проявляет несводимость теоретического мышления к повседневному. Это осознается авторами комментариев на абхидхарму. Приводя ряд моделей теоретической конструкции, они указывают, какой аспект ее моделируется каждой из них.

Следующий за ВМ шаг, усовершенствующий применение модели-сравнения в силлогизме, сделан в *Катхаваттху*. Здесь появляются модели из внутритеоретических объектов. Ср. простейший случай (КВ I.130):

«— [Верно ли, согласен ли ты, что] имеется в истинном смысле, в высшем смысле образное, имеется в истинном смысле, в высшем смысле ощущение и что ощущение — одно, а образное — другое?

— Да.

— [Согласен ли ты, что] имеется в истинном смысле, в высшем смысле личность и имеется в истинном смысле, в высшем смысле образное?

— Да.

— [И] образное — одно, а личность — другое?

— Нет, так сказать нельзя.

— Признай опровержение...»

Модели типа представленных в *Катхаваттху* дают связующее звено между ранними формами силлогизма в Каноне и ВМ и его трактовкой в *Ньяясутрах*. Здесь можно уже сформу-

лизовать: а) общее правило, входящее в формулировку третьего члена, б) признаваемый обеими сторонами пример, иллюстрирующий его, и в) подлежащий объяснению или опровержению другой частный случай того же правила примерно так:

1. Личность не имеется в истинном смысле, в высшем смысле.

2. Ибо она не отлична от отдельных дхарм, признаваемых обоими спорящими за существующие в истинном и высшем смысле.

3. Все существующие в истинном и высшем смысле дхармы взаимно различны, например ощущение и образное.

4. Но с личностью это не так: ты утверждаешь, что она не отлична, скажем, от образного.

5. Стало быть, личности в высшем и истинном смысле нет.

Силлогизм, построенный таким образом, совпадает по форме с классическим силлогизмом об «огне на горе». В таком силлогизме третий член получает наименование *udāharaṇam*, что переводится как «пример», но этимологически означает «образчик, предъявленный экземпляр из выборки». Приведение в качестве примера на общее правило этого образчика и недостаточность упоминания общего правила самого по себе связывают этот подвид силлогизма с силлогизмом, построенным на *опамме*, где эквивалентом общего правила выступает изоморфизм или — в менее строгих формах — развернутое уподобление, а частным случаем — служащая уподоблением картина. Силлогизм с *опаммой* применяется для объяснения сложных предметов, целостных ситуаций или теоретических конструкций. Эксплицитное выражение общего правила в таких случаях было бы головоломным или вовсе невозможным делом. Силлогизм же с *удахараной* уместен при строгом и корректном рассмотрении более простых случаев. Различаются они также в модальном отношении. *Опамма* в принципе убеждает только в возможности тезиса; с помощью *удахараны* же умозакljučают как о возможности, так и о действительности: это зависит от степени установленности общего правила (терминологически «распределение», *vyūpti*).

После проведенного обсуждения индийского силлогизма читатель легко убедится, что ВМ почти целиком построены как цепочка силлогизмов: иногда — широко развернутых и подробных (так, вся кн. IV представляет собою один пространный силлогизм), иногда — его неразвитых форм, близко напоминающих простые сравнения (последняя книга). Но все это варианты одной и той же структуры, единого принципа организации текста. В качестве примера разберем силлогистическую форму из кн. II, гл. 6, не опознанную до сих пор переводчиками и комментаторами и принимаемую не более чем за «игру слов».

«[Царь:] — Почтенный Нагасена, Будда — брахмачарин?»

(Слово „брахмачарин“ этимологически разлагается на *brah-ma + sāṅgī* „идуший вслед за“.)

[Нагасена:] — Да, государь, Блаженный — брахмачарин.

[Царь:] — Стало быть, почтенный Нагасена, Будда — ученик Брахмы. (Царь пропустил за очевидностью основание — эксплицитный этимологический разбор слова „брахмачарин“ и не стал также формулировать общее правило, которое, как он полагает, имеет место, а именно: состав слов, означающих реальные объекты, дает верные сведения о самих объектах.)

[Нагасена:] — Есть ли у тебя, государь, выездной слон?

[Царь:] — Да, почтенный, есть.

[Нагасена:] — Кричит ли он иногда, как журавль? (В подлиннике *koṇsaṇādaṃ padati* „кричит журавлиным криком“; в пали трубные звуки, издаваемые слонем, обычно называются этим словом.)

[Царь:] — Да, почтенный, кричит.

[Нагасена:] — Стало быть, государь, этот слон — ученик журавлей. (Если верно общее правило, подразумеваемое Милиндой, то верен и вывод и с ним надо соглашаться.)

[Царь:] — Нет, почтенный. (Этим опровержение тезиса Милинды завершено, ибо тезис привел Милинду к противоречию с самим собой. Но Нагасена не ограничивается опровержением тезиса, а показывает далее, что общее „правило“, на которое Милинда опирается, дает основание умозаключить и в противоположном смысле, т. е. вообще ненадежно, ибо ведет к противоречию: это положение, из которого вытекают несовместимые следствия.)

[Нагасена:] — Скажи, государь, имеет Брахма разум или нет? (Разум — *buddhi*, производное от причастия *buddho*, означающего, в частности, „Будда“; имеющий разум — *sabuddhiko*.)

[Царь:] — Имеет, почтенный.

[Нагасена:] — Стало быть, государь, Брахма — ученик Блаженного».

Как видно, мы здесь имеем дело не только с игрой слов, но и с вполне корректным рассуждением, примененным к словам как к объектам и опирающимся на некоторое общее правило, в данном случае оказывающееся ложным. Самоочевидные для обоих собеседников формулировки ими опускаются, но они прекрасно понимают друг друга.

В связи с анализом функций примеров уместно задаться вопросом о художественности ВМ. Непосредственное впечатление убеждает в его в целом высоких художественных достоинствах. Это проявляется прежде всего именно в сравнениях, но раз сравнения оказались частью логической формы, то и художественность их вторична по отношению к функции убеждения. В кн. II сравнения, строго говоря, нельзя назвать художественными: прозрачность, живость, наглядность, достоверность

являются качествами эстетическими, но не специфически художественными, а сравнение как «украшение» в древнеиндийской поэтике отличается от сравнений кн. II ВМ очень сильно. В кн. III местами встречаются художественно обработанные образы — описание землетрясения, муки грешников в аду; умело излагается повествовательный, почерпнутый из Канона и легендарный материал; используются и некоторые формальные принадлежности стиля «кавья» — аллитерации, ритмизованность прозы; нагнетается настроение (жалости при описании обитателей ада, отвращения при описании застарелой раны) и пр. Но в целом и в наиболее яркой по языку и стилю кн. III художественность является лишь средством — правда, мастерски примененным — отделки и расцвечивания текста, композиции и частные особенности структуры которого определяются не художественным назначением, а объяснением, популяризацией, пропагандой буддийского учения в его философской ипостаси (кн. II) и в виде более популярных форм (кн. III). Художественно отделанные пассажи занимают в обсуждении вопросов в кн. III вполне определенное место, а именно после содержательной аргументации.

О ВОЗМОЖНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ И ФУНКЦИИ МАТРИК (МАТЪ КА)

Существование института диспута проявляет большую степень замкнутости и взаимной непроницаемости религиозно-философских систем. Эта замкнутость явствует и из употребляемой ими терминологии. Как правило, большинство терминологически используемых слов означает в разных системах разные понятия, и наоборот: близкие или тождественные понятия чаще всего выражаются в различных системах неодинаково. Так, термины *самадхи*, *дхьяна*, *дхарана*, общие для буддизма и йоги Патанджали, означают в них трудно сопоставимые одно с другим понятия. Ничего общего не имеют терминологические значения слова «дхарма» в буддизме и джайнизме; синонимические пары *сампраджнята* — *савикальпа* и *асампраджнята* — *нирвикальпа* в текстах одной системы не встречаются. Правдоподобно думать, что и создавались понятия учениями в значительной мере независимо. Терминологически специализировавшиеся значения слов в разных системах могут быть связаны одно с другим не непосредственно, а возведением каждого из них к общеязыковому значению по этимологии и осмыслением метафоризации (это наиболее характерно для начального этапа индийской философии, в дальнейшем практика диспутов, по-видимому, несколько ослабила взаимную непрозрачность учений). Самое существенное общее достояние терминологии

разных систем — термины логики и диспута, обслуживающие ту сферу, в которой они и сталкивались.

Отгороженность членов одной религиозно-философской общины от прочих проявляется и в правилах монашеского поведения, и в таком характерном утверждении Нагасены (кн. III, вопрос 78), что общающийся с учителем другого толка не в силах постичь учения. Профессиональная, т. е. монашеская, принадлежность к общине влекла за собою регулирование жизни во всех аспектах, а без такого регулирования, оказывается, достичь последней цели (архатства) не то вовсе невозможно, как считали тхеравадины, не то такое достижение ведет к скорой смерти (кн. III, вопрос 62). Последователи учения получают названия, аналогичные патронимам: буддисты именуется «сынами шакьев», нигантхи — «сынами нигантха». Будда переосмысляет этноним «арья» как самоназвание основанной им общности; социальный термин «брахман» также переосмысливается как (редко употребляемый) синоним слова «архат» (ср. последнюю главу *Дхаммапады*). Вступление в общину означает разрыв всех мирских связей, в том числе родственных. Ставший монахом внук купца называет его не «дедушка», а «домохозяин», тот обращается к нему, именуя его «почтенный» (по данным джатак). Правдоподобно считать, что религиозно-философская общность, какие возникали в Индии в середине I тысячелетия до н. э., строилась по живому еще в общественном сознании образцу догосударственной кровнородственной общности и была наряду с последней, давшей много позже институт касты, и соседской общиной, основанной на джаджмани, одной из трех форм догосударственного объединения людей. То есть особенность индийской духовной культуры заключается по сравнению с Грецией в появлении еще на достаточно архаичной стадии социального развития профессионализма духовной деятельности, но в отличие от института жречества (как в странах Ближнего Востока) эта деятельность привела к возникновению философии. Развитое понятийное мышление не становится всеобщим достоянием, овладение им зависит от специфических социальных условий (в отличие от Греции, где любой свободный человек мог беспрепятственно, без каких-либо посвящений или принятия обетов, получить доступ к философии, но где зато философия значительно позже стала видом профессиональной деятельности), а потому и форма его словесного выражения, воспроизведение его результатов оказываются совсем несхожими с выработанными в Греции.

В диспуте положение, тезис, доктринальное утверждение оспариваются; в учительной беседе оно разъясняется; но в какой форме оно пребывает, хранится? Для хранения содержания и существует «перечень», *матрика*. Распознать в нем свернутую классификацию понятий нелегко. Гегель, коснувшись в

введении к своим лекциям по истории философии перечней понятий, характерных для индийских систем, неодобрительно отозвался о них как о лишенных внутренней связи, формальных агрегатах, в которых отсутствует философская мысль. Но перечни и не рассчитаны на то, чтобы быть понятными кому-либо, кроме члена религиозно-философской общины, прошедшего специальную подготовку, а понятие для того, кем оно не понято, не есть понятие. Перечень, по-видимому, есть логический предел словесного выражения понятийного мышления, которое не прибегает к специальному коду, но, оставаясь в пределах нормального человеческого языка, стремится к максимальной компактности и сгущенности содержания. Более сжатого выражения, не прибегающего к специальным средствам, представить себе невозможно; хотя позднейшая история индийской мысли дала и более сжатые формы, они уже выходят за пределы обычного языка, это дхарани, мантры и пр. Нужно оговориться, что считать все перечни, составляющие доктринальный фонд какого-либо учения, понятийными будет слишком сильным допущением. Среди них, конечно, имеются и созданные из мнемонических потребностей, подогнанные ради удобства под «хорошее» число (см. в начале кн. III «двадцать пять достоинств учителя и десять достоинств мирянина»), и чисто эмпирические перечисления, и наложение понятийной схемы на готовый религиозно-мифологический материал. Но ядро перечней составляют готовые, для нынешнего исследователя неизвестно как полученные классификации понятий либо понятия, выраженные в проведенной согласно определенной точке зрения классификации, предстающей в завершенном виде. Главная трудность в интерпретации их — отсутствие, являющееся скорее нормой, чем исключением, их эксплицитной понятийной разработки в текстах. Может показаться экзотичным утверждение, что в индийской философии нашли способ, в первых, порождать понятия (а это труднейшая из задач разума) и, во-вторых, воспроизводить в другом человеке понимание этих понятий без привычной по европейской философии текстовой, дискурсивной проработки их (хотя бы посредством внешне рассудочного их обсуждения; ведь имманентное выведение понятий имеет место так редко, что и в европейской философии является исключением, ср. платоновский «Парменид», гегелевскую «Науку логики», первую главу «Капитала» Маркса). И все же, по нашему мнению, это утверждение близко к истине. Правда, обоснование его и выведение всех важных следствий составят отдельную большую задачу. Но как же чисто гипотетически и предварительно пояснить саму возможность существования понятийного мышления в такой форме? По-видимому, в этой попытке целесообразно опереться на особенности общения носителей философского знания. Профессионалы-мыс-

лители, т. е. для древности в подавляющем большинстве шаманы и брахманы, ведут общую жизнь, следуют одним и тем же нормам, совершают одни и те же или близкие психические тренировки, постоянно общаются и беседуют на доктринальные темы (в буддийском монашестве особенно принято было посвящать беседы о дхарме первую часть ночи). Образуется круг хорошо знающих друг друга единомышленников, не слишком обширный — мыслители всегда составляют меньшинство, — они понимают друг друга с полуслова, не нуждаются в объяснениях и доказательствах, упоминания понятия часто бывает достаточно, а использование синонимов указывает на внутрисистемные связи одного и того же понятия в разных теоретических контекстах (так, скажем, обстоит дело с терминами абхидхармы *виджняна*, *читта* и *манас*). Короче говоря, форма общения, т. е. специальный язык учения, максимально приближается к форме внутренней речи, к мышлению, как оно существует психологически в индивиде, но все же с очищением мышления от всего случайно-субъективного. В тексте, образовании по своей природе одномерном, перечни явлены как линейно-упорядоченные наборы. Одномерность — неадекватная пространственная метафорическая реализация структуры мысли; внимательное изучение трактатов абхидхармы, целиком построенных на перечнях, убеждает, что последние на деле являются многомерными структурами, по необходимости вложенными, как бы спроецированными в одномерное пространство. Сочетание же абстрактного представления о пространстве и свернутого выражения словесно организованной мысли, т. е. термина, соотносимого с понятием, очень близко к языку внутреннего мышления. Согласуется с изложенной гипотезой и дальнейшее развитие буддизма, породившее в тантрических мандалах двух- и трехмерные (больше, к сожалению, невозможно!) изображения, компоненты которых соотносимы с понятиями и образуют компактное, емкое и естественное для психики представление сложнейшего доктринального содержания.

Создание новых понятий — дело трудное и происходящее гораздо реже, нежели применение уже готовых понятий. Если верно, что перечень есть форма подачи понятия, то наличие в тексте перечня, не явно эмпирического, но возможно понятийного, есть основание подозревать принадлежность текста к школе, направлению, в котором этот перечень засвидетельствован. Если же нигде, кроме данного текста, перечень не встречается, то есть серьезные основания полагать, что он принадлежит к особому направлению. Так, анализ кн. II ВМ показывает, что в ней встречается ряд неэмпирических перечней в абхидхармистском духе, отсутствующих в текстах тхеравады, и это является доводом в пользу ее исконно нетхеравадинской принадлежности.

Перечни ставят исследователя перед необходимостью уточнить понятие философии и критерий ее начала в Индии. В общей формулировке остается верным, что философия есть разумное понятийное мышление, но этапы ее становления в Индии и Греции хронологически переставлены. В Греции сначала выступает Сократ с выработкой индуктивных определений и поиском общих понятий, а потом появляется Аристотель с первой системой философских понятий. В Индии же сначала нам даны малопонятные перечни, которые потом, на протяжении сотен лет, явно оказываются благодаря появлению комментаторской и прочей литературы формой бытования понятий. Процесс этот не закончен и до сих пор, так что объективно современный исследователь, изучая и устанавливая понятийное значение *матрик*, продолжает работу, начатую буддийскими теоретиками. Рассматривая идеологический текст, приходится дважды и порознь ставить вопрос о его месте в развитии философии и идеологии: во-первых, как источника, в котором впервые появляется новое, выраженное перечнем понятийное содержание, и, во-вторых, как источника, впервые дискурсивно закрепляющего и эксплицирующего содержание, существовавшее и прежде. В Индии философия впервые выступает как мышление понятийное, но недискурсивное, хотя сама понятийность его выясняется задним числом, после появления дискурсивного изложения, — знаменательный пример тождества движения вовне, к проявлению и прояснению, и движения внутрь, к углублению и обогащению содержания, тождества, составляющего сердцевину диалектического процесса исторического развития философии.

Разобранные понятия спора, силлогизма, примера и перечня дают общий фон, на котором можно рассматривать ВМ.

ПРИСУТСТВИЕ ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВМ

«Вопросы Милинды» — единственный древнеиндийский текст с героем-иноземцем — греком, созданный в своей древнейшей части в Северо-Западной Индии, на территории, целую эпоху бывшей под властью эллинистических монархов. Весьма интересны поэтому обнаруживаемые в нем свидетельства греческого культурного присутствия и характер преломления иноземной культуры в глазах автора-индийца. Особую важность имеет выявление возможных следов знакомства с греческой философией, что обсуждено будет далее, при разборе беседы о колеснице (кн. II, первый день). Вот данные нефилософского характера.

1. Обычное перечисление сословий-классов древнеиндийского общества в буддийских текстах ставит на первое место кшатриев: «кшатрии, брахманы, вайшьи и шудры». В ВМ (кн. II, гл. 4) встречаем перечень: гречанки (*yonakasukhumāliniyo*),

кшатрийки, брахманки, вайшийки (gahapatisukhumāliniyo). Греки и потомки смешанных браков столь многочисленны в обществе, что выделены в целое сословие, рядоположенное известным индийским. Оно поставлено на первое место, — возможно, как господствующее и привилегированное.

2. По догадке Я. В. Василькова⁸, упомянутый в кн. II, гл. 4, сосуд *дхаммакарака* есть не что иное, как широко используемые в греческом обиходе, но в Индии неизвестные водяные часы — клепсидра.

3. В завершение первого дня беседы Нагасена говорит царю, что он согласен продолжить дискуссию, если собеседник будет вести себя по-ученому, а не по-царски, и поясняет: «Цари в беседе отстаивают какое-то свое положение, государь, а тем, кто им перечит, приказывают дать палок: дайте-ка, мол, такому-то палок». По индийским общественным нормам такое отношение к монаху, ученому просто немыслимо. Так, в сутре «Плоды шраманства» (Д II) царь магадхский Аджаташатру посещает разных учителей и задает им один и тот же занимающий его вопрос, но ответа на него не получает и вынужден выслушивать посторонние или вздорные речи, но не смеет даже выражать вслух недовольство. Этот царь рассказывает Будде, что он после очередной встречи подумал: «А этот [учитель] из всех шраманов и брахманов самый глупый, самый заблудший. Как это он в ответ на вопрос о зримом плоде шраманства ответил бессвязно? И я, почтенный, подумал так: „Разве пристало такому человеку, как я, счесть достойным осуждения шрамана или брахмана, живущего в моих владениях?“» (Д II.33). В ходе дальнейшего разговора Аджаташатру с Буддой выясняется, что если бы бывший слуга царя ушел в монахи, а потом появился бы вновь при дворе, то царю пришлось бы стоя его приветствовать, предложить ему сесть и позаботиться о его материальных нуждах.

В «царском» же поведении в диспуте, которого опасается Нагасена, видится и вмешательство государственной власти в духовную культуру, и более светский характер самой культуры, что свойственно эллинизму.

4. В речи царя, обращенной к Аюпале (кн. I), и в первой его пространной реплике в беседе с Нагасеной («Но если, почтенный Нагасена, здесь не представлена личность...») видно воспроизведение греческой риторики средствами индийского языка. Синтаксис этих речей необычен, такие построения нигде более в палийских текстах не встречаются и резко отличны и от синтаксиса сутр, и от повествовательной манеры джатак: они близко напоминают периодическое строение ораторской речи греков. Точное доказательство частного утверждения заняло

⁸ Васильков Я. В. О возможности греческого влияния.

бы слишком много места и потребовало бы весьма специальных филологических выкладок. Автор намерен изложить их в особой статье. Пока же читатель может оценить, в какой мере впечатление необычности сохранено в русском переводе, хотя этого и недостаточно, ибо русский синтаксис гораздо ближе к греческому, чем к палийскому, и ощущение выделенности на фоне привычной нормы в переводе скрадывается.

5. Несколько раз на протяжении кн. II царь, как представляется, нарушает правила диспута: коль скоро он потерпел поражение в беседе о колеснице, ему остается ученически задавать вопросы на понимание, а не спорить, он же несколько раз пытается вернуться к диспуту и возражать. Возможно, он позволяет себе это и как царь, и как неиндиец.

6. На протяжении всей кн. II царь, давая понять, что объяснение удовлетворило его, заключает обсуждение каждого отдельного вопроса словами *kallo'si*. Слово *kallo* известно из словарей и встречается в текстах, но его употребление в устах царя и один раз, в конце книги, в устах «греков», притом что Нагасена не употребляет его ни разу, своеобразно и нигде, кроме ВМ, не засвидетельствовано. Обычное значение *kallo* — «здравый; уместный» — кажется достаточно похожим по контексту, но в текстах *kallo* не применяется к одушевленным существам; характерны только выражения вроде *kallaṃ pi kho tad-abhipanditum* — «уместно ли с этим согласиться?» (эта реплика царя, начинающая спор о колеснице, фактически является клише из Канона) или *pa kallo pañho* — «неудачен вопрос». На наш взгляд, несколько синтаксически и ситуационно странное *kallo'si*, столь частое в кн. II ВМ, есть искаженное греческое обиходное слово *καλῶς*, выражающее одобрение, согласие и употребляющееся в диалогической речи точно так, как *kallo'si* в ВМ. Либо это есть вошедшее в разговорный язык жителей Северо-Запада Индии греческое выражение, либо оно сознательно использовано автором для языковой характеристики персонажей-греков как пассивно узнаваемое, но самими индийцами неупотребляемое. Заимствованию греческого *καλῶς* помогло наличие в индийском (пали *kallo*, санскр. *kalya*) родственного, имеющего тот же индоевропейский корень слова со значением, не противоречащим греческому.

Данные свидетельства рисуют нам общество смешанного этнического состава, усвоившее некоторые неиндийские культурные нормы и достижения техники (это подтверждается данными археологии и искусствоведения); в сознании создателя текста запечатлелась риторика, отличная по принципам от индийской; воспроизведение ее индийскими средствами и бытовое заимствование слова представляются элементами языковой интерференции, а это возможно лишь при интенсивном общении.

БЕСЕДА ПЕРВОГО ДНЯ. СПОР О КОЛЕСНИЦЕ

При анализе этой беседы, самой яркой и философски интересной части кн. II, целесообразно различать семиотический и доктринально-буддийский аспекты, а также рассмотреть содержащиеся в ней опосредованные и глухие намеки на знакомство с платоновскими текстами. Семиотический аспект является ведущим и важнейшим, а упоминание Нагасены известного тезиса о «несуществовании личности в высшем смысле» — попутный, проходной момент.

Семиотически результат обсуждения того, что такое «Нагасена» и «колесница» (обсуждение проведено в силлогистической схеме, «примером» служит колесница), следующий: 1) «колесница» есть слово, употребляющееся в связи с предметом, состоящим из колес, дышла, кузова и других частей, но из самого слова нельзя заключить, что это за предмет и из чего он составлен; 2) «Нагасена» есть «слово, и только», употребляющееся в связи с индивидом, составленным из физических и психических элементов. В слове «Нагасена», этимологически составленном из компонентов *нага* («слон») + *сена* («войско»), нет связи и указания на них ни со слоном, ни с войском. Нагасена замечает, что его могли бы называть также и «Шурасена» (этимологически «войско героев»), «Вирасена» («войско витязей»), «Симхасена» («войско львов»), давая этим понять, что ни «слон», ни «лев», ни «витязь» не имеют в составе имени своего обычного значения. Вторичное, переносное значение этих компонентов в сложном имени собственном — указание на желаемое мужество носителя имени. Но и это недостоверно, продолжает Нагасена: «здесь (т. е. в имени собственном) не представлена личность (*puggalo*)». Слово *puggalo*, употребленное здесь, означает, как обычно в текстах, личностный тип, класс индивидов в принятой классификации, а также индивида, принадлежащего этому классу. Так это слово терминологически используется в *Пуггалапаньятти* («Изложение [типологии] индивидов»). Нет сомнения, что Нагасена имел в виду именно этот смысл, а не разделяемое большинством ханаянских школ положение, что индивид, личность не существует «в высшем смысле». В этом убеждает интермедия с приближенным царя по имени Всё-отдам (в подлиннике *Sabbadinno*), введенная специально для того, чтобы окончательно убедить царя, а заодно и читателя в справедливости мнения Нагасены о том, что по имени не узнаешь, каков человек. Имя Всё-отдам должно свидетельствовать о щедрости своего носителя, который оказывается скопидомом. В палийском тексте, по-видимому, выпало предложение, сохраненное в переделанном виде в китайской версии. Там приближенный царя именуется Скупец, и царь, трижды веля ему приготовить угощение для любого количества монахов, раздра-

женно замечает: «Недаром тебя зовут Скупец». Китайские переводчики, конечно, не смогли понять то, что изложение посвящено не вопросу о бытии индивида, а взаимоотношению слова и предмета, и наивно исправили имя, приведя его в соответствие с владельцем.

В начале беседы царь не понял или не захотел понять, что имел в виду Нагасена, и поэтому стал противоречить сам себе: начал с возражения превратно истолкованному выражению «здесь не представлена личность», а кончил упреками, что Нагасена-де говорит неправду, ибо «нет Нагасены». Цитата из Канона, заключающая обсуждение, введена, возможно, позднейшим редактором, тоже не понявшим назначения беседы. Похоже, что после слов Нагасены: «...вследствие сознания и используется название, знак, обозначение, обиходное слово, просто имя — Нагасена» — обсуждение закончено и добавление цитаты излишне и сообщает нечто новое: тот самый индивид, о характерологических особенностях которого ничего нельзя узнать из имени, есть не поистине существующее, а только «название по общему мнению (*sammuti*)». Но это — утверждение о соотношении слова «индивид» (*satto*) и обозначаемого им предмета, чего собеседники не касались. Вывод, итог, к которому пришли собеседники, таков: язык семантически неоднозначен.

Следующий пассаж вводит синтаксическую неоднозначность. Выражение *sattavasso'ham* — букв. «семь-лет-я», или, как предложено в переводе «Я? Семь лет», что нужно воспринимать без учета знаков препинания, может интерпретироваться как «я = семь лет» и как «я — семилетний (т. е. семь лет как принявший монашество монах)». Именно это обыгрывает Милинда. Нагасена дает понять, что правильна вторая интерпретация: слово *sattavasso* несамостоятельно, оно отсылает к другому слову, которое им определяется, так же как бытие тени несамостоятельно, она отсылает к предмету, ее отбрасывающему.

Обсуждение условий возможной последующей беседы кроме практической стороны имеет также и семиотическую: это упоминание внеязыковых прагматических факторов, влияющих на речевую деятельность. Слова не только семантически и синтаксически неоднозначны, но произнесение их зависит от ситуации — таков смысл сказанного. В заключение беседы Милинда предлагает Нагасене высказывание с самоотношением, т. е. прагматический аспект значения, как он проявляется не вне, а внутри языковой деятельности: «Могу я спросить тебя?» — это тоже вопрос, и фактом своего бытия он отвечает сам за себя. Нагасена понял и правильноотреагировал.

Таким образом, в первый день не обсуждалось ничего специфически буддийского. Выявлены — даже с современных позиций исчерпывающе и корректно — все аспекты языковой деятельности, затронуты кардинальные вопросы семиотики. Полу-

ченные результаты следует иметь в виду при анализе кн. III, где они приведут к важным и неожиданным для буддийского учения следствиям.

Беседа о колеснице близко напоминает платоновский «Тезет», 202e—207a. У Платона Сократ с Тезетом занимаются разложением на слоги своих имен, Сократ говорит о повозке, т. е. почти колеснице: «...в повозке сто деревянных частей. Я не в состоянии их назвать, да и ты, думаю, тоже. Но достаточно и того, если на вопрос, что такое повозка, мы сможем назвать колеса, оси, кузов, поручни, ярмо», сопоставляя анализ повозки и анализ имен. В индийской литературе до ВМ нам не встречалось перечисления частей колесницы (повозки) в такой связи. Предмет Платонова диалога — попытка определения знания, в ходе которой Сократ с Тезетом пробуют определить знание через восхождение к простейшим первоначалам. Но и у Нагасены с Милиндой индивид разлагается на простейшие (с буддийских позиций) элементы, а части повозки перечисляются те же (с добавлением еще нескольких), что и у Платона. Однако последнее проще объяснить повсюду сходным устройством повозки. Достаточных оснований утверждать факт прямого заимствования из Платона нет, но можно полагать, что автор текста слышал устные изложения диалога «Тезет» и ввел намек намеренно. Персонаж Милинда в древнейшей части ВМ не потерял еще связи со своим историческим прототипом, но все же вряд ли верно, что текст ВМ восходит к фиксации по памяти реально имевшего места диалога. Во всяком случае, доискиваясь, что же такое «Нагасена», Милинда проявляет доскональное значение буддийских перечней, предполагать которое у греческого царя невозможно, это явно рука автора-буддиста. Значит, намек, заключающийся в параллели с тезетовским разложением имени и повозки на элементы, введен не историческим царем, это — не запомненный со слуха эпизод, а литературный прием. Но тогда автор должен был ориентироваться на читателей, способных намек распознать и оценить: на владеющих индийским языком греков-буддистов или на знающих понаслышке о греческой философии индийцев. К сожалению, дальнейшее исследование приоткрывающейся нам былой индо-греческой культурной общности маловозможно. Немногочисленные обломки литературы гандхарских буддистов доступны только в китайских переводах, и надежное восстановление по ним индийского подлинника неосуществимо, тем более вряд ли распознаваемы в них аллюзии на греческую философию.

ЭЛЕМЕНТЫ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ НОВИЗНЫ КН. II ВМ
НА ФОНЕ КАНОНА

В ВМ впервые в истории буддийской мысли встречается способ определения дхармы через «свойство» (*lakkaṇa*, санскр. *lakṣaṇa*), ставший общепринятым в абхидхарме и отраженный в обычном определении дхармы: «то, что имеет свою лакшану»⁹. Последнее определение, впрочем, мало дает нового сравнительно с определениями конкретных дхарм, это не более чем схема определения любой дхармы, а не определение дхармы вообще. Определение дхармы как внутри теории абхидхармы неразложимого далее простейшего элемента в силу ее простоты и бессодержательности, бесструктурности невозможно. То, что делает Нагасена, а за ним и абхидхармисты — систематизаторы и комментаторы *Абхидхаммапитаки*, есть установление связи между теорией и нетеорией, обычным мышлением, а в языковом выражении того и другого — между терминологией и нетерминологическим словоупотреблением. Обычно *лакшана*, которой «толкуется» дхарма, выражена однокоренным с названием дхармы словом, отличающимся только суффиксом (ср. *viññāṇa* — *viñāṇana*; *vedanā* — *vedayita*; *phasso* — *phusana*), либо синонимом (*saddhā* — *sampasādana*). В *Аттхасалини* такие тавтологические определения преобладают, но у Нагасены встречаются еще смысловые определения. Показателен сам факт толкования синонимом или однокоренным словом-паронимом, не содержащим ничего нового сравнительно с термином-названием. Одно обозначение понятия толкуется через равнозначное ему другое слово, которое не есть обозначение понятия, т. е. будущее слово для дхармы, чтобы стать понятием дхармы, толкуется через слово, не являющееся понятием; значения слов как обиходные исчезают, и появляется впервые понятие.

Большая часть предложенных Нагасеной определений и толкований дхарм сохранилась в неизменном виде в палийских комментариях на Канон, этот вид объяснения дхарм соседствует там с более теоретически развитым введением дхармы по четверичной схеме: *lakkaṇa-gaṇa-paccupaṭṭhāna-padaṭṭhāna*.

В гл. 7 Нагасена определяет главную, по его мнению, заслугу Будды: «Трудное дело сделал Блаженный: последовательно описал различия всех нематериальных дхарм — психики (как таковой) и связанных с психикой (*citta-cetasikā*), функционирующих с опорой на единый объект», иными словами, Будда изложил аналитически психическую целостность. Это не просто глубокое или меткое замечание, оно истинно, мы и сейчас не можем, говоря о заслугах Будды перед мировой философией,

⁹ Таково определение Васубандху. В *Аттхасалини* дхарма определена через *свабхаву*, что содержательно не отличается от *лакшаны*.

добавить что-либо существенное к сказанному Нагасеной. Примечательно, что это — чисто научно-философское достижение.

В гл. 2 дана образцовая диалектическая формулировка категории становления: «тот, кто становится,— и не тот, и не иной».

В гл. 3 впервые высказывается принципиальное положение: «нет слагаемых, возникающих из ничего, все слагаемые возникают из чего-то»; конкретизироваться это должно, конечно, в том смысле, что все слагаемые (*санскары*) порождаются по закону причинно-связанного возникновения (санскр. *pratitya-samutpada*). Такой формулировки в Каноне нет, хотя в нем и не раз о многих дхармах говорится как о становящихся в зависимости от условий, т. е. согласно формуле причинно-связанного возникновения; не хватало обобщения: *все санскары*.

В гл. 3 опровергается существование «знатока» (*vedagū*), а в гл. 7 — «души живого существа» (*bhūtaśmiṃ jīvo*). Оба выражения синонимичны «атману», но, коль скоро Милинда вводит их порознь, они нуждаются в отдельном рассмотрении каждое. При этом выясняется, что термин «знаток» Нагасене не был известен. Он спрашивает Милинду, как это слово понимать; в Каноне же оно встречается только как прилагательное «знающий». Это также новое по сравнению с Каноном. Будда, если судить по тхеравадинской *Типитаке*, не утверждал явно, что атмана нет, он лишь доказывал, что ничто из наблюдаемых в человеке свойств, явлений, качеств (ни одна из груд-скандх, ни один из органов чувств и т. д.) не подходит под принятое определение понятия атмана. Нагасена делает из этого дальнейший вывод, что атмана (в другом словесном выражении) нет, хотя в духе беседы первого дня можно было бы выразиться точнее: «знаток» или «душа» — это слова, и не более, их употребляют в связи с определенной объективной ситуацией, но такое употребление может вести к заблуждению, и лучше им не пользоваться.

Таковы важнейшие философские нововведения, впервые в сохранившейся литературе появляющиеся в ВМ. Дальнейший анализ содержательного своеобразия ВМ ставит вопрос о принадлежности этого текста литературе определенной ранней буддийской философской школы.

В РАМКАХ КАКОЙ РАННЕБУДДИЙСКОЙ ШКОЛЫ НАПИСАНЫ ВМ?

ВМ уже в течение полутора тысяч лет функционируют на пали в рамках тхеравадинской школы, но это не делает их принадлежность к ней чем-то не нуждающимся в проверке. Особое положение их в литературе этой школы в том, что это единственный, за исключением канонических, текст, на который ссы-

лаются комментаторы (если не считать туманных ссылок на «древних» или цитирования частного мнения какого-либо тхеры), и в жанровом отношении это бесспорная сутра, однако, в Канон ВМ не включены, хотя возможны сутры, в которых Будда не действует, в том числе содержащие фиксацию бесед, имевших место после смерти Будды.

Из сравнения китайской (следуя П. Демьевиллю) и палийской версий кн. I выясняется, что дошедшая до нас палийская редакция содержит, в частности, следующие позднейшие инкорпорации: а) историю о путешествии монахов на небеса, рождении Нагасены, о поездке его в Паталипутру к Дхармаракшите, которая списана с комментария на *Винаю* тхеравадинов, где связывается с именем выдающегося деятеля этой школы Тишьи, сына Маудгали (пали Tisso Moggalliputto); б) в уста Будды вложено пророчество рождения Нагасены и Милинды, «так же как Тишьи, сына Маудгали»; в) эпизод изложения Нагасеной абхидхармы распространен оглавлением тхеравадинской *Абхидхаммачиттики*. Эти инкорпорации выглядят как нарочитое доказательство принадлежности Нагасены к тхераваде. Но почему понадобилось такое доказательство? Возможно, как раз потому, что эта принадлежность была вовсе не очевидна и даже не имела места. Тхеравада на определенном этапе своего бытования полностью замкнулась и отгородилась от остального буддийского мира и опиралась только на раз и навсегда определенный, ограниченный набор текстов. В число их как-то попали и ВМ. Для эпохи замкнутого существования школы естественно умозаключение: если у нас циркулирует этот текст, то он наш текст, нашей школы. Но из самого текста «плохо видно, что он наш», и вот текст дополняется пассажами, демонстрирующими его ортодоксальность.

Кн. II дает следующие формулировки, несовместимые с тхеравадой¹⁰.

1. В гл. 2, отвечая на вопрос о том, есть ли время, Нагасена говорит: «В одних случаях есть время, в других — нет времени... Если слагаемые уже в прошлом, прошли, пресеклись, разложились, то в этом случае времени нет; если дхармы-последствия и дхармы, [имеющие] дхармы-последствия, создают новое воплощение в ином месте, то в таком случае время есть... Если, умерев, существа не рождаются в ином месте, то в таком случае времени нет. Если же существа упокоиваются, то в таком случае времени нет из-за того, что они упокоились». Мы полагаем, что в этих словах можно узнать основной тезис школы кашьяпия: прошлая карма, плод которой еще не созрел, суще-

¹⁰ В дальнейшем при рассмотрении принадлежности тезисов какой-либо хиньянской школе мы следуем за Баро (см.: *Barreau A. Les sectes bouddhiques du petit véhicule. Saïgon, 1955, сводка на с. 270—289*).

ствуется, а прочее — нет¹¹. Эта школа очень плохо известна. По выводам Баро, она входит в группу стхавир, противопоставлявших себя махасангхикам, а внутри ее занимает компромиссную позицию между сарвастивадой, учащей, что все три времени есть, и махисасакой и тхеравадой, согласно которым есть только настоящее.

2. В гл. 3 после обсуждения вопроса о характере связи чувственных сознаний с «умным» вводятся дхармы, появляющиеся вместе с сознанием, и среди них перечислены помимо пятерки дхарм, соотносимых со скандхами (phasso, vedanā, saññā, cetanā, viññāṇa), также и «задумывание» (vitakko) и «продумывание» (vicāro), т. е. выходит, что всякое сознание связано с «задумыванием». Этот тезис тхеравадой отвергается.

Кн. III добавляет к этим тезисам еще такие.

3. Все будды равны (вопрос 52).

4. Есть две несложённые (санскр. asaṃskṛta) дхармы — нирвана и пространство (вопрос 66). Тхеравада признает только одну такую дхарму, и вообще ни одна из школ, чьи позиции на этот предмет точно известны, не признает две *асанскрита*-дхармы; есть школы, признающие три и более, вплоть до девяти, но точка зрения ВМ уникальна.

5. Огонь в отличие от других материальных элементов порождается причиной *hetu* (вопрос 66).

Итак, ВМ — текст не тхеравадинский. Он, конечно, не принадлежит ни махасангхикам (нет ничего напоминающего характерные положения этого направления: бесконечность жизни Будды, пребывание Будды повсюду и т. п. — это положения либо религиозного характера, либо своего рода йогические инструкции к созерцанию, а в ВМ очевиден крен к рационализму), ни персоналистам-пудгалавадинам, чей основной тезис отрицается Нагасеной, ни сарвастивадинам. Остаются только школы кашьяпия, дхармагуптака, саутрантика и махисасака. Махисасака отпадает по той же причине, что и тхеравада (см. тезис 1), саутрантика исключается высказыванием Нагасены (кн. II, гл. 5): *na sa saṅkamati paṭisandahati* — «Смена жизней имеет место, но [ничего] из одной жизни в другую не переходит». Это — отчетливое отклонение одного из важнейших тезисов саутрантиков, по которому они получили второе наименование — санкрантиведины — «учащие о переходе [скандх из жизни в жизнь]». Обсуждение данного вопроса введено, надо полагать, специально для того, чтобы отмежеваться от саутрантиков.

Кашьяпия и дхармагуптака — единственные школы, между которыми осталось выбирать. Дхармагуптака известна довольно плохо, а кашьяпия — еще хуже. Утверждение Нагасены (кн. III,

¹¹ Там же, с. 202.

вопрос 25), что культ мощей Татхагаты рекомендуется мирянам, плохо вяжется с тезисом дхармагуптаков, по которому он приносит весьма большой благой плод¹². Нагасена дает понять, что культ — занятие для тех, кто ничего по-настоящему серьезного для самопреобразования предпринимать не намерен. Итак, методом исключения мы пришли к школе кашьяпия. Это не слишком надежно; хотя главный ее тезис представлен в кн. II, нельзя исключить, что при лучшей известности школ оказалось бы, что разные хронологические пласты ВМ содержат утверждения разных школ. Но при современном уровне известности школы кашьяпия есть существенный доход в ее пользу и нет ни одного довода против; единственная альтернатива ей — теоретическая невыдержанность текста.

Теперь можно прочие содержательные особенности ВМ, которые нельзя понять как общевосхитительные элементы развития от канонического состояния, интерпретировать как достояние кашьяпистов. Перечислим эти особенности.

1. В кн. II, гл. 3, вводится *матрика*, характеризующая соотношение чувственного и «умного» сознаний: «умное» возникает после чувственного (*ninnattā, dvārattā, cinnattā, samudācaritattā* — «под уклон, в проход, по наезженной дороге, от освоенности»). Примеры поясняют, что имеются в виду энергетический, информационный, инструментальный и благоприобретенно-функциональный моменты взаимосвязи, если выразить понятийный смысл нагасеновского изложения современными словами. Эта четырехэлементная *матрика* неявно содержит в себе свернутую теорию двух этапов обработки внешней информации, но тхеравадины, создавая свою теорию этого процесса, ею не воспользовались.

2. В кн. II, гл. 7, приведена шестнадцатичленная *матрика* видов памяти-памятования, единственная столь подробная разработка дхармы «памятование» в ранней литературе. Структура *матрики* и логика классификации далеко не ясны.

3. В кн. II, гл. 3, дан укороченный вариант реализации пратитьясамутпады: «орган чувств + объект → чувственное сознание → соприкосновение → ощущение → жажда → деяние → орган чувств», отличающийся от известных абхидхармистских разработок введением «деяния».

4. В кн. IV при разъяснении «толкующих знаний» вводятся четыре *матрики*, из которых особенно интересны все, кроме второй: *atthapaṭisambhidā* конкретизируется набором *kāraṇa, hetu, paṇa; paṭibhāṇapaṭisambhidā* — набором *opamman, lakkhaṇa, raso* и *niruttipaṭisambhidā* — десятком: *pada, anupada; akkhara, sandhi; vyañjana, anuvyañjana; vaṇṇa, sara; paññatti, vohāro*. По формальным признакам (дважды пары с приставкой *api-* и

¹² Там же, с. 192.

без нее) и содержательным (последние два члена перечня составляют несомненную пару «понятие» — «обиходное выражение», противопоставление внутри которой такое же, как и в предыдущей паре «фонема» — «звук», т. е. по признаку «вариант» — «инвариант»), можно догадаться, что это удвоенная пятиричная структура, в которой, возможно, скрывается целая лингвистическая теория. Еще сложнее с первыми двумя трехчленными *матриками*. Правдоподобно, что они входят в виде строк в шестиэлементную «матрицу понятий». Расшифровка смысла каждой из *матрик*, подобных приведенным, может быть задачей отдельной работы.

Дальнейшее изучение ВМ стоило бы начать с сопоставления всех *матрик*, в них приведенных, с *матриками*, известными из других источников, что должно было бы привести к раскрытию заложенного в перечнях теоретического содержания.

ПРОБЛЕМЫ ГЕРМЕНЕВТИКИ В КН. III

Согласно всеобщему убеждению буддистов, Будда — открыватель (или восстановитель, вопрос 44) дхармы, которую он в полном объеме понимает и осуществил, проверил на опыте сам. Стало быть, он обладает также полнотой знания о правильном ее применении в соответствии с ситуацией. Ведь нельзя считать полностью овладевшим знанием человека, который знает его вообще, но применять не умеет. Это именуется искусством в средствах (ср. вопросы 3, 18, 21, 22). Будда обладает всеведением в не-атмавадинском понимании его, т. е. он не имеет в себе постоянно готовые решения всех проблем и знания о чем угодно, но, если возникает необходимость нечто понять и познать, осуществляет это очень быстро и без каких-либо затруднений (вопрос 2). Если признать все это, то с буддийских позиций неопровержимым будет и следующее рассуждение: произнося какие-либо слова, к кому-то обращенные, Будда в полной мере пользуется своим динамическим всеведением и искусностью в средствах и говорит именно то, что наиболее адекватно для сознания адресата и ведет к наилучшим результатам, возможным в ситуации, в наибольшей степени способствует продвижению адресата к нирване.

В беседе о колеснице была выявлена неоднозначность любых языковых выражений в нескольких аспектах, в том числе в прагматическом, касающемся связи выражения с ситуацией. В кн. III Нагасена неоднократно прибегает к семантическим и прагматическим дистинкциям, различая смыслы «условный» и «безусловный», выражения, сказанные по какому-то поводу (и не понятные до конца, если не иметь в виду этого повода), и истинные безотносительно к ситуации, отмечает еще раз вза-

имную неоднозначность связи смысла с выражением; говорит об одном высказывании, что в нем заключена сама сущность учения Будды, а о другом — что это не более чем обиходное выражение, а Будда-де пользуется обиходным языком, и пр. В каждом конкретном случае выводы Нагасены, касающиеся типа рассматриваемого канонического высказывания, могут выглядеть здраво и правдоподобно, но, строго говоря, они в своей основе совершенно необоснованны и несовместимы с вышеприведенным буддологическим рассуждением. Если каждое высказывание Будды оптимально, то какие есть основания для предпочтения одних как «сущностных» другим как «проходным и обиходным»? Это опирается на предпосылку, что есть некоторое лучшее, адекватное изложение учения. Однако никто из последователей Будды не обладает его всеведением (вопрос 2), а как без всеведения решить, даже если такое изложение существует, каково оно и где оно во всей массе оставшихся от Будды текстов. Хинаянские школы не были едины в этом, одни отвергали сутры, другие — абхидхарму, тхеравада признавала оба раздела, но отдавала предпочтение абхидхарме, и договориться здесь невозможно. Напротив, сам факт отсутствия единого мнения естественно считать иллюстрацией общеподддийского взгляда на природу проповеди Будды: Будда проповедует разным индивидам по-разному, кому что лучше подходит. Так что школа, считающая «объективно более удачной» абхидхарму, просто составила из людей, для которых, и только для них, а не в себе абхидхарма больше подходит. Однако вся раннебуддийская теоретическая деятельность сводилась, в сущности, к систематизации учения, что предполагает критерии отбора, процедуры семантического различения, уровни смысла и пр. Значит, имплицитно теоретически-систематизаторская работа ранних буддистов опирается на семантические воззрения, применение которых к каноническим текстам несовместимо со сложившимся и не подлежащим изменению отношением к Будде. Возможность буддизма как теоретической системы, кажущаяся столь естественной, становится мнимой. В практике систематизаторства, составления абхидхармистских трактатов и комментариев на сутры это противоречие могло оставаться скрытым. Постановка вопроса, характерная для кн. III ВМ, эксплицитно сталкивающей цитаты из Канона и неизбежно прибегающей к семантическим классификациям конкретного текстового материала, обнажает его. Получается, что хинаянские мыслители, занимаясь теоретическо-некорректной деятельностью, объективно делали больше, чем нужно, чтобы стать архатами, т. е. объективно, но стихийно и неосознанно стремились к достижению сознания Будды. Остается сделать необходимые выводы: признать, что все слова Будды, изъятые из живого контекста произведения, равно относительны; признать несказанность высшей

истины; отказаться от выделенной теоретически-наблюдательской позиции, стоящей над ситуацией; принять примат метода над системой; осознать, что полное понимание учения Будды невозможно ни для кого, кроме другого Будды.

Особенности предмета и метода кн. III ВМ делают этот текст кануном перехода к махаяне,—разумеется, не в хронологическом смысле, а как свидетельства определенного этапа эволюции, шедшей в различных буддийских школах с неодинаковой быстротой и приведшей к махаянским формам учения.

О ПОСЛЕДНИХ КНИГАХ ВМ

Книга IV дописана была, по-видимому, с целью дополнить и распространить ответ на вопрос Милинды в кн. II, гл. 5, о том, можно ли и как убедиться в существовании Будды. Однако существование реального исторического лица Гаутамы Шакьямуни не занимало создателя этой книги, важна для него была лишь роль Будды как основателя учения. Такое отношение к историчности, заметим, для буддизма характерно.

Если «Вопросы-рогатины» обнаруживали ходы мысли, приближавшие их логически к махаяне, то кн. IV («Вопрос о выводе»), интересна помимо несомненных художественных достоинств как ранний этап на пути к формированию еще более поздней и зрелой формы буддизма, а именно буддийского тантризма с его мандалами. Мы в ней имеем уже развернутую аллегорическую картину, детально расшифровываемую сопоставлением с доктринальными понятиями и организованную пространственно: город ориентирован по странам света, в центре его — дворец, перед дворцом — базар. Тантрические мандалы также изображаются обычно в виде квадратной крепости с центральным дворцом. Не хватает в кн. IV практического йогического момента, метода созерцания. Упрощая, можно сказать, что аллегория дхармы как города стала бы мандалой, если бы к ней была присовокуплена инструкция такого рода: следует представить себе город, населенный такими-то персонажами, застроенный такими-то зданиями и пр., возможно более ярко и живо; созерцать его постоянно, держать его в уме, а затем вообразить себя входящим в него, устраняющим на пути препятствия, поднимающимся по ступеням дворца и садящимся на трон правителя.

Книга V подхватывает оставшийся нерешенным вопрос кн. I: к чему монашеская жизнь, если достижение цели буддийского совершенствования возможно и в миру? Аюпала в кн. I не нашелся, как на него ответить. В начале кн. II тот же вопрос о смысле и целях буддийской монашеской жизни, который был задан Аюпале, адресуется Нагасене, но более удачный ответ

последнего уводит обсуждение в сторону, и собеседники к проблеме более не возвращаются. В кн. V вопрос ставится вновь. Автор ее постарался собрать все доводы, склоняющие против монашеского состояния, чтобы с тем большим блеском их опровергнуть. Приводится пространный перечень легендарных случаев, когда мирянам удавалось достичь святости и осуществить нирвану. Основываясь на прецедентах, царь утверждает бессмысленность «чистых обетов». Ответ же Нагасены состоит из необозримого множества сравнений, поясняющих их великую силу.

К сравнениям же целиком сводится и кн. VI. Возможно, что она выросла из желания дополнить такой авторитетный и важный текст, каким уже стали ВМ (кн. I—V), дидактическим материалом по монашеской йогической практике. Могло казаться странным, что столь обширное и во многих отношениях незаменимое для буддиста сочинение почти не касается одного из главных моментов буддизма. Выполнено это добавление в манере, подражающей кн. IV и V, но литературно бледнее, и ценность его невелика. Повторы, бывшие ранее умелым художественным приемом, становятся навязчиво-монотонными, сопоставления иной раз натянуты и нелепы. Разъяснения подкреплены стихотворными цитатами, часто не находящими своего соответствия в тхеравадинском Каноне.

* * *

В статье обсуждено было только значение ВМ как источника для истории индийской философии и буддийской идеологии, намечены направления дальнейшего исследования в этих областях, предложены некоторые решения. ВМ в равной мере интересны как богатый источник по древнеиндийскому быту и общественной жизни, как памятник уникального в древнеиндийской литературе жанра, как сборник околоромантического и легендарного материала. Переводчик надеется, что публикация памятника привлечет к нему интерес специалистов и исследование его в разных аспектах будет продолжено.

ВОПРОСЫ МИЛИНДЫ

ПЕРЕВОД

КНИГА ПЕРВАЯ

ВНЕШНЕЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Поклон

Блаженному Святому Истинновсепросветленному¹!

В славном городе Сагале² царь, Милинда по имени,
С Нагасеною мудрым встретился — так Ганга с морем
встречается.

Пришел царь к красноречивому тьмы гонителю, знания
светочу,

И много о разных предметах он задал искусных вопросов.
Отвечал ему Нагасена в беседе глубокомысленной,
Сладкозвучной, в сердце западающей, вызывающей трепет
восторга.

В абхидхарму и устав углубляясь, нити сутр в сеть речей
вплетая³,

Уснащал он свои ответы пояснениями и примерами⁴.

Размышляя об этом усердно, возвеселитесь же помыслами,
Вопросам искусным внимлите — и сомнениям места не
будет.⁵

Рассказывают так:

Есть в стране греческой⁶, богатой поселениями, город названьем Сагала; красят его горы и реки, расположен он в отрадной местности, обилен садами, рощами и парками, прудами и озерами; чарует лесами, горами и реками; искусно воздвигнут; не страшны ему недруги и неприятели, не грозит ему осада; его стены и сторожевые башни построены затейливо и прочно; ворота с надвратными башнями — прекраснейшие из прекрасных; белокаменной стеною обнесен и рвом глубоким обведен царский дворец; дороги, улицы, развилки, перепутья правильно проложены; полны торговые ряды прекрасными и разными товарами, разложенными на продажу; под сотнями навесов нуждающимся раздают дары; сто тысяч прекрасных зданий, сверкающих, как Гималайских гор вершины, украшают город; слонами и конями, пешеходами и колесницами запружены улицы; многолюден город, полон красивых мужчин и женщин, роится толпами народа, населен множеством кшатриев, брахманов, вайшьев и шудр⁷; разных толков шраманы и брах-

маны⁸ здесь собираются во всяческих науках сведущие, живут здесь многоученые мужи; здесь торгуют различными тканями — бенаресскими, котумбарскими⁹ и прочими; здесь воздух напоен благоуханием множества пышных цветов и благовонных товаров, разложенных на продажу; здесь самоцветов драгоценных изобилие; в торговых рядах, расположенных по странам света, купцы — торговцы драгоценностями раскладывают свой товар; серебром и золотом, каршами и каршапанами¹⁰ улицы мостить можно; озарены кладовые сверканием сокровищ; богатства в избытке копятся, закрома и амбары полнятся, еды и питья изобилие; всяческих кушаний — твердых, мягких и жидких, напитков и смешанных¹¹ — здесь можно отвесть; видом город подобен Стране северных куру¹², хлебом обилен, как Алакаманда, божественный град¹³.//

Остановимся на этом, ведь следует рассказать об их прошлых деяниях. Притом весь рассказ должен быть поделен рассказчиком на шесть частей, а именно: «Связь с прошлым», «Вопросы Милинды», «Вопросы о свойствах», «Вопросы-рогатины», «Вопрос о выводе», «Вопросы к изложению сравнений». Из них «Вопросы Милинды» двух родов: «Вопросы о свойствах» и «Вопросы, пресекающие разномыслие». «Вопросы-рогатины» тоже двух родов: «Большая глава» и «Вопросы к описанию йога». «Связь с прошлым» — это их прошлые деяния¹⁴.//

Говорят, что давным-давно, когда помнили еще проповедь Блаженного Кашьяпы¹⁵, жила в одной обители у Ганги большая община монахов. Соблюдая правила поведения, монахи поднимались там с зарею¹⁶, мели длинными метлами двор, размышляя попутно о достоинствах Просветленного¹⁷, и сгребали мусор в кучу. И вот однажды один монах говорит послушнику¹⁸: «Эй, послушник, вынеси-ка этот мусор!» А тот словно и не слышал, продолжает себе свое. Монах и второй раз, и третий раз¹⁹ к нему обращается — а тот словно и не слышит, продолжает себе свое. «Каков неслух!» — рассердился монах и ударил его метловищем. Тот заплакал, вынес со страху мусор и взмолился в первый раз: «О, быть бы мне от этого праведного деяния — выбрасывания мусора — в каждом будущем существовании, пока я не достигну покоя²⁰, могучим и блистательным, словно солнце в полдень!» Вынесши мусор, он спустился к Ганге помыться и, глядя на водовороты ее быстрого течения, опять взмолился: «О, быть бы мне в каждом будущем существовании, пока я не достигну покоя, словно это быстрое течение! Быть бы мне находчивым²¹ при всяком случае, неизменно находчивым!» А монах поставил метлу в сарай и тоже спускался к Ганге помыться. Услышав мольбу послушника, он подумал: «Вот о чем он молит! А ведь это я его заставил. Ну, у меня тогда и подавно все сбудется». И он взмолился: «О, быть бы мне в каждом будущем существовании, пока я не достигну

покая, словно это быстрое течение Ганги — неизменно находчивым! Какие бы вопросы он мне ни задал — чтобы я был способен все находчиво заданные им вопросы распутать и разрешить!» От прошлого будды до нынешнего оба они, странствуя в мирском кружении, рождались небожителями и людьми. Видел их и наш Просветленный и, так же как Тишье, сыну Маудгали²², предрек им будущее: «Они явятся в мир через пятьсот лет после моего упокоения, и тонкости учения — послушания, заповеданного мною, они словно колтун расчешут, словно из зарослей колючих вытащат и разъясят: один задаст вопросы, другой удачно ответит сравнениями».

Из них двоих послушник стал в городе Сагале на материке Джамбу²³ царем по имени Милинда, образованным, способным, ученым, одаренным. Он тщательно и в должное время исполнял все обряды, действия и ритуалы, относящиеся к прошлому, будущему и настоящему²⁴. Ему были ведомы многие науки, а именно: шрути, предание, санхья, йога, политика, вайшешика, арифметика, музыка, врачевание, четыре веды, древние сказания и были, астрономия, колдовство, логика, совещания, военное [искусство], стихосложение и счет на пальцах — одним словом, девятнадцать наук²⁵. // В диспутах несравненный и не превзойденный²⁶, он выделялся среди многих учителей разных толков²⁷. И на всем материке Джамбу некому было в силе, ловкости, мужестве, мудрости сравниться с царем Милиндой — богатый, зажиточный, состоятельный, предводитель рати несметной²⁸. //

И вот как-то раз царь Милинда выехал из города, желая сделать смотр своей несметной и безмерно могучей рати, состоявшей из войск четырех родов²⁹, и, когда построившиеся за городом силы были по его приказу сочтены, этот царь, любитель заводить споры и охотник вступать в диспуты с рассуждателями, возражателями³⁰ и им подобными людьми, взглянул на солнце и обратился к советникам: «До конца дня еще далеко. К чему возвращаться теперь же в город? Нет ли где ученого главы общины, учителя школы, руководителя школы — шрамана, брахмана или из тех, кто признает Святого Истинно-вспросветленного³¹, кто смог бы со мной побеседовать, сомнение мое развеять?» В ответ на это пятьсот греков сказали царю Милинде³²: // «Есть, государь, шесть учителей: Пурана Кашьяпа; Маккхали Госала; Ниргрантха, сын Наты; Санджая, сын Беллатхи; Аджита Волосяное Одеяло; Пакудха Каччаяна³³. Все они — главы общин, наставники школ, руководители школ, известные, прославленные проповедники, высокочтимые многими людьми; поезжай, государь, задай им вопрос и разреши сомнение».

И вот царь Милинда в окружении пятисот греков взошел на превосходную колесницу с плавным ходом и приехал к Пуране

Кашьяпе. Приехав, царь обменялся с Пураной Кашьяпой учтивыми, дружественными словами приветствия и сел подле него. И, сидя подле Пураны Кашьяпы, царь Милинда обратился к нему: «Кто, почтенный Кашьяпа, стережет мир?» — «Земля, государь, стережет мир». — «Но, почтенный Кашьяпа, если земля стережет мир, то почему же тогда идущие в ад Незыбь³⁴ покидают пределы земли?» И, услышав это, Пурана Кашьяпа задохнулся, поперхнулся; умолкший, поникший, он так и остался сидеть, задумавшись.// И царь Милинда сказал Маккхали Госале: «Есть ли, почтенный Госала, благие и неблагие деяния? Есть ли у деяний праведных и неправедных плод, последствие?» — «Нет, государь, благих и неблагих деяний, нет у деяний праведных и неправедных плода, последствия. Те, кто на этом свете кшатрии, государь, те и на том свете станут кшатриями; кто на этом свете брахманы, вайшьи, шудры, чандалы, пуккусы³⁵, те и на том свете станут брахманами, вайшьями, шудрами, чандалами и пуккусами. При чем тут благие и неблагие деяния?» — «Но если, почтенный Госала, те, кто на этом свете кшатрии, брахманы, вайшьи, шудры, чандалы, пуккусы, и на том свете станут кшатриями, брахманами, вайшьями, шудрами, чандалами, пуккусами, то не к чему и совершать благие и неблагие дела. Тогда, почтенный Госала, те, кто на этом свете безруки, и на том свете станут безрукими; безногие станут безногими, безносые и безухие станут безносыми и безухими?» На это Госала смолчал. И царь Милинда подумал: «Увы, пусто на материке Джамбу, увь, одна болтовня на материке Джамбу! Нет здесь ни шрамана, ни брахмана, кто смог бы со мной побеседовать, сомнение мое развеять!»//И царь Милинда обратился к советникам: «Как хорошо в лунную ночь! К какому бы шраману или брахману пойти нам сегодня, вопрос задать? Кто сможет со мной побеседовать, сомнение мое развеять?» В ответ на это советники стояли и молча смотрели в лицо царя.//В то время в городе Сагале уже двенадцать лет не было ученых — ни шраманов, ни брахманов, ни мирян³⁶. Узнав, что где-то живет ученый шраман, брахман или мирянин, царь отправлялся к нему и задавал ему вопрос, но никто не мог угодить царю и ответить на его вопросы. Люди уходили куда глаза глядят³⁷, а те, кто не уходил на чужбину, сидели все и молчали. Монахи же по большей части уходили в Гималаи.//

И в то время в Заповедном логу Гималайских гор обитала тысяча миллионов³⁸ святых. И вот достопочтенный Ашвагупта, услышав дивным слухом вопрос царя Милинды, созвал общину на вершине горы Югандхары³⁹ и спросил монахов: «Скажите, любезные, нет ли среди нас монаха, способного с царем Милиндой побеседовать, его сомнение развеять?» На это тысяча миллионов святых промолчала. И во второй и в третий раз они в ответ лишь молчали⁴⁰. Тут достопочтенный Ашвагупта говорит

общине: «Любезные! В обители Тридцати Трех⁴¹, к востоку от дворца Победного⁴², живет во дворце Лучезарном богородный Махасена. Вот кто способен с царем Милиндой побеседовать, его сомнение развеять». И тут тысяча миллионов святых исчезла с горы Югандхары и мгновенно перенеслась⁴³ в обитель Тридцати Трех⁴⁴.

И издали уже завидел приближающихся монахов Шакра, глава богов. Завидев достопочтенного Ашвагупту, он подошел к нему. Подойдя, он приветствовал достопочтенного Ашвагупту и стал подле. И, стоя подле достопочтенного Ашвагупты, Шакра, глава богов, сказал достопочтенному Ашвагупте: «Какая большая община пожаловала, почтенный! Я — слуга общины⁴⁵. Что случилось? Что я должен сделать?» И достопочтенный Ашвагупта сказал Шакре, главе богов: «Государь! В городе Сагале на материке Джамбу есть царь по имени Милинда. В спорах несравненный и непревзойденный, он выделяется среди многих учителей разных толков. Он является в общину, задает каверзные⁴⁶ вопросы и этим вредит общине». И Шакра, глава богов, сказал достопочтенному Ашвагупте: «Почтенный, а ведь этот царь Милинда родился человеком после того, как был здесь богом. Здесь, почтенный, во дворце Лучезарном, живет богородный Махасена. Вот он способен побеседовать с царем Милиндой, сомнение его развеять. Попросим же богородного родиться в мире людей!»⁴⁷ И вот Шакра, глава богов, вошел, пропустив вперед общину, во дворец Лучезарный, обнял Махасену и сказал ему: «О достойный! Община просит тебя родиться в мире людей». — «Нет, почтенный, ни к чему мне мир людей. Там много деяний⁴⁸, мир людей суров. Я буду рождаться в мирах богов все выше и выше, пока не достигну покоя»⁴⁹. И во второй и в третий раз на просьбу Шакры, главы богов, богородный Махасена отвечал: «Нет, почтенный, ни к чему мне мир людей. Там много деяний, мир людей суров. Я буду рождаться в мирах богов все выше и выше, пока не достигну покоя». И достопочтенный Ашвагупта сказал богородному Махасене: «О достойный! Мы искали в целом мире с богами — и, кроме тебя, никого не нашли, кто бы помог нам пресечь речи царя Милинды и поддержать Учение. О достойный, община просит тебя: пожалуйста, благой муж, стань поддержкой Учению Десятисильного⁵⁰!» Услышав это, богородный Махасена, довольный-предовольный, радостный-прерадостный, подумал: «Он, значит, думает, что я смогу пресечь речи царя Милинды и поддержать Учение!» И он пообещал: «Хорошо, почтенный, я согласен родиться человеком».

И вот монахи, достигнув своей цели, исчезли из обители Тридцати Трех и мгновенно перенеслись в Заповедный Лог⁵¹. И вот достопочтенный Ашвагупта сказал общине: «Любезные! Все ли монахи нашей общины в сборе? Никто не отсутству-

ет?» — «Нет, почтенный! Уже семь дней, как достопочтенный Рохана ушел в Гималаи и погрузился в торможение⁵². Пошли-те к нему вестника». А достопочтенный Рохана в тот самый миг вышел из торможения. Он понял, что его поминают в общине, исчез из Гималайских гор и мгновенно перенесся к тысяче миллионов святых. И вот достопочтенный Ашвагупта сказал достопочтенному Рохане: «Как же это ты, любезный Рохана? Учению Просветленного наносится вред, а ты и не видишь, что должна делать община?» — «Я не обратил внимания, почтенный». — «Тогда, любезный Рохана, отработай за это». — «Что нужно сделать, почтенный?» — «У подножия Гималаев, любезный Рохана, есть брахманская деревня, называемая Каджангала. Там живет брахман Сонуттара. У него родится мальчик, которого назовут Нагасеной. Так вот, любезный Рохана, ты будешь ходить семь лет и десять месяцев в их дом за подаванием и однажды, придя за подаванием, заберешь мальчика Нагасену и пострижешь его. Когда Нагасена будет пострижена, работа твоя кончится». — «Хорошо», — согласился достопочтенный Рохана.

А богородный Махасена ниспал из мира богов и стал зародышем в чреве супруги брахмана Сонуттары. Одновременно с его воплощением случились три чудесных, волшебных явления: засверкало оружие, хлеба заколосились, ливень прошел⁵³. Достопочтенный же Рохана семь лет и десять месяцев⁵⁴, считая со дня воплощения Махасены, ходил в тот дом за подаванием, но ни разу не имел ни пригоршни рису, ни ложки каши, ни приветствия, ни почтительного складывания рук, ни достойного обхождения, и доставались ему лишь хула и поношение; даже слов «проходите, почтенный»⁵⁵, и то никто ему не сказал. Но вот, когда прошло семь лет и десять месяцев, он однажды услышал: «Проходите, почтенный». В тот же день брахман, возвращаясь домой с какого-то дела, встретил тхеру по дороге и окликнул его: «Эй, монах! Приходили вы к нам в дом?» — «Да, брахман, приходил». — «И что-нибудь получили?» — «Да, брахман, получил». Тот пришел домой и недовольно спросил: «Давали вы что-нибудь этому монаху?» — «Нет, ничего не давали». На следующий день брахман сел у самой двери в дом: «Сегодня я поймаю монаха на лжи». И на следующий день тхера подошел к дверям брахманского дома. Едва завидев тхеру, брахман сказал: «Вы вчера сказали, будто получили что-то у нас в доме, а сами не получили. Разве у вас можно лгать?» Тхера ответил: «Мы, брахман, ходили к вам в дом семь лет и десять месяцев, и нам даже „проходите“ ни разу не сказали. Вчера только я получил это „проходите“. Вот, имея в виду эту любезность, я так и сказал». Брахман подумал: «Ему всего-то любезно ответили, а он уже благодарит на людях! Как же он станет благодарить, когда ему подадут поесть — риса

ли, каши ли!» Это ему понравилось. Он велел дать монаху ложку приготовленного для него самого риса с приправой и сказал: «Столько вам здесь всегда подадут». Через несколько дней брахман присмотрелся к тхере, приходившему к нему в дом, и кротость того стала ему нравиться еще больше; наконец, он предложил тхере всегда совершать трапезу у него в доме. Тхера молча дал понять, что согласен. Каждый день он после еды рассказывал им понемногу из Речений Просветленного⁵⁶, а затем уходил. //Брахманка же родила через десять месяцев⁵⁷ сына; называли его Нагасеной. Мало-помалу он подрастал, и исполнилось ему семь лет. И вот отец юного Нагасены спросил юного Нагасену: «Сынок мой Нагасена! Не пора ли тебе учиться, как это принято в нашем брахманском роду?»⁵⁸ — «А какое, батюшка, в нашем брахманском роду учение?» — «Учение, сынок мой Нагасена,— это три веды, а остальные умения⁵⁹ — это умения, и только». — «Да, я выучусь, батюшка». И отец Нагасены заплатил брахману-учителю тысячу⁶⁰ за обучение, отвел ему во внутренних помещениях дома отдельную комнату с ложем⁶¹ и сказал: «Обучи моего мальчика, брахман. Он должен выучить мантры⁶² наизусть». — «Ну, мальчик, запоминай мантры, мой дорогой». И брахман-учитель начал урок. И с первого же слушания трех вед юный Нагасена все их воспринял, понял слова, твердо запомнил, прочно усвоил и надежно запечатлел в памяти; у него разом открылось видение всех трех вед вместе со знанием словарей и ритуала, древних сказаний и с членением на слоги; он выучился грамматике, выучился выделять слова из предложения, узнал признаки великого человека и усвоил искусство спора⁶³. И вот юный Нагасена спросил отца: «Батюшка! Учатся ли в нашем брахманском роду еще чему-нибудь кроме этого, или это все?» — «Нет, сынок, ничему, кроме этого, в нашем брахманском роду не учатся. Это все». И юный Нагасена отчитался перед учителем и вышел из дому. Он уединился и сосредоточенно задумался, и, обозревая начало, середину и конец своего умения, он не нашел в нем даже малой сути — ни в начале, ни в середине, ни в конце. «Увы, пусты эти веды, увy, одна болтовня эти веды, нет в них сути, далеко им до сути!» — подумал он с раскаянием и недовольством. //

А в это время достопочтенный Фохана, находясь в обители Приятной, узрел своею мыслью помышление юного Нагасены. Он надел верхнюю одежду, взял в руки миску и, исчезнув в обители Приятной, мгновенно перенесся в брахманскую деревню Каджангалу⁶⁴. И издали уже завидел приближавшегося достопочтенного Фохану юный Нагасена, стоя в сторожке у ворот дома. Увидев его, довольный, оживленный, обрадованный, в приятном, приподнятом настроении, он подумал: «Может статься, что этот-то монах и знает суть»⁶⁵. Подойдя к достопоч-

тенному Рохане, он спросил его: «У тебя побрита голова, и ты одет в желтое; кто ты, господин?»⁶⁶ — «Я монах, мальчик». — «А отчего ты монах, господин?» — «Монахом я стал, мальчик, чтобы смахнуть с себя грехи и грязь, потому меня и зовут монахом»⁶⁷. — «А почему, господин, волосы у тебя подстрижены не так, как у других?» — «Я понял, мальчик, что от них шестнадцать помех, состриг волосы, усы и бороду и ушел в монахи. Помехи вот какие: украшение волос — помеха, нарядение их — помеха, втирание масла — помеха, мытье — помеха, гирлянды цветов — помеха, духи — помеха, благовония — помеха, желтый сандал — помеха, миробалан — помеха, крашение волос — помеха, подвязывание — помеха, причесывание — помеха, стрижка — помеха, распутывание — помеха, вши — помеха, а когда людям срезают волосы, они печалются, сетуют, причитают, бьют себя в грудь, впадают в помрачение. Запутавшись в шестнадцати помехах, люди губят в себе понимание весьма тонких умений». — «А почему, господин, у тебя и одежда не такая, как у других?» — «Одежды, мальчик, связаны с желаниями, прелестительны, это принадлежность мирской жизни, а надевшему желтое никакая опасность из-за одежды не грозит»⁶⁸. Поэтому одежда у меня не такая, как у других». — «А знаешь ли ты умения, господин?» — «Да, мальчик, умения я знаю и высшую мантру на свете тоже знаю». — «И меня можно ей научить, господин?» — «Да, мальчик, можно». — «Так научи». — «Не сейчас, мальчик. Мы ведь пришли в дом за подаванием». И вот юный Нагасена принял из рук достопочтенного Роханы миску, проводил его в дом, сам положил ему вдоволь отменной еды, твердой и мягкой, и, когда достопочтенный Рохана поел и вымыл миску и руки, сказал ему: «Теперь научи меня мантре, господин». — «Избавься от помех, мальчик, отпросись у отца с матерью, надень монашеское платье, как у меня, тогда я тебя научу». И вот юный Нагасена пришел к отцу с матерью и сказал: «Батюшка, матушка! Этот монах говорит, что знает высшую на свете мантру. Но он учит ей только тех, кто уходит вместе с ним в монахи. Могу я уйти в монахи и выучить его мантру?» — «Ну, что же, — рассудили отец с матерью, — если ради мантры надо идти в монахи, пусть идет. Выучит наш сын и вернется». И они отпустили его: «Ступай, сынок». И вот достопочтенный Рохана пришел вместе с юным Нагасеной в обитель Приютную, в урочище Разинутая Пасть. В приюте у Разинутой Пасти они переночевали и пришли в Заповедный Лог. Там достопочтенный Рохана в присутствии тысячи миллионов святых свершил пострижение юного Нагасены. И вот, уже монах, достопочтенный Нагасена сказал достопочтенному Рохане: «Теперь, почтенный, на мне такое же платье, как и на тебе. Научите меня теперь мантре». — «Что же мне для начала преподать Нагасене — сутры или абхидхар-

му? — подумал достопочтенный Гохана. — Ну, да ведь Нагасена умен, он без труда воспримет абхидхарму». Преподал он ему абхидхарму. А достопочтенный Нагасена с первого же слушания запомнил наизусть всю Корзину Абхидхармы: «Счисление дхарм», известное своим членением дхарм на благие, неблагие и безразличные и прочими двойками и тройками дхарм; трактат «Раскладка», известный своими восемнадцатью частями — «раскладками»: «Раскладка груд» и так далее; трактат «Описание элементов», имеющий четырнадцать частей: «Сцепленность», «Несцепленность» и так далее; «Описание [типов] личностей» в шести частях: по грудам, по источникам и прочие; трактат «Предметы разногласий», имеющий тысячу глав, в пятистах главах излагаются наши взгляды, а в пятистах других — чужие взгляды; трактат «Противоположности» в десяти частях: «Противоположности в связи с грудями», «Противоположности в связи с корнями» и так далее; трактат «Основания» в двадцати четырех частях: «Причины и следствия», «Опоры и следствия»⁶⁹ и прочие — и сказал: «Подождите, почтенный. Не нужно излагать еще раз. Я и так запомню». И вот достопочтенный Нагасена пришел к тысяче миллионов святых и, придя к тысяче миллионов святых, сказал: «Почтенные! Я берусь полностью, без сокращений, изложить всю Корзину Абхидхармы, упорядочив его по благим дхармам, неблагим дхармам и безразличным дхармам». — «Пожалуйста, Нагасена, излагай». И достопочтенный Нагасена за семь месяцев полностью изложил семь трактатов⁷⁰. Гул раздался в земле, «Хорошо!» — воскликнули боги, в мирах Брахмы загрохотало, а с небес дождем посыпались цветы кораллового дерева⁷¹ и порошок сандала. А когда достопочтенному Нагасене исполнилось двадцать лет, тысяча миллионов святых совершила в Заповедном Логу обряд его посвящения⁷². Наутро после посвящения достопочтенный Нагасена встал, надел верхнюю одежду, взял в руки миску и пошел со своим наставником за подаванием. Вдруг у входа в деревню ему подумалось: «А ведь пуст мой наставник! А ведь глуп мой наставник! Что же это он мне сначала абхидхарму преподал, а не другие Речения Просветленного!» А достопочтенный Гохана узрел своею мыслью помышление достопочтенного Нагасены и сказал достопочтенному Нагасене: «Недостойные у тебя помыслы, Нагасена. Недостойно это тебя». — «Ах, чудеса! Ах, волшебство! — изумился достопочтенный Нагасена. — Наставник видит своею мыслью мои помышления! Как же умен мой наставник! Сейчас же повинюсь перед наставником». И достопочтенный Нагасена сказал достопочтенному Гохане: «Простите меня, почтенный. Я не буду больше так думать». А достопочтенный Гохана сказал достопочтенному Нагасене: «Нет, Нагасена, просто так я тебе не прощу. А вот есть, Нагасена, город, называемый Сагала. Царствует там

царь по имени Милинда. Он задает еретические вопросы и этим вредит общине. Если ты пойдешь туда, образумишь его и обратишь [к Учению], то я прошу тебя». — «Да что, почтенный, один царь Милинда! Пусть приходят все цари с целого материка Джамбу, все пусть задают вопросы — я на все отвечу, камня на камне не оставлю, только простите меня [сейчас], почтенный». — «Нет, [пока] не прошу». — «Тогда, почтенный, с кем мне прожить эти три месяца⁷³?» — «В обители Приютной, Нагасена, живет достопочтенный Ашвагупта. Ступай к Ашвагупте, Нагасена. Когда придешь, поклонись ему земно от моего имени и вот что скажи: „Мой наставник земно вам кланяется, почтенный. Он надеется, что вы здоровы, крепки и живется вам легко. Меня он послал прожить эти три месяца при вас“. Если достопочтенный Ашвагупта спросит: „Как звать твоего наставника?“, то ты отвечай: „Его почтенный, зовут тхера Гохана“. А если он спросит: „А меня как звать?“, то ты отвечай: „Мой наставник ваше имя знает, почтенный“». — «Да, почтенный». — И достопочтенный Нагасена попрощался с достопочтенным Гоханой, обошел его посолонь, надел верхнюю одежду, взял в руки миску и ушел. Наконец добрался он до обители Приютной, где жил достопочтенный Ашвагупта. Подойдя, он приветствовал достопочтенного Ашвагупту и стал подле. И, стоя подле, достопочтенный Нагасена сказал достопочтенному Ашвагупте: «Мой наставник, почтенный, земно вам кланяется. Вот что он передает: он надеется, что вы здоровы, крепки и недуги не слишком вам докучают и что живется вам легко. Меня он прислал прожить эти три месяца при вас». И достопочтенный Ашвагупта спросил достопочтенного Нагасену: «Тебя как звать?» — «Меня зовут Нагасена, почтенный». — «А наставника твоего как звать?» — «Мой наставник — тхера Гохана, почтенный». — «А меня как звать?» — «Мой наставник ваше имя знает, почтенный». — «Хорошо, Нагасена, клади сюда свою миску и верхнюю одежду». — «Хорошо, почтенный». И он положил свою миску и верхнюю одежду. На следующий день Нагасена прибрал в келье, принес воды для полоскания рта и палочку для чистки зубов. А тхера по прибранному опять прибрал, вылил воду и принес свежей, выбросил палочку и взял другую, а сам не проронил ни слова. Так продолжалось семь дней. На восьмой день он задал те же вопросы, получил те же ответы и разрешил Нагасене прожить с ним время дождей.

А к тому времени одна уважаемая мирянка уже полных тридцать лет помогала достопочтенному Ашвагупте. И вот, когда прошло три месяца, эта мирянка пришла к достопочтенному Ашвагупте. Придя, она сказала достопочтенному Ашвагупте: «Почтенный, есть ли при вас еще монах?» — «Да, госпожа, при мне есть монах по имени Нагасена». — «Тогда, почтенный Ашвагупта, примите вместе с Нагасеной на завтра мое приглаше-

ние на трапезу». Достопочтенный Ашвагупта молча дал понять, что согласен⁷⁴. И вот наутро достопочтенный Ашвагупта встал, надел верхнюю одежду, взял в руки миску и с достопочтенным Нагасеной, который был ему провожатым шраманом⁷⁵, пришел в жилище мирянки и, придя, сел на предложенное сиденье. А мирянка сама положила достопочтенному Ашвагупте и достопочтенному Нагасене вдоволь отменной еды, твердой и мягкой. И достопочтенный Ашвагупта поел, вымыл миску и руки и сказал достопочтенному Нагасене: «Порадуй, Нагасена, госпожу проповедью». С этими словами он встал с сиденья и ушел. И вот мирянка сказала достопочтенному Нагасене: «Я уже стара, почтенный Нагасена. Порадуй меня в проповеди глубоким изложением Учения». И достопочтенный Нагасена произнес для нее глубокую проповедь об абхидхарме, надмирную⁷⁶, толкующую о пустоте⁷⁷. И не успела мирянка подняться со своего сиденья, как открылось ей незапыленное, незамутненное видение дхармы: «Все, что слагается, пресечется»⁷⁸. И сам достопочтенный Нагасена, порадовав мирянку проповедью, вдумался в дхарму, которую излагал; и пришло к нему прозрение; и не успел он подняться со своего сиденья, как получил плод обретения слуха.

А достопочтенный Ашвагупта сидел в беседке. Он понял, что оба они обрели видение дхармы, и вслух похвалил Нагасену: «Отлично, Нагасена, отлично! Один раз метнул копье — и два зверя с ног долой!» И многие тысячи богов вслух похвалили его. И вот достопочтенный Нагасена встал с сиденья и пришел к достопочтенному Ашвагупте. Придя, он приветствовал достопочтенного Ашвагупту и сел подле. И достопочтенный Ашвагупта сказал достопочтенному Нагасене, севшему подле него: «Ступай в Паталипутру, Нагасена. В городе Паталипутре живет в ашоковой роще достопочтенный Дхармаракшита. У него ты изучишь Речения Просветленного». — «А далеко ли отсюда до города Паталипутры, почтенный?» — «Сто йоджан⁷⁹, Нагасена». — «Дальняя дорога, почтенный. В дороге еду добыть трудно, как же мне идти?» — «Ступай, Нагасена, будет тебе в дороге подавание: рисовая каша, очищенная от черных зерен, с разными приправами и подливами». — «Да, почтенный». И достопочтенный Нагасена попрощался с достопочтенным Ашвагуптой, обошел его посолонь, надел верхнюю одежду, взял в руки миску и отправился в Паталипутру.

А в это время некий паталипутрский купец выступил с обозом в пятьсот возов по дороге на Паталипутру. И издали уже завидел приближавшегося достопочтенного Нагасену паталипутрский купец. Увидев его, он велел остановить пятьсот своих возов, подошел к достопочтенному Нагасене и, подойдя, приветствовал достопочтенного Нагасену: «Куда идешь, почтенный?» — «В Паталипутру, хозяин». — «Отлично, почтенный. Мы

тоже едем в Паталипутру. С нами вы прекрасно доедете». И вот паталипутрскому купцу понравилось обхождение достопочтенного Нагасены. Он сам положил ему вдоволь отменной еды, твердой и мягкой, и, когда достопочтенный Нагасена поел и вымыл миску и руки, купец сел подле него, взяв сиденье пониже. И, сидя подле достопочтенного Нагасены, паталипутрский купец спросил его: «Как тебя зовут, почтенный?» — «Меня зовут Нагасена, хозяин». — «Не знаешь ли ты Речений Просветленного, почтенный?» — «Из абхидхармы знаю, хозяин». — «Вот повезло мне, почтенный! Право, везет мне, почтенный! Я ведь тоже изучаю абхидхарму, и ты, оказывается, изучаешь абхидхарму. Почитай мне из абхидхармы, почтенный». И вот достопочтенный Нагасена преподавал паталипутрскому купцу абхидхарму, и уже во время слушания открылось паталипутрскому купцу незапыленное, незамутненное видение дхармы: «Все, что слагается, пресечется». И паталипутрский купец пропустил пятьсот своих возов вперед, а сам шел позади. Невдалеке от Паталипутры он остановился на развилке дорог и сказал достопочтенному Нагасене: «Вон дорога в ашоковую рощу, почтенный Нагасена. А вот прекрасное мое шерстяное одеяло. В длину оно шестнадцать локтей, в ширину — восемь локтей. Очень прошу тебя, почтенный, прими от меня это прекрасное одеяло в дар». И достопочтенный Нагасена принял в дар это прекрасное одеяло. И вот паталипутрский купец, довольный, оживленный, обрадованный, в приятном, приподнятом расположении духа, попрощался с достопочтенным Нагасеной, обошел его посолонь и удалился.

И вот достопочтенный Нагасена пришел в ашоковую рощу к достопочтенному Дхармаракшите и рассказал о причине своего прихода. И за три месяца он выучил от достопочтенного Дхармаракшиты с одного слушания Три Корзины Речений Просветленного, а еще через три месяца усвоил и смысл. И вот достопочтенный Дхармаракшита сказал достопочтенному Нагасене: «Ты, Нагасена, словно пастух: коров он стережет, а молоко другие пьют. Вот и ты: Три Корзины Речений Просветленного запомнил, а все же не шраман»⁸⁰. — «Хорошо, почтенный. С этим кончено». За следующий день и ночь он достиг святости и обрел толкующие знания⁸¹. И когда достопочтенный Нагасена проник в истину, все боги воскликнули: «Хорошо!», гул раздался в земле, в мирах Брахмы загрохотало, а с небес дождем посыпались цветы кораллового дерева и порошок сандала.

А в это время тысяча миллионов святых, собравшись в Заповедном логу Гималайских гор, послала к достопочтенному Нагасене вестника: «Пусть явится Нагасена. Мы хотим видеть Нагасену». И вот, услышав слово вестника, достопочтенный Нагасена исчез из ашоковой рощи и мгновенно перенесся в

Заповедный лог Гималайских гор⁸² к тысяче миллионов святых. И тысяча миллионов святых сказала достопочтенному Нагасене: «Нагасена! Царь Милинда вредит общине своими доводами, опровержениями и вопросами. Пожалуйста, Нагасена, образумь царя Милинду». — «Да что один царь Милинда, почтенные! Пусть приходят цари с целого материка Джамбу, все пусть задают вопросы — я на все отвечу, камня на камне не оставлю. Идите, почтенные, в Сагалу и ничего не опасайтесь».

И город Сагала осветился желтыми одеяниями монахов-тхер. На него будто ветром провидцев повеяло.//

А в то время в странноприимной обители⁸³ жил достопочтенный Аюпала.//И вот царь Милинда сказал советникам: «Как хорошо лунной ночью! К какому бы шраману или брахману нам пойти сегодня поговорить, вопрос задать? Кто сможет со мною побеседовать, сомнение мое развеять?» В ответ на это пятьсот греков сказали царю Милинде: «Есть тхера по имени Аюпала, государь. Он образован, наследник наследия⁸⁴, помнит наизусть Три Корзины. Он сейчас живет в странноприимной обители. Поезжай, государь, и задай вопрос достопочтенному Аюпале». — «Ну что же, известите-ка тогда почтенного!» И вот предказатель послал к достопочтенному Аюпале вестника: «Почтенный! Царь Милинда желает видеть достопочтенного Аюпалу». — «Так пусть приходит», — отвечал достопочтенный Аюпала. И вот царь Милинда взошел в окружении пятисот греков на прекрасную колесницу и приехал в странноприимную обитель к достопочтенному Аюпале. Приехав, он обменялся с достопочтенным Аюпалой учтивыми, дружественными словами приветствия и сел подле. И, сидя подле достопочтенного Аюпалы, царь Милинда спросил его: «Какова цель вашего пострига, почтенный Аюпала, и какова ваша высшая цель?»⁸⁵ — «Цель нашего пострига, государь, в том, чтобы жить по дхарме, жить гладко»⁸⁶, — ответил тхера. «А есть ли миряне, почтенный, что тоже живут по дхарме, живут гладко?» — «Да, государь, есть и миряне, что тоже живут по дхарме, живут гладко: когда Блаженный в Бенаресе, в заказнике⁸⁷ „Заход [созвездия] провидцев“⁸⁸ запустил колесо проповеди⁸⁹, то к ста восьмидесяти миллионам из сонма Брахмы пришло постижение Учения; духам же, к которым пришло постижение Учения, счету не было. И еще, государь, во время проповеди Блаженного в большом собрании, во время проповеди сутры „Высшее благо“, во время проповеди-увещания к Рахуле, во время проповеди сутры о „способе [сделать] мысль гладкой“, во время проповеди сутры „Презрение“ к несметному числу божеств пришло постижение Учения, и все они в миру, не отшельники»⁹⁰. — «Аз так, почтенный Аюпала, то бессмыслен, выходит, ваш постриг; лишь из-за прежде свершенных греховных деяний шраманы, сыны шакьев⁹¹, себя постригают и чистые обеты⁹² соблюдают. Те монахи, почтенный Аюпа-

ла, что ныне одноеды⁹³, — те были прежде ворами, у других добро отнимали. Раз они отнимали добро у других, то из-за такого деяния и стали теперь одноедами — время от времени, походя им есть не дано. Нет у них тапаса⁹⁴, нет добродетели, нет воздержания. Те монахи, почтенный Аюпала, что ныне бездомники⁹⁵, — те были прежде ворами, разоряли чужие деревни. Раз рушили они дома других, то из-за такого деяния и стали теперь бездомниками; приютом воспользоваться им не дано. Нет у них тапаса, нет добродетели, нет воздержания. Те монахи, почтенный Аюпала, что ныне нележалцы⁹⁶, — те были прежде ворами, грабили на дорогах. Они путников хватали, вязали, сидеть оставляли; из-за такого вот деяния они стали теперь нележалцами и им себе постель постелить не дано. Нет у них тапаса, нет добродетели, нет воздержания». В ответ на это достопочтенный Аюпала смолчал, не нашелся, что возразить. И пятьсот греков сказали царю Милинде: «Государь! Умен тхера, а все же не уверен и возразить ничего не может». А царь Милинда увидел, что достопочтенный Аюпала молчит. Он хлопнул в ладоши и воскликнул, обращаясь к грекам: «Увы, пусто на материке Джамбу, болтовня одна на материке Джамбу. Нет здесь ни шрамана, ни брахмана, кто смог бы со мной побеседовать, сомнение мое развеять». Но вот царь Милинда, обозревая собрание, увидел, что монахи⁹⁷ бесстрашны и невозмутимы, и подумал: «Есть, несомненно, еще какой-то мудрый монах, кто сможет со мной побеседовать, иначе монахи не были бы так невозмутимы». И царь Милинда спросил греков: «Послушайте, нет ли еще какого мудрого монаха, кто смог бы со мной побеседовать, мое сомнение развеять?»//

А тем временем достопочтенный Нагасена в окружении свиты подвижников, глава общины, учитель школы, руководитель школы⁹⁸, известный, прославленный, высоко чтимый многими людьми, ученый, мудрый, искусный, знающий, могучий, смиренный, опытный, образованный, помнящий все Три Корзины, сведущий, разумом гибкий и мощный, наследник наследия, обладатель толкующих знаний, хранящий в памяти девять частей наставления Учителя⁹⁹, достигший совершенства, по глаголу Победителя смысл Учения во благе проникновенно излагающий, толковник неизменно блистающий, рассказчик красноречивый, благие речи произносящий, несравненный, неотразимый, непревосходимый, неодолимый, неудержимый, неколебимый, как океан, несокрушимый, как царь гор, гонитель мрака светлосиянный, велеречивый, множества иных школ сокрушитель, учений соперников истребитель; среди монахов, монахинь, мирян, мирянок, царей, вельмож уважаемый, почитаемый, чтимый, признанный, ценимый; одежду, пропитание, приют, лекарства на случай болезни всегда получающий¹⁰⁰; мудрым, знающим, к нему с вниманием прибегнувшим, Учение Победителя — девятичастное

сокровище — вверяющий; указующий путь дхармы, держащий светоч дхармы, устанавливающий жертвенный столб дхармы, приносящий жертву дхармы, развертывающий знамя дхармы, вздымающий стяг дхармы, трубящий в боевую раковину дхармы, бьющий в литавры дхармы, издающий боевой клич дхармы, грохочущий громами Индры и из сладостно рокочущей громами, озаренной сетью молний познания, отягощенной влагою милосердия огромной дождевой тучи проливающий нектар дхармы на весь жаждущий мир, странствовал по деревням, торжкам и столицам и наконец прибыл в город Сагалу. Там достопочтенный Нагасена остановился вместе с восьмьюдесятью тысячами монахов в странноприимной обители.//Ведь сказано:

«Ученый, красноречивый, опытный и искусный,
Умный, глубокоумудрый, познавший, что есть стезя.//
Три Корзины знали монахи, иные — пять Сводов сутр,
Иные — четыре Свода, но первым был Нагасена.//
Достигший последней цели ¹⁰¹, Нагасена искусный
В окружении многих монахов знающих и правдивых
Шел городами и весями и в город Сагалу прибыл.
Там он остановился в странноприимной обители
И с народом беседовал, подобный гривастому льву».

И вот Девамантия ¹⁰² сказал царю Милинде: «Подожди, государь, подожди, государь! Есть еще, государь, тхера по имени Нагасена: ученый, мудрый, смиренный, опытный, весьма сведущий, рассказчик красноречивый, благие речи произносящий, достигший совершенства в толкующих знаниях предмета, дхармы, выражения и отражения. Он теперь остановился в странноприимной обители. Поезжай, государь, и задай вопрос достопочтенному Нагасене. Он сможет с тобой побеседовать, сомнение твое развеять». И тут на царя Милинду, когда вдруг услышал он имя «Нагасена», страх нашел, столбняк нашел, мороз по коже прошел ¹⁰³. И царь Милинда переспросил Девамантию: «Правда ли сможет монах Нагасена со мной побеседовать?» — «Он сможет побеседовать даже с Индрой, Ямой, Варуной, Куберой, Праджапати, Суямой, Сантушитой — хранителями стран света ¹⁰⁴ и даже с самим пращуром — Великим Брахмой ¹⁰⁵. Что уж говорить о людях?» И царь Милинда сказал Девамантии: «Раз так, Девамантия, пошли к почтенному вестника». — «Да, государь». И Девамантия послал вестника к достопочтенному Нагасене: «Почтенный! Царь Милинда желает видеть достопочтенного Нагасену». — «Так пусть приходит», — отвечал достопочтенный Нагасена. И царь Милинда взошел в окружении пятисот греков на прекрасную колесницу и вместе с большой военной силой прибыл в странноприимную обитель к достопочтенному Нагасене. А в то время достопочтенный Нагасена, окруженный восьмьюдесятью тысячами монахов, сидел в

беседке. И издали уже завидел собрание достопочтенного Нагасены царь Милинда. Завидев его, он спросил у Девамантии: «Чье это собрание, Девамантия?» — «Это собрание достопочтенного Нагасены, государь». И тут, когда царь увидел издалека собрание достопочтенного Нагасены, на него страх нашел, столбняк нашел, мороз по коже прошел. И царь Милинда, как слон, преследуемый носорогом, как змей, преследуемый Гарудой¹⁰⁶, как шакал, преследуемый удавом, как медведь, преследуемый буйволом, как лягушка, загнанная змеей, как лань, загнанная барсом, как змея при встрече со змееловом, как крыса при встрече с кошкой, как бес при встрече с заклинателем духов, как месяц в пасти демона Раху¹⁰⁷, как змея, попавшая в корзинку, как сокол, попавший в клетку, как рыба, попавшая в сеть, как человек, забредший в полный хищников лес, как якша, провинившийся перед Вайшраваной¹⁰⁸, как небожитель, когда пришла пора ему покинуть небеса¹⁰⁹, уstraшенный, подавленный, ужаснувшийся, потрясенный, с волосами, вставшими дыбом, растерянный, потерянный, омраченный рассудком, помутненный духом, собрался все же с мужеством, решив: «Нет, на людях я не поддамся слабости», и сказал Девамантии: «Не нужно мне указывать на достопочтенного Нагасену, Девамантия. Я сам узнаю, кто он здесь». — «Хорошо, государь, узнавай сам». А в это время достопочтенный Нагасена сидел посреди собрания. Перед ним сидело сорок тысяч монахов старше его, а позади — сорок тысяч монахов младше его. И царь Милинда обозрел всю общину монахов — сидевших спереди, и сзади, и в середине — и издалека уже завидел достопочтенного Нагасену, сидевшего посреди общины, бесстрашного, бестрепетного, безбоязненного, подобного льву гривастому, и, увидев, тотчас узнал его по облику: «Вот Нагасена». И царь Милинда сказал Девамантии: «Девамантия! Вон там Нагасена?» — «Да, государь, это и есть Нагасена. Верно ты узнал Нагасену, государь». И царь был доволен: «Узнал я Нагасену, хотя мне его и не показали». И вот, когда царь Милинда увидел достопочтенного Нагасену, на него страх нашел, столбняк нашел, мороз по коже прошел. Об этом сказано:

«Учтливому в обхождении, смирением высшим смиренного
Увидел царь Нагасену и слово такое вымолвил:

„Немало знавал я спорщиков, во многих участвовал

диспутах,

Но страха такого не было. Что ж я сегодня трясусь?

Наверное, поражение сегодня меня постигнет,

А победит Нагасена — слишком нестойк мой дух“».

Внешнее повествование закончено.

КНИГА ВТОРАЯ

ВОПРОСЫ О СВОЙСТВАХ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[Первый день беседы.]

Итак, царь Милинда пришел к достопочтенному Нагасене. Придя к нему, он приветствовал достопочтенного Нагасену, учтиво и дружественно расспросил его о жизни¹ и сел подле. Достопочтенный же Нагасена учтиво расспросил царя в ответ и расположил этим к себе сердце царя Милинды. И вот царь спросил достопочтенного Нагасену: «Как зовут почтенного? Каково твое имя, почтенный?» — «Мое имя Нагасена, государь. Нагасена — зовут меня сподвижники. Впрочем, это родители дают имя — Нагасена ли, Шурасена ли, Вирасена, ли, Симхасена ли. Ведь это, государь, название, знак, обозначение, обиходное слово, это только имя — Нагасена, здесь не представлена личность»² И царь Милинда сказал: «Послушайте меня, пятьсот греков и восемьдесят тысяч монахов³! Нагасена сказал сейчас, что „здесь не представлена личность“. Приемлемо ли это, можно ли согласиться с этим?»⁴ И царь Милинда сказал достопочтенному Нагасене: «Но если, почтенный Нагасена, здесь не представлена личность, то кто же тогда вам, монахам, одежду, пропитание, приют, лекарства на случай болезни подает? Кто потребляет их? Кто нравственность блюдет? Кто прилежит созерцанию? Кто следует стезей, получает плоды, осуществляет покой?»⁵ Кто живых убивает? Кто чужое ворует? Кто в похоти прелюбодействует? Кто ложь говорит? Кто пьянствует?⁶ Кто совершает пять тотчас воздаваемых деяний?⁷ Нет тогда хорошего, нет дурного, нет у хороших и дурных деяний ни совершителя, ни побудителя, нет у деяний праведных и неправедных ни плода, ни последствия⁸. Раз так, почтенный Нагасена, то, если кто-то умертвит вас, он не свершит убийства и у вас⁹, почтенный Нагасена, нет учителя, нет наставника¹⁰, нет посвящения. Ты говоришь, что сподвижники зовут тебя Нагасеной. Так что же это за Нагасена?

Может, почтенный, волосы — Нагасена?» — «Нет, государь». — «Волоски на теле — Нагасена?» — «Нет, государь». — «Ногти, зубы, кожа, мышцы, жилы, кости, костный мозг, почки, сердце, печень, селезенка, пленки, легкие, кишечник, соединительная ткань, содержимое желудка, испражнения, желчь, слизь, гной, кровь, пот, жир, слезы, жировые выделения на коже, слюна, выделения из носа, суставная жидкость, моча, головной мозг¹¹ — Нагасена?» — «Нет, государь». — «Может, почтенный, образное — Нагасена?» — «Нет, государь». — «Может, почтенный, ощущения — Нагасена?» — «Нет, государь». — «Распознавание — Нагасена?» — «Нет, государь». — «Слагаемые — Нагасена?» — «Нет, государь». — «Сознание — Нагасена?» — «Нет, государь». — «Так, может, почтенный, образное, ощущения, распознавание, слагаемые, сознание¹² вместе — Нагасена?» — «Нет, государь». — «Так, может, почтенный, что-то помимо образного, ощущений, распознавания, слагаемых, сознания — Нагасена?» — «Нет, государь». — «Ну, почтенный, спрашиваю я, спрашиваю, а Нагасены не вижу. Выходит, почтенный, что Нагасена — это звук один. Где же здесь Нагасена? Ложь ты говоришь, почтенный, неправду, нет Нагасены»¹³.

И вот достопочтенный Нагасена сказал царю Милинде: «Государь, ты ведь утонченный кшатрий, весьма утонченный. Идя в полуденный час по нагретой земле, горячему песку, ты, должно быть, изранишь себе ноги об острые камни, гравий и щебень, у тебя занеет тело, испортится настроение, появится осязательное сознание, сопровождаемое болью. Итак, ты приехал или пришел пешком?» — «Я пешком не хожу, почтенный. Я приехал на колеснице». — «Раз ты приехал на колеснице, государь, то предъяви мне колесницу. Скажи, государь, дышло — колесница?» — «Нет, почтенный». — «Ось — колесница?» — «Нет, почтенный». — «Колеса — колесница?» — «Нет, почтенный». — «Кузов — колесница?» — Нет, почтенный. — «Поручни¹⁴ — колесница?» — Нет, почтенный. — «Ярмо — колесница?» — Нет, почтенный. — «Вожжи — колесница?» — «Нет, почтенный». — «Стрекало — колесница?» — «Нет, почтенный». — «Так, может, государь, дышло, ось, колеса, кузов, поручни, ярмо, вожжи, стрекало вместе — колесница?»¹⁵ — «Нет, почтенный». — «Так, может, государь, что-то помимо дышла, оси, колес, кузова, поручней, ярма, вожжей, стрекала — колесница?» — «Нет, почтенный». — «Ну, государь, спрашиваю я, спрашиваю, а колесницы не вижу. Выходит, государь, что колесница — это звук один. Где же здесь колесница? Ложь ты говоришь, государь, неправду, нет колесницы. Ты же на всем материке Джамбу первый царь, кого тебе бояться, зачем лгать, государь? Послушайте меня, почтенные пятьсот греков и восемьдесят тысяч монахов! Царь Милинда сказал сейчас, что он-де приехал на колеснице. Я ему говорю: „Где ты приехал на колеснице, государь, то

предъяви мне колесницу". А у него с колесницей ничего не получается. Приемлемо ли это, можно ли согласиться с этим?»

Услышав эти слова, пятьсот греков одобрили достопочтенного Нагасену и сказали царю Милинде: «Ну же, государь, отвечай, если можешь». И царь Милинда сказал достопочтенному Нагасене: «Я не лгу, почтенный Нагасена. Вследствие¹⁶ дышла, вследствие оси, вследствие колес, вследствие кузова, вследствие поручней и используется название, знак, обозначение, обиходное слово, имя — колесница». — «Отлично, государь. Ты знаешь, что такое колесница. Вот точно так же и у меня: вследствие волос, вследствие волосков на теле и прочего, вследствие разного, вследствие ощущений, вследствие распознавания, вследствие слагаемых, вследствие сознания и используется название, знак, обозначение, обиходное слово, просто имя¹⁷ — Нагасена, однако в высшем смысле здесь не представлена личность. Ведь есть, государь, изречение монахини Ваджры, сказанное перед лицом Блаженного:

„Как говорят „колесница“ о собранных вместе частях,
Так все назовут существом то, что всего только груды“¹⁸.

— «Чудесно, почтенный Нагасена! Необычайно, почтенный Нагасена! Блестящий ответ, и как находчиво! Был бы жив Просветленный, и он бы тебя одобрил. Отлично, отлично, Нагасена. Блестящий ответ, и как находчиво! Ты сколько лет [в монашестве], почтенный Нагасена?» — «Я? Семь лет, государь¹⁹». — «Как это „семь“, почтенный? Это ты — семь или число — семь?» А в это время от нарядно одетого, сверкавшего драгоценным убором царя Милинды падала на землю тень, а в сосуде с водой виднелось его отражение. И достопочтенный Нагасена спросил царя Милинду: «Видишь, государь, свою тень на земле и отражение в воде? Скажи, государь, это ты — царь или тень с отражением²⁰ — царь?» — «Царь — это я, а не тень или отражение, почтенный Нагасена. А тень и отражение получают благодаря мне». — «Вот точно так же, государь, семь — это число лет, это не я. Однако получается семь благодаря мне, как тень». — «Чудесно, почтенный Нагасена! Необычайно, почтенный Нагасена! Блестящий ответ, и как находчиво!»

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, ты будешь со мною беседовать?» — «Если ты будешь беседовать по-ученому, государь, то буду, а если будешь беседовать по-царски, то не буду». — «А как, почтенный Нагасена, беседуют ученые?» — «В ученой беседе, государь, противника запутывают перебором случаев, он выпутывается, выдвигает опровержения, делаются встречные ходы, делаются различия и встречные различия²¹, и ученые при этом не сердятся. Вот так, государь, беседуют ученые». — «Ну а как, почтенный, цари беседуют?» — «Цари в беседе отстаивают какое-то свое положение, государь, а тем, кто им пере-

чит, приказывают дать палок: дайте-ка, мол, такому-то палок. Вот так, государь, цари беседуют»²².— «Будем, почтенный, беседовать по-ученому, а не по-царски. Беседуйте, почтенный, без опаски, словно с монахом, или послушником, или мирянином, или монастырским служкой — вот так и со мной беседуйте, почтенный, не опасайтесь». — «Спасибо, государь», — поблагодарил тхера.

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, могу я спросить тебя?» — «Можешь, государь». — «Я уже спросил, почтенный»²³. — «Я ответил, государь». — «Что же ты ответил, почтенный?» — «А что ты спросил, государь?» И вот царю Милинде подумалось: «Да, монах умен, ему под стать со мной беседовать. У меня ведь будет к нему много вопросов; спросить все до захода солнца мне не успеть. Лучше я побеседую с ним завтра во дворце». И царь сказал Девамантии: «Изволь уведомить почтенного, Девамантия, что беседовать мы с ним будем завтра во дворце». С этими словами царь встал с сиденья, попрощался с тхерой Нагасеной, сел на коня²⁴ и уехал, повторяя про себя: «Нагасена, Нагасена...» А Девамантия сказал достопочтенному Нагасене: «Почтенный, царь Милинда передает, что беседовать вы будете завтра во дворце». — «Спасибо», — поблагодарил тхера²⁵.

[Второй день беседы.]

И вот, когда миновала ночь, Девамантия, Анантакая, Манкура²⁶ и Всё-отдам²⁷ пришли к царю Милинде и, придя, спросили царя Милинду: «Придет достопочтенный Нагасена?» — «Да, пусть приходит». — «А сколько монахов с ним придет?» — «Пусть приводит столько монахов, сколько ему угодно». А Всё-отдам сказал: «Государь, пусть с ним придет десять монахов». Царь же опять сказал: «Пусть приводит столько монахов, сколько ему угодно». И Всё-отдам опять сказал: «Государь, пусть с ним придет десять монахов». Царь же сказал в третий раз: «Пусть приводит столько монахов, сколько ему угодно». И Всё-отдам сказал в третий раз: «Государь, пусть с ним придет десять монахов». — «Все же готово к приему гостей, я сказал: пусть приводит столько монахов, сколько ему угодно. Что это Всё-отдам мне перечит? Разве мы не в состоянии накормить монахов?» Услышав это, Всё-отдам рассердился²⁸.

И вот Девамантия, Анантакая и Манкура пришли к достопочтенному Нагасене и, придя, сказали достопочтенному Нагасене: «Царь Милинда передает, почтенный, что ты можешь привести с собой столько монахов, сколько тебе угодно». И вот достопочтенный Нагасена поутру оделся и, надев верхнюю одежду и взяв в руку миску, вошел вместе с восьмьюдесятью тысячами монахов в Сагалу. И вот Анантакая, идучи рядом с достопочтенным Нагасеной, спросил достопочтенного Нагасену: «Почтенный Нагасена! Когда я говорю „Нагасена“, то что тут На-

гасена?» — «А сам ты как думаешь, что это за Нагасена?» — спросил тхера. «Я думаю, почтенный, что Нагасена — это внутренний ветер, душа, которая то входит, то выходит». — «Ну а если этот воздух выйдет и не войдет или войдет и не выйдет, то будет жить человек?» — «Нет, почтенный». — «Ну а как с раковиной: когда люди дуют в раковину, то входит воздух в них обратно?» — «Нет, почтенный». — «Ну а как с дудочкой: когда люди дуют в дудочку, то входит воздух в них обратно?» — «Нет, почтенный». — «Ну а как с рогом: когда люди дуют в рог, то входит воздух в них обратно²⁹?» — «Нет, почтенный». — «Как же они не умирают?» — «Нет, с таким спорщиком, как ты, не мне тягаться. Пожалуйста, почтенный, подскажи мне, как на самом деле». — «Это не душа, это просто вдох и выдох, телесные отправления», — сказал ему тхера согласно абхидхарме³⁰. И Анантакая назвал себя мирским последователем общины³¹.

И вот достопочтенный Нагасена пришел в чертоги царя Милинды и, придя, сел на предложенное сиденье. И царь Милинда сам прислуживал Нагасене и его спутникам — положил им отменной еды, твердой и мягкой. Каждого монаха он одарил мирской одеждой³², а достопочтенного Нагасену — тремя монашескими одеяниями и сказал достопочтенному Нагасене: «Почтенный Нагасена, садитесь с десятью монахами здесь, а остальные могут идти». И вот, когда царь Милинда убедился, что достопочтенный Нагасена поел и вымыл миску и руки, он взял другое сиденье, пониже, и сел подле. И, сидя подле достопочтенного Нагасены, царь Милинда спросил его: «Почтенный Нагасена, каков же будет предмет нашей беседы?» — «У нас есть цель, государь³³. Пусть предметом нашей беседы будет цель». Царь молвил: «Какова цель вашего пострига, почтенный Нагасена, и какова ваша высшая цель?» — «Пожалуйста, государь: чтобы эта тягота пресеклась, иная тягота не появилась — вот какова цель нашего пострига. Упокоение же в непривязанности — это у нас высшая цель», — молвил тхера. «И что же, почтенный Нагасена, все принимают постриг для этого?» — «Нет, государь. Кто для этого принимает постриг, кого царь до этого доводит, кого грабители до этого доводят, кто — оттого, что весь в долгу, кто — чтобы добыть себе пропитание. Но те, кто истинно³⁴ принимает постриг, принимают его именно ради этого»³⁵. — «А ты, почтенный, для этого ли постриг принял?» — «Я еще маленький был, государь, когда принимал постриг. Зачем мне постриг, я тогда точно не знал. Мне тогда так думалось: „Шраманы, сыны шакьев, — люди ученые. Они меня выучат“. А теперь я выучился, сам знаю и сам вижу³⁶, что постриг именно для этого». — «Прекрасно³⁷, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, есть ли такие, кто после смерти вновь не воплотится?» — «Одни воплотятся, госу-

дарь, другие не воплотятся», — молвил тхера. «Кто же воплотится, кто не воплотится?» — «У кого есть аффекты, государь, тот воплотится, у кого нет аффектов, тот не воплотится». — «А ты, почтенный, воплотишься еще?» — «Если буду привязан, государь, то воплощусь, если не буду привязан, не воплощусь»³⁸. — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, верно ли, что тот, кто не воплотится, не воплотится благодаря своему подлинному вниманию?» — «Благодаря подлинному вниманию, государь, и мудрости, и другим благим дхармам». — «Но разве подлинное внимание и мудрость — не одно и то же, почтенный?» — «Нет, государь. Внимание — одно, мудрость — другое. Внимание, государь, есть и у козлов, баранов, буйволов, верблюдов, ослов³⁹, а мудрости у них нет». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Каково свойство внимания, почтенный, и каково свойство мудрости?» — «Свойство внимания — замечать, государь, свойство мудрости — отсекаль». «Каким образом свойство внимания — замечать? Каким образом свойство мудрости — отсекаль? Приведи пример». — «Представляешь себе жнецов, государь?» — «Да, почтенный, представляю». — «Как жнец жнет ячмень⁴⁰, государь?» — «Левой рукой он хватает пук колосьев, а в правой руке держит серп и отсекает серпом». — «Как жнец, государь, левой рукой хватает пук колосьев, а в правой руке держит серп и отсекает серпом, вот так же и подвизающийся, государь: вниманием он держит ум⁴¹, а мудростью отсекает аффекты. Вот так, государь, свойство внимания — замечать, свойство мудрости — отсекаль». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, ты упомянул „другие благие дхармы“. Каковы же эти благие дхармы?» — «Нравственность, государь, вера, усилие, памятование, сосредоточение⁴² — вот эти благие дхармы». — «Каково свойство нравственности, почтенный?» — «Свойство нравственности — быть основанием, почтенный. Нравственность — основа всем благим дхармам: орудиям, силам, звеньям просветления, стезе, постановкам памятования, истинным начинаниям, основам сверхобычных сил, уровням созерцания, развязкам, сосредоточениям, овладениям⁴³. У того, кто нравственно основателен, ни одна благая дхарма не пропадет». — «Приведи пример». — «Вот любые растения, государь, все, что растет, разрастается, размножается из отводков или семян, все это — из земли, основа их — земля. Только так они и могут расти, разрастаться, размножаться из отводков или семян⁴⁴. Вот точно так же, государь, и подвизающийся развивает в себе пять орудий: веру-орудие, усилие-орудие, памятование-орудие, сосредоточение-орудие, мудрость-орудие, и все сии — из нравственности, основа их — нравствен-

ность». — «Приведи еще пример». — «Вот любые пахотные работы, государь; все они делаются на земле, основа их — земля. Только так и можно выполнять пахотные работы⁴⁵. Вот точно так же, государь, и подвизающийся осваивает пять орудий: веру-орудие, усилие-орудие, памятование-орудие, сосредоточение-орудие, мудрость-орудие, и все они — из нравственности, основа их — нравственность». — «Приведи еще пример». — «Представь, государь, что зодчий решил заложить город. Для начала он велит расчистить строительную площадку, выкорчевать пни и колючие кусты, разровнять место, затем размечает, где быть улицам, площадям, перекресткам, и начинается строительство. Вот точно так же, государь, и подвизающийся осваивает пять орудий: веру-орудие, усилие-орудие, памятование-орудие, сосредоточение-орудие, мудрость-орудие, и все они — из нравственности, основа их — нравственность». — «Приведи еще пример». — «Представь, государь, что акробат собирается устроить представление. Он велит перекопать землю, очистить ее от камней и щебня, разровнять поверхность, а потом на мягкой земле устраивает представление. Вот точно так же, государь, и подвизающийся осваивает пять орудий: веру-орудие, усилие-орудие, памятование-орудие, сосредоточение-орудие, мудрость-орудие, и все они — из нравственности, основа их — нравственность. Ведь есть, государь, изречение Блаженного:

„Кто умен и, опершись на нравственность,
Мысль свою и мудрость развивает,
Ревностен и опытен в монашестве,—
Тот и расколтунит эдакий колтун“⁴⁶.

„Нравственность — опора, как земля для тварей.
Как из корня, из нее прорастет благое.
Первая она в наставленьях Будды.
Нравственность — опора Уставных Начал“⁴⁷.

— «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, каково свойство веры?» — «Свойства веры — прояснять и устремлять, государь». — «Каким образом, почтенный, свойство веры — прояснять?» — «Когда возникает вера, государь, она ломает преграды, и мысль без преград становится чистой, прозрачной, незамутненной. Вот так, государь, свойство веры — прояснять». — «Приведи пример». — «Представь, государь, что царь-миродержец отправился со своим четырехчастным войском⁴⁸ в поход и переправляется через речку. Слоны, всадники, колесницы, пехота всю речку распекут, замутят и взбаламутят. А царь-миродержец на том берегу прикажет вдруг слугам: „Эй, принесите-ка мне питьевой воды. Пить хочу“. И есть у царя драгоценный камень,

проясняющий воду⁴⁹. „Слушаемся, владыка“, — ответят царю-миродержцу слуги, возьмут этот проясняющий воду камень и опустят его в воду. И едва он попадет в воду, как тотчас все ракушки, ряска, козявки пропадут, вся тина оседет и вода станет чистой, прозрачной, незамутненной. Тогда и поднесут воды царю-миродержцу: „Вот питьевая вода, владыка“. Воду здесь, государь, следует уподоблять мысли, слуг уподоблять подвижающемуся, ракушки, ряску, козявки и тину уподоблять аффектам, камень, проясняющий воду, уподоблять вере. Стоит попасть этому камню в воду, и тотчас все ракушки, ряска, козявки пропадают, вся тина оседает и вода становится чистой, прозрачной, незамутненной. Вот точно так же, государь, когда возникает вера, она ломает преграды, и мысль без преград становится чистой, прозрачной, незамутненной⁵⁰. Вот так, государь, свойство веры — прояснять». — «Каким образом, почтенный, свойство веры — устремлять?» — «Подвигающийся видит, что у других мысль свободна, и сам устремляется к плоду обретения слуха, плоду возвращения единожды, плоду безвозвратности, плоду святости; занимается йогой, чтобы обрести необретенное, достичь недостигнутого, осуществить неосуществленное⁵¹. Вот так, государь, свойство веры — устремлять». — «Приведи пример». — «Представь, государь, что высоко в горах из большой тучи пролился дождь. Потоки дождевой воды устремились вниз, заполнили горные расселины, ущелья, отроги и влились в реку. И река вздулась и вышла из берегов⁵². И вот на берег пришла толпа народу; не зная, далеко ли тянется и глубока ли река, люди боятся и стоят на берегу. Но тут приходит некий человек. Соразмерив свои силы и возможности, он затягивает потуже набедренную повязку, устремляется в воду — и переправляется. Видя его переправившимся, переправляется и вся толпа народу⁵³. Вот точно так же, государь, подвижающийся видит, что у других мысль свободна, и сам устремляется к плоду обретения слуха, плоду возвращения единожды, плоду безвозвратности, плоду святости; занимается йогой, чтобы обрести необретенное, достичь недостигнутого, осуществить неосуществленное. Вот так, государь, свойство веры — устремлять. Ведь есть, государь, изречение Блаженного:

„Преодолеешь реку верою,
Преодолеешь море рвением,
Страдания превозможешь мужеством,
Очистишься своею мудростью“⁵⁴.

— «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, каково свойство усилия?» — «Свойство усилия — укреплять, государь. Ни одна благая дхарма не пропадет, если укреплять их усилием». — «Приве-

ди пример». — «Представь себе, государь, накренившийся дом. Человек укрепит его бревном. Будучи укреплен, дом не развалится. Вот так, государь, свойство усилия — укреплять. Ни одна благая дхарма не пропадет, если укреплять их усилием». — «Приведи еще пример». — «Представь, государь, что маленькое войско разбито большим. Затем побежденный царь созвал, собрал со всех концов подмогу. С нею сообща маленькое войско разобьет большое. Вот так, государь, свойство усилия — укреплять. Ни одна благая дхарма не пропадет, если укреплять их усилием⁵⁵. Ведь есть, государь, изречение Блаженного: „Усердный⁵⁶ арийский слушатель, о монахи, отбрасывает неблагое, осваивает благое, отбрасывает зазорное, осваивает незазорное, блюдет себя в чистоте“». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, каково свойство памятования?» — «Свойства памятования — упоминать и удерживать, государь». — «Каким образом, почтенный, свойство памятования — упоминать⁵⁷?» — «Когда возникает памятование, государь, оно упоминает все дхармы: благие и неблагие, зазорные и незазорные, низкие и возвышенные, темные и светлые, противоположные друг другу: вот четыре постановки памятования, вот четыре истинных начинания, вот четыре основы сверхобычных сил, вот пять орудий, вот пять сил, вот семь звеньев просветления, вот арийская восьмизвенная стезя, вот спокойствие, вот прозрение, вот ведение, вот свобода. Тогда подвизающийся следует дхармам, которым должно следовать, не следует дхармам, которым не должно следовать, прилежит к дхармам, к которым должно прилежать, не прилежит к дхармам, к которым не должно прилежать. Вот так, государь, свойство памятования — упоминать». — «Приведи пример». — «Представь, государь, что казначей царя-миродержца докладывает по утрам и вечерам царю-миродержцу: „Столько-то у тебя, владыка, слонов, столько-то конницы, столько-то колесниц, столько-то пехоты, столько-то золотых монет, столько-то золота, столько-то прочего имущества. Да помнит владыка об этом“. Так он упоминает именование царя. Вот точно так же, государь, когда возникает памятование, оно упоминает все дхармы — благие и неблагие, зазорные и незазорные, низкие и возвышенные, темные и светлые, противоположные друг другу: вот четыре постановки памятования, вот четыре истинных начинания, вот четыре основы сверхобычных сил, вот пять орудий, вот пять сил, вот семь звеньев просветления, вот арийская восьмизвенная стезя, вот спокойствие, вот прозрение, вот ведение, вот свобода⁵⁸. Тогда подвизающийся следует дхармам, которым должно следовать, не следует дхармам, которым не должно следовать, прилежит к дхармам, к которым должно прилежать, не прилежит к дхармам, к которым не должно прилежать. Вот так, государь, свой-

ство памятования — упоминать». — «Каким образом, почтенный, свойство памятования — удерживать?» — «Когда возникает памятование, государь, оно следит за ходом хороших и плохих дхарм: вот хорошие дхармы, вот плохие дхармы, вот пригодные дхармы, вот непригодные дхармы. Тогда подвигающийся плохие дхармы гонит, хорошие дхармы удерживает, непригодные дхармы гонит, пригодные дхармы удерживает. Вот так, государь, свойство памятования — удерживать». — «Приведи пример». — «Например, государь, драгоценный наследник⁵⁹ царя-миродержца знает, что хорошо, что плохо, что пригодно, что непригодно для царя, а потому плохое гонит, хорошее удерживает, непригодное гонит, пригодное удерживает. Вот точно так же, государь, когда возникает памятование, оно следит за ходом хороших и плохих дхарм: вот хорошие дхармы, вот плохие дхармы, вот пригодные дхармы, вот непригодные дхармы; тогда подвигающийся плохие дхармы гонит, хорошие дхармы удерживает, непригодные дхармы гонит, пригодные дхармы удерживает. Вот так, государь, свойство памятования — удерживать⁶⁰. Ведь есть изречение Блаженного, государь: „Памятование, монахи, я называю во всем нужным“⁶¹». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, каково свойство сосредоточения?» — «Свойство сосредоточения — главенство, государь. У всех благих дхарм глава одна — сосредоточение. Все они — низины сосредоточения, склоны сосредоточения, скаты сосредоточения»⁶². — «Приведи пример». — «Как в здании с островерхой кровлей, государь, все закрылины от конька идут, от конька спускаются, на коньке сходятся, конек их всех выше, вот точно так же, государь, у всех благих дхарм глава одна — сосредоточение, все они — низины сосредоточения, скаты сосредоточения, склоны сосредоточения»⁶³. — «Приведи еще пример». — «Представь, государь, что некий царь вышел со своим четырехчастным войском на битву. Он тогда глава всего войска — слонов, конницы, колесниц, пехоты, а они от него расходятся, будто низины, будто склоны, будто скаты. Вот точно так же, государь, у всех благих дхарм глава одна — сосредоточение⁶⁴. Все они — низины сосредоточения, склоны сосредоточения, скаты сосредоточения. Вот так, государь, свойство сосредоточения — главенство. Ведь есть изречение Блаженного, государь: „Осваивайте сосредоточение, монахи. Сосредоточенный постигает то, что есть“⁶⁵». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, каково свойство мудрости?» — «Я уже говорил раньше, государь, что свойство мудрости — отсекасть, но и освещать — тоже свойство мудрости». — «Каким образом, почтенный, свойство мудрости — освещать?» — «Когда возникает мудрость, государь, она рассеивает потемки

неведения, порождает свет ведения, проливает сияние знания, освещает арийские истины, и тогда подвизающийся видит истинной мудростью: [все это] бренно, тяжело, без самости». — «Приведи пример». — «Представь, государь, что в темный дом внесли светильник. Внесенный светильник рассеет потемки, породит свет, прольет сияние, осветит очертания предметов. Вот точно так же, государь, когда возникает мудрость, она рассеивает потемки неведения, порождает свет ведения, проливает сияние знания, освещает арийские истины⁶⁶, и тогда подвизающийся видит истинной мудростью: [все это] бренно, тяжело, без самости. Вот так, государь, свойство мудрости — освещать»⁶⁷. — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена! Верно ли, что все эти дхармы, будучи различными, содействуют достижению одной цели?» — «Да, государь, все эти дхармы, будучи различными, содействуют достижению одной цели: все они уничтожают аффекты». — «Каким образом, почтенный, все эти дхармы, будучи различны, содействуют достижению одной цели? Как все они уничтожают аффекты? Приведи пример». — «Скажем, государь, все рода войска — слоны, конница, колесницы, пехота, будучи различными, содействуют достижению одной цели — разгрому вражеского войска в сражении. Вот точно так же, государь, и все эти дхармы, будучи различными, содействуют достижению одной цели: все они уничтожают аффекты». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Первая глава [закончена].

ГЛАВА ВТОРАЯ

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, тот, кто становится¹, — тот же или иной?» — «И не тот и не иной», — молвил тхера. «Приведи пример». — «Как ты полагаешь, государь: ты, бывший маленьким, слабым, несмышленным младенцем, — это тот же ты, теперешний, взрослый?» — «Нет, почтенный. Маленький, слабый, несмышленный младенец — это было одно, а теперешний, взрослый я — это другое». — «Но если так, государь, то тогда и матери не будет, и отца не будет, и учителя не будет, и умелого не будет, и нравственного не будет, и мудрого не будет. Стало быть, государь, мать [зародышевой] капельки — одна, мать листочка — другая, мать мешочка — иная, мать комочка — иная², мать ребенка — иная, мать взрослого — иная? Тогда учился один, а выучился другой? Злодейство чинит один, а ступни и кисти усекают другому?» — «Нет, почтенный. А ты бы что сам сказал на это?» — «Это все же я был, государь, маленьким, слабым, несмышленным младенцем, и это я же теперешний, взрослый, притом все это связано воедино благодаря

телу»³, — молвил тхера. «Приведи пример». — «Представь, государь, что некто зажжет светильник. Будет ли светильник гореть всю ночь?» — «Да, почтенный, будет гореть всю ночь». — «И что же, государь, пламя его во время вечерней стражи и пламя его во время полночной стражи одно и то же?» — «Нет, почтенный». — «Пламя его во время полночной стражи и пламя его во время утренней стражи одно и то же?»⁴ — «Нет, почтенный». — «И что же, государь, светильник был во время вечерней стражи один, а во время полночной стражи иной, во время утренней стражи иной?» — «Нет, почтенный, но именно благодаря ему свет горел всю ночь». — «Вот так же, государь, и последовательность дхарм связывается: иным [существо] становится, иным переходит⁵, как бы безначально, бесконечно связывается, а потому и не тот и не иной не получается в сцеплении очередного сознания»⁶. — «Приведи еще пример». — «Например, государь, свеженатое молоко спустя некоторое время превращается в простоквашу, из простокваши получается сливочное масло, из сливочного масла — топленое⁷. Если кто-нибудь будет утверждать, что и молоко, и простокваша, и сливочное масло, и топленое масло — одно и то же, то будут ли его слова истинны, государь?» — «Нет, почтенный, но [одно] возникло благодаря [другому]». — «Вот так же, государь, и последовательность дхарм связывается: иным становится, иным переходит, как бы безначально, бесконечно связывается, а потому и не тот и не иной получается в сцеплении очередного сознания». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, известно ли тому, кто не воплотится, что он не воплотится?» — «Да, государь. Тому, кто не воплотится, известно, что он не воплотится». — «Как это ему известно?» — «Чтобы произошло воплощение, должны быть причина, основание⁸. Раз эта причина, это основание перестали действовать, то он знает, что не воплотится». — «Приведи пример». — «Например, государь, хозяин-пахарь вспахал, засеял, снял урожай и наполнил амбар, а потом не стал больше ни пахать, ни сеять, а весь тот хлеб, что собрал, или потребил сам, или отдал — распорядился с ним так, как ему нужно. Знает ли этот хозяин-пахарь, что амбар его полным не останется?» — «Да, почтенный, знает». — «Откуда он это знает?» — «Чтобы амбар был полон, должны быть причина, основание. Раз эта причина, это основание перестали действовать, то он знает, что амбар его полным не останется». — «Вот так же, государь, чтобы произошло воплощение, должны быть причина, основание. Раз эта причина, это основание перестали действовать, то он и знает, что не воплотится». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, у кого возникло знание, у того возникла и мудрость, не так ли?» — «Да, государь. У кого возникло знание, у того возникла и мудрость». — «Зна-

чит, почтенный, знание и мудрость — это одно и то же?» — «Да, государь, знание и мудрость — это одно и то же»⁹. — «А тот, у кого это возникло — будь это знанием или мудростью, — может ли в чем-либо заблуждаться?» — «В чем-то может, государь, в чем-то не может». — «В чем может заблуждаться, почтенный, в чем не может?» — «Относительно неизвестных ему ранее навыков¹⁰, незнакомой прежде местности, не встречавшегося прежде имени или знака он может заблуждаться, государь». — «А в чем не может заблуждаться?» — «В том, государь, что произведено этой мудростью, то есть [в том, что все это] бrenно, тяжело, без самости, — в этом он не может заблуждаться». — «Куда же девается его заблуждение, почтенный?» — «Едва возникло знание, как заблуждение тотчас же исчезает, государь». — «Приведи пример». — «Представь, государь, что некто установил в темном доме светильник. Тогда потемки исчезнут, появится свет. Вот так же, государь, едва возникло знание, как заблуждение тотчас же исчезает». — «Ну а куда, почтенный, мудрость девается?» — «Сделав свое дело, мудрость тотчас же исчезает, государь. Но то, что эта мудрость сделала, то есть [постижение того, что все это] бrenно, тяжело, без самости, — это не исчезает». — «Почтенный Нагасена, по твоим словам, сделав свое дело, мудрость тотчас же исчезает, но то, что эта мудрость сделала, то есть [постижение того, что все это] бrenно, тяжело, без самости, — это не исчезает. Приведи пример этому». — «Представь, государь, что некто хочет ночью отправить письмо. Он посылает за писцом, зажигает светильник, писец с его слов записывает письмо. А когда письмо уже написано, он тушит светильник. Письмо же не пропадет оттого, что светильник потушен? Вот так же, государь, сделав свое дело, мудрость тотчас же исчезает, но то, что эта мудрость сделала, то есть [постижение того, что все это] бrenно, тяжело, без самости, — это не исчезает». — «Приведи еще пример». — «Например, государь, в восточных областях жители на случай пожара держат при каждом доме по пять кувшинов с водой. Если в доме начался пожар, они тушат его водою из этих пяти кувшинов. Скажи, государь, разве после этого нужно им будет опять брать кувшины и повторять все сначала?» — «Нет, почтенный. Им этих кувшинов хватило, ни к чему им больше кувшины». — «Здесь, государь, кувшинам следует уподобить пять орудий: веру-орудие, усилие-орудие, памятование-орудие, сосредоточение-орудие, мудрость-орудие; жителям уподобить подвизающегося, пожару уподобить аффекты. Как пожар гасится водою из пяти кувшинов, так аффекты гасятся пятью орудиями. Однажды погашенные, аффекты более не возникают. Вот так, государь, сделав свое дело, мудрость тотчас же исчезает, но то, что эта мудрость сделала, то есть [постижение того, что все это] бrenно, тяжело, без самости, — это не исчезает». — «При-

веди еще пример». — «Например, государь, врач¹¹ пришел к больному с пятью целебными кореньями, истолок пять этих целебных кореньев и дал больному выпить отвар. Этим болезнетворные начала будут изгнаны. Скажи, государь, разве нужно будет врачу брать целебные корни и повторять все сначала?» — «Нет, почтенный. Ему хватило этих кореньев, ни к чему ему больше коренья». — «Здесь, государь, пяти целебным кореньям следует уподобить пять орудий: веру-орудие, усилие-орудие, памятование-орудие, сосредоточение-орудие, мудрость-орудие; врачу уподобить подвизающегося; болезни уподобить аффекты; болящему — человека-из-толпы. Как пять целебных кореньев изгоняют болезнетворные начала, так и пять орудий изгоняют аффекты; однажды изгнанные, аффекты более не возникают. Вот так же, государь, сделав свое дело, мудрость тотчас же исчезает, но то, что эта мудрость сделала, то есть [постижение того, что все это] бrenно, тяжко, без самости, — это не исчезает». — «Приведи еще пример». — «Например, государь, опытный в схватках воин вышел с пятью дротиками на схватку с вражеским отрядом, стремясь к победе. В ходе схватки он метнул эти пять дротиков, и они поразили врагов. Скажи, государь, разве нужно будет этому опытному в схватках воину брать дротики и повторять все сначала?» — «Нет, почтенный. Ему хватило этих дротиков, ни к чему ему больше дротики». — «Здесь, государь, пяти дротикам следует уподобить пять орудий: веру-орудие, усилие-орудие, памятование-орудие, сосредоточение-орудие, мудрость-орудие; опытному в схватках воину — подвизающегося, вражескому отряду — аффекты. Как пять дротиков поражают врагов, так пятью орудиями поражаются аффекты. Однажды пораженные, аффекты более не возникают. Вот так же, государь, сделав свое дело, мудрость тотчас же исчезает, но то, что эта мудрость сделала, то есть [постижение того, что все это] бrenно, тяжко, без самости, — это не исчезает». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, тот, кто больше не воплотится, испытывает ли какую-либо боль?» — «Одну испытывает, другой не испытывает», — молвил тхера. «Какую испытывает боль, почтенный, а какой не испытывает?» — «Он испытывает телесную боль, государь, и не испытывает душевной боли»¹². — «Почему, почтенный, он испытывает телесную боль и не испытывает душевной боли?» — «Чтобы возникла телесная боль, государь, должна быть причина, основание. Раз эта причина, это основание не перестало действовать, то он и испытывает телесную боль. Чтобы возникла душевная боль, должна быть причина, основание. Раз эта причина, это основание перестало действовать, то он не испытывает душевной боли. Ведь есть, государь, изречение Блаженного: „Одну лишь боль он испытывает: телесную, но не душевную“¹³. — «Почтенный На-

гасена, если такой человек испытывает боль, то почему он не уходит в покой?»¹⁴ — «Святые, государь, не влекутся и не отвращаются; не рвут святые незрелый плод; разумные ждут, пока он созреет¹⁵. Ведь есть, государь, изречение Шарипутры, полководца Учения:

„К смерти не пристрашаюсь, к жизни не пристрашаюсь, Я дождаюсь срока, как приказанья — слуга.

К смерти не пристрашаюсь, к жизни не пристрашаюсь, Я дождаюсь срока в трезвом уме и в памяти“¹⁶.

— «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, каково приятное ощущение: благое оно, неблагое или безразличное?» — «Бывает благим, государь, бывает неблагим, бывает безразличным». — «Если, почтенный, благое не есть неприятное, если неприятное не есть благое, то благого неприятного не получается [вообще]». — «Как ты полагаешь, государь: если в одну руку человеку положить накалившийся железный шарик, а в другую руку положить холодный комок снега, то будут ли они оба жечь ему руки?» — «Да, почтенный, оба будут жечь». — «Разве они оба горячие, государь?» — «Нет, почтенный». — «Или разве они оба холодные, государь?» — «Нет, почтенный». — «Признай опровержение: допустим, что жжет [нечто] горячее, но они не оба горячие, стало быть, так не получается; допустим, что жжет [нечто] холодное, но они не оба холодные, стало быть, так не получается. Почему же они жгут оба, государь? Ведь они ни горячие оба, ни холодные; один из них горячий, другой — холодный, а стало быть, так, чтобы жгли оба, у тебя не получается». — «Нет, с таким спорщиком, как ты, не мне тягаться. Пожалуйста, подскажи мне, как на самом деле». Тогда тхера растолковал царю Милинде, используя абхидхарму: «Есть, государь, шесть мирских удовольствий, шесть беспохотных удовольствий, шесть мирских безразличий, шесть беспохотных безразличий, итого шесть раз по шести. Прошрое ощущение тридцати шести разновидностей, будущее ощущение тридцати шести разновидностей, теперешнее ощущение тридцати шести разновидностей. Итого, если все это собрать, сгнести воедино, получается сто восемь разновидностей ощущения¹⁷». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, кто вновь воплощается?» — «Образно-знаковое¹⁸ воплощается, государь», — молвил тхера. «Как, то самое образно-знаковое воплощается?» — «Нет, государь, воплощается не то самое образно-знаковое. Тем образно-знаковым [существо] совершает деяние, праведное или греховное, а через это деяние воплощается иное образно-знаковое». — «Если, почтенный Нагасена, воплощается не то самое

образно-знаковое, то [существо], вероятно, освобождается от греховных деяний?» — «Не будь нового воплощения, оно бы освобождалось от греховных деяний. Но раз воплощается, государь, то не освобождается от греховных деяний», — молвил тхера. «Приведи пример». — «Например, государь, один человек стащил у другого манго. Владелец манго схватил его и привел к князю: „Сиятельный! Этот человек стащил у меня манго!“ А тот так скажет: „Не брал я, сиятельный, его манго. Те манго, что он посадил, — это одно, а те манго, что я взял, — это другое. Меня не за что наказывать“. Так как, государь, заслуживает этот человек наказания?» — «Да, почтенный, заслуживает». — «Почему же?» — «Что бы он ни говорил, но то первое манго ненаблюдаемо, а за позднейшее манго этот человек заслуживает наказания». — «Вот так же, государь, этим образно-знаковым [существо] совершает деяние, праведное или греховное, а через это деяние воплощается иное образно-знаковое. Поэтому оно не освобождается от греховных деяний». — «Приведи еще пример». — «Например, государь, один человек стащил у другого рис или сахарный тростник (———)¹⁹. Или, иначе, государь: например, кто-то развел в зимнее время костер, чтобы согреться, и ушел, не загасив его, а от этого костра сгорело чужое поле. Хозяин поля схватил этого человека и привел к князю: „Сиятельный! Из-за этого человека у меня сгорело поле“. А тот так скажет: „Не жег я его поля, сиятельный. Костер, что я не загасил, — это одно, а огонь, в котором сгорело его поле, — это другое. Меня не за что наказывать“. Так как, государь, заслуживает этот человек наказания?» — «Да, почтенный, заслуживает». — «Почему?» — «Что бы он ни говорил, но тот первый костер ненаблюдаем, а за позднейший пожар этот человек заслуживает наказания». — «Вот так же, государь, этим образно-знаковым [существо] совершает деяние, праведное или греховное, а через это деяние воплощается иное образно-знаковое. Поэтому оно не освобождается от греховных деяний». — «Приведи еще пример». — «Например, государь, кто-то залез со светильником на сеновал²⁰ поест. От светильника загорелось сено, от сена загорелся дом, от дома загорелась и сгорела деревня. Селяне схватили этого человека и говорят: „Ты что нам деревню спалил?“ А тот так скажет: „Я вам деревню не палил. Огонь светильника, при свете которого я поел, — это одно, а огонь, который спалил деревню, — это другое“. Представь, что они пререкаются так и пришли к тебе. В чью пользу ты бы решил дело, государь?» — «В пользу селян, почтенный». — «Почему?» — «Что бы он ни говорил, но ведь этот огонь получился именно из того». — «Вот так же, государь, то образно-знаковое, что кончается со смертью, — это одно, то образно-знаковое, что вновь воплощается, — это другое, но второе получилось именно из первого, поэтому [существо] не осво-

бождается от греховных деяний». — «Приведи еще пример». — «Например, государь, некто посватался к маленькой девочке, уплатил вено и ушел. Прошло время, и она выросла во взрослую, зрелую девушку. Пришел другой мужчина, заплатил вено и играет свадьбу. Тут является тот первый и говорит: „Ты что ж это, приятель, от меня жену уводишь?“ А тот так скажет: „Не увожу я от тебя жену. Была маленькая нежная девочка, к которой ты посватался, за которую заплатил вено,— это было одно. А эта взрослая, зрелая девушка, к которой я посватался, за которую я заплатил вено,— это уже другое“. Представь, что они пререкаются так и пришли к тебе. В чью пользу ты бы решил дело, государь?» — «В пользу первого, почтенный». — «Почему?» — «Что бы тот ни говорил, но ведь во взрослую девушку она выросла именно из этой [маленькой девочки]». — «Вот так же, государь, то образно-знаковое, что кончается со смертью,— это одно, то образно-знаковое, что вновь воплощается,— это другое, но второе получилось именно из первого, поэтому [существо] отнюдь не освобождается от греховных деяний». — «Приведи еще пример». — «Например, государь, некто купил у пастуха кринку молока и у него же молоко оставил, сказав, что заберет-де завтра. Назавтра молоко уже скисло. Приходит покупатель и говорит: „Давай мне мою кринку молока“. Пастух показывает ему, что уже вышла простокваша²¹. А тот так скажет: „Я у тебя простоквашу не покупал. Давай сюда кринку с молоком“.— „Ты, видно, не знаешь, что твое молоко уже скисло“,— говорит ему пастух. Представь, что они пререкаются так и пришли к тебе. В чью пользу ты бы решил дело, государь?» — «В пользу пастуха, почтенный». — «Почему?» — «Что бы тот ни говорил, но ведь второе получилось именно из первого». — «Вот так же, государь, то образно-знаковое, что кончается со смертью,— это одно, то образно-знаковое, что вновь воплощается,— это другое, но второе получилось именно из первого, поэтому [существо] отнюдь не освобождается от греховных деяний». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, а ты еще воплотишься?» — «Оставь, государь, сколько можно спрашивать. Разве я не сказал уже: если буду привязан, то воплощусь, если не буду привязан, то не воплощусь». — «Приведи пример». — «Например, государь, некто попросил у царя должность²², расположил царя к себе и получил от него должность. На этой должности он зажил в холе и неге, ублажая все свои пять чувств, а людям стал описывать дело так, что царь, мол, ничем его не наградил. Скажи, государь, подобает ли так поступать?» — «Нет, почтенный». — «Вот так же, государь, сколько можно спрашивать? Разве я не сказал уже: если буду привязан, то воплощусь; если не буду привязан, то не воплощусь». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, ты упомянул образно-знаковое. Что здесь знаковое, а что образное?» — «То, что там грубое, то образное, государь, а тонкое — ум и связанные с ним дхармы — это знаковое». — «Почтенный Нагасена, почему знаковое или образное не воплощается порознь?» — «Эти дхармы взаимозависимы, государь, раздельно они не возникают». — «Приведи пример». — «Например, государь, если в курице не будет зародыша²³, то не будет и яйца. Оба — и зародыш и яйцо — взаимозависимы, порознь не возникают. Вот так же, государь, если не будет знакового, то не будет и образного; оба они — образное и знаковое — взаимозависимы, раздельно не возникают. Так и составляется это долгое время». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, ты упомянул „долгое время“. Что же такое долгое время?» — «Прошлое время, настоящее время, будущее время, государь». — «А есть ли время, почтенный?» — «В одних случаях есть время, в других случаях нет времени»²⁴. — «В каких случаях есть время, почтенный, и в каких случаях нет?» — «Если слагаемые уже в прошлом, государь, прошли, пресеклись, разложились, — то этого времени нет, государь; если дхармы-последствия и дхармы, [имеющие] дхармы-последствия, создают новое воплощение в ином месте, то в таком случае время есть. Если, умерев, существа рождаются в ином месте, то в таком случае время есть; если, умерев, существа не рождаются в ином месте, то в таком случае времени нет. Если же существа упокоиваются, то в таком случае времени нет из-за того, что они упокоились»²⁵. — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Вторая глава [закончена].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, каков корень прошлого, каков корень будущего, каков корень настоящего?» — «И у прошлого, и у будущего, и у настоящего корень один, государь, — неведение; на основании неведения — слагаемые, на основании слагаемых — сознание, на основании сознания — образно-знаковое, на основании образно-знакового — шесть каналов, на основании шести каналов — соприкосновение, на основании соприкосновения — ощущение, на основании ощущения — жажда, на основании жажды — привязанность, на основании привязанности — существование, на основании существования — рождение, на основании рождения — старость со смертью: являются печаль, стенания, боль, уныние, отчаяние, и первый край всего этого времени не познается»¹. — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, как ты сказал, „первый край не познается“. Приведи этому пример». — «Например, государь, посадили в землю семечко. Из него поднимется росток, будет постепенно расти, развиваться, разрастаться, даст плоды. Возьмут от него семя и снова посадят. Из него поднимется росток, будет постепенно расти, развиваться, разрастаться, даст плоды. Есть ли у такого ряда конец?» — «Нет, почтенный». — «Вот точно так же, государь, и первый край времени не познается». — «Приведи еще пример». — «Например, государь, от курицы яйцо, от яйца курица, от курицы яйцо. Есть ли у такого ряда конец?» — «Нет, почтенный». — «Вот точно так же, государь, и первый край времени не познается». — «Приведи еще пример». Тхера начертил на земле круг² и сказал царю Милинде: «Есть ли у этого круга конец, государь?» — «Нет, почтенный». — «Вот точно так же, государь, и Блаженный говорил о таких кругах: на основании зрения и зримого становится зрительное сознание, соединение их трех есть соприкосновение, на основании соприкосновения — ощущение, на основании ощущения — жажда, на основании жажды — деяние, от деяния вновь порождается зрение. Есть ли у такого ряда конец?» — «Нет, почтенный». — «Так же и со слухом, и с обонянием, и со вкусом, и с осязанием, и с умом³: на основании ума и дхарм становится умное⁴ сознание, соединение их трех есть соприкосновение, на основании соприкосновения — ощущение, на основании ощущения — жажда, на основании жажды — деяние, от деяния вновь порождается ум⁵. Есть ли у такого ряда конец?» — «Нет, почтенный». — «Вот точно так же, государь, и первый край времени не познается». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, ты сказал, что первый край не познается. Что же такое первый край?» — «Первый край — это прошлое, государь». — «Почтенный Нагасена, ты сказал, что первый край не познается. Всякий ли первый край не познается, почтенный?» — «Один познается, государь, другой не познается». — «Какой познается, почтенный, какой не познается?» — «Не познается, государь, такой первый край, прежде которого не оказалось бы неведения — всего, относительно всего, во всех отношениях. А если нечто, возникнув из небытия, вновь уходит в небытие, то такой первый край познается». — «Почтенный Нагасена, если нечто, возникнув из небытия, вновь уходит в небытие, то у него ведь отсечены оба конца, [а потому] оно [вообще] пропадает?» — «Да, государь, у чего отсечены оба конца, то пропадает вообще». — «Но отсеченное с обоих концов можно и нарастить?» — «Да, [государь, что касается странствующих в мирском кружении существ], то можно и нарастить». — «Я не об этом спрашиваю, почтенный. Можно ли нарастить [нечто] от первого края?» — «Да, можно нарастить». — «Приведи пример».

Тхера привел ему пример с деревом: [«Например, государь, может вырасти] из семени дерево с сучьями⁶-грудами. [Вот точно так же, государь, из семян—деяний и аффектов—появляются существа с их пятью грудами».]—«Прекрасно, почтенный Нагасена»⁷.

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, есть ли слагаемые, которые возникают?»—«Да, государь, есть слагаемые, которые возникают».—«Каковы они, почтенный?»—«Если есть зрение и зримое, государь, то будет зрительное сознание; если есть зрительное сознание, то будет зрительное соприкосновение; если есть зрительное соприкосновение, то будет ощущение; если есть ощущение, то будет жажда; если есть жажда, то будет привязанность; если есть привязанность, то будет существование; если будет существование, то будет старость со смертью, явятся печаль, стенания, боль, уныние, отчаяние. Так идет сложение всего этого множества тягот. А если нет зримого и зрения, то не будет зрительного сознания; если нет зрительного сознания, то не будет зрительного соприкосновения; если нет зрительного соприкосновения, то не будет ощущения; если нет ощущения, то не будет жажды; если нет жажды, то не будет существования; если нет существования, то не будет рождения; если нет рождения, то не будет старости со смертью, не явятся печаль, стенания, боль, уныние, отчаяние. Так идет пресечение всего этого множества тягот. [Так же и со слухом, государь, и с обонянием, и со вкусом, и с осязанием, и с умом] ⁸».—«Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, есть ли слагаемые, возникающие из ничего?»—«Нет слагаемых, возникающих из ничего, государь. Все слагаемые возникают из чего-то»⁹.—«Приведи пример».—«Как ты думаешь, государь: дом, в котором ты находишься, из ничего возник?»—«Нет, почтенный. Такого, что возникло бы из ничего, здесь нет. Все возникло из чего-то. Эти бревна были в лесу, почтенный; эта глина была в земле. Усилиями женщин и мужчин, приложенными к ним, и возник этот дом».—«Вот так же, государь, нет слагаемых, возникающих из ничего. Все слагаемые возникают только из чего-то».—«Приведи еще пример».—«Например, государь, любые растения, все, что растет, разрастается, развивается из брошенных в землю семян или отводков; деревья не возникли из ничего, напротив, они возникли из чего-то. Вот так же, государь, нет слагаемых, возникающих из ничего, все слагаемые возникают только из чего-то».—«Приведи еще пример».—«Например, государь, гончар добывает из земли глину и изготавливает из нее разную утварь. Утварь не возникает из ничего, она возникает из чего-то. Вот так же, государь, нет слагаемых, возникающих из ничего, все слагаемые возникают только из чего-то».—«Приведи еще пример».—«Например, государь, пусть нет корпуса ви-

ны, нет кожи, нет полости, нет грифа, нет деки, нет струн, нет плектра, нет усилия человека, приложенного к ней,— возникнет ли звук?» — «Нет, почтенный». — «А теперь, государь, пусть есть корпус вины, есть кожа, есть полость, есть гриф, есть дека, есть плектр, есть усилие человека, приложенное к ней,— возникнет ли звук?»¹⁰ — «Да, почтенный, возникнет». — «Вот так же, государь, нет слагаемых, возникающих из ничего, все слагаемые возникают из чего-то». — «Приведи еще пример». — «Например, государь, пусть нет нижнего бруска, нет сверлильной палочки, нет веревки к сверлильной палочке, нет верхнего бруска, нет трута¹¹, нет усилия человека, приложенного к этому,— возникнет ли огонь?» — «Нет, почтенный». — «А теперь, государь, пусть есть нижний брусок, есть сверлильная палочка, есть веревка к сверлильной палочке, есть верхний брусок, есть трут, есть усилие человека, приложенное к этому,— возникнет ли огонь?» — «Да, почтенный, возникнет». — «Вот так же, государь, нет слагаемых, возникающих из ничего, все слагаемые возникают из чего-то». — «Приведи еще пример». — «Например, государь, пусть нет солнечного света, нет зажигательного камня, нет кизяка — возникнет ли огонь?» — «Нет, почтенный». — «А теперь, государь, пусть есть солнечный свет, есть зажигательный камень, есть кизяк — возникнет ли огонь?» — «Да, почтенный». — «Вот так же, государь, нет слагаемых, возникающих из ничего, все слагаемые возникают только из чего-то». — «Приведи еще пример». — «Например, государь, пусть нет зеркала, нет света, нет лица — возникнет ли изображение¹²?» — «Нет, почтенный». — «А теперь, государь, пусть есть зеркало, есть свет, есть лицо — возникнет ли изображение?» — «Да, почтенный, возникнет». — «Вот так же, государь, нет слагаемых, возникающих из ничего, все слагаемые возникают из чего-то». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, представляет ли собой знаток нечто¹³?» — «А что это такое, государь, „знаток“?» — «Это та душа внутри, почтенный, которая зрением видит зримое, слухом слышит звук, обонянием чует запах, языком вкушает вкус, телом¹⁴ осязает осязаемое, умом осознает дхармы. Так же, как мы, сидя здесь в зале, смотрим в любое окно, в какое хотим: хотим — смотрим в восточное окно, или смотрим в западное окно, или смотрим в северное окно, или смотрим в южное окно. Вот так же точно, почтенный, эта душа внутри смотрит в тот проход¹⁵, в какой захочет». — «Я скажу сейчас о пяти проходах, государь, а ты слушай, хорошенько мне внимай,— молвил тхера. — Если душа внутри зрением видит зримое, так же как мы, сидя здесь в зале, смотрим в любое окно, в какое хотим, и видим в нем зримое: хотим — видим зримое в восточном окне, или видим зримое в западном окне, или видим зримое в северном окне, или видим зримое в южном окне, то

так же и душа внутри должна и слухом видеть зримое, и обонянием видеть зримое, и вкусом видеть зримое, и телом видеть зримое, и умом видеть зримое; и зрением слышать звук, и слухом слышать звук, и обонянием слышать звук (———); и зрением осознать дхармы, и слухом осознать дхармы, и обонянием осознать дхармы, и вкусом осознать дхармы, и телом осознать дхармы?» — «Нет, почтенный». — «Не вяжется у тебя, государь, ни первое с последним, ни последнее с первым. Или иначе, государь: как мы, сидя здесь в зале, отчетливее увидим зримое, если выломать¹⁶ эти сетчатые¹⁷ окна, ибо к нам будет обращено большее пространство, то неужели и душа внутри должна так же отчетливее увидеть зримое, если вырвать проходы зрения¹⁸, ибо к ней будет обращено большее пространство; и если вырвать уши, вырвать нос, вырвать язык, разорвать [поверхность] тела, то она должна отчетливее услышать звук, почуять запах, вкусить вкус, осязать осязаемое, ибо к ней будет обращено большее пространство?» — «Нет, почтенный». — «Не вяжется у тебя, государь, ни первое с последним, ни последнее с первым. Или иначе, государь: если этот имярек¹⁹ выйдет в прихожую, ты будешь знать, государь, что имярек вышел и находится в прихожей?» — «Да, почтенный, буду знать». — «А теперь, государь, пусть этот имярек вошел внутрь и стал перед тобой. Ты будешь знать, государь, что имярек вошел и находится перед тобой?» — «Да, почтенный, буду знать». — «Вот так же, государь, будет ли знать эта душа внутри о попавших на язык вкусах, какие они: кислое это, или соленое, или горькое, или острое, или вяжущее, или сладкое?»²⁰ — «Да, почтенный, будет знать». — «А если эти вкусы вошли внутрь, будет ли она знать, какие они: кислое это, или соленое, или горькое, или острое, или вяжущее, или сладкое?» — «Нет, почтенный». — «Не вяжется у тебя, государь, ни первое с последним, ни последнее с первым. Или иначе, государь: вот некто велел принести сто кувшинов меду²¹, слил весь мед в кадуюшку, завязал одному человеку рот и ткнул его лицом в кадуюшку. Сможет ли тот узнать, государь, вкусен ли мед?» — «Нет, почтенный». — «Почему же?» — «Мед же не попал ему в рот, почтенный». — «Не вяжется у тебя, государь, ни первое с последним, ни последнее с первым». — «Нет, с таким спорщиком, как ты, не мне тягаться. Пожалуйста, подскажи мне, как на самом деле». Тхера растолковал царю Милинде, используя абхидхарму: «Основанное на зрении и зримом, государь, возникает зрительное сознание; с ним совозникают соприкосновение, ощущение, распознавание, побуждение, нацеленность, жизнь-орудие, внимание. Так эти дхармы являются благодаря основанию, а „знаток“ представляет собой ничто. Так же со слухом, с обонянием, со вкусом, с осязанием, с умом: основанное на уме и дхармах, возникает умное сознание; с ним совозникают

соприкосновение, ощущение, распознавание, побуждение, нацеленность, жизнь-орудие, внимание. Так эти дхармы являются благодаря основанию; „знаток“ же представляет собой ничто». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, если возникает зрительное сознание, то возникает и умное сознание?» — «Да, государь, если возникает зрительное сознание, то возникает и умное сознание». — «И как это происходит, почтенный Нагасена: сначала возникает зрительное сознание, а потом умное или сначала возникает умное сознание, а потом зрительное?» — «Сначала возникает зрительное сознание, государь, а потом умное». — «И что же, почтенный Нагасена, зрительное сознание обращается к умному: „Где я возникну, там и тебе возникать“, или умное сознание обращается к зрительному: „Где ты возникнешь, там и я возникну“?» — «Нет, государь, они друг с другом не разговаривают». — «Каким образом, почтенный Нагасена, если возникает зрительное сознание, то возникает и умное сознание?» — «Под уклон, государь, в проход, по наезженной дороге, благодаря освоенности»²². — «Каким образом, почтенный Нагасена, если возникает зрительное сознание, то под уклон возникает и умное сознание? Приведи пример». — «Как ты полагаешь, государь: если пройдет дождь, то куда потечет вода?» — «Под уклон потечет, почтенный». — «А если через некоторое время опять пройдет дождь, то эта вода куда потечет?» — «Куда прежняя вода текла, туда и эта потечет». — «И что же, государь, прежняя вода обращается к новой воде: „Куда я теку, туда и тебе течь“, или новая вода обращается к прежней: „Куда ты потечешь, туда и я потеку“?» — «Нет, почтенный, они друг с другом не разговаривают, просто текут под уклон». — «Вот так же, государь, если возникает зрительное сознание, то под уклон возникает и умное сознание, притом ни зрительное сознание не обращается к умному: „Где я возникну, там и тебе возникать“, ни умное сознание не обращается к зрительному: „Где ты возникнешь, там и я возникну“. Они друг с другом не разговаривают, возникают под уклон». — «Каким образом, почтенный Нагасена, если возникает зрительное сознание, то в проход возникает и умное сознание? Приведи пример». — «Как ты полагаешь, государь: если некто захочет выйти из пограничного города, окруженного крепостной стеной с единственным проходом, то как он выйдет?» — «Через проход выйдет, почтенный». — «А потом еще кто-то захочет выйти, он как выйдет?» — «Как первый вышел, так и он выйдет, почтенный». — «И что же, государь, первый человек обращается ко второму: „Как я выйду, так и тебе выходить“, или второй человек обращается к первому: „Как ты выйдешь, так и я выйду“?» — «Нет, почтенный. Они друг с другом не разговаривают, просто идут через проход». — «Вот так же, государь, если возникает зрительное

сознание, то в проход возникает и умное сознание, притом ни зрительное сознание не обращается к умному: „Где я возникну, там и тебе возникать“, ни умное сознание не обращается к зрительному: „Где ты возникнешь, там и я возникну“, они друг с другом не разговаривают, возникают в [одном] проходе». — «Каким образом, почтенный Нагасена, если возникает зрительное сознание, то по наезженной дороге возникает и умное сознание? Приведи пример». — «Как ты полагаешь, государь: если проехала [по дороге] одна телега, то вторая телега как поедет? — «Как первая телега ехала, так и поедет, почтенный». — «И что же, государь, первая телега обращается ко второй: „Где я поеду, там и тебе ехать“, или вторая телега обращается к первой: „Как ты поедешь, так и я поеду“?» — «Нет, почтенный. Они друг с другом не разговаривают, просто едут по наезженной дороге». — «Вот так же, государь, если возникает зрительное сознание, то по наезженной дороге возникает и умное сознание, притом ни зрительное сознание не обращается к умному: „Где я возникну, там и тебе возникать“, ни умное сознание не обращается к зрительному: „Где ты возникнешь, там и я возникну“; они друг с другом не разговаривают, возникают по наезженной дороге». — «Каким образом, почтенный Нагасена, если возникает зрительное сознание, то благодаря освоенности возникает и умное сознание? Приведи пример». — «Например, государь, занимающийся счетом на пальцах, вычислениями, подсчетами, письмом и прочими делами в начале обучения бывает неповоротлив, а потом, освоившись благодаря усидчивости, становится поворотлив. Вот так же, государь, если возникает зрительное сознание, то благодаря освоенности возникает и умное сознание; притом ни зрительное сознание не обращается к умному: „Где я возникну, там и тебе возникать“, ни умное сознание не обращается к зрительному: „Где ты возникнешь, там и я возникну“; они друг с другом не разговаривают, возникают благодаря освоенности». Так же и со слуховым сознанием, обонятельным сознанием, вкусовым сознанием, осязательным сознанием». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, если возникает умное сознание, то возникает и ощущение?» — «Да, государь, если возникает умное сознание, то возникает и ощущение, возникает и распознавание, возникает и побуждение, возникает и раздумывание, возникает и продумывание, возникают все дхармы во главе с соприкосновением»²³.

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, каково свойство соприкосновения?» — «Свойство соприкосновения — касаться, государь». — «Приведи пример». — «Например, государь, дерутся два барана. Здесь одному барану следует уподоблять зрение, другому барану уподоблять зримое, их сшибке уподоблять соприкосновение». — «Приведи еще пример». — «Например, госу-

дарь, [кто-то] ударил в ладоши. Здесь одной ладони следует уподоблять зрение, другой ладони уподоблять зримое, их сшибке уподоблять соприкосновение»²⁴.— «Приведи еще пример».— «Например, государь, [кто-то] ударил в [музыкальные] тарелки. Здесь одной тарелке следует уподоблять зрение, другой тарелке уподоблять зримое, их сшибке уподоблять соприкосновение».— «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, каково свойство ощущения?»— «Свойство ощущения — ощущать и переживать, государь».— «Приведи пример».— «Например, государь, некто попросил у царя должность, расположил царя к себе и получил от него должность. На этой должности он зажил в холе и неге, ублажая все свои пять чувств, и сознавал: „Когда-то я попросил у царя должность, понравился царю и был пожалован должностью. Вот благодаря этому я и переживаю теперь такие [приятные] ощущения“. Или иначе, государь: например, некто совершал благие деяния. Тогда после смерти и распада тела он родится в благом уделе, на небесах, проживет там в холе и неге, услаждая божественно все свои пять чувств, и будет сознавать: „Когда-то я совершал благие деяния. Вот благодаря этому я и переживаю такие [приятные] ощущения“. Вот так, государь, свойство ощущения — ощущать и переживать».— «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, каково свойство распознавания?»— «Свойство распознавания — узнавать [признак], государь. Вот что оно узнаёт: „вот синее“ — узнаёт, „вот желтое“ — узнаёт, „вот красное“ — узнаёт, „вот белое“ — узнаёт, „вот розовое“ — узнаёт. Вот так, государь, свойство распознавания — узнавать [признак]».— «Приведи пример».— «Например, государь, царский казначей входит в казну, видит царские сокровища — синие, желтые, красные, белые, розовые — и узнаёт их. Вот так, государь, свойство распознавания — узнавать [признак]».— «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, каково свойство побуждения?»— «Свойство побуждения — намереваться и устранивать, государь».— «Приведи пример».— «Например, государь, некто изготовил яд, сам его выпил и других напоил. Он и сам будет мучиться, и другие будут мучиться. Вот так же, государь, если некто намерился побуждением свершить неблагое деяние, то после смерти и распада тела он родится в злом уделе, в аду, в чистилище, в преисподней²⁵, а если кто-то возьмет с него пример, то после смерти и распада тела тот тоже родится в злом уделе, в аду, в чистилище, в преисподней. Или, например, государь, некто изготовил смесь пахты, сливочного масла, растительного масла, меда и патоки, сам ее выпил и других напоил. Ему и самому будет хорошо, и другим будет хорошо. Вот так же, государь, если некто намеревался побуж-

дением совершить благое деяние, то после смерти и распада тела он родится в благом уделе, в горнем мире²⁶, а если кто-то возьмет с него пример, то после смерти и распада тела тот тоже родится в благом уделе, в горнем мире. Вот так, государь, свойства побуждения — намереваться и устраивать». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, каково свойство сознания?» — «Свойство сознания — сознать, государь». — «Приведи пример». — «Например, государь, городской страж, сидя на главной городской площади, видит человека, приближающегося с востока, видит человека, приближающегося с юга, видит человека, приближающегося с запада, видит человека, приближающегося с севера. Вот точно так же, государь, то зримое, которое человек видит зрением, он осознает сознанием; тот звук, который он слышит слухом, он осознает сознанием; тот запах, который он чует обонянием, он осознает сознанием; тот вкус, который он вкушает языком, он распознает сознанием; то осязаемое, которое он осязает осязанием, он осознает сознанием; ту дхарму, которую он осознает умом, он осознает сознанием²⁷. Вот так, государь, свойство сознания — сознать». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, каково свойство задумывания?» — «Свойство задумывания — вставлять, государь». — «Приведи пример». — «Например, государь, со всех сторон обтесанное бревно плотник вставляет в сруб. [Вот так же, государь, подготовленное другими дхармами задумыванием вставляется в мысль.] Вот так, государь, свойство задумывания — вставлять». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, каково свойство продумывания?» — «Свойство продумывания — притираться мыслью²⁸, государь». — «Приведи пример». — «Например, государь, если ударить по металлическому блюду, то оно после гудит, отзывается. Здесь, государь, удару следует уподоблять задумывание, отзвуку уподоблять продумывание»²⁹. — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Третья глава [заключена].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, возможно ли отчленить каждую из этих дхарм, слившихся воедино, и определить их различность: вот — соприкосновение, вот — ощущение, вот — распознавание, вот — побуждение, вот — сознание, вот — задумывание, вот — продумывание?» — «Нет, государь, невозможно отчленить каждую из этих дхарм, слившихся воедино, и определить их различность: вот — соприкосновение, вот — ощущение,

вот — распознавание, вот — побуждение, вот — сознание, вот — задумывание, вот — продумывание». — «Приведи пример». — «Например, государь, царский повар готовит соус или приправу. Он положит туда и простоквашу, положит и соль, положит и имбирь, положит и тмин, положит и перец, положит и всякое другое. А тут царь ему скажет: выдели мне, мол, вкус простокваши, выдели вкус соли, выдели вкус имбиря, выдели вкус тмина, выдели вкус перца, выдели мне вкус всего, что ты туда положил. Возможно ли, государь, отчленить каждый из этих вкусов, слившихся воедино, и выделить вкусы отдельно: кислое, или соленое, или горькое, или острое, или вяжущее, или сладкое?» — «Нет, почтенный, невозможно отчленить каждый из этих вкусов, слившихся воедино, и выделить вкусы отдельно: ни кислое, ни соленое, ни горькое, ни острое, ни вяжущее, ни сладкое. Однако каждый из них присутствует своим свойством». — «Вот так же, государь, невозможно отчленить каждую из этих дхарм, слившихся воедино, и определить их различность: вот — соприкосновение, вот — ощущение, вот — распознавание, вот — побуждение, вот — сознание, вот — задумывание, вот — продумывание. Однако каждая из них присутствует своим свойством»¹. — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Тхера молвил: «Чем соль распознается, государь? Зрением?» — «Да, почтенный, зрением распознается». — «Хорошо подумай, государь». — «Разве языком распознается, почтенный?» — «Да, государь, языком распознается». — «Но разве, почтенный, всякий раз соль распознается языком?» — «Да, государь, соль всякий раз распознается языком». — «Если, почтенный, соль всякий раз распознается языком, то как же ее возят воли на телегах? Разве соль не надо привозить?» — «Одну соль привезти невозможно, государь, эти дхармы — соль и тяжесть — слились воедино, пришли в состояние предметного многообразия². А возможно ли, государь, соль взвесить на весах?» — «Да, почтенный, возможно». — «Невозможно, государь, соль взвесить на весах. Тяжесть взвешивается на весах». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Вопросы Нагасены к царю Милинде закончены³.

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, так называемые пять каналов возникли от различных деяний или от одного деяния?» — «От различных деяний возникли, государь, не от одного деяния». — «Приведи пример». — «Как ты полагаешь, государь: если на одном поле посеять пять разных семян, то дадут ли эти семена различные плоды?» — «Да, почтенный, дадут». — «Вот так же, государь, так называемые пять каналов возникли от различных деяний, не от одного деяния». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, почему люди не все одинаковые: у одних век долог, у других век короток, одни болезненные, другие не болезненные, у одних красивый цвет кожи, у других некрасивый цвет кожи, одни невлиятельные, другие влиятельные, одни имущие, другие неимущие, одни низкого рода, другие высокого рода, одни худоумные, другие умные?»⁴— «А почему, государь, растения не все одинаковые: одни на вкус кислые, другие соленые, иные острые, какие-то вяжущие, некоторые горькие, еще одни сладкие?» — «Я думаю, почтенный, что из-за того, что семена различные». — «Вот так же, государь, люди не все одинаковые потому, что деяния [их] различны; потому у одних век долог, у других век короток, одни болезненные, другие не болезненные, у одних красивый цвет кожи, у других некрасивый цвет кожи, одни влиятельные, другие невлиятельные, одни неимущие, другие имущие, одни низкого рода, другие высокого рода, одни худоумные, другие умные. Ведь есть, государь, изречение Блаженного: „У всех существ, брахман, свое деяние, все наследуют деяние, рождаются из деяния, родные деянию, опираются на деяние. Деяние делит существ — крушит или возносит“⁵». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, как это ты сказал: „Пожалуйста, государь: чтобы эта тягота пресеклась, иная тягота не появилась...“?» — «Вот это и есть цель нашего пострига, государь». — «А зачем заранее стараться? Разве не следует стараться, когда пришла пора?» — «Когда пора пришла, стараться уже бессмысленно, государь, смысл только в том, чтобы постараться заранее». — «Приведи пример». — «Как ты полагаешь, государь: ты, когда пить захочешь, тогда и прикажешь копать колодец или копать пруд: мне-де попить бы?» — «Нет, почтенный». — «Вот так же, государь, когда пора пришла, то стараться уже бессмысленно; смысл только в том, чтобы постараться заранее». — «Приведи еще пример». — «Как ты полагаешь, государь: ты, когда проголодаешься, тогда и прикажешь вспахать поле, высадить рис, доставить зерна: мне-де каши бы поесть?» — «Нет, почтенный». — «Вот так же, государь, когда пора пришла, то стараться уже бессмысленно; смысл только в том, чтобы постараться заранее». — «Приведи еще пример». — «Как ты полагаешь, государь: когда вот-вот начнется сражение, ты тогда и прикажешь выкопать ров, возвести крепостные стены, срубить ворота, возвести сторожевые башни, накопить хлеба; тогда ты и станешь учиться езде на слоне, учиться верховой езде, учиться стрельбе из лука, учиться управлять колесницей, учиться владеть мечом?» — «Нет, почтенный». — «Вот так же, государь, когда пора пришла, то стараться уже бессмысленно; смысл только в том, чтобы постараться заранее. Ведь есть, государь, изречение Блаженного:

„В чем для себя нашел ты благо,
Тому заранее последуй
И будь решителен и стоек,
Иначе станется с тобою,
Как с незадачливым возницей:
С большой наезженной дороги
Свернул возница на ухабы;
Сломалась ось; и вот он горько
Над сломанною осью плачет.
Так глупый дхармой поступился
И устремился за недхармой.
Смерть встала перед ним: он горько
Над сломанною жизнью плачет“⁶».

— «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, вы утверждаете: адский-де огонь по сравнению с обычным огнем гораздо жарче. Ведь если положить в обычный огонь прокаливаться на целый день даже маленький камушек, то он не распадется, а если камень величиной с большой дом бросить в адский огонь, он тотчас распадется⁷. Мне в это не верится. И вот еще что вы говорите, якобы рождающиеся в аду существа прокаливаются там много тысяч лет и не распадаются⁸. В это мне тоже не верится». — «Как ты полагаешь, государь, — молвил тхера, — пожирают ли самки дельфинов, крокодилов, черепах, павы, голубки — пожирают ли они твердые камни и гальку?» — «Да, почтенный, пожирают». — «И распадаются они в утробах у них, попав в желудки?» — «Да, почтенный, распадаются». — «А зародыши у них в утробах — те распадаются?» — «Нет, почтенный». — «Почему же?» — «Я полагаю, почтенный, что силою деяния⁹ не распадаются». — «Вот так же, государь, силою деяния крошечники прокаливаются в крошечной много тысяч лет и не распадаются: там и рождаются, там и растут, там и умирают. Ведь есть, государь, изречение Блаженного: „Он до тех пор не умрет, пока греховных деяний не исчерпает“». — «Приведи еще пример». — «Как ты полагаешь, государь: вот львицы, тигрицы, пантеры, суки — пожирают ли они грубые костистые куски мяса?» — «Да, почтенный, пожирают». — «И распадаются эти куски в утробах у них, попав в желудки?» — «Да, почтенный, распадаются». — «А зародыши у них в утробах — те тоже распадаются?» — «Нет, почтенный». — «Почему нет?» — «Я полагаю, почтенный, что силою деяния не распадаются». — «Вот так же, государь, силою деяния крошечники прокаливаются в крошечной много тысяч лет и не распадаются: там и рождаются, там и растут, там и умирают». — «Приведи еще пример». — «Как ты полагаешь, государь, едят ли холеные гречанки, холеные кшатрийки, холеные брахманки, холеные вайшийки¹⁰ жесткие

куски мяса, которые приходится пережевывать?» — «Да, почтенный, едят». — «И эти куски распадаются в утробах у них, попав в желудки?» — «Да, почтенный, распадаются». — «А зародыши у них в утробе — те тоже распадаются?» — «Нет, почтенный». — «Почему же?» — «Я полагаю, почтенный, что силою деяния не распадаются». — «Вот так же, государь, силою деяния крошечники прокаливаются в крошечной много тысяч лет и не распадаются. Ведь есть, государь, изречение Блаженного: „Он до тех пор не умрет, пока греховных деяний не исчерпает“¹¹». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, вы утверждаете, что земля держится на воде, вода держится на воздухе, воздух держится на пространстве. Мне в это не верится». Тхера взял водяные часы, набрал в них воды и объяснил царю Милинде: «Так же, государь, как эту воду воздух держит, так и та вода держится на воздухе»¹². — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, покой — это пресечение¹³?» — «Да, государь, покой — это пресечение». — «Каким образом, почтенный Нагасена, покой — это пресечение?» — «Все глупые люди-из-толпы, государь, к источникам и каналам приваживаются, прилепляются, пристращаются; уносит их этим потоком, не освобождаются они от рождения, старости со смертью, печали, стенаний, боли, уныния, отчаяния. Поэтому я говорю: они не освобождаются от тяготы. Просвещенный же арийский слушатель, государь, к источникам и каналам не приваживается, не прилепляется, не пристращается. А раз он к ним не приваживается, не прилепляется, ни пристращается, то жажда его пресекается, от пресечения жажды — пресечение привязанности; от пресечения привязанности — пресечение существования; от пресечения существования — пресечение рождения; от пресечения рождения — пресечение старости со смертью; пресекаются печаль, стенания, боль, уныние, отчаяние. Так идет пресечение всего этого множества тягот»¹⁴. — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, все ли обретают покой?» — «Нет, государь, не все обретают покой. Однако тот, государь, чье делание истинно, кто познаёт дхармы, которые должно познать, изведывает дхармы, которые должно изведать¹⁵, оставляет дхармы, которые должно оставить, осваивает дхармы, которые должно освоить, — тот обретает покой». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, знает ли тот, кто не обретает покой, о том, что покой — это счастье?» — «Да, государь. Тот, кто не обретает покой, знает о том, что покой — это счастье». — «Каким образом, почтенный Нагасена, может он знать, что покой — это счастье, не обретя его?» — «Как ты по-

лагаешь, государь: те, кому не усекали кистей и стоп, знают ли, что усекование кистей и стоп тяжко?» — «Да, почтенный, знают». — «Каким образом знают?» — «Они слышат вопли тех, кому усекли кисти и стопы, потому и знают, что усекование кистей и стоп тяжко». — «Вот так же, государь, он слышит, что говорят те, кто узрел покой, и потому знает, что покой — это счастье». — «Прекрасно, почтенный Нагасена»¹⁶.

Четвертая глава [закончена].

ГЛАВА ПЯТАЯ

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, ты видел Просветленного?» — «Нет, государь». — «А твои учителя видели Просветленного?» — «Нет, государь». — «Стало быть, почтенный, нет Просветленного». — «Скажи, государь, видел ли ты слияние всех рек?» — «Нет, почтенный». — «А твои предки видели слияние всех рек?» — «Нет, почтенный». — «Стало быть, государь, нет слияния всех рек?» — «Есть, почтенный. Хотя ни я не видел слияния всех рек, ни мои предки, но есть все же слияние всех рек». — «Вот так же, государь, хотя ни я не видел Блаженного, ни мои учителя не видели Блаженного, но есть все же Блаженный»². — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, выше Просветленного нет?» — «Да, государь, выше Блаженного нет». — «Как ты можешь знать, почтенный Нагасена, что выше Просветленного нет, если никогда его не видел?» — «Как ты полагаешь, государь, те, кто никогда не видел океана, могут ли знать, что океан велик, глубок, безбрежен, бездонен, ведь беспрестанно питают его пять великих рек: Ганга, Ямуна, Ачиравати, Сараю, Махи³, и незаметно, чтобы воды в нем убавилось или прибавилось?» — «Да, почтенный, могут знать». — «Вот так же, государь, видя, как приходят к покою великие слушатели, я знаю, что выше Блаженного [никого] нет». — «Прекрасно, почтенный Нагасена»^{3а}.

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, возможно ли узнать, что выше Просветленного нет [никого]?» — «Да, государь, возможно узнать, что выше Блаженного [никого] нет». — «Каким образом, почтенный Нагасена, возможно узнать, что выше Просветленного [никого] нет?» — «Жил когда-то мастер письма⁴ по имени тхера Тишья⁵. Он умер уже много лет назад. Как можно о нем узнать?» — «По письму, почтенный». — «Вот так же, государь, кто видит дхарму, тот видит Блаженного, ибо дхарма преподана Блаженным». — «Прекрасно, почтенный Нагасена»⁴.

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, ты видел дхарму?» — «Направляемые Просветленным, по указанному Просветленным

слушатели должны поступать [по дхарме] всю свою жизнь»⁷. — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, [существо] и не переходит, и вновь воплощается?» — «Да, государь, и не переходит, и вновь воплощается»⁸. — «Каким образом, почтенный Нагасена, и не переходит, и вновь воплощается? Приведи пример». — «Например, государь, некто зажег от одного светильника другой светильник. Разве перешел один светильник в другой?» — «Нет, почтенный». — «Вот так же, государь, и не переходит, и вновь воплощается». — «Приведи еще пример». — «Государь! Ты, очевидно, выучил когда-то в детстве со слов учителя поэзии какой-то стих, не так ли?» — «Да, почтенный». — «Разве этот стих перешел к тебе от учителя?» — «Нет, почтенный». — «Вот так же, государь, и не переходит, и вновь воплощается». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, представляет ли собой знаток нечто?» — «В высшем смысле⁹ знаток представляет собой ничто, государь», — молвил тхера. «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, переходит ли какое-либо существо из этого своего тела в иное тело?» — «Нет, государь». — «Если, почтенный Нагасена, нет переходящего из этого своего тела в иное тело, то [существо], вероятно, освобождается от греховных деяний?» — «Да, государь, не будь нового воплощения, оно бы освободилось от греховных деяний. Но раз воплощается, государь, то отнюдь не освобождается от греховных деяний». — «Приведи пример». — «Например, государь, один человек стащил у другого манго. Заслуживает ли он наказания?» — «Да, почтенный, заслуживает». — «Но ведь он стащил не те манго, что посадил владелец; почему же он заслуживает наказания?» — «Эти манго, почтенный, появились благодаря [тем], поэтому он заслуживает наказания». — «Вот точно так же, государь, этим образно-знаковым [существо] совершает деяние, праведное или греховное, а через это деяние воплощается иное образно-знаковое. Поэтому оно отнюдь не освобождается от греховных деяний». — «Прекрасно, почтенный Нагасена»¹⁰.

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, [существо] совершает образно-знаковым благие и неблагие деяния; где находятся эти деяния?» — «Эти деяния следуют за ним „неотступно, как тень“¹¹, государь». — «Но возможно ли, почтенный Нагасена, показать эти деяния: вот там-то и там-то эти деяния находятся?» — «Нет, государь. Невозможно показать эти деяния: вот там-то, мол, и там-то эти деяния находятся». — «Приведи пример». — «Как ты полагаешь, государь: можно ли показать плоды тех растений, которые еще не плодоносят, — вот там-то и там-то эти плоды находятся?» — «Нет, почтенный». — «Вот так

же, государь, невозможно показать деяния в непрерывавшейся последовательности¹² — вот там-то, мол и там-то эти деяния находятся». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, знает ли тот, кто воплотится вновь, о том, что он воплотится?» — «Да, государь. Тот, кто воплотится вновь, знает о том, что воплотится». — «Приведи пример». — «Например, государь, хозяин-пахарь бросил семена в землю; знает ли он, если прошли хорошие дожди, что у него будет урожай?» — «Да, почтенный, знает». — «Вот так же, государь, тот, кто воплотится вновь, знает о том, что воплотится». — «Прекрасно, почтенный Нагасена»¹³.

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, есть ли Просветленный?» — «Да, государь, есть Блаженный». — Но возможно ли показать Просветленного, почтенный Нагасена: вот там-то и там-то Просветленный?» — «Блаженный ушел в окончательный и безостаточный покой, государь, поэтому невозможно показать Блаженного: вот там-то, мол, и там-то Блаженный». — «Приведи пример». — «Как ты полагаешь, государь, возможно ли показать пламя большого, яркого костра: вот там-то, мол, и там-то это пламя — если оно уже потухло?» — «Нет, почтенный. Пламя угасло, его не показать». — «Вот так же, государь, Блаженный ушел в окончательный безостаточный покой, поэтому невозможно показать его: вот там-то, мол, и там-то Блаженный. Но через тело дхармы¹⁴ возможно показать Блаженного, ибо дхарма преподана Блаженным». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Пятая глава [закончена].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, мило ли монахам тело?» — «Нет, государь, монахам тело не мило». — «Что же вы, почтенный, носитесь с ним, возитесь с ним?» — «Скажи, государь, случалось ли тебе как-нибудь, когда-нибудь получать в сражении удар копьем?» — «Да, почтенный, случалось». — «Ведь рану и мазью смазывают, и маслом умащают, и мягкой тканью перебинтовывают, не так ли, государь?» — «Да, почтенный, и мазью смазывают, и маслом умащают, и мягкой тканью перебинтовывают». — «Что же, государь, мила тебе рана, раз ее тебе и мазью смазывают, и маслом умащают, и мягкой тканью перебинтовывают?» — «Нет, почтенный. И мазью смазывают, и маслом умащают, и мягкой тканью перебинтовывают ее для того, чтобы мышцы срослись». — «Вот так же, государь, отшельникам тело не мило. Монахи не прилепляются к телу, а заботятся о нем, чтобы блюсти воздержание¹. Вот и Блаженный, государь, уподобил тело ране, поэтому монахи заботятся о теле, как о ране. Ведь есть изречение Блаженного, государь:

„Влажной кожей обтянута рана девятивратная,
Кругом сочится гноем, нечистая, смердящая“²».

— «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, верно ли, что Просветленный всеведущ и всевидящ?»³ — «Да, государь, Блаженный всеведущ и всевидящ». — «Почему же правила поведения Просветленный предписывает слушателям [не все разом, а] постепенно, почтенный Нагасена?» — «Есть ли такой знахарь, который знал бы все на свете целебные травы, государь?» — «Да, почтенный, есть». — «И когда же он поит больного отваром из них, государь: в должное время или в недолжное?» — «В должное время, почтенный, поит он больного отваром, не в недолжное». — «Вот так же, государь, Блаженный всеведущ и всевидящ; он не предписывал слушателям правила поведения в недолжное время, но предписывал их в должное время, и правила эти следует блюсти всю жизнь». — «Прекрасно, почтенный Нагасена»^{3a}.

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, верно ли, что Просветленный имеет тридцать два признака великого человека, отмечен к тому же восьмьюдесятью второстепенными приметами, с кожей золотистого цвета, на сажень вокруг светится?»⁴ — «Да, государь. Блаженный имеет тридцать два признака великого человека, отмечен восьмьюдесятью второстепенными приметами, с кожей золотистого цвета, на сажень вокруг светится». — «А родители его, почтенный, тоже таковы, тоже имеют тридцать два признака великого человека, отмечены восьмьюдесятью второстепенными приметами, с кожей золотистого цвета, на сажень вокруг светятся?» — «Нет, государь». — «И притом от них рождается Просветленный, имеющий тридцать два признака великого человека, отмеченный восьмьюдесятью второстепенными приметами, с кожей золотистого цвета, на сажень вокруг светящийся? Но ведь бывает так, что сын или мать напоминает, в мать рождается, или отца напоминает, в отца рождается». — «Существует ли, государь, столепестковый лотос?» — молвил тхера. «Да, почтенный, существует». — «И где же встречается?» — «В иле рождается, в воде покоится». — «Разве похож лотос на ил, государь, цветом, или запахом, или вкусом?» — «Нет, почтенный». — «Тогда на воду похож цветом, или запахом, или вкусом?» — «Нет, почтенный». — «Вот так же, государь, Блаженный имеет тридцать два признака великого человека, отмечен восьмьюдесятью приметами, с кожей золотистого цвета, на сажень вокруг светится, но его родители не таковы: не имеют тридцати двух признаков великого человека, не отмечены восьмьюдесятью второстепенными приметами, кожа их не золотистого цвета, на сажень вокруг не светятся». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, Просветленный живет по-брахмански [целомудренно]?» — «Да, государь, Блаженный живет по-брахмански». — «Стало быть, почтенный Нагасена, Просветленный — ученик Брахмы?» — «Есть у тебя, государь, верховой слон?» — «Да, почтенный, есть». — «И трубит этот слон кое-когда, иной раз?» — «Да, почтенный, трубит». — [«Он трубит, как журавли трубят, не так ли?» — «Да, почтенный, так же трубит». —] «Стало быть, государь, этот слон — журавлиный ученик?» — «Нет, почтенный». — «А скажи, государь, Брахма светел умом или нет?» — «Светел, почтенный». — «Стало быть, государь, Брахма — ученик Просветленного»⁵. — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, посвящение прекрасно?» — «Да, государь, посвящение прекрасно». — «А Просветленный посвящен был или не был, почтенный?» — «Блаженный стал посвященным у комля древа просветления, государь, тогда же, когда обрел всеведущее знание; никто иной Блаженного не посвящал. Слушателям же Блаженный предписывает [во время посвящения] правила поведения, которые следует блюсти всю жизнь, [так что у них есть посвящение, получаемое от другого человека]»⁶. — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, если один по умершей матери плачет, а другой из любви к Учению плачет, то из этих двух плачущих чьи слезы целительны, чьи нецелительны?» — «У одного, государь, слезы жаркие, страстью, враждебностью, заблуждением загрязненные, у другого же — радостные, удовлетворенные, свежительные, незагрязненные; что свежительно, то целительно, государь, что жарко, то нецелительно». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, в чем различие страстного и бесстрастного?» — «Один вожделеет, другой не вожделеет, государь». — «Как это, почтенный: вожделеет и не вожделеет?» — «У одного есть цель⁷, государь, у другого нет цели». — «Мне это видится так, почтенный: страстному ли, бесстрастному ли, а каждому лучшего хочется — что еды, что питья; греховного никому не хочется». — «Когда страстный ест, государь, он испытывает ощущение вкуса и испытывает страсть к вкусу; а когда бесстрастный ест, он испытывает ощущение вкуса, но не страсть к вкусу»⁸. — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, мудрость где обитает?» — «Нигде, государь». — «Стало быть, почтенный Нагасена, нет мудрости». — «Ветер, государь, где обитает?» — «Нигде, почтенный». — «Стало быть, государь, нет ветра». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, ты упомянул „мирское кружение“⁹. Что такое мирское кружение?» — «Здесь родился, здесь и умер, государь; здесь умер, там родился; там родился,

там и умер; там умер, в ином месте родился... Это и есть мирское кружение, государь». — «Приведи пример». — «Например, государь, некто съел спелое манго, а косточку посадил; из нее вырастет большое манговое дерево, будет плодоносить; тогда тот человек опять съест спелое манго с этого дерева, а косточку посадит; из нее вырастет большое манговое дерево, и краю этим деревьям не видать. Вот так же, государь, некто здесь родился, здесь и умер; здесь умер — там родился, там и умер; там умер — в ином месте родился... Это и есть мирское кружение, государь». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, чем [существо] запоминает прошлое, давно свершенное?» — «Памятью, государь»¹⁰. — «Да ведь мыслью запоминает, почтенный Нагасена, а не памятью». — «Ты ведь припоминаешь нечто, государь, что [когда-то] сделал, [а потом] забыл?» — «Да, почтенный». — «Разве ты был в то время немыслящим?» — «Нет, почтенный, но памяти то время [у меня] не было». — «Тогда почему ты говоришь, государь, будто запоминают мыслью, а не памятью?» — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, всегда ли память от понимания, или бывает и воспитанная¹¹ память?» — «Бывает и от понимания память, бывает и воспитанная память, государь». — «Все же, почтенный Нагасена, память всегда от понимания, нет воспитанной памяти». — «Если нет воспитанной памяти, государь, то и ремесленникам в ремеслах, в умениях, знаниях делать нечего, и в учителях толку нет. Но поскольку воспитанная память есть-таки, то и ремесленникам в ремеслах, в умениях, в знаниях есть что делать, и в учителях толк есть»¹². — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Шестая глава [закончена].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, сколькими способами¹ возникает память?» — «Шестнадцатью способами возникает память, государь, вот такими шестнадцатью: прирожденной возникает память; воспитанной; от осознания величия, от осознания добра, от осознания зла, от подобия признаков, от расподобления признаков, от узнавания речей, от метины, от [старания] вспомнить, от движения рук², от вычисления, от заучивания, от [йогического] освоения, от составления книги, от заклада. [Но всегда] память возникает о чем-то испытанном³. Вот как память возникает прирожденной: так же, как у достойного Ананды, мирянки Кубджоттары или любого другого из тех, кто помнит свое собственное рождение⁴; вот как память возникает воспитанной: некто по природе забывчив, а другие не отступа-

ются от него, [покуда он] не запомнит; вот как память возникает от осознания величия: [царь] помнит помазание на царство или [арий] помнит обретение слуха⁵; вот как память возникает от осознания добра: пережив где-то счастье, [человек] запоминает: «Там-то я пережил такое-то счастье»; вот как память возникает от осознания зла: пережив где-то несчастье, [человек] запоминает: «Там-то я пережил такое-то несчастье»; вот как от подобия признаков возникает память: увидевши человека, похожего на мать, или отца, или брата, или сестру, запоминают [его]; или, увидевши верблюда, или быка, или осла, запоминают [и] другого похожего верблюда, или быка, или осла; вот как память возникает от расподобления признаков: [человек] запоминает, что у такого-то [предмета] вид — такой-то, звук — такой-то, запах — такой-то, вкус — такой-то, на ощупь он — такой-то⁶; вот как память возникает от узнавания речей: некто по природе забывчив, а другие ему напоминают, и он запоминает; вот как память возникает от метины: некто знает волов по тавру, знает по метине; вот как память возникает от [старания] вспомнить: некто по природе забывчив, и кто-то ему твердит: «Ну, вспомни же, вспомни же»; вот как память возникает от движения рук: выучившийся грамоте знает, что после такой-то буквы сразу же пишется такая-то⁷; вот как память возникает от вычисления: выучившиеся вычислениям вычислители могут считать большие [числа]; вот как память возникает от заучивания: выучившиеся заучиванию начетчики многое могут читать [наизусть]; вот как память возникает от [логического] освоения: припоминает монах разные прежние свои обиталища: одно рождение назад, два рождения назад и так далее — так он припоминает разные прежние свои обиталища⁸; вот как память возникает от составления книги: припоминая, какой следует отдать приказ, цари [велят] принести книгу, и благодаря книге припоминают; вот как память возникает от заклада: [человек], увидевши заложенную вещь, вспоминает. [А] вот как память возникает о чем-то испытанном: раз видел, то вспоминает зримое, раз слышал, то вспоминает звук, раз обонял, то вспоминает запах, раз вкушал, то вспоминает вкус, раз осязал, то вспоминает касание, раз осознал, то вспоминает дхармы. Вот такими способами, государь, возникает память»⁹. — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, вы утверждаете: если кто-то сто лет будет творить дурные дела, но при смерти ему случится один раз вспомнить о Просветленном, то он родится среди небожителей. Мне в это не верится. И еще вы утверждаете, что из-за убийства всего лишь одного существа¹⁰ рождаются в крошечной. В это мне тоже не верится»^{10a}. — «Как ты полагаешь, государь: поплывет ли по воде без лодки камень, хоть маленький?» — «Нет, почтенный». — «А если нагру-

зить корабль камнями со ста возов, поплывет он по воде?» — «Да, почтенный, поплывет». — «Благие деяния, государь, следует уподоблять лодке»¹¹. — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, вы стараетесь для того, чтобы отбросить прошлые тяготы?» — «Нет, государь». — «Тогда вы стараетесь для того, чтобы отбросить будущие тяготы?» — «Нет, государь». — «Тогда вы стараетесь для того, чтобы отбросить теперешние тяготы?» — «Нет, государь». — «Если, почтенный Нагасена, вы стараетесь ни для того, чтобы отбросить прошлые тяготы, ни для того, чтобы отбросить будущие тяготы, ни для того, чтобы отбросить теперешние тяготы, то для чего же вы стараетесь?» — «Пожалуйста, государь: чтобы эта тягота пресеклась, иная тягота не появилась — вот для чего мы стараемся». — «Но разве есть, почтенный, будущие тяготы¹²?» — «Нет, государь». — «Перемудрили вы, почтенный Нагасена: тяготы, которых нет, отбросить стараетесь». — «Скажи, государь, бывает ли, что цари — соперники твои, неприятели, недруги на тебя войной идут?» — «Да, почтенный, бывает». — «Что же, государь, тогда вы и прикажете выкопать ров, возвести крепостные стены, срубить ворота, возвести сторожевые башни, накопить хлеба?» — «Нет, почтенный, все готовится заранее». — «Или, государь, ты тогда же и станешь учиться езде на слоне, учиться верховой езде, учиться управлять колесницей, учиться стрельбе из лука, учиться владеть мечом?» — «Нет, почтенный, всему заранее учатся». — «Зачем?» — «Чтобы отразить будущие опасности, почтенный». — «Но разве есть, государь, будущие опасности?» — «Нет, почтенный». — «Перемудрили вы, государь: опасности, которых нет, отразить готовитесь». — «Приведи еще пример». — «Как ты полагаешь, государь: ты, когда пить захочешь, тогда и прикажешь копать колодец, копать пруд, копать водоем — мне-де попить бы?» — «Нет, почтенный, все готовится заранее». — «Зачем?» — «Чтобы утолить будущую жажду, почтенный» — «Но разве есть, государь, будущая жажда?» — «Нет, почтенный». — «Перемудрили вы, государь: жажду, которой нет, утолить готовитесь». — «Приведи еще пример». — «Как ты полагаешь, государь: ты, когда проголодаешься, тогда и прикажешь вспахать поле и высадить рис — мне-де каши бы поесть?» — «Нет, почтенный, все готовится заранее». — «Зачем?» — «Чтобы утолить будущий голод, почтенный». — «Но разве есть, государь, будущий голод?» — «Нет, почтенный». — «Перемудрили вы, государь: голод, которого нет, утолить готовитесь». — «Прекрасно, почтенный Нагасена»¹³.

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, далеко ли отсюда до мира Брахмы?» — «Очень далеко отсюда до мира Брахмы, государь. Если оттуда свалится скала в дом величиной, то, пролетая в сутки сорок восемь тысяч йоджан, она достигнет земли через четыре месяца». — «Почтенный Нагасена, вы утверждаете:

не быстрее сильный мужчина согнутую руку выпрямит или прямую руку согнет¹⁴, как обладающий сверхобычными силами монах, господин своего духа, исчезнет с материка Джамбу и внезапно появится в мире Брахмы. Мне в это не верится, слишком уж быстро преодолает он все эти сотни йоджан». — «Где ты родился, государь?» — спросил тхера. «Есть, почтенный, остров Аласанда, там я и родился». — «Как далеко отсюда до Аласанды, государь?» — «Добрых две сотни йоджан, почтенный». — «Помнишь ты о чем-нибудь, что там делал? Не правда ли, государь?» — «Да, почтенный, помню». — «Легко же ты, государь, добрых две сотни йоджан прошел». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, если один умрет здесь и родится в мире Брахмы, а другой умрет здесь же и родится в Кашмире, то кто раньше, кто позже?» — «Одновременно, государь». — «Приведи пример». — «Где твой родной город, государь?» — «Есть местечко Каласи¹⁵, почтенный, там я и родился». — «Как далеко отсюда до Каласи, государь?» — «Добрых две сотни йоджан, почтенный». — «А как далеко отсюда до Кашмира, государь?» — «Двенадцать йоджан, почтенный». — «Ну-ка, государь, представь себе Каласи». — «Уже, почтенный». — «Ну-ка, государь, представь себе Кашмир». — «Уже, почтенный». — «Что ты себе быстрее представлял, а что дольше, государь?» — «Одинаково, почтенный». — «Вот так же, государь, если один умрет здесь и родится в мире Брахмы, а другой умрет здесь и родится в Кашмире, то они родятся одновременно». — «Приведи еще пример». — «Как ты полагаешь, государь: вот летели два сокола, один сел на высокое дерево, другой сел на низкое дерево, притом оба одновременно; чья тень раньше дойдет до земли, чья тень позже дойдет до земли?» — «Одновременно, почтенный». — «Вот так же, государь, если один умрет здесь и родится в мире Брахмы, а другой умрет здесь же и родится в Кашмире, то они родятся одновременно¹⁶». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, сколько всего звеньев просветления?» — «Семь, государь, звеньев просветления». — «И сколькими же звеньями просветления [человек] просветляется?» — «Одним звеном просветления просветляется, государь: звеном всепросветления, [называемым] „разбор дхарм“». — «Почему же, почтенный, говорится о семи звеньях просветления?» — «Как ты полагаешь, государь: если меч лежит в ножнах, не взят в руку, может ли он что-либо разрубить?» — «Нет, почтенный». — «Вот так же, государь, звеном всепросветления, [называемым] „разбор дхарм“, без прочих шести звеньев просветления [человек] не просветляется». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, что больше — достойное

или недостойное^{17?}» — «Достойное больше, государь, недостойное меньше». — «Почему же?» — «Совершающий недостойное раскаивается в том, что совершил грех, и потому, государь, грех не растет. Совершающий же достойное, государь, не раскаивается, раз нет раскаяния, то является веселость, от веселости является радость, от радости тело¹⁸ становится надежным, от надежности тела ощущается приятное, у ощущающего приятное мысль сосредоточивается, сосредоточенный постигает то, что есть¹⁹, поэтому достойное растет. Да ведь если человек с усеченными ступнями и кистями рук подаст Блаженному стебелек лотоса, то он девяносто одну кальпу не попадет в преисподнюю²⁰, потому я и говорю, что достойное больше, недостойное меньше». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Если один заведомо грешит, почтенный Нагасена, а другой по неведению грешит, то у кого больше недостойного?» — «У того, кто по неведению грешит, недостойного больше», — молвил тхера. — «Стало быть, почтенный Нагасена, если у нас царевич или сановник грешит по неведению, то нам его вдвойне наказывать?» — «Как ты полагаешь, государь: если нагретый железный жар, горячий, накаленный докрасна, жаром пышущий, двое схватят: один зная схватит, другой не зная схватит — то кто сильнее обожжется?» — «Кто не зная схватил, почтенный, тот и обожжется сильнее». — «Вот так же, государь, кто грешит по неведению, у того недостойного больше». — «Прекрасно, почтенный Нагасена»^{20а}.

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, может ли кто-нибудь во плоти добраться до северного [материка] Куру, или до мира Брахмы, или еще до какого-то материка?» — «Да, государь, есть такие, кто может в этом же теле, составленном из четырех больших сутей²¹, добраться и до северного [материка] Куру, и до мира Брахмы, и до другого какого-либо материка». — «Каким образом, почтенный Нагасена, они могут в этом же теле, составленном из четырех больших сутей, добраться и до северного [материка] Куру, и до мира Брахмы, и до другого какого-либо материка?» — «Ты ведь перепрыгиваешь на земле расстояние в пядь или две, государь, не так ли?» — «Да, почтенный, конечно. Я и на шестнадцать пядей прыгаю». — «Как ты прыгаешь на шестнадцать пядей, государь?» — «У меня является мысль: приземлиться туда-то. С появлением такой мысли тело становится для меня легким». — «Вот так же, государь, обладающий сверхобычными силами монах, господин своего духа, устанавливает тело на мысль²² и силой мысли летит по воздуху». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, вы говорите о костях длиной сто йоджан. Но ведь даже деревьев длиной сто йоджан и то нет. Откуда же взяться костям в сто йоджан длиной?» — «Как ты полагаешь, государь: водятся ли в океане рыбы дли-

ною пятьсот йоджан? Слышал ты об этом?» — «Да, почтенный, слышал». — «Но ведь у рыбы в пятьсот йоджан длиной как раз и будут кости длиной сто йоджан»²³. — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, вы утверждаете, будто можно пресечь вдохи и выдохи»²⁴. — «Да, государь, можно пресечь вдохи и выдохи». — «Каким образом, почтенный Нагасена, можно пресечь вдохи и выдохи?» — «Ты когда-нибудь слышал, государь, как кто-то храпит?» — «Да, почтенный, слышал». — «Если человек согнется, то прекратится его храп, государь?» — «Да, почтенный, прекратится». — «Если этот звук у того, кто не освоил тело, не освоил нравственность, не освоил мысль, не освоил мудрость, может прекратиться, то неужели не может пресечь вдохи и выдохи тот, кто освоил тело, освоил нравственность, освоил мысль, освоил мудрость, вошел в четвертую стадию созерцания?» — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, есть такое слово „океан“? Почему вода называется океаном?» — «Столько-то воды, государь, соответственно соли; столько-то соли, соответственно воды, потому и называется океаном»²⁵. — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, почему вкус океана один — соленый?» — «От долгого стояния в нем воды, государь, вкус океана один — соленый». — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, все ли тонкое можно помыслить?» — «Да, государь, все тонкое можно помыслить». — «А что такое, почтенный, все тонкое?» — «Все тонкое, государь, это дхарма, но не все дхармы тонки. И тонкое и грубое суть обозначения дхарм. Все, что должно быть помыслено, мыслит мудрость, помимо мудрости, мышления нет»²⁶. — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Царь молвил: «Почтенный Нагасена, [есть дхармы:] сознание, мудрость, душа живого существа. Эти дхармы — и разные предметы, и разные слова или предмет один, слова только разные?»²⁷ — «Свойство сознания — осознавать, государь, свойство мудрости — мудровать²⁸, а душа представляет собой ничто». — «Если душа представляет собой ничто, то кто же тогда зрением видит зримое, слухом слышит звук, обонянием чует запах, языком вкушает вкус, телом осязает осязаемое, умом осознает дхармы?» — «Если это душа зрением видит зримое (—) умом осознает дхармы, — молвил тхера, — то, если вырвать проходы зрения, она должна отчетливее увидеть зримое, ибо к ней будет обращено большее пространство, а если вырвать уши, вырвать нос, вырвать язык, разорвать [поверхность] тела, то она должна отчетливее услышать звук, почуять запах, вкусить вкус, осязать осязаемое, ибо к ней будет обращено большее пространст-

во?» — «Нет, почтенный». — «Стало быть, государь, душа живого существа представляет собой ничто». — «Прекрасно, почтенный Нагасена»²⁹.

Тхера молвил: «Трудное дело сделал Блаженный, государь». — «Какое трудное дело сделал Блаженный, почтенный Нагасена?» — «Трудное дело сделал Блаженный, государь: последовательно описал различия всех безобразных дхарм — ума и дхарм, связанных с ним, — разворачивающихся на единой опоре: вот соприкосновение, вот ощущение, вот распознавание, вот побуждение, вот мысль»³⁰. — «Приведи пример». — «Например, государь, некто вышел на корабле в открытое море, зачерпнул пригоршню воды и попробовал ее на вкус. Сможет ли, государь, этот человек узнать: вот вода из Ганги, вот вода из Ямуны, вот вода из Ачиравати, вот вода из Сараю, вот вода из Махи?» — «Трудно узнать, почтенный». — «Но то, что сделал Блаженный, еще труднее: он последовательно описал различия всех безобразных дхарм — ума и дхарм, связанных с ним, — разворачивающихся на единой опоре: вот соприкосновение, вот ощущение, вот распознавание, вот побуждение, вот мысль». — «Спасибо, почтенный», — поблагодарил царь³¹.

Седьмая глава [закончена].

[Завершение беседы.]

«Ты не знаешь, государь, который теперь час?» — спросил тхера. «Знаю, почтенный. Сейчас вечерняя стража уже кончилась, полуночная стража идет; зажигают четыре факела [из ткани, смоченной в конопляном масле, — тебя проводят, как меня самого]»³². — «Прекрасно, государь, умен монахи», — молвили греки. «Верно, любезные, умен тхера. Если уж встретились такой учитель, как он, да такой ученик, как я, — тут быстро можно понять Учение». Обрадованный ответами тхеры Нагасены на свои вопросы, царь Милинда пожаловал ему шерстяное одеяло ценой сто тысяч [каршапан] и сказал: «Почтенный Нагасена! Я приглашаю тебя восемьсот дней совершать трапезу у меня»³³; если тебе что-то нужно во дворце, то этим тоже располагай». — «Полно, государь, не нужно мне этого». — «Я понимаю, почтенный Нагасена, что не нужно, но ты и себя огради от пересудов, и меня огради. Вот в каком смысле огради себя: пойдут досужие пересуды, что Нагасена-де удовлетворил царя беседой, но ничего не получил от него. Огради себя от этого. Вот в каком смысле огради меня: пойдут досужие пересуды, что царя Милинду-де сполна удовлетворили [ответами и беседой], а он и виду не подает, что удовлетворен. Огради меня от этого». — «Пусть так, государь». — «Я ведь, почтенный, как лев, царь зверей: сидит в золотой клетке, а смотрит наружу. Вот и я, почтенный, хоть и живу в миру, а все наружу смотрю. Если бы я из дому ушел в бездомность, я бы недолго прожил — много у меня недругов».

Итак, почтенный Нагасена ответил на вопросы царя Милинды, встал и ушел в обитель. Вскоре после ухода почтенного Нагасены царю Милинде подумалось: «Так ли я все спрашивал? Так ли почтенный отвечал?» И царь Милинда решил: «Хорошо я все спрашивал, хорошо все почтенный отвечал». И достопочтенному Нагасене, когда он вернулся в обитель, подумалось: «Так ли царь Милинда все спрашивал? Так ли я отвечал?» И достопочтенный Нагасена решил: «Хорошо все царь Милинда спрашивал, хорошо я все отвечал». И вот рано поутру, когда миновала ночь, достопочтенный Нагасена встал, оделся, взял в руку миску, надел верхнюю одежду и пришел в чертоги царя Милинды. Придя, он сел на предложенное сиденье. А царь Милинда приветствовал достопочтенного Нагасену и сел подле. И, сидя подле достопочтенного Нагасены, царь Милинда сказал ему: «Не думай, почтенный, будто я оттого не спал остаток ночи, что был доволен тем, [как] задал тебе вопросы. Это не так. В оставшуюся часть ночи я подумал: „Так ли я все спрашивал, так ли почтенный отвечал? Хорошо я все спрашивал, хорошо почтенный отвечал“». И тхера сказал: «Не думай, государь, будто я оттого не спал остаток ночи, что был доволен тем, [как] отвечал на твои вопросы. Это не так. В оставшуюся часть ночи я подумал: „Так ли все царь Милинда спрашивал, так ли я отвечал? Хорошо все царь Милинда спрашивал, хорошо я все отвечал“». Так эти великие мужи поблагодарили друг друга за хорошую беседу.

В «Вопросах Милинды» вопросы и ответы закончены.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ВОПРОСЫ-РОГАТИНЫ

Спорщик, в диспутах искушенный, острый разумом,
Царь Милинда пришел к Нагасене, чтобы силой ^{даровитый,}знанья
помериться.
Подступил он к нему вплотную, задавал вновь и вновь
И строй мыслей его изменился, он взялся читать Три ^{вопросы,}
Корзины.

В уединении, ночью Речения Будды продумывал,
На рогадины напоролся путаных, спорных вопросов:
«В проповеданном Царем дхармы что-то сказано

^{неоднозначно,}
Что-то по поводу сказано, что-то по сущности сказано¹.
Не напоролись бы в будущем на эти вопросы-рогадины²,
Не распознавши их смысла; не возникло бы несогласия.
Испрошу у наставника милость; пусть он сломит ^{вопросы-}рогадины,
Пусть укажет путь объяснения, чтобы так объясняли и ^{рогадины,}
впредь».

Итак, когда начало светать и забрезжил рассвет, царь Милинда омыл голову, приложил молитвенно сложенные ладони ко лбу, направив помыслы к истинновсепросветленным прошлого, будущего и настоящего, и принял на себя восемь обетов: «Начиная с нынешнего дня я на неделю должен взять на себя восьмеричный обет и совершать тапас; свершив же тапас, я испрошу милость у учителя и задам ему вопросы-рогадины». Итак, царь Милинда снял свою всегдашнюю мирскую одежду³, отцепил украшения, надел желтое рубище, надел шапочку, [уподобившую его] голову бритой [голове монаха]⁴, и, став как бы молчальником, принял восьмеричный обет: «Эту неделю я не должен заниматься царскими делами, не должен допускать мыслей, связанных со страстью, связанных с ненавистью, связанных

с заблуждением; с рабами, прислугой и челядью должен быть кроток, в телесных и речевых действиях должен быть осмотрителен; с тем, что воспринимают шесть чувств, должен быть неустанно осмотрителен, должен устремить помыслы на освоение доброты»⁵. Он взял на себя этот восьмеричный обет и, направляя свои помыслы лишь на него, провел неделю взаперти, а на восьмой день, когда начало светать, он с раннего утра позавтракал, и, опустив очи долу, скупой на слова, держа себя весьма собранно, в сосредоточенном, радостном, веселом, приподнятом настроении он пришел к тхере Нагасене, земно ему поклонился и, стоя подле, сказал:

— Мне нужно обсудить с вами один предмет, почтенный Нагасена. Нежелательно, чтобы при этом присутствовал кто-либо третий. В безлюдном месте, в пустынном лесу, в восьми отношениях подобающем монаху⁶, — вот где смогу я задать свой вопрос. Там мне не будет нужно скрываться и таиться. Право, я достоин услышать тайну в доверительной беседе. Если прибегнуть к сравнению, то, как земная твердь достойна того, чтобы ей доверили клад, почтенный Нагасена, право, точно так же и я достоин того, чтобы услышать тайну в доверительной беседе.

Войдя же с учителем в пустынную рощу, он сказал:

— Почтенный Нагасена, человеку, стремящемуся к беседе, следует избегать восьми мест. В этих восьми местах понимающий человек о деле не беседует, ведь беседа там рассыпается, не получается. Вот эти места: неровной местности следует избегать, опасной избегать, продуваемой ветром избегать, слишком укромной избегать, храмов избегать, дорог избегать, проходов избегать, водоемов избегать⁷.

Тхера спросил:

— В чем изъяны неровной местности, опасной, продуваемой ветром, слишком укромной, храмов, дорог, проходов, водоемов?

— В неровной местности, почтенный Нагасена, предмет беседы разбрасывается, раскидывается, растекается, не получается. В опасной ум пугается, а испуганный предмета толком не разумеет. В продуваемой ветром голоса не слышать. В слишком укромной подслушивают. У храма беседа выходит тяжеловата. В дороге беседа делается пустой. В проходах вихляет. У водоема делается общеизвестна. Об этом сказано:

«Неровного, опасного, ветреного места,
Укромного, богам посвященного,
Дороги, прохода и водоема —
Таких восьми мест сторониться должно».

Восемь родов людей, почтенный Нагасена, портят беседу, если с ними беседовать. Вот они: влекомый страстью, влекомый

ненавистью, влекомый заблуждением, влекомый гордостью, алчный, ленивый, озабоченный чем-то одним, глупец.

Тхера спросил:

— В чем их изъяны?

— Влекомый страстью, почтенный Нагасена, под влиянием страсти портит беседу, влекомый ненавистью под влиянием ненависти портит беседу, влекомый заблуждением под влиянием заблуждения портит беседу, влекомый гордостью под влиянием гордости портит беседу, алчный под влиянием алчности портит беседу, ленивый своей леностью портит беседу, озабоченный чем-то одним своею озабоченностью портит беседу, глупец своею глупостью портит беседу. Об этом сказано:

«Страстный, злобный и заблудший, гордый, алчный и ленивый,
Озабоченный и глупый — вот кто расстройство в беседу вносит».

Почтенный Нагасена, а вот эти девять родов поверенную им тайну не хранят, выбалтывают. Вот они: влекомый страстью, влекомый ненавистью, влекомый заблуждением, трус, корыстолюбец, женщина, пьяница, скопец, дитя.

Тхера спросил:

— В чем их изъяны?

— Влекомый страстью, почтенный Нагасена, поверенную тайну из страсти не хранит, выбалтывает; влекомый ненавистью из ненависти поверенную тайну не хранит, выбалтывает; влекомый заблуждением в заблуждении поверенную тайну не хранит, выбалтывает; трус со страху поверенную тайну не хранит, выбалтывает; корыстолюбец корысти ради поверенную тайну не хранит, выбалтывает; женщина из вероломства поверенную тайну не хранит, выбалтывает; пьяница по пьяной распушенности поверенную тайну не хранит, выбалтывает; скопец из-за своего калечества поверенную тайну не хранит, выбалтывает; дитя по легкомыслию поверенную тайну не хранит, выбалтывает. Об этом сказано:

«Страстный, злобный и заблудший, трус
и корыстолюбивый,
Пьяный, скопец и женщина и, наконец, ребенок.
Эти девять среди людей низки, неверны, изменчивы.
Тайна, им доверенная, тайной недолго останется».

Почтенный Нагасена, разум созревает и мужает от восьми причин. Вот они: с наступлением зрелого возраста разум созревает и мужает; от доброжелательного внимания разум созревает и мужает; благодаря расспрашиванию разум созревает и

мужает; благодаря житью рядом с источником [знания] разум созревает и мужает; от подлинного внимания разум созревает и мужает; благодаря диспутам разум созревает и мужает; от почитания с любовью разум созревает и мужает; от житья в благоприятной местности разум созревает и мужает. Об этом сказано:

«Доброжелательство, зрелость, вопросы,
Близость к источнику [знания],
Внимание, спор, почитанье с любовью,
Житье в подходящей местности —
Эти восемь причин
Способствуют зрелости разума.
Развивается разум у тех,
Кому они способствуют».

Почтенный Нагасена, этому месту не свойственно ни одно из восьми препятствий для ведения беседы; да и я среди прочих — лучший собеседник; и тайну способен я хранить — покуда жив буду, тайну не разглашу; также от восьми причин созрел мой разум; право, трудно найти теперь ученика, подобного мне. С правильно действующим учеником и учителю следует вести себя поистине правильно, сообразно двадцати пяти достоинствам, необходимым учителю. Вот эти двадцать пять достоинств: постоянно, непрестанно должен учитель оберегать ученика; должен знать, что тот любит, чего не любит; должен знать, беспечен он или не беспечен; должен знать, как тот спит и досуг проводит; должен знать, не утомился ли он; должен знать, подали ему еды или нет; должен знать его особенности; должен делиться с ним поданным пропитанием; должен его ободрять: «Не огорчайся, смысл до тебя дойдет»; должен знать о его общении: «с таким-то общается»; должен знать, с кем тот общается в деревне; должен знать, с кем тот общается в обители; не должен с ним пустословить; должен быть снисходителен к его слабостям; должен быть вежлив; должен быть последователен; не должен что-то от него утаивать; должен доделывать все до конца; должен положить в себе родительскую мысль: «Я [научу его] различным умениям [и этим словно дам ему второе] рождение»; должен положить в себе воспитательскую мысль: «Как бы не было ему ущерба»; должен положить в себе такую мысль: «Я сделаю его сильным с помощью обучения»; должен положить в себе мысль, исполненную доброты; в невзгодах покидать не должен; от своего долга отступать не должен; оступившегося должен поддержать в согласии с Учением. Таковы, почтенный, двадцать пять достоинств, необходимых учителю⁸. Благоволи же вести себя со мной сообразно им. Сомнение нашло на меня, почтенный. Есть среди изреченного Победителем вопросы-рогатины. Они в будущем вызовут

несогласие, а ведь тогда трудно будет найти людей с мощным разумом, подобным твоему. Раскрой же глаза мне на эти вопросы, пресеки наветы.

— Хорошо,— согласился тхера и назвал десять достоинств, необходимых мирянину⁹.— Мирянину необходимы десять достоинств, государь, вот они: горе и радость у мирянина — одни с общиной, государь; превыше всего он ставит Учение; с радостью посильно помогает общине своим достоянием; видя угрозу учению Победителя, ревнует о его поддержании; истинно-видящ; праздники его более не привлекают¹⁰; к другому учителю даже под угрозой смерти не переметнется¹¹; сдержан в телесных и словесных действиях¹²; согласию радуется не нарадуется; охотно слушает [проповедь]; Учению следует нелицемерно; нашел прибежище в Просветленном; нашел прибежище в Учении; нашел прибежище в общине¹³. Таковы десять достоинств, необходимых мирянину. Я вижу, что все они в тебе есть. Как это подобает, уместно, правильно, похвально, что, видя угрозу учению Победителя, ты хочешь поддержать его! Я согласен с тобою беседовать. Спрашивай меня, о чем хочешь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[Вопрос 1 (1)]

Итак, получив согласие на беседу, царь Милинда поклонился в ноги наставнику, молитвенно сложив ладони над головою¹, и сказал:

— Почтенный Нагасена, иные проповедники так рассуждают: «Если Просветленный приемлет культ², то Просветленный не ушел в покой, но связан с миром, находится в мирских пределах, обычный мирской человек, а стало быть, служение ему тщетно и бесплодно. Если же ушел в покой, то не связан с миром, вне всякого существования, и культ его невозможен — ведь у ушедшего в покой нет никакого приятия, а служение тому, что служения не приемлет, тоже тщетно и бесплодно»³. Вот вопрос обоюдоострый^{3а}. Не по силам незрелым такая задача, лишь великим такая задача по силам. Распутай эти тенета лжемудрия, выскажись однозначно. Тебе этот вопрос поставлен. Раскрой глаза будущим сынам Победителя, опровергни утверждения чужих.

Тхера сказал:

— Блаженный ушел в покой, государь, и Блаженный не приемлет культа. Уже под древом просветления всякое приятие у Татхагаты пропало, тем более — у ушедшего в окончательный безостаточный покой. Ведь есть изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения, государь:

«Просветленных, кому нет сравнения,
Почитают и боги и люди.
Но не нужно им поклонение —
Такова просветленных природа»⁴.

Царь сказал:

— Почтенный Нагасена, пусть сын хвалит отца или отец хвалит сына. Чтобы опровергнуть утверждения чужих, это не довод, это всего лишь проявление приязни. Нет, ты скажи мне настоящий довод, который бы обосновал твое утверждение и распутал бы сети лжемудрия⁵.

Тхера сказал:

— Блаженный ушел в покой, государь, и Блаженный не приемлет культа. Но богам и людям драгоценные мощи Татхагаты становятся как бы основой, хотя ему это и безразлично. Они же, полагаясь на драгоценную его мудрость, прилежат правильному образу действия, а потому обретают три вида благоденствия⁶. Скажем, государь, яркий, жаркий костер прогорел и потух. Разве примет теперь этот костер какое-либо топливо, государь, — сено ли, хворост ли?

— Даже когда горел этот большой костер — и то он был безразличен к топливу — и к сено и к хворосту, почтенный, а потухший, затихший, неодоушевленный⁷ — и тем более.

— А когда этот костер прогорел и потух, что же, государь, разве не стало тогда в мире огня?

— Нет, почтенный. Ведь основа огня — это топливо, хворост. Если каким-то людям понадобится огонь, то они приложат свои собственные силы, старания, усердие, возьмут куски дерева, потрут их и извлекут огонь, а потом будут делать с огнем, что им надобно.

— Значит, государь, ложными выходят слова проповедников, будто служение тому, кому оно безразлично, — тщетно и бесплодно. Как яркий, жаркий костер пылал, государь, так же точно Блаженный в десяти тысячной мировой сфере пылал славою Просветленного. Как яркий, жаркий костер отпылал и потух, государь, так же точно Блаженный в десяти тысячной мировой сфере отпылал славою Просветленного и потух в окончательном беззастаточном покое. Как у прогоревшего костра, государь, нет приятия топлива — ни сена, ни хвороста, так же точно Благодетель человечества отбросил и успокоил всякое приятие. И если костер истощил топливо и потух, то люди приложат свои собственные силы, старание, усердие, возьмут куски дерева, потрут их и извлекут огонь, а потом будут делать с ним, что им надобно, вот точно так же богам и людям драгоценные мощи Татхагаты становятся как бы основой, хотя ему это и безразлично. Они же, полагаясь на драгоценную его мудрость, прилежат правильному образу действий, а потому обре-

тают три вида благоденствия. Вот довод, государь, почему служение ушедшему в покой Татхагате, которому оно безразлично,— нетщето и небесплодно. Слушай дальше, государь, еще довод, почему служение ушедшему в покой Татхагате, которому оно безразлично,— все же нетщето и небесплодно. Скажем, государь, дул сильный, крепкий ветер, а потом стих. Что же, государь, разве примет этот ветер попытку поднять его вновь?

— Нет, почтенный. У стихшего ветра нет ни усилия, ни внимания, чтобы его можно было поднять вновь, ибо стихия ветра не одушевлена.

— А разве подходит этому стихшему ветру, государь, название «ветер»⁸?

— Нет, почтенный. [Но] есть средства, чтобы вызвать ветер,— пальмовые листья или опахала. Если какие-то люди измучены жаром, истомлены зноем, то они берут пальмовый лист или опахало и, приложив свои собственные силы, старание, усердие, сами вызывают ветер и этим ветром умеряют жару, ослабляют зной.

— Значит, государь, ложными выходят слова проповедников, будто служение тому, кому оно безразлично,— тщето и бесплодно. Как сильный, крепкий ветер веял, государь, точно так же Блаженный овеял десяти тысячную мировую сферу ветром свежести⁹, улады, покоя, тонкой доброты. Как сильный, крепкий ветер перестал веять и стих, государь, точно так же Блаженный овеял десяти тысячную мировую сферу ветром свежести, улады, покоя, тонкой доброты и стих в окончательном безостаточном покое. Как у стихшего ветра, государь, нет потребности, чтобы его подняли вновь, так же точно Благодетель человечества отбросил и успокоил всякое приятие. А измученные жаром и истомленные зноем люди, государь, что боги и люди, мучительно терзаемые пламенем тройного огня¹⁰. Как пальмовые листья или опахала — средство, чтобы вызвать ветер, так мощи и драгоценная мудрость Татхагаты — средство обрести три вида благоденствия. И как измученные жаром и истомленные зноем люди берут пальмовый лист или опахало, сами вызывают ветер и им умеряют жару и ослабляют зной, точно так же боги и люди поклоняются мощам и драгоценной мудрости Татхагаты, хотя он и ушел в покой и ему это безразлично, порождают [в себе] благое и этим благим умеряют и ослабляют мучительно терзающее их пламя тройного огня. Вот довод, государь, почему служение ушедшему в покой Татхагате, которому это безразлично,— нетщето и небесплодно. Слушай дальше, государь, еще довод, опровергающий наветы. Представь, что некто, ударив в барабан, извлек из него звук. Затем этот вызванный человеком звук смолк. Скажи, государь, воспримет этот звук попытку вызвать его вновь?

— Нет, почтенный. Звук этот смолк, и у него нет ни усилия,

ни внимания, чтобы он мог вновь возникнуть. Однажды возникнув и отзвучав, этот звук пропал. Однако, почтенный, есть средство, чтобы вызвать звук,— это барабан, а раз есть средство, то человек может сам приложить усилие, ударить в барабан и извлечь из него звук.

— Вот точно так же, государь, Блаженный, поставив вместо себя учителем проникнутое нравственностью, сосредоточением, мудростью, свободой, знанием-видением свободы Учение, и Устав, и наставление, и драгоценные мощи, сам ушел в окончательный безостаточный покой. Но оттого что Блаженный ушел в покой, достижение благоденствия не сделалось невозможным, и те из живущих, что измучены тяготой бытия, пользуются как средством драгоценными мощами, Учением, Уставом, наставлением и, стремясь к благоденствию, благоденствие обретают. Вот довод, почему служение ушедшему в покой Татхагате, которому оно безразлично,— нетщечно и небесплодно, государь. Ведь предвидел Блаженный грядущее, государь, изрек, возгласил, предсказал: «Вы, возможно, станете думать, Ананда, что наставление-де у вас от умершего учителя и что нет учителя больше. Не нужно так думать, Ананда. Явленное, проповеданное мною учение-наставление¹¹— вот кто учитель вам после моей смерти»¹². Слова же проповедников, будто служение ушедшему в покой Татхагате, которому оно безразлично,— тщечно-де и бесплодно,— все эти слова неверны, неправильны, неистинны, ложны, лживы, превратны, приносят тяготы, рожают тяготы, увлекают в преисподнюю. Слушай дальше, государь, еще довод, почему служение ушедшему в покой Татхагате, которому оно безразлично,— все же нетщечно и небесплодно. Скажи, государь, есть ли у земной тверди приятие того, чтобы росли на ней всякие растения?

— Нет, почтенный.

— А если у земли нет приятия этого, как же тогда, государь, растения на ней разрастаются, пускают густую сеть корней, простирают во все стороны сучья, ветви, побеги, цветут и плодоносят?

— Хотя у земли и нет приятия этого, почтенный, она дает растениям место, дает основание расти, а растения на этом месте благодаря этому основанию разрастаются, пускают густую сеть корней, простирают во все стороны сучья, ветви, побеги, цветут и плодоносят.

— Значит, государь, опровергнуты, разбиты, сведены к противоречию слова проповедников, если они утверждают, будто служение тому, кому оно безразлично,— тщечно и бесплодно. Земной тверди, государь, подобен Татхагата, святой, истинно-всепросветленный; так же как у земной тверди нет никакого приятия, государь, так и у Татхагаты нет никакого приятия; как растения благодаря земле разрастаются, пускают густую сеть

корней, простирают во все стороны сучья, ветви, побеги, цветут и плодоносят, так же благодаря мощам и драгоценной мудрости Татхагаты, ушедшего в покой и безразличного к приятию, боги и люди прорастают благими корнями¹³ и простирают во все стороны сучья сосредоточения, ветви Учения, побеги нравственности, цветут цветом свободы, плодоносят плодами шраманства. Вот еще довод, государь, почему служение ушедшему в покой Татхагате, которому оно безразлично,— нетщотно и небесплодно. Слушай дальше, государь, еще довод, почему служение ушедшему в покой Татхагате, которому оно безразлично,— все же нетщотно и небесплодно. Приемлют ли, государь, верблюды, вола, ослы, козлы, скот, люди, чтобы у них в животах заводились черви?

— Нет, почтенный.

— А если они этого не приемлют, государь, как же тогда черви у них в животах заводятся да плодят там множество сыновей и внуков и благоденствуют?

— Из-за действительности последствий их греховных деяний, почтенный, вот из-за чего, хотя они того и не приемлют, в животах у этих существ заводятся черви, плодят там множество сыновей и внуков и благоденствуют.

— Вот точно так же, государь, благодаря действительности мощей и драгоценной мудрости Татхагаты, ушедшего в покой, безразличного к приятию, служение ему нетщотно и небесплодно. Слушай дальше, государь, еще довод, почему служение ушедшему в покой Татхагате, которому оно безразлично,— все же нетщотно и небесплодно. Скажи, государь, приемлемо ли для людей болеть какой-либо из девяноста восьми¹⁴ [известных] болезней?

— Нет, почтенный.

— Как же тогда, государь, на них без приятия наваливаются болезни?

— Из-за прошлого их дурного образа жизни¹⁵, почтенный.

— Если, государь, прежде свершенное неблагое деяние чувствуется теперь, то тогда любое деяние, благое или неблагое, совершенное прежде или теперь, все же нетщотно и небесплодно¹⁶. Вот довод, почему служение ушедшему в покой Татхагате, которому оно безразлично,— нетщотно и небесплодно. Ты когда-либо слышал, государь, о якше Нандаке, что напал на тхеру Шарипутру и провалился сквозь землю¹⁷?

— Да, почтенный, слышал. Это хорошо известно.

— Что же, государь, разве для тхеры Шарипутры было приемлемо, чтобы якшу Нандаку поглотила земля?

— Скорее весь мир вверх дном станет, скорее солнце и луна на землю свалятся, скорее Меру, царь гор, рассыплется, чем для тхеры Шарипутры будет приемлемо чужое страдание, ведь вырвана, пресечена была сама та вещественная причина¹⁸, благо-

даря которой тхера Шарипутра мог бы гневаться и злобиться. Искоренив самое вещественную причину гнева, тхера Шарипутра не испытывал более гнева, почтенный, даже к своему убийце.

— А если, государь, для тхеры Шарипутры не было приемлемо, чтобы якшу Нандаку поглотила земля, как же провалился тогда якша Нандака сквозь землю?

— Из-за действительности последствий своего неблагоприятного деяния, почтенный.

— Если, государь, якша Нандака провалился сквозь землю из-за действительности последствий своего неблагоприятного деяния, а, стало быть, даже преступление против того, для кого [возмездие] неприемлемо, оказывается нетщетным и небесплодным, то тогда, государь, благодаря действительности последствий благого деяния служение тому, кому оно безразлично,— тоже нетщетно и небесплодно. Вот довод, государь, почему служение ушедшему в покой Татхагате, которому оно безразлично,— нетщетно и небесплодно. Хорошо, государь, а сколько всего тех, кто провалился сквозь землю? Известно тебе это?

— Да, почтенный, я это знаю.

— Так я слушаю тебя, государь.

— Молодая брахманка Чинча, Супрабуддха из рода шакьев, тхера Девадатта, якша Нандака и молодой брахман Нанда; насколько я слышал, почтенный, эти пятеро провалились сквозь землю¹⁹.

— Перед кем они провинились, государь?

— Перед Блаженным и перед его слушателями, почтенный.

— Что же, государь, разве для Блаженного и его слушателей было приемлемо, чтобы те провалились сквозь землю?

— Нет, почтенный.

— Значит, государь, служение ушедшему в покой Татхагате, которому оно безразлично,— все же нетщетно и небесплодно.

— Прекрасно объяснено, почтенный Нагасена! Вышло наружу бывшее в глубинах, раскрыта тайна, разрублен узел, прожжена чащоба, сгинули наветы, сломлено лжеумудрие! Поблекли лжепроповедники рядом с тобою, о лучший из лучших наставников²⁰.

[Вопрос 2 (2)]

— Почтенный Нагасена, Просветленный всеведущ?

— Да, государь, Блаженный всеведущ, но Блаженный не располагает своим знанием-видением постоянно и непрерывно. Всеведущее знание Блаженного связано с исследованием; исследовав, Блаженный узнаёт все что угодно.

— Если, почтенный, всеведущее знание достается Будде через искание, то он не всеведущ.

(Далее текст, несомненно, испорчен: имеется также лакуна. Содержание можно восстановить примерно так: Нагасена указывает, что «исследование» занимает у Блаженного ничтожно малое время, которым вполне можно пренебречь, и ссылается при этом на общую всем людям необыкновенную быстроту мысли:)

[— ...Ведь есть изречение Блаженного, государь: «До того, монахи, мысль меняется быстро, что и сравнить трудно».]

— Почтенный Нагасена, если бы все мысли, протекшие за время, пока щелкнешь пальцами, сделались бы вещественными, то какая бы тогда куча вышла ²¹?

— [Если положить, что одно зерно риса — это одно изменение мысли], государь, то за время, пока щелкнешь пальцами, набралось бы сто повозок риса, считая полповозки равной семи корытам и двум адхакам ²². (По-видимому, опять лакуна. Нагасена продолжает:) Мысль же бывает семи [уровней] ²³. Во-первых, государь, те, кому присущи страсть, ненависть, заблуждение, аффекты, не освоившие тело ²⁴, не освоившие нравственность, не освоившие мысль, не освоившие мудрость — их мысль возникает с трудом и разворачивается медленно, ибо мысль ими не освоена. Представь, государь, что волокут [срубленный] бамбук — весь в листьях, разросшийся, с большой кроной, оплетенный-переплетенный кругом молодыми побегами, увитый сетью ветвей; подается он медленно, государь, только с трудом. Вот точно так же, государь, мысль тех, кому присущи страсти, ненависть, заблуждение, аффекты, кто не освоил тело, не освоил нравственность, не освоил мысль, не освоил мудрость, — их мысль возникает с трудом и разворачивается медленно, так как они оплетены-переплетены кругом аффектами. Такова мысль первого [уровня].

Далее по порядку следует мысль второго [уровня]. Вот те, государь, что обрели слух и не съедут вниз ²⁵, усвоили воззрение ²⁶, вняли проповеди Учителя. Их мысль в трех отношениях легко возникает и легко разворачивается, а на высших уровнях возникает с трудом и разворачивается медленно, ибо в трех отношениях их мысль вполне очищенна, а выше аффекты у них еще не исчезли. Представь, государь, что волокут срубленный бамбук, [снизу] до высоты третьего узла очищенный от побегов, а выше увитый сетью ветвей; пока протаскивают [нижнюю часть] до третьего узла, он легко подается, а выше — с трудом, ибо внизу он вполне очищен, а выше увит сетью ветвей. Вот точно так же, государь, мысль тех, что обрели слух и не съедут вниз, усвоили воззрение, вняли проповеди Учителя, — их мысль в трех отношениях легко возникает и легко разворачивается, а на высших уровнях возникает с трудом и разворачивается медленно, ибо в трех отношениях их мысль вполне очищенна, а выше аффекты у них еще не исчезли. Такова мысль второго [уровня].

Далее по порядку следует мысль третьего [уровня]. Это те, государь, кто вернется еще раз, чьи страсть, ненависть и заблуждение истончились. Их мысль в пяти отношениях легко возникает и легко разворачивается, а на высших уровнях возникает с трудом и разворачивается медленно, ибо в пяти отношениях их мысль вполне очищенна, а выше аффекты еще не исчезли. Представь, государь, что волокут [срубленный] бамбук, снизу до высоты пятого узла очищенный [от побегов], а выше увитый сетью ветвей; пока протаскивают [нижнюю часть] до пятого узла, то он легко подается, а выше — с трудом, ибо снизу он вполне очищен, а выше увит сетью ветвей. Вот точно так же, государь, мысль тех, кто вернется еще раз, чьи страсть, ненависть и заблуждение истончились, — их мысль в пяти отношениях легко возникает и легко разворачивается, а на высших уровнях возникает с трудом и разворачивается медленно, ибо в пяти отношениях их мысль вполне очищенна, а выше аффекты еще не исчезли. Такова мысль третьего [уровня].

Далее по порядку следует мысль четвертого [уровня]. Это, государь, безвозвратные, кто преодолел пять начальных помех. Их мысль в десяти отношениях легко возникает и легко разворачивается, а на высших уровнях возникает с трудом и разворачивается медленно, ибо в десяти отношениях их мысль вполне очищенна, а выше аффекты еще не исчезли. Представь, государь, что волокут [срубленный] бамбук, снизу до высоты десятого узла очищенный [от побегов], а выше увитый сетью ветвей; пока протаскивают [нижнюю часть] до десятого узла, то он легко подается, а выше — с трудом, ибо снизу он вполне очищен, а выше увит сетью ветвей. Вот точно так же, государь, мысль безвозвратных, кто преодолел пять начальных помех, в десяти отношениях легко возникает и легко разворачивается, а на высших уровнях возникает с трудом и разворачивается медленно, ибо в десяти отношениях их мысль вполне очищенна, а выше аффекты еще не исчезли. Такова мысль четвертого [уровня].

Далее по порядку следует мысль пятого [уровня]. Это, государь, святые, что сбросили путы, отмыли грязь, извергли аффекты, достигли искомого, свершили должное, сняли ношу, осуществили цель, преодолели привязанность к бытию, обрели толкующие знания, вполне очистились на уровне слушателей. Их мысль в пределах, доступных слушателям, легко возникает и легко разворачивается, но на уровнях просветленных-для-самих-себя возникает с трудом и разворачивается медленно, ибо в пределах, доступных слушателям, их мысль вполне очищенна, а в пределах просветленных-для-самих-себя не вполне очищенна. Представь, государь, что волокут [срубленный] бамбук, снизу доверху очищенный [от побегов], — он легко подается, без труда, ибо он снизу доверху вполне очищен и ни за что не

цепляется. Вот точно так же, государь, мысль святых, что сбросили путы, отмыли грязь, извергли аффекты, достигли искомого, свершили должное, сняли ношу, осуществили цель, преодолели привязанность к бытию, обрели толкующие знания, вполне очистились на уровне слушателей,—их мысль в пределах, доступных слушателям, легко возникает и легко разворачивается, но на уровнях просветленных-для-самих-себя возникает с трудом и разворачивается медленно, ибо в пределах, доступных слушателям, их мысль вполне очищенна, а в пределах просветленных-для-самих-себя не вполне очищенна. Такова мысль пятого [уровня].

Далее по порядку следует мысль шестого [уровня]. Это, государь, просветленные-для-самих-себя, самобытные, без учителя, бредущие в одиночестве, как носорог со своим рогом. Их мысль в своих пределах вполне очищенна и незапятнанна. В своих пределах их мысль легко возникает и легко разворачивается, но на уровнях всеведущих просветленных возникает с трудом и разворачивается медленно, ибо в своих пределах их мысль вполне очищенна, а пределы всеведущих будд велики [для них]. Представь, государь, что некто привык без всякой опаски, днем ли, ночью ли, переправляться через местную речку, и увидел потом этот человек великий океан, глубокий, необъятный, бездонный, безбрежный, и убоился, и усомнился, и не осмелился переправиться. Ведь у себя ему все знакомо, а великий океан [и впрямь] велик. Вот точно так же, государь, мысль просветленных-для-самих-себя, самобытных, без учителя, бредущих в одиночестве, как носорог со своим рогом, чья мысль в своих пределах вполне очищенна и незапятнанна,—их мысль в своих пределах легко возникает и легко разворачивается, но на уровнях всеведущих просветленных возникает с трудом и разворачивается медленно, ибо в своих пределах их мысль вполне очищенна, а пределы всеведущих будд велики [для них]. Такова мысль шестого [уровня]²⁷.

Далее по порядку следует мысль седьмого [уровня]; вот, государь, истинновсепросветленные, всеведущие, десятичные, четырежды уверенные, обладатели восемнадцати свойств просветленных, бесконечно-победные, беспрепятственные в знании. Их мысль везде легко возникает и легко разворачивается, ибо их мысль везде вполне очищенна. Представь, государь: вот в тонкий лоскут льняной, или хлопчатой, или шерстяной ткани с силой пускают стрелу—не кривую, не гнутую, без сучка без задоринки, с железным наконечником—без ржавчины, отчищенным и остро отточенным. Скажи, завязнет ли, застрянет ли в ткани стрела?

— Нет, почтенный. Лоскут же тонок, а стрела отточена и выпущена с силой.

— Вот точно так же, государь, мысль истинновсепросветлен-

ных, всеведущих, десятисылных, четырежды уверенных, обладателей восемнадцати свойств просветленных, бесконечно-победных, беспрепятственных в знании — их мысль всюду легко возникает и легко разворачивается, ибо она всюду вполне очищенна. Такова мысль седьмого [уровня]. И эта мысль всеведущих просветленных, государь, в бессчетное число раз превосходит мысль прочих шести [уровней] чистотою и легкостью, и так как мысль Блаженного вполне чиста и легка, то Блаженный является двойное чудо^{27а}, государь. По двойному чуду и распознают, что мысль просветленных, блаженных разворачивается столь легко. Больше здесь никаких доводов быть не может. И эти чудеса мысли всеведущих просветленных, государь, не требуют ни счета, ни вычисления, ни нескольких мгновений, ни даже части того²⁸; всеведущее знание Блаженного, государь, связано только с исследованием; исследовав, он узнает все что угодно. Представь, государь, что человек переложил вещь из одной руки в другую, или закричал, разинув рот, или проглотил кусок, или открыл и закрыл глаза, или закрыл и открыл их, или согнутую руку разогнул, или разогнутую руку согнул — это и то долго, государь! Проще для Блаженного всеведущее знание, проще ему исследование; а исследовав, он узнает все что угодно. Не называют просветленных, блаженных невсеведущими только из-за того, что [их знание] достигается исследованием.

— Но ведь и исследование, почтенный Нагасена, это тоже поиски. Поясни мне это, пожалуйста.

— Представь себе, государь, зажиточного, состоятельного, богатого хозяина, у кого много золота, серебра и прочего имущества, кладовая заполнена рисом муссонных и поливных сортов²⁹, ячменем, полбой, кунжутом, горохом, фасолью, злаками и бобовыми, топленным маслом, сливочным, растительным, молоком, простоквашей, медом, патокой, тростниковым сиропом; у кого в достатке котлов, горшков, кринок, сковородок и прочей посуды; и вот приходит к этому хозяину гость, которого следует угостить и который сам рассчитывает на угощение; а в доме, как оказывается, никакой готовой еды нет, и приходится тут отсыпать зерна из мешка и стряпать. Скажи, государь, неужели этот хозяин беден, нищ — и только оттого, что у него в неурочное время не нашлось в доме еды?

— Нет, почтенный. В неурочное время даже в доме миродержца может не оказаться еды, а о вайшье и говорить нечего.

— Вот точно так же, государь, всеведущее знание Татхагаты связано только с исследованием; исследовав, он узнает все что угодно. Или представь себе, государь, плодовое дерево, все согнувшееся и пригнувшееся к земле под тяжестью плодов; только вот еще ни одного плода с него не упало. Скажи, государь, неужели лишь оттого, что дереву этому недостает упавших плодов, оно уже неплодоносно?

— Нет, почтенный. Плодам с этого дерева остается только упасть; когда упадут, можно будет любой взять.

— Вот точно так же, государь, всеведущее знание Татхагаты связано только с исследованием; исследовав, он узнаёт все что угодно.

— Почтенный Нагасена, непременно ли Просветленный, исследовав, узнаёт все что угодно?

— Да, государь; исследовав, Блаженный непременно узнаёт все что угодно. Как миродержец: стоит ему вспомнить о драгоценном колесе: «Пусть-де прикатится ко мне драгоценное колесо», так оно тут же и прикатится; вот точно так же и Татхагата, государь: исследовав, он непременно узнаёт все что угодно.

— Весомые доводы, почтенный Нагасена. Да, Просветленный всеведущ. Мы признаём, что Просветленный всеведущ³⁰.

[Вопрос 3 (3)]

— Почтенный Нагасена, кто свершил постриг Девадатты?

— Было шестеро отпрысков кшатрийских родов, государь: Бхадрия, Анируддха, Ананда, Бхригу, Кимбила и Девадатта; а седьмой был цирюльник Упалий. Все они оставили мирскую жизнь и ушли за Блаженным, когда он, Учитель, отрада рода шакьев, достиг всепросветления. Блаженный и совершил их постриг³¹.

— Приняв постриг, Девадатта расколол общину, не так ли, почтенный?

— Да, государь, приняв постриг, Девадатта расколол общину. Не мирянин же общину раскалывает, и не монахиня, не ученица, не послушник и не послушница. Лишь правоспособный монах, живущий в той же общине, находящийся в той же ограде³², раскалывает общину.

— А к чему приводит раскольника общины это его деяние?

— Он на целую кальпу [отправляется в кромешную], государь.

— Почтенный Нагасена, знал ли Просветленный, что Девадатта, получив постриг, расколет общину и, расколов общину, целую кальпу будет гореть в кромешной?

— Да, государь, Татхагата знал, что Девадатта, приняв постриг, расколет общину и, расколов общину, целую кальпу будет гореть в кромешной.

— Если, почтенный Нагасена, Просветленный знал, что Девадатта, приняв постриг, расколет общину и, расколов общину, целую кальпу будет гореть в кромешной, то ложны слова, что Просветленный сострадатебен, что жалеет живых, желает им блага, никому не причиняет зла и всем делает добро. Если же он совершил постриг Девадатты, о том не зная, то он не всеве-

душ. Вот еще вопрос обоюдоострый. Расчеши этот большой колтун, пресеки чуждые наветы. Трудно найти будет в будущем монаха с мощным разумом, твоему подобным. Яви свою мощь теперь же.

— Блаженный равно сострадателен и всеведущ, государь. Сострадательно взирая на участь Девадатты всеведущим знанием, Блаженный увидел, как тот, громоздя одно злодейство на другое, миллионы миллионов кальп странствует из кромешной в кромешную, из преисподней в преисподнюю. И Блаженный познал своим всеведущим знанием: «Если этот человек примет постриг под моим началом, то безгранично длящемуся его неблагому деянию положен будет предел. Он испытает лишь ограниченное страдание из-за прежних своих деяний. Не приняв же пострига, этот никчемный человек нагромоздит еще злодейств на целую кальпу». Вот так, из сострадания, он совершил постриг Девадатты.

— Значит, почтенный Нагасена, нанеся рану, Просветленный умащает ее маслом, столкнув в пропасть, протягивает руку, убив, возвращает жизнь, причинив сначала страдание, приносит потом счастье?

— Если ранит живых Татхагата — то на благо им, если в пропасть живых толкает — то на благо им, если убивает живых — то на благо им, государь. И рану нанося, государь, Татхагата делает живым добро, и убивая, делает живым добро. Как родители, государь, и ранив, и столкнув детей, делают им только добро, точно так же и Татхагата, государь: и рану нанося, делает живым добро, и в пропасть толкая, делает живым добро, и убивая, делает живым добро. Всегда и всем живым делает он добро, так чтобы достоинства³³ их возрастали³⁴. Если бы Девадатта не принял пострига, государь, и остался бы мирянином, он совершил бы много греховных деяний, влекущих в кромешную; он исстрадался бы, странствуя миллионы миллионов кальп из кромешной в кромешную, из преисподней в преисподнюю. Но Блаженный знал, государь: «Если Девадатта примет постриг под моим началом, то страданию его положен будет предел». Вот так, сострадая, он облегчил его тяжкие страдания. Представь, государь, что некий человек, влиятельный благодаря своему богатству, известности, славе, родне, пользуется влиянием и большие возможности, которыми располагает, и добивается для своего родича или друга облегчения тяжкого наказания, наложенного на того царем. Вот точно так же, государь, совершив постриг Девадатты, которому предстояло бы страдать миллионы миллионов кальп, Блаженный облегчил его тяжкие страдания мощью и могуществом своей добродетели, сосредоточения, мудрости и освобожденности. Или представь, государь, что опытный врач-исцелитель облегчает сильнодействующим средством страдание от тяжелой болезни. Вот точно

так же, государь, Блаженный, зная должный способ, совершил постриг Девадатты, которому предстояло страдать миллионы миллионов кальп, и облегчил его тяжкие страдания сильнодействующим средством Учения, подкрепленного состраданием. Облегчив многострадальному Девадатте его страдания, неужели стал в чем-то повинен Блаженный?

— Нет за ним вины, почтенный, ни на горчичное зерно.

— Таково разъяснение, государь, почему Блаженный совершил постриг Девадатты. Я думаю, его стоит принять. Далее, еще разъяснение слушай, государь, почему Блаженный совершил постриг Девадатты. Представь, государь: поймали лютого разбойника и привели его к царю: «Вот, владыка, лютый разбойник. Приговаривай его к чему хочешь». А царь и говорит: «Ведите-ка вы, любезные, этого разбойника за городские стены на лобное место и рубите ему голову». — «Слушаемся, владыка», — повинуются те, выводят его из города и тащат к лобному месту. И видит тут его некий человек, богатый, состоятельный, что у царя в чести и почете, чей голос весом, чьи возможности велики, и проникается он состраданием к разбойнику и говорит слугам: «Полно, голову-то уж зачем рубить? Отсеките ему кисти и ступни, да в живых оставьте, а уж я замолвлю слово перед царем». Послушаются слуги этого знатного человека, отсекут разбойнику кисти и ступни и оставят его в живых. Скажи, государь: такой поступок — благодеяние для разбойника или нет?

— Да он же спас жизнь разбойнику, почтенный! Спасти жизнь — разве этого мало?

— А не повинен ли этот человек в том, что больно было разбойнику, когда ему рубили кисти и ступни?

— Тяжко и больно разбойнику было вследствие того, что он совершил прежде сам, а спаситель его в этом никак не повинен.

— Вот точно так же, государь, Блаженный совершил постриг Девадатты из сострадания, ибо знал: «Если Девадатта примет постриг под моим началом, то страданию его положен будет предел». И в самом деле, государь, страданию Девадатты был положен предел. Уже будучи при смерти, Девадатта искал в Блаженном прибежища:

«К нему, всех восьмерых превосходящему,
К богу богов, к мужей укротителю,
К всевидящему, к стократ достойному,
К Будде с надеждой припадаю»³⁵.

Когда Девадатта раскалывал общину, государь, прошла одна шестая часть кальпы. Пять шестых частей кальпы он будет прожариваться в аду, а затем станет просветленным-для-самого-себя под именем Аттхиссара³⁶. Скажи, государь, такой

поступок Блаженного — благодеяние для Девадатты или нет?

— Да ведь Татхагата все для Девадатты сделал, почтенный! Сделать человека просветленным-для-самого-себя — разве этого мало?

— А не повинен ли Блаженный в чем-либо из-за того, что больно и тяжело Девадатте, расколов общину, находиться в крошечной?

— Нет, почтенный. Девадатта горит в крошечной вследствие того, что совершил сам, а Учитель положил его страданию предел и ни в чем не повинен.

— Таково, государь, еще одно разъяснение, почему Блаженный совершил постриг Девадатты. Я думаю, его стоит принять. Далее, государь, слушай еще разъяснение, почему Блаженный совершил постриг Девадатты. Представь, государь, что опытный врач-исцелитель берется лечить застарелую, изъязвленную рану, разболевшуюся из-за нарушения ветров, и желчи, и слизи, и всех их вместе, и перемены погоды, и неправильного образа жизни, и внешнего повреждения³⁷, зловонно смердящую трупной гнилью, нарвавшую, полную гноя и сукровицы, да еще с обломком стрелы, застрявшим внутри. Чтобы созрел нарыв, он смазывает поверхность раны жгучим, острым, едким, размягчающим лекарством. Когда нарыв созреет и рана размягчится, он иссекает ее ножом, прижигает раскаленным шупом, а после прижигания накладывает [повязку] с ляписом³⁸ и смазывает лекарством, чтобы рана зарубцевалась и больной поправился. Скажи, государь, с не доброй разве мыслью этот врач-исцелитель смазывает рану лекарством, иссекает ножом, прижигает шупом, накладывает [повязку] с ляписом?

— Нет, почтенный. Все это он делает с доброй мыслью, стараясь вылечить больного.

— А не повинен ли этот врач-исцелитель в чем-либо из-за того, что лекарства и лечение для больного болезненны?

— Врач-исцелитель делает все это с доброй мыслью, стараясь вылечить больного, почтенный. Как может быть он в чем-то повинен? Такому врачу, почтенный, небеса предуготованы.

— Вот точно так же, государь, Блаженный совершил постриг Девадатты из сострадания, чтобы избавить его от страдания. Далее, государь, слушай еще разъяснение, почему Блаженный совершил постриг Девадатты. Представь, государь, что человеку впилась в тело колючка³⁹. Желая добра ему, стараясь его вылечить, кто-то другой делает вокруг занозы надрезы острой колючкой или концом ножа, и заноза вместе со стружкой крови выходит. Что же, государь, зла он ему желал, вытаскивая занозу?

— Нет, почтенный. Вытаскивая колючку, этот человек желает ему добра, старается его вылечить. Не вытащи он занозу,

зу, тот бы из-за этой занозы умер, почтенный, или болел бы до самой смерти.

— Вот точно так же, государь, Блаженный совершил постриг Девадатты из сострадания, чтобы избавить его от страдания. Если бы Блаженный не совершил пострига Девадатты, Девадатта бы миллионы миллионов калып, из рождения в рождение жарился бы в аду⁴⁰.

— Да, почтенный Нагасена. По течению плившего Девадату Блаженный против течения направил, по бездорожью бредшего Девадату на дорогу вывел, в пропасть падавшему Девадатте опору подставил, криво шедшего Девадату прямо поставил. И никто, почтенный Нагасена, кроме человека с мощным разумом, подобным твоему, не смог бы указать этих причин и доводов.

[Вопрос 4 (4)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «От таких восьми причин, восьми оснований, о монахи, может произойти великое землетрясение»⁴¹. Это окончательное слово, непреложное слово, недвусмысленное слово; ни по какой девятой причине великое землетрясение произойти не может. Если бы, почтенный Нагасена, великое землетрясение могло произойти по какой-то девятой причине, то Блаженный упомянул бы и эту причину. Раз Блаженный ничего более не назвал, то это и значит, что ни по какой девятой причине великое землетрясение произойти не может. Но вот находится и девятая причина произойти великому землетрясению: когда царь Вессантара совершал великие даяния, земная твердь сотряслась семь раз. Если, почтенный Нагасена, «от восьми причин, восьми оснований может произойти великое землетрясение», то ложны слова, будто, когда царь Вессантара совершал великие даяния, земная твердь сотряслась семь раз. Если, когда царь Вессантара совершал великие даяния, земная твердь сотряслась семь раз, то тогда ложны слова: «От восьми причин, восьми оснований может произойти великое землетрясение». Вот еще вопрос обоюдоострый, тонкий, закрученный, темный, глубокий. Тебе он поставлен. Только человек с мощным разумом, подобным твоему, и не уступающий тебе мудростью, способен разрешить его.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «От таких восьми причин, восьми оснований, о монахи, может произойти великое землетрясение». Когда же царь Вессантара совершал великие даяния, то земная твердь сотряслась семь раз. Но это случилось однажды, не в срок⁴², помимо восьми причин, а потому среди восьми причин и не перечислено. Скажем, государь, на-

считывают, как известно, три рода облаков: осенние, зимние и муссонные⁴³. Если из какого-то другого облака пойдет дождь, то такое облако к признанным облакам не причисляют, оно считается облаком «не в [свой] срок». Вот точно так же, государь, хотя действительно, когда царь Вессантара совершал великие даяния, земная твердь сотряслась семь раз, но это случилось однажды, не в срок, помимо восьми причин, а потому среди восьми причин и не перечислено. Или, скажем, государь, в Гималайских горах берет начало пятьсот рек; но если перечисляют реки, то из этих пятисот, государь, упоминаются лишь десять, а именно Ганга, Ямуна, Ачиравати, Сараю, Махи, Инд, Сарасвати, Ветравати, Витаста и Чандрабхага⁴⁴. Прочие же реки при перечислении рек не упоминаются, ибо вода в этих реках бывает не постоянно. Вот точно так же, государь, хотя действительно, когда царь Вессантара совершал великие даяния, земная твердь сотряслась семь раз, но это случилось однажды, не в срок, помимо восьми причин, а потому среди восьми причин и не перечислено. Или, скажем, государь, у царя бывает и по сто и по двести советников, однако если перечисляют советников, то упоминают из них только шестерых, а именно полководца, придворного жреца, судью, казначея, хранителя зонта и хранителя меча. Лишь эти советники упоминаются, ибо они связаны с царским достоинством. Прочих же не упоминают, считается, что это и есть все советники. Вот точно так же, государь, хотя действительно, когда царь Вессантара совершал великие даяния, земная твердь сотряслась семь раз, но это случилось однажды, не в срок, помимо восьми причин, а потому среди восьми причин и не перечислено. Известны ли те, государь, кто, обрета некогда заслуги перед Учением Победителя, еще при жизни счастливо вкусили плоды своего деяния, чья слава вознеслась среди богов и людей?

— Да, почтенный, известны те, кто, некогда обрета заслуги перед учением Победителя, еще при жизни счастливо вкусили плоды своего деяния, чья слава вознеслась среди богов и людей. Таких людей было семь.

— Кто же они, государь?

— Цветочник Суманас, брахман Экашатака, мирянка Суприя, наемный слуга Пурна, царица Маллика, царица — мать Гопалы, рабыня Пурна⁴⁵ — вот семеро тех, почтенный, кто еще при жизни счастливо вкусили плоды своего деяния, чья слава вознеслась среди богов и людей.

— А известны ли, кроме них, те, что некогда в земном, человеческом теле вознеслись в обитель Тридцати Трех?

— Да, почтенный, известны.

— Кто же они, государь?

— Музыкант Гуттила, царь Ними, царь Садхина и царь Мандхатар. О них четырех известно, что они в земном, челове-

ском теле вознеслись в обитель Тридцати Трех⁴⁶. Ведь и о добрых и о злых деяниях очень долго помнится.

— Но случалось ли тебе, государь, слышать, чтобы в былые ли времена или в нынешние времена, когда имярек какой-то совершал даяние, содрогнулась единожды, или дважды, или трижды земная твердь?

— Нет, почтенный.

— Вот и мне, государь, не случалось слышать, чтобы, когда какой-то имярек совершал даяние, земная твердь единожды, или дважды, или трижды содрогнулась, если не считать лучшего даяния Вессантары, льва из царей. А ведь я, государь, сведущ в сутрах, понимаю их, учен, образован, способен к учению, был прилежен, настойчив, внимал учителю. От прошлого до нынешнего Просветленного, с времен Блаженного Кашьяпы до времен Блаженного Шакьямуни прошли многие миллионы лет, однако не слышал я, чтобы, когда какой-то имярек совершал даяние, земная твердь единожды, или дважды, или трижды содрогнулась. Нет, государь, обычной решимости, обычной доблести не поколебать земную твердь. Но если, государь, ее отяготило бремя совершенств, если действие, проникнутое чистотой, отяготило земную твердь бременем своих совершенств, то **их** она не в силах удержать — содрогнется, сотрясется, поколеблется. Как у воза, государь, если перегрузить его поклажей, ступицы и ободья сломаются, оси полопаются, вот точно так же, государь, если действие, проникнутое чистотой, отяготило земную твердь бременем своих совершенств, то **их** она не в силах удержать — содрогнется, сотрясется, поколеблется. Или как грозные тучи, государь, что несутся в ненастном небе, отягощенные поднимающейся в воздух влагой; разрываемые на части порывами ветра, они громяхают, рокочут, ревут; вот точно так же, государь, когда великая, возвышенная, безмерная щедрость царя Вессантары отяготила земную твердь, то земля не смогла ее выдержать — содрогнулась, сотряслась, поколебалась. Ведь не страстью, государь, была мысль царя Вессантары движима, не враждебностью движима, не гордостью движима, не лжемудрием движима, не аффектами движима, не мечтаниями движима, не отвращением движима, но мощно была движима даянием: «О, пусть те нуждающиеся, что еще не пришли ко мне, придут ко мне; пусть те нуждающиеся, что пришли ко мне, получат то, что им желанно, пусть будут они удовлетворены». Так постоянно, непрестанно его помыслы устремлялись к даянию. К десяти добродетелям, государь, постоянно, непрестанно устремлялись помыслы царя Вессантары: даянию, спокойствию, терпению, сдержанности, самообузданию, самоутеснению, безгневию, невреждению, правдивости, чистоте⁴⁷. Царь Вессантара, государь, отринул стремление к обладанию, крайне ослабил стремление к бытию⁴⁸, он принял на себя труды из стремления к истинному

деланию. Царь Вессантара, государь, отринул попечение о самом себе, он принял на себя труды, печась о других: «Пусть будут живые в добром согласии, здравы, богаты, пусть живут долго!» Этим были мощно движимы его помыслы. И когда царь Вессантара совершал свои даяния, он делал это не ради достижения процветания, не ради богатства, не ради ответного дара, не из тщеславия, не ради долголетия, не ради родовитости, не ради счастья, не ради силы, не ради чести, не ради сына, не ради дочери, но ради всеведущего знания, ради обретения драгоценности всеведущего знания совершил он столь безмерные, неизмеримые, несравненные, превосходнейшие даяния. И, обрета всеведущее знание, он изрек такие стихи:

«О своем сыне Джалии, о дочери Кришнаджине,
О Мадрии-царице, супруге моей верной,
Я не печалился, их отдавая в рабство:
Я это совершил, взыскав просветленья»⁴⁹.

Царь Вессантара гнев побеждал безгневием, недоброе побеждал добрым, скупость побеждал щедростью, лжеца побеждал истиной; все зло, государь, он побеждал добром⁵⁰.

Вот, на дхарму уповая, дхарму ставя превыше всего, он совершает даяние и в своем даянии являет безмерную силу решимости. Взметнулся великий [круг] ветров подземных⁵¹; раз за разом вихрь за вихрем подымается; гнутся деревья, теряя листву, выпрямляются, вновь склоняются; гряды туч грозowych небосвод застилают; мглу наволакивая, веют ветры свирепые; вдавились небеса; с устрашающим завыванием, с оглушительным свистом внезапным ветры неистово дуют; вот взбунтовались ветры — и море разыгралось; разыгралось море — черепахи и рыбы пугаются; валы вереницей вздымаются; зыбью море подернулось, все сильнее клокочет; гребни волн устрашающе рассыпаются; изо всех берегов выходит океан в венце прибрежной пены; вспять, к истокам, текут ручьи и потоки; асуры, гаруды, якши, наги⁵² дрожат, трепещут: «Как! Что! Неужели море идет на нас!»; ищут пути-дороги, страхом объятые; взволновалось, помутилось лоно вод; твердь земная с горами и долами содрогается; скалистая вершина горы Меру качается, кренится; безумеют змеи, мангусты, кошки, шакалы, кабаны, лани, пернатые; верещат тшедушные якши, хохочут дюжие якши, а твердь земная сотрясается.

Представь, государь, что в огромный котел доверху налили воды, всыпали риса и поставили его на огонь. Сначала на огне котел нагреется, от нагретого котла вода нагреется, от нагретой воды зерно нагреется. Когда нагреется зерно, отвар закипит, забуллит, появятся пузыри, у стенок образуется пена. И вот так же, государь, что трудно отринуть людям, то отринул в даянии царь Вессантара, и самой природы его, отринув-

шего то, что трудно отринуть, великие подземные ветры выдержать не смогли — и заметались. А как заметались великие ветры, то взволновались воды; как взволновались воды, сотряслась земная твердь. И тогда от великого его даяния, от безмерной мощи его решимости три стихии были как бы единодушны: великие ветры, воды и земля⁵³. Не было миру явлено чудес в даянии, государь, подобных чудесам в великом даянии царя Вессантары. Вот, государь, много разных самоцветов известно в мире: изумруд, сапфир, «сгусток сияния», «кошачий глаз», «цветок льна», «цветок алой акации», чарующий камень, солнечный камень, лунный камень, алмаз, болеисцеляющий камень, топаз, рубин, коралл⁵⁴, но самоцвет миродержца превосходит их все и признан первейшим. Самоцвет миродержца, государь, вокруг на йоджану светится. Вот точно так же, государь, разное даяние бывает на свете, пусть даже высшее, беспримерное даяние, но великое даяние царя Вессантары любое превосходит и признано первейшим. И лишь когда царь Вессантара совершал великое даяние, земная твердь сотряслась семь раз⁵⁵.

— Необычайно это у просветленных, чудесно это у просветленных, почтенный Нагасена! Обладая подобной стойкостью, подобной мыслью, подобной решимостью, подобной целью, еще бодхисаттвой Татхагата был несравненен среди людей. Ты открыл мне устремленность бодхисаттв, почтенный Нагасена, еще раз объяснил, какова запредельность победителей, показал мне, что Татхагата, следуя своим путем, превосходит всех богов и людей. Отлично, почтенный Нагасена! Прославлено Учение Победителя, воссияла запредельность Победителя, разрублен узел речей проповедников, расколот горшок чужих наветов, вышло наружу бывшее в глубинах, прорежена чащоба; поистине обрели уверенность сыны Победителя! Да, это так, о лучший из лучших наставников. Мы с этим согласны.

[Вопрос 5 (5)]

— Почтенный Нагасена, вы утверждаете, что шибийский царь отдал свои глаза просившему и ослеп, но потом обрел дивное зрение⁵⁶. Эти слова неприемлемы, несообразны, уязвимы. В сутре сказано: «Если вещественная причина уничтожена, если нет вещественной причины, нет места, то дивное зрение не возникает»⁵⁷. Если, почтенный Нагасена, шибийский царь отдал свои глаза просившему, то ложны слова, будто он потом обрел дивное зрение. Если он обрел дивное зрение, то ложны слова, будто шибийский царь отдал свои глаза просившему. Вот еще вопрос обоюдоострый, узла завязаннее, язвы язвительнее, чащобы непролазнее. Тебе он поставлен. Соизволь же уничтожить недоумение, опровергнуть утверждения чужих.

— Верно, что шибийский царь отдал свои глаза просившему; не сомневайся в этом, государь. Верно также, что потом он обрел дивное зрение; и в этом не сомневайся.

— Стало быть, почтенный Нагасена, если и уничтожена вещественная причина, если нет вещественной причины, нет места, то дивное зрение все же может возникнуть?

— Нет, государь.

— Что же здесь действует, почтенный? Если вещественная причина уничтожена, если нет вещественной причины, нет места, то как тогда возникает дивное зрение? Вразуми меня, приведи мне довод.

— Скажи, государь, есть ли на свете правда, силою которой изрекающие правду вершат заклятие⁵⁸?

— Да, почтенный, есть на свете правда. Силою правды, почтенный Нагасена, изрекающие правду вершат заклятие: дождь вызывают, пожар тушат, яд обезвреживают⁵⁹, многое и другое делают, что им нужно.

— Тогда все сходится, все последовательно, государь. Силою правды обрел шибийский царь дивное зрение. Силою правды, государь, дивное зрение порождается и без [телесного] места. Сама правда оказывается тогда тем местом, на котором возникает дивное зрение. Например, государь, [произносят] сиддхи заклятие и приговаривают: «Пусть большая туча появится и дождь прольется». И стоит им промолвить это заклятие, как [и вправду] из большой тучи льется дождь⁶⁰. Скажи, государь, в воздухе ли тогда находится причина того, что из большой тучи дождь полился?

— Нет, почтенный, сама правда оказывается тогда причиной, благодаря которой из большой тучи полился дождь.

— Вот точно так же, государь, и здесь естественной причины нет. Сама правда оказывается здесь тем местом, на котором возникает дивное зрение. Или, например, государь, [произносят] сиддхи заклятие и приговаривают: «Эта палящая, полыхающая огненная стена пожара не отступит». И стоит им промолвить это заклятие, как в тот же миг палящая, полыхающая огненная стена пожара отступает⁶¹. Скажи, государь, в этой ли палящей, полыхающей огненной стене пожара находится тогда причина того, что она отступает?

— Нет, почтенный, сама правда оказывается здесь причиной, благодаря которой эта палящая, полыхающая огненная стена пожара в тот же миг отступает.

— Вот точно так же, государь, и здесь естественной причины нет. Сама правда оказывается здесь тем самым местом, на котором возникает дивное зрение. Или, например, государь, [произносят] сиддхи заклятие и приговаривают: «Смертельный яд да обратится в противоядие». И стоит им промолвить это заклятие, как в тот же миг смертельный яд обращается в про-

тивоядие⁶². Скажи, государь, в смертельном ли яде находится тогда причина того, что он в тот же миг обращается в противоядие?

— Нет, почтенный, сама правда оказывается тогда причиной, благодаря которой обезвреживается смертельный яд.

— Вот точно так же, государь, без всякой естественной причины сама правда оказывается здесь тем местом, на котором возникает дивное зрение. Да и четыре арийские истины, государь, не на каком-либо ином месте, [иной основе] постигаются. Правда и есть то место, [та основа], на которой постигаются четыре арийские истины⁶³.

В китайских пределах, государь, живет царь китайцев. Желая принести жертву посреди океана, он каждые четыре месяца клянется правдою, а затем на йоджану заезжает в океан на запряженной львами колеснице. Огромная толща воды расступается перед его колесницей, а когда он возвращается, вновь смыкается за ним. Скажи, государь, может ли какая-нибудь естественная сила заставить океан расступиться, будь она хоть силою всего мира людей и богов?

— Да ведь даже воду в крохотном пруду, почтенный, никакая естественная сила, будь она хоть силою всего мира людей и богов, заставить расступиться не может. Что уж говорить об океанских водах!

— Вот и этот пример, государь, убеждает в силе правды. Нет ничего недостижимого для правды.

Некогда в граде Паталипутре, когда Ашока, царь во дхарме, стоял в окружении горожан, крестьян, советников, телохранителей, вельмож и взирал на переполненный полой водою, вздувшийся вровень с берегами многоводный поток Ганги-реки, простирающейся на пятьсот йоджан в длину и на целую йоджану в ширину, он сказал советникам: «Возьмется ли кто, любезные, повернуть вспять течение великой Ганги?» — «Трудно, владыка», — молвили советники. А там же, на берегу Ганги, стояла некая блудница, Биндуматия по имени, и она услышала эти слова царя: «Возможно ли повернуть вспять великую Гангу?» Она промолвила: «Вот я, из города Паталипутры блудница, своею красотой живущая, худшим из ремесел занимаюсь. Пусть же узрит царь мое заклятие». И она поклялась правдой. Стоило ей поклясться, как в тот же миг на глазах у огромной толпы великая Ганга заклокотала и хлынула вспять. А царь слышал гул водоворотов, порожденных напором волн на великой Ганге, и, изумленный, пораженный, потрясенный, спросил советников: «Отчего это, любезные, великая Ганга вспять потекла?» — «Блудница Биндуматия, государь, услышав твои слова, произнесла заклятие правдой. От этого заклятия и хлынула Ганга к истокам». Содрогнулся царь в душе и, поспешая как только мог, подошел сам к блуднице и спросил: «Эй, неужели и впрямь

это ты, поклявшись правдой, повернула вспять течение Ганги?» — «Я, владыка». — «Да откуда у тебя силы на это? Что за безумец тебе поверит? Какой же силой повернула ты вспять течение Ганги?» — «Силою правды, владыка, повернула я вспять течение великой Ганги», — промолвила она. Царь молвил: «Да ты же плутовка, воровка, срамница, грешница, мошенница, распутница, преступница, простаков обирательница, откуда у тебя сила правды возьмется?» — «Я и впрямь такая, государь, да только, хоть я и такая, есть-таки у меня заклятие правдой. Им я, если захочу, весь мир с богами вместе переверну». Царь молвил: «Какое же это заклятие правдой, поведай мне его». — «Кто бы мне ни платил — кшатрий ли, брахман ли, вайшья ли, шудра ли, иной ли кто, всем я равно угождаю, ни кшатрия не отличаю, ни шудрой не гнушаюсь. Я от пристрастия и неприязни свободна⁶⁴, кто мне платит, того и ублажаю. Таково мое заклятие. Им-то я и повернула вспять течение великой Ганги». Так что, государь, для тех, кто крепок в правде, неисполнимого нет. Итак, государь, шибийский царь и отдал глаза просившему, и дивное зрение обрел, но это — через заклятие. А то, что сказано в сутре: «Если вещественная причина уничтожена, если нет вещественной причины, нет места, то дивное зрение не возникает», — так это сказано о зрении, обретаемом [йогическим] освоением⁶⁵, так это и запомни, государь.

— Отлично, почтенный Нагасена! Поистине распутан вопрос, указано опровержение, в порошок стерты наветы. Да, это так, я с этим согласен⁶⁶.

[Вопрос 6 (6)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «От соединения трех [условий], о монахи, происходит зачатие⁶⁷: мать с отцом соединяются, мать может в ту пору забеременеть, и присутствует гандхарва. От соединения вот этих трех [условий], о монахи, и происходит зачатие»⁶⁸. Это окончательное слово, непреложное слово, недвусмысленное слово, вполне ясное слово произнесено во всеуслышание среди богов и людей. Но вот, оказывается, и от соединения двух условий происходит зачатие: подвижник Дукула потер большим пальцем правой руки подвижнице Парике пуп, когда та могла забеременеть, и от этого прикосновения родился юный Шьяма⁶⁹. Так же и мудрец Матанга большим пальцем правой руки потер брахманской девице пуп, когда та могла забеременеть, и от этого прикосновения родился юный брахман Мандавья⁷⁰. Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал: «От соединения трех [условий], о монахи, происходит зачатие», то ложны слова, будто юный Шьяма и юный брахман Мандавья родились оттого, что их матерям потеряли пуп. Если Татхагата сказал, что юный Шьяма и юный

брахман Мандавья родились оттого, что их матерям потеряли пуп, то ложны слова, будто «от соединения трех [условий] происходит зачатие». Вот еще вопрос обоюдоострый, глубочайший, изощренный, лишь умнейшим по силам. Тебе он поставлен; пресеки путь сомнениям, подними яркий светоч знания.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «От соединения трех [условий], о монахи, происходит зачатие: мать с отцом соединяются, мать может в ту пору забеременеть, и присутствует гандхарва». И сказано также, что юный Шьяма и юный брахман Мандавья родились оттого, что их матерям потеряли пуп.

— Тогда каким доводом, почтенный Нагасена, разрешается этот вопрос? Вразуми меня, приведи этот довод.

— Ты когда-либо слышал, государь, каким образом появились на свет юный Санкритья и подвижник Ришьяшринга, а еще тхера Кашьяпа-царевич?

— Да, слышал, почтенный, их рождения знамениты. Две оленихи в пору течки пришли на место, где помочились два подвижника, и выпили их мочи, к которой подмешалось семя. От выпитой ими мочи с семенем родились юный Санкритья и подвижник Ришьяшринга⁷¹.

Как-то тхера Удаинн зашел в келью к монахине (своей бывшей жене в миру), распалился, заглядевшись на детородные части тела монахини, и излил семя в исподнюю одежду. Тут достопочтенный Удаинн говорит монахине: «Сходи, сестрица⁷², принеси воды, мне исподнее постирать нужно». — «Да что ты, почтенный, я сама постираю». Монахиня могла в ту пору забеременеть. Семя она долею взяла себе в рот, а долею капнула им себе на детородные части. От этого появился на свет Кашьяпа-царевич⁷³. Вот так говорят люди об этом.

— А ты веришь этим речам, государь?

— Да, почтенный, я имею на то твердое основание. На этом основании я и верю, что они появились на свет именно так.

— Какое же это основание, государь?

— Попав во вполне подготовленный к принятию его ил, семя быстро прорастает, почтенный.

— Да, государь.

— Вот точно так же, почтенный, монахиня могла в ту пору забеременеть, был «ил»⁷⁴, месячное кровотечение уже прекратилось, ткани были подготовлены. Захваченное ею семя попало в этот «ил», и она забеременела. На этом основании мы можем допустить, что они появились на свет действительно так.

— Это так, государь, я с этим согласен. Зародыш возникает от попадания семени в чрево. Значит, ты соглашаешься, что Кашьяпа-царевич появился на свет именно так?

— Да, почтенный.

— Отлично, государь, часть дела уже сделана. Если ты при-

знаешь еще одну разновидность зачатия, то и вовсе со мной согласишься. А как теперь быть с теми двумя оленями, которые затяжелели, выпив мочи? Веришь ты, что такое зачатие возможно?

— Да, почтенный. Ведь все, что съедено, выпито, сгрызено, слизнуто,— все это притекает к зародышу, собирается там и накапливается. Скажем, почтенный, все водные потоки, сколько их ни есть, все притекают к океану, собираются там и накапливаются. Вот точно так же, почтенный Нагасена, все, что съедено, выпито, сгрызено, слизнуто,— все это притекает к зародышу, собирается там и накапливается. На этом основании я верю, что зачатие может произойти и от попадания в рот⁷⁵.

— Отлично, государь, еще большая часть дела сделана. При питье через рот тоже бывает соединение двух⁷⁶. Ты, значит, согласен, что юный Санкритья, подвижник Ришьяшринга и тхера Кашьяпа-царевич появился на свет именно так?

— Да, почтенный, [но] здесь было соединение.

— А юный Шьяма и юный брахман Мандавья тоже были зачаты от соединения всех трех [условий], так же как в этих случаях. Я расскажу, как это было. Подвижник Дукула с подвижницей Парикой жили пустышками, преданными уединению, взыскав высшую цель, и пылом своего подвижничества опалили весь свет вплоть до миров Брахмы. Сам Шакра тогда, глава богов, по утрам и вечерам им прислуживал. Он примечал глубоко сердечное их расположение друг к другу; а в будущем, провидел он, им обоим суждено было ослепнуть. Предвидя это, он молвил им: «Право же, сделайте один раз по-моему, почтенные! Согласитесь родить себе сына; был бы он вам опорой и поддержкой». — «Полно, Каушика⁷⁷, помолчи», — не слушали те его совета. Сострадая им и желая им добра, Шакра промолвил им во второй раз и в третий: «Право же, сделайте один раз по-моему, почтенные! Согласитесь родить себе сына; был бы он вам опорой и поддержкой». На третий раз они сказали: «Полно тебе, Каушика, подстрекать нас к беспутству. Пусть помирает наше тело, когда ему помирается,— все едино ему помирать! Да пусть земля расколется, горы рассыплются, небо лопнет, луна и солнце на землю свалятся,— не желаем мы мирским обычаем совокупляться. А тебя мы у нас чтобы не видели — беспутство, видно, у тебя на уме». Не добившись их согласия, помрачнел тут Шакра, глава богов, и вновь, просительно руки сложив, сказал: «Если нельзя вам сделать по-моему, то ты, почтенный, потри, пожалуй, большим пальцем правой руки подвижнице пуп в ту пору, когда она может забеременеть; от этого она понесет. Такого соединения для зачатия достаточно». — «Вот это, Каушика, я могу выполнить, от такой малости нашего подвижничества не убудет. Так и быть», — согласились они.

А как раз тогда в обители богов некий небожитель, мощный

своими благими корнями, доживал свой век. Дожив свой век на небесах, он мог где угодно родиться, вплоть до семьи миродержца. И Шакра, глава богов, пришел тогда к тому небожителю и молвил: «Истинно, друг, светел день для тебя, принес я тебе исполнение чаяний. В благодатном краю обретишь ты жизнь, в подобающей тебе семье родишься. Прекрасные мать и отец будут тебе воспитатели, сделай только по-моему». И дважды и трижды он, воздев просительно руки, просил. Тогда молвил ему тот небожитель: «И какую же, друг, ты семью мне сейчас восхваляешь да превозносишь?» — «Подвижника Дукулу и подвижницу Парику». Услышав такой ответ, тот радостно согласился: «Отлично, друг, пусть будет, как ты желаешь. Ведь я могу родиться где захочу. [Вот я и думал], как мне родиться: из яйца ли, из утробы, из влаги, самородно ли». — «Рождайся из утробы, друг». И Шакра, глава богов, исчислил день, [благоприятный для] зачатия, и предупредил подвижника Дукулу: «В такой-то день подвижница будет способна забеременеть. Тогда ты, почтенный, потри, пожалуй, ей пуп большим пальцем правой руки». В тот день, государь, и подвижница могла забеременеть, и небожитель явился туда и присутствовал при сем, и подвижник потер подвижнице пуп большим пальцем правой руки. Так соединились все три [условия]. Прикосновение к пупу пробудило страсть подвижницы, однако эта страсть была именно из-за прикосновения к пупу, не думай, государь, что соединение непременно срамное. И игривость — соединение, и улещивание — соединение, и распаление помыслов — соединение. Соединение происходит от касания, которое должно вызвать страсть⁷⁸, а от соединения получается зачатие, так что, государь, зачатие бывает и от несрамного соединения. Скажем, государь, костер согревает и того, кто стоит близко, но не касается пламени, вот точно так же, государь, зачатие бывает и от несрамного соединения.

Четыре [вещи], государь, обуславливают зачатие: деяние, лоно, племя, просьба. Впрочем, все живые порождены деянием, возникают через деяние. Вот так, государь, зачатие обуславливается деянием: те, у кого мощные благие корни, государь, рождаются где им угодно — в богатом кшатрийском роду, или в богатом брахманском роду, или в богатом вайшьйском роду, богом ли, из яйца ли, из утробы ли, из влаги или самородно⁷⁹. Представь себе, государь, зажиточного, состоятельного, богатого человека, у кого много серебра и золота, много богатства и имения, много зерна и денег, много родни и друзей — что бы ему ни приглянулось, он то и купит, пусть вдвое, втрое переплатив: раба ли, рабыню, поле, угодье ли, деревню, торжок или целый край. Вот точно так же, государь, те, у кого мощные благие корни, рождаются где им угодно: в богатом кшатрийском роду, или в богатом брахманском роду, или в богатом вайшьйском ро-

ду, богом ли, из яйца ли, из утробы ли, из влаги или самородно. Так зачатие обуславливается деянием.

Вот как лоном обуславливается зачатие: у кур зачатие бывает от ветра, государь, у белых цапель зачатие бывает от звука грома; у богов же детей никто не носит, у них зачатие на разный лад бывает. Скажем, государь, люди ходят по земле каждый на свой лад: кто спереди прикрывается, кто сзади прикрывается, кто ходит нагишом, кто бреет голову и одевается в белое, кто отпускает чуб, кто бреет голову и одевается в желтое, кто одевается в желтое и отпускает чуб, кто косматым ходит и носит лубяницу, кто в шкуры одевается, кто в лучи света облачается — все люди ходят по земле на свой лад. Вот точно так же, государь, у разных живых существ зачатие на свой лад. Так зачатие обуславливается лоном.

Вот как племенем обуславливается зачатие: племен, государь, всего четыре — яйцеродное, живородящее, влагородящее и самородное. Если гандхарва попадает в яйцеродное племя, откуда бы он ни явился, он родится из яйца. Так же и с живородящим, влагородящим, самородным племенами: живые, рождающиеся в каждом из племен, подобны этому племени. Скажем, государь, все звери и птицы, попадая на гору Меру в Гималаях, утрачивают свою природную окраску и приобретают золотую. Вот точно так же, государь, если гандхарва попадает в яйцеродное племя, то, откуда бы он ни явился, он утрачивает свое прежнее естество и рождается из яйца. Так же и с живородящим, влагородящим, самородным племенами: попав в любое из них, гандхарва утрачивает свое прежнее естество и рождается подобно этому племени. Так зачатие обуславливается племенем.

Вот как просьбой обуславливается зачатие: представь, государь, что есть богатая, верующая, благочестивая, добродетельная, нравственная, преданная тапасу семья, но она бездетна и есть небожитель с мощными благами корнями, доживающий свой век [на небесах]. И вот, сострадая этой семье, глава богов Шакра просит этого небожителя: «Воплотись, друг, во чрево госпожи такой-то в такой-то семье», и тот по его просьбе воплощается в этой семье. Скажем, государь, люди, стремящиеся накопить достоинств, просят монаха зайти к ним в дом, предлагая ему что-то радующее сердце; они знают, что он принесет счастье всей семье. Вот точно так же, государь, глава богов Шакра просит такого небожителя и приводит его в подобную семью. Так зачатие обуславливается просьбой. И юный Шьяма, государь, сошел во чрево подвижницы Парики по просьбе главы богов Шакры. Юный Шьяма сам обладал достоинствами, государь; родители его были добродетельны и нравственны, просивший был могуществен — юный Шьяма родился упованиями их троих. Представь, государь, что опытный человек посадил

рассаду в хорошо вспаханную болотистую почву. Скажи, разве помешает что-нибудь росту этой рассады, если все мешающее убрано [заранее]?

— Нет, почтенный. Если ее не испортить, то рассада будет быстро расти, почтенный.

— Вот точно так же, государь, юный Шьяма родился упованиями тех троих, и ничто этому не мешало. Скажи, государь, случалось ли тебе слышать, чтобы обширный, богатый, благоденствующий край сгинул вместе с жителями из-за гнева провидца?

— Да, почтенный. Известно в мире, что пуща Дандака, пуща Медхья, пуща Калинга, пуща Матанга — все эти леса не всегда ими были; все эти края из-за гнева провидцев запустели⁸⁰.

— А если от их гнева богатейшие края сгинули, государь, то милость их разве ничего сделать не может?

— Может, почтенный.

— Стало быть, государь, юный Шьяма родился милостью трех могущественных сил: провидческой, божественной и достоинств, так это и запомни, государь. Три раза, государь, так было, что по просьбе главы богов Шакры боги нисходили в [земную] семью сыновьями. Эти трое — это юный Шьяма, великий Панада и царь Куша⁸¹, все трое — бодхисаттвы.

— Поистине прояснено зачатие, почтенный Нагасена, названо основание, осветились потемки, расчесан колтун, сокрушены наветы. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 7 (7)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Теперь же, Ананда, пятьсот лет сохранится истое Учение»⁸². Незадолго же до окончательного покоя Блаженный, отвечая бродячему подвижнику Субхадре, сказал: «Но эти монахи, Субхадра, жить смогут правильно, и святыми мир не оскудеет»⁸³. Это окончательное слово, непреложное слово, недвусмысленное слово. Если, почтенный Нагасена, Татхагата сказал: «Теперь же, Ананда, пятьсот лет сохранится истое Учение», то ложно утверждать, что «святыми мир не оскудеет». Если Татхагата сказал, что «святыми мир не оскудеет», то ложно утверждать, будто «теперь пятьсот лет сохранится истое Учение». Вот еще вопрос обоюдоострый, чашебы непролазнее, трудного труднее, узла завязаннее. Тебе он поставлен. Яви же в знании мощь и стремительность, словно кит⁸⁴ в океанских глубинах.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Теперь же, Ананда, пятьсот лет сохранится истое Учение». Незадолго же до окончательного покоя Блаженный сказал бродячему подвижнику Субхадре: «Но эти монахи, Субхадра, жить смогут правильно».

но, и святыми мир не оскудеет». Речи Блаженного, государь, могут разниться и по своему смыслу, и по выражению. [Из этих двух] одно есть суждение о конце Учения, другое же определяет следование [Учению], так что им одному до другого далеко. Как от земли до небосвода далеко, государь, как от преисподней до небес далеко, как от благого до неблагоприятного далеко, как от счастья до беды далеко — так и им одному до другого далеко. Впрочем, государь, не впустую же тебе спрашивать: я расскажу тебе, в чем здесь суть. Когда Блаженный говорит: «Теперь же, Ананда, пятьсот лет сохранится истое Учение», то этим он объявляет о потере и определяет, что же осталось: «Не будь монахинь, Ананда, тысячу бы лет истое Учение сохранилось. Теперь же, Ананда, пятьсот лет сохранится истое Учение». Говорит ли Блаженный, высказываясь так, об утрате истого Учения, бранит ли он постижение?

— Нет, почтенный.

— Так, государь, здесь он говорит об убыли и определяет, что же осталось. Скажем, государь, обеднел некий человек. Вот он собирает все оставшееся у него добро и объявляет: «Столько-то, мол, добра ubyло, а это вот осталось». Вот точно так же, государь, Блаженный говорил об убыли и объявил богам и людям, что же осталось: «Теперь же, Ананда, пятьсот лет сохранится истое Учение». Стало быть, когда Блаженный сказал: «Теперь же, Ананда, пятьсот лет сохранится истое Учение», то это — суждение о конце Учения. Когда же он незадолго до окончательного покоя хвалил бродячему подвижнику Субхадре шраманов, говоря: «Но эти монахи, Субхадра, жить смогут правильно, и святыми мир не оскудеет», то это определяло следование [Учению]. А у тебя и суждение о конце, и это определение на один лад. Ну, раз уж ты склонен смешивать их, я тебе поясню. Хорошенько слушай, внимай и не отвлекайся. Представь: вот озеро, государь, свежее влагою ровень с берегами полнится, насыпью кругом обведено. Не черпают из озера воду, и вновь и вновь изливаются на него дождем тучи, прибавляя в нем воды. Скажи, государь, оскудеет ли влагою озеро, пересохнет ли?

— Нет, почтенный.

— Отчего же?

— Оно дождевою водой пополняется, почтенный.

— А озеро это, государь, вот какво: истое Учение — дхарма Победителя изысканная; свежей, прозрачной влагой нравственности, добродетели, достоинств, совершенства в следовании ровень с берегами полнится, самое макушку бытия⁸⁵ превосходит. И если вновь и вновь сыны Просветленного нравственности, добродетели, достоинств, совершенства в следовании будут дождь на него изливать и тому озеру не дадут пересохнуть — Учению Победителя изысканному не дадут оскудеть, то

надолго тогда, не на малое время, сохранится истое Учение и святыми мир не оскудеет. Вот какой смысл имеется в виду в изречении Блаженного: «Но эти монахи, Субхадра, жить смогут правильно, и святыми мир не оскудеет». Иначе, государь: представь, вот полыхает громадный костер и то и дело подбрасывают в него сена, кизяка, хвороста. Скажи, государь, потухнет костер?

— Нет, почтенный, жарче запылает этот костер, ярче засияет.

— Вот точно так же, государь, пылает, сияет изысканное учение Победителя нравственностью, добродетелью, достоинствами, совершенством в следовании. И если будут сыны Просветленного обладать пятеркой свойств, что должно обрести⁸⁶, если всегда небеспечно упражняться будут, трем предметам⁸⁷ с охотою будут учиться, всею нравственностью исполнятся — предписаниями и запрещениями⁸⁸, то непременно надолго тогда, не на малое время, сохранится истое Учение и святыми, мир не оскудеет. Вот какой смысл имеется в виду в изречении Блаженного: «Но эти монахи, Субхадра, жить смогут правильно, и святыми мир не оскудеет». Иначе, государь: представь, вот зеркало гладкое, без пятен, ровное, отчищенное, прозрачное протирают то и дело тонко измельченным красным мелом. Скажи, государь, могут ли появиться на зеркале пятна, муть, потеки, грязь?

— Нет, почтенный, напротив, оно только чище станет.

— Вот точно так же, государь, лишено загрязнений по своей природе изысканное Учение Победителя, нет на нем пятен, мути, потеков-аффектов. И если будут сыны Просветленного выскабливать изысканное учение Победителя чистым скребком нравственности, добродетели, достоинств, совершенства в следовании [ему], то надолго тогда, не на малое время, сохранится изысканное Учение Победителя и святыми мир не оскудеет. Вот какой смысл имеется в виду в изречении Блаженного: «Но эти монахи, Субхадра, жить смогут правильно, и святыми мир не оскудеет». Корень учения Учителя, государь, — следование [ему], суть его — следование ему, если следование ему не утратится — сохранится оно⁸⁹.

— Почтенный Нагасена, ты упомянул «утрату истого Учения». Что же такое утрата истого Учения?

— Учение может претерпеть три утраты, государь, вот какие: утрату понимания, утрату следования, утрату внешней принадлежности. Когда утрачено понимание, государь, даже правильно следующий Учению не приходит к его постижению. Когда утрачено следование, то утрачивается и наставление в основах нравственности, остается одна внешняя принадлежность. Когда утрачивается внешняя принадлежность, то прерывается преемство. Вот каковы три утраты⁹⁰, государь.

— Отлично объяснен вопрос, почтенный Нагасена! Вышло наружу бывшее в глубинах, разрублен узел, сгнули наветы, разбиты, поблекли рядом с тобой, о лучший из лучших наставников⁹¹!

[Вопрос 8 (8)]

— Почтенный Нагасена, все ли дурное сжег в себе Татхагата с достижением всеведения? Или, когда он достиг всеведения, осталось еще в нем дурное?

— Блаженный сжег в себе все дурное с достижением всеведения, государь. Больше дурного у Блаженного не оставалось.

— Скажи, почтенный, а болел ли Татхагата когда-нибудь?

— Да, государь. В Раджагрихе обломком скалы Блаженному поранило ногу; он однажды болел кровавым поносом; еще как-то раз он был нездоров, и Дживака дал ему слабительного; однажды его ломило, и тхера-служитель парил его в горячей воде⁹².

— Если, почтенный Нагасена, Блаженный сжег в себе все дурное с достижением всеведения, то ложны слова, будто обломком скалы Блаженному поранило ногу или будто он болел кровавым поносом. Если Блаженному поранило ногу обломком скалы или если он болел кровавым поносом, то ложны слова, будто Блаженный сжег в себе все дурное с достижением всеведения. Не бывает болезней помимо деяния, почтенный: всякой болезни корень — в содеянном; любая болезнь — следствие деяния. Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Не всякой болезни корень — в содеянном, государь. Всего болезни могут быть вызваны восьмью причинами. Именно из-за этих восьми причин множество живых существ страдает разными болезнями. А причины таковы: иногда, государь, болезни вызваны расстройством [жизненных] ветров, иногда, государь, болезни вызваны расстройством желчи (——) слизи (——) одновременным расстройством этих начал (——) переменой погоды (——) неправильным образом жизни (——) внешним повреждением (——) вследствие деяния. Вот из-за этих восьми причин множество живых существ страдает разными болезнями. Те же, кто говорит, что все болезни вследствие деяния, преувеличивают, и слова их ложны.

— Неважно, почтенный Нагасена, пусть это расстройство [жизненных] ветров, или желчи, или слизи, или одновременное их расстройство, или перемена погоды, или неправильный образ жизни, или внешнее повреждение — все эти болезни все равно только вследствие деяния, все вследствие одного деяния возникают.

— Если бы все болезни порождались только деянием, государь, не было бы у них множества разных проявлений. Расстройства [жизненных] ветров, государь, бывают десяти разновидностей: от жары, от холода, от голода, от жажды, от передания, от праздности, от перенапряжения, от бега, от [неправильного] лечения и вследствие деяния. Из них девять разновидностей проявляются в том же самом существовании — ни в прошлом, ни в будущем, а поэтому нельзя утверждать, что все болезни возникают вследствие одного деяния. Расстройства желчи, государь, бывают трех разновидностей: от жары, от холода и от неправильного питания. Расстройства слизи, государь, бывают трех разновидностей: от жары, от холода и от еды и питья. Расстройства каждого из них — [жизненных] ветров, желчи, слизи, — произойдя каждое от своей причины, могут смешиваться, государь, и каждое влечет свою болезнь. Болезни от перемены погоды, государь, вызваны переменной погоды; болезни от неправильного образа жизни — неправильным образом жизни; болезнь от внешних повреждений бывает или случайной, государь, или вследствие деяния; болезнь вследствие деяния возникает вследствие совершенного прежде. Так что, государь, болезней вследствие деяния мало, прочих больше. А глупцы преступают меру и считают, что все болезни — вследствие деяния. Не обладая присущим просветленным знанием, невозможно отграничить здесь деяние [от прочего]. Что же до обломка скалы, поранившего Блаженному ногу, то эта болезнь была не из-за расстройства [жизненных] ветров, не из-за расстройства желчи, не из-за расстройства слизи, не из-за одновременного их расстройства, не из-за перемены погоды, не из-за неправильного образа жизни, не вследствие деяния, а из-за внешнего повреждения. Многие сотни тысяч рождений, государь, Девадатта копил злобу на Татхагату. Охваченный этою злобой, он однажды сбросил с горы на Татхагату огромный, тяжелый камень, целя в голову Татхагате. Но тут откуда-то взялись две скалы и задержали камень. При их столкновении откололся обломок, он упал Блаженному на ногу и в кровь ее разбил. Эта болезнь могла быть вызвана либо деянием, либо случайностью, но никак не иначе. Скажем, государь, семя не всходит или оттого, что почва негодная, или оттого, что само семя негодное. Вот точно так же, государь, эта болезнь могла быть вызвана либо деянием, либо случайностью, но никак не иначе. Или, скажем, государь, пища или оттого плохо переваривается, что желудок не варит, или оттого, что сама пища испорчена. Вот точно так же, государь, эта болезнь Блаженного могла быть вызвана либо деянием, либо случайностью, но никак не иначе.

Но, государь, ни болезней вследствие деяния, ни болезней от неправильного образа жизни у Блаженного не могло быть; от прочих причин могли быть болезни. Впрочем, эти болезни не

могли лишить Блаженного жизни. Этому телу, составленному из четырех больших сутей, государь, приходится испытывать приятные и неприятные, желанные и нежеланные ощущения. Когда подкидывают вверх ком земли, государь, он падает вниз на землю. Но не вследствие же прошлого деяния земли падает на нее этот ком⁹³?

— Нет, почтенный. В земле нет никакой вещественной причины, чтобы она могла ощущать последствия благих и неблагих деяний. Причина падения кома на землю присутствует в тот самый миг и с деянием не связана.

— Считай, государь, что Татхагата подобен земной тверди. Как ком падает на землю не вследствие какого-то прошлого ее деяния, точно так же, государь, и тот обломок скалы упал Татхагате на ногу не вследствие какого-то прошлого его деяния. Скажи, государь: вот копаются и роются люди в земле; не вследствие же прошлого деяния земли, государь, люди копаются и роются в ней?

— Нет, почтенный.

— Вот точно так же, государь, если и упал обломок скалы на ногу Блаженному, то он упал Блаженному на ногу не вследствие какого-то его деяния. Когда же Блаженный болел кровавым поносом, то это было вызвано не прошлым деянием, а одновременно расстройством жизненных начал. Ни одна из телесных болезней Блаженного не была вызвана деянием, государь, все они были порождены какою-то из шести прочих причин. Ведь в тонком, изысканном Своде связей по предметам есть изречение Блаженного, где он отвечает Маулья-Сиваке: «Иной раз, Сивака, болезни вызваны расстройством желчи. Можно и самому убедиться, что иной раз болезни вызваны расстройством желчи, Сивака; и люди считают верным, что иной раз болезни вызваны расстройством желчи, Сивака. Иные же шраманы и брахманы, о Сивака, считают и полагают, будто все, что переживает каждый человек,—приятное ли, неприятное ли или ни то и ни другое—все это вследствие свершенного прежде. Они идут и против того, что можно узнать самому, идут и против того, что люди верным считают. Поэтому я говорю: это у шраманов и брахманов неправильно. Иной раз, Сивака, болезни вызваны расстройством слизи (——) ветров (——) одновременно их расстройством (——) переменой погоды (——) неправильным образом жизни (——) внешним повреждением (——) вследствие деяния (——). Иные же шраманы и брахманы (——) это у шраманов и брахманов неправильно»⁹⁴. Так что, государь, не всякая болезнь—вследствие деяния. Все дурное сжег в себе Блаженный с достижением всеведения, государь, так это и запомни.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 9 (9)]

— Почтенный Нагасена, вы утверждаете: «Все дела свершил Татхагата под деревом просветления, не осталось у Татхагаты более ни дел, ни нужды повторять свершенное»⁹⁵. Однако, считается, что он три месяца пребывал в созерцании⁹⁶. Если, почтенный Нагасена, «все дела свершил Татхагата под деревом просветления» и «не осталось у Татхагаты более ни дел, ни нужды повторять свершенное», то ложно утверждать, будто три месяца он провел в созерцании. Если он три месяца провел в созерцании, то ложно утверждать, будто «все дела свершил Татхагата под деревом просветления, не осталось у Татхагаты более ни дел, ни нужды повторять свершенное». Не нужно созерцание всего достигшему, лишь недостигнутому нужно созерцание. Ведь только голодному нужна еда, что сытому до еды? Только больному нужно лекарство, что здоровому до лекарства? Вот точно так же, почтенный Нагасена, не нужно созерцание всего достигшему, лишь недостигнутому нужно созерцание. Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Все дела, государь, свершил Татхагата под деревом просветления, не осталось у Татхагаты более ни дел, ни нужды повторять свершенное. И пребывал Блаженный три месяца в созерцании. У созерцания много достоинств, государь; созерцая, достигли всеведения все татхагаты, и прилежат они созерцанию, убедившись, что оно приносит благо. Ведь если некий человек был однажды награжден царем за службу, нажил себе состояние, то он будет служить царю и впредь, убедившись, что это приносит благо. Вот точно так же, государь, созерцая, достигли всеведения все татхагаты, и прилежат они созерцанию, убедившись, что оно приносит благо. Или, государь, если расхворавшийся, измучившийся, тяжелобольной человек последовал советам врача и благодаря им поправился, то он будет следовать его советам и впредь, убедившись, что это приносит благо. Вот точно так же, государь, созерцая, достигли всеведения все татхагаты, и прилежат они созерцанию, убедившись, что оно приносит благо. У созерцания есть двадцать восемь достоинств, памятуя о них, прилежат татхагаты созерцанию. Достоинства эти вот какие: находящемуся в созерцании оно служит защитой, продлевает жизнь, дает силы, оберегает от зазорного, не допускает до бесчестия, дает славу, избавляет от неудовлетворенности, доставляет удовлетворенность, устраняет опасность, наделяет опытностью, избавляет от вялости, возбуждает усердие, избавляет от страсти, избавляет от враждебности, избавляет от заблуждения, смиряет гордыню, разрешает сомнения, сосредоточивает мысли, смягчает ум, веселит, придает значительности, приводит к успеху, дарует великое уважение, приносит доволь-

ство, приводит в восхищение, проявляет ему природу слагаемых, пресекает корень бытию, приобщает ко всем [плодам] шраманства. Таковы, государь, двадцать восемь достоинств созерцания. Памятуя о них, прилежат татхагаты созерцанию. А еще, государь, хоть и исчерпаны у татхагат все намерения, прилежат они созерцанию, стремясь испытать счастливую, сладостную, умиротворенную сосредоточенность. По четырем причинам, государь, прилежат татхагаты созерцанию, вот по каким: покойно пребывать в нем, государь, потому прилежат татхагаты созерцанию; обильно оно чистыми достоинствами, потому прилежат татхагаты созерцанию; таков путь всех без изъятия ариев, потому прилежат татхагаты созерцанию; славно оно, прославлено, восхвалено, возвеличено всеми просветленными, потому прилежат татхагаты созерцанию. Вот по этим причинам, государь, прилежат татхагаты созерцанию — не потому, что остались у них дела или нужда повторять свершенное⁹⁷.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 10 (10)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Татхагата породил, познал, умножил, подчинил, оседлал, воплотил, осуществил, обрел четыре основы сверхобычных сил, о Ананда. Если пожелает Татхагата, то кальпу еще проживет, о Ананда, или остаток кальпы»⁹⁸. Говорится, однако: «Через три месяца уйдет Татхагата в окончательный покой»⁹⁹. Если, почтенный Нагасена, Блаженный говорил: «Татхагата породил, познал, умножил, подчинил, оседлал, воплотил, осуществил, обрел четыре основы сверхобычных сил. Если пожелает Татхагата, то кальпу еще проживет, о Ананда, или остаток кальпы», то ограничение оставшегося ему срока жизни тремя месяцами ложно. Если Татхагата сказал: «Через три месяца уйдет Татхагата в окончательный покой», то ложно утверждать, будто «Татхагата, если пожелает, кальпу еще проживет или остаток кальпы». Не сотрясают татхагаты воздух впустую; просветленные, блаженные не говорят понапрасну, они говорят то, что есть, высказываются недвусмысленно. Вот еще вопрос обоюдоострый, глубокий, изощренный, с трудом постижимый. Тебе он поставлен. Распутай эти тенета лжемудрия, развеяй сомнения, сокруши клеветнические речи.

— Есть, государь, изречения Блаженного: «Татхагата породил, познал, умножил, подчинил, оседлал, воплотил, осуществил, обрел четыре основы сверхобычных сил, о Ананда. Если пожелает Татхагата, то кальпу еще проживет, о Ананда, или остаток кальпы». Говорил он и о том, что ему осталось жить три месяца. Кальпа значит здесь срок жизни¹⁰⁰. Слова Блажен-

ного о сверхобычных силах, государь, не есть прославление собственного его могущества, это прославление могущества сверхобычных сил. Представь, государь: есть у царя чистокровный скакун, резвый, как ветер. И вот в окружении горожан, крестьян, своих людей и телохранителей, брахманов, вайшьев, советников царь, расхваливая его резвость, говорит: «Если пожелает этот мой скакун — по всей земле промчится до самых океанских вод, ее омывающих, и мигом вернется сюда»¹⁰¹. Хотя собравшиеся воочию и не видят, насколько резв скакун, но он действительно резв, действительно может он мигом промчаться по всей земле до самых океанских вод, омывающих ее. Вот точно так же, государь, Блаженный, сидя в окружении обладателей тройного ведения и шестерного сверхзнания, сияющих, сбросивших путы святых, в окружении богов и людей, произнес, прославляя могущество своих сверхобычных сил, такие слова: «Татхагата породил, познал, умножил, подчинил, оседлал, воплотил, осуществил, обрел четыре основы сверхобычных сил, о Ананда. Если пожелает Татхагата, то кальпу еще проживет, о Ананда, или остаток кальпы». И действительно есть у Блаженного эти силы, действительно может Блаженный мощью сверхобычных сил прожить еще кальпу или остаток кальпы, хотя собравшиеся и не видели этого воочию¹⁰². Блаженному не нужно никакое существование, государь, всякое существование порицал Татхагата. Ведь есть изречение Блаженного, государь: «Дерьма хоть мало, монахи, все едино смердит. Вот и существование я не стану хвалить, монахи, пусть даже малое, на миг, чтобы только шелкнуть пальцами»¹⁰³. Если, государь, Блаженный понимал, что все виды и способы существования подобны дерьму, то, даже имея сверхобычные силы, разве стал бы он стремиться prolongировать существование¹⁰⁴?

— Нет, почтенный.

— Значит, государь, могущество сверхобычных сил прославляя, возгласил Блаженный этот победный клич Просветленного.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

Первая глава [закончена].

ГЛАВА ВТОРАЯ

[Вопрос 1 (11)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Со сверхзнанием¹, и не иначе, монахи, проповедую я Учение». О положениях Устава говорится, однако: «После моей смерти, Ананда, пусть отменяет община, если того пожелает, малые и

меньшие правила поведения»². Что же, почтенный Нагасена, плохо были установлены малые и меньшие правила поведения? Или напрасно установлены, по незнанию? Почему разрешил Блаженный отменить после своей смерти малые и меньшие правила поведения? Если, почтенный Нагасена, Блаженный говорил: «Со сверхзнанием, и не иначе, монахи, проповедую я Учение», то ложно утверждать: «После моей смерти, Ананда, пусть отменяет община, если того пожелает, малые и меньшие правила поведения». Если Татхагата сказал о положениях Устава: «После моей смерти, Ананда, пусть отменяет община, если того пожелает, малые и меньшие правила поведения», то ложно утверждать: «Со сверхзнанием, и не иначе, монахи, проповедую я Учение». Вот еще вопрос обоюдоострый, тонкий, скользкий, изощренный, глубокий-преглубокий, с трудом постижимый. Тебе он поставлен. Яви же в знании мощь и стремительность.

— Есть изречение Блаженного, государь: «Со сверхзнанием, и не иначе, монахи, проповедую я Учение». О положениях же Устава говорится: «После моей смерти, Ананда, пусть отменяет община, если того пожелает, малые и меньшие правила поведения». Но последнее, государь, Татхагата сказал, желая испытать монахов: «Если дам я ученикам послабление, то отбросят ли они после моей смерти малые и меньшие правила поведения или будут им следовать?» Представь, государь, что царь-миродержец обращается к сыновьям: «Огромна эта страна, сыновья мои; омывается она со всех сторон морями. Тем войском, что у нас есть, сыновья мои, трудно будет ее удержать. После моей смерти лучше бы вам отступить от дальних, окраинных земель». Скажи, государь, разве откажутся царевичи после смерти отца от власти над дальними, окраинными землями, от областей, которыми владеют?

— Нет, почтенный. Цари — народ ненасытный; вдвое, втрое против прежнего, почтенный, загребнут себе земли жадные до власти царевичи, не то что не отступятся от областей, которыми владеют.

— Вот, государь, точно так же и Блаженный, желая испытать монахов, сказал: «После моей смерти, Ананда, пусть отменяет община, если того пожелает, малые и меньшие правила поведения». Но жадные до Учения сыны Просветленного, государь, скорее установят полтораста новых правил поведения, только чтобы избавиться от тягот, не то что не отменят правил поведения, установленных прежде.

— Почтенный Нагасена, слова Блаженного «малые и меньшие правила поведения» вызывают у многих сомнения, смущение, колебания, неуверенность: «Что такое малые правила поведения, а что меньшие правила поведения?»

— Малые правила поведения, государь, касаются дурных действий, а меньшие правила поведения — дурных речей. Вот

что такое малые и меньшие правила поведения. Даже у великих тхер прошлого, государь, были в этом разногласия, даже они не были едины. Блаженный ответил на этот вопрос в поведении о сохранности Учения³.

— Давно утраченное, забытое в Учении Победителя, почтенный Нагасена, явил, открыл ты сегодня миру.

[Вопрос 2 (12)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Татхагата Учение в кулак не прячет, Ананда»⁴. Но на вопросы тхеры, сына Малунки, он не ответил⁵. У моего вопроса, почтенный Нагасена, может быть два решения: или Блаженный не знал ответа, или скрывал. Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал: «Татхагата Учение в кулак не прячет, Ананда», то на вопрос тхеры, сына Малунки, он не ответил по незнанию. Если же заведомо не ответил, то тогда выходит, что Татхагата Учение в кулак прячет. Вот вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Татхагата Учение в кулак не прячет, Ананда». А на вопрос тхеры, сына Малунки, он действительно не ответил, но не по незнанию и не из скрытности. Есть четыре рода вопросов, государь, по ним и ответы. Бывает однозначный ответ, ответ с оговоркой, ответ встречным вопросом, ответ отклонением вопроса⁶.

Каковы, государь, вопросы, на которые отвечают однозначно? Например: «Образное бренно?» — на такой вопрос отвечают однозначно. Или: «Ощущение бренно?», «Распознавание бренно?», «Слагаемые бренны?», «Сознание бренно?» — на такие вопросы отвечают однозначно⁷.

Каковы вопросы, на которые отвечают с оговоркой? Например: «Бренное — это образное?» — на такой вопрос отвечают с оговоркой. Или: «Бренное — это ощущение?», «Бренное — это распознавание?», «Бренное — это слагаемые?», «Бренное — это сознание?» — на такие вопросы отвечают с оговоркой⁸.

Каковы вопросы, на которые отвечают встречным вопросом? Например: «Зрением [ли существо] все распознает?» — на такой вопрос отвечают встречным вопросом⁹.

Каковы вопросы, на которые отвечают отклонением вопроса? Вот они: «Мир вечен?», «Мир не вечен?», «Мир конечен?», «Мир бесконечен?», «Мир и конечен и бесконечен?», «Мир ни конечен, ни бесконечен?», «Одно ли и то же душа и тело?», «Душа — одно, а тело — другое?», «Существует татхагата после смерти?», «Не существует татхагата после смерти?», «И существует татхагата после смерти, и не существует?», «И не существует татхагата после смерти, и не не существует?» — таковы вопросы, на которые отвечают отклонением их. Тхера, сын Малунки, задал

вопросы, на которые отвечают отклонением их. Блаженный их отклонил. Почему же на такие вопросы отвечают отклонением их? Нет ни причины, ни основы, чтобы отвечать на них, потому их и отклоняют. Беспричинно, безосновно просветленные, блаженные не говорят, не высказываются¹⁰.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 3 (13)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Все существа страшатся кары, всех существ ужасает смерть»¹¹. Однако говорится: «Святой все страхи преодолел»¹². Как же так, почтенный Нагасена? Святой страшится кары, а мучимые, палимые, терзаемые, сожигаемые, в огне горящие обитатели ада ужасаются грядущей смерти, когда их жизнь в крошечном аду кончается? Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал: «Все существа страшатся кары, всех существ ужасает смерть», то ложно утверждать, что «святой все страхи преодолел». Если Блаженный сказал: «Святой все страхи преодолел», то ложно утверждать: «Все существа страшатся кары, всех существ ужасает смерть». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Высказывание Блаженного: «Все существа страшатся кары, всех существ ужасает смерть» — не имеет в виду святых, на святых оно не распространяется, ибо святой искоренил самое [вещественную] причину страха. Слова Блаженного: «Все существа страшатся кары, всех существ ужасает смерть» — подразумевают существ, имеющих аффекты, чрезмерно привязанных к мнениям о самости, тех, государь, кто радуется счастью и горюет в беде.

Святой же вышел за пределы бытия, пресек для себя всякой будущей жизни возможность, отрезал пути к новому рождению, силки распутал; он вне всех областей существования, с благом и неблагом покончил, убил неведение; в сознании его нет больше ростков будущего; все аффекты он прокалил и все мирские дхармы превзошел, поэтому никакие страхи святого не страшат. Представь, государь: есть у царя четверо советников, преданных, испытанных, надежных, облеченных большою властью. И вот по каким-то обстоятельствам царь для всех своих подданных издает указ: «Пусть все принесут мне подать. А вы, советники, об исполнении сего позаботьтесь». Скажи, государь, убоятся разве, устрашатся подати эти четверо советников?

— Нет, почтенный.

— Отчего же?

— Они, почтенный, у царя в высшем звании, они подать не платят, стоят выше всяких податей. А указ о том, чтобы все

платили ему подать, царь издал, имея в виду всех прочих людей.

— Вот точно так же, государь, то высказывание Блаженного не имеет в виду святых, на святых оно не распространяется, ибо святой искоренил самую причину страха. Слова Блаженного: «Все существа страшатся кары, всех существ ужасает смерть» — подразумевают существ, имеющих аффекты, чрезмерно привязанных к мнениям о самости, тех, кто радуется счастьем и горюет в беде. Святого поэтому никакие страхи не страшат.

— Но, почтенный Нагасена, в этом высказывании исключений не подразумеваются. Раз сказано «все», то никаких исключений не может быть. Приведи мне еще какой-нибудь подкрепляющий довод.

— Представь, государь, что хозяин деревни отдает распоряжение своему управляющему¹³: «Ну-ка, управляющий! Быстро созови ко мне всю деревню, да чтобы все пришли». — «Сейчас, хозяин», — отвечает тот и, выйдя на деревенскую площадь, трижды громко объявляет: «Хозяин всю деревню требует немедленно к себе». Услышав распоряжение, крестьяне тут же сбегаются к хозяину и дают знать ему: «Вся деревня в сборе, хозяин, говори, чего тебе надобно». Ясно, государь, что хозяин деревни требовал к себе только глав семей, хотя позвал он, распоряжаясь об этом, «всю деревню». Но собралась не «вся деревня», собрались только главы семей. При этом и сам хозяин деревни вполне согласен, что народу у него ровно столько, сколько собралось. А ведь тех, кто не пришел, гораздо больше — тут и мужчины, и женщины, рабы, рабыни, батраки, работники, деревенские больные, быки, буйволы, козы, овцы, птица. Но те, кто не пришел, в счет не идут, потому что в распоряжении явиться всей деревне имелись в виду только главы семей. Вот точно так же, государь, то высказывание Блаженного не имеет в виду святых, на святых оно не распространяется, ибо святой искоренил самую причину страха. Слова Блаженного: «Все существа страшатся кары, всех существ ужасает смерть» — подразумевают существ, имеющих аффекты, чрезмерно привязанных к мнениям о самости, тех, кто радуется счастьем и горюет в беде. Святого поэтому никакие страхи не страшат.

Бывает, государь, что и словами говорится об исключениях, и по смыслу есть исключения; бывает, что словами не говорится об исключениях, а по смыслу исключения есть; бывает, что словами говорится об исключениях, а по смыслу исключений нет; бывает, что и словами не говорится об исключениях, и по смыслу исключений нет. Следует всякий раз смотреть, приемлем ли смысл. На пяти [основаниях] смысл может быть приемлемым: если слова заимствованы, или по сути, или по наследству от учителя, или как мнение, или по более весомой причине. Здесь под заимствованными словами имеются в виду слова

из сутр; под сутью — нечто, согласующееся с сутрами; под наследством учителя — сказанное учителем; под мнением — собственная точка зрения; под более весомой причиной — совместное действие [каких-либо из] первых четырех причин. Вот на этих пяти [основаниях], государь, смысл может быть приемлемым. Так разрешается этот вопрос.

— Пусть так, почтенный Нагасена. Здесь я с тобой согласен: на святых эти слова не распространяются, а прочие существа испытывают страх. Но обитатели ада? Пребывая в этой злейшей из юдолей, они терпят пытки тяжкие, жестокие, непеносимые; каждую клеточку и каждый член их тела жжет и гложет огонь; плачут они, рыдают и горюют, и уста их исторгают лишь жалобные вопли и причитания; подавленным нестерпимо тяжелыми страданиями, истерзанным великой мукой, нет им ни защиты, ни прибежища, ни облегчения, и они предаются безысходному отчаянию. В крошечном аду, зарево от которого видно за сто йоджан, в жарком, знойном, губительно палящем, раскаленном пекле, где их со всех шести сторон лижут языки пламени, а оглушительный гул порождает в них смятение и ужас, — как могут они бояться смерти?

— Могут, государь.

— Но, почтенный Нагасена, ведь пребывание в аду — это же беспрестанная мука. Почему же обитатели ада боятся смерти, если с нею их беспрестанная мука кончается? Почему они довольны адом?

— Вовсе не довольны адом, государь, его обитатели; напротив, им бы только вырваться из ада. Но таково уж величие смерти, что оно повергает их в трепет.

— Нет, почтенный Нагасена, вот уж этому я не поверю — чтобы их, кому бы только вырваться из ада, конец адского существования мог ужасать. Им бы смеяться от радости, обретая желанное, почтенный Нагасена. Приведи мне какой-нибудь довод.

— Для тех, кто не узрел истин, государь, смерть есть нечто страшное. Перед нею такие люди трепещут и содрогаются. Если некто боится слона, льва, тигра, пантеры, медведя, гиены, буйвола, гавай, огня, воды, пня, колючек или если некто боится меча, то, боясь смерти, он именно этого и боится. Смерти, государь, по природе присуще величие¹⁴. Из-за этого ее природного величия существа, имеющие аффекты, боятся смерти и трепещут перед нею. Поэтому и обитатели ада, даже желая вырваться из него, боятся смерти и трепещут перед нею. Представь, государь, что у некоего человека вырос на теле жировик. Измученный болезнью, он, желая избавиться от такой напасти, посылает за хирургом. Хирург соглашается его лечить и принимается готовить свои приспособления, чтобы удалить жировик: затачивает нож, прокаливает на огне шупы для прижигания,

толчет в ступке едкую соль. Ведь будет, государь, трястись от страха этот больной, что сейчас его станут резать острым ножом, прижигать ему рану раскаленным щупом, присыпать ее едкой солью?

— Да, почтенный.

— Вот видишь, государь: хотя больной и желает избавиться от недуга, он боится боли и потому трепещет. Вот точно так же, государь, хотя обитатели ада и желают вырваться из него, они боятся смерти и потому трепещут. Представь, государь, что провинившегося перед господином слугу заковали в цепи и бросили в темницу. Конечно, он желает выбраться оттуда. И вот господин решает его освободить и приказывает привести его. А провинившийся слуга знает за собой вину перед господином. Скажи, государь, он ведь будет трепетать оттого, что сейчас явится на глаза господину?

— Да, почтенный.

— Вот видишь, государь: хотя провинившийся перед господином слуга и желает выйти из темницы, он господина все же боится и потому трепещет. Вот точно так же, государь, хотя обитатели ада и желают из него вырваться, они боятся смерти и потому трепещут.

— Приведи мне еще какой-нибудь довод, почтенный, чтобы я вполне уверился.

— Представь, государь, что человека укусила ядовитая змея, и ну он падать от змеиного яда, ну прыгать, ну корчиться, ну по земле кататься. А тут некто, произнеся могущественное заклинание, понуждает укусившую того змею приползти назад и всосать обратно излитый ею яд¹⁵. Ведь будет трястись от страха тот укушенный, когда змея подползет к нему, чтобы [всосать яд обратно] и исцелить его?

— Да, почтенный.

— Вот видишь, государь: раз уж ползет к нему такая змея, хотя бы чтобы исцелить его, он все равно трепещет. Вот точно так же, государь, хотя обитатели ада и желают вырваться из него, они боятся смерти и потому трепещут. Смерть никому из живых существ не желанна, потому и боятся смерти обитатели ада, даже желая выбраться из него.

— Отлично, почтенный Нагасена. Так это и есть, я с этим согласен.

[Вопрос 4 (14)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного:

«Ни в поднебесье, ни в морских пучинах,

Ни в пещере среди отрогов горных —

Нигде во всей вселенной не укрыться

Живому от аркана Смерти»¹⁶.

И, однако, Блаженный преподавал заговоры: сутру «Драгоценность», заговор [из раздела] «Груда», заговор павлина, заговор «Верх знамени», заговор «Атанатия», заговор Пальцелома¹⁷. Если, почтенный Нагасена, ни тем, кто воспарил в небеса, ни тем, кто погрузился в морскую пучину, ни тем, кто укрылся во дворце, келье, пещере, расселине, ущелье, гроте, норе, берлоге или где-то в горах, и то не скрыться от аркана Смерти, то ложно считать, что заговор может помочь. Если же можно благодаря заговору ускользнуть из аркана Смерти, то тогда ложно это утверждение: «Ни в поднебесье...» и дальше. Вот еще вопрос обоюдоострый, узла завязаннее. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного:

«Ни в поднебесье, ни в морских пучинах,
Ни в пещере среди отрогов горных —
Нигде во всей вселенной не укрыться
Живому от аркана Смерти».

И преподавал Блаженный заговоры, но это — для тех, кто еще во цвете лет, кто еще не прожил свой век и у кого нет препятствий, порожденных деянием. Ведь тем, государь, кто прожил свой век, ни лечение, ни снадобья не помогут. Скажем, государь, если дерево уже мертво, погибло, засохло, если соки в нем истощились, время ему расти прошло и жизнь покинула его, то под него хоть тысячу кувшинов воды лей — все равно оно уже не оживет, не покроется вновь свежими, зелеными побегами. Вот точно так же, государь, бесполезны лекарства и заговоры для тех, кто прожил свой век: ни лекарства, ни снадобья им не помогут. Всей земли целебные травы, государь, не действуют на того, кто прожил свой век. Но тем, кто еще во цвете лет, государь, кто свой век еще не прожил и у кого нет препятствий, порожденных деянием, — тем заговор помогает и тех оберегает. Ради них и преподавал Блаженный заговоры. Скажем, государь, когда созревают хлеба и стебли у них усыхают, то пахарь отводит с поля воду, а полным соков молодым хлебам избыток воды, напротив, идет на пользу. Вот точно так же, государь, тех, кто уже прожил свой век, лекарства и заговоры не излечат и не спасут. Заговоры и лекарства предназначены для людей во цвете лет, еще не проживших свой век. Им лекарства и заговоры приносят пользу.

— Если проживший свой век умирает, а не проживший свой век остается в живых, почтенный Нагасена, то бесполезны, выходит, лекарства и заговоры.

— А ты видел когда-либо, государь, чтобы болезнь лекарствами излечивалась?

— Да, почтенный, сотни раз видел.

— А раз так, государь, то ложно, [как ты], утверждать, будто заговоры и лекарства бесполезны.

— Но можно заметить, почтенный Нагасена, что врачи в лечении применяют лекарства, отвары, мази. Благодаря их применению болезнь и излечивается.

— А у применяющих заговоры, государь, упражняется голос, сохнет язык, расправляется грудь, глотка хрипит¹⁸. Благодаря применению заговоров, государь, их отпускают все недуги, оставляют все напасти. Ты когда-либо видел, государь, как укушенный змеею человек обезвреживал яд мантрой? [Или] как ему отсасывали [кровь] сверху и снизу [ранки], чтобы уничтожить действие яда?¹⁹

— Да, почтенный, такое и сейчас в жизни встречается.

— А раз так, государь, то ложно, [как ты], утверждать, будто заговоры и лекарства бесполезны. Если, государь, человек произнес заговор, то и змея его, даже укусить желая, не укусит, отверзтую было пасть закроет; и разбойники дубину на него подымут, да не опустят, а откинут ее в сторону и друзьям уподобятся; и взбешенный слон, встретив его, успокоится; и полыхающая стена лесного пожара дойдет до него и потухнет; и смертельный яд превратится в его утробе в лекарство, а не то усвоится, подобно пище; и посягающие на его жизнь убийцы уподобятся его рабам; и, ступив ногою в силок, он не попадет²⁰. Ты слышал когда-либо, государь, о том павлине, что семьсот лет кряду произносил по утрам заговор, и охотникам так и не удалось заловить его в силки; но стоило ему однажды не произнести заговора, как он в тот же день угодил в силок²¹?

— Да, слышал, почтенный, этот рассказ всем богам и людям известен.

— А раз так, государь, то ложно утверждать, [как ты], будто заговоры и лекарства бесполезны. Ты слышал когда-либо, государь, о том данаве, что стерег свою жену? Он сажал ее в короб, заглатывал его и держал у себя в животе, а один видьядхара²² залез к данаве в пасть и позабавился там с его женою. Узнав об этом, данава отрыгнул короб и открыл крышку. А видьядхара из открытого короба беспрепятственно ускользнул²³.

— Да, почтенный, я слышал об этом. Этот рассказ тоже и богам, и всему свету известен.

— И ведь ускользнул этот видьядхара из ловушки благодаря заговору, не так ли?

— Да, почтенный.

— Стало быть, государь, заговор таки действен. Ты слышал когда-либо, государь, о другом видьядхаре, что соблазнил главную жену бенаресского царя в его собственном дворце, а когда попался, произнес мантру и тотчас сделался невидимым²⁴?

- Да, почтенный, слышал.
- Ведь и этот видьядхара ускользнул из ловушки благодаря заговору, не так ли?
- Да, почтенный.
- Стало быть, государь, заговор таки действен.
- Почтенный Нагасена, всех ли оберегает заговор?
- Иных оберегает, государь, иных не оберегает.
- Значит, почтенный Нагасена, заговор — не для всех?
- А скажи, государь, всем ли пища жизнь поддерживает?
- Кому поддерживает, почтенный, кому не поддерживает.
- Отчего же?
- Оттого, почтенный, что иные объедаются этой самой пищей и потом умирают от холеры.
- Значит, государь, не всем пища поддерживает жизнь?
- По двум причинам пища может лишить человека жизни, почтенный Нагасена: от объедения или от слабости пищеварения. Пища дарует здоровье, но при злоупотреблении может лишить человека жизни.
- Вот точно так же, государь, иных заговор оберегает, иных не оберегает. Если заговор не оберегает человека, то это бывает по трем причинам: от препятствия-деяния, или от препятствия-аффекта, или от неверия²⁵. Заговор оберегает живые существа, но теряет свою оберегающую способность вследствие содеянного самим существом. Сравни, государь: мать сына, еще во чреве вынашивая, лелеет; окруженная уходом и заботой, рождает и потом, когда он родится, держит его в чистоте, подмывает его, утирает ему нос, умащает его лучшими, отборнейшими благовоениями²⁶; а если кто-то чужой обругает его или ударит, то она, взволнованная, тащит обидчика к мужу²⁷. Но если сын совершит проступок перед нею, провинится, то она может и побить и нашлапать его — и руками, и ногами, и палкой, и колотушкой — чем придется. Скажи, государь, уместно разве, чтобы мать за это хватала, да тащила, да приводила к мужу?
- Нет, почтенный.
- Отчего же?
- Сын сам виноват, почтенный.
- Вот точно так же, государь, существа сами виноваты в том, что оберегающий их заговор делается бессильным.
- Отлично, почтенный Нагасена! Поистине разрешен вопрос, прорежена чащоба, осветились потемки, распутаны тенета лжемудрия, о лучший из лучших наставников²⁸!

[Вопрос 5 (15)]

— Почтенный Нагасена, вы утверждаете: «Татхагата всегда получит необходимое: одежду, пропитание, приют, лекарства на

случай болезни». И, однако, «в Пяти Салах, брахманской деревне, Татхагата никакого подаяния не получил, так и вышел из нее с чистой, пустой миской, будто не заходил»²⁹. Если, почтенный Нагасена, «Татхагата всегда получит необходимое: одежду, пропитание, приют, лекарства на случай болезни», то ложны слова, что «в Пяти Салах, брахманской деревне, Татхагата никакого подаяния не получил, так и вышел из нее с чистой, пустой миской, будто не заходил». Если же «в Пяти Салах, брахманской деревне, Татхагата никакого подаяния не получил, так и вышел из нее с чистой, пустой миской, будто не заходил», то тогда ложны слова: «Татхагата всегда получит необходимое: одежду, пропитание, приют, лекарства на случай болезни». Вот еще вопрос обоюдоострый, превеликий, туго закрученный. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Татхагата, государь, всегда получит необходимое: одежду, пропитание, приют, лекарства на случай болезни. В Пяти Салах же, брахманской деревне, он никакого подаяния не получил, так и вышел из нее с чистой, пустой миской, будто не заходил; но это случилось из-за Мары лукавого.

— Так неужели, почтенный Нагасена, истощилось тогда все благо, что накопил Блаженный за превосходящие предел исчислимого века? Неужели, едва напрягшись, лукавый Мара тут же перемог все это благо, исполненное силы и мощи? Если так, почтенный Нагасена, то эта история дважды навлекает на себя осуждение: выходит ведь, что зло сильнее добра, а что сила Мары пересилила силу Просветленного. Тогда выходит, что у дерева верхушка тяжелее корней, а дурное сильнее того, что исполнено достоинств.

— Нет, государь, из одного этого вовсе еще не выходит, что зло сильнее добра и что сила Мары пересилила силу Просветленного. Впрочем, мне следует это обосновать. Представь, государь: приносит некий человек царю подношение — меду, или медовую галушку, или еще что-то, а привратник царского дворца говорит ему: «К царю нельзя сейчас! А ну забирай-ка свое подношение, да и ступай поскорее откуда пришел, пока царь тебя не наказал». Устрашенный, запуганный наказанием, человек этот возьмет свое подношение, да и уйдет себе поскорее откуда пришел. Так что же, государь, неужели царь-миродержец лишь из-за этого, оттого только, что не получил подношения, уступит в силе своему привратнику? Неужели лишится он других подношений?

— Нет, почтенный. Ведь это по зависти привратник не пропустил к царю подношение. Подношения, да еще во сто, в тысячу раз большие, дойдут до царя через другие ворота.

— Так и здесь, государь: ведь это по зависти своей лукавый Мара обуял брахманов — глав семей в Пяти Салах, но тогда же многие сотни тысяч духов явились к Блаженному с амритой,

дивным нектаром, желая напитать им тело Блаженного, и склонились перед ним, почтительно сложив ладони³⁰.

— Хорошо, почтенный Нагасена. Я согласен, что Блаженный, из всех людей в мире достойнейший, четыре вида подаения всегда получит; больше того, боги и люди еще и просят Блаженного принять от них четыре вида подаения. И, однако, замысел Мары тогда все же осуществился? Он ведь помешал поесть Блаженному? Вот здесь, почтенный, сомнение мое не рассеивается; здесь я продолжаю колебаться и ввергнут в нерешительность. В голове у меня не укладывается, чтобы Татхагате, святому, истинновсепросветленному, из всех богов и людей лучшему и высшему, благого, лучшего, достойного вместилищу, несравненному, ни равного, ни подобного себе не имеющему, низкий, мелкий, ничтожный, грешный, подлый Мара даение получить помешал.

— Есть, государь, четыре помехи даению: помеха даению неопределившемуся, помеха даению предназначенному, помеха даению приготовленному, помеха вкушению даения. Помеха неопределившемуся даению такова: что-то накоплено, но никому особо не предназначено — не видно пока, [кому бы это дать]; тут-то некто и мешает: что-де толку чужому добро отдавать? Это помеха неопределившемуся даению. Вот помеха предназначенному даению: имеют в виду некоего определенного человека и готовят еду лично для него, а кто-то мешает. Это помеха предназначенному даению. Вот помеха приготовленному даению: угощение уже приготовлено, но еще его не взяли, кто-то этому мешает. Это помеха приготовленному даению. Вот помеха вкушению даения: [угощение уже] можно вкушать, но кто-то мешает этому. Это помеха вкушению даения. Что же до Мары лукавого, который обуял брахманов — глав семей в Пяти Салах, то он и вправду помешал Блаженному, но не вкусить даение и не даению приготовленному или предназначенному, но предстоявшему, еще не ставшему, да и то тайком и отнюдь не только Блаженному: из тех, кто тогда же вышел за подаением, еды в тот день никому не подали. И я не знаю, государь, кто в целом мире вместе с его небожителями, с богами небес Мары и Брахмы, со шраманами, с брахманами, с народом божеским и человеческим — кто мог бы помешать даению, предназначенному или приготовленному для Блаженного, или вкушению им даения. Если бы кто-то из зависти попытался помешать даению, предназначенному или приготовленному для Блаженного, или вкушению им даения, голову бы у того разорвало на сто, на тысячу частей. Четыре свойства, государь, Татхагате ненарушимо присущи, вот они: даению, предназначенному или приготовленному для Блаженного, никто помешать не может; свечение на сажень вокруг Блаженного никто погасить не может; всеведению Блаженного, драгоценному знанию никто повредить не

может; и жизнь у Блаженного, государь, отнять никто не может. Таковы, государь, четыре свойства, Татхагате одному ненарушимо присущие. И у всех этих свойств, государь, одна природа, все они безущербны, неколебимы, другим не подвластны, все это — неприкосновенные достоинства. Тайком, скрытно, государь, обуял лукавый Мара брахманов — глав семей в Пяти Салах. Скажем, государь, тайком, скрытно от царя разбойники в окраинных труднодоступных областях грабят на дорогах; а если бы увидел царь разбойников? Им бы, верно, не поздоровилось?

— Конечно, почтенный. Их бы топором порубили на сто, на тысячу частей.

— Вот точно так же, государь, скрытно, тайком обуял лукавый Мара брахманов — глав семей в Пяти Салах. Или иначе, государь: как, скажем, замужняя женщина тайком, скрытно сходится с чужим мужчиной, вот точно так же и лукавый Мара, государь, тайком, скрытно обуял брахманов — глав семей в Пяти Салах. А если бы женщина сошлась с чужим мужчиной на глазах у мужа? Ей бы, верно, не поздоровилось?

— Конечно, почтенный. Муж мог бы ее и побить, и убить, и запереть, и отдать в рабство.

— Вот точно так же, государь, тайком, скрытно обуял лукавый Мара брахманов — глав семей в Пяти Салах. Если бы, государь, лукавый Мара вздумал помешать даянию, предназначенному или приготовленному для Блаженного, или вкушению им даяния, то голову бы у него разорвало на сто, на тысячу частей.

— Да, это так, почтенный Нагасена. Воровским обычаем поступил лукавый Мара, скрытно обуял лукавый Мара брахманов — глав семей в Пяти Салах. Если бы, почтенный, лукавый Мара вздумал помешать даянию, предназначенному или приготовленному для Блаженного, или вкушению им даяния, то голову бы у него разорвало на сто, на тысячу частей, его бы всего развеяло, как пригоршню мякины. Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен³¹.

[Вопрос 6 (16)]

— Почтенный Нагасена, вы утверждаете: «Кто совершает убийство по неведению, тот свой проступок этим усугубляет»³². Однако в Определениях Устава Блаженный сказал: «Незнающий невиновен»³³. Если, почтенный Нагасена, «кто совершает убийство по неведению, тот свой проступок этим усугубляет», то ложны слова, что «незнающий невиновен». Если же «незнающий невиновен», то ложны слова: «Кто совершает убийство по неведению, тот свой проступок этим усугубляет». Вот еще

вопрос обоюдоострый, трудноразрешимый, труднопостижимый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Кто совершает убийство по неведению, тот свой проступок этим усугубляет». В Определениях Устава, однако, Блаженный сказал: «Незнающий невиновен». Здесь разное имеется в виду. Вот в чем разница: есть, государь, проступки, сопровождавшиеся распознаванием, и есть проступки, не сопровождавшиеся распознаванием³⁴. Вот о проступках, не сопровождавшихся распознаванием, Блаженный и сказал: «Незнающий невиновен».

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так. Я с этим согласен.

[Вопрос 7 (17)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Татхагата не думает, Ананда, что опекает общину или что учится у него община»³⁵. Описывая же достоинства, по природе присущие блаженному Майтрее, он, напротив, сказал: «Многотысячную общину монахов будет он опекать, так же как я теперь опекаю многосотенную общину монахов»³⁶. Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал: «Татхагата не думает, Ананда, что опекает общину или что учится у него община», то ложны слова: «Я теперь опекаю многосотенную общину монахов». Если Татхагата сказал: «Я теперь опекаю многосотенную общину монахов», то ложны слова: «Татхагата не думает, Ананда, что опекает общину или что учится у него община». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Татхагата не думает, Ананда, что опекает общину или что учится у него община». Напротив, описывая достоинства, по природе присущие блаженному Майтрее, он сказал: «Многотысячную общину монахов будет он опекать, так же как я теперь опекаю многосотенную общину монахов». То, о чем ты спрашиваешь, государь, в одном смысле условно, в другом смысле безусловно. Не Татхагата — последователь своего окружения, государь; напротив, окружение Татхагаты — его последователи. [А слова] «я» и «мое», государь, суть [выражения] общего мнения, а не высшего смысла. Нет у Татхагаты привязанности, государь, нет страстия, не цепляется Татхагата за «мое», но при необходимости пользуется [этим выражением]. Скажем, государь, земля для живых, населяющих сушу, есть оплот и прибежище, на землю живые опираются. Но у земли нет оглядки на них как на «своих». Вот точно так же, государь, Татхагата для всех живых — оплот и прибежище, на Татхагату все живые опираются, но у него нет оглядки на них как на «своих». Или, скажем, государь, полная влаги туча проливается на землю — травам,

деревьям, зверям и людям на процветание, племя их умножает, и от дождя зависят в этом все живые до единого; но у тучи нет оглядки на них как на «своих». Вот точно так же, государь, Татхагата во всех живых благие дхармы порождает и умножает, и от Учителя зависят в этом все живые до единого; но у Татхагаты нет оглядки на них как на «своих», и потому это так, что он оставил все мнения о самости.

— Отлично, почтенный Нагасена! Поистине распутан вопрос многообразными доводами, вышло наружу бывшее в глубинах, разрублен узел, прорежена чащоба, осветились потемки, разбиты чужие наветы, раскрылись глаза сынов Победителя!

[Вопрос 8 (18)]

— Почтенный Нагасена, вы утверждаете: «У Татхагаты община расколу не подвержена»³⁷. И утверждаете также: «Девадатта разом отколол от общины пятьсот монахов»³⁸. Если, почтенный Нагасена, «у Татхагаты община расколу не подвержена», то ложны слова, будто «Девадатта разом отколол от общины пятьсот монахов». Если «Девадатта разом отколол от общины пятьсот монахов», то ложны слова, будто «у Татхагаты община расколу не подвержена». Вот еще вопрос обоюдоострый тебе поставлен, глубокий, с трудом разрешимый, тугого узла ту же затянутый; люди на нем путаются, мешаются, теряются, спотыкаются, в тупик встают. Обрати же силу своего знания против наговоров.

— Верно, государь, что «у Татхагаты община расколу не подвержена». Верно также, что «Девадатта разом отколол от общины пятьсот монахов», но это уже сила раскольника. Расколоть все можно, государь,— было бы кому раскалывать. Если есть раскольник — тогда и мать от сына откалывается, и сын от матери откалывается, и отец от сына откалывается, и сын от отца откалывается, и брат от сестры откалывается, и сестра от брата откалывается, и друзья друг от друга откалываются; и срубленный из дерева разных пород под мощным натиском валов корабль раскалывается; и благородное золото бронзой раскалывается. Но, государь, нет у разумных такой цели, нет у знающих намерения, нет у мудрых стремления, чтобы «у Татхагаты община была подвержена расколу». И можно объяснить, почему так говорится: «У Татхагаты община расколу не подвержена». Вот почему: неслыханно ведь, государь, чтобы Татхагата когда-либо в своих странствиях был привязчив или нелюбезен, был несправедлив или пристрастен, из-за чего община бы раскололась. Потому и говорится: «У Татхагаты община расколу не подвержена». Да и сам ты должен знать, государь, можно ли найти в Девятичастных Речениях Просветленного ме-

сто, где было бы сказано: «По такой-то вот причине, из-за прошлого деяния бодхисаттвы случился в общине раскол»³⁹.

— Нет, почтенный. И не видал и не слышал никто такого. Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен. Вторая глава [закончена].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[Вопрос 1 (19)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Знай, Васиштха, дхарма — старшее в людях и в этой жизни, и после смерти»¹. Однако и тот из мирских почитателей, что обрел слух и не съедет вниз, усвоил воззрение, внял проповеди,— и тот должен стоя и с почтением приветствовать монаха или послушника, даже если это люди-из-толпы. Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал: «Знай, Васиштха, дхарма — старшее в людях и в этой жизни, и после смерти», то ложны слова, будто и тот из мирских почитателей, что обрел слух и не съедет вниз, усвоил воззрение, внял проповеди,— и тот должен стоя и с почтением приветствовать монаха или послушника, даже если они — люди-из-толпы. Если же и тот из мирских почитателей, что обрел слух и не съедет вниз, усвоил воззрение, внял проповеди,— и тот должен стоя и с почтением приветствовать монаха или послушника, даже если это люди-из-толпы, то ложны слова: «Знай, Васиштха, дхарма — старшее в людях и в этой жизни, и после смерти». Вот еще вопрос обоюдоострый; тебе он поставлен, тебе его и решать².

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Знай, Васиштха, дхарма — старшее в людях и в этой жизни, и после смерти». Однако и тот из мирских почитателей, кто обрел слух и не съедет вниз, усвоил воззрение, внял проповеди,— и тот должен стоя и с почтением приветствовать монаха или послушника, даже если это люди-из-толпы. Но на это есть основание. Основание это вот какое: монаха делают монахом двадцать присущих ему свойств и два внешних признака. Поэтому-то и пристало монаха стоя и с почтением приветствовать, чтить и уважать. А эти двадцать присущих монаху свойств, которые делают его монахом, и два внешних признака вот какие: лучшая сдержанность, высшие обеты, поведение, житье в монастыре, смирение, самоутеснение, терпение, кротость, уединенные скитания, преданность уединению, занятия созерцанием, стыдливость и совестливость, усилие, небеспечливость, изучение [трех] предметов, оглашение [Устава], [монашеские] беседы, преданность нравственности и прочему, бесприютность, безущербное следование правилам поведения, ношение желтой одежды и бритые

головы³. Вот, государь, каковы двадцать присущих монаху свойств, которые делают его монахом, и два его внешних признака. Для монаха все эти достоинства — обычное его достоинство. Обладая такими качествами целиком, неущербно и сполна, он сможет взойти на лучшую, высшую ступень — на ступень опытности⁴, на ступень, где стоят святые; он приблизился уже к святости. Так что и тому мирскому почитателю, кто обрел слух, — и ему следует стоя и с почтением приветствовать монаха, будь тот хоть человек-из-толпы. «И у него, и у сбросивших пути — одно монашество, мое же состояние иное», — понимая это, и тот мирской почитатель, кто обрел слух, и он должен стоя и с почтением приветствовать монаха, будь тот хоть человек-из-толпы. «Он принадлежит к лучшей из общностей⁵, я же не принадлежу», — понимая это, и тот мирской почитатель, кто обрел слух, и он должен стоя и с почтением приветствовать монаха, будь тот хоть человек-из-толпы. «Ему слушать чтение Уставных Начал разрешено, мне — не разрешено»⁶, — понимая это, и тот мирской почитатель, кто обрел слух, и он должен стоя и с почтением приветствовать монаха, будь тот хоть человек-из-толпы. «Он постригает и посвящает других, умножая Учение Победителя, а мне это недоступно», — понимая это, и тот мирской почитатель, кто обрел слух, и он должен стоя и с почтением приветствовать монаха, будь тот хоть человек-из-толпы. «Он неослабно блюдет бесценные правила поведения, а я им не следую», — понимая это, и тот мирской почитатель, кто обрел слух, и он должен стоя и с почтением приветствовать монаха, будь тот хоть человек-из-толпы. «Он принял монашеский облик, уподобившись в этом Просветленному, а мой облик совсем не таков», — понимая это, и тот мирской почитатель, кто обрел слух, и он должен стоя и с почтением приветствовать монаха, будь тот хоть человек-из-толпы. «Он подмышки не брет, не мажется, благоухает только нравственностью⁷, а у меня в обычае носить украшения и драгоценности», — понимая это, и тот мирской почитатель, кто обрел слух, и он должен стоя и с почтением приветствовать монаха, будь тот хоть человек-из-толпы. И еще, государь. «Все те двадцать свойств, которые делают человека монахом, и два внешних признака у монаха есть. Он и сам имеет их все, и других им научает. А у меня нет ни обладания ими, ни этой возможности учить», — понимая это, и тот мирской почитатель, кто обрел слух, и он должен стоя и с почтением приветствовать монаха, будь тот хоть человек-из-толпы. Еще, государь. Скажем, если царевич у придворного жреца выучился науке и узнал, каков кшатрийский долг, то он и позже, уже став помазанным на царство царем, приветствует учителя стоя и с почтением: «Ведь это он меня научил». Вот точно так же, государь, понимая, что перед ним — учитель, носитель унаследованного знания, и тот мирской почитатель, кто

обрел слух, и он должен стоя и с почтением приветствовать монаха, будь тот хоть человек-из-толпы. А еще вот с какой стороны, государь, ты можешь убедиться в величии и несравненном достоинстве монашеской ступени: если, государь, обретший слух мирской почитатель достигает святости, то перед ним только две дороги, и не более: либо в тот же день уйти в покой, либо принять монашество⁸. Незыблемо, государь, посвящение, велика и возвышенна монашеская эта ступень.

— Да, почтенный Нагасена, понят, поистине разрешен этот вопрос твоим мощным и острым умом. Никто, кроме человека, подобного тебе дарованием, не смог бы так распутать этот вопрос⁹.

[Вопрос 2 (20)]

— Почтенный Нагасена, вы утверждаете: «Татхагата никому не причиняет зла и всем делает добро». И еще утверждаете: «Когда он в проповеди рассказал притчу о костре, у шестидесяти монахов горлом пошла горячая кровь»¹⁰. Рассказав в проповеди притчу о костре, Татхагата не сделал этим шестидесяти монахам добра, почтенный, но причинил зло. Если, почтенный Нагасена, «Татхагата никому не причиняет зла и всем делает добро», то ложны слова: «Когда он в проповеди рассказал притчу о костре, у шестидесяти монахов горлом пошла горячая кровь». Если, «когда он в проповеди рассказал притчу о костре, у шестидесяти монахов горлом пошла горячая кровь», то ложны слова, будто «Татхагата никому не причиняет зла и всем делает добро». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его решать.

— Верно, государь, что Татхагата никому не причиняет зла и всем делает добро. Верно также, что, когда он в проповеди рассказал притчу о костре, у шестидесяти монахов горлом пошла горячая кровь. Но произошло это не вследствие действий Татхагаты, а только вследствие их собственных действий.

— А если, почтенный Нагасена, Татхагата не произнес бы проповеди и не рассказал притчу о костре, пошла бы у них горлом горячая кровь?

— Нет, государь. Они неистинно следовали Учению; от слушания проповеди Блаженного у них внутри сделалось жжение, а из-за этого жжения горячая кровь горлом пошла.

— Раз так, почтенный Нагасена, то кровь у них горлом пошла именно из-за действий Татхагаты. Только Татхагата в ответе за их гибель. Скажем, почтенный, сидит в муравейнике змея¹¹. Пришел тут какой-то человек, которому понадобились муравьиные яйца¹², и разворотил муравейник, чтобы набрать их. Пока копал, он завалил выход из муравейника, и змея за-

дохлась. Змея ведь умерла из-за действия этого человека, не так ли, почтенный?

— Да, государь.

— Вот точно так же, почтенный Нагасена, только Татхагата ответствен за их погибель.

— Проповедуя, Татхагата свободен от пристрастий и предубеждений, государь; он проповедует беспристрастно и непредубежденно. Кто, слушая его проповедь, истинно ей следуют — пробудятся, те же, кто неистинно следуют, сорвутся. Скажем, государь, когда кто-то трясет манговое дерево, или гвоздичное дерево¹³, или медовое дерево¹⁴, то с сочными, крепко держащимися на ветке плодами ничего не сделается, они так и останутся висеть, зато сорвутся плоды с подгнившими черешками, слабо держащиеся на ветке. Вот точно так же, государь, проповедуя, Татхагата свободен от пристрастий и предубеждений, он проповедует беспристрастно и непредубежденно. Кто, слушая его проповедь, истинно ей следуют — пробудятся, те же, кто неистинно следуют, сорвутся. Или, скажем, государь, когда пахарь, готовясь высадить рисовую рассаду, вспахивает поле, то при вспашке попутно погибают многие сотни тысяч травинок. Вот точно так же, государь, Татхагата, пробуждая зрело-мыслящих существ, проповедует беспристрастно и непредубежденно. Кто, слушая его проповедь, истинно ей следуют — пробудятся, те же, кто неистинно следуют, — погибнут, как травинки. Или, скажем, государь, когда люди отжимают в давяльне сахарный тростник, чтобы получить из него сироп, то вместе с выжимаемым тростником раздавливаются и гибнут попавшие в давяльную черви. Вот точно так же, государь, Татхагата, пробуждая зрело-мыслящих существ, выжимает их в давяльне Учения; те же, кто неистинно ему следуют, мрут, как черви.

— Так разве, почтенный Нагасена, монахи не из-за той самой проповеди сорвались?

— Что же, государь, разве может плотник и оставить бревно в неприкосновенности, и зачистить его и спрямить?

— Нет, почтенный. Зачистить и спрямить бревно плотник сможет, только если удалит с него все лишнее.

— Вот точно так же, государь, Татхагата не может и оставить общину в неприкосновенности, и пробудить созревших к пробуждению. Лишь удаляя тех, кто следует Учению неистинно, пробуждает он созревших к пробуждению. Неистинно же следующие Учению срываются из-за своих собственных действий. Как банан, бамбук и самка мула гибнут, государь, из-за своих собственных порождений¹⁵, точно так же, государь, неистинно следующие Учению срываются и гибнут из-за своих собственных действий. Как разбойников, государь, ослепляют, сажают на кол, обезглавливают из-за их собственных действий, точно так же, государь, неистинно следующие срываются с Учения

Победителя и гибнут. Если у тех шестидесяти монахов горлом пошла горячая кровь, государь, то не из-за действий Татхагаты, не из-за действий еще кого-либо, но только из-за их собственных действий. Представь, государь, что некто раздал народу нектар. Вкусив нектара, каждый будет здоров, проживет долго, избегнет всяческих болезней. А кто-то злоупотребит им и, вкусив его, скончается. Скажи, государь, разве повинен в чем-либо из-за этого тот человек, что раздавал нектар?

— Нет, почтенный.

— Вот точно так же, государь, Татхагата раздает богам и людям десяти тысячной мировой сферы нектар проповеди. Те живые, кто способен,— те пробуждаются нектаром проповеди. Те живые, кто не способен,— те нектаром проповеди губятся и падают. Пища, государь, всем живым поддерживает жизнь, но иные поедят и умирают от холеры. Скажи, государь, разве повинен в чем-либо из-за этого тот человек, что раздавал пищу?

— Нет, почтенный.

— Вот точно так же, государь, Татхагата раздает богам и людям десяти тысячной мировой сферы нектар проповеди. Те живые, кто способен,— те пробуждаются нектаром проповеди. Те живые, кто не способен,— те нектаром проповеди губятся и падают.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен¹⁶.

[Вопрос 3 (21)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного:

«Телесная сдержанность — благо,

Благо — сдержанность речи.

Сдержанность в мыслях — благо.

Благо — всякая сдержанность»¹⁷.

И, однако, Татхагата, сидя в четверояком собрании последователей¹⁸, перед богами и людьми, показал брахману Шайле скрытые срамные части тела¹⁹. Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал: «Телесная сдержанность — благо», то ложно утверждать, что он показал брахману Шайле скрытые срамные части тела. Если же показал он брахману Шайле скрытые срамные части тела, то ложно утверждать, что «телесная сдержанность — благо». Вот еще вопрос обоюдоострый тебе поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Телесная сдержанность — благо». И действительно показал он брахману Шайле скрытые срамные части. У того возникли сомнения касательно этой части тела Татхагаты. Пользуясь сверхобычной

силой, Блаженный чудом показал ему эту часть тела, чтобы тот пробудился. Притом никто, кроме брахмана, того не видел.

— Кто же поверит, почтенный Нагасена, чтобы из всего народа один он срам видел, а остальные, находясь там же, не видели? Ну-ка, изволь это обосновать, приведи мне вразумительный довод.

— Видел ты когда-либо, государь, больного, окруженного родственниками и друзьями?

— Да, почтенный.

— Так скажи, государь, видно ли окружающим ту боль, которую испытывает больной?

— Нет, почтенный. Эту боль испытывает только он сам, почтенный.

— Вот точно так же, государь, только у брахмана возникло сомнение касательно той части тела Татхагаты. Пользуясь сверхобычной силой, Блаженный чудом показал ему эту часть тела, чтобы тот пробудился. Притом никто, кроме брахмана, этого не видел. Или, скажем, государь, если какого-то человека обуял бес, то разве тогда окружающие видят этого беса, государь?

— Нет, почтенный. Только сам одержимый видит, что явился бес.

— Вот точно так же, государь, только тот, у кого возникло сомнение в Татхагате, видел это чудо.

— Трудное же Блаженный сделал дело, почтенный Нагасена: пусть только одному, но показал все же то, что показывать не следует.

— Блаженный показал не срам, государь. Пользуясь сверхобычной силой, он показал отражение.

— Достаточно и отражения, почтенный. Все равно тот видел срам и удостоверился.

— Так что же, государь! И трудные дела делает Блаженный, чтобы пробудить созревших к пробуждению. Если бы Блаженный всякое дело откладывал²⁰, созревшие к пробуждению не пробуждались бы, государь. Ведь Татхагата — знаток средств, пробуждающих тех, кто созрел к пробуждению, государь, поэтому каждого, кто созрел к пробуждению, Татхагата пробуждает соответствующим средством. Как врач лечит каждого больного тем лекарством, государь, которое принесет ему здоровье: если нужно, чтобы больного вырвало, дает ему рвотное; если нужно, чтобы его прослбило, дает слабительное; кому нужны жирные мази, дает жирные мази; кому нужна масляная клизма, ставит масляную клизму. Вот точно так же, государь, каждого, кто созрел к пробуждению, Татхагата пробуждает соответствующим средством. Как роженица во время трудных родов, государь, показывает врачу срам, который обычно показывать не следует, вот точно так же, государь, чтобы пробудить

дить созревших к пробуждению, Татхагата показал, пользуясь сверхобычной силой, отражение срама, что обычно показывать не следует. Нет такого, что вообще не следовало бы показывать, это зависит от человека, государь. Если бы кто-то мог пробудиться, увидев сердце Блаженного, государь, то Блаженный ему и сердце бы показал с помощью йоги. Ведь Татхагата — знаток средств, государь, и искусен в проповеди^{20а}. Например, государь, зная наклонности тхеры Нанды, Татхагата перенес его в обитель богов и показал ему небесных дев, — «так сей высокородный²¹ пробудится», — и правда, пробудился так высокородный. Татхагата тогда всячески хулил, принижал, осуждал и порицал внешнюю красоту, но, чтобы пробудить Нанду, показал ему [сначала] апсар, подкрасивших себе ноги²². Таков Татхагата — знаток средств, искусный в проповеди. В другой раз, государь, подойдя к несчастному, тоскующему, выгнанному из общины братом тхере Пантхаке Малому²³, Татхагата дал ему маленькую тряпочку, — «так сей высокородный пробудится», — и правда, достиг таким способом сей высокородный мастерства в Учении Победителя²⁴. Таков Татхагата — знаток средств, искусный в проповеди. В другой раз, государь, Татхагата три раза кряду оставил вопрос брахмана Могхараджи без ответа, — «так у сего высокородного гордыни убудет, а с убылью постижение ему удастся», — и правда, убыло у сего высокородного гордыни, и с убылью гордыни достиг брахман мастерства в шести сверхзнаниях²⁵. Таков Татхагата — знаток средств, искусный в проповеди.

— Отлично, почтенный Нагасена! Поистине распутан вопрос многообразными доводами, прорежена чашоба, осветились потемки, разрублен узел, разбиты наветы, раскрылись глаза сынов Победителя благодаря тебе, сникли лжепроповедники рядом с тобою, о лучший из лучших наставников²⁶!

[Вопрос 4 (22)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения: «Татхагата в своих речах безукоризнен, любезные, нет у Татхагаты речевых проступков, нечего ему скрывать, чтобы другие не узнали»²⁷. И, однако, Татхагата, объявляя тхере Судинне из рода Каландов об исключении его из общины за его проступок, грубо назвал его никчемным человеком²⁸. Тхеру же тяжело потрясли слова «никчемный человек», и он, казня себя, не смог пройти арийскою стезей. Если, почтенный Нагасена, «Татхагата в своих речах безукоризнен, нет у Татхагаты речевых проступков», то ложно утверждать, что Татхагата, объявляя тхере Судинне из рода Каландов об исключении его из общины за его проступок, назвал его ни-

кчемным человеком. Если же назвал Татхагата тхеру Судинну из рода Каландов никчемным человеком, объявляя ему об исключении его из общины за его проступок, то ложно утверждать, что «Татхагата в своих речах безукоризнен», что «нет у Татхагаты речевых проступков». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

Есть, государь, изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения: «Татхагата в своих речах безукоризнен, любезные, нет у Татхагаты речевых проступков, нечего ему скрывать, чтобы другие не узнали». А объявляя почтенному Судинне из рода Каландов об исключении его из общины за его проступок, Блаженный действительно назвал его никчемным человеком. Однако это было сказано без раздражения, неоскорбительно, отвечало положению дел. А положению дел это отвечало вот почему: если, государь, человек в своей жизни не постигает четырех истин, то не к чему ему было рождаться человеком: остальное получается и не у людей²⁹. Потому такого и называют никчемным человеком. Так что, государь, Блаженный сказал тхере Судинне из рода Каландов сущую правду, не небылицу.

— Можно оскорбить и говоря сущую правду, почтенный Нагасена; мы на такого накладываем пеню в одну каршапану; это все же проступок. Если кто-то говорит дело, но в резких выражениях, он уже оскорбитель³⁰.

— Скажи, государь, ты слышал когда-либо, чтобы злодея стоя и с почтением приветствовали, выказывали уважение к нему и одаривали наперебой?

— Нет, почтенный. Где бы ни был злодей, откуда бы ни был, он заслуживает оскорблений и угроз. Ему и голову отрубить могут, и избить, и посадить в тюрьму, и убить, и обойтись с презрением.

— Значит, государь, Блаженный поступил вполне правильно?

— Даже тому, кто поступает правильно, почтенный Нагасена, следует действовать уместным и подобающим образом. Ведь достаточно уже услышать богам или людям о Татхагате, чтобы они устыдились и усовестились [своих дурных поступков], тем более если они его увидят; а если приблизятся к нему и услышат [его проповедь] — и того вернее это будет.

— А скажи, государь, какие лекарства прописывает врач, когда тело у больного раздуто³¹ и болезнетворные начала расстроили здоровье? Умягчающие разве?

— Нет, почтенный. Стараясь исцелить больного, он тогда прописывает ему острые, едкие лекарства.

— Вот точно так же, государь, дает наставления Татхагата, для того чтобы все болезни-аффекты утихли. Даже грубые слова Татхагаты, государь, умягчают существ, делают их гибкими. Скажем, государь, как вода, даже будучи горячей, раз-

мягчает то, что надо размягчить, и делает это гибким, вот точно так же, государь, даже грубые слова Татхагаты целенаправленны и проникнуты состраданием. Как обращенный к сыновьям совет отца, государь, целенаправлен и проникнут состраданием, вот точно так же, государь, даже грубые слова Татхагаты целенаправленны и проникнуты состраданием. Даже грубые слова Татхагаты, государь, гонят аффекты прочь. Как зловонная коровья моча, выпитая больным, или как съеденное им невкусное лекарство подавляют болезнь, вот точно так же, государь, даже грубые слова Татхагаты целенаправленны и проникнуты состраданием. И как кипа хлопка, даже большая, упав на тело, не ранит, вот точно так же, государь, даже грубые слова Татхагаты страдания никому не причиняют.

— Поистине, почтенный Нагасена, разрешен вопрос многими доводами. Отлично, почтенный Нагасена; да, это так. Я с этим согласен ³².

[Вопрос 5 (23)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного:

«Тебе не внемлющее и бездушное,
К чему остролистое ³³ это дерево,
Всегда прилежный, умный, бодрый брахман,
Ты спрашиваешь, как ему живется ³⁴?»

И, однако, говорится:

«Вдруг остролистое заговорило дерево:
„Я тоже дам совет. Послушай, Бхарадваджа“» ³⁵.

Если, почтенный Нагасена, дерево неодушевленно, то ложны слова, что Бхарадваджа беседовал с остролистым деревом. Если же беседовал Бхарадваджа с остролистым деревом, то тогда ложны слова, будто дерево неодушевленно. Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Дерево неодушевленно». А Бхарадваджа действительно беседовал с остролистым деревом. Правда, это выражение повседневного языка: конечно, государь, беседовать с неодушевленным деревом невозможно. Деревом, государь, назван здесь обитавший на дереве дух, но в обиходном языке выходит, будто говорило дерево. Скажем, государь, про воз, полный зерна, в обиходе скажут «воз зерна», но ведь этот воз сделан не из зерна, воз сделан из дерева. Однако, оттого что в этот воз насыпано зерно, в обиходе про него скажут «воз зерна». Вот точно так же, государь, беседовало не дерево, дерево же неодушевленно. Деревом назван здесь обитавший на дереве дух, но в обиходном языке выходит, будто говорило дерево. Или, скажем, государь, тот,

кто сбивает простоквашу, говорит сам, что он, мол, сбивает пахту. Но ведь то, что он сбивает, еще не пахта, сбивает он пока простоквашу, хотя и говорит, что сбивает пахту. Вот точно так же, государь, беседовало не дерево, дерево же неодушевленно. Деревом назван здесь обитавший на дереве дух, но в обиходном языке выходит, будто говорило дерево. Или, скажем, государь, если некто только собирается уходить, он говорит: «Я иду»; то, чего еще нет, он называет так, будто это уже есть³⁶. Но таков повседневный язык. Вот точно так же, государь, беседовало не дерево, дерево же неодушевленно. Деревом назван здесь обитавший на дереве дух, но в обиходном языке выходит, будто говорило дерево. А Татхагата, государь, проповедует Учение на том самом повседневном языке, на котором принято говорить.

— Отлично, почтенный Нагасена; да, это так, я с этим согласен³⁷.

[Вопрос 6 (24)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение тхер — глашатаев Учения³⁸:

«Отведав угощения Чунды,
Что кузнецом был, по преданью,
Смертельно заболел мудрец»³⁹.

И, однако, Блаженный сказал: «Есть две трапезы, Ананда, равные величием. Одинаковы их плоды, одинаково их завершение. Они других трапез и премного плодотворнее, и премного превосходнее. Вот эти две трапезы: первую вкусив, Татхагата достиг высочайшего истинного всепросветления; вторую вкусив, уйдет в окончательный безостаточный покой. Эти две трапезы равны величием. Одинаковы их плоды, одинаково их завершение. Они других трапез и премного плодотворнее, и премного превосходнее»⁴⁰. Если, почтенный Нагасена, Блаженный после угощения Чунды разболелся, испытал тяжкие боли и скончался, то ложны слова: «Есть две трапезы, Ананда, равные величием. Одинаковы их плоды, одинаково их завершение. Они других трапез и премного плодотворнее, и премного превосходнее». Если же действительно «есть две трапезы, равные величием, одинаковы их плоды, одинаково их завершение. Они других трапез и премного плодотворнее, и премного превосходнее», то тогда ложны слова, что Блаженный после угощения Чунды разболелся, испытал тяжкие боли и скончался. Что же, почтенный Нагасена, тем эта трапеза, что яду полна, плодотворна? Тем, что вызвала недуг, плодотворна? Тем, что унесла здоровье, плодотворна? Тем, что жизни Блаженного лишила, плодотворна? Назови мне

обоснование, опровергни наветы. На этом же люди помрачаются: объелся, говорят, по своей жадности, потому и заболел кровавым поносом⁴¹. Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение тхер — глашатаев Учения:

«Отведав угощенья Чунды,
Что кузнецом был, по преданью,
Смертельно заболел мудрец».

И действительно, Блаженный сказал: «Есть две трапезы, Ананда, равные величием. Одинаковы их плоды, одинаково их завершение. Они других трапез и премного плодотворнее, и премного превосходнее». У той последней трапезы много достоинств, немало преимуществ. Боги знали, государь, что это последняя трапеза Блаженного; на сердце у них тогда было радостно и светло; блюдо из свинины⁴², [приготовленное Чундой], они окропили небесным питательным соком⁴³. Было оно хорошо и легко усвояемым, вкусным, приятным, полезным для [желудочного] огня. Оно не вызвало у Блаженного, государь, никакого нового недуга. Но, государь, Блаженный и так уже был телом немощен, в нем иссякла жизненная сила, а [от еды] его старый недуг еще больше обострился. Ведь если, государь, в костер, который и так уже горит, подбавить еще топлива, то он разгорится еще больше. Вот точно так же, государь, Блаженный и так уже был телом немощен, в нем иссякла жизненная сила, а [от еды] старый его недуг еще больше обострился. Или иначе, государь: если в реку, которая и так уже течет, прольется из большой тучи дождь, то она вздуется и станет еще полноводнее. Вот точно так же, государь, Блаженный и так уже был телом немощен, в нем иссякла жизненная сила, а [от еды] старый его недуг еще больше обострился. Или иначе, государь: если кто и так уже толстопузый, а потом еще раз наестся, то пузо у него выпятится еще больше. Вот точно так же, государь, Блаженный и так уже был телом немощен, в нем иссякла жизненная сила, а [от еды] старый его недуг еще больше обострился. Не было, государь, в том угощении ничего дурного, невозможно в нем усмотреть ничего дурного.

— Почтенный Нагасена, почему те две трапезы равны величием, почему одинаковы их плоды, одинаково их завершение, а они прочих трапез и премного плодотворнее, и премного превосходнее?

— Благодаря овладениям-притиркам мыслью к дхармам⁴⁴, государь, те две трапезы равны величием, одинаковы их плоды, одинаково их завершение, а они прочих трапез и премного плодотворнее, и премного превосходнее.

— Благодаря овладениям-притиркам мыслью к каким дхармам, почтенный, те две трапезы равны величием и одинаковы

их плоды, одинаково их завершение, а они прочих трапез и премного плодотворнее, и премного превосходнее?

— Благодаря притирке мыслью к погруженности в девять последовательных состояний-овладений в прямом и обратном порядке⁴⁵, государь, те две трапезы равны величиим и одинаковы их плоды, одинаково их завершение, а они прочих трапез и премного плодотворнее, и премного превосходнее.

— Почтенный Нагасена, именно в те два дня Татхагата больше обычного в прямом и обратном порядке погружался в девять последовательных состояний-овладений?

— Да, государь⁴⁶.

— Необычайно, почтенный Нагасена, чудесно, почтенный Нагасена! Даже бесподобному, высшему даянию во всем поле [проповеди]⁴⁷ Просветленного и то с этими двумя даяниями не сравниться. Необычайно, почтенный Нагасена, чудесно, почтенный Нагасена! Сколь же велики погруженности в девять последовательных состояний-овладений и насколько же благодаря погруженности в девять последовательных состояний-овладений сделались эти даяния [всех прочих] и премного плодотворнее, и премного превосходнее! Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 7 (25)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Не путайте себя, Ананда, культом мощей Татхагаты»⁴⁸. И еще сказано:

«Поклоняйтесь мощам, поклоненья достойным.
Поступая так, на небеса попадете»⁴⁹.

Если, почтенный Нагасена, Татхагата сказал: «Не путайте себя, Ананда, культом мощей Татхагаты», то ложны слова:

«Поклоняйтесь мощам, поклоненья достойным.
Поступая так, на небеса попадете».

Если же Татхагата сказал:

«Поклоняйтесь мощам, поклоненья достойным.
Поступая так, на небеса попадете»,

то ложны слова: «Не путайте себя, Ананда, культом мощей Татхагаты». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Не путайте себя, Ананда, культом мощей Татхагаты». И еще сказано:

«Поклоняйтесь мощам, поклоненья достойным.
Поступая так, на небеса попадете».

Слова «Не путайте себя, Ананда, культом мощей Татхагаты» сказаны не для всех, а только для сынов Победителя. Не дело, государь, сынам Победителя заниматься культом. Потрогать слагаемые⁵⁰, быть правильно внимательным, поставить себе памятование⁵¹, схватывать суть предмета созерцания, разить аффекты, следовать к своей цели — вот что должны делать сыны Победителя, а прочие боги и люди пусть занимаются культом. Скажем, государь, сыновья царей земли должны учиться обращению со слоном, с конем, с колесницей, с луком, с мечом, учиться письму, печатям⁵², должны заниматься кшатрийскими мантрами, ведами, преданием⁵³, воинским и полководческим искусством, а прочее множество вайшьев и шудр пусть занимается торговлей, скотоводством, земледелием. Вот точно так же, государь, не дело сынам Победителя заниматься культом. Потрогать слагаемые, быть правильно внимательным, поставить себе памятование, схватывать суть предмета созерцания, разить аффекты, следовать к своей цели — вот что должны делать сыны Победителя, а прочие боги и люди пусть занимаются культом. Или, скажем, государь, отпрыски брахманских родов должны изучать Ригведу, Яджурведу, Самаведу, Атхарваведу, приметы [на теле], древние были и сказания, словари, ритуал, членение на слоги, разделение на слова, грамматику, способы толкования, словопроизводство, [толкование] сновидений и примет, шесть вспомогательных добавлений [к ведам], лунные затмения, солнечные затмения, борьбу [влияния] планет и созвездий лунного зодиака, орбиты светил и Раху, звуки небесных барабанов, заход [звезд], падучие звезды, землетрясения, покраснение небес в какой-то стороне света, земные и воздушные [знамения], астрономию, искусство спора, круг собак, круг зверей, внутренний круг, смешанное возникновение, птичий крик и щебет⁵⁴, а прочее множество вайшьев и шудр пусть занимается торговлей, скотоводством, земледелием. Вот точно так же, государь, не дело сынам Победителя заниматься культом. Потрогать слагаемые, быть правильно внимательным, поставить себе памятование, схватывать суть предмета созерцания, разить аффекты, следовать к своей цели — вот что должны делать сыны Победителя, а прочие боги и люди пусть занимаются культом. Поэтому, государь, Татхагата решил: «Нечего им бездельем заниматься, пусть занимаются делом» — и сказал: «Не путайте себя, Ананда, культом мощей Татхагаты». А если бы не сказал так Татхагата, монахи бы, государь, даже миске и одежде Пролетного стали бы поклоняться⁵⁵.

— Отлично, почтенный Нагасена; да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 8 (26)]

— Почтенный Нагасена, вы утверждаете: «Под ногою Блаженного неодушевленная земная твердь заполняет ямы и ровняет бугры»⁵⁶. И еще утверждаете: «Блаженному обломком скалы поранило ногу»⁵⁷. Почему же вбок не свернул тот обломок скалы, что попал Блаженному по ноге? Если, почтенный Нагасена, «под ногою Блаженного неодушевленная земная твердь заполняет ямы и ровняет бугры», то ложны слова, будто Блаженному поранило ногу осколком скалы. Если же поранило Блаженному ногу осколком скалы, то ложны слова, будто «под ногою Блаженного неодушевленная земная твердь заполняет ямы и ровняет бугры». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Правда, государь, что «под ногою Блаженного неодушевленная земная твердь заполняет ямы и ровняет бугры». И действительно поранило ногу Блаженному обломком скалы. Однако этот обломок скалы свалился не сам по себе, его свалил Девадатта во время покушения. Девадатта, государь, многие сотни тысяч рождений копил злобу на Блаженного. Охваченный этой злобой, он скинул с горы огромный камень, величиной с дом, целя им в Блаженного. Но тут из-под земли выросли две скалы и задержали камень. При ударе от камня откололся осколок, он отлетел куда-то в сторону и попал Блаженному по ноге.

— Следовало бы и осколок задержать, почтенный Нагасена; задержали же камень те две скалы.

— Даже если удержишь, государь, иное все же протечет, просочится и ускользнет прочь. Наберешь пригоршню воды, государь, а она промеж пальцев протечет, просочится и ускользнет прочь; или молоко, пахту, мед, топленое масло, растительное масло, рыбий или мясной сок: наберешь пригоршню, а они промеж пальцев протекут, просочатся и ускользнут прочь. Вот точно так же, государь, при ударе о две скалы, появившиеся, чтобы задержать камень, от него откололся осколок. Он отлетел куда-то в сторону и попал Блаженному по ноге.

— Хорошо, почтенный Нагасена, пусть те две скалы задержали камень. Но ведь должен был бы осколок тоже выказать должное внимание, как и сама земная твердь?

— Есть двенадцать разновидностей людей, государь, что не выказывают должного внимания. Вот они: страстный из страсти должного внимания не выказывает, злой — по злобе, глупый — по глупости, спесивый — из гордости, посредственный — по своей заурядности, чрезмерно упрямый — по неуступчивости, ничтожный — по ничтожеству своей природы, послушный — потому что себе не хозяин, негодяй — по подлости, тот, кому навредили, — желая отомстить, жадный — потому, что жадность

одолела, поглощенный делом — стремясь к цели, должного внимания не выказывает. Вот такие двенадцать разновидностей людей, государь, не выказывают должного внимания⁵⁸.

Что же до того осколка, то он [просто] откололся при ударе камня о скалы, отлетел невесть куда, в сторону и попал Блаженному по ноге. Как мельчайшая, тончайшая цветочная пыльца, государь, летит невесть куда, поднятая порывом ветра, и оседает где придется, вот точно так же, государь, осколок тот откололся при ударе камня о скалы, отлетел невесть куда, в сторону и попал Блаженному по ноге. Если бы не отделился осколок от камня, государь, то выросшие две скалы и его бы захватили вместе с камнем. Но этот осколок, государь, не находился ни на земле, ни в воздухе, он откололся при ударе камня, отлетел невесть куда, в сторону и попал Блаженному по ноге. Как опавшая листва, государь, летит невесть куда, взметенная в воздух смерчем, и падает где придется, вот точно так же, государь, осколок тот оторвался при ударе камня о скалы, отлетел невесть куда, в сторону и попал Блаженному по ноге. Только неблагодарный, подлый Девадатта пострадал оттого, что этот осколок попал Блаженному по ноге.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так. Я с этим согласен.

[Вопрос 9 (27)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Шраманом становится тот, у кого тяга иссякла»⁵⁹. И еще сказано:

«Того называют шраманом в мире,
Кому четыре свойства присущи»⁶⁰.

Вот эти четыре свойства: терпение, умеренность в еде, воздержание, нищета⁶¹. Однако всеми ими может обладать и имеющий аффекты человек, чья тяга пока не иссякла. Если, почтенный Нагасена, «шраманом становится тот, у кого тяга иссякла», то ложны слова:

«Того называют шраманом в мире,
Кому четыре свойства присущи».

Если же шраман — это тот, «кому четыре свойства присущи», то тогда ложны слова: «Шраманом становится тот, у кого тяга иссякла». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Шраманом становится тот, у кого тяга иссякла». И сказано также:

«Того называют шраманом в мире,
Кому четыре свойства присущи».

Вторые слова — «Того называют шраманом в мире, кому чetyре свойства присущи» — суть высказывание о качествах тех или иных людей. Первые же слова — «Шраманом становится тот, у кого тяга иссякла» — безусловны⁶². И среди всех тех, государь, кто стремится успокоить аффекты, первым считается шраман, чья тяга [уже] иссякла. Как среди всех цветов, государь, растут ли они в воде или на суше, первой считается варшика⁶³, все же другие виды цветов, сколько их ни есть, цвсты, и только; цветок же варшики всем людям [особенно] приятен и дорог; вот точно так же, государь, среди всех тех, кто стремится успокоить аффекты, первым считается шраман, чья тяга [уже] иссякла. Или, государь, как рис считается первым среди всех злаков. И все другие виды злаков, сколько их ни есть, тоже идут в пищу и укрепляют тело, но рис считается среди них первым. Вот точно так же, государь, среди всех тех, кто стремится успокоить аффекты, первым считается шраман, чья тяга [уже] иссякла⁶⁴.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 10 (28)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Мне ли чужие воздадут хвалу, Учению ли, общине ли — вы, монахи, не должны радоваться, ликовать и приходить в восторг»⁶⁵. И, однако, Татхагата, слыша заслуженные похвалы себе от брахмана Шайлы, обрадовался, возликовал, пришел в восторг и сам стал прославлять себя все больше:

«Я царь во дхарме, Шайла,
Царей превосходящий.
Я неостановимо
Качу колесо дхармы»⁶⁶.

Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал: «Мне ли чужие воздадут хвалу, Учению ли, общине ли — вы, монахи, не должны радоваться, ликовать и приходить в восторг», то ложны слова, что он, слыша заслуженные похвалы себе от брахмана Шайлы, обрадовался, возликовал, пришел в восторг и сам стал прославлять себя все больше. Если же верно, что он, слыша заслуженные похвалы себе от брахмана Шайлы, обрадовался, возликовал, пришел в восторг и сам стал прославлять себя еще больше, то ложны слова: «Мне ли чужие воздадут хвалу, Учению ли, общине ли — вы, монахи, не должны радоваться, ликовать и приходить в восторг». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Мне ли чужие

воздадут хвалу, Учению ли, общине ли — вы, монахи, не должны радоваться, ликовать и приходить в восторг». И действительно, он, слыша заслуженные похвалы Шайлы, сам стал прославлять себя еще больше:

«Я царь во дхарме, Шайла,
Царей превосходящий.
Я неостановимо
Качу колесо дхармы».

В первом высказывании, государь, Блаженный проявляет природу, сущность, суть Учения, и это верно, истинно, правильно и неискаженно: «Мне ли чужие воздадут хвалу, Учению ли, общине ли — вы, монахи, не должны радоваться, ликовать и приходить в восторг». Если же, слыша заслуженные похвалы брахмана Шайлы, Блаженный стал прославлять себя еще больше: «Я царь во дхарме, Шайла, царей превосходящий», то это, государь, не ради выгоды, не ради славы, не из пристрастия, не из желания получить учеников, но только из милосердия, из сострадания, из стремления к благу: «Так и он сможет постичь Учение, и триста брахманских юношей вместе с ним». Вот почему он сам прославил себя еще больше: «Я царь во дхарме, Шайла, царей превосходящий».

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 11 (29)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Не причиняй никому вреда, всем будь мил и приятен»⁶⁷. И еще говорится: «Если надо подавить — подави, если надо поддержать — поддержи»⁶⁸. Но, почтенный Нагасена, подавление — это ведь усекновение рук, усекновение ног, причинение увечий, заключение в тюрьму, пытки, умерщвление, искоренение рода. Подобные слова недостойны Блаженного; не пристало Блаженному говорить эти слова. Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал: «Не причиняй никому вреда, всем будь мил и приятен», то ложны слова: «Если надо подавить — подави, если надо поддержать — поддержи». Если Татхагата сказал: «Если надо подавить — подави, если надо поддержать — поддержи», то ложны слова: «Не причиняй никому вреда, всем будь мил и приятен». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Не причиняй никому вреда, всем будь мил и приятен». И сказано также: «Если надо подавить — подави, если надо поддержать — поддержи». Первое высказывание — «Не причиняй никому вреда, всем будь

мил и приятен» — признано всеми татхагатами, и это — само наставление, сама проповедь дхармы, ибо непричинение вреда — признак дхармы, государь. Это — сущностное слово. Когда же Татхагата сказал: «Если надо подавить — подави, если надо поддержать — поддержи», то это, государь, надо так понимать: спесивую мысль, государь, следует подавлять, скромную мысль — поддерживать, дурную мысль — подавлять, благую мысль — поддерживать, неправильное внимание — подавлять, правильное внимание — поддерживать, неистинно следующего [Учению] — подавлять, истинно следующего [Учению] — поддерживать, не-ария — подавлять, ария — поддерживать, разбойника — подавлять, неразбойника — поддерживать.

— Вот-вот, почтенный Нагасена. Ты понял меня правильно и отвечаешь мне именно на мой вопрос. Так как же должен «подавлять» разбойника тот, кто его подавляет?

— Подавляющий разбойника, государь, должен подавлять его вот как: заслуживающего порицания — подвергнуть порицанию, с заслуживающего пени — взыскать пеню, заслуживающего изгнания — изгнать [из царства], заслуживающего заключения в тюрьме — заключить в тюрьму, заслуживающего смерти — предать смерти.

— Скажи, почтенный Нагасена, а если казнят разбойников, то это с одобрения татхагат?

— Нет, государь.

— А как же одобряют татхагаты, чтобы наставляли разбойников?

— Если какого-то человека предадут смерти, государь, то его предадут смерти отнюдь не с одобрения татхагат; его предадут смерти вследствие его собственных действий. Но он мог получать наставления в дхарме. Видано ли, государь, чтобы кто-то, в здравом уме будучи, схватил посреди улицы ни в чем не повинного человека и предал его смерти?

— Нет, почтенный.

— Отчего же, государь?

— Но он ни в чем не повинен, почтенный.

— Вот точно так же, государь, разбойника казнят не с одобрения татхагат, казнят его вследствие его собственных действий. Разве есть здесь вина наставлявшего его?

— Нет, почтенный.

— Вот и выходит, государь, что наставление татхагат — беспристрастное⁶⁹ наставление.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 12 (30)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Безгневен я, нет во мне жёсткости»⁷⁰. И, однако, Татхагата распустил общину тхер Шарипутры и Маудгальяны вместе с ними самими⁷¹. Что же, почтенный Нагасена, рассердился Татхагата и потому распустил общину или же распустил общину, будучи доволен: «Вот уж узнаете, каково [без меня]»⁷²? Если, почтенный Нагасена, он распустил общину, потому что рассердился, то, значит, Татхагата не совладал с гневом. Если же распустил, будучи доволен, то напрасно, значит, прогнал, по неведению. Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Безгневен я, нет во мне жёсткости». И действительно распустил он общину тхер Шарипутры и Маудгальяны вместе с ними самими, но не потому, что разгневался. Представь, государь, что человек споткнулся о корень, или пень, или камень, или выступ, или бугорок на земле и упал. Что же, государь, разве это земная твердь на него разгневалась и свалила с ног?

— Нет, почтенный. Земной тверди ни гнев, ни милость не свойственны, беспристрастна и непредубежденна земная твердь. Ротозей сам споткнулся, потому и упал.

— Вот точно так же, государь, татхагатам ни гнев, ни милость не свойственны; беспристрастны и непредубежденны татхагаты, святые, истинновсепросветленные; так что монахи были распущены лишь вследствие их собственных действий, за их же проступок. Известно, государь, что мертвое тело с океаном несовместимо: если появится в океане мертвое тело, то он скоро его извергнет и выбросит на сушу. Что же, гневается океан разве на мертвое тело и потому его выбрасывает, государь?⁷³

— Нет, почтенный. Океану ни гнев, ни милость не свойственны, беспристрастен и непредубежден океан.

— Вот точно так же, государь, татхагатам ни гнев, ни милость не свойственны; беспристрастны и непредубежденны татхагаты, святые, истинновсепросветленные; так что монахи были распущены лишь вследствие их собственных действий, за их же проступок. Как тот, государь, кто по земле идет: если оступился, то падает, так и тот, кто изысканному Учению Победителя следует: если оступился, то изгоняется; как в океане мертвое тело не задерживается, так и тот, кто оступился, следуя изысканному Учению Победителя, изгоняется. И когда Татхагата распустил монахов, он сделал это, государь, для их пользы, для их блага, для их счастья, для их очищения. Он знал: «так они избавятся от рождения, старости, болезни и смерти», потому и распустил их.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

Третья глава [закончена].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[Вопрос 1 (31)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Великий Маудгальяна — вот кто первый из обладателей сверхобычных сил среди монахов — моих слушателей»¹. И считается, однако, что он был жестоко избит дубьем, что ему проломили голову, переломали все кости, порвали ему мышцы и жилы, все вплоть до мозга костей, и что оттого он и скончался, упокоился². Если, почтенный Нагасена, великий тхера Маудгальяна достиг предела в сверхобычных силах, то ложны слова, будто он скончался, будучи жестоко избит. Если же действительно он скончался, будучи жестоко избит, то ложны слова, будто он достиг предела в сверхобычных силах. Неужели он сверхобычными силами не смог отбить покушение на самого себя? У него же всему миру с богами вместе впору искать защиты. Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Великий Маудгальяна — вот кто первый из обладателей сверхобычных сил среди монахов — моих слушателей». И действительно, достопочтенный великий Маудгальяна скончался, будучи жестоко избит. Деяние тогда возобладало³.

— Но, почтенный Нагасена, и пределы возможностей обладателя сверхобычных сил, и плоды деяния — это [в равной мере] непостижимо [великое]. Следовало бы одним непостижимым отвести другое. Скажем, почтенный, те, кому захотелось плодов, сшибают [с дерева] одну капиттху^{3а} другою, одно манго другим. Вот точно так же, почтенный Нагасена, следовало бы сшибать и отвести одно непостижимое другим.

— Даже из двух непостижимых [вещей], государь, одна окажется сильнее и мощнее другой. Скажем, государь, цари земли равно родовиты, но и среди них, равно родовитых, один берет верх — он и распоряжается. Вот точно так же, государь, из этих двух непостижимых [вещей] сильнее и мощнее именно плод деяния, именно плод деяния берет надо всем верх и распоряжается, и, если возобладало деяние, все прочее силы не имеет. Представь, государь, что некий человек в чем-то провинился, его тогда ни мать, ни отец, ни сестры, ни братья, ни друзья, ни приятели не вызволят — тут уж один царь берет надо всем верх, он и распоряжается, ибо тот провинился. Вот точно так же, государь, из этих двух непостижимых [вещей] сильнее и

мощнее именно плод деяния, именно плод деяния берет надо всем верх и распоряжается, и, если возобладало деяние, все прочее силы не имеет. Или представь, государь, что разгорелся лесной пожар, его и тысячей кувшинов воды залить невозможно — тут уж один огонь берет надо всем верх и распоряжается, ибо жар стал силен. Вот точно так же, государь, из этих двух непостижимых [вещей] сильнее и мощнее именно плод деяния, именно плод деяния берет надо всем верх и распоряжается, и, если возобладало деяние, все прочее силы не имеет. Поэтому, государь, достойный, великий Маудгальяна и не смог справиться со сверхобычными силами, когда его избивали: тогда возобладало деяние.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 2 (32)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Учение-наставление, что проповедует Татхагата, светит открыто, не спрятано». И, однако, оглашение Уставных Начал⁴, да и вся Корзина Устава закрыты и недоступны. Если, почтенный Нагасена, обретается в учении Победителя [нечто] правильное, подобающее, уместное, то определения Устава должны были бы открыто светить для всех, ибо в них заключено всё целиком наставление, сдерживание, самообуздание, определения нравственного и достойного поведения, суть цели, суть учения, суть освобождения. Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал: «Учение-наставление, что проповедует Татхагата, светит открыто, не спрятано», то ложны слова, что оглашение Уставных Начал, да и вся Корзина Устава закрыты и недоступны. Если же оглашение Уставных Начал и вся Корзина Устава закрыты и недоступны, то тогда ложны слова: «Учение-наставление, что проповедует Татхагата, светит открыто, не спрятано». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Учение-наставление, что проповедует Татхагата, светит открыто, не спрятано». И действительно, оглашение Уставных Начал, да и вся Корзина Устава закрыты и недоступны, однако не для всех, а только ограниченно. Блаженный ограничил доступ к Уставным Началам на трех [основаниях], государь: ограничил, ибо это родовое владение татхагат прошлого; ограничил из уважения к Учению; ограничил из уважения к монашескому сану⁵.

Доступ к Уставным Началам ограничен, ибо это родовое владение татхагат прошлого, вот почему: оглашение Уставных Начал совершается в монашеском кругу, а для всех прочих недоступно, и таково, государь, наследие всех татхагат прош-

лого. Скажем, государь, всякие кшатрийские уловки имеют хождение только среди кшатриев, это родовое владение кшатриев, а для всех прочих оно недоступно. Вот точно так же, государь, оглашение Уставных Начал совершается в монашеском кругу, а для всех прочих недоступно — таково наследие всех татхагат прошлого. Или иначе, государь: на свете, как известно, много есть общностей — борцы, например; атоны; горцы; горцы, [блюдушие] дхарму; горцы, [поклоняющиеся] Брахме; актеры; танцоры; акробаты; пишачи; [поклонники] Манибхадры; [поклонники] Пурнабхадры; [поклонники] солнца и луны; поклонники Счастья, Злосчастья; шиваиты; поклонники Васудевы; гханики; люди-с-мечом-и-арканом; сыны Бхадры⁶, и секреты каждой общности распространены только внутри ее самой, а для всех прочих недоступны. Вот точно так же, государь, оглашение Уставных Начал совершается в монашеском кругу, а для всех прочих недоступно — таково наследие всех татхагат прошлого. Вот что значит «доступ к Уставным Началам ограничен, ибо это родовое владение татхагат прошлого».

Из уважения к Учению доступ к Уставным Началам ограничен вот почему: Учение, государь, весомо и почтенно, правильно по нему действующий обретает прозрение; его он достигает правильным образом действий, передаваемым от одного другому, и никак иначе. Так пусть же не будет это изысканное, тонкое Учение принижено, унижено, оплевано, попрано, поругано в руках тех, кто действует неправильно, пусть же не будет это изысканное, тонкое Учение принижено, унижено, оплевано, попрано, поругано дурными людьми. Вот что означает «доступ к Уставным Началам ограничен из уважения к Учению». Как изысканная, тонкая, благородная, отборная, редкостная красная сандаловая пудра была бы, государь, в селении [дремучих] шабаров⁷ принижена, унижена, оплевана, попрана, поругана, вот чтобы точно так же, государь, не было это изысканное, тонкое Учение принижено, унижено, оплевано, попрано, поругано в руках тех, кто действует неправильно, чтобы не было это изысканное, тонкое Учение принижено, унижено, оплевано, попрано, поругано дурными людьми, — вот что означает «доступ к Уставным Началам ограничен из уважения к Учению».

Из уважения к монашескому сану доступ к Уставным Началам ограничен вот почему: монашество, государь, бесподобно, безмерно, бесценно — никому не под силу его оценить, уподобить, измерить. Пусть же не будет тот, кто находится в этом монашеском сане, миру приравнен. Потому оглашение Уставных Начал совершается только среди монахов. Как, государь, всё, что ни есть на свете отборного и изысканного — одежды ли, ковры ли, слоны, скакуны, колесницы, золото, серебро, самоцветы, жемчуга, прекрасные ли женщины, витязи ли, необоримые в схватке, — всё это достается царю, вот точно так же, государь,

все на свете наставления, знание речей Просветленного, достоинства сдержанности в поведении, самообуздания, добродетели⁸, все они — достояние монашеской общины. Вот что значит «доступ к Уставным Началам ограничен из уважения к монашескому сану».

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 3 (33)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «За заведомую ложь изгонять из общины»⁹. И еще говорится: «Заведомая ложь есть легкий проступок, требующий исповеди одному человеку»¹⁰. В чем же, почтенный Нагасена, здесь разница, почему одного заведомо солгавшего исключают, а другой заведомо солгавший еще исправим? Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал: «За заведомую ложь изгонять из общины», то ложны слова: «Заведомая ложь есть легкий проступок, требующий исповеди одному человеку». Если же Татхагата сказал: «Заведомая ложь есть легкий проступок, требующий исповеди одному человеку», то тогда ложны слова: «За заведомую ложь изгонять из общины». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «За заведомую ложь изгонять из общины». И сказано еще: «Заведомая ложь есть легкий проступок, требующий исповеди одному человеку». Тяжким или легким проступком ложь делается в зависимости от предмета. Допустим, государь, один человек ударил другого рукой. Как ты считаешь, государь, какое ему полагается наказание?

— Если тот, другой, скажет, что не прощает, то мы с непростого взыщем одну каршапану¹¹.

— А теперь положим, что тот же человек ударил рукой тебя. Какое ему будет наказание?

— Мы ему руки отрубим, почтенный, ноги отрубим или укоротим его сверху на голову, дом его весь разорим, всю его родню в обе стороны до седьмого колена истребим¹².

— В чем же, государь, здесь разница, почему человеку за то, что он ударил кого-то, полагается всего лишь уплатить каршапану, а за то, что он ударил тебя, ему отрубят руки, отрубят ноги, укоротят на голову, лишат всего имущества, родню всю истребят до седьмого колена?

— Люди разные, почтенный.

— Вот точно так же, государь, ложь делается тяжким или легким проступком в зависимости от предмета.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 4 (34)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного в поведении, где повторяются слова «всегда так бывает»: «Задолго уже бывают бодхисаттвам родители уготованы, просветление уготовано, главные ученики уготованы, сын уготован, служитель уготован»¹³. И, однако, вы утверждаете: «Находясь на Довольном небе¹⁴, бодхисаттва совершает восемь больших проверок: время проверяет, материк проверяет, страну проверяет, семью проверяет, родительницу проверяет, срок жизни проверяет, месяц проверяет, отречение проверяет»¹⁵. Почтенный Нагасена, пока знание не созрело, просветлению места нет, а как созреет, тут и мгновение повременить невозможно, ведь созревший ум неудержим; зачем же тогда бодхисаттве проверять, в какое время ему родиться? Пока знание не созрело, просветлению места нет, а как созреет, тут и мгновение повременить невозможно; зачем же тогда бодхисаттве проверять, в какой семье ему родиться? Если, почтенный Нагасена, бодхисаттве задолго уже уготованы родители, то ложны слова, будто он проверяет, [в какой] семье [родиться]. Если же проверяет, [в какой] семье [ему родиться], то тогда ложны слова, будто бодхисаттве задолго уже уготованы родители. Вот еще вопрос обоюдострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Действительно, государь, задолго уже уготованы бодхисаттве родители, и действительно проверяет он, в какой семье ему родиться. Проверяет, в какой семье — это значит: «Кто же мои родители, кшатрии они или брахманы?» Вот что такое «проверяет, в какой семье». В восьми случаях, государь, лучше сперва проверить, вот в каких восьми: купец, государь, сперва проверяет, каков товар; слон нехоженую тропу хоботом сперва проверяет; возница неезженный брод сперва проверяет; вожатый неизвестный берег сперва проверяет, потом суда проводит; врач сперва жизненные силы больного проверяет, потом берется за лечение; тот, кому нужно перейти по мосту, сперва проверяет, надежен ли он, потом ногу ставит; монах сперва сосредоточивается на будущем, потом приступает к трапезе; бодхисаттвы сперва проверяют, в какой семье родятся: кшатрийская ли это семья, брахманская ли? Вот в таких восьми случаях, государь, лучше сперва проверить¹⁶.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 5 (35)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Не следует, монахи, бросаться в пропасть, если кто бросится — поступать с ним по Учению»¹⁷. И, однако, вы утверждаете:

«Когда бы ни проповедовал Блаженный слушателям, он всегда многими способами проповедует пресечение рождения, старости, болезни и смерти, и всякий, преступающий пределы рождения, старости, болезни и смерти, высшей похвалы удостоивается»¹⁸. Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал: «Не следует, монахи, бросаться в пропасть, если кто бросится — поступать с ним по Учению», то ложны слова, что он проповедует пресечение рождения, старости, болезни и смерти. Если же проповедует он пресечение рождения, старости, болезни и смерти, то тогда ложны слова: «Не следует, монахи, бросаться в пропасть, если кто бросится — поступать с ним по Учению». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Не следует, монахи, бросаться в пропасть, если кто бросится — поступать с ним по Учению». И когда бы ни проповедовал Блаженный слушателям, он всегда проповедует пресечение рождения, старости, болезни и смерти. Однако есть причины, почему Блаженный и сдерживает и поощряет.

— Каковы же эти причины, почтенный Нагасена? Почему Блаженный и сдерживает и поощряет?

— Кто праведен и исполнен праведности, государь, тот для всех живых что противоядие — их аффекты-яды обезвреживает; тот для всех живых что целебное снадобье — их аффекты-недуги излечивает; тот для всех живых что чистая вода — их аффекты, эту грязь и пыль, смывает; тот для всех живых что самоцвет миродержца — всяческое процветание дарует; тот для всех живых что корабль — через четыре стремнины¹⁹ переправляет; тот для всех живых что проводник обоза — из лесного жизни завала вызволяет; тот для всех живых что ветер — жгучий жар трех огней задувает; тот для всех живых что дождевая туча — духовную их жажду утоляет; тот для всех живых что воспитатель — лишь благому научает; тот для всех живых что добрый вожатый — надежную дорогу указывает. И, государь, чтобы такой вот достойный, достойнейший, бесконечно достойный, достойный, достохвальный праведник, всех живых споспешатель не погиб — вот для этого, государь, из сострадания к живым Блаженный и положил это правило поведения: «Не следует, монахи, бросаться в пропасть, если кто бросится — поступать с ним по Учению». Такова причина, почему Блаженный сдерживает. Ведь есть, государь, изречение тхеры Кашьяпы-царевича Красноречивого, сказанное в беседе о том свете с кшатрием Паясием: «Чем дольше, чем больший век, о кшатрий, живут на земле праведные, добродетельные шраманы и брахманы, тем больше они радеют о благе многих, о счастье многих, сострадая миру, на пользу, на благо, на счастье богам и людям»²⁰.

А теперь почему Блаженный поощряет: и рождение, государь, тяжко, и старость тяжка, и болезнь тяжка, и смерть тяж-

ка, и печаль, и причитания, и боль, и горе, и отчаяние, и близость с постылыми, и разлука с милыми, и смерть матери, и смерть отца, и смерть брата, и смерть сестры, и смерть сына, и смерть жены, и смерть родича, и потеря родича, и потеря здоровья, и потеря богатства, и потеря нравственности, и потеря точки зрения, и опасность от царя, и опасность от разбойников, и опасность от ненавистников, и опасность голодной смерти, и опасность пожара, и опасность наводнения, и опасность от волн, и опасность от водоворотов, и опасность от гавиалов, и опасность от крокодилов, и опасность стать порицаемым самим собою, и опасность стать порицаемым другими, и опасность дурного удела, и опасность остаться без средств к существованию, и застенчивость на людях, и страх смерти, и битье палками, и битье кнутом, и битье батогами, и усекновение кистей рук, и усекновение ног по щиколотки, и усекновение и рук и ног, и усекновение ушей, и усекновение носа, и усекновение и носа и ушей, и «котелок каши», и «лысая раковина», и «зев Раху», и «горящий венчик», и «руки-факелы», и «лупленный банан», и «кожурка», и «козел на сковородке», и «тушка на крюку», и «гуляш живьем», и «строганина со щелочью», и «воротная петля», и «соломенное сиденье», и поливание кипящим маслом, и травля псами, и сажание на кол, и усекновение головы²¹ — вот такие и многие им подобные тяжкие страдания терпит тот, кто находится в мирском кружении. Как вода, государь, выпав дождем в Гималайских горах, течет вниз по Гангереке меж скал и камней, гальки и песка, в коловертях и водоворотах, в стремнинах, луках и плесах, мимо коряг и топляков — вот точно так же, государь, такие и многие им подобные тяжкие страдания терпит тот, кто находится в мирском кружении. Вот такова причина, почему Блаженный поощряет.

— Отлично, почтенный Нагасена. Поистине распутан вопрос, названо основание. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 6 (36)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «К тому, монахи, кто доброту, освобождающую мысль²², породил, освоил, познал, умножил, подчинил, оседлал, воплотил, осуществил, обрел, одиннадцать благ приходят: спит спокойно, просыпается спокойно, дурных снов не видит, людям люб, нелюди²³ люб, духи его хранят, ни огонь его, ни яд, ни меч не берут, сосредоточивается быстро, лицом светел, умирает несмятенно, если большего не достиг²⁴ — попадет в мир Брахмы»²⁵. И, однако вы утверждаете: «Исполненного доброты²⁶ молодого Шьяму, шедшего по склону горы со стадом оленей, царь Пелиакша ранил отравленной стрелой, и он тут же упал, лишившись

чувств»²⁷. Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал: «К тому, монахи (——) попадает в мир Брахмы», то ложны слова: «Исполненного доброты молодого Шьяму, шедшего по склону горы со стадом оленей, царь Пелиякша ранил отравленной стрелой, и он тут же упал, лишившись чувств». Если же «исполненного доброты молодого Шьяму, шедшего по склону горы со стадом оленей, царь Пелиякша ранил отравленной стрелой и он тут же упал, лишившись чувств», то тогда ложны слова: «К тому, монахи (——) попадает в мир Брахмы». Вот еще вопрос обоюдоострый, изощренный, скользкий, тонкий, глубокий. Испушенного и то пот прошибет. Тебе он поставлен. И асчеши этот запутанный колтун, глаза раскрой будущим сынам Победителя, всели в них уверенность.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «К тому, монахи (——) ни огонь его, ни яд, ни меч не берут». И действительно; «исполненного доброты молодого Шьяму, шедшего по склону горы со стадом оленей, царь Пелиякша ранил отравленной стрелой, и он тут же упал, лишившись чувств». Но тому было основание, государь. Вот какое основание: здесь заслуга, государь, не человека, освоения доброты заслуга. Молодой Шьяма поднимал в то мгновение кувшин, государь, и отвлекся от освоения доброты²⁸. В то мгновение, государь, когда человек исполнен доброты, его ни огонь, ни яд, ни меч не берут, недоброжелатели в двух шагах не видят, поразить его не могут. Здесь заслуга, государь, не человека, освоения доброты заслуга. Представь, государь: облачается богатырь-воитель в несокрушимую броню и на бой выходит; стрелы от него отлетают, отскакивают, поразить не могут; здесь заслуга, государь, не богатыря-воителя, несокрушимой брони заслуга. Вот точно так же, государь, это заслуга не человека, освоения доброты заслуга. В то мгновение, государь, когда человек исполнен доброты, его ни огонь, ни яд, ни меч не берут, недоброжелатели в двух шагах не видят, поразить его не могут. Здесь заслуга, государь, не человека, освоения доброты порожденной заслуга. Или представь, государь: взял человек в руки волшебный корешок-невидимку. Пока этот корешок в руке у человека, никто из обычных людей его не видит. Здесь заслуга, государь, не человека, корешка-невидимки заслуга, что он для взоров обычных людей невидим. Вот точно так же, государь, это заслуга не человека, освоения доброты заслуга. В то мгновение, государь, когда человек исполнен доброты, его ни огонь, ни яд, ни меч не берут, недоброжелатели в двух шагах не видят, поразить его не могут. Здесь заслуга, государь, не человека, освоения доброты заслуга. Или, скажем, государь: забрался человек в добротное, просторное укрытие; его там даже из большой тучи дождь вымочить не сможет, и здесь заслуга, государь, не человека, просторного укрытия заслуга, что его даже из большой

тучи дождь не вымочит. Вот точно так же, государь, это заслуга не человека, освоения доброты заслуга. В то мгновение, государь, когда человек исполнен доброты, его ни огонь, ни яд, ни меч не берут, недоброжелатели в двух шагах не видят, поразить его не могут. Здесь заслуга, государь, не человека, освоения доброты заслуга.

— Чудесно, почтенный Нагасена, необычайно, почтенный Нагасена! Любое зло отвергается освоением доброты!

Всяческие добрые свойства, государь, сообщает освоение доброты и благим и неблагим, и следует, чтобы все живые, обладающие сознанием, наделены были освоением доброты, приносящим многие блага²⁹.

[Вопрос 7 (37)]

— Почтенный Нагасена, есть ли какая-либо разница между последствиями добрых и дурных деяний, или же они тождественны?

— Есть, государь, между добрым и дурным разница. Последствия добра, государь, счастливые, приводят на небеса; последствия дурного несчастливые, приводят в кромешную.

— Почтенный Нагасена, вы утверждаете, что Девадатта весь черен, черными лишь свойствами обладает, а Бодхисаттва весь светел, светлыми лишь свойствами обладает. Однако Девадатта из рождения в рождение и славою, и числом сторонников оказывался ровней Бодхисаттве, а иной раз и выше его.

Когда Девадатта был в городе Бенаресе сыном придворного жреца у царя Брахмадатты, Бодхисаттва был чандалой — погребателем трупов, ведуном. Он тогда прошептал ведовской заговор и сделал так, что манго созрели в необычную пору. Бодхисаттва тогда уступал Девадатте и рождением и славою³⁰.

В другой раз, когда Девадатта был царем, великим властителем земли, жил во всяческой неге, Бодхисаттва принадлежал ему, был его выездным слоном, отмеченным всеми приметами [породы]. Царь тогда не мог снести великолепной его выучки и, желая его погубить, сказал корнаку: «Э, корнак, а слон-то у тебя неученый! Ну-ка, пусть он у тебя по небу полетит». Вот и тогда Бодхисаттва уступал Девадатте рождением, был ничтожным животным³¹.

В другой раз, когда Девадатта был человеком и пропадал, свалившись в пропасть, Бодхисаттва был обезьяной, звали его Земная Твердь. Вот и здесь мы видим то же различие между животным и человеком, и здесь Бодхисаттва тоже уступал Девадатте рождением³².

В другой раз, когда Девадатта был человеком, нишадом-охотником по имени Шоноттара, сильным-пресильным, как слон, сильным, Бодхисаттва был царем слонов по имени Шестиклык.

Охотник убил тогда слона. Вот и тогда именно Девадатта был выше³³.

В другой раз, когда Девадатта был человеком — бесприютным лесным странником, Бодхисаттва был птицей — куропаткой, созерцавшей мантры. И тогда тоже лесной странник убил птицу. Вот и тогда именно Девадатта был выше рождением³⁴.

В другой раз, когда Девадатта был царем Бенареса и звали его Калабу, Бодхисаттва был подвижником и учил терпеть. Царь тогда в злобе на подвижника велел отрубить ему ноги и руки, словно это были побеги бамбука. Вот и тогда именно Девадатта был выше и рождением и славой³⁵.

В другой раз, когда Девадатта был человеком — лесовиком, Бодхисаттва был вожаком обезьян и звали его Нандия. И тогда тоже лесовик убил вожака обезьян вместе с его матерью и младшим братом. Вот и тогда именно Девадатта был выше рождением³⁶.

В другой раз, когда Девадатта был человеком — нагим подвижником, его звали Карамбхия, Бодхисаттва был царем слонов, его звали Пандарака. Вот и тогда Девадатта был выше рождением³⁷.

В другой раз, когда Девадатта был космачом-отшельником в лесу, Бодхисаттва был огромным вепрем по имени Секач. Вот и тогда Девадатта был выше рождением³⁸.

В другой раз, когда Девадатта был царем страны Чайтья по имени Сурапаричара, обладал сверхчеловеческой способностью летать, Бодхисаттва был брахманом по имени Капила. Вот и тогда Девадатта был выше и рождением и славой³⁹.

В другой раз, когда Девадатта был человеком по имени Шьяма, Бодхисаттва был царем оленей по имени Пеструн. Вот и тогда именно Девадатта был выше рождением выше⁴⁰.

В другой раз, когда Девадатта был человеком, лесным охотником, Бодхисаттва был слоном. Охотник тогда семь раз отпиливал слону бивни и продавал их. Вот и тогда именно Девадатта был выше родом⁴¹.

В другой раз, когда Девадатта был шакалом с воинственными наклонностями и подчинил себе царей всех стран с материка Джамбу, Бодхисаттва был ученым, его звали Видхура. Вот и тогда именно Девадатта был выше славой⁴².

В другой раз, когда Девадатта был слоном и потоптал птенцов птички-перепелки, Бодхисаттва тоже был слоном, вожаком стада. Тогда они были друг другу равней⁴³.

В другой раз, когда Девадатта был якшей и звали его Кривда, Бодхисаттва тоже был якшей и звали его Правда. Вот и тогда они были друг другу равней⁴⁴.

В другой раз, когда Девадатта был мореходом, господином пятисот семей, Бодхисаттва тоже был мореходом, господином пятисот семей. Вот и тогда они были друг другу равней⁴⁵.

В другой раз, когда Девадатта был караванщиком, владельцем пятисот повозок, Бодхисаттва тоже был караванщиком, владельцем пятисот повозок. Вот и тогда они были друг другу ровней⁴⁶.

В другой раз, когда Девадатта был царем оленей по имени Сакха, Бодхисаттва тоже был царем оленей по имени Нигродха. Вот и тогда они были друг другу ровней⁴⁷.

В другой раз, когда Девадатта был полководцем по имени Сакха, Бодхисаттва был царем по имени Нигродха. Вот и тогда они были друг другу ровней⁴⁸.

В другой раз, когда Девадатта был брахманом и звали его Кхандахала, Бодхисаттва был царевичем и звали его Чандра. Тогда выше был Кхандахала⁴⁹.

В другой раз, когда Девадатта был царем и звали его Брахмадатта, Бодхисаттва был его сыном и звали его Махападма. Царь тогда велел сбросить собственного сына в пропасть, куда сбрасывали разбойников. А раз повсюду считается, что отец выше сына и превосходит его, то именно Девадатта был тогда выше⁵⁰.

В другой раз, когда Девадатта был царем по имени Великий Пратапа, Бодхисаттва был его сыном по имени Дхармапада. Царь тогда велел отрубить своему сыну-младенцу ноги, руки и голову. Вот и тогда именно Девадатта был старше и выше⁵¹. А теперь оба они родились в роду шакьев. Бодхисаттва стал всеведущим Просветленным, водителем мира, а Девадатта стал монахом под его, бога богов, началом, породил сверхобычные силы и желал сам стать Просветленным. Так что же, почтенный Нагасена, верно ли все, что я сказал, или неверно?

— Все то многое, что ты перечислил, государь,— все это так и есть, и не иначе.

— Если, почтенный Нагасена, у черного и у светлого удел один и тот же, то и последствия доброго и дурного одни и те же.

— Нет, государь, не одни и те же последствия у доброго и дурного, не так это, государь. Девадатта всем людям противодействует, но отнюдь не Бодхисаттва; это его противодействие Бодхисаттве созревало и давало плод в каждой жизни. Но ведь и Девадатта, государь, когда бывал владыкой, защищал население, строил мосты, дома собрания, навесы для раздачи подаяния, подавал убогим, нищим, просителям то, в чем они нуждались; вследствие этого он в некоторых своих жизнях благоденствовал. Да и о ком, государь, можно было бы сказать, что он, мол, не принося даров, без самообуздания, самоутеснения, соблюдения поста может достигнуть благоденствия? Что же до сказанного тобой, государь, что Девадатта и Бодхисаттва рождались вместе, то эти встречи были не раз в сто жизней, и не раз в тысячу жизней, и не раз в сто тысяч жизней, но лишь

очень редко, спустя очень долгое время. Ты знаешь притчу об одноглазой черепахе, государь, которую Блаженный поясняет, какая редкость — человеческое рождение⁵². Считай, государь, что редкость их встреч можно пояснить тою же притчей. И не только с Девадаттой, государь, были у Бодхисаттвы встречи, но и тхера Шарипутра многие сотни тысяч жизней бывал, государь, Бодхисаттве отцом, дедом, дядей, братом, сыном, племянником, другом. И Бодхисаттва многие сотни тысяч жизней, государь, был тхере Шарипутре отцом, дедом, дядей, братом, сыном, племянником, другом. Да и все, государь, кто входит в сонм живых существ, находится в мирском потоке, сталкиваются, влекомые вниз по течению мирского потока, и с милыми и с постылыми. Как вода, влекомая потоком, государь, наталкивается на своем пути на чистоту и грязь, хорошее и плохое, вот точно так же, государь, все, кто входит в сонм живых существ, находится в мирском потоке, сталкиваются, влекомые мирским потоком, и с милыми и с постылыми. Когда Девадатта был якшей, он и сам жил по кривде, и других подстрекал на кривду, а потому горел после пятьсот семьдесят миллионов шестьсот тысяч лет⁵³ в крошечной. А Бодхисаттва, когда был якшей, и сам жил по правде, и других побуждал к правде, а потому блаженствовал после на небесах пятьсот семьдесят миллионов шестьсот тысяч лет, живя во всяческой неге. Наконец, государь, Девадатта в этой жизни напал на неприкосновенного Просветленного, расколосл единство общины и [кончил тем, что] провалился сквозь землю. Татхагата же достиг просветления во всех дхармах и ушел в покой с истощением остаточной опоры.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 8 (38)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного:

«Если скрытно подвернется случай
И мужчина будет подходящим,
Всякая жена предается блуду,
Не сыскав иного — хоть с калекой»⁵⁴.

И, однако, рассказывают: женщина по имени Амара, супруга бодхисаттвы Махаушадхи, оставленная уехавшим мужем в деревне, жила скрытно и уединенно, но, чья супруга, как царя подданный, в блуд не впала, хоть ей сулили тысячу⁵⁵. Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал:

«Если скрытно подвернется случай
И мужчина будет подходящим,
Всякая жена предается блуду,
Не сыскав иного — хоть с калекой»,

то ложны слова, что женщина по имени Амара, супруга Махаушадхи, оставленная уехавшим мужем в деревне, жила скрытно и уединенно, но, чтя супруга, как царя подданный, в блуд не впала, хоть ей сулили тысячу. Если же правда, что женщина по имени Амара, супруга Махаушадхи, оставленная уехавшим мужем в деревне, жила скрытно и уединенно, но, чтя супруга, как царя подданный, в блуд не впала, хоть ей сулили тысячу, то ложны слова:

«Если скрытно подвернется случай
И мужчина будет подходящим,
Всякая жена предается блуду,
Не сыскав иного — хоть с калекой».

Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного:

«Если скрытно подвернется случай
И мужчина будет подходящим,
Всякая жена предается блуду,
Не сыскав иного — хоть с калекой».

И рассказывают: женщина по имени Амара, супруга Махаушадхи, оставленная уехавшим мужем в деревне, жила скрытно и уединенно, но, чтя супруга, как царя подданный, в блуд не впала, хоть ей сулили тысячу. И в самом деле, за тысячу эта женщина предалась бы блуду с подходящим мужчиной, подвернись ей случай, и возможность скрыть, и подходящий мужчина. Но, государь, здраво взвесив, Амара не нашла ни случая, ни возможности скрыть, ни подходящего мужчины. Боясь порицания на этом свете — не нашла случая; боясь преисподней на том свете — не нашла случая; знала, что тяжки плоды греха⁵⁶, — и не нашла случая; не хотела терять возлюбленного — и не нашла случая; уважала супруга — и не нашла случая; читла дхарму — и не нашла случая; порицала низость — и не нашла случая; не хотела ломать жизнь — и не нашла случая. По таким вот многим причинам не нашла случая. И возможность скрыть что-то на свете она, здраво взвесив, не нашла, а потому не предалась блуду. Если бы от людей скрыла, то от нелюди не скрыла бы; если бы от нелюди скрыла, от подвижников, ведающих чужие мысли, не скрыла бы; если бы от подвижников, ведающих чужие мысли, скрыла, от богов, ведающих чужие мысли, не скрыла бы; если бы от богов, ведающих чужие мысли, скрыла, от своих собственных грехов⁵⁷ не скрыла бы; если бы от своих собственных грехов скрыла, от Кривды⁵⁸ не скрыла бы. По таким вот многим причинам не нашла возможности скрыть, а потому не предалась блуду. И мужчины подходящего она, здраво рассудив, на свете не нашла, а потому не предалась

блуду. У мудрого Махаушадхи было двадцать восемь достоинств, государь; вот какие двадцать восемь достоинств: Махаушадха был смел, государь, стыдлив, совестлив, имел приверженцев и многих друзей, был великодушен, добродетелен, правдив, чист, безгневен, не спесив, не завистлив, мужествен, целен, располагал к себе, был щедр, приветлив, скромен в обхождении, не ловчил, не плутовал, был весьма умен, знаменит, учен, доброжелателен к зависимым, мил всем людям, богат и пользовался почетом. Вот такие двадцать восемь достоинств были у Махаушадхи, государь. Не найдя другого такого мужчины, она и не предалась блуду.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 9 (39)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Бесстрашны, безбоязненны святые»⁵⁹. Однако в городе Раджагрихе, видя, что слон Дханапалака вот-вот накинется на Блаженного, пятьсот сбросивших пути святых покинули Победителя и разбежались кто куда, один тхера Ананда остался⁶⁰. Что же, почтенный Нагасена, со страху святые разбежались, или погубить хотели Десятисильного: «Посмотрим-де, каков он на деле»⁶¹ — и потому разбежались, или же узреть хотели великое, безмерное, бесподобное чудо, что явил Татхагата, и потому разбежались? Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал: «Бесстрашны, безбоязненны святые», то ложны слова, будто в Раджагрихе, видя, что слон Дханапалака вот-вот накинется на Блаженного, пятьсот сбросивших пути святых покинули Победителя и разбежались кто куда, один тхера Ананда остался. Если же в Раджагрихе, видя, что слон Дханапалака вот-вот накинется на Блаженного, пятьсот сбросивших пути святых покинули Победителя и разбежались кто куда, так что один тхера Ананда остался, то тогда ложны слова: «Бесстрашны, безбоязненны святые». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Бесстрашны, безбоязненны святые». И действительно, в городе Раджагрихе, видя, что слон Дханапалака вот-вот накинется на Блаженного, пятьсот сбросивших пути святых покинули Победителя и разбежались кто куда, один тхера Ананда остался. Но убежали они не со страху и не чтобы погубить Блаженного. У святых, государь, пресечена сама та [вещественная] причина, из-за которой они могли бы бояться и страшиться, потому «бесстрашны, безбоязненны святые». Боятся разве, государь, земная твердь тех, кто ее копает, кромсает, или того, что она несет на себе море, вершины и горные цепи?

— Нет, почтенный.

— Отчего же, государь?

— В земной тверди, почтенный, нет самой той [вещественной] причины, из-за которой она могла бы бояться и страшиться.

— Вот точно так же, государь, в святых нет самой той [вещественной] причины, из-за которой они могли бы бояться и страшиться. Боятся разве, государь, горная вершина, если кто-то на ней рубит, колет, падает с нее или костер на ней палит?

— Нет, почтенный.

— Отчего же, государь?

— В горной вершине, почтенный, нет самой той [вещественной] причины, из-за которой она могла бы бояться и страшиться.

— Вот точно так же, государь, в святых нет самой той [вещественной] причины, из-за которой они могли бы бояться и страшиться. Даже если бы все обитатели ста тысяч миров, государь, сколько их ни есть, все бы вместе с мечами в руках набросились вдруг на святого, святой и то остался бы невозмутим, ибо в нем нет места и возможности для страха. Что же до тех пятисот святых, то они тогда так подумали: «Сегодня, когда лучший из лучших мужей, Лев-Победитель, вступит в этот прекрасный город, на него на улице бросится слон Дханапалака. Служитель бога богов нипочем его не покинет. Если и мы все Блаженного не покинем, достоинства Ананды будут замечены. Лучше будет нам отойти; так множество людей освободится от цепей аффектов, а достоинства Ананды будут замечены». Стало быть, святые решили, что так будет лучше, и потому разбежались.

— Отлично объяснил ты вопрос, почтенный Нагасена. Да, это так. Нет у святых ни страха, ни боязни. Святые решили, что так будет лучше, потому и разбежались.

[Вопрос 10 (40)]

— Почтенный Нагасена, вы утверждаете, что Татхагата всеведущ. И еще утверждаете: «Когда Татхагата [в деревне Чатуме] распустил общину тхер Шарипутры и Маудгальяны во главе с ними самими, чатумские шакьи и Брахма, владыка мощи⁶², рассказали Блаженному притчи о всходах и о малом теленке, и он обрадовался, смиловался и простил⁶³. Что же, почтенный Нагасена, не были известны Татхагате те притчи, которыми его успокоили, ублаготворили, ублажили и добились его прощения? Если, почтенный Нагасена, Татхагате не были известны эти притчи, то Просветленный не всеведущ. Если были известны, то он, значит, нарочно, насильно, с задними мыслями

распустил общину; тогда выходит, что он не сострадате́лен. Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Татхагата действительно всеведущ, государь, и действительно Блаженный был теми притчами успокоен, убаготворен, ублажен и смиловался. Ведь Татхагата, государь, господин Учения, и обрадовали, ублажили, возвеселили они Татхагату притчами, которые сам же Татхагата и возвестил. Довольный ими, Татхагата поблагодарил их: «Спасибо». Скажем, государь, жена на мужнины же деньги мужа радуется, ублажает, веселит, и муж благодарит ее: «Спасибо». Вот точно так же, государь, чатумские шакьи и Брахма, владыка мощи, обрадовали, ублажили, возвеселили Татхагату притчами, которые сам же Татхагата и возвестил. Довольный ими, Татхагата поблагодарил их: «Спасибо». Или, скажем, государь, цирюльник царским же золотом украшает царю прическу, царя этим радуется, ублажает, веселит, и царь благодарит его: «Спасибо» — и дарует ему, что тот хочет. Вот точно так же, государь, чатумские шакьи и Брахма, владыка мощи, обрадовали, ублажили, возвеселили Татхагату притчами, которые сам же Татхагата и возвестил. Довольный ими, Татхагата поблагодарил их: «Спасибо». Или, скажем, государь, послушник, живущий при наставнике, берет дневное пропитание, поданное его наставнику, подносит наставнику его и тем его радуется, ублажает, веселит, и довольный наставник благодарит его: «Спасибо». Вот точно так же, государь, чатумские шакьи и Брахма, владыка мощи, обрадовали, ублажили, возвеселили Татхагату притчами, которые сам же Татхагата и возвестил. Довольный ими Татхагата поблагодарил их: «Спасибо» — и произнес проповедь об избавлении от всякого страдания.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так. Я с этим согласен.

Четвертая глава [закончена].

ГЛАВА ПЯТАЯ

[Вопрос 1 (41)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного:

«В сближенье возникла опасность,
Под кровом рождается страсть.
Жить без сближенья, без крова —
Вот истинно взгляд мудрецов»¹.

И еще сказано:

«Пусть же муж рассудительный,
О своем благе радеющий,

Монахам многоученым
Приносит обители в дар»².

Если, почтенный Нагасена, Татхагата сказал:

«В сближенье возникла опасность,
Под кровом рождается страсть.
Жить без сближенья, без крова —
Вот истинно взгляд мудрецов»,

то ложны слова:

«Пусть же муж рассудительный,
О своем благе радеющий,
Монахам многоученым
Приносит обители в дар».

Если же Татхагата сказал: «Пусть же муж рассудительный (——) Приносит обители в дар», то тогда ложны слова: «В сближенье возникла опасность (——) мудрецов». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного:

«В сближенье возникла опасность,
Под кровом рождается страсть.
Жить без сближенья, без крова —
Вот истинно взгляд мудрецов».

И сказано также:

«Пусть же муж рассудительный,
О своем благе радеющий,
Монахам многоученым
Приносит обители в дар».

Когда, государь, Блаженный сказал: «В сближенье (——) мудрецов», то это было сущностное слово, окончательное слово, непреложное слово, недвусмысленное слово, это то, что подобает монаху, приличествует монаху, пристало монаху, достойно монаха, вотчина монаха, желание монаха, дело монаха. Скажем, государь, бродит дикий зверь без приюта и без крова по пустынному лесу — он где захочет, там и приляжет. Вот точно так же, государь, и монаху следует думать:

«В сближенье возникла опасность,
Под кровом рождается страсть.
Жить без сближенья, без крова —
Вот истинно взгляд мудрецов».

Когда же Блаженный сказал:

«Пусть же муж рассудительный,
О своем благе радеющий,
Монахам многоученым
Приносит обители в дар»,

то он сказал это, имея в виду два обстоятельства. Вот они: дарение обители общине все просветленные ценят, одобряют, хвалят и славят, ведь дарители потом освободятся от рождения, старости и смерти. Это первая польза от дарения обители. А вот еще: в обители легко проследить за монахинями, если они станут назначать любовные свидания. Если бы они жили без крова, проследить было бы трудно. Это вторая польза от дарения обители. Вот имея в виду эти два обстоятельства, Блаженный и сказал:

«Пусть же муж рассудительный,
О своем благе радеющий,
Монахам многоученым
Приносит обители в дар»,

и не должен из-за этого сын Просветленного тянуться к крову.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 2 (42)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Встань, не распускайся, будь в еде умерен»³. И еще сказал Блаженный: «Иной раз, Удаин, я полную до краев миску съедаю, а то съедаю и больше»⁴. Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал: «Встань, не распускайся, будь в еде умерен», то ложны слова: «Иной раз, Удаин, я полную до краев миску съедаю, а то съедаю и больше». Если Татхагата сказал: «Иной раз, Удаин, я полную до краев миску съедаю, а то съедаю и больше», то ложны слова: «Встань, не распускайся, будь в еде умерен». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Встань, не распускайся, будь в еде умерен». И сказано: «Иной раз, Удаин, я полную до краев миску съедаю, а то съедаю и больше». Когда, государь, Блаженный сказал: «Встань, не распускайся, будь в еде умерен», то это, государь, было сущностное слово, окончательное слово, непреложное слово, недвусмысленное слово, истинное слово, верное слово, правильное слово, правдивое слово, слово мудреца, слово провидца, слово Блаженного, слово святого, слово просветленного-для-себя, слово Победителя, слово всеведущего, слово Татхагаты, святого, истинновсепросветленного. Неумеренный в еде и убийство совершить может, и взять чужое, и войти к чужой жене, и солгать, и напиться допьяна, и мать лишить жизни, и отца лишить жизни, и святого лишить жизни, и общину расколоть, и пролить в злобе кровь Татхагаты⁵. Ведь известно, государь, что неумеренный в еде Девадатта⁶

расколлот общину — деяние совершил с последствиями на целую кальпу. Вот имея в виду такие и многие другие основания, Блаженный сказал, государь: «Встань, не распускайся, будь в еде умерен». Умеренный в еде постигает четыре истины, государь, обретает четыре плода шраманства, достигает восьми [последовательных йогических] состояний-овладений⁷, становится мастером четырех толкующих знаний и шести сверхзнаний, исполняет всю целиком шраманскую дхарму. Ведь известно, государь, что умеренный в еде птенец попугая поколебал обитель Тридцати Трех и самого Шакру, предводителя богов, служить себе принудил⁸. Вот имея в виду такие и многие другие основания, Блаженный сказал, государь: «Встань, не распускайся, будь в еде умерен». Когда же Блаженный сказал: «Иной раз, Удайин, я полную до краев миску съедаю, а то съедаю и больше», то это всеведущий, самосуший Татхагата сказал о себе, государь, а он ведь сделал свое дело, достиг цели, окончил труд, дожил до свершения, отбросил препятствия. Скажем, государь, после рвотного, или слабительного, или клизмы больному следует дать что-то укрепляющее; вот точно так же, государь, тому, кто имеет аффекты и не узрел еще истин, следует быть умеренным в еде. Как сверкающий, благородный, драгоценный самоцвет, государь, который уже по своей природе чист, не нуждается в очистке, гранении и полировке, вот точно так же, государь, Татхагате, достигшему запредельного в области просветленных, никакие поступки и действия не могут быть препятствием.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 3 (43)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Я брахман⁹, монахи; внемлю просителям, всегда протягиваю руку помощи, живу в последний раз. Я лучший врач-исцелитель¹⁰». И еще сказал Блаженный: «Баккула — вот кто первый из крепких здоровьем среди монахов — моих слушателей»¹¹. Случалось притом несколько раз, что Блаженный болел. Если, почтенный Нагасена, Татхагата — лучший, то тогда ложны слова: «Баккула — вот кто первый из крепких здоровьем среди монахов — моих слушателей». Если же тхера Баккула — первый из крепких здоровьем, то ложны слова: «Я брахман, монахи; внемлю просителям, всегда протягиваю руку помощи, живу в последний раз. Я лучший врач-исцелитель». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Я брахман, монахи; внемлю просителям, всегда протягиваю руку помощи, жи-

ву в последний раз. Я лучший врач-исцелитель». И еще сказано: «Баккула — вот кто первый из крепких здоровьем среди монахов — моих слушателей». Сказанное здесь касается внешних знаний, умений и способностей, которые есть и у самого [Блаженного, и у прочих людей]. Например, государь, есть у Блаженного слушатели-неседальцы, они день и ночь проводят только стоя или прохаживаясь; Блаженный же, государь, проводит день и ночь и стоя, и прохаживаясь, и сидя, и лежа¹², так что в этом, государь, монахи-неседальцы дальше пошли. Или, например, государь, есть у Блаженного слушатели-одноеды¹³, они хоть умрут, а второй раз есть не станут; Блаженный же, государь, может поесть и два и три раза, так что в этом, государь, монахи-одноеды дальше пошли. Таких примеров много, государь, и касаются они разных вещей. А Блаженный — высший [среди всех] нравственностью, сосредоточением, мудростью, свободой, знанием-видением свободы¹⁴ и десятью силами, четырьмя уверенностями, восемнадцатью свойствами просветленных, шестью необыденными знаниями¹⁵. Слова: «Я брахман, монахи; внемлю просителям, всегда протягиваю руку помощи, живу в последний раз. Я лучший врач-исцелитель» — относятся сразу ко всему кругу предметов, касающихся просветленных. Скажем, государь, среди людей один будет родовит, другой богат, третий умен, еще один искусен, иной отважен, кто-то прозорлив; но царь превосходит их всех, он и есть высший. Вот точно так же, государь, Блаженный среди всех прочих существ — высший, лучший, превосходнейший. Что же до почтенного Баккулы, то он стал крепок здоровьем, ибо такова была его цель. Он сделался крепок здоровьем, потому что некогда, в бытность подвижником, вылечил Блаженного Возвышенно-зрящего¹⁶ от расстройства [жизненных] ветров в животе¹⁷ и Блаженного Кругом-взирающего¹⁸ с шестьюдесятью восьмью сотнями тысяч монахов от «цветочно-травяной» болезни¹⁹. Вот и сказано: «Баккула — вот кто первый из крепких здоровьем среди монахов — моих слушателей». Болеет ли Блаженный, не болеет ли, следует чистым обетам²⁰ или не следует, а подобного Блаженному никого, государь, нет. Ведь есть в тонком, изысканном Своде связок по предметам изречение Блаженного, бога богов: «Какими бы ни были живые существа — безногими ли, двуногими ли, четвероногими ли, многоногими ли; вещественными ли, невестественными ли; сознающими ли, несознающими ли или ни теми и ни другими, — высшим среди них Татхагата зовется, святой, истинновсепросветленный»²¹.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 4 (44)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Татхагата, святой, истинновсепросветленный, стезю непроторенную проторил, монахи»²². И еще сказано: «И узрел я, монахи, древнюю стезю, древнюю тропу, ею же прошли истинновсепросветленные минувшего»²³. Если, почтенный Нагасена, Татхагата непроторенную стезю проторил, то ложны слова: «И узрел я, монахи, древнюю стезю, древнюю тропу, ею же прошли истинновсепросветленные минувшего». Если же Татхагата сказал: «И узрел я, монахи, древнюю стезю, древнюю тропу, ею же прошли истинновсепросветленные минувшего», то тогда ложны слова: «Татхагата, святой, истинновсепросветленный, стезю непроторенную проторил, монахи». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Татхагата, святой, истинновсепросветленный, стезю непроторенную проторил, монахи». И еще сказано: «И узрел я, монахи, древнюю стезю, древнюю тропу, ею же прошли истинновсепросветленные минувшего». Оба здесь слова — о сущности. Когда не стало татхагат минувшего, государь, и учить стало некому, не стало и стези. И в эту скрытую, стертую, разбитую, заросшую, непроезжую, обезлюдевшую стезю всмотрелся оком мудрости Татхагата — и узрел, что ею прошли истинновсепросветленные минувшего, поэтому и говорится: «И узрел я, монахи, древнюю стезю, древнюю тропу, ею же прошли истинновсепросветленные минувшего». Стези не стало, государь, когда не стало татхагат минувшего и некому стало учить, и из скрытой, стертой, разбитой, заросшей, обезлюдевшей Татхагата ее проезжую сделал, поэтому и говорится: «Татхагата, святой, истинновсепросветленный, стезю непроторенную проторил, монахи». Скажем, государь, если не стало царя-миродержца, драгоценный его самоцвет скроется где-то среди горных вершин, а когда явится другой миродержец, самоцвет силою правильного его делания придет к нему²⁴. Скажи, государь, разве царь создал этот драгоценный самоцвет?

— Нет, почтенный. Этот самоцвет природный, он же наружу его вывел, почтенный.

— Вот точно так же, государь, от природы сущую восьми-звенную благую стезю, коей прошли татхагаты минувшего, без учителя скрывшуюся, стертую, разбитую, заросшую, непроезжую, обезлюдевшую, увидел оком мудрости Татхагата, проторил и проезжую сделал, потому и говорится: «Татхагата, святой, истинновсепросветленный, стезю непроторенную проторил, монахи». Или, скажем, государь, мать, родив дитя, называется его родительницей, хотя плод был и до рождения. Вот точно так же, государь, в сущую, однако скрывшуюся, стертую, раз-

битую, заросшую, непроезжую, обезлюдившую стезю всмотрелся оком мудрости Татхагата, проторил ее и проезжую сделал, потому и говорится: «Татхагата, святой, истинновсепросветленный, стезю непроторенную проторил, монахи». Или, скажем, государь, если человек увидел что-то потерянное, то это называется, что он эту вещь нашел. Вот точно так же, государь: сущую, но скрывшуюся, стертую, разбитую, заросшую, непроезжую, обезлюдившую стезю понял Татхагата, проторил ее и проезжую сделал, потому и говорится: «Татхагата, святой, истинновсепросветленный, стезю непроторенную проторил, монахи». Или, скажем, государь, если человек очищает от леса участок земли, то называться это будет его землей, но он не создал эту землю, он завел на ней хозяйство и поэтому стал ее собственником. Вот точно так же, государь, сущую, но скрывшуюся, стертую, разбитую, заросшую, непроезжую, обезлюдившую стезю понял своею мудростью Татхагата, проторил ее и проезжую сделал, потому и говорится: «Татхагата, святой, истинновсепросветленный, стезю непроторенную проторил, монахи».

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 5 (45)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Еще в прежних жизнях, быв человеком, я сроду не вредил никому из живых»²⁵. И еще говорится: «Быв некогда подвижником по имени Мохнатый Кашьяпа, он совершил большое жертвоприношение ваджапея²⁶, заклад несколько сотен тварей»²⁷. Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал: «Еще в прежних жизнях, быв человеком, я сроду не вредил никому из живых», то ложны слова, будто подвижник Мохнатый Кашьяпа заклад несколько сотен тварей на большом жертвоприношении ваджапея. Если же подвижник Мохнатый Кашьяпа вправду заклад несколько сотен тварей на большом жертвоприношении ваджапея, то ложны слова: «Еще в прежних жизнях, быв человеком, я сроду не вредил никому из живых». Вот еще вопрос обоюдострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Еще в прежних рождениях, быв человеком, я сроду не вредил никому из живых». И действительно подвижник Мохнатый Кашьяпа заклад несколько сотен тварей на большом жертвоприношении ваджапея. Он тогда себя от страсти не помнил, не сознавал, что творит.

— Есть, почтенный, восемь разновидностей людей, которые могут убить. Вот они: страстный убивает в страсти, злой убивает в злобе, глупый убивает по глупости, гордец убивает из

гордости, алчный убивает из алчности, неимущий убивает ради пропитания, дурак убивает смеху ради, царь убивает в виде наказания. Вот такие восемь разновидностей людей, почтенный, могут убить. И бодхисаттва совершил это, также будучи в здравом уме, почтенный Нагасена.

— Нет, государь. Бодхисаттва совершил это не в здравом уме. Если бы бодхисаттва собрался совершить большое жертвоприношение, будучи в здравом уме, он бы, государь, не произнес этих стихов:

«Всей земли до окаемки
В океанских вод уборе
Не хочу ценой бесчестья,
Так ты это и запомни»²⁸.

Вот чему учил бодхисаттва, государь. Но, бросив взор на царевну Луноликую, он лишился разума, помыслы его смешались от страсти и, не сознавая, что творит, в страшном смятении и с крайней поспешностью, в спутанном, мутном, бредовом сознании он совершил большое жертвоприношение ваджапея, учинив великое смертоубийство и кровопролитие²⁹. Безумец, помраченный рассудком, и в горящий костер лезет, государь, и руку к разозленной кобре тянет, и к бешеному слону подходит, и в безбрежный океан вплавь пускается, и в грязную навозную лужу суется, и через колючие кусты ломится, и в пропасть валится, и нечистоты пожирает, и в похоти разгуливает нагишом, и многие другие непотребства совершает. Вот так же, государь, и бодхисаттва лишился разума, бросив взор на царевну Луноликую; помыслы его смешались от страсти и, не сознавая, что творит, в страшном смятении и с крайней поспешностью, в спутанном, мутном, бредовом сознании он совершил большое жертвоприношение ваджапея, учинив великое смертоубийство и кровопролитие. Свершенный безумцем грех и в этой жизни не слишком зазорен, государь, и в будущей влечет немного. Скажем, государь, если какой-то безумец совершит преступление, за которое положена смертная казнь, то вы ему какое наказание положите?

— Да разве накажешь безумца, почтенный? Его у нас поkolотят и отпустят, вот и все наказание.

— Стало быть, государь, безумца не наказывают даже за преступление. Вот и грех, свершенный безумцем, тоже поправим. Вот так же и подвижник Мохнатый Кашьяпа лишился разума, бросив взор на царевну Луноликую; помыслы его смешались от страсти и, не сознавая, что творит, в страшном смятении и с крайней поспешностью, в спутанном, мутном, бредовом сознании он совершил большое жертвоприношение ваджапея, учинив великое смертоубийство и кровопролитие. Но, государь, когда он пришел в себя и опамятовался, он опять ушел

в подвижники, развил пять сверхзнаний и [после смерти] причастился миру Брахмы.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 6 (46)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Слоновий царь Шестиклык

Убить злодея порешил, да видит:

Тот в желтом рубище, будто святой.

И хоть от боли изнемог, помыслил:

„Кто в желтом платье — неприкосновенен“»³⁰.

И еще сказано: «Быв некогда молодым брахманом по имени Джотипала, [бодхисаттва] оскорбил блаженного, святого, истинновсепросветленного Кашьяпу: неучтиво, грубо обозвал его „бродячей лысой балдой“»³¹. Если, почтенный Нагасена, бодхисаттва чтит желтое рубище, даже будучи в животном обличе, то ложны слова, будто молодой брахман Джотипала оскорбил блаженного, святого, истинновсепросветленного Кашьяпу, неучтиво и грубо обозвав его «бродячей лысой балдой». Если же вправду молодой брахман Джотипала оскорбил блаженного, святого, истинновсепросветленного Кашьяпу, неучтиво и грубо обозвав его «бродячей лысой балдой», то ложны слова, будто слоновий царь Шестиклык чтит желтое рубище. Если даже бодхисаттва — зверь, испытывая тяжкую, жестокую, жгучую боль, и то не покусился на охотника, чья желтое рубище, которое тот надел, то как мог он, будучи человеком взрослого ума и взрослых знаний, не чтить блаженного Кашьяпу, святого, истинновсепросветленного, десятисилыного мироводителя, среди всех возвышеннейшего, на сажень кругом сияющего, величайшего и облаченного в превосходное, великолепное желтое одеяние из бенаресской ткани? Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Слоновий царь Шестиклык

Убить злодея порешил, да видит:

Тот в желтом рубище, будто святой.

И хоть от боли изнемог, помыслил:

„Кто в желтом платье — неприкосновенен“».

И действительно, молодой брахман Джотипала оскорбил блаженного, святого, истинновсепросветленного Кашьяпу, неучтиво и грубо обозвав его «бродячей лысой балдой». Это произошло из-за его семьи, из-за происхождения. Молодой брахман Джотипала вырос в неверующей, не склонной к Учению семье, госу-

дарь; его родители, сестры, братья, служанки, слуги, рабы, зависимые, челядь — все поклонялись Брахме, почитали Брахму. — брахманы-де лучше всех и выше; — а прочими всякими подвижниками брезговали и гнушались. Вот наслушавшись подобных речей, молодой брахман Джотипала, когда гончар-горшечник звал его посетить учителя, так и ответил: «Зачем это я пойду к этой бродячей лысой балде?» Как нектар с примесью яда делается горек, государь, как холодная вода рядом с огнем делается горяча, вот так же, государь, и молодой брахман Джотипала: он вырос в неверующей, не склонной к Учению семье и из-за влияния семьи обозвал, оскорбил Татхагату. Как ярко сияющий, пламенеющий, полыхающий огромный костер, если залить его, потеряет свою яркость и жар и останутся от него холодные черные головешки вроде зрелых плодов ниргунды³², вот так же точно, государь, благой, верующий, ярко сияющий обширными познаниями молодой брахман Джотипала вырос в неверующей, не склонной к Учению семье; ослепленный из-за влияния семьи, он обозвал, оскорбил Татхагату. Зато подойдя поближе и распознав достоинства Просветленного, он будто рабом его стал. Он принял постриг под началом Победителя, развил сверхзнания и [йогические последовательные] состояния овладения и [после смерти] причастился миру Брахмы.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 7 (47)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Мастерская гончара-горшечника³³ простояла все три месяца дождей под открытым небом и суха осталась»³⁴. И еще сказано: «Хижина татхагаты Кашьяпы протекла»³⁵. Как же это у мощного благими корнями татхагаты протекла хижина, почтенный Нагасена? Ведь от татхагаты требуется могущество. Если, почтенный Нагасена, мастерская гончара-горшечника под открытым небом суха осталась, то ложны слова, что «протекла хижина татхагаты Кашьяпы». Если протекла хижина татхагаты, то ложны слова, будто мастерская гончара-горшечника сухою под открытым небом осталась. Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Мастерская гончара-горшечника простояла все три месяца дождей под открытым небом и суха осталась». И сказано еще: «Хижина татхагаты Кашьяпы протекла». Гончар-горшечник был добродетелен, нравствен, мощен благими корнями, государь; на нем была забота о слепых и одряхлевших родителях. Солому у него с крыши сняли без его ведома и без спросу, чтобы покрыть ею хижину Блаженного, и он от того не обеспокоился, не взволно-

вался, не задрожал, но возликовал весьма и обрадован был беспримерно: «О радость! Сколь же полагается на меня Блаженный, лучший из людей!» И вот в той же жизни явился ему благой плод.

А татхагату, государь, столь малое неудобство не поколеблет. Как Меру, царя гор, и многие сотни тысяч порывов ветра не стронут и не поколеблют, государь; как огромный-преогромный океан, великое вод вместилище, десятки тысяч и тьмы сотен великих Ганг не наполнят и не переменяют — вот так же, государь, и татхагату столь малое неудобство не поколеблет. Хижина татхагаты протекла, ибо этого [требовало] его сострадание к великому множеству людей. Есть два основания, государь, из-за чего татхагаты избегают творить сами для себя то, что им необходимо: [во-первых], так люди и боги [будут иметь случай подумать]: «Это — Учитель, ему должно дать прежде всех других»; подав же блаженным необходимое, они избавятся от дурных уделов; [а еще] чтобы не пошли сплетни: чудотворством-де промышляют. Вот два основания, почему татхагаты избегают творить сами для себя то, что им необходимо. Если бы дождь был отвращен от хижины Шакрой, или Брахмой, или им самим, то возможны были бы укоры, упреки, осуждения: «Пыль пускают в глаза, смущают людей, силу чтобы забрать»; поэтому так делать не стоило³⁶. Татхагаты не просят о благах, государь, а раз не просят, то они выше упреков.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, и я с этим согласен.

[Вопрос 8 (48)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Я брахман, монахи, и внемлю просителям»³⁷. И еще сказано: «Я царь, о Шайла»³⁸. Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал: «Я брахман, монахи, и внемлю просителям», то ложно утверждать: «Я царь, о Шайла». Если же Татхагата сказал: «Я царь, о Шайла», то ложно утверждать: «Я брахман, монахи, и внемлю просителям». Можно быть или кшатрием, или брахманом. Нельзя в одной жизни быть из двух варн. Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Я брахман, монахи, и внемлю просителям». И еще сказано «Я царь, о Шайла». Можно обосновать, государь, что Татхагата — и брахман, и царь.

— Каково же это обоснование, почтенный Нагасена? Почему Блаженный — и брахман, и царь?

— У Татхагаты, государь, все греховные, неблагие дхармы отброшены, оставлены, покинуты, откинута, пресечены, кончены, к концу пришли, потушены и успокоены, и потому Блажен-

ный именуется брахманом. Брахман преодолел сомнения, неясность, разномыслие. Так же, государь, и Блаженный преодолел сомнения, неясность, разномыслие; поэтому Татхагата именуется брахманом. Брахман от бытия и рождения во всех уделах избавился, от пыли и грязи вполне очистился, спутников не имеет. Так же, государь, и Блаженный от бытия и рождения во всех уделах избавился, от пыли и грязи вполне очистился, спутников не имеет, поэтому Татхагата именуется брахманом. Брахман пребывает помногу в небесном состоянии³⁹ — верховном, превосходном, избранном, избраннейшем. Так же, государь, и Блаженный пребывает помногу в небесном состоянии — верховном, превосходном, избранном, избраннейшем. Вот и поэтому Татхагата именуется брахманом. Брахман — держатель наследия и преемства, наставления древних, изучения, обучения, приятия даров, смирения, самообуздания, самоутеснения. Так же, государь, и Блаженный — держатель наследия и преемства, наставления древних победителей, изучения, обучения, приятия даров, смирения, самообуздания, самоутеснения. Вот и поэтому Блаженный именуется брахманом. Брахман — это созерцатель и, созерцая, пребывает в великом счастье. Так же, государь, и Блаженный — созерцатель и, созерцая, пребывает в великом счастье. Вот и поэтому Татхагата именуется брахманом. Брахман знает обо всех уделах и областях существования: как там рождаются, благодаря чему и каков там образ жизни. Так же, государь, и Блаженный знает обо всех уделах и областях существования: как там рождаются, благодаря чему и каков там образ жизни. Вот и поэтому Татхагата именуется брахманом. Имя «брахман», государь, Блаженному не матерью было дано, не отцом дано, не братом дано, не сестрою дано, не друзьями-доброжелателями дано, не кровными родичами дано, не шраманами-брахманами дано, не божествами дано. Это — имя, означающее свободу блаженных, просветленных. «Брахман» — это истинное прозвание, обретенное, проявленное, возникшее тогда же, когда под деревом просветления развеяно было Мары воинство, отброшены были греховные, неблагие дхармы прошлого, будущего и настоящего и обретено было всеведущее знание. Потому Татхагата именуется брахманом.

— А почему, почтенный Нагасена, Татхагата именуется царем?

— Царем, государь, именуется тот, кто правит и указывает миру. Так же, государь, и Блаженный дхармою правит в десяти тысячной сфере миров и указывает богам и людям, мирам Мары и Брахмы, народу шраманскому и брахманскому [стезю к просветлению]. Потому Татхагата именуется царем. Царь вознесен над всеми людьми, всем народом, государь, и на радость общине родичей, на горе общине недругов вздымает свой светлый, белый, блестящий зонт, украшенный полною сотнею спиц, с

прочной рукоятью из сердцевины дерева, знаменующий его великую славу и мощь. Так же, государь, и Блаженный на горе воинству Мары, неистинно делающему, на радость богам и людям, истинно делающим, в десяти тысячной сфере миров вздымает свой светлый, белый, блестящий зонт верховной, избранной свободы, украшенный полною сотнею спиц лучшего знания, с терпением — прочной рукоятью из сердцевины дерева, знаменующий великую его силу и мощь. Потому Татхагата именуется царем. Множеству тех, кто приходит встретиться с царем, надлежит с почтением его приветствовать. Так же, государь, и тому множеству богов и людей, что приходят встретиться с Блаженным, надлежит с почтением его приветствовать. Потому Татхагата именуется царем. Если царь остается доволен успешностью чьих-то действий, он дарует такому человеку избранную награду и удовлетворяет его желания. Так же, государь, и Блаженный, если остается доволен успешностью кого-то в [очищении] телесных, словесных и мысленных действий, дарует такому человеку избранную награду — освобождение от всех тягот — и удовлетворяет его [избавлением] от всех желаний⁴⁰. Вот и поэтому Татхагата именуется царем. Царь преступающего его повеление осуждает, сокрушает и низвергает. Так же, государь, и тот бессовестный человек, кто в превосходном послушании Блаженному преступает его повеление, устыжен, пристыжен, порицаем бывает и изгоняется из превосходного послушания Победителю. Вот и поэтому Татхагата именуется царем. Царь наследует наставления правивших по дхарме царей прошлого, объясняет всем, что дхарма и что недхарма, правит царством по дхарме, вызывает у людей к себе приязнь, доброе чувство, восхищение и надолго утверждает свой царский род силою достоинств и дхармы. Так же, государь, и Блаженный наследует наставления самосуших прошлого, объясняет всем, что дхарма и что недхарма, наставляет весь мир в дхарме, вызывает у людей и богов приязнь к себе, доброе чувство, восхищение и надолго утверждает свою проповедь силою достоинств и дхармы. Вот и поэтому Татхагата именуется царем. Таково, государь, множество обоснований, почему Татхагата может быть одновременно и брахманом, и царем. Искушенный монах мог бы еще целую кальпу продолжать и не кончить. К чему столько слов? Можно согласиться и со сказанным кратко⁴¹.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 9 (49)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного:

«Не за награду стих учительный поется.

У вдумчивых, о брахман, обычай не таков.

За проповедь не примет награды просветленный.
На том стоим, о брахман. Таков обычай наш»⁴².

И, однако, уча и проповедуя в собрании, Блаженный сначала по порядку говорит о даянии, а уже потом — о нравственности⁴³. Внимая изреченному Татхагатой, господином всего мира, боги и люди готовят и приносят дары, а слушатели Блаженного вкушают их, но ведь это он побудил к дарам. Если, почтенный Нагасена, Блаженный сказал: «Не за награду стих учительный поется», то ложны слова, что Блаженный сначала говорит о даянии. Если же Блаженный сначала говорит о даянии, то тогда ложны слова: «Не за награду стих учительный поется». В самом деле, если человек, достойный подношений, рассказывает мирянам, что даяние приносит благие плоды, а они, внимая его проповеди, начинают с охотой приносить дары, то всякий, кто вкушает дар, вкушает награду за учительный стих. Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного:

«Не за награду стих учительный поется.
У вдумчивых, о брахман, обычай не таков.
За проповедь не примет награды просветленный.
На том стоим, о брахман. Таков обычай наш».

И действительно, Блаженный говорит сначала о даянии, да и все татхагаты поступают так: сначала восхищают помыслы беседой о даянии, чтобы потом привадить к нравственности. Скажем, государь, малым детям дают сначала игрушечные вещицы: маленькие плуги, палочки для игры⁴⁴, игрушечные ветряные мельницы, мерки из пальмовых листьев, маленькие повозочки, маленькие луки⁴⁵, а потом каждого из них привлекают к своему ремеслу. Вот точно так же, государь, Татхагата сначала восхищает помыслы беседой о даянии, чтобы потом привадить к нравственности. Или, скажем, государь, сначала, первые четыре-пять дней лечения, врач поит больных растительным маслом как укрепляющим и смягчительным средством, а потом дает слабительного. Вот точно так же, государь, Татхагата сначала восхищает помыслы беседой о даянии, чтобы потом привадить к нравственности. У приносящих дары, государь, у дарителей мысль делается мягкой, послушной, податливой: дары принося, они как по мосту идут, как на корабле плывут сквозь океан мирского кружения к дальнему берегу. Поэтому Татхагата наставляет сначала правильному даянию, и недолжного намека в этом нет.

— Ты сказал «нарек», почтенный Нагасена. А каким может быть нарек?

— Намек может быть двояким, государь: жестом или сло-

вом. Намек жестом бывает допустимым и недопустимым, и намек словом тоже бывает допустимым и недопустимым.

Недопустимый намек жестом вот каков, государь: например, государь, монах идет к мирянам и останавливается в узком месте, мешая проходу. Это недопустимый намек жестом. Тем, что так выпрошено, арии не станут пользоваться, и человек подобный по условиям ариев ⁴⁶ устыжен, пристыжен, порицаем, презрен и забвен бывает. «Живет — себя не блюдет», — говорят о таком. Или еще, государь: например, монах идет к мирянам, останавливается в недолжном месте и начинает шею гнуть и глаза строить, как павлин, чтобы его заметили. Его и вправду замечают. Это тоже недопустимый намек жестом. Тем, что так выпрошено, арии не станут пользоваться, и человек подобный по условиям ариев устыжен, пристыжен, порицаем, презрен и забвен бывает. «Живет — себя не блюдет», — говорят о таком. Или еще, государь: например, монах делает знаки челюстью, или бровями, или большим пальцем. Это тоже недопустимый намек жестом. Тем, что так выпрошено, арии не станут пользоваться, и человек подобный по условиям ариев устыжен, пристыжен, порицаем, презрен и забвен бывает. «Живет — себя не блюдет», — говорят о таком.

Допустимый намек жестом вот каков: монах идет к мирянам трезвенный, собранный, памятующий; удобно место или нет, а идет как положено; останавливается в должном месте; хочет кто подать — он останавливается, не хочет подать — мимо проходит. Это допустимый намек жестом. Тем, что так указано, арии могут воспользоваться, и человек подобный по условиям ариев одобрен, похвален, прославлен бывает. «Безукоризнен в обращении, правильно себя блюдет», — говорят о таком. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов:

«Истинно, мудрые не просят, и не одобрит просьбу арий. Остановись и молча жди, вот это — просьба ариев ⁴⁷».

Недопустимый намек словом вот каков: например, государь, монах по-всякому объясняет на словах, что ему нужно: одежду, пропитание, приют, лекарства на случай болезни. Это недопустимый намек словом. Тем, что так выпрошено, арии не станут пользоваться, и человек подобный по условиям ариев устыжен, пристыжен, порицаем, презрен и забвен бывает. «Живет — себя не блюдет», — говорят о таком. Или еще, государь: например, монах говорит так, чтобы другие услышали: «Надо бы мне вот то-то», и, благодаря тому что другие слышали, он это получает. Это тоже недопустимый намек словом. Тем, что так выпрошено, арии не станут пользоваться, и человек подобный по условиям ариев устыжен, пристыжен, порицаем, презрен и забвен бывает. «Живет — себя не блюдет», — говорят о таком. Или еще, го-

сударь: например, монах посреди собрания во весь голос говорит: «Так-то и так-то следует приносить дары монахам». Слыша такие речи, люди приносят то, о чем говорилось. Это тоже недопустимый намек словом. Тем, что так выпрошено, арии не станут пользоваться, и человек подобный по условиям ариев устыжен, пристыжен, порицаем, презрен и забвен бывает. «Живет — себя не блюдет», — говорят о таком. Известен случай с тхерой Шарипутрой, государь: заболев ночью, после захода солнца, он прервал молчание и ответил тхере Маудгальяне на вопрос о лекарстве; поэтому нужное лекарство ему доставили. И все же тхера Шарипутра не взял лекарства, отказался от него, опасаясь уронить себя: «Ведь я молчание прервал, вот почему мне досталось лекарство. Ну нет, я должен себя соблюсти». Это тоже был бы недопустимый намек словом, и человек подобный по условиям ариев устыжен, пристыжен, порицаем, презрен и забвен бывает. «Живет — себя не блюдет», — говорят о таком.

А допустимый намек словом вот каков: притом что остальное необходимое ему есть, монах сообщает своим мирским родственникам или семье, при которой он проводит время дождей, что ему надобно лекарство. Это допустимый намек словом. Тем, что так указано, арии могут воспользоваться, и человек подобный по условиям ариев одобрен, похвален, прославлен бывает. «Безукоризнен в обращении, правильно себя блюдет», — говорят о таком. Это разрешено татхагатами, святыми, истинно-всепросветленными⁴⁸. Угощение же брахмана-пахаря Бхарадваджи Татхагата потому отверг, что оно было предложено после запутывания, выпутывания, следствий, опровержений, встречных ходов⁴⁹. Поэтому Татхагата не принял, не взял этого подношения.

— Почтенный Нагасена, верно ли, что всегда, когда Блаженный ел, боги кропили его пищу небесным питательным соком? Или они кропили ее только дважды: когда он ел блюдо из свинины и рисовую кашу на молоке с медом?

— Всегда, когда Блаженный ел, государь, боги бывали рядом и каждую пригоршню окропляли небесным питательным соком. Как царский повар, государь, стоит во время трапезы рядом с царем, держа в руках сосуд с подливой, и поливает ею каждый кусок, вот точно так же, государь, всегда, когда Блаженный ел, боги бывали рядом и каждую пригоршню окропляли небесным питательным соком. Так и в Верандже, государь, когда Блаженный ел сухие ячменные зерна, боги каждую пригоршню смачивали небесным питательным соком, поэтому желудок Блаженного смог их усвоить⁵⁰.

— Повезло, почтенный Нагасена, тем богам: они постоянно, непрестанно заботились о телесных нуждах Блаженного. Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 10 (50)]

— Почтенный Нагасена, вы утверждаете: «Татхагата за четыре несчетности калып и еще сотню тысяч калып взрастил свое всеведущее знание, чтобы вызвать⁵¹ великое множество людей»⁵². И еще: «Обретя всеведение, он был склонен к бездеятельности, а не к проповеди Учения»⁵³. Словно бы стрелок из лука или ученик стрелка, о почтенный Нагасена, много дней прилежно учился бы владеть оружием, битвы бы дождался — и тут оплошал; вот так же точно, почтенный Нагасена, и Татхагата за четыре несчетности калып и еще сотню тысяч калып взрастил свое всеведущее знание, чтобы вызвать великое множество людей, обрел всеведение, а с проповедью Учения оплошал. Словно бы борец или ученик борца, о почтенный Нагасена, много дней усердно упражнялся бы, дождался бы настоящей борьбы — и тут оплошал; вот точно так же, почтенный Нагасена, и Татхагата за четыре несчетности калып и еще сотню тысяч калып взрастил свое всеведущее знание, чтобы вызвать великое множество людей, обрел всеведение, а с проповедью Учения оплошал. Что же, почтенный Нагасена, Татхагата от страха оплошал? Из-за неизвестности оплошал? От бессилия оплошал? Всеведением не обладая, оплошал? В чем причина здесь? Назови же мне причину, избавь меня от сомнений. Если, почтенный Нагасена, «Татхагата за четыре несчетности калып и еще сотню тысяч калып взрастил свое всеведущее знание, чтобы вызвать великое множество людей», то ложны слова, будто «обретя всеведение, он был склонен к бездеятельности, а не к проповеди Учения». Если же, обретя всеведение, он был склонен к бездеятельности, а не к проповеди Учения, то ложны слова, будто «Татхагата за четыре несчетности калып и еще сотню тысяч калып взрастил свое всеведущее знание, чтобы вызвать великое множество людей». Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Действительно, государь, Татхагата за четыре несчетности калып и еще за сотню тысяч калып взрастил свое всеведущее знание, чтобы вызвать великое множество людей. А обретя всеведение, он действительно был склонен к бездеятельности, а не к проповеди Учения. Он видел, что Учение это глубокое, искусное, трудноуловимое, труднообъяснимое, утонченное, труднодостижимое, а людям уютно среди удовольствий и они крепко вцепились в мнения о самости⁵⁴, и подумал: «Что же делать, как же быть?» — и был склонен к бездеятельности, а не к проповеди Учения. Это было раздумьем: как же пробиться к [сердцам] людей? Скажем, государь, врач-исцелитель берет: лечить человека, мучимого многими недугами, и раздумывает: «Как подступиться, каким лекарством излечить его болезнь?» Вот точно так же, государь, Татхагата видел, что люди

мучимы всяческими недугами-аффектами, что Учение его глубокое, искусное, труднообъяснимое, трудноуслышимое, утонченное, труднопостижимое, и подумал: «Ну что же делать, как же быть?» — и был склонен к бездеятельности, а не к проповеди Учения. Это было раздумьем: как же пробиться к [сердцам] людей? Или, скажем, государь, смотрит царь-кшатрий, помазанный на престол, на своих часовых, привратников, членов собрания, горожан, наемных слуг, солдат, советников, кшатриев, зависимых от царя людей и думает: «Как же мне быть, что же делать, чтобы сплотить их?» Вот точно так же, государь, Татхагата видел, что Учение это глубокое, искусное, трудноуслышимое, труднообъяснимое, утонченное, труднопостижимое, а что людям уютно среди удовольствий и они крепко вцепились в мнения о самости, и подумал: «Ну что же делать, как же быть?» — и был склонен к бездеятельности, а не к проповеди Учения. Это было раздумьем: как же пробиться к [сердцам] людей? К тому же, государь, таков закон у всех татхагат: они начинают проповедь, когда их просит Брахма. Причина же этому вот такая: в те времена все бродячие подвижники, все шраматы и брахматы поклонялись Брахме, почитали Брахму, преданны были Брахме. И уж если сам он, сильный, славный, известный, прославленный, великий, возвышенный, если он поклонится, то и весь мир с богами прислушается, поклонится, удостоверится. Вот по такой причине, государь, татхагаты начинают проповедь, когда их просит Брахма. Скажем, государь, если царь или сановник царя кому-то поклонится и выкажет почтение, то и прочие люди поклонятся и выкажут почтение, раз уж тот, кто сильнее их, склонился. Вот точно так же, государь, если Брахма склонится, то и весь мир с богами поклонится. Кому поклонились — тому и мир поклонится, поэтому всех татхагат начать проповедь побуждает Брахма, поэтому татхагаты начинают проповедовать, когда их просит Брахма⁵⁵.

— Отлично, почтенный Нагасена. Поистине распутан вопрос. Великолепное разъяснение. Да, это так, я с этим согласен.

Пятая глава [закончена].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[Вопрос 1 (51)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного:

«Нет у меня учителя, и не найти мне равного,
Ни из людей, ни из богов со мной тягаться некому»¹.

И еще сказано: «И вот, монахи, хоть Арада Калама был мне

учитель, а я был ему ученик, он признал меня равным себе и вышею почестью почтил»². Если, почтенный Нагасена, Татхагата сказал:

«Нет у меня учителя, и не найти мне равного»,

то ложны слова: «И вот, монахи, хоть Арада Калама был мне учитель, а я был ему ученик, он признал меня равным себе и вышею почестью почтил». Если же Татхагата сказал: «И вот, монахи, хоть Арада Калама был мне учитель, а я был ему ученик, он признал меня равным себе и вышею почестью почтил», то тогда ложны слова:

«Нет у меня учителя, и не найти мне равного».

Вот еще вопрос обоюдоострый. Тебе он поставлен, тебе его и решать.

— Есть, государь, изречение Блаженного:

«Нет у меня учителя, и не найти мне равного,
Ни из людей, ни из богов со мной тягаться некому».

И сказано также: «И вот, монахи, хоть Арада Калама был мне учитель, а я был ему ученик, он признал меня равным себе и вышею почестью почтил». Но в этих словах сказано, что учитель был до просветления, у не достигшего еще просветления бодхисаттвы. До просветления, у не достигшего еще просветления бодхисаттвы учителя были пять раз. С каждым из них бодхисаттва проводил дни, учась у них. Вот эти учителя: во-первых, учителями были те восемь брахманов, что распознали телесные признаки новорожденного бодхисаттвы: Рама, Дхваджа, Лакшана, Мантрин, Яджня, Суяма, Субходжа, Судатта³. Они пожелали ему успеха и охраняли его. Затем, государь, отец бодхисаттвы Шуддходана пригласил тогда с северной стороны⁴ родовитого, благородного брахмана по имени Сарвамитра⁵, искушенного в разделении слов, грамматике и шести вспомогательных науках, совершил [посвятительное] возлияние водою из золотой вазы и препоручил ему бодхисаттву: «Обучи этого мальчика». Это второй учитель. Затем, государь, божество, потрясшее бодхисаттву, услышав чьи слова бодхисаттва был поражен и потрясен и в тот же час отрекся от мира и ушел⁶: это третий учитель. Затем Арада Калама, государь: это четвертый учитель. Затем Удрака, сын Рамы⁷: это пятый учитель. Вот такие учителя, государь, были до просветления, у еще не достигшего просветления бодхисаттвы. И все это учителя мирского, а что касается сверхмирского, что касается проникающего всеведущего знания, то в этом у Татхагаты не было учителя, превосходившего его самого. Татхагата [достиг просветления] сам, без учителя, государь, посему и сказал Татхагата:

«Нет у меня учителя, и не найти мне равного,
Ни из людей, ни из богов со мной тягаться некому».

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 2 (52)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Не бывает так, монахи, не случается, чтобы в одном мире два свя-тых истинновспросветленных явилось ни раньше, ни позже один другого. Такого не может быть»⁸. Почтенный Нагасена! Если проповедует кто-либо из татхагат, то проповедует о тридцати семи просветлительных дхармах⁹; если возвещает, то возвещает четыре арийские истины; если обучает, то обучает трем предметам¹⁰; если увещает, то увещает небеспечливому деланию. Раз у всех татхагат, почтенный Нагасена, проповедь одна, весть одна, наставление одно, увещание одно, то почему не может явиться двое татхагат одновременно? Ведь даже от явления одного просветленного весь мир озарился светом, а если бы еще один был, то двойным сиянием этот мир был бы озарен еще больше? Убеждали бы двое татхагат — легко им было бы убеждать, увещали бы — легко было бы увещать. Назови же мне причину, избавь меня от неуверенности.

— Наша десятитысячная мировая сфера¹¹, государь, держит лишь одного просветленного, может выдержать достоинства только одного татхагаты. Если бы явился еще один просветленный, эта десятитысячная мировая сфера не выдержала бы, мир бы задрожал, затрясся, осел, треснул, расселся, раскололся, развалился, рассыпался, в ничто бы обратился. Скажем, государь, есть у нас лодка, рассчитанная на одного человека. Если в ней сидит один человек, вода поднимается к краям бортов. А тут явится еще один человек, во всем подобный первому — обликом, ростом, весом, возрастом, толщиной, и тоже сядет в лодку. Скажи, государь, выдержит лодка их обоих?

— Нет, почтенный, она задрожит, затрясется, оседет, треснет, рассядется, расколется, развалится, рассыплется, в ничто обратится, в воду погрузится.

— Вот точно так же, государь, эта десятитысячная мировая сфера держит лишь одного просветленного, может выдержать достоинства только одного татхагаты. Если бы явился еще один просветленный, эта десятитысячная мировая сфера не выдержала бы, мир бы задрожал, затрясся, осел, треснул, расселся, раскололся, развалился, рассыпался, в ничто бы обратился. Или, скажем, государь, некий человек вдосталь наелся и насытился по горло. Вот набил он себе утробу, насосался, отвалился, утрамбовал все внутренности, осовел и сидит такой коло-

дой — и опять съест столько же. Скажи, государь, ладно ему будет?

— Нет, почтенный. Помрет он на том же месте.

— Вот точно так же, государь, эта десяти тысячная мировая сфера держит лишь одного просветленного, может выдержать достоинства только одного татхагаты. Если бы явился еще один просветленный, эта десяти тысячная мировая сфера не выдержала бы, мир бы задрожал, затрясся, осел, треснул, расселся, раскололся, развалился, рассыпался, в ничто бы обратился.

— Значит, почтенный Нагасена, земля дрожит под чрезмерным грузом Учения?

— Представь себе, государь, два полных воза драгоценностей. Возьмут все драгоценности с одного воза и вывалят их на второй воз. Скажи, государь, выдержит ли один воз драгоценности с обоих возов?

— Нет, почтенный. У него и ступица сломается, и спицы полопаются, и обод искривится, и оси полопаются.

— Значит, государь, воз ломается под чрезмерным грузом драгоценностей?

— Да, почтенный.

— Вот точно так же, государь, и земля дрожит под чрезмерным грузом Учения. Впрочем, этот довод был рассказан, чтобы пояснить, какова сила просветленных. Но вот послушай еще один довод, государь, почему не являются двое истинно-всепросветленных одновременно. Если бы явилось двое истинно-всепросветленных одновременно, государь, то в их окружении начались бы споры: «ваш просветленный, наш просветленный...» — так оно бы надвое разбилось. Скажем, при двух влиятельных сановников в совете начинаются споры: «наш сановник, ваш сановник...», и он разбивается надвое. Вот точно так же, государь, если бы явилось двое истинновсепросветленных одновременно, то в их окружении начались бы споры: «ваш просветленный, наш просветленный...» — так оно надвое бы разбилось. Вот, государь, обоснование того, что не может двое истинновсепросветленных явиться одновременно. Слушай дальше, государь, еще одно обоснование того, что не может двое истинновсепросветленных явиться одновременно. Если бы одновременно явилось двое истинновсепросветленных, государь, то слова «Просветленный — величайший» были бы ложны, слова «Просветленный — возвышеннейший» были бы ложны, слова «Просветленный — превосходнейший» были бы ложны, слова «Просветленный — благороднейший» были бы ложны, слова «Просветленный — избраннейший» были бы ложны, слова «Просветленный несравненен» были бы ложны, слова «Просветленный беспримерен» были бы ложны, слова «Нет равного Просветленному» были бы ложны, слова «Нет подобного Просветленному» были бы ложны, слова «Нет другого такого, как Про-

светленный», были бы ложны, слова «Нет у Просветленного соперника» были бы ложны. Вот, государь, обоснование того, что не может двое истинновспросветленных явиться одновременно. Я думаю, что его стоит принять. Да это и естественно, государь, такова природа просветленных, блаженных, что в мире может явиться лишь один просветленный. Причина этого — величие достоинств просветленных. И всего прочего, что есть в мире великого, бывает только по одному: земля велика, государь,— и она единственна; океан велик — и он единствен; пространство велико — и оно единственно; Шакра велик — и он единствен; Мара велик — и он единствен; Великий Брахма велик — и он единствен; Татхагата, святой, истинновспросветленный, велик — и он единствен, государь. Там, где является один, другому нет места. Поэтому Татхагата, святой, истинновспросветленный, является в мир только один¹².

— Прекрасно объяснен вопрос сравнениями и доводами, почтенный Нагасена. Даже неискушенный человек послушал бы с удовольствием, тем более такой умный, как я. Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так. Я с этим согласен.

[Вопрос 3 (53)]

— Почтенный Нагасена, есть слова Блаженного, сказанные им своей тетке по матери, Гаутамии Владычице, когда она хотела дать ему одежду для дождливого времени: «Отдай это в общину, Гаутамия. Отдав в общину, ты и меня почтишь, и общину тоже»¹³. Как же так, почтенный Нагасена? Разве Татхагата не более почитаем, уважаем и достоин подношений, чем драгоценная его община? Почему одежду для дождливого времени, которую его тетка сама спряла, сама соткала, сама отбила, сама разорвала на куски, сама выкрасила¹⁴ и хотела отдать ему, Татхагата велел ей отдать в общину? Если, почтенный Нагасена, Татхагата выше драгоценной общины, важнее ее и превосходнее, то эту одежду для дождливого времени, которую его тетка сама спряла, сама соткала, сама отбила, сама разорвала на куски, сама выкрасила и хотела отдать ему, он не велел бы ей отдать в общину, ибо Татхагата знал бы тогда, что от поданного ему даяния [дарительнице] будет большой плод. Но раз Татхагата сам себя не ценит и сам себе не нужен, почтенный Нагасена, то потому Татхагата и велел своей тетке отдать эту одежду для дождливого времени в общину.

— Есть, государь, слова Блаженного, сказанные им своей тетке по матери, Гаутамии Владычице, когда она хотела дать ему одежду для дождливого времени: «Отдай это в общину, Гаутамия. Отдав в общину, ты и меня почтишь, и общину тоже». Однако поступил он так не потому, что считал дар, приносимый ему лично, бесплодным или себя недостойным подно-

шений, но из желания блага, из сострадания: «В будущем, после моей кончины, общину будут [благодаря этому] ставить высоко». Потому он и упомянул во всеуслышание достоинство, действительно присущее общине: «Отдай это в общину, Гаутамия. Отдав в общину, ты и меня почтишь, и общину тоже». Представь, государь, что пока еще крепкий отец, находясь в обществе царских советников, наемников, солдат, часовых, привратников, членов совета, в присутствии самого царя упоминает во всеуслышание достоинства, действительно присущие его сыну, [ибо знает]: «Закрепившись здесь, мой сын в будущем будет пользоваться уважением многих людей». Вот точно так же, государь, из желания блага, из сострадания, [зная], что в будущем, после его кончины, общину будут [благодаря этому] ставить высоко, Татхагата упомянул во всеуслышание достоинство, действительно присущее общине: «Отдай это в общину, Гаутамия. Отдав в общину, ты и меня почтишь, и общину тоже». От такой малости, государь, оттого лишь, что она получила одежду для дождливого времени, община не сделалась еще важнее и превосходнее Татхагаты. Например, государь, родители своих детей купают, вытирают, умащают благовониями и притираниями. Но разве от такой малости, оттого лишь, что родители его купают, вытирают, умащают благовониями и притираниями, делается дитя важнее и превосходнее своих родителей?

— Нет, почтенный. [Забота] о детях — это для родителей долг, не [зависящий ни от чьего] желания, вот почему родители своих детей купают, вытирают, умащают благовониями и притираниями.

— Вот точно так же, государь, от такой малости, оттого лишь, что она получила одежду для дождливого времени, община не сделалась еще важнее и превосходнее Татхагаты. Когда Татхагата велел своей тетке отдать одежду для дождливого времени в общину, то это был долг, не [зависящий ни от чьего] желания. Или, представь, государь, что некто принес царю подарок, а царь этот подарок отдал кому-то из своих наемников и телохранителей, или полководцу, или придворному жрецу. Разве от такой малости, оттого лишь, что ему перепал подарок, делается этот человек важнее и превосходнее царя?

— Нет, почтенный. Этот человек на царской службе, жалование получает от царя. Царь определяет ему его место, он же передает и этот подарок.

— Вот точно так же, государь, от такой малости, оттого лишь, что она получила одежду для дождливого времени, община не сделалась еще важнее и превосходнее Татхагаты. Татхагата определил общине ее место, он же велел отдать ей одежду для дождливого времени. Татхагата так подумал тогда, государь: «Община по природе своей достойна почитания; я

почту общину тем, что у меня есть». Потому он и велел отдать в общину эту одежду для дождливого времени. Татхагата ценит не только почитание, оказываемое ему самому, государь; почитание тех, кто его заслужил в мире, также ценит Татхагата. Ведь есть, государь, в превосходном Своде средних сутр, в проповеди, где говорится о неприхотливости и которая названа «Наследники Учения», изречение Блаженного, бога богов: «Но вот тот, первый, монах больше достоин моего почтения и прославления»¹⁵. Нет, государь, среди живых существ никого, кто более, чем Татхагата, был бы достоин подношений, кто был бы выше его, важнее и превосходнее. Именно Татхагата — высший, важнейший и превосходнейший. Ведь есть, государь, изречение небожителя Манавагамина, сказанное в присутствии Блаженного, среди богов и людей и сохраненное в превосходном Своде связей по предметам:

«Из гор под Раджагрихою гора Випула — главная,
А в Гималаях — Швета, а солнце — из светил.

Как океан — глава морей, как месяц — всех своих

созвездий,

Так меж богами и людьми зовется первым

Просветленный»¹⁶.

И строфа эта, государь, была небожителем Манавагамином хорошо пропета, не вотще пропета, хорошо сказана, не вотще сказана, и сам Блаженный одобрил ее¹⁷. Есть еще, государь, и слова тхеры Шарипутры, полководца Учения:

«Одна лишь приязнь и приход к прибежищу,

Один лишь поклон Просветленному,

Истребителю Мары воинства,

Уже могут [от тягот] избавить»¹⁸.

Сказано также Блаженным, богом богов: «Один человек, монахи, если является в мире, то является на благо многих людей, на счастье многих людей, сострадая миру, на пользу, на благо, на счастье богам и людям. Вот кто этот человек: это Татхагата, святой, истинновспросветленный, совершенный в знании и поведении, благопришедший, знаток мира, непревосходимый, укротитель буйных мужей, Учитель богов и людей»¹⁹.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так. Я с этим согласен.

[Вопрос 4 (54)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Будь то мирянин или подвижник, я равно хвалю их истинное делание, о монахи. Мирянин ли, подвижник ли — истинно делающий человек, о монахи, благодаря своему истинному деланию успешно обретет метод, дхарму, благо»²⁰. Почтенный Нагасена! Если

мирянин в белых одеждах²¹, кто тешит себя уладами, имеет большую семью и множество детей, пользуется бенаресским сандалом, носит венки, умащает себя благовониями и притираниями, имеет дело с золотом и серебром, носит пестрый тюрбан, украшенный драгоценными камнями и золотом; если он, истинно делая, успешно обретет метод, дхарму, благо; если бритоголовый подвижник в желтом рубище, кто живет чужим доброхотством, целиком следует всем четырем частям нравственности²², соблюдает полтора ста правил поведения, постоянно соблюдает тринадцать чистых обетов, если он, истинно делая, успешно обретет метод, дхарму, благо, то где же, почтенный, отличие подвижника от мирянина? Не получается ли, что тапас ни к чему, пострижение тщетно, следование правилам поведения бесплодно и принятие чистых обетов бессмысленно? К чему брать на себя тяготы? Разве не верно, что счастье и достигается счастьем?

— Есть, государь, изречение Блаженного: «Будь то мирянин или подвижник, я равно хвалю их истинное делание, о монахи. Мирянин ли, подвижник ли — истинно делающий человек, о монах, благодаря своему истинному деланию успешно обретет метод, дхарму, благо». Да, государь, это так: истинно делающий и есть лучший. Если, государь, подвижник станет думать: «Ну, постриг я принял, [вот и ладно]» — и уклонится от истинного делания, то далеко ему до шраманства, далеко ему до брахманства. А [такому же, но] мирянину в белых одеждах — и тем более! И мирянин, государь, если он истинно делает, успешно обретет метод, дхарму, благо, и подвижник, государь, если он истинно делает, успешно обретет метод, дхарму, благо. Но все же, государь, именно подвижник — господин и владетель шраманства. И пострижение, государь, есть нечто достойное, достойнейшее, бесконечно достойное, невозможно исчислить достоинства пострижения. Скажем, государь, как невозможно оценить в деньгах драгоценный самоцвет, исполняющий желания: «Вот столько-то стоит этот драгоценный самоцвет», — вот точно так же, государь, пострижение есть нечто достойное, достойнейшее, бесконечно достойное, невозможно исчислить достоинства пострижения. Или, скажем, государь, как невозможно исчислить волны в великом океане: «Вот столько-то в великом океане волн», — вот точно так же, государь, пострижение есть нечто достойное, достойнейшее, бесконечно достойное, невозможно исчислить достоинства пострижения. У принявшего постриг подвижника, государь, все, что нужно исполнить, быстро получается, не затягивается надолго, ибо, государь, подвижник неприхотлив, непритязателен, уединен, вне [мирского] общения, ревностен, бесприютен, бездомен, исполнен нравственности, безукоризнен в обращении, опытен в исполнении чистых обетов. Потому, государь, все, что нужно исполнить, у подвижника бы-

стро получается, не затягивается надолго. Скажем, государь, как каленая стрела, без сучков, ровная, гладкая, прямая, отчищенная, если умело выпущена, то прямо летит к цели,— вот так же точно, государь, все, что нужно исполнить, у подвижника быстро получается, не затягивается надолго.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так. Я с этим согласен.

[Вопрос 5 (55)]

— Почтенный Нагасена, когда бодхисаттва свершал свой претрудный труд²³, это было беспримерное отречение, решимость, борение аффектов, разметание воинства Мары и ограничение в пище — было претрудным трудом. Ничего отрадного таким натиском не добившись, он охладел к нему и сказал: «Нет, не этим суровым претрудным трудом добыть я поистине арийского превосходного знания-видения сверх человеческих возможностей. Другая, должно быть, стезя приведет к просветлению». Отвратившись от этого, другою стезею он достиг всеведения — и вновь наставляет и побуждает слушателей к тому же образу действий:

«Решительно и с твердостью
За Просветленным следуйте,
Сомните Мары воинство,
Как слон — шалаш соломенный»²⁴.

Почему же, почтенный Нагасена, Татхагата наставляет и побуждает слушателей к тому самому образу действий, в котором разочаровался и разуверился сам?

— И тогда, государь, и теперь это был и есть один и тот же образ действий. Следуя именно этому образу действий, бодхисаттва достиг всеведения. Однако, государь, бодхисаттва перестарался, совсем отказавшись от пищи. Без пищи сознание его ослабело, и из-за этой слабости он не смог тогда обрести всеведение. Когда же он стал в меру питаться, то, следуя тому же самому образу действий, быстро обрел всеведение. И это, государь, был тот самый образ действий, коим достигают всеведущего знания все татхагаты. Как пища, государь, всех живых подкрепляет и всем живым от пищи делается хорошо — вот точно так же, государь, это был тот самый образ действий, коим достигают всеведения все татхагаты. Не отречения это вина, государь, не решимости, не борения аффектов, что Татхагата не смог в тех условиях обрести всеведущее знание; это вина только отказа от пищи. Образ же действий всегда остается одним и тем же. Скажем, государь, некто слишком стремительно пошел по дороге и оттого надорвался, стал калекой, неспособным самостоятельно передвигаться по земле; так что же,

государь, есть разве вина земной тверди в том, что человек этот стал калекой?

— Нет, почтенный. Земная твердь всегда остается одной и той же, почтенный; вины на ней нет. В том, что человек этот стал калекой, вина только [чрезмерной] натуги.

— Вот точно так же, государь, не отречения это вина, не решимости, не борения аффектов, что Татхагата не смог в тех условиях обрести всеведущее знание; это вина только отказа от пищи. Образ же действий всегда остается одним и тем же. Или, скажем, государь, некто надел грязное платье и не стал его стирать; в этом нет ведь вины воды, вода всегда остается одной и той же. Это вина только самого человека. Вот точно так же, государь, не отречения это вина, не решимости, не борения аффектов, что Татхагата не смог в тех условиях обрести всеведущее знание; это вина только отказа от пищи. Образ же действий всегда остается одним и тем же. Потому Татхагата наставляет и побуждает слушателей к тому самому образу действий. Итак, государь, этот образ действий всегда остается самим собой, и он безукоризнен.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так. Я с этим согласен.

[Вопрос 6 (56)]

— Почтенный Нагасена! Завет Татхагаты величествен, сущностен, избран, превосходит, возвышен, бесподобен, незапятнан, чист, светел и безупречен. Так что не следует постригать мирянина просто так, сразу; сначала должно привести его к обретению первого плода²⁵ и лишь потом, когда он уже бесповоротно [принадлежит Учению], постригать. В самом деле, случается, что дурные люди принимают в сем чистейшем Завете послушание, а после идут на попятный, возвращаются к худшему. Из-за отступничества их многие начинают раздумывать: «Ага! Наверное, в послушании шрамана Готамы нет проку! Иначе с чего бы это им идти на попятный?» Таков мой довод.

— Представь себе, государь, водоем, полный влаги, чистой, прохладной. Пришел к этому водоему некий человек, весь перепачканный в иле и грязи, не стал мыться и так перепачканным и ушел. Скажи, государь, кого люди осудят: перепачканного или водоем?

— Перепачканного люди осудят, почтенный. Это его дело, что он пришел к водоему, но не стал мыться и так перепачканным и ушел. Что же, водоем его сам мыть будет, если он не желает мыться? Никакой вины водоема в этом нет.

— Вот точно так же, государь, и Татхагата выкопал водоем истого избранного Учения, полный влагою избранной свободы. Те из перепачканных в аффектах-грязи людей, кто понятлив и

сообразителен, те омоются в нем и удалят с себя все аффекты. Если же кто-то придет к этому водоему истого избранного Учения, но мыться в нем не станет, пойдет на попятный и вернется к худшему, то его-то люди и осудят: это его дело, что он принял послушание в Завете Победителя, но не удержался в нем и вернулся к худшему. Что же, Завет Победителя сам его очищать станет, если он не желает ему следовать? Никакой вины Завета Победителя в этом нет.

Или представь, государь, что расхворавшийся человек встретил опытного в определении болезней, неизменно успешно излечивающего врача-исцелителя, не стал у него лечиться, так хворым и ушел. Скажи, государь, кого люди осудят: больного или врача?

— Больного люди осудят, почтенный. Это его дело, что он, встретив опытного в определении болезней, неизменно успешно излечивающего врача-исцелителя, не стал у него лечиться, так хворым и ушел. Что же, насильно врач его лечить станет, если он не желает лечиться? Никакой вины врача в этом нет.

— Вот точно так же, государь, и Татхагата вложил в Корзину Учения всяческий целебный нектар, способный излечить все недуги-аффекты. Те из мучимых недугами-аффектами людей, кто понятлив и сообразителен, те испьют этого целебного нектара и излечатся от всех недугов-аффектов. Если же кто-то не станет пить этот целебный нектар, пойдет на попятный и вернется к худшему, то его-то люди и осудят: это его дело, что он принял послушание в Завете Победителя, но не удержался в нем и вернулся к худшему. Что же, Завет Победителя сам его очищать станет, если он не желает ему следовать? Никакой вины Завета Победителя в этом нет.

Или представь, государь, что голодный человек попал на большую, на многих рассчитанную благотворительную раздачу пищи²⁶, но не стал есть, так и ушел голодным. Скажи, государь, кого люди осудят: голодного или раздаваемую пищу?

— Голодного люди осудят, почтенный. Это его дело, что он, изголодавшийся, хотя и мог получить свою долю раздаваемой пищи, но не стал есть, так и ушел голодным. Что же, сама еда в рот пойдет, если он ее не ест? Никакой вины пищи в этом нет.

— Вот точно так же, государь, и Татхагата поместил в корзину Завета изысканнейшее, успокаивающее, благое, превосходное, нектарное, сладчайшее яство: памятование о теле. Те из изможденных, истощенных аффектами, подавленных жаждой²⁷ людей, кто понятлив и сообразителен, те отведают этого яства и уймут в себе всякую жажду к обладанию, образу и безобразному²⁸. Если же кто-то не станет есть это яство, пойдет на попятный, снедаемый жаждой, и вернется к худшему, то его-то люди и осудят: это его дело, что он принял послушание в За-

вете Победителя, но не удержался в нем и вернулся к худшему. Что же, Завет Победителя сам его очищать станет, если он не желает ему следовать? Никакой вины Завета Победителя в этом нет.

Если бы Татхагата решил постригать лишь тех, кто обрел уже первый плод, то постриг тогда не служил бы избавлению от аффектов и очищению, государь; в постриге и надобности бы не было. Представь, государь, что некто соорудил водоем, собрав для этого не одну сотню рабочих, а затем объявил всем в округе: «Уважаемые! Никто не должен окунаться в этот водоем грязным. Окунаться в этот водоем могут те, кто стряхнул с себя пыль и грязь, отмылся и чист до блеска». Скажи, государь, разве у тех, кто стряхнул с себя пыль и грязь, отмылся и чист до блеска, есть надобность в этом водоеме?

— Нет, почтенный. То, ради чего им нужен был бы водоем, они уже сделали на стороне. Им водоем ни к чему.

— Вот точно так же, государь, если бы Татхагата решил постригать лишь тех, кто обрел уже первый плод, то оказалось бы, что дело у них и так сделано и постриг им ни к чему.

Или представь, государь, что достойный почитатель мудрецов древности, знаток вед и мантр, не прибегающий к догадкам, опытный в определении болезней, неизменно успешно излечивающий врач-исцелитель составил снадобье, способное излечить любую болезнь, а затем объявил всем в округе: «Уважаемые! Никто не должен обращаться ко мне, если болен. Обращаться ко мне могут те, кто ничем не болен и не хворает». Скажи, государь, разве у тех, кто ничем не болен и не хворает, крепок и весел, есть надобность в этом враче?

— Нет, почтенный. То, ради чего им нужен был бы врач, они уже сделали на стороне. Им врач ни к чему.

— Вот точно так же, государь, если бы Татхагата решил постригать лишь тех, кто обрел уже первый плод, то оказалось бы, что дело у них и так сделано и постриг им ни к чему.

Или представь, государь, что некто наготовил на несколько сотен человек рисовой каши на молоке, а затем объявил всем в округе: «Уважаемые! Никто не должен приходить на эту раздачу голодным. На эту раздачу могут прийти сытые, наевшиеся, насытившиеся, упитанные, дородные и полные». Скажи, государь, разве у сытых, наевшихся, насытившихся, упитанных, дородных и полных есть надобность в этом угощении?

— Нет, почтенный. То, ради чего они могли бы прийти на раздачу, они уже сделали на стороне. Им эта раздача ни к чему.

— Вот точно так же, государь, если бы Татхагата решил постригать лишь тех, кто обрел уже первый плод, то оказалось бы, что дело у них и так сделано и постриг им ни к чему.

К тому же, государь, те, кто возвращается к худшему, лишь

являют этим пять бесценных достоинств Завета Победителя, а именно: являют величие монашеского состояния, являют его чистоту и незапятнанность, являют несовместность его с грешниками, являют его труднодостижимость, являют необходимость во многом себя сдерживать.

Вот как они являют величие монашеского состояния: например, государь, если бедному, низкородному, заурядному, скудомному человеку достанется вдруг огромное царство, то его скоро покорежит, поломает, растеряет он свой двор, не сможет вынести бремени власти из-за присущего этой власти величия. Вот точно так же, государь, если заурядные, не имеющие заслуг, скудоумные люди принимают послушание в Завете Победителя, то оказывается, что они не в состоянии выдержать это превосходнейшее послушание; непременно их скоро покорежит, поломает; теряют они все и возвращаются к худшему, не могут выдержать послушания в Завете Победителя из-за присущего Завету Победителя величия. Так они являют величие монашеского состояния.

Вот как они являют чистоту его и незапятнанность: например, государь, капля воды с листа лотоса скатывается, спадает, слетает, в ничто обращается, не марает его, ибо лотос чист и незапятнан. Вот точно так же, государь, если бесчестные притворщики, обманщики, лицемеры с несообразными воззрениями принимают послушание в Завете Победителя, то скоро они с этого чистого, незапятнанного, неязвящего²⁹, светлого, избраннейшего из избранных Завета скатываются, спадают, слетают, не удерживаются, не могут его замарать и возвращаются к худшему, ибо Завет Победителя чист и незапятнан. Так они являют чистоту его и незапятнанность.

Вот как они являют несовместность его с грешниками: например, государь, мертвое тело с великим океаном несовместно; если появится в великом океане мертвое тело, то он скоро извергнет его на берег, выбросит на сушу, ибо великий океан есть обитель великих [размером] существ. Вот точно так же, государь, если грешники, нерадивые бездельники, порченные, грязные, дурные люди принимают послушание в Завете Победителя, то скоро они отходят от Завета Победителя, этой обители великих существ — незапятнанных, пришедших к истощению тяги святых, не приживаются в нем и возвращаются к худшему, ибо Завет Победителя с грешниками несовместен. Так они являют несовместность его с грешниками.

Вот как они являют его труднодостижимость: например, государь, неловкие, неискусные, необученные лучники, стреляя в кончик волоса, не могут попасть в такую цель, промахиваются и уходят ни с чем, ибо кончик волоса тонок, ускользает, пронзить его трудно. Вот точно так же, государь, если художные, тупые, [словно] глухонемые, глупые, тугие на соображение лю-

ди принимают послушание в Завете Победителя, то они не могут добиться в нем цели — постичь в высшей степени тонкие, ускользающие и труднопостижимые четыре истины, промахиваются в Завете Победителя и уходят ни с чем, возвращаются к худшему, ибо истины в высшей степени тонки, ускользают и труднопостижимы. Так они являют труднопостижимость [Учения].

Вот как они являют необходимость во многом сдерживать себя: например, государь, некий человек, участвуя в ожесточенном сражении, оказался окружен со всех сторон неприятельскими воинами, и, видя, как с дротиками в руках надвигаются на него враги, он впадает в страх, теряет мужество, кажет спину и бежит из страха и перед необходимостью сдерживать натиск многих врагов. Вот точно так же, государь, если пошлые, не сдерживающие себя, бессовестные, бездеятельные, нетерпеливые, вздорные, переменчивые, низкие, глупые люди принимают послушание в Завете Победителя, то они оказываются не в состоянии держаться многих правил поведения, они отступают, кажут спину, бегут и скоро возвращаются к худшему, ибо в Завете Победителя необходимо во многом себя сдерживать. Так они являют необходимость во многом себя сдерживать.

Даже на кусте варшики, государь, дающем лучшие из растущих на суше цветов, попадают цветы червивые; они еще в бутонах сморщиваются и рано или поздно опадают. Но то, что они опали, не бросает тени на сам куст варшики, и те цветы, что остались на нем, воистину напавают все вокруг своим благоуханием. Вот точно так же, государь, если кто-то принимает послушание в Завете Победителя, но потом возвращается к худшему, то такие люди в Завете Победителя — словно червивые цветы варшики, лишены благоуханных достоинств, невзрачны нравственным обликом, не способны духовно расцвести. Но то, что они возвращаются к худшему, не бросает тени на сам Завет Победителя, и те монахи, что остаются в нем, напавают весь мир вместе с богами прекрасным благоуханием нравственности.

Даже меж здоровых колосьев красного риса, государь, попадают колосья разновидности, называемой «овсяная кашка»³⁰; они рано или поздно гибнут. Но то, что они гибнут, не бросает тени на красный рис, и тот рис, что созревает, идет в пищу царю. Вот точно так же, государь, если кто-то принимает послушание в Завете Победителя, но потом возвращается к худшему, то такие люди в Завете Победителя — словно «овсяная кашка» меж красного риса; они не вырастают, не приходят к расцвету, возвращаются рано или поздно к худшему. Но то, что они возвращаются к худшему, не бросает тени на сам Завет Победителя, и те монахи, что духовно созревают и готовы, приходят к святости.

Даже у исполняющего желания драгоценного самоцвета, государь, одна из граней может быть мутной. Но то, что одна из граней у него мутна, не бросает тени на весь драгоценный самоцвет, и все прочие чистой воды грани драгоценного самоцвета даруют людям радость. Вот точно так же, государь, если кто-то принимает послушание в Завете Победителя, а потом возвращается к худшему, то такие люди в Завете Победителя — муть, осколки. То, что они возвращаются к худшему, не бросает тени на сам Завет Победителя, и те монахи, что остаются в нем, приносят радость богам и людям.

Даже в благородном красном сандале, государь, может встретиться часть подгнившая, мало пахнущая, но это не бросает тени на весь красный сандал, и прочие его части, что не тронуты гнилью, пропитывают и напаивают все вокруг своим благоуханием. Вот точно так же, государь, если кто-то принимает послушание в Завете Победителя, а потом возвращается к худшему, то такие люди в Завете Победителя — словно подгнившая часть древесины красного сандала, которую нужно выбросить. То, что они возвращаются к худшему, не бросает тени на сам Завет Победителя, и те монахи, что остаются в нем, овевают весь мир с богами сандаловым благоуханием своей прекрасной нравственности.

— Отлично, почтенный Нагасена. Все эти удачные и уместные доводы убеждают в безукоризненности Завета Победителя и проявляют превосходство его. Даже те, кто возвращается к худшему, лишь проявляют этим превосходство Завета Победителя.

[Вопрос 7 (57)]

— Почтенный Нагасена, вы утверждаете: «Святой испытывает одну боль: телесную, но не душевную»³¹. Стало быть, почтенный Нагасена, святой не владыка, не хозяин, не господин тех изменений мысли, которые имеют основой тело?

— Да, государь.

— Не годится это, почтенный Нагасена, чтобы святой не был владыкой, хозяином и господином своих мыслей, [вызванных] изменениями в теле. Ведь даже птица, почтенный, и то в своем гнезде владыка, хозяйка и госпожа³².

— Есть, государь, десять следующих за телом дхарм, которые из жизни в жизнь преследуют тело и проявляются благодаря ему. Вот они: жар, озноб, голод, жажда, испражнение, мочеиспускание, вялость и сон, старость, болезнь и смерть. Таковы, государь, десять следующих за телом дхарм, которые из жизни в жизнь преследуют тело и проявляются благодаря ему. Святой не владыка их, не хозяин, не господин.

— Почтенный Нагасена, почему святой не в состоянии приказывать телу, употребить над ним власть? Дай мне пояснение.

— Скажем, государь, все существа, живущие на суше, живут и добывают себе пищу и поддерживают свое существование, имея основой землю. Но разве в состоянии они, государь, приказывать земле, употребить над нею власть?

— Нет, почтенный.

— Вот точно так же, государь, мысль святого работает, имея основой тело, и при этом святой не в состоянии приказывать телу и употребить над ним власть.

— Почтенный Нагасена, какова причина того, что человек-из-толпы испытывает и телесную и душевную боль?

— Человек-из-толпы испытывает и телесную и душевную боль из-за того, государь, что мысль им не освоена. Представь, государь, что голодный и беспокойный вол привязан слабым, тонким, непрочным пучком травы или лианой. Если встревожится, он пойдет и потянет за собой привязь. Вот точно так же, государь, из-за того, что мысль не освоена, возникшая боль вызывает в мысли сильную тревогу, а сильно встревоженная мысль гнет и свивает тело, в дугу его закручивает. Вот причина, государь, почему человек-из-толпы испытывает и телесную и душевную боль.

— А какова причина того, что святой испытывает одну боль — телесную, но не душевную?

— У святого, государь, мысль освоена, вполне освоена, послушна, вполне послушна, покорна и подвластна ему. Если он ощущает телесную боль, он крепко держится за [мысль]: «Это бrenно», привязывает мысль к столбу сосредоточения, и привязанная к столбу сосредоточения мысль не дрожит и не трепещет, стоит и не рассеивается, но тело его, пронзаемое приступами боли, гнется, свивается, в дугу закручивается. Вот причина, государь, почему святой испытывает одну боль — телесную, но не душевную.

— Почтенный Нагасена, это нечто необычайное в мире, что мысль не дрожит, притом что дрожит тело. Приведи мне какое-нибудь пояснение.

— Представь, государь, что у огромного дерева с мощным стволом, множеством ветвей и могучей кровлей под напором ветра дрожат ветви. Разве ствол у него тоже дрожит?

— Нет, почтенный.

— Вот точно так же, государь, если святой начинает чувствовать телесную боль, он крепко держится за [мысль:] «Это бrenно», привязывает мысль к столбу сосредоточения, и привязанная к столбу сосредоточения мысль не дрожит и не трепещет, стоит и не рассеивается; тело его, пронзаемое приступами боли, гнется, свивается, в дугу закручивается, но мысль не дрожит и не трепещет, как ствол огромного дерева.

— Чудесно, почтенный Нагасена, необычайно, почтенный Нагасена! Никогда я не встречал такого светоча Учения, находчивого неизменно³³!

[Вопрос 8 (58)].

— Почтенный Нагасена, представим себе, что некий мирянин совершил проступок, влекущий [за собой] изгнание³⁴. Спустя какое-то время он принял постриг, но при этом ни сам не знал, что прежде в миру совершил влекущий [за собой] изгнание проступок, и никто другой не объяснил ему, что он-де совершил в миру влекущий [за собой] изгнание проступок. Придет ли он к постижению Учения, если будет правильно делающим?

— Нет, государь.

— Почему же?

— У постижения Учения должна быть [вещественная] причина; она у него пресечена, поэтому постижения Учения быть не может.

— Почтенный Нагасена, вы утверждаете: у знающего [о проступке] возникает угрызение, из-за угрызения возникает преграда, а из-за преграды мысль не приходит к постижению Учения³⁵. Почему же не может прийти к постижению Учения этот человек, не знающий [о проступке], не испытывающий угрызений, спокойный в своих мыслях? Получается что-то совсем несообразное. Подумайте, как это разрешить.

— Скажи, государь: прорастет ли на пропаханной, илистой, жирной почве всхожее, правильно посаженное семя?

— Да, почтенный.

— А прорастет ли, государь, это же самое семя на голом камне, на поверхности скалы?

— Нет, почтенный.

— Отчего же, государь, одно и то же семя в иле прорастет, а на голом камне не прорастет?

— На голом камне, почтенный, нет [вещественной] причины, чтобы семя могло там прорасти. Без [вещественной] причины семя не прорастает.

— Вот точно так же, государь, у постижения Учения должна быть [вещественная] причина, и эта причина пресечена у него. Без [вещественной] причины постижения Учения быть не может. Или, скажем, государь, на земле можно наткнуться на палки, колья, жерди и дубины. Разве можно, государь, наткнуться на эти же самые палки, колья, жерди и дубины также и в воздухе?

— Нет, почтенный.

— Какова же причина этого, государь? Почему на одни и те же палки, колья, жерди и дубины можно наткнуться на земле и почему они не могут находиться в воздухе?

— В [пустом] пространстве, почтенный, нет [вещественной] причины, чтобы там могли удержаться палки, колья, жерди и дубины. Без [вещественной] причины они там находиться не могут.

— Вот точно так же, государь, из-за вины этого человека [вещественная] причина постижения Учения у него пресечена. Когда [вещественная] причина уничтожена, когда нет причины, постижения быть не может. Или представь, государь, что на суше горит костер. Разве может, государь, этот же самый костер гореть и в воде?

— Нет, почтенный.

— Какова же причина этого, государь? Почему один и тот же костер горит на суше и почему не горит в воде?

— В воде, почтенный, нет [вещественной] причины, чтобы там мог гореть костер. Без [вещественной] причины он гореть не может.

— Вот точно так же, государь, из-за вины этого человека [вещественная] причина постижения Учения у него пресечена. Когда [вещественная] причина уничтожена, когда нет причины, постижения быть не может.

— Почтенный Нагасена, продумай это еще раз; я никак не могу примириться с тем, что у человека, не знающего [о своем проступке] и не испытывающего угрызений, может быть преграда [постижению]. Дай мне пояснение.

— Скажи, государь: если некто примет смертельный яд, не зная о том, разве он не умрет?

— Умрет, почтенный.

— Вот точно так же, государь, если человек свершил грех, не зная о том, то это все равно препятствие для постижения. Или, государь, если человек попадет в огонь, не замечая того, разве он не обожжется?

— Обожжется, государь.

— Вот точно так же, государь, если человек свершил грех, не зная о том, то это все равно препятствие для постижения. Или, государь, если человека укусит ядовитая змея, а он не заметит этого, разве он не умрет?

— Умрет, почтенный.

— Вот точно так же, государь, если человек свершил грех, не зная о том, то это все равно препятствие для постижения. Ведь известно, государь, что, когда Саманаколання, царь Калинги, ехал на своем драгоценном слоне, со своими семью драгоценностями повидать родичей, он не смог приблизиться к древу просветления, хотя и не знал о том, что оно рядом. Вот почему, государь, если некто свершит грех, не зная о том, то это все равно будет препятствием для постижения.

— Это, почтенный, довод самого Победителя, возражать тут невозможно. Да, дело обстоит именно так, я с этим согласен³⁶.

[Вопрос 9 (59)]

— Почтенный Нагасена, в чем различие, в чем несходство мирянина дурного нрава и шрамана дурного нрава? Одинаковы ли их удел, одинаковы ли плоды [их деяний], или же есть какое-то различие?

— У шрамана дурного нрава есть десять свойств, государь, которыми он превосходит мирянина дурного нрава и лучше его, а еще он благодаря десяти обстоятельствам больше очищает дар, [приносимый ему]. Вот эти десять свойств шрамана дурного нрава, которыми он превосходит мирянина дурного нрава и лучше его: [даже] дурного нрава шраман относится с уважением к Просветленному, относится с уважением к Учению, относится с уважением к общине, относится с уважением к сподвижникам, старается слушать и обсуждать [сутры], много слушает [проповедей]; даже нарушивший нравственные правила шраман старается на людях соблюсти видимость; боясь порицания, воздерживается от телесных и речевых проступков; мысль его [все равно] склоняется к упражнению, и он [все же] член сообщества монахов. Даже если шраман дурного нрава грешит, он делает это скрытно, государь. Скажем, государь, как замужняя женщина прячется и только тайком грешит, вот точно так же, государь, даже если шраман дурного нрава грешит, он делает это скрытно. Таковы, государь, десять свойств шрамана дурного нрава, которыми он превосходит мирянина дурного нрава и лучше его.

А вот те десять обстоятельств, благодаря которым он больше очищает дар, [приносимый ему]. Он очищает дар, ибо одет в неприкосновенную броню [монашеского одеяния]; очищает дар, ибо, подобно провидцам, бреет голову; очищает дар, ибо следует монашескому образу жизни; очищает дар, ибо пришел к Просветленному, Учению и общине как к прибежищам; очищает дар, ибо находится в обители, где [все] склоняет к упражнению; очищает дар, ибо взыскует сокровище Завета Победителя; очищает дар, ибо проповедует превосходное Учение; очищает дар, ибо устремлен к пути, [озаренному] светочем Учения; очищает дар, ибо имеет правильное воззрение: «Просветленный — величайший [из людей]»; очищает дар, ибо соблюдает обряды постного дня³⁷. Таковы, государь, те десять обстоятельств, благодаря которым он больше очищает дар, [приносимый ему]. Даже пропащий шраман совсем дурного нрава, государь, все же очищает [приносимый ему] жертвователями дар. Скажем, государь, вода, даже если она совсем мутна, все же смывает грязь, пыль и ил; вот точно так же, государь, даже пропащий шраман совсем дурного нрава очищает все же [приносимый ему] жертвователями дар. Или, скажем, государь, даже очень горячая, кипящая вода все же тушит полыхающий большой ко-

стер; вот точно так же, государь, даже пропащий шраман совсем дурного нрава все же очищает [приносимый ему] жертвователями дар. Или, скажем, государь, даже противная на вкус еда все же помогает от голодного бессилия; вот точно так же, государь, даже пропащий шраман совсем дурного нрава все же очищает [приносимый ему] жертвователями дар. Ведь есть, государь, в превосходном Своде средних сутр, в «Разъяснении о дарах», изречение бога богов:

«Если злонравному благонравный
Правдой нажитое в дар приносит,
Радостно, с верою в плод даянья —
Дарителем дар подобный очищен»³⁸.

— Чудесно, почтенный Нагасена, необычайно, почтеньный Нагасена! Я задал тебе вполне обычный вопрос, ты же развернул его примерами и пояснениями и сделал его приятным для слуха и сладостным, словно нектар. Будто повар или ученик повара взял вполне обычный кусок мяса, приготовил его со всякими добавками и сделал из этого блюдо для царского стола; вот точно так же, почтенный Нагасена, я задал тебе вполне обычный вопрос, ты же развернул его примерами и пояснениями и сделал его приятным для слуха и радостным, словно нектар.

[Вопрос 10 (60)]

— Почтенный Нагасена, когда вода нагревается на огне, она бурлит, клокочет и по-всякому шумит. Не значит ли это, почтенный Нагасена, что вода живая? Может, она шумит играючи или шумит, мучимая чем-то?

— Нет, государь, вода не живая; у воды нет ни души, ни жизни. Бурлит же, клокочет и по-всякому шумит вода из-за сильного нагрева на огне, государь.

— Почтенный Нагасена, иные проповедники считают, что вода живая. Они не употребляют холодной воды, кипятят ее и пользуются ею с тщательностью ювелиров, [стараясь ничему не повредить]. Они осуждают и порицают вас: шраманы — сыны шакьев терзают-де живую душу, имеющую одно чувство³⁹. Газрушь, отрази, опровергни это их порицание и осуждение.

— Вода не живая, государь; у воды нет ни души, ни жизни. Бурлит же вода, клокочет и по-всякому шумит, государь, из-за сильного нагрева на огне. Например, государь, вода в ямах, озерах, прудах, ручьях, водоемах, пещерах, расщелинах, колодцах, низинах и старицах на сильном ветру и солнечном пекле высыхает, испаряется. Разве вода при этом бурлит, клокочет и шумит по-всякому?

— Нет, почтенный.

— А если бы вода была живой, государь, она бы и там шумела. Из этого довода можно понять, государь, что у воды ни души, ни жизни нет; бурлит же вода, клокочет и по-всякому шумит из-за сильного нагрева на огне. Слушай дальше, государь, еще довод, из которого тоже ясно, что у воды ни души, ни жизни нет и что шумит вода по-всякому из-за сильного нагрева на огне. Например, государь, если залить водою рис в горшке, прикрыть его крышкой и не ставить на огонь, то будет ли вода шуметь?

— Нет, почтенный. Она тогда недвижна и совершенно спокойна.

— А если, государь, эту же самую воду в горшке поставить на очаг, в котором разведен огонь, то вода так и будет недвижной и совершенно спокойной?

— Нет, почтенный. Она тогда волнуется, мешается, мутится, баламутится, ходуном ходит, вздымается, опадает, во все стороны стремится, вскипает, сбегает, образует пену.

— Отчего же, государь, та же самая вода в естественном состоянии недвижна и совершенно спокойна, а на огне волнуется, мешается, мутится, баламутится, ходуном ходит, вздымается, опадает, во все стороны стремится, вскипает, сбегает, образует пену?

— В естественном состоянии вода недвижна, почтенный, вода же на огне бурлит, клокочет и по-всякому шумит из-за сильного нагрева на огне.

— Вот и из этого довода можно понять, государь, что у воды ни души, ни жизни нет; шумит же вода по-всякому из-за сильного нагрева на огне. Слушай дальше, государь, еще довод, из которого тоже ясно, что у воды нет ни души, ни жизни и что шумит вода по-всякому из-за сильного нагрева на огне. Есть ли, государь, при каждом доме закрытая бочка с водою?

— Да, почтенный.

— Разве, государь, вода в ней волнуется, мешается, мутится, баламутится, ходуном ходит, вздымается, опадает, во все стороны стремится, вскипает, сбегает и образует пену?

— Нет, почтенный. Вода в такой бочке недвижна и находится в своем естественном состоянии.

— Ты когда-либо слышал, государь, о том, что вода в океане волнуется, мешается, мутится, баламутится, ходуном ходит, вздымается, опадает, во все стороны стремится, вскипает, бежит, образует пену, бьется громадой в берег и по-всякому шумит?

— Да, почтенный, и слышал, и сам видел. Валы в океане бывают и во сто и в двести локтей высотой.

— Отчего же, государь, вода в бочке не волнуется и не шумит, а вода в великом океане волнуется и шумит?

— В великом океане, почтенный, вода волнуется и шумит

из-за мощного напора ветра, а вода в бочке ничему не подвергается и потому не волнуется, не шумит.

— Как в океане, государь, вода волнуется и шумит под мощным напором ветра, так же точно, государь, вода шумит из-за сильного нагрева на огне. Не правда ли, государь, барабан обтягивают высушенной бычьей кожей?

— Да, почтенный.

— Так что, государь, у барабана души или жизни нет?

— Нет, почтенный.

— Отчего же, государь, барабан звучит?

— Благодаря приложенному к нему усилию женщины или мужчины, почтенный.

— Как барабан звучит благодаря приложенному к нему усилию женщины или мужчины, государь, так же точно и вода шумит из-за сильного нагрева на огне. Из этого довода тоже можно понять, государь, что у воды нет души или жизни и что шумит вода из-за сильного нагрева на огне. У меня, государь, тоже есть о чем спросить тебя — так мы быстро разрешим этот вопрос. Во всяком ли сосуде нагреваясь, шумит вода, или же вода шумит, лишь нагреваясь в некоторых сосудах?

— Вода шумит, почтенный, нагреваясь не во всяком сосуде. Вода шумит, лишь нагреваясь в некоторых сосудах.

— Значит, государь, ты отступаешь от своего утверждения и принимаешь мою точку зрения. Ни души, ни жизни у воды нет. Если бы вода шумела, нагреваясь во всяком сосуде, то уместно было бы сказать, что у воды есть душа или жизнь. Не две же воды, государь: та, что шумит, — живая, а та, что не шумит, — неживая? Будь вода живой, государь, она должна была бы шуметь и в пастях огромных, матерых, ярых слонов, просачиваясь у них сквозь зубы, когда, набрав в хоботы воды, они заливают ее в свои утробы. По океану плавают тяжелые грузовые корабли до ста локтей в длину, нагруженные товаром с многих сотен тысяч телег; вода должна была бы шуметь под их давлением. Огромные рыбы с телом длиной не в одну сотню йоджан — тими, тимингала, тимирапингала — находятся всегда в великом океане, погруженные в его глубины, ведь он — их обиталище; они втягивают в себя и выпускают мощные водяные струи⁴⁰. Вода должна была бы шуметь, просачиваясь у них между зубов, и в их чревах. И коль скоро, государь, вода под таким великим гнетом не шумит, то это значит, что у воды нет ни души, ни жизни. Так это и запомни, государь.

— Отлично, почтенный Нагасена. Вопрос попал на свое место и подобающим образом рассмотрен. Словно бы редчайшей цены драгоценный самоцвет достался умелому мастеру, опытному, искусному ювелиру и был оценен, прославлен и превознесен, или драгоценная жемчужина — жемчужнику, драгоценная ткань — торговцу тканями, словно драгоценный сандал достался

парфюмеру и был оценен, прославлен и превознесен; вот точно так же, почтенный Нагасена, вопрос попал на свое место и рассмотрен подобающим образом. Да, это так, я с этим согласен.

Шестая глава [закончена].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[Вопрос 1 (61)]

— Почтенный Нагасена, есть изречение Блаженного: «Вам, монахи, пристало непространности радоваться не нарадоваться¹». Что такое эта «непространность»²?

— Плод обретения слуха есть непространность, государь, плод возвращения единойды есть непространность, плод безвозвратности есть непространность, плод святости есть непространность.

— Если, почтенный Нагасена, плод обретения слуха есть непространность, плод возвращения единойды есть непространность, плод безвозвратности есть непространность, плод святости есть непространность, то зачем тогда монахи читают вслух и обсуждают [пространные] сутры, песни, разъяснения, строфы, восклицания, высказывания, джатаки, чудесное, раскрытия³? Зачем отвлекаются на хозяйственные дела, даяния и культ? Разве не занимаются они тем делом, которое Победитель отверг?

— Если, государь, монахи читают вслух и обсуждают [пространные] сутры, песни, разъяснения, строфы, восклицания, высказывания, джатаки, чудесное, раскрытия, если они отвлекаются на хозяйственные дела, даяния и культ, то делается это ради достижения непространности. Те, кто чист по своей природе, государь, в ком есть [благоприятные] следы прошлых жизней,— те достигают непространности за один мыслительный миг⁴; те же монахи, в чьих очах много пыли⁵, достигают непространности с помощью этих средств. Представь, государь, что один человек высадил рассаду и, усердно [охраняя поле] одними своими силами, без всякой ограды вокруг него, получил урожай, а другой человек высадил в поле рассаду, пошел в лес, нарубил ветвей и сучьев, устроил вокруг поля ограду и тоже получил урожай. Ограда ему нужна была только ради урожая. Вот точно так же, государь, те, кто чист по своей природе, в ком есть [благоприятные] следы прошлых жизней, достигают непространности за один мыслительный миг, как тот человек, что получил урожай с поля без ограды. Те же монахи, в чьих очах много пыли, достигают непространности с помощью этих средств, как тот человек, что получил урожай с поля, для на-

чала оградив его. Или представь, государь, что на макушке высоченного мангового дерева висят плоды. Пришел один человек, обладающий сверхобычными силами, [просто взлетел по воздуху] и сорвал плоды. Пришел другой, не обладающий сверхобычными силами; он нарубил палок и лиан, связал лестницу, забрался по ней на дерево и тоже сорвал плоды. Лестница ему нужна была только ради плодов. Вот точно так же, государь, те, кто чист по своей природе, в ком есть [благоприятные] следы прошлых жизней, достигают непространности за один мыслительный миг, как срывает плоды человек, обладающий сверхобычными силами. Те же монахи, в чьих очах много пыли, достигают непространности с помощью этих средств, как срывает плоды человек, забравшийся по лестнице. Или представь, государь, что искусный в тяжбах человек в одиночку пришел к господину⁶ и выиграл тяжбу, а другой, богатый, заручился с помощью своих денег поддержкой членов совета⁷ и благодаря членам совета выиграл тяжбу. Поддержка членов совета ему нужна была только для того, чтобы выиграть тяжбу. Вот точно так же, государь, те, кто чист по своей природе, в ком есть [благоприятные] следы прошлых жизней, достигают мастерства в шести сверхзнаниях за один мыслительный миг, как тот человек, что выиграл тяжбу в одиночку. Те же монахи, в чьих очах много пыли, осуществляют цель шраманства с помощью этих средств, как человек, выигравший тяжбу благодаря поддержке членов совета.

И от чтения вслух большая польза бывает, государь, и от обсуждения большая польза, и от хозяйственных дел большая польза, и от даяния большая польза, и от культа большая польза бывает в тех или иных случаях. Например, государь, у царя среди прочих советников, наемников, солдат, часовых, привратников, членов совета может быть человек, особенно ему полезный и расторопный, но все же при случае ему бывают нужны и все остальные. Вот точно так же, государь, и от чтения вслух большая польза бывает, и от обсуждения большая польза, и от хозяйственных дел большая польза, и от даяния большая польза, и от культа большая польза бывает в тех или иных случаях. Если бы все от рожденья были вполне чисты, у наставника и дела бы не нашлось. Но раз это не так, государь, то приходится слушать [слова Просветленного]. Даже тхера Шарипутра, который за несметные, неисчислимые времена взрастил в себе благие корни и поднялся до пределов мудрости⁸, — даже он, государь, не смог прийти к истощению тяги, пока не услышал [слов Просветленного]⁹. А стало быть, государь, и в слушании бывает большая польза, также и в чтении вслух, также и в обсуждении; стало быть, государь, чтение вслух с обсуждением тоже [ведут] к непространности и несложённо-
му¹⁰.

— Прекрасно разъяснен вопрос, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 2 (62)]

— Почтенный Нагасена, вы утверждаете: если мирянин достигает святости, то перед ним две лишь дороги, и не более: либо он в тот же день примет постриг, либо упокоится, но переждать этот день он не может¹¹. А если, почтенный Нагасена, не получит он в тот же день учителя, наставника, миску и монашеское платье¹², то что же будет с ним: сам ли он себя пострижет, или переждет этот день, или явится какой-то другой святой, обладающий сверхобычными силами¹³, и пострижет его, или же он упокоится?

— Сам себя святой не пострижет, государь, ибо постригающий себя сам повинен в воровстве¹⁴; и день этот он не переждет; либо явится другой святой, а если не явится, он в тот же день упокоится.

— Тогда, почтенный Нагасена, этим отрицается, что святость есть состояние покоя, ибо у достигшего его оно отнимает жизнь.

— Мирское обличье несообразно¹⁵ [святости], государь. Находясь в несообразном обличье, из-за немощности этого обличья достигший святости мирянин либо примет в тот же день постриг, либо упокоится. Это не порок святости, государь, это порок мирского обличья — немощность этого обличья. Например, государь, пища всем живым укрепляет силы и продлевает жизнь, но у человека с плохим желудком, со слабой, бессильной желудочной железой¹⁶ отнимает жизнь из-за несварения, и это, государь, не порок пищи, а порок желудка — бессилие [пищеварительного] огня. Вот точно так же, государь, находясь в несообразном обличье, из-за немощности этого обличья достигший святости мирянин либо примет в тот же день постриг, либо упокоится. Это не порок святости, государь, это порок мирского обличья — немощность этого обличья. Или, например, государь, если на малую былинку положить сверху тяжелый камень, то она по своей немощности переломится и упадет. Вот точно так же, государь, находясь в морском обличье, из-за немощности этого обличья достигший святости мирянин либо примет в тот же день постриг, либо упокоится. Или, например, государь, если слабому, бессильному, худородному, бедному достоинствами человеку достанется вдруг огромное царство, то его тотчас покорежит, поломают, он сдастся, не сможет вынести бремени власти. Вот точно так же, государь, достигший святости мирянин не сможет вынести святость в этом обличье, потому он в тот же день либо примет постриг, либо упокоится.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так. Я с этим согласен.

[Вопрос 3 (63)]

— Почтенный Нагасена, бывает ли у святого забвение?

— Святые свободны от забвения, государь. Не бывает у святых забвения.

— А может ли святой совершить проступок [против Устава]?

— Да, государь.

— Чего это может касаться?

— [Например], государь, устройства кельи¹⁷ или посредничества¹⁸, или он может не заметить, что [отведенное для еды] время уже прошло¹⁹, или может счесть, что приглашения [на трапезу] не было, когда оно на самом деле состоялось²⁰, или может счесть не остатки еды остатками²¹.

— Почтенный Нагасена, вы утверждаете, что тот, кто совершает проступок [против Устава], может совершить его по одной из двух причин: или из неуважения [к Уставу], или по неведению. Бывает ли такое, почтенный Нагасена, чтобы святой совершал проступки из неуважения [к Уставу]?

— Нет, государь.

— Если, почтенный Нагасена, святой может совершить проступок, но неуважения [к Уставу] у святого не может быть, то тогда у святого бывает забвение.

— Не бывает у святого забвения, государь, и, однако, святой может совершить проступок.

— Раз так, почтенный, то приведи мне вразумительное обоснование. Как это обосновать?

— Есть два рода аффектов²², государь: порицаемое в миру и порицаемое по Уставу. Вот что такое порицаемое в миру: это десять неблагих путей деяния²³. Это и называется порицаемым в миру. А вот что такое порицаемое по Уставу: это то, что шраманам делать не положено, не подобает, но у мирян не порицается,— то, о чем Блаженный положил слушателям правило поведения, нерушимое до самой смерти. Например, государь, неурочная еда в миру не порицается, а в Завете Победителя это порицается; причинение вреда растениям в миру не порицается, а в послушании у Победителя порицается; игры и забавы на воде в миру не порицаются, а в Завете Победителя это порицается. Все эти вещи, государь, порицаются [лишь] в Завете Победителя. Это называется порицаемым по Уставу.

Опасность власть в нечто, порицаемое в миру, избавившемуся от тяги человеку более не грозит, но он по незнанию может совершить проступок, порицаемый Уставом. Не по силам каждому святому все знать, государь; это за пределами его возможностей. Святому неизвестны имена иных мужчин и женщин, их

происхождение; и дороги на этой земле ему неизвестны. Свободу [свою] действительно знает каждый святой; святой, обладающий шестью сверхзнаниями, знает, [кроме того, все] в своих пределах. И лишь всеведущий Татхагата [поистине] знает все²⁴.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так. Я с этим согласен.

[Вопрос 4 (64)]

— Почтенный Нагасена, на свете встречаются просветленные, встречаются просветленные-для-самих-себя, встречаются слушатели Татхагаты, встречаются цари-миродержцы, встречаются цари отдельных стран, встречаются боги и люди, встречаются богатые, встречаются бедные, встречаются благополучные, встречаются злополучные; бывает, что у мужчины появляются женские признаки; бывает, что у женщины появляются мужские признаки; встречаются хорошие и плохие деяния; встречаются существа, испытывающие плоды благих и дурных деяний; на свете есть существа безногие, двуногие, четвероногие, многоногие; есть существа яйцеродные, живородящие, влагородные, самородные; есть на свете якши, ракшасы, кумбханды, асуры, данавы, гандхарвы, преты, пишачи; есть киннары, драконы, наги, волшебные птицы, сиддхи, видьядхары²⁵; есть кони, слоны, быки, буйволы, верблюды, ослы, козлы, бараны, антилопы, свиньи, львы, тигры, пантеры, медведи, волки, гиены, псы, шакалы; есть много видов птиц; есть золото, серебро, жемчуг, самоцветы, перламутр, горная порода, коралл, рубин, сапфир, «кошачий глаз», алмаз, хрусталь, железо, медь, латунь, бронза; есть ткани льняные, шелковые, хлопчатые, джутовые, пеньковые, шерстяные; есть весенний рис, муссонный рис, ячмень, просо, кудруса²⁶, горох, бобы, чечевица, кунжут, вика; есть запах корней, запах сока, запах сердцевины, запах коры, запах листьев, запах цветов, запах плодов, всяческий запах; есть травы, лианы, кусты, деревья, целебные растения, большие лесные деревья²⁷, реки, горы, океаны, рыбы, черепахи. Всё на свете есть. Назови мне, почтенный, чего на свете нет.

— Трех [вещей] на свете нет, государь, вот каких: нет ничего ни одушевленного, ни неодушевленного, что не старилось бы и не умирало; нет вечности у слагаемых, и нет в высшем смысле представления о существе²⁸. Вот этих трех [вещей], государь, в мире нет.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 5 (65)]

— Почтенный Нагасена, на свете встречается созданное деянием, созданное причиной, созданное сроком²⁹. Назови мне

то на свете, что не порождено ни деянием, ни причиной, ни сроком.

— Есть две [дхармы], государь, не порожденные ни деянием, ни причиной, ни сроком, вот они: пространство, государь, не порождено ни деянием, ни причиной, ни сроком, и нирвана³⁰, государь, не порождена ни деянием, ни причиной, ни сроком³¹.

— Не наговаривай на учение Победителя, почтенный Нагасена, не отвечай, если не знаешь.

— Что же я сказал, государь? Почему ты говоришь мне, чтобы я на учение Победителя не наговаривал и не отвечал, если не знаю?

— Почтенный Нагасена, о пространстве правильно будет сказать, что оно не порождено ни деянием, ни причиной, ни сроком. Но, почтенный Нагасена, Блаженный же сотнями доводов описал слушателям стезю, ведущую к осуществлению нирваны, а ты сейчас говоришь, что нирвана-де не порождена причиной.

— Действительно, государь, Блаженный сотнями доводов описал слушателям стезю, ведущую к осуществлению нирваны. Однако причины порождения нирваны он не описывал.

— Эдак мы, почтенный Нагасена, из просто тьмы — в непроглядную угодим, из просто леса — в дремучий угодим, из просто зарослей — в непролазные угодим. Что же это! Причина осуществления нирваны есть, а причины порождения ее же нет! Если, почтенный Нагасена, есть причина осуществления нирваны, то надобно признать и причину порождения нирваны. Скажем, почтенный Нагасена, раз у сына есть отец, то тем самым надобно признать, что и у отца есть отец. Если у ученика есть учитель, то тем самым надобно признать, что и у учителя есть учитель. Если росток получился из семени, то тем самым надобно признать, что и семя получилось из семени. Вот точно так же, почтенный Нагасена, если есть причина осуществления нирваны, то надобно признать и причину порождения нирваны. Скажем, если у дерева или у лианы есть верхушка, то тем самым должна быть и середина, должен быть и корень. Вот точно так же, почтенный Нагасена, если есть причина осуществления нирваны, то надобно признать и причину порождения нирваны.

— Нирвана непородима, государь, поэтому причина порождения нирваны не описана.

— Нет, почтенный Нагасена, изволь это обосновать, приведи мне вразумительное обоснование. Я должен убедиться, что причина осуществления нирваны есть, но причины порождения нирваны нет.

— Тогда, государь, вслушивайся вдумчиво и слушай хорошенько. Я назову обоснование. Сможет ли человек, пользуясь

своею природной силой, добраться отсюда до Гималая, царя гор, государь?

— Да, почтенный.

— А сможет ли, государь, тот же человек, пользуясь своей природной силой, перенести Гималая, царя гор, сюда?

— Нет, почтенный.

— Вот точно так же, государь, можно описать стезю, ведущую к осуществлению нирваны, но нельзя указать причину порождения нирваны. Сможет ли человек, пользуясь своей природной силой, переправиться на корабле через океан и добраться до противоположного берега, государь?

— Да, почтенный.

— Но сможет ли, государь, тот же человек, пользуясь своей природной силою, перенести противоположный берег сюда?

— Нет, почтенный.

— Вот точно так же, государь, можно описать стезю, ведущую к осуществлению нирваны, но нельзя указать причину порождения нирваны, ибо это несложённая дхарма.

— Итак, нирвана несложённа, почтенный?

— Да, государь, несложённа нирвана, ничем не создана. О нирване, государь, нельзя сказать, что она ставшая, или не ставшая, или породима, или прошлая, или будущая, или нынешняя, или воспринимаема зрением, или воспринимаема слухом, или воспринимаема обонянием, или воспринимаема вкусом, или воспринимаема осязанием.

— Если, почтенный Нагасена, нирвана ни ставшая, ни не ставшая, ни породима, ни прошлая, ни будущая, ни нынешняя, ни воспринимаема зрением, ни воспринимаема слухом, ни воспринимаема обонянием, ни воспринимаема вкусом, ни воспринимаема осязанием, то тогда, почтенный Нагасена, на нирвану вы ссылаетесь как на некую не-сущую дхару. Нет нирваны.

— Есть нирвана, государь. Умом воспринимаема нирвана. Чистым, возвышенным, прямым, не корыстным, свободным от помех умом истинно-делающий арийский слушатель видит нирвану.

— Но какова нирвана, почтенный? Приведи мне какой-либо проясняющий дело пример, вразумительное обоснование, насколько вообще можно прояснить примером какую-либо сущую дхарму.

— Скажи, государь, ветер есть?

— Да, почтенный.

— Ну-ка, государь, опиши мне ветер: каковы его цвет и очертания, маленький он или большой, длинный или короткий?

— Невозможно, почтенный Нагасена, показать ветер. В руки ветер не дается, и его не пощупаешь. Но ветер таки есть.

— Если, государь, невозможно показать ветер, то ветра, стало быть, и нет.

— Я знаю, почтенный Нагасена, что есть ветер, это [знание] проникает мне в сердце, но показать ветер я не могу.

— Вот точно так же, государь, нирвана есть, но указать цвет или очертания нирваны невозможно³².

— Отлично, почтенный Нагасена. Очень наглядный пример, очень удачное обоснование. Да, это так, я с этим согласен: нирвана есть.

[Вопрос 6 (66)]

— Почтенный Нагасена, что порождено деянием, что порождено причиной, что порождено сроком, а что не порождено ни деянием, ни причиной, ни сроком?

— Все живые, одушевленные существа порождены деянием, государь; огонь и все растения порождены причиной; земля, горы, вода, ветер — все это порождено сроком³³, а пространство и нирвана не порождены ни деянием, ни причиной, ни сроком. О нирване же, государь, нельзя сказать, что она порождена деянием, или причиной, или сроком, что она ставшая, или не ставшая, или породима, или прошлая, или будущая, или нынешняя, или воспринимаема зрением, или воспринимаема слухом, или воспринимаема обонянием, или воспринимаема вкусом, или воспринимаема осязанием. Но нирвана, государь, воспринимается умом; ее видит истинно-делающий арийский слушатель своим очищенным знанием.

— Прекрасно, несомненно, однозначно разрешен отрадный вопрос, почтенный Нагасена. Пресечены противные мнения рядом с тобою, о лучший из лучших наставников!

[Вопрос 7 (67)]

— Почтенный Нагасена, есть ли на свете якши?

— Да, государь, на свете есть якши.

— А есть ли, почтенный Нагасена, смерть у этих якшей?

— Да, государь, есть смерть у якшей.

— Почему же, почтенный Нагасена, мы не видим останков дохлых якшей, да и запаха трупного не чувствуем?

— Нет, государь, мы видим останки дохлых якшей и трупный запах тоже чувствуем. Останки дохлых якшей, государь, мы видим как останки дохлых козляков, дохлых червей, дохлых муравьев, дохлых бабочек, дохлых змей, дохлых скорпионов, дохлых многоножек, дохлых птиц, дохлых зверей.

— Кто иной нашелся бы, что ответить на такой вопрос, почтенный Нагасена, как не человек с таким мощным умом, как у тебя!

[Вопрос 8 (68)]

— Почтенный Нагасена, жившие в древности наставники врачей, а именно Нарада, Дханвантари, Ангираса, Капила, Кандарагнишьяма, Атула, восточный Катьяяна³⁴ — все эти наставники раз и навсегда познали все о возникновении болезней, их причинах, природе, о выздоровлении, лечении, назначениях, показаниях и противопоказаниях — «всего тело может болеть столькими-то болезнями» — и мастерски, одним ударом покончили с этим делом: составили руководства. Все они притом не всеведущи. Почему же Татхагата, будучи всеведущ, не познал грядущего своим просветленным знанием: «По такому-то случаю придется ввести такое-то правило поведения», не подразделил все так и не ввел все правила поведения разом? Почему правила поведения он вводил для слушателей от случая к случаю, когда позор делался очевиден, проступок оказывался явным и общеизвестным, а народ роптал³⁵?

— Татхагата знал, государь, что для тогдашних людей в тогдашних условиях придется ввести полтора ста с лишним³⁶ правил поведения. Татхагата тогда так подумал: «Если я разом введу все полтора ста с лишним правил поведения, то многие поддадутся страху: „Очень уж много всего соблюдать надо! Трудно блюсти послушание в Завете шрамана Готамы!“ И хотеть пострижения будут, а не постригутся, и словам моим не поверят. Без веры же люди будут скатываться в дурные уделы. Лучше я буду вводить правила поведения от случая к случаю, когда проступок будет очевиден».

— Необычайно это у просветленных, почтенный Нагасена, чудесно это у просветленных! Сколь же велико всеведущее знание Татхагаты! Да, это так, почтенный Нагасена. Отлично преподавал Устав Татхагата. Прослышали бы люди: «Очень уж много всего соблюдать надо!» — поддались бы страху, так никто бы не принял послушания в Завете Победителя. Да, это так; я с этим согласен.

[Вопрос 9 (69)]

— Почтенный Нагасена, всегда ли солнце ярко светит или в иное время светит тускло?

— Солнце всегда светит ярко, государь, никогда не светит тускло.

— Если, почтенный Нагасена, солнце всегда светит ярко, почему же [мы видим, что] оно иногда сияет ярко, а иногда светит тускло?

— У солнца, государь, четыре недуга; подавленное одним из этих недугов, солнце светит тускло. Каковы они? Облачность есть солнечный недуг, государь; подавленное им, солнце светит

тускло. Туман есть солнечный недуг, государь; подавленное им, солнце светит тускло. Туча³⁷ есть солнечный недуг, государь; подавленное им, солнце светит тускло. Раху³⁸ есть солнечный недуг, государь; подавленное им, солнце светит тускло. Таковы, государь, четыре солнечных недуга. Подавленное одним из них, солнце светит тускло³⁹.

— Необычайно, почтенный Нагасена, чудесно, почтенный Нагасена! Даже у блистающего солнца и то могут быть недуги, что уж о прочих говорить! Никто бы это так не разложил, кроме человека с мощным умом, подобным твоему!

[Вопрос 10 (70)]

— Почтенный Нагасена, почему зимой солнце ярко светит, не так, как летом?

— Летом, государь, пыль и сор не прибиты к земле, взметенная ветром пыльца летает по воздуху, и облачность большая на небе, и часто дуют сильные ветры. Все эти разные вещи вместе преграждают путь солнечным лучам, поэтому солнце светит тускло. А зимой, государь, и земля внизу успокоилась, и тучи вверх остановились, и пыль и сор не взметаются, и пыльца тихо парит в воздухе, и небосвод покинут облаками, и ветер веет совсем слабо. Все затихает, лучи солнца очищаются, и солнце, освободившись от немочи, ярче светит своим светом.

— Да, почтенный. Свободное от всех напастей, солнце светит ярко, а когда есть тучи и прочее, оно светит не так ярко⁴⁰.
Седьмая глава [заключена].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[Вопрос 1 (71)]

— Почтенный Нагасена, все ли бодхисаттвы отдают детей и жену, или же только царь Вессантара отдал своих детей и жену¹?

— Все бодхисаттвы отдают детей и жену, государь; не один только царь Вессантара отдал своих детей и жену.

— Но были ли они согласны, почтенный, чтобы их отдали?

— Жена была согласна, государь, а детки по глупости плакали. Если бы они по-настоящему поняли, то и они бы одобрили, не стали бы жаловаться.

— Трудное же бодхисаттва дело сделал, почтенный Нагасена: родных, любимых своих деток отдал брахману в рабство. А второе и того трудного труднее: стерпел, когда родных, любимых его деток, нежных, слабеньких, связанных лианой, брахман

стегал лианой у него на глазах. А третье и того трудного труднее: когда детки его сами развязали путы и, робея, прибежали к нему, он снова связал их лианой и отдал брахману. А четвертое и того трудного труднее: когда детки его жалобно кричали: «Батюшка, это же якша, он нас съест!» — он не ободрил их и не успокоил. А пятое и того трудного труднее: когда сын его, царевич Джалий, со слезами на глазах повалился ему в ноги, умоляя его: «Батюшка, сестру Кришнаджину вороти хотя бы, пойду уж я с якшей один, пусть ест меня якша!» — он и то не согласился. А шестое и того трудного труднее: когда царевич Джалий жалобно кричал ему: «Видно, сердце у тебя, батюшка, что камень! Как же ты попускаешь, что нас, несчастных, якша уводит в дремучий, безлюдный лес!» — он не сжалился. А седьмое и того трудного труднее: когда детки его, горько плачущие, смертно тоскующие, были уведены и скрылись с глаз его, не разорвалось его сердце на сто, на тысячу частей. Как может причинять страдания другим человек, стремящийся к благу? Разве не следовало [вместо детей] отдать самого себя?

— О трудном этом деле, сделанном бодхисаттвой, добрая слава вознеслась, государь, в десяти тысячной мировой сфере среди богов и людей: в обители богов боги славили, в обители асуров асуры славили, в обители гарудов гаруды славили, в обители драконов драконы славили, в обители якшей якши славили; так, передаваясь своим чередом по наследству, дошла эта добрая слава теперь и до нынешних времен. Вот и сидим мы, рассуждаем, ославляем да охаиваем: «Хорошо он поступил, что отдал, или дурно?» А ведь эта добрая слава, государь, проявляет десять достоинств искусных, знающих, понимающих, разумных бодхисаттв, вот какие: неальчность, безуютность, отдачу, оставление, бесповоротность, тонкость, величие, труднодостижимость, редкость, несравненность Учения Просветленных. Вот такие десять достоинств искусных, знающих, понимающих, разумных бодхисаттв, государь, проявляет эта добрая слава.

— Почтенный Нагасена, если некто приносит дар, доставляя при этом другому тяготы, то будут ли от такого дара благие плоды, приведет ли он на небеса?

— Да, государь, конечно.

— Пожалуйста, почтенный Нагасена, приведи обоснование этому.

— Представь, государь, что есть некий праведный, добродетельный шраман или брахман и он расслаблен, или калека, или болен каким-то недугом. Некий желающий обрести заслуги человек доставит его в повозке туда, куда тому было нужно. Скажи, государь, придет ли к этому человеку благодаря такому поступку счастье, приведет ли такое деяние на небеса?

— Да, почтенный, конечно. Такой человек получит выездного слона, или выездного коня, или выездную колесницу, почтен-

ный; на суше он получит сухопутное средство передвижения, на воде — водное, среди богов — божественное, среди людей — человеческое; это [деяние] будет влиять на его последующие существования и проявляться в них, и блага будут к нему приходить благодаря этому. Он будет переходить из одного благого удела в другой; благодаря этому деянию он сможет взойти на колесницу сверхобычных сил и добраться до желанного града нирваны.

— Стало быть, государь, если дар принесен с доставлением тягот кому-то другому, то от такого дара будут благие плоды и он приведет на небеса, раз этот человек обретет подобное счастье, притом что доставил тяготы волам. Слушай дальше, государь, еще обоснование, каким образом от дара, принесенного с доставлением другому тягот, бывают благие плоды и он приводит на небеса. Допустим, государь, что некий царь собрал в согласии с дхармой налог с подданных, а затем повелел принести [из собранных средств] дары. Скажи, государь, придет ли к этому царю благодаря такому поступку счастье, приведет ли его этот дар на небеса?

— Да, почтенный, конечно. Благодаря такому поступку этот царь обретет многие сотни тысяч достоинств, почтенный. Он среди царей сверхцарем станет, среди небожителей сверхнебожителем станет, среди обитателей миров Брахмы сверхбрахмой станет, среди шраманов сверхшраманом станет, среди брахманов сверхбрахманом станет.

— Стало быть, государь, если дар принесен с доставлением другому тягот, то от такого дара будут благие плоды и он приведет на небеса, раз этот царь обретет подобное великое счастье и почет, притом что прижал своих подданных налогом.

— Безмерный дар, почтенный Нагасена, принес царь Вессантара. Он ведь собственную жену другому в жены отдал, родных своих детей в рабство брахману отдал! Безмерный же дар чрезмерен, почтенный Нагасена, и сведущими людьми в мире порицается, осуждается. Так же, почтенный Нагасена, как от чрезмерного груза ось у телеги лопается, от чрезмерного груза корабль тонет, от чрезмерного едения несварение делается, от чрезмерного дождя урожай гибнет, от чрезмерной щедрости богатство растрачивается, от чрезмерного жара ожог делается, от чрезмерной страсти с ума сходят, от чрезмерной ненависти преступником становятся, от чрезмерного заблуждения в беду попадают, от чрезмерной жадности ворами попадают, от чрезмерного страха в обморок падают, от чрезмерного половодья река из берегов выходит, от чрезмерного ветра молния бьет, от чрезмерного огня каша сбегает, от чрезмерных странствий долго не живут, — вот точно так же, почтенный Нагасена, безмерный дар чрезмерен и сведущими людьми в мире порицается,

осуждается. Чрезмерный дар, почтенный Нагасена, принес царь Вессантара, и не следует ожидать от этого какого-то [благого] плода.

— Безмерный дар не чрезмерен, государь, и он сведущими людьми в мире одобряется, восхваляется и превозносится; все те, кто совершает подобные дары, обретают в мире славу, как податели безмерных даров. Так же, государь, как волшебный лесной корешок благодаря своей безмерной исключительности делает человека, который держит его в руке, невидимым даже для тех, кто стоит совсем рядом; как противоядие благодаря своей безмерной действенности избавляет от мучений и кладет болезни конец; как огонь благодаря своему безмерному жару сжигает; как вода благодаря своей безмерной прохладе тушит [пожар]; как лотос благодаря своей безмерной чистоте не грязнится водою и илом; как драгоценный самоцвет благодаря безмерным достоинствам исполняет желания; как алмаз благодаря своей безмерной остроте пронзает драгоценные камни, жемчуг и хрусталь; как земля благодаря своей безмерной обширности держит на себе людей, змей, зверей и птиц, воды, скалы, горы и деревья; как океан благодаря своей безмерной обширности не переполняется; как гора Меру благодаря своей безмерной тяжести недвижна; как пространство благодаря своей безмерной протяженности бесконечно; как солнце благодаря своей безмерной яркости рассеивает мрак; как лев благодаря своему безмерному благородству бесстрашен; как борец благодаря своей безмерной силе быстро бросает [наземь] соперника; как царь благодаря своим безмерным заслугам — властелин; как монах благодаря своей безмерной нравственности заслуживает поклонения драконов, якшей, людей и духов; как Просветленный благодаря своему безмерному превосходству несравненен, — вот точно так же, государь, безмерный дар сведущими людьми в мире одобряется, восхваляется и превозносится, и все те, кто совершает подобные дары, обретают в мире славу как податели безмерных даров. Благодаря безмерному своему дару царь Вессантара в десяти тысячной мировой сфере восхваляется, превозносится, величается, почитается и прославляется, благодаря этому безмерному дару стал царь Вессантара теперь Просветленным, величайшим среди богов и людей.

Ответь мне, государь: есть ли на свете неприемлемый дар? Иначе говоря, такой, что его не следовало бы давать даже человеку, заслуживающему подношений?

— На свете есть десять даров, непризнаваемых за дары, почтенный Нагасена. Тот же, кто приносит подобные дары, попадает в дурной удел. Эти дары таковы: дар опьяняющим напитком, почтенный Нагасена, не признается на свете за дар, и тот, кто приносит подобный дар, попадает в дурной удел; дар [устроением разнузданного] празднества; дар женщиной; дар

быком; дар [двусмысленным] изображением; дар оружием; дар ядом; дар цепями; дар курами и свиньями; дар мошенническими гирями и мерками². Все такие дары на свете за дары не признаются, почтенный Нагасена, и тот, кто приносит подобные дары, попадает в дурной удел. Таковы, почтенный Нагасена, десять даров, непризнаваемых за дары. Тот, кто приносит подобные дары, попадает в дурной удел.

— Я не спрашиваю тебя, государь, о том, какой дар не признается за дар. Я вот о чем, государь, тебя спрашиваю: есть ли на свете, государь, неприемлемый дар — такой, что его не следовало бы давать даже человеку, заслуживающему подношений?

— Нет, почтенный Нагасена. Неприемлемого дара, такого, что его не следовало бы давать даже человеку, заслуживающему подношений, на свете нет. Исполнившись приязни к человеку, заслуживающему подношений, иные люди дают ему пищу, иные — одежду, иные — ночлег, иные — жилище, иные — одеяла и покрывала, иные — рабов и рабынь, иные — пахотное поле, иные — птиц и четвероногих, иные — сотню, тысячу и сотню тысяч, иные — целое царство, а иные отдают даже собственную жизнь.

— Если иные отдают даже собственную жизнь, государь, то что же ты так ополчаешься против царя Вессантары, великого подателя, правильно отдавшего своих жену и детей? Кстати, государь, есть ли на свете такое установление, такой обычай, что отец, завязший в долгах и утративший средства к существованию, вправе заложить или продать своих детей?

— Да, почтенный. Завязший в долгах и утративший средства к существованию отец вправе заложить или продать своих детей³.

— Если завязший в долгах и утративший средства к существованию отец вправе заложить или продать своих детей, государь, то так же и царь Вессантара, который не мог обрести всеведущее знание и был тем, государь, подавлен и удручен, отдал в залог и продал своих детей и жену, чтобы получить богатство Учения. Выходит, государь, что царь Вессантара сделал так, как принято делать, отдал так, как принято отдавать. Почему же царя Вессантару, великого подателя, ты так настойчиво осуждаешь, государь, за свершенный им дар?

— Я не хую, почтенный Нагасена, дар царя Вессантары, великого подателя, но дар следовало бы заменить: отдать самого себя вместо прошенных брахманом жены и детей.

— Отдавать самого себя, когда просят жену и детей, было бы невоспитанным, государь. Давать следует именно то, о чем просят; добродетельные поступают именно так. Представь, государь, что кто-то попросил попить, а ему принесли поесть. Что же, государь, разве тот, кто так сделал, поступил правильно?

— Нет, почтенный. Было бы правильно дать именно то, о чем просили.

— Вот точно так же, государь, и с царем Вессантарой: когда брахман попросил у него детей и жену, он отдал ему именно детей и жену. Но, государь, если бы брахман попросил у царя Вессантары его тело, то он не стал бы им дорожить, не стал бы себя беречь, не колебался бы, но отдал бы свое тело и не пожалел бы его. Если бы, государь, кто-то умолял царя Вессантару, великого подателя, чтобы он стал его рабом, то отдал бы царь Вессантара свое тело, не пожалел бы его и после бы в том не раскаивался. Телом царя Вессантары, государь, многие могли воспользоваться⁴. Как куском вареного мяса, государь, многие могут воспользоваться, вот точно так же, государь, и телом царя Вессантары многие могли воспользоваться. Или как плодовым деревом, государь, множество птичьих стай может воспользоваться, вот точно так же, государь, и телом царя Вессантары многие могли воспользоваться, ибо он знал, что, поступая так, достигнет истинного всепросветления. Скажем, государь, как человек, не имеющий богатства, нуждающийся в богатстве, отправившийся добывать богатство, пробирается по звериным тропам, сквозь бурелом и тростниковые заросли, ведет торговлю на суше и на море, телом, словом и умом добывает богатство, старается прилежно нажить богатство, вот точно так же, государь, и царь Вессантара, щедрый податель, не имел богатства, и ради обретения богатства просветленных, чтобы нажить драгоценность всеведущего знания, он раздавал просителям свое имение и состояние, рабов и рабынь, слонов и колесницы, не дорожил ни всем тем, что имел, ни детьми и женой, ни самим собой, взыскав лишь истинного всепросветления. Или, скажем, государь, как сановник, желая получить печать и [закрывающиеся в] печати полиумочия, все имение и состояние, что есть у него в доме, золото в монетах и слитках — все это отдает и старается прилежно добыть себе печать, — вот точно так же, государь, и царь Вессантара, щедрый податель, отдал все свое внешнее и внутреннее достояние, самое жизнь отдал другим, взыскав лишь истинного всепросветления.

Царь Вессантара, щедрый податель, так тогда подумал, государь: «Я поступил правильно, если дам брахману именно то, о чем он просит» — и отдал ему свою семью. Не потому царь Вессантара, щедрый податель, отдал свою семью брахману, что была она ему ненавистна, государь; не потому отдал семью, что видеть ее не хотел; не потому отдал семью, что она была велика и он не мог ее прокормить; не потому отдал семью, что она опостылела ему и он хотел от нее отделаться; но из любви к драгоценности всеведения, ради обретения всеведущего знания принес царь Вессантара этот щедрый, бесценный, несравненный

дар — отдал брахману своих милых, любимых, дорогих, как сама жизнь, жену и детей. Ведь есть, государь, в «Пути бодхисаттвы» изречение Блаженного, бога богов:

«Мне не были постылы ни дочь моя, ни сын,
И Мадрия-царица совсем мне не постыла,
Но дорого дается всеведущее знание.
И отдал я семью, чтоб обрести его»⁵.

Принес тогда царь Вессантара своих детей в дар, вошел к себе в шалаш, государь, и на землю повалился. От безмерной любви охватила его сильнейшая скорбь, стало у него в груди печь, воздуху ему не хватало, и горячие вздохи вырывались через широко раскрытый рот; слезы навернулись на глаза и закапали кровавыми каплями. Вот с таким страданием, государь, отдал царь Вессантара своих детей брахману в дар: только бы не свернуть с пути щедрости. Всего, государь, у царя Вессантары было два основания отдать своих детей брахману: [во-первых], так он не свернул со своего пути щедрости, [а во-вторых], деток его, которым тяжело было есть в лесу одни корешки и плоды, непременно выкупил бы из рабства дед⁶. Царь Вессантара в самом деле знал, государь, что никто не сможет превратить его детей в своих рабов, что детей его выкупит дед и что это для всех них будет выходом. Вот такие два основания были у него, чтобы отдать своих детей брахману.

К тому же, государь, царь Вессантара знал, что брахман этот уже в преклонных летах, стар, дряхл, согнут в дугу, без палки не ходит, жить ему осталось мало, заслуг у него немного и он не сможет превратить его детей в своих рабов. Сможет ли человек, пользуясь своею природной силой, взять эти столь великолепные, столь великомощные солнце с луною, положить их себе в короб или в корзину, погасить и превратить в подносы для еды?

— Нет, почтенный.

— Вот точно так же, государь, и детей царя Вессантары, подобного в этом мире солнцу и луне, никто не сможет превратить в своих рабов. Слушай дальше, государь, еще обоснование, почему никто не сможет превратить детей Вессантары в своих рабов. Скажем, государь, как драгоценный самоцвет царя-миродержца, благородный, сияющий, восьмигранный, отделанный, в четыре локтя длиной, в обхвате размером со ступицу тележного колеса, никто не сможет завернуть в тряпицу, положить к себе в корзинку и пустить на заточку ножей, будто оселок, — вот точно так же, государь, и детей царя Вессантары, подобного в этом мире драгоценному самоцвету царя-миродержца, никто не сможет превратить в своих рабов. Слушай дальше, государь, еще обоснование, почему никто не сможет превратить детей Вессантары в своих рабов. Скажем, государь, как царственного

слона Поста⁷, имеющего на теле три приметы гона, белого, устойчиво-подвижного, в восемь локтей высотой и в девять локтей в длину и в объёме, красивого и видного, никто не сможет прикрыть решетом или чашкой или загнать, как теленка, в телячий заkut и там запереть, вот точно так же, государь, и детей царя Вессантары, подобного в этом мире царственному слону Посту, никто не сможет превратить в своих рабов. Слушай дальше, государь, еще обоснование, почему никто не сможет превратить детей царя Вессантары в своих рабов. Скажем, государь, как великий океан, огромный, обширный, протяженный, глубокий, неизмеримый, труднопреодолимый, бездонный и безбрежный, никто не сможет оградить со всех сторон и превратить в свой водопой, вот точно так же, государь, и детей царя Вессантары, подобного в этом мире великому океану, никто не сможет превратить в своих рабов. Слушай дальше, государь, еще обоснование, почему никто не сможет превратить детей Вессантары в своих рабов. Скажем, государь, каков Гималай, царь среди гор, вознесшийся в небеса на высоту пятисот йоджан, протянувшийся на три тысячи йоджан в длину, увенчанный восьмьюдесятью четырьмя тысячами вершин, дает пятистам большим рекам начало и сонмам великих существ приют, хранит в себе многообразные благовония, носит убор из сотен дивных целебных растений, и, высоко вознесенный, являет собой как бы облако в поднебесье,— вот точно таков же, государь, и царь Вессантара, подобный в этом мире Гималаю, царю среди гор, и детей его никто не сможет превратить в своих рабов. Слушай дальше, государь, еще обоснование, почему никто не сможет превратить детей Вессантары в своих рабов. Скажем, государь, как большой костер, горящий на вершине высокой горы посреди непроглядного ночного мрака, виден даже в дальней дали, вот точно так же, государь, и царь Вессантара, словно большой костер, горящий на вершине горы, ясно виден даже в дальней дали, и никто не сможет превратить его детей в своих рабов. Слушай дальше, государь, еще обоснование, почему никто не сможет превратить детей Вессантары в своих рабов. Скажем, государь, когда в Гималайских горах наступает пора цветения железного дерева⁸ и ветер дует прямо с них, то благоухание цветов разносится на десять и двенадцать йоджан, вот точно так же, государь, и добрая слава царя Вессантары разнеслась на тысячи йоджан— среди богов, асуров, гарудов, гандхарвов, якшей, ракшасов, великих змиев, киннаров, в обители Индры и вплоть до обители Немалейшей⁹; и благоухание его нравственности веет повсюду, поэтому никто не сможет превратить его детей в своих рабов.

Царь Вессантара дал тогда, государь, сыну своему, царевичу Джалию, такой наказ: «Сынок! Если придет дедушка и будет предлагать брахману отступного за тебя и сестру, то ты

знай, что за тебя он должен будет заплатить тысячу нишк¹⁰ золотом, а за Кришнаджину — сто рабов, сто рабынь, сто слонов, сто коней, сто дойных коров, сто быков, сто нишк — одним словом, всего по сто. Но если дедушка прикажет, чтобы вас отобрали у брахмана даром, насильно, то вы тогда, сынок, его не слушайтесь, а подчиняйтесь по-прежнему брахману». Вот с таким наказом он и отправил сына. Потому-то, когда дед спросил царевича Джалия, сколько он стоит, тот ответил ему:

«Отец меня отдал брахману,
Сказав, что цена мне — тысяча.
А Кришнаджины юной цена —
По сотне слонов и прочего»¹¹.

— Поистине распутан вопрос, почтенный Нагасена, прорваны тенета лжемудрия, в порошок стерты наветы, изложена своя точка зрения, прояснено выражение и упорядочен смысл. Да, это так, я с этим согласен¹².

{Вопрос 2 (72)}

— Почтенный Нагасена, все ли бодхисаттвы свершают претрудный труд, или же только бодхисаттва Готама свершил претрудный труд?

— Не все бодхисаттвы, государь, берут на себя претрудный труд; лишь бодхисаттва Готама свершил претрудный труд.

— Почтенный Нагасена, если это так, то возникает отличие одних бодхисаттв от других, а этого не должно быть.

— Бодхисаттвы могут отличаться друг от друга в четырех отношениях, государь, а именно отличаться родом, отличаться временем, отличаться сроком жизни, отличаться мерой¹³. Вот в этих четырех отношениях, государь, бодхисаттвы могут отличаться один от другого. Однако, государь, все просветленные ни обликом¹⁴, ни нравственностью, ни сосредоточением, ни мудростью, ни свободой, ни знанием-видением свободы, ни четырьмя уверенностями, ни десятью силами татхагаты, ни шестью необыденными знаниями, ни четырнадцатью [присущими] просветленным знаниями, ни восемнадцатью дхармами просветленных¹⁵ друг от друга не отличаются; в том, [что касается] дхарм, [присущих] просветленным, все они друг другу тождественны.

— Почтенный Нагасена! Если в том, [что касается] дхарм, [присущих] просветленным, все они друг другу тождественны, то почему лишь бодхисаттва Готама свершил претрудный труд?

— Когда бодхисаттва свершал свой исход из мира, его знание, его просветление не были еще зрелыми, государь. Претрудный труд он взял на себя для того, чтобы дать созреть незрелому еще знанию.

— Почтенный Нагасена! Почему бодхисаттва свершил свой исход из мира, когда его знание, его просветление не были еще зрелыми? Разве не следует дать знанию сначала созреть и уже потом, при зрелом знании, свершать исход?

— Бодхисаттва увидел тогда, государь, как безобразны [спящие] женщины в женской половине его дворца¹⁶, и почувствовал раскаяние, а от этого раскаяния он стал томиться. Заметив, что он томится, некий небожитель из сонма Мары решил: «Непременно нужно отвлечь его от томления!» Он появился из воздуха перед бодхисаттвой и сказал: «Друг, достойный друг! Страхни с себя эту тоску! Через семь дней явится тебе драгоценное чудесное колесо о тысяче спиц, со ступицей, с ободом, во всех своих частях совершенное; сокровища, что таятся в земле, и те, что пребывают в пространстве, придут к тебе сами собою. Власть твоя распространится на все четыре материка вместе с двумя тысячами окружающих их островов; а еще родится у тебя больше тысячи сыновей, витязей могучего телосложения, истребителей вражеских войск. В окружении своих сыновей, обладая семью сокровищами, будешь ты править всеми четырьмя материками». И будто железная спица, добела раскаленная, огнем во все стороны пышущая, в уши ему вонзилась, вот так же, государь, и речи эти в уши бодхисаттвы вонзились. И прежде них уже тосковал он, а услышав речи того духа, он пуще прежнего задрожал, сотрясся, содрогнулся. Или словно, государь, горел жаркий, огромный костер — подбросили в него дров, и разгорелся он пуще прежнего — вот точно так же, государь, бодхисаттва и прежде уже тосковал, а услышав речи того духа, он пуще прежнего задрожал, сотрясся, содрогнулся. Или словно, государь, на землю, и прежде уже влажную, покрытую свежей зеленой травой, напивавшуюся водой, скользкую от влаги, вновь пролился ливень из тучи, и стала она скользкой пуще прежнего, вот точно так же, государь, бодхисаттва и прежде уже тосковал, а услышав речи того духа, он пуще прежнего задрожал, сотрясся, содрогнулся.

— Почтенный Нагасена, а если бы действительно явилось на седьмой день драгоценное чудесное колесо? Не повернул ли бы бодхисаттва вспять, если бы увидел это драгоценное чудесное колесо?

— Да не явилось бы, государь, на седьмой день никакое драгоценное чудесное колесо. Тот дух солгал: он лишь искушал бодхисаттву. А если бы и явилось, государь, на седьмой день драгоценное чудесное колесо, бодхисаттва не повернул бы вспять. Ибо, государь, крепко держался бодхисаттва за [мысль]: «Это невечно», крепко держался за [мысль]: «Это тяжело», крепко держался за [мысль]: «Это без самости», и привязанность в нем пришла уже к концу. Скажем, государь, из озера Приснохладного¹⁷ вода течет в Гангу-реку, из Ганги-реки

течет в великий океан, из великого океана вливается в жерло Бездны¹⁸. Так что же, государь, разве может вода, влившаяся в жерло Бездны, повернуть вспять и потечь в великий океан, из великого океана потечь в Гангу-реку, из Ганги-реки влиться обратно в озеро Приснохладное?

— Нет, почтенный.

— Вот точно так же, государь, и бодхисаттва четыре не-сметности калп и еще сто тысяч калп шел к зрелости благих [дхарм]; и вот настала его последняя жизнь, знание его созрело для просветления, через шесть лет ему предстоит стать просветленным, всеведущим, величайшей в мире личностью. Неужели, государь, бодхисаттва повернул бы вспять из-за драгоценного колеса?

— Нет, почтенный.

— Скорее, государь, вся твердь земная вверх дном станет со всеми горами и рощами, чем вспять повернет бодхисаттва, не достигнув истинного всепросветления. Скорее, государь, вода в Ганге потечет от устья к истокам, чем вспять повернет бодхисаттва, не достигнув истинного всепросветления. Скорее, государь, великий океан, безграничное вместилище вод, пересохнет, как водница в коровьем следу, чем вспять повернет бодхисаттва, не достигнув истинного всепросветления. Скорее, государь, Меру, царя среди гор, разорвет на сто и на тысячу частей, чем вспять повернет бодхисаттва, не достигнув истинного всепросветления. Скорее, государь, солнце, луна и созвездия наземь посыплются, словно комья глины, чем вспять повернет бодхисаттва, не достигнув истинного всепросветления. Скорее, государь, пространство свернется, словно циновка, чем вспять повернет бодхисаттва, не достигнув истинного всепросветления. Ведь он разорвал все цепи — вот почему это так.

— Почтенный Нагасена, какие существуют в мире цепи?

— В мире есть десять цепей, государь. Те, кто скован этими цепями, не свершают исхода, а свершив его, возвращаются вспять. Цепи эти таковы: мать есть цепь в этом мире, государь; отец есть цепь в этом мире, государь; жена есть цепь в этом мире, государь; дети есть цепь в этом мире, государь; родственники есть цепь в этом мире, государь; друзья есть цепь в этом мире, государь; богатство есть цепь в этом мире, государь; успех есть цепь в этом мире, государь; власть есть цепь в этом мире, государь; пять утех¹⁹ есть цепь в этом мире, государь. Таковы, государь, десять цепей в этом мире. Те, кто скован этими цепями, не свершают исхода, а свершив его, возвращаются вспять. И все эти десять цепей бодхисаттва разбил, прорвал, разорвал. Поэтому, государь, бодхисаттва не повернул вспять.

— Почтенный Нагасена! Если бодхисаттва свершил свой исход из мира из-за того, что услышал в своем томлении слова духа, и его знание, его просветление не были еще зрелыми, то

зачем он [все же] взял на себя претрудный труд? Разве не следовало ему в ожидании того, что знание созреет, [не морить себя голодом], а есть, как обычно?

— Десятерых в этом мире, государь, унижают, принижают, попирают, презирают, осуждают, хулят и ни во что не ставят. Они таковы: вдову, государь, в этом мире унижают, принижают, попирают, презирают, осуждают, хулят и ни во что не ставят; бессильного человека, государь; человека, не имеющего друзей и родственников, государь; обжору, государь; живущего в презренной семье человека, государь; человека, якшающегося с грешниками, государь; неимущего человека, государь; дурно воспитанного человека, государь; человека, не знающего никакого дела, государь; неумелого человека, государь, в этом мире унижают, принижают, попирают, презирают, осуждают, хулят и ни во что не ставят. Этих десяти, государь, в мире унижают, принижают, попирают, презирают, осуждают, хулят и ни во что не ставят. Бодхисаттва хорошо помнил, государь, о десяти этих поводах для пренебрежения, и представилось это ему вот как: «Мне нельзя быть не знающим дела, нельзя не владеть средствами и навлечь на себя осуждение богов и людей. Пусть я стану мастером своего дела, господином своего дела, уважающим свое дело, преданным своему делу, впрягусь в свое дело, сживусь со своим делом и неустанно буду упражняться». Вот так, государь, стремясь к тому, чтобы знание его созрело, бодхисаттва взял на себя претрудный труд.

— Почтенный Нагасена! Свершая свой претрудный труд, бодхисаттва [спустя какое-то время] сказал: «Нет, не этим суровым претрудным трудом добыюсь я поистине арийского превосходного знания-видения всех человеческих возможностей. Другая, должно быть, стезя приведет к просветлению»²⁰. Может быть, на бодхисаттву нашло в ту пору забвение истинной стези?

— Существует, государь, двадцать пять дхарм, ослабляющих мысль. Ослабленная этими дхармами мысль не может истинно сосредоточиться и прийти к истощению всяческой тяги. Дхармы эти таковы: гнев есть дхарма, ослабляющая мысль, государь, ослабленная им мысль не может истинно сосредоточиться и прийти к истощению всяческой тяги; злоба, пренебрежение к другим, ревнивое соперничество, зависть, скупость, самоподача, плутовство, упрямство, заносчивость, гордость, самомнение, тщеславие, беспечность, вялость и сон, обольщение²¹, леность, общение с грешниками, образы, звуки, запахи, вкусы, осязаемое, голод и жажда, неудовлетворенность суть дхармы, ослабляющие мысль, государь, ослабленная ими мысль не может истинно сосредоточиться и прийти к истощению всяческой тяги. Таковы, государь, эти двадцать пять дхарм, ослабляющих мысль. Ослабленная ими мысль не может истинно сосредото-

читься и прийти к истощению тяги. У бодхисаттвы же, государь, тело было изнурено голодом и жаждой, и из-за телесного изнурения мысль не могла сосредоточиться и прийти к истощению тяги. Сто тысяч калып и четыре несметности калып, государь, бодхисаттва во всех своих существованиях стремился к одному лишь постижению четырех арийских истин; неужели у бодхисаттвы могло случиться в последней его жизни забвение истинной стези, порождающей постижение? Нет, государь, у бодхисаттвы просто появилось соображение: «Другая, должно быть, стезя приведет к просветлению». Ведь еще прежде, государь, когда шакья, его отец, пахал в поле²², а сам бодхисаттва, бывший тогда месячным младенцем, лежал под гвоздичным деревом в прохладной тени, он сел, скрестил ноги, отстранил утех, отстранил неблагие дхармы, взошел на сопровождавшуюся задумыванием и продумыванием, порожденную различением, радостную и приятную первую ступень созерцания и начал на ней движение²³; тогда же он поднялся до четвертой ступени созерцания.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен. Бодхисаттва взял на себя претрудный труд, стремясь достичь зрелости знания.

[Вопрос 3 (73)]

— Почтенный Нагасена, что сильнее, что могущественнее — добро или зло?

— Добро, государь, сильнее и могущественнее зла, и не иначе.

— Я не согласен, почтенный Нагасена, с утверждением, что добро — сильнее и могущественнее зла. Встречаются ведь, почтенный Нагасена, смертоубийцы, воры, прелюбодеи, лжецы, грабители деревень, разбойники с большой дороги, мошенники и жулики. Всех их за свершенные ими грехи настигает [кара]: усекновение кистей рук, и усекновение ног по щиколотки, и усекновение и рук и ног, и усекновение ушей, и усекновение носа, и усекновение и носа и ушей, и «котелок каши», и «лысая раковина», и «зев Раху», и «горящий венчик», и «руки-факелы», и «лупленный банан», и «кожурка», и «козел на сковородке», и «тушка на крюку», и «гуляш живьем», и «строганина со щелочью», и «воротная петля», и «соломенное сиденье», и поливание кипящим маслом, и травля псами, и сажание на кол, и усекновение головы²⁴. Иные ночью нагрешат, ночью же плоды пожинают; иные ночью нагрешат, наутро плоды пожинают; иные днем нагрешат, днем же плоды пожинают; иные днем нагрешат, вечером плоды пожинают; иные через два, через три дня пожинают, но все они пожинают плоды своих деяний уже в

этой жизни. Но есть ли хоть кто-нибудь, почтенный Нагасена, кто устроил полную трапезу для одного человека или для двух, для трех, для четырех, для пяти, для десяти, для ста, для тысячи, для сотни тысяч человек, или следовал нравственности, или соблюдал обряды постного дня и уже в этой жизни добился благодаря этому богатства, почета или счастья?

— Таких людей было четверо, государь. Они приносили дары, следовали нравственности, соблюдали обряды постного дня и через это уже в земном, человеческом теле удостоились почестей во граде Тридцати Трех.

— Кто же они, почтенный?

— Царь Мандхатар, царь Ними, царь Садхина и музыкант Гуттила²⁵, государь.

— Почтенный Нагасена, это все минуло много тысяч жизней тому назад. Ни ты, ни я тому не были свидетели. Если ты можешь, то назови что-нибудь современное, случившееся при жизни Блаженного.

— Есть и современное, государь. Раб Пурнака подал однажды поесть тхере Шарипутре, и в тот же день сделался купцом-казначеем; с тех пор его так и зовут купцом Пурнакой. [Будущая] царица, мать Гопалы, продала свои волосы, чтобы на вырученные восемь каршапан²⁶ накормить тхеру Большого Катьяну вместе с семью монахами, и в тот же день стала главной супругой царя Удаяны. Мирянка Суприя срезала мясо с собственного бедра, чтобы приготовить мясную похлебку больному монаху, и на следующий же день рана ее срослась, зарубцевалась, и она поправилась. [Будущая] царица Маллика подала Блаженному вчерашней рисовой каши²⁷ и в тот же день стала главной супругой царя кошальского. Цветочник Суманас поднес Блаженному в знак почитания его восемь горстей цветов жасмина и в тот же день достиг великого преуспевания. Брахман Экашатака²⁸ поднес Блаженному в знак почитания [единственную свою] одежду и в тот же день получил восьмикратно-восьмерной²⁹ дар. Все они, государь, обрели богатство и почести уже в этой жизни.

— Почтенный Нагасена, после всех разысканий и исследований ты обнаружил только их шестерых?

— Да, государь.

— Стало быть, почтенный Нагасена, зло сильнее и могущественнее добра, и не иначе. Я ведь, почтенный Нагасена, ежедневно вижу: то десять человек на кол посажено вследствие совершенных ими греховных деяний, то двадцать, то тридцать, то сорок, то пятьдесят человек, то сто человек, то тысяча человек на кол посажены вследствие совершенных ими греховных деяний. Когда-то, почтенный Нагасена, служил царствующему дому Нандов некий Бхадрашала, потомственный полководец. Он дал сражение царю Чандрагупте³⁰. В этом сражении, почтен-

ный Нагасена, убитых было с обеих сторон на восемьдесят плясок безглавой смерти. Считается якобы, что, когда свершено одно «[великое] заклятие голов», безглавые тела встают [и пляшут на поле брани]³¹. И все те, кто нашел там свой конец, погибли только вследствие свершенных ими греховных деяний. Вот на этом основании я и говорю, почтенный Нагасена, что именно зло сильнее и могущественнее добра, и не иначе. Известно ли тебе, почтенный Нагасена, что за все время, как существует Учение нынешнего Просветленного, дар, принесенный царем кошальским, был беспримерен?

— Да, государь, известно.

— И что же, почтенный Нагасена, пришло разве к царю кошальскому уже в этой жизни богатство, почет или счастье оттого, что он принес такой беспримерный дар?

— Нет, государь.

— Почтенный Нагасена! Если даже царь кошальский, принеся такой беспримерный дар, не получил от него в этой жизни ни богатства, ни почета, ни счастья, то, стало быть, почтенный Нагасена, именно зло сильнее и могущественнее, чем добро, и не иначе.

— Зло по своей скудости созревает быстро, государь, а добро благодаря своей возвышенности созревает долгое время. В этом можно удостовериться через сравнение, государь. Скажем, государь, в западной стране есть разновидность злака, называемая «белыми метелками»³². Ее уже через месяц жнут и складывают в амбары³³, рис же созревает пять-шесть месяцев. Откуда же такое различие, государь? В чем разница между «белыми метелками» и рисом?

— Дело в скудости «белых метелок», почтенный, и в обильности риса. Ведь рис достоин царского стола, это царская еда, почтенный Нагасена, а «белые метелки» — это еда рабов да батраков.

— Вот точно так же, государь, зло по своей скудости созревает быстро, а добро благодаря своей возвышенности созревает долгое время.

— Почтенный Нагасена! То, что быстрее созревает, — то и будет на свете сильным и могущественным. Значит, зло сильнее и могущественнее добра, и никак иначе. Например, почтенный Нагасена, тот воин из числа участвующих в ожесточенном сражении, кто быстрее других схватит противника под мышки и притащит его к своему командиру, — тот воин среди прочих и будет удалой молодец; или тот хирург, который быстро извлечет стрелу и заживит рану, — тот хирург и будет умелым; или тот счетчик, который быстро-быстро сосчитает и покажет, что получилось, — тот счетчик и будет умелым; или тот борец, который быстро поднимет соперника и положит его на лопатки, — тот борец и будет удалой молодец. Вот точно так же, почтенный На-

гасена, то, что быстрее созревает — благо это или зло, — то и будет на свете сильным и могущественным.

— [Плоды] и тех и других деяний, государь, дают себя знать лишь в будущих существованиях, однако [плоды] зла из-за предосудительности его дают себя знать также и немедленно, в той же жизни. Древними кшатриями, государь, положен был такой закон: тот, кто совершает смертоубийство, должен понести кару, также тот, кто крадет чужое, кто входит к чужой жене, кто лжет, кто грабит деревни, кто разбойничает на большой дороге, кто занимается мошенничеством и жульничеством. Все они должны понести кару, они заслуживают телесного наказания, увечия, ломания рук и ног, смертной казни. Потому [правители] судят, рядят и приговаривают их к пене, к телесному наказанию, к увечию, к переламыванию рук и ног, к смертной казни. Но разве, государь, был кем-нибудь положен такой закон: тому, кто приносит дары, блюдет нравственность, соблюдает обряды постного дня, — тому следует давать награду или оказывать почести? Разве [правители] и здесь судят и рядят и присуждают [таким людям] награды и почести, как вору за его деяния — увечие и тюрьму?

— Нет, почтенный.

— Если бы, государь, и подателей судили, разбирали и присуждали им награды и почести, то тогда и благо давало бы себя знать уже в этой жизни. Но раз уж, государь, подателей даров не судят, не присуждают им наград и почестей, то потому благо не дает себя знать в этой жизни. Таково основание, государь, почему зло дает себя знать уже в этой жизни, но в следующих жизнях именно [плоды благих деяний] проявляют себя сильнее и могущественнее.

— Отлично, почтенный Нагасена. Нелегко было бы распутать этот вопрос без человека с мощным разумом, подобным твоему. Мирское, почтенный Нагасена, сверхмирским объяснилось.

[Вопрос 4 (74)]

— Почтенный Нагасена, податели даров предназначают их часто умершим предкам: «Пусть это достанется им». Но получают ли [умершие предки] что-либо из плодов этого деяния?

— Одни получают, государь, другие не получают.

— Кто получает, почтенный, и кто не получает?

— Угодившие в преисподнюю не получают, государь, попавшие на небеса не получают, родившиеся животными не получают. Из четырех видов претов три вида тоже не получают. Это блевотоеды, гладо-жаждущие и неутолимо-жаждущие³⁴. Получают преты, живущие чужим доброхотством³⁵, да и то, если о них помнят.

— Стало быть, почтенный Нагасена, дары этих подателей на ветер брошены, бесплодны. Ведь те, ради кого принесены [эти дары], не получают их.

— Нет, государь, эти дары нетщетны и небесплодны. Плоды их возвращаются к самим подателям.

— Раз так, почтенный Нагасена, то приведи мне вразумительное обоснование.

— Например, государь, люди наготовили рыбы, мяса, вина, рису, пирогов и пошли в гости к родственникам, а родственники не захотели у них брать этот гостинец. Разве из этого выходит, что гостинец брошен на ветер и пропал?

— Нет, почтенный, он своим хозяевам достанется.

— Вот точно так же, государь, плоды этих даров возвращаются к самим подателям. Или представь, государь, что некто полез в пещеру и оказалось, что прохода вперед нет. Как он выйдет?

— Как вошел, так и выйдет, почтенный.

— Вот точно так же, государь, плоды этих даров возвращаются к самим подателям.

— Хорошо, почтенный Нагасена. Это так, я с этим согласен. Плоды этих даров возвращаются к самим подателям. Мы этого не оспариваем. Почтенный Нагасена! Если принесенный подателями дар достается умершим предкам и они получают его плод, то что будет, если какой-то лютый, кровожадный смертоубивец свершит с коварным умыслом лихое дело, поубивает людей и предназначит это умершим предкам: «Пусть плоды этого моего деяния достанутся умершим предкам»³⁶. Достанутся ли такие плоды умершим предкам?

— Нет, государь.

— Почтенный Нагасена! Какова причина, каково основание того, что благо им достается, а зло не достается?

— Так нельзя задавать вопрос, государь. Не думай, государь, что можно спросить о чем угодно, лишь бы было кому отвечать. Что же ты не спросишь, государь, почему пространство безопорно, или почему Ганга не течет от устья к истокам, или почему у людей и птиц две ноги, а у зверей — четыре?

— Я не затем спрашиваю, почтенный Нагасена, чтобы попусту надоедать; я спрашиваю, чтобы избавиться от сомнений. На свете есть множество людей, все понимающих криво и видящих превратно. Нельзя им оставлять лазейку, вот поэтому я и спрашиваю.

— Невозможно, государь, поделиться греховным деянием с тем, кто не совершал его и не одобрял. Скажем, государь, люди строят водопроводы и проводят воду на далекие расстояния, но разве возможно сделать провод для камней, горной скальной породы и провести их куда хочешь?

— Нет, почтенный.

— Вот точно так же, государь, благо поделиться можно, злом же поделиться невозможно. Или, скажем, государь, можно изготовить масляный светильник, но разве можно, государь, изготовить водяной светильник?

— Нет, почтенный.

— Вот точно так же, государь, благо поделиться можно, злом же поделиться невозможно. Или, скажем, государь, земледельцы отводят на поле воду из водоема и выращивают рис. Но разве возможно, государь, отвести на поле воду из великого океана и также вырастить рис?

— Нет, почтенный.

— Вот точно так же, государь, благо поделиться можно, злом же поделиться невозможно.

— Почтенный Нагасена, почему благо поделиться можно, а злом поделиться невозможно? Приведи мне обоснование. Право, я не слепой, смогу понять, что ты скажешь.

— Зло малó, государь, а благо велико. Оттого что зло малó, оно тратится только на того, кто его содеял; а благо, оттого что оно велико, распространяется на весь мир с богами.

— Приведи пример.

— Представь, государь, что на землю упала капелька воды. Растечется ли эта капелька, государь, на десять или на двенадцать йоджан вокруг?

— Нет, почтенный. Куда капелька упала, там она и потратится.

— Почему же, государь?

— Потому что воды в капельке мало, почтенный.

— Вот точно так же, государь, зло малó, и, оттого что оно малó, оно тратится только на того, кто его содеял, и поделиться им невозможно. А теперь представь, государь, что из огромной тучи пролился ливень и насытил землю влагою. Не растечется ли, государь, эта дождевая вода повсюду в округе?

— Да, почтенный. Дождевая вода наполнит ямы, пруды, ручьи, рукава, пещеры, расщелины, озера, водоемы, колодцы и старицы и разольется кругом на десять и на двенадцать йоджан.

— Почему, государь?

— Потому что ливень был большой, почтенный.

— Вот точно так же, государь, благо велико, и, оттого что оно велико, им можно поделиться с богами и людьми.

— Почтенный Нагасена, почему зло малó, а благо велико?

— Если кто-то приносит дары, следует нравственности, соблюдает постные дни, то ему, государь, от того приятно-приятно, отраднó-преотраднó; человек веселеет, мысли его проясняются, является воодушевление; все чаще приходит к нему радость, а у того, кто радуется, благо возрастает все больше и больше. Это, государь, как в колодце, полном ключевой воды, где с одной стороны вода притекает, а с другой вытекает; то,

что вытекло, постоянно пополняется, и вода не может иссякнуть. Вот точно так же, государь, благо возрастает все больше и больше. Даже если бы человек сто лет раздавал [другим] все то благо, что он сделал, государь, и то все розданное им благо лишь возрастало бы больше и больше³⁷. Этим благом можно поделиться со всеми, с кем хочешь. Вот обоснование, государь, почему благо столь велико.

Тот же, государь, кто свершает зло, потом раскаивается, а мысль раскаявшегося скорчивается, съеживается, сворачивается, не простирается, скорбит, печалится, тает, чахнет, не возрастает, тут же и растрачивается. Как в пересыхающей реке, государь, теряющейся в песчаных отмелях, излучинах и поворотах, луках и излуках, извивах и изгибах, тот скудный поток воды, что течет с верховьев, тает, чахнет, не пополняется, там же растрачивается, вот точно так же, государь, мысль того, кто свершает зло, скорчивается, съеживается, сворачивается, не простирается, скорбит, печалится, тает, чахнет, не возрастает, тут же и растрачивается. Вот обоснование, государь, почему зло малó.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 5 (75)]

— Почтенный Нагасена! Мужчины и женщины видят на этом свете во снах всякое: благое и греховное, виданное и невиданное, бывалое и небывалое, страшное и нестрашное, далекое и близкое, видят многие тысячи разнообразных вещей. Что же такое сон и кто его видит?

— Сон, государь, есть знамение³⁸, попадающее в поле сознания³⁹. Сны видят в шести случаях, государь: страдающий расстройством ветров видит сны; страдающий расстройством желчи видит сны; страдающий расстройством слизи видит сны⁴⁰; по наваждению от духов видят сны; оттого что постоянно с чем-то сталкиваются, видят [об этом] сны; по вещему знамению видят сны. Из всех них, государь, лишь сон от вещего знамения истинен, а прочие — ложны.

— Почтенный Нагасена, если некто по вещему знамению видит сон, [то как это происходит]: само ли его сознание идет и выбирает это знамение, или же знамение приходит в поле сознания, или же кто-то другой приходит и объявляет ему?

— Само сознание не идет и не выбирает знамение, государь, и никто иной не приходит и не объявляет ему, но само знамение попадает в поле сознания. Скажем, государь, зеркало не идет само и не выбирает себе изображение, и никто иной не приводит изображение и не устанавливает его в зеркале, одна-

ко оттуда или отсюда приходит изображение и попадает в поле зеркала. Вот точно так же, государь, само сознание не идет и не выбирает знание, и никто иной не приходит и не объявляет ему, но само знание попадает в поле сознания.

— Почтенный Нагасена, если некое сознание видит сон, то знает ли это сознание, что именно он принесет: будет ли это радостным или страшным?

— Нет, государь, само сознание не знает, что он принесет и будет ли это радостным или страшным. Но когда явилось знание, рассказывают другим, а те разъясняют, что это значит.

— Пожалуйста, почтенный Нагасена, поясни это.

— Например, государь, на теле появляются иногда пятна, бородавки и высыпания, [предвещая собою] прибыль и убыль, честь и бесчестье, хулу и хвалу, счастье и злосчастье⁴¹. Разве знают, государь, сами эти пятна и бородавки, что именно они должны произвести?

— Нет, почтенный. Если уж случилось такое, что вскочили бородавки, то на эти бородавки должны посмотреть толкователи знамений и сказать, какие последствия от этого будут.

— Вот точно так же, государь, если некое сознание видит сон, то само это сознание не знает, что именно он принесет и будет ли это радостным или страшным. Но когда явилось знание, рассказывают его другим, а те разъясняют, что это значит.

— Почтенный Нагасена, спит или бодрствует тот, кто видит сновидение?

— Тот, кто видит сновидение, государь, не спит и не бодрствует. Он видит сновидение в том промежуточном [состоянии], когда наступает сон, но вхождение в бессознательное⁴² еще не произошло. У того, кто крепко заснул, государь, сознание вступило в поток бессознательного. В потоке бессознательного сознание не работает, неработающее сознание не различает приятного и неприятного, а если нет распознавания, то нет и сновидения. Сновидение можно видеть тогда, когда сознание работает. Например, государь, в беспросветной, непроглядной темноте даже в самом чистом зеркале не видно никакого изображения. Вот точно так же, государь, если человек крепко заснул и сознание вступило в поток бессознательного, то, хотя тело и продолжает существовать, сознание его не работает, а раз сознание не работает, то сновидение увидеть невозможно. Здесь, государь, зеркалу следует уподоблять тело, темноте уподоблять сон, свету уподоблять сознание. Или, например, государь, когда стоит туман, то солнечного сияния не видно. Солнечные лучи не исчезли, но они не достигают [земли], а раз солнечные лучи не достигают [земли], то ясного света нет. Вот точно так же, государь, если человек крепко заснул и сознание вступило в

поток бессознательного, то, хотя тело и продолжает существовать, сознание его не работает, а раз сознание не работает, сновидение увидеть невозможно. Здесь, государь, солнцу следует уподоблять тело, туману уподоблять сон, солнечным лучам уподоблять сознание.

В двух случаях, государь, сознание не работает, хотя тело сохранно: у того, кто крепко заснул и вошел в поток бессознательного, сознание не работает, хотя тело сохранно; и у того, кто вошел в [йогическое] торможение⁴³, сознание не работает, хотя тело сохранно. Во время бодрствования, государь, сознание подвижно, открыто, обыденно, безудержно, и в поле такого сознания знамение не попадает. Скажем, государь, как открытого, обыденного, бездеятельного, нетающего человека избегают те, кому нужно сохранить тайну, вот точно так же, государь, вещиные смыслы не попадают в поле бодрствующего сознания, а потому бодрствующий не видит снов. Или, скажем, государь, если монах себя не блюдет, дурно себя ведет, якшается с грешниками, преступает нравственность, нерадив и разболтан, то благие просветительные дхармы не попадают в поле его сознания, вот точно так же, государь, вещиные смыслы не попадают в поле бодрствующего сознания, а потому бодрствующий не видит снов.

— Почтенный Нагасена, есть ли у сна начало, середина и полнота?

— Да, государь, есть начало сна, есть середина сна, есть полнота сна.

— Каково начало, какова середина, какова полнота?

— Начало сна, государь, есть телесная скованность, оболакивание, слабость, вялость и нерабочее состояние тела. Когда [на человека] находит обезьянья дрема и он бодрствует [и спит] попеременно, это середина сна. Нахождение в потоке бессознательного есть его полнота. Представь, государь, что некий подвижник с сосредоточенной мыслью, с неколебимым разумом, твердый в дхарме углубляется в лес, далекий от суетного шума, и размышляет там о тонких предметах. Он там вовсе не спит, но сосредоточенной, нацеленной мыслью постигает тонкие предметы [своих раздумий]. Вот точно так же, государь, сновидение видит тот, кто не вполне еще заснул и [наполовину] бодрствует, кто вошел в обезьянью дрему, находится в состоянии обезьяньей дремы. Здесь, государь, суетному шуму следует уподоблять [настоящее] бодрствование, безлюдному лесу уподоблять состояние обезьяньей дремы; как подвижник, оставив позади себя суетный шум и не поддаваясь сну, находится в среднем состоянии и в нем постигает тонкие предметы [своих раздумий], вот точно так же сновидение видит тот, кто [как бы] бодрствует, не заснул еще вполне и находится в состоянии обезьяньей дремы.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 6 (76)]

— Почтенный Нагасена! Все ли, когда умирают, умирают в свой срок, или же умирают и до срока?

— Бывает и в свой срок смерть, государь, бывает и смерть до срока.

— Кто же умирает в свой срок, почтенный Нагасена, а кто умирает до срока?

— Ты когда-либо видел, государь, как с мангового дерева, или с гвоздичного дерева, или с иного плодового дерева падают и спелые и зеленые плоды?

— Да, почтенный.

— Скажи, государь: все ли плоды из тех, что так падают, падают в свой срок, или же есть и такие, что падают до срока?

— Те плоды, что вполне созрели и размягчились,— те, почтенный Нагасена, все падают в свой срок. Из прочих же плодов иные падают, изъеденные червями, иные падают, сшибленные палкой, иные падают, сорванные ветром, иные падают, прогнив изнутри. Все они падают до срока.

— Вот точно так же, государь, в свой срок умирают лишь те, кого подкосила неодолимая старость. Из прочих же иные умирают сломленные [прошлым] деянием, иные умирают, сломленные судьбой, иные умирают, сломленные обстоятельствами.

— Нет, почтенный Нагасена, все умирают в свой срок: и те, что умирают, сломленные [прошлым] деянием, и те, что умирают, сломленные судьбой, и те, что умирают, сломленные обстоятельствами, и те, что умирают, сломленные неодолимой старостью. Умер кто-то в материнской утробе,— значит, это и был его срок; умер кто-то в родильном доме,— значит, это и был его срок; умер кто-то в месячном возрасте,— значит, это и был его срок; умер кто-то ста лет от роду,— значит, это и был его срок. Одним словом, почтенный Нагасена, прежде своей смерти не умрешь. Кто бы ни умирал, все умирают в свой срок.

— В семи случаях, государь, люди умирают до срока, но могли бы еще жить. Вот в каких [случаях]: голодающий, если он не раздобудет еды, до срока умирает от внутреннего истощения, но мог бы еще жить, государь; обезвоженный, если он не раздобудет питья, до срока умирает от иссушения сердца, но мог бы еще жить, государь; укушенный змеею, если не раздобудет врача, до срока умирает от губительного действия яда, но мог бы еще жить, государь; проглотивший отраву, от которой все тело терзаемо болью, умирает до срока, если не раздобудет противоядия, но мог бы еще жить, государь; попавший в огонь и

сжигаемый им умирает до срока, если не потушить огонь, но мог бы еще жить, государь; попавший в воду и не имеющий опоры умирает до срока, не мог бы еще жить, государь; человек, порубленный мечом, умирает до срока, если не раздобудет хирурга, но мог бы еще жить, государь. Таковы семь случаев, государь, когда умирают до срока и могли бы еще жить. Все это, государь, я рассматриваю вместе, как одно. Смерть живого существа, государь, может произойти от одной из восьми причин: от расстройства [жизненных] ветров, от расстройства желчи, от расстройства слизи, от одновременного их расстройства, от перемены погоды, от неправильного образа жизни, от внешнего повреждения и вследствие деяния. Вот от этих причин, государь, может произойти смерть живого существа. Из всего этого, государь, лишь смерть вследствие деяния есть смерть уместная, а прочие виды смерти — неуместны. Об этом сказано:

«От истощенья и от жажды,
Змеей укушенный, от яду,
В огне, в воде и от оружия
До срока с жизнью расстанутся.
От ветров, желчи и от слизи,
От всех их вместе, от погоды,
От ран, от нездоровой жизни
До срока с жизнью расстанутся».

Однако иной раз, государь, существа умирают вследствие свершенных ими прежде тех или иных злых деяний [от тех самых причин, что я назвал]. Например, государь, если некто прежде убивал других голодом, то многие сотни тысяч лет он будет мучиться голодом, будет тощим, изможденным, иссохшим-пересохшим, чахлым и снедаемым изнутри, с сердцем сухим и увядшим, и умирать он будет от голода и молодым, и в средних летах, и в старости, и это для него уместная смерть. Если некто прежде убивал других жаждой, то многие сотни тысяч лет он будет неукротимо-жаждущим претом, худым, заскорузлым, с иссохшим сердцем и умирать будет от жажды и молодым, и в средних летах, и в старости, и это для него уместная смерть. Если некто прежде убивал других, натравливая на них ядовитых змей, то много сотен тысяч лет его будет бросать из колец одного удава в кольца другого, из пасти одной кобры в пасть другой, и он будет умирать, пожранный удавом и укушенный змеею и молодым, и в средних летах, и в старости, и это для него уместная смерть. Если некто прежде убивал других отравой, то многие сотни тысяч лет он будет терзаем болью во всех частях тела, тело его будет разлагаться, заживо смердя трупной гнилью, и он будет умирать от отравы и молодым, и в средних летах, и в старости, и это для него уместная смерть. Если некто прежде убивал других, сжигая их огнем, то многие

сотни тысяч лет он с одной огненной горы будет падать на другую огненную гору, из одной юдоли Ямы в другую юдоль Ямы и, с телом сожженным и испепеленным, будет умирать в огне и молодым, и в средних летах, и в старости, и это для него уместная смерть. Если некто прежде убивал других, топя их в воде, то многие сотни тысяч лет он, избитый, ограбленный, изломанный, обессилевший телесно и в душевном смятении, будет тонуть и умирать в воде и молодым, и в средних летах, и в старости, и это для него уместная смерть. Если некто прежде убивал других мечом, то многие сотни тысяч лет он, рассеченный, порубленный, измолотый-перемолотый, будет падать под ударами меча и умирать от меча и молодым, и в средних летах, и в старости, и это для него уместная смерть⁴⁴.

— Почтенный Нагасена, ты сказал, что есть смерть до срока. Пожалуйста, поясни мне это подробнее.

— Представь, государь, что горел огромный костер из сена, хвороста, поленьев и сухой листвы; затем дрова прогорели, топливо пришло к концу, и он потух. О таком костре говорят, что он потух в свое время, без внешнего вмешательства и принуждения. Вот точно так же, государь, если кто-то прожил многие тысячи дней, состарился, истощил жизненные силы и умер без внешнего вмешательства и принуждения, то о таком говорят, что он дожил до смерти в свое время. А теперь представь себе, государь, что горел такой же огромный костер из сена, хвороста, поленьев и сухой листвы, и не успели еще прогореть сено, хворост, поленья и сухая листва, как из тучи пролился сильнейший ливень и потушил его. Скажи, государь, разве этот костер в свое время потух?

— Нет, почтенный.

— Почему же, государь, со вторым костром не произошло все в точности так же, как с первым костром?

— Горению этого костра воспрепятствовал случайный дождь, почтенный, и он потух до своего времени.

— Вот точно так же, государь, жизни того, кто умирает до срока, препятствует случайный недуг, и он умирает от расстройства [жизненных] ветров, или от расстройства слизи, или от расстройства желчи, или от одновременного их расстройства, или от перемены погоды, или от неправильного образа жизни, или от внешнего повреждения, или от голода, или от жажды, или от змеяного укуса, или от отравы, или в огне, или в воде, или от оружия — умирает до срока. Вот пояснение, государь, почему есть смерть до срока.

Или представь, государь, что на небе появилось мощное облако и излилось дождем, заливая холмы и низины. О такой туче говорят, что она пролилась без внешнего вмешательства и принуждения. Вот точно так же, государь, если кто-то много прожил, состарился, одряхлел и умер без внешнего вмешатель-

ства и принуждения, то о таком говорят, что он дожил до смерти в свое время. А теперь представь, государь, что на небе появилось такое же мощное облако, но поднявшийся сильный ветер разогнал его. Скажи, государь, разве это облако в свое время пропало?

— Нет, почтенный.

— Почему же, государь, со вторым облаком не произошло все в точности так же, как с первым облаком?

— Этому облаку воспрепятствовал случайный ветер, оно не дождалось своего времени и пропало, почтенный.

— Вот точно так же, государь, жизни того, кто умирает до срока, препятствует случайный недуг, и он умирает от расстройства [жизненных] ветров (——) или от оружия — умирает до срока. Вот пояснение, государь, почему есть смерть до срока.

Или представь, государь, что человека укусила матерая разозленная кобра и яд ее без внешнего вмешательства и принуждения вызвал его смерть. О таком яде говорят, что он без внешнего вмешательства и принуждения подействовал до самого конца. Вот точно так же, государь, если кто-то много прожил, состарился, одряхлел и умер без внешнего вмешательства и принуждения, то о таком говорят, что он дожил до смерти в свое время. А теперь представь себе, государь, что человеку, укушенному такою же змеей, заклинатель змей тут же даст противоядие и обезвредит яд. Скажи, государь, разве этот яд в свою пору пропал?

— Нет, почтенный.

— Почему же, государь, со вторым ядом не произошло все в точности так же, как с первым?

— Этому яду случайно воспрепятствовало противоядие, почтенный, поэтому он не подействовал до конца и пропал.

— Вот точно так же, государь, жизни того, кто умирает до срока, препятствует случайный недуг, и он умирает от расстройства [жизненных] ветров (——) или от оружия — умирает до срока. Вот пояснение, государь, почему бывает смерть до срока.

Или представь себе, государь, что стрелок выстрелил из лука и стрела его пролетела весь путь, все возможное расстояние до самого конца. О такой стреле говорят, что она без внешнего вмешательства и принуждения пролетела весь путь, все возможное расстояние до самого конца. Вот точно так же, государь, если кто-то много прожил, состарился, одряхлел и умер без внешнего вмешательства и принуждения, то о таком говорят, что он дожил до смерти в свое время. А теперь представь, государь, что стрелок выстрелил из лука, но кто-то тут же схватил стрелу на лету. Скажи, государь, разве эта стрела тоже пролетит весь путь, все возможное расстояние до самого конца?

— Нет, почтенный.

— Почему же, государь, со второй стрелой не произошло все в точности так же, как с первой стрелой?

— Случайно полет этой стрелы был прерван, почтенный, ибо ее перехватили.

— Вот точно так же, государь, жизни того, кто умирает до срока, препятствует случайный недуг, и он умирает от расстройства [жизненных] ветров (——) или от оружия — умирает до срока. Вот пояснение, государь, почему бывает смерть до срока.

Или представь себе, государь, что кто-то ударил в медное блюдо. Ударом был произведен звук, который распространился на все возможное расстояние до самого предела. О таком звуке говорят, что он без внешнего вмешательства и принуждения распространился на все возможное расстояние до самого предела. Вот точно так же, государь, если кто-то прожил много тысяч дней, состарился и умер без внешнего вмешательства и принуждения, то о таком говорят, что он дожил до смерти в свое время. А теперь представь себе, государь, что кто-то опять ударил в медное блюдо. Ударом был произведен звук, и только начал звучать, как кто-то прикоснулся к блюду рукой, и от этого прикосновения звук пропал. Скажи, государь, разве этот звук тоже распространился на все возможное расстояние до самого предела?

— Нет, почтенный.

— Почему же, государь, со вторым звуком не произошло все в точности так же, как с первым звуком?

— Случайным прикосновением этот звук был прекращен, почтенный.

— Вот точно так же, государь, жизни того, кто умирает до срока, препятствует случайный недуг, и он умирает от расстройства [жизненных] ветров (——) или от оружия — умирает до срока. Вот пояснение, государь, почему бывает смерть до срока.

Или, скажем, государь, если на поле дружно взошли всходы хлебов и дождя выпадает столько, сколько им нужно, то они пышно, обильно, изобильно заколосятся и в свою пору созреют для жатвы. О таких хлебах говорят, что они без внешнего вмешательства и принуждения дождались своей поры. Вот точно так же, государь, если кто-то прожил много тысяч дней, состарился и умер без внешнего вмешательства и принуждения, то о таком говорят, что он дожил до смерти в свое время. А теперь представь, государь, что на поле дружно взошли всходы хлебов, но потом от недостатка воды засохли. Скажи, государь, разве эти хлеба дождались своей поры?

— Нет, почтенный.

— Почему же, государь, со вторыми хлебами не произошло все в точности так же, как с первыми хлебами?

— Случайная судьба воспрепятствовала росту этих хлебов, почтенный, и они засохли.

— Вот точно так же, государь, жизни того, кто умирает до срока, препятствует случайный недуг, и он умирает от расстройства [жизненных] ветров (——) или от оружия — умирает до срока. Вот пояснение, государь, почему бывает смерть до срока.

Ты слышал когда-либо, государь, что на прекрасных молодых хлебах появляются иногда вредители и все уничтожают под корень?

— Да, почтенный. Слыхали мы такое, да и сами видели.

— И что же, государь, в свой срок пропадают тогда хлеба или пропадают до срока?

— До срока, почтенный. Если бы эти хлеба не были пожраны вредителями, они бы в свою пору созрели для жатвы.

— Не правда ли, государь, что хлеба эти гибнут из-за нанесенного им ущерба, а если бы его не было, то они в свою пору созрели бы для жатвы?

— Да, почтенный.

— Вот точно так же, государь, жизни того, кто умирает до срока, препятствует случайный недуг, и он умирает от расстройства [жизненных] ветров (——) или от оружия — умирает до срока. Вот пояснение, государь, почему бывает смерть до срока.

— Ты когда-либо слышал, государь, что если в пору колошения, когда хлеба склоняются под тяжестью колосьев, выпадает особый вид дождя, называемый градом, то зерно гибнет и урожай пропадает?

— Да, почтенный. Слыхали мы такое, да и видали.

— И что же, государь, в свой срок пропадают тогда хлеба или пропадают до срока?

— До срока, почтенный. Если бы эти хлеба не были побиты градом, почтенный, они бы в свою пору созрели для жатвы.

— Не правда ли, государь, что хлеба эти гибнут из-за бедствия, а если бы бедствия не было, то они бы в свою пору созрели для жатвы?

— Да, почтенный.

— Вот точно так же, государь, жизни того, кто умирает до срока, препятствует случайный недуг, и он умирает от расстройства [жизненных] ветров (——) или от оружия — умирает до срока. А если бы его жизни не воспрепятствовала случайная болезнь, он дожил бы до смерти в свой срок. Вот пояснение, государь, почему бывает смерть до срока.

— Чудесно, почтенный Нагасена! Необычайно, почтенный Нагасена! Прекрасные даны пояснения, прекрасные даны примеры, истолковывающие смерть до срока! Действительно, бывает смерть до срока. Это теперь стало отчетливо ясным, понятным и очевидным. Любой из твоих примеров, почтенный Нагасена, даже человека бездумного и рассеянного вполне убедил

бы в том, что действительно бывает смерть до срока, а понятливого человека — и тем более. Я уже после первого твоего примера, почтенный Нагасена, удостоверился в том, что бывает смерть до срока, но мне хотелось послушать еще и еще, потому я и не соглашался.

[Вопрос 7 (77)]

— Почтенный Нагасена, у всех ли чайтий [с мощами] упокоившихся [в нирване] бывают чудеса, или же только у некоторых бывают чудеса?

— У некоторых бывают, государь, у некоторых не бывают.

— У каких бывают, почтенный, и у каких не бывают?

— Чудеса у чайтии упокоившегося бывают, государь, в трех случаях силою твердой решимости. Вот в каких случаях: во-первых, государь, сам святой из милосердия к богам и людям еще при жизни твердо решает: «Пусть у [моей будущей] чайтии будут такие-то чудеса». Так у чайтии упокоившегося случаются чудеса силою решимости самого святого. Далее, государь, некое божество из милосердия к людям может являть чудеса у чайтии упокоившегося: «Пусть это чудо всегда будет поддержкой для истого Учения; пусть люди, исполненные приязни [к Учению], пестуют благо!» Так у чайтии упокоившегося случаются чудеса силою решимости божеств. Далее, государь, если женщина или мужчина, полные веры и приязни [к Учению], умные, способные, одаренные, сильные разумом, приносят с искренним намерением гирлянду цветов, или ткань, или что-то иное и в твердой решимости кладут это у чайтии, [надеясь], что произойдет [желанное им чудо], то тогда силою их твердой решимости у чайтии упокоившегося случается чудо. Так у чайтии упокоившегося случаются чудеса силою решимости людей. Итак, государь, чудеса чайтии упокоившегося бывают силою твердой решимости в этих трех случаях. Если же решимости не было, государь, то и чудес не будет — даже у чайтии [с мощами] святого, уничтожившего тягу, достигшего шести сверхзнаний и бывшего господином своей мысли⁴⁵. Если не видно чудес, государь, следует заглянуть в житие, и по его безупречности вполне можно убедиться, удостовериться и уверовать, что этот сын Просветленного действительно упокоился в нирване⁴⁶.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 8 (78)]

— Почтенный Нагасена! Из тех, кто истинно делает, все ли приходят к постижению Учения, или иные не приходят?

— Иные приходят, государь, иные не приходят.

— Кто приходит, почтенный, и кто не приходит?

— Животное, даже если все правильно делает, не приходит к постижению Учения, государь; родившийся среди претов; сторонник ложных мнений; ханжа; матереубийца; отцеубийца; святоубийца; раскольник общины; проливший кровь [Татхагаты]⁴⁷; воровски пристроившийся к общине⁴⁸; переметнувшийся к иным проповедникам; совратитель монахини; совершивший один из тринадцати крупных проступков и не восстановленный в правах⁴⁹; евнух; двуполоый человек, даже правильно все делающий, не приходит к постижению Учения. А еще, государь, малое дитя, которому от роду менее семи лет, тоже не приходит к постижению Учения, даже если все делает правильно. Таковы, государь, шестнадцать случаев, когда даже правильно делающий не приходит к постижению Учения.

— Почтенный Нагасена, что до первых пятнадцати случаев, которые ты выделил, то приходят ли в них к постижению Учения, нет ли — это безразлично. Но почему же малое дитя, которому от роду менее семи лет, не приходит к постижению Учения, даже если все делает правильно? Вот это еще вопрос. Разве не верно, что у дитяти ни страсти нет, ни враждебности, ни заблуждения, ни гордости, ни ложных воззрений, ни неудовлетворенности, ни страстных помыслов? Дитя, кому не мешают никакие аффекты, достойно того и способно к тому, чтобы разом постичь четыре арийские истины.

— Вот именно, государь! Это и есть то самое основание, на котором я утверждаю, что дитя младше семи лет не приходит к постижению Учения, даже если все делает правильно. Если бы дитя младше семи лет испытывало страсть к тому, что склоняет к страсти, испытывало враждебность к тому, что склоняет к враждебности, впадало в заблуждение о том, что склоняет к заблуждению, тщеславилось бы тем, что склоняет к тщеславию, различало бы воззрения, различало бы удовлетворенность и неудовлетворенность, размышляло бы о благе и зле, государь, то было бы и у него постижение Учения. Однако, государь, сознание менее чем семилетнего дитяти бессильно, слабосильно, мало, немошно, медлительно, ограничено, неразвито, основа же несложённой нирваны весома, увесиста, огромна и обширна. Потому, государь, менее чем семилетнее дитя не сможет своим слабосильным, ограниченным, медлительным и неразвитым сознанием постичь весомую, увесистую, огромную и обширную основу несложённой нирваны. Например, государь, Меру, царь среди гор, весом, увесист, огромен и обширен. Скажи, государь, разве сможет человек, пользуясь своею природной силой, способностью, настойчивостью, выдернуть его из земли?

— Нет, почтенный.

— Отчего же, государь?

— Оттого, почтенный, что человек слабосилен, а царь гор Мёру огромен.

— Вот точно так же, государь, сознание менее чем семилетнего дитяти бессильно, слабосильно, мало, немошно, медлительно, ограниченно, неразвито, основа же несложённой нирваны весома, увесиста, огромна и обширна, и не сможет менее чем семилетнее дитя своим слабосильным, ограниченным, медлительным и неразвитым сознанием постичь весомую, увесистую, огромную и обширную основу несложённой нирваны. Потому менее чем семилетнее дитя не приходит к постижению Учения, даже если все делает правильно. Или, например, государь, земная твердь велика, пространна, просторна, широка, протяженна, привольна, огромна и обширна. Так можно ли, государь, всю эту великую землю малой каплей воды смочить и скользкою сделать?

— Нет, почтенный.

— Отчего же, государь?

— Оттого, почтенный, что капля мала, а великая земля [и впрямь] велика.

— Вот точно так же, государь, сознание менее чем семилетнего дитяти бессильно, слабосильно, мало, немошно, медлительно, ограниченно, неразвито, основа же несложённой нирваны весома, увесиста, огромна и обширна, и не сможет менее чем семилетнее дитя своим слабосильным, ограниченным, медлительным и неразвитым сознанием постичь весомую, увесистую, огромную и обширную основу несложённой нирваны. Потому менее чем семилетнее дитя не приходит к постижению Учения, даже если все делает правильно. Или, скажем, государь, если огонь бессилен, слабосилен, слаб, мал, немошен и тускл, то сможет ли, государь, этот столь малый огонь рассеять тьму во всем мире с богами и залить его светом?

— Нет, почтенный.

— Отчего же, государь?

— Оттого, почтенный, что огонь слаб, а мир велик.

— Вот точно так же, государь, сознание менее чем семилетнего ребенка бессильно, слабосильно, мало, немошно, медлительно, ограниченно, неразвито, основа же несложённой нирваны весома, увесиста, огромна и обширна, и не сможет менее чем семилетний ребенок своим слабосильным, ограниченным, медлительным и неразвитым сознанием постичь весомую, увесистую, огромную и обширную основу несложённой нирваны. Потому менее чем семилетнее дитя не приходит к постижению Учения, даже если все делает правильно. Или, например, государь, если хилая, тощая, крохотная, тщедушная гусеница⁵⁰ увидит поблизости от себя имеющего на теле три приметы гона, в девять локтей длиною, в три шириною, в десять в объёме, в восемь высоту матерого слона и поползет к нему, чтобы

его проглотить, то сможет ли, государь, эта гусеница проглотить того матерого слона?

— Нет, почтенный.

— Отчего же, государь?

— Оттого, почтенный, что тело гусеницы мало, а слон велик.

— Вот точно так же, государь, сознание менее чем семилетнего дитяти бессильно, слабосильно, мало, немошно, медлительно, ограничено, неразвито, основа же несложённой нирваны весома, увесиста, огромна и обширна, и не сможет менее чем семилетнее дитя своим слабосильным, ограниченным, медлительным и неразвитым сознанием постичь весомую, увесистую, огромную и обширную основу несложённой нирваны. Потому менее чем семилетнее дитя не приходит к постижению Учения, даже если все делает правильно.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 9 (79)]

— Почтенный Нагасена! Нирвана — это полное счастье или же она смешана с тяготой?

— Нирвана есть полное счастье, государь, она не смешана с тяготой.

— Нет, почтенный Нагасена, мы не согласны с утверждением, что нирвана есть полное счастье. Мы полагаем, почтенный Нагасена, что нирвана смешана с тяготой; мы и обоснование тому представим, что нирвана смешана с тяготой. Обоснование это вот каково: у всех тех, кто взыскует нирваны, почтенный Нагасена, и в теле и в мыслях заметны утруждение и натуга, ограничение в том, как стоять, ходить, сидеть, лежать и есть, подавление сна, сдерживание деятельности чувств, отказ от имени и состояния, разлука с любимыми, родственниками и друзьями. Те же все в мире, кто счастлив и исполнен счастья, тешат и ублажают пять своих чувств пятью чувственными уладами: отрадными и приятными многообразными прелестными зримыми образами зрение себе тешат и ублажают; отрадными и приятными многообразными прелестными песнями и стихами слух себе тешат и ублажают; отрадными и приятными многообразными прелестными запахами цветов, плодов, листьев, кожур, корней и сердцевин обоняние себе тешат и ублажают; отрадными и приятными многообразными прелестными твердыми, мягкими, жидкими, смешанными кушаньями и напитками вкус себе тешат и ублажают; отрадными и приятными многообразными прелестными и нежными, мягкими, ласкающими прикосновениями осязание себе тешат и ублажают; отрадными

и приятными — благостными и греховными, светлыми и темными — многообразными прелестными помышлениями и мечтаниями ум себе тешат и ублажают. Вы же зрение, слух, обоняние, вкус, осязание и ум давите и задавливаете, тесните и утесняете, гнетете и угнетаете, отчего и тело утруждается, и мысль утруждается, а утружденная мысль испытывает душевную боль. Недаром бродячий подвижник Магандия сказал, порицая Блаженного: «Сущееубийца шраман Готама!»⁵¹ Таково то основание, на котором я утверждаю, что нирвана смешана с тяготой.

— Нет, государь, нирвана не смешана с тяготой, нирвана есть полное счастье. Что же до тяготы, которую ты назвал нирваной, государь, то эта тягота есть не нирвана, но начальная часть осуществления нирваны, это искание нирваны. Сама же нирвана есть полное счастье, государь, и не смешана с тяготой. Сейчас я это обосную. Есть ли, государь, у царей царское счастье?

— Да, почтенный, есть у царей царское счастье.

— Смешано ли, государь, это царское счастье с тяготами?

— Нет, почтенный.

— А если в приграничной области возникает смута и нужно привести жителей этой области к повиновению, то как же тогда, государь, эти цари отправляются во главе советников, командиров, наемников и телохранителей на чужбину, терпят там зной и ветер, укусы оводов и комаров, совершают переходы по равнине и по горам, ведут большую войну и подвергают жизнь свою опасности?

— Это не царское счастье, почтенный Нагасена. Это начальная часть поисков царского счастья. В тяготах взыскуют цари царского счастья, почтенный Нагасена, а затем наслаждаются царским счастьем. Одним словом, почтенный Нагасена, царское счастье не смешано с тяготами. Царское счастье — это одно, а тяготы — это другое.

— Вот точно так же, государь, нирвана есть полное счастье и не смешана с тяготой. Сначала все те, кто взыскует нирваны, утруждают тело и мысль, ограничивают себя в том, как стоять, ходить, сидеть, лежать, есть, подавляют сон, сдерживают деятельность чувств, не щадят ни тела, ни самой жизни и в тяготах взыскуют нирваны, [а затем] наслаждаются в нирване полным счастьем, словно разбившие неприятелей цари, — царским счастьем. Одним словом, государь, нирвана есть полное счастье и не смешана с тяготами. Нирвана — это одно, а тяготы — это другое.

Слушай дальше, государь, еще обоснование, почему нирвана есть полное счастье и не смешана с тяготами, так что тяготы — это одно, а нирвана — другое. Есть ли, государь, у учителей — знатоков какого-либо искусства счастье в этом искусстве?

— Да, почтенный, есть у учителей — знатоков искусства счастье в своем искусстве.

— Смешано ли, государь, это счастье [владения] искусством с тяготами?

— Нет, почтенный.

— А как же тогда они, государь, встают и почтительно приветствуют своих учителей, ходят [для них] за водой, прибирают дом, приносят палочки для чистки зубов и воду для полоскания рта, едят, что останется, натирают [учителя] благовониями, моют его, моют ему ноги, забывают о своей воле, во всем следуют чужой воле, скверно едят, жестко спят и утруждают тело?

— Это не счастье [владеть] искусством, почтенный Нагасена. Это начальная часть поисков искусства. Учители в тяготах взыскают искусства, почтенный Нагасена, а затем наслаждаются счастьем [владеть] искусством. Одним словом, почтенный Нагасена, счастье [владеть] искусством не смешано с тяготами. Счастье [владеть] искусством — это одно, а тяготы — это другое.

— Вот точно так же, государь, нирвана есть полное счастье и не смешана с тяготами. [Сначала] все те, кто взыскует нирваны, утруждают тело и мысль, ограничивают себя в том, как стоять, ходить, сидеть, лежать, есть, подавляют сон, сдерживают деятельность чувств, не щадят ни тела, ни самой жизни и в тяготах взыскают нирваны, [а затем] наслаждаются в нирване полным счастьем, словно учителя — счастьем [владения] искусством. Одним словом, государь, нирвана есть полное счастье и не смешана с тяготами. Нирвана — это одно, а тяготы — это другое.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 10 (80)]

— Почтенный Нагасена, ты употребляешь слово «нирвана». Но можно ли описать очертания, или облик, или возраст, или размеры этой нирваны, исходя из какого-либо сравнения, довода, причины или основания?

— Нирвана ни с чем не сопоставима, государь, поэтому невозможно описать ни ее очертаний, ни облика, ни возраста, ни размеров, исходя из какого бы то ни было сравнения, довода, причины или основания.

— Но нирвана же есть, почтенный Нагасена. Нет, я не согласен с невозможностью указать ее очертания, облик, возраст или размеры, исходя из какого бы то ни было сравнения, довода, причины или основания. Изволь мне это обосновать.

— Хорошо, государь, я дам обоснование. Скажи, государь, океан есть?

— Да, почтенный, есть океан.

— А если бы кто-нибудь, государь, спросил у тебя: «Сколько, государь, в океане воды? И сколько в океане обитателей?» Как бы ты ответил на подобный вопрос, государь?

— Если бы кто-нибудь, почтенный, спросил меня: «Сколько, государь, в океане воды? И сколько в океане обитателей?» — то я бы вот что сказал, почтенный: «Не дело ты, человек, спрашиваешь. Так вопрос ставить вообще нельзя. Такие вопросы оставляют без ответа. Знатоки мирских наук океана не исчисляли; невозможно измерить количество воды в океане или сосчитать населяющих его существ». Вот такой бы я ему дал ответ, почтенный.

— А почему ты дал бы такой ответ, государь? Океан же есть. Следовало бы сосчитать и назвать число: «Столько-то в океане воды, столько-то населяет океан существ».

— Не получится, почтенный. Это вне пределов возможного.

— Вот, государь, как невозможно измерить количество воды в океане или сосчитать населяющих его существ, хотя он и есть, так же точно, государь, невозможно описать ни очертаний, ни облика, ни возраста, ни размеров нирваны, исходя из какого бы то ни было сравнения, довода, причины или основания, хотя она и есть. И даже если бы некто, обладающий сверхобычными силами, господин своей мысли смог измерить количество океанской воды и сосчитать населяющих океан существ, то и этот бы обладатель сверхобычных сил, господин своей мысли и то не смог бы описать ни очертаний, ни облика, ни возраста, ни размеров нирваны, исходя из какого бы то ни было сравнения, довода, причины или основания.

Слушай дальше, государь, еще обоснование, из которого тоже ясно, что невозможно описать ни очертаний, ни облика, ни возраста, ни размеров нирваны, исходя из какого бы то ни было сравнения, довода, причины или основания, хотя она и есть. Скажи, государь, есть ли среди богов так называемые безобразные боги⁵²?

— Да, почтенный, известно, что среди богов есть и безобразные боги.

— Можно ли, государь, описать очертания, или облик, или возраст, или размеры этих безобразных богов, исходя из какого-либо сравнения, довода, причины или основания?

— Нет, почтенный.

— Стало быть, государь, нет безобразных богов?

— Есть, почтенный, безобразные боги, но ни очертаний, ни облика, ни возраста, ни размеров их, исходя из какого бы то ни было сравнения, довода, причины или основания, описать невозможно.

— Вот, государь, как невозможно описать ни очертаний, ни облика, ни возраста, ни размеров безобразных богов, исходя из какого бы то ни было сравнения, довода, причины или основа-

ния, хотя они и есть, так же точно, государь, невозможно описать ни очертаний, ни облика, ни возраста, ни размеров нирваны, исходя из какого бы то ни было сравнения, довода, причины или основания, хотя она и есть.

— Хорошо, почтенный Нагасена: нирвана — безраздельное счастье, и невозможно описать ни очертаний ее, ни облика, ни возраста, ни размеров, исходя из какого бы то ни было сравнения, довода, причины или основания. Но, может, почтенный, у нирваны есть свойства, общие с чем-то другим? Что-нибудь [подходящее] для примера, для сравнения?

— Что касается сущности — нет, государь. Но вот кое-какие свойства для примера, для сравнения указать можно.

— Отлично, почтенный Нагасена! Назови же мне скорее хоть свойство нирваны, только бы что-нибудь прояснилось, остуди мою внутреннюю лихорадку, избавь меня от нее освежающим, отрадным дуновением твоих слов.

— С лотосом, государь, есть у нирваны общее свойство, с водою — два свойства, с противоядием — три свойства, с океаном — четыре свойства, с пищей — пять свойств, с пространством — десять свойств, с драгоценным самоцветом — три свойства, с красным сандалом — три свойства, с пенкой на растопленном масле — три свойства, с горной вершиной пять общих свойств есть у нирваны.

— Почтенный Нагасена, ты говоришь, что у нирваны есть общее свойство с лотосом. Каково общее свойство у нирваны с лотосом?

— Как лотос водою не запятнан, государь, так же точно, государь, нирвана ни одним аффектом не запятнана. Таково, государь, свойство, общее у нирваны и лотоса.

— Почтенный Нагасена, ты говоришь, что у нирваны есть два общих свойства с водою. Каковы два этих общих свойства у нирваны с водою?

— Как вода, государь, освежает, остужает лихорадку, точно так же, государь, нирвана освежает, остужает лихорадку аффектов. Это первое свойство, государь, общее у нирваны с водою. Затем, государь, как вода утоляет жажду уставших, снедаемых жаждой, изнывающих от зноя людей, скота и прочих тварей, так же точно, государь, нирвана утоляет жажду иметь, жажду быть, жажду избыть⁵³. Это второе свойство, государь, общее у нирваны с водою. Таковы, государь, два общих свойства нирваны и воды.

— Почтенный Нагасена, ты говоришь, что у нирваны есть три общих свойства с противоядием. Каковы три этих общих свойства у нирваны с противоядием?

— Как противоядие, государь, спасительно для терзаемых ядом, так же точно, государь, нирвана спасительна для терзаемых ядом аффектов. Это первое свойство, государь, общее у

нирваны с противоядием. Затем, государь, как противоядие кладет конец болезням, так же точно, государь, нирвана кладет конец всем страданиям. Это второе свойство, государь, общее у нирваны с противоядием. Затем, государь, как противоядие — нектар бессмертия, так же точно, государь, и нирвана — нектар бессмертия. Это третье свойство, государь, общее у нирваны с противоядием. Таковы, государь, три свойства, общие у нирваны и противоядия.

— Почтенный Нагасена, ты говоришь, что у нирваны есть четыре общих свойства с океаном. Каковы четыре этих общих свойства у нирваны с океаном?

— Как в океане, государь, не заводится падаль, так же точно, государь, в нирване не заводится падаль аффектов. Это первое свойство, государь, общее у нирваны с океаном. Затем, государь, как океан велик и безбрежен, все вместе потоки наполнить его не могут, так же точно, государь, нирвана велика и безбрежна, все вместе существа наполнить ее не могут. Это второе свойство, государь, общее у нирваны с океаном. Затем, государь, как океан есть обитель великих размеров существ, так же точно, государь, нирвана есть обитель великих святых — непятнаемых, сбросивших путы, обретших силу, ставших господами [себя] великих существ. Это третье свойство, государь, общее у нирваны с океаном. Затем, государь, как океан весь расцвечен цветами бесконечно разнообразного множества волн, так же точно, государь, нирвана вся расцвечена множеством бесконечно разнообразных цветов ведения и свободы. Это четвертое свойство, государь, общее у нирваны с океаном. Таковы, государь, четыре общих свойства у нирваны и океана.

— Почтенный Нагасена, ты говоришь, что у нирваны есть пять общих свойств с пищей. Каковы пять этих общих свойств у нирваны с пищей?

— Как пища всем живым продлевает их век, государь, так же точно, государь, нирвана тем, кто ее осуществил, продлевает их век, храня от пагубы старости и смерти. Это первое свойство, государь, общее у нирваны с пищей. Затем, государь, как от пищи у всех живых прилив телесных сил, так же точно, государь, в нирване у всех тех, кто ее осуществил, прилив сверхобычных сил. Это второе свойство, государь, общее у нирваны с пищей. Затем, государь, как пища создает всем живым их облик, так же точно, государь, нирвана всем тем, кто ее осуществил, создает их полный достоинств облик. Это третье свойство, государь, общее у нирваны с пищей. Затем, государь, как вкушение пищи унимает у всех живых муки голода, так же точно, государь, осуществление нирваны унимает у всех муки аффектов. Это четвертое свойство, государь, общее у нирваны с пищей. Затем, государь, как вкушение пищи избавляет всех

живых от бессильного изнеможения, так же точно, государь, осуществление нирваны избавляет всех от бессильного изнеможения в страданиях. Это пятое свойство, государь, общее у нирваны с пищей. Таковы, государь, пять свойств, общих у нирваны и пищи.

— Почтенный Нагасена, ты говоришь, что у нирваны есть десять общих свойств с пространством. Каковы десять этих общих свойств у нирваны с пространством?

— Как пространство, государь, не рождается, не стареет, не умирает, не преходит, не возникает, не овладеть им, вора́м оно недоступно, безопорно, поднебесным птицам в нем просторно, оно преград не имеет и бесконечно, так же точно, государь, нирвана не рождается, не стареет, не умирает, не преходит, не возникает, не овладеть ею, вора́м она недоступна, безопорна, ариям в ней просторно, она преград не имеет и бесконечна. Таковы, государь, десять свойств, общих у нирваны и пространства.

— Почтенный Нагасена, ты говоришь, что у нирваны есть три общих свойства с драгоценным самоцветом. Каковы три этих общих свойства у нирваны с драгоценным самоцветом?

— Как драгоценный самоцвет исполняет желания, государь, так же точно, государь, нирвана исполняет желания. Это первое свойство, государь, общее у нирваны с драгоценным самоцветом. Затем, государь, как драгоценный самоцвет веселит человека, так же точно, государь, нирвана веселит человека. Это второе свойство, государь, общее у нирваны с драгоценным самоцветом. Затем, государь, как драгоценный самоцвет распространяет кругом сияние, так же точно, государь, нирвана распространяет кругом сияние. Это третье свойство, государь, общее у нирваны с драгоценным самоцветом. Таковы, государь, три свойства, общие у нирваны и драгоценного самоцвета.

— Почтенный Нагасена, ты говоришь, что у нирваны есть три общих свойства с красным сандалом. Каковы три этих общих свойства у нирваны с красным сандалом?

— Как красный сандал — большая редкость, государь, так же точно, государь, нирвана — большая редкость. Это первое свойство, государь, общее у нирваны с красным сандалом. Затем, государь, как красный сандал у благих людей в чести, так же точно, государь, нирвана у благих людей в чести. Это второе свойство, государь, общее у нирваны с красным сандалом. Затем, государь, как красный сандал несравненно благоухает, так же точно, государь, нирвана несравненно благоухает. Это третье свойство, государь, общее у нирваны с красным сандалом. Таковы, государь, три свойства, общие у нирваны и красного сандала.

— Почтенный Нагасена, ты говоришь, что у нирваны есть три общих свойства с пенкой на растопленном масле. Каковы

три этих общих свойства у нирваны с пенкой на растопленном масле?

— Как пенка на масле, государь, на вид приятна, так же точно, государь, достоинства нирваны на вид приятны. Это первое свойство, государь, общее у нирваны с пенкой на масле. Затем, государь, как дух, что идет от пенки на масле, обонять приятно, так же точно, государь, добродетельный дух, что идет от нирваны, обонять приятно. Это второе свойство, государь, общее у нирваны с пенкой на масле. Затем, государь, как пенку на масле вкушать приятно, так же точно, государь, нирвану вкушать приятно. Это третье свойство, государь, общее у нирваны с пенкой на масле. Таковы, государь, три свойства, общие у нирваны и пенки на растопленном масле.

— Почтенный Нагасена, ты говоришь, что у нирваны есть пять общих свойств с горной вершиной. Каковы пять этих общих свойств у нирваны с горной вершиной?

— Как горная вершина, государь, вознесена высоко, так же точно, государь, нирвана вознесена высоко. Это первое свойство, государь, общее у нирваны с горной вершиной. Затем, государь, как горная вершина недвижима, так же точно, государь, нирвана недвижима. Это второе свойство, государь, общее у нирваны с горной вершиной. Затем, государь, как до горной вершины трудно добраться, так же точно, государь, до нирваны всем, кто имеет аффекты, трудно добраться. Это третье свойство, государь, общее у нирваны с горной вершиной. Затем, государь, как на горной вершине никакие семена не прорастают, так же точно, государь, на почве нирваны никакие аффекты не прорастают. Это четвертое свойство, государь, общее у нирваны с горной вершиной. Затем, государь, как горная вершина далека от гнева и пристрастия, так же точно, государь, нирвана далека от гнева и пристрастия. Это пятое свойство, государь, общее у нирваны и горной вершины.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 11 (81)]

— Почтенный Нагасена, вы утверждаете, что нирвана — ни прошлая, ни будущая, ни нынешняя, ни ставшая, ни не ставшая, ни породимая. Допустим, почтенный Нагасена, что некто истинно-делающий осуществляет нирвану. Осуществляет ли он ее [как уже] ставшую или же порождает ее и [тем самым] осуществляет?

— Когда некто истинно-делающий осуществляет нирвану, государь, он ни осуществляет ее [как уже] ставшую, ни порождает ее и [тем самым] осуществляет. Но есть, государь, основа нирваны, ее-то и осуществляет истинно-делающий.

— Не темни, почтенный Нагасена, отвечая на этот вопрос. Ответь на него ясно и понятно, с охотой и воодушевлением выступи здесь все передо мной, что ты изучил. Ведь люди на этом запутываются, повергаются в недоумение и впадают в сомнения. Вскрой этот нарыв, извлеки занозу.

— Есть, государь, основа нирваны — покойная, счастливая, возвышенная. Следуя наставлениям Победителя, истинно-делающий ошупывает своей мудростью слагаемые и осуществляет ее. Скажем, государь, как подмастерье следует наставлениям мастера и осваивает свою мудростью науку, вот точно так же, государь, следуя наставлениям Победителя, истинно-делающий осуществляет нирвану своей мудростью. Как же следует мыслить себе нирвану? Ее следует мыслить себе свободной от бед и напастей, безопасной, надежной, спокойной, счастливой, приятной, возвышенной, чистой и прохладной. Представь, государь, что человек горел в жарком, палящем огне, в целой поленище дров. Напрягшись, он вырвался оттуда, добрался до места, где нет огня, и счастлив тем безмерно. Вот точно так же, государь, истинно-делающий осуществляет своим подлинным вниманием нирвану, удаленную от жгучего пламени тройного огня. Здесь, государь, огню следует уподоблять тройной огонь, человеку, попавшему в огонь, уподоблять истинно-делающего, месту, где нет огня, уподоблять нирвану. Или, представь, государь, что человек очутился посреди кучи трупов змей, петухов и людей⁵⁴, в гряде туловищ, хвостов и кусков падали и завален в непроходимом завале из трупов. Напрягшись, он вырвался оттуда, добрался до места, где нет трупов, и счастлив тем безмерно. Вот точно так же, государь, истинно-делающий осуществляет своим подлинным вниманием нирвану, удаленную от падали аффектов. Здесь, государь, трупам следует уподоблять пять чувственных усад, человеку, заваленному трупами, уподоблять истинно-делающего, месту, где нет трупов, уподоблять нирвану. Или представь, государь, что человек находился в опасности, дрожал, трепетал и мысли его были в смятении и беспорядке. Напрягшись, он вырвался из [опасного места], добрался до прочного, надежного, твердого, безопасного пристанища и счастлив тем безмерно. Вот точно так же, государь, истинно-делающий осуществляет своим подлинным вниманием нирвану, удаленную от опасностей и страхов. Здесь, государь, опасности следует уподоблять вновь и вновь возникающую опасность рождения, болезни, старости и смерти, человеку, попавшему в опасность, уподоблять истинно-делающего, безопасному пристанищу уподоблять нирвану. Или представь, государь, что человек поскользнулся на грязном, склизком, илистом, тинистом месте. Напрягшись, он отчистился от болотной грязи и тины, выбрался на чистое и сухое место и счастлив тем безмерно. Вот точно так же, государь, истинно-делающий осуществляет своим под-

линным вниманием нирвану, удаленную от тины и грязи аффектов. Здесь, государь, тине следует уподоблять прибыль, славу и почести, человеку, упавшему в тину, уподоблять истинно-делающего, чистому и сухому месту уподоблять нирвану.

Итак, как же осуществляет нирвану истинно-делающий? Всякий истинно-делающий, государь, ощупывает [своей мудростью] кружение слагаемых [дхарм]. Ощупывая кружение слагаемых, он видит в нем рождение, видит старость, видит болезнь, видит смерть и не видит там ничего счастливого и отрадного, за что можно было бы ухватиться, — ни с начала, ни с середины, ни с конца. Скажем, государь, как на добела раскаленном, пылающем, пышущем жаром железном шаре человек не видит ни с одного конца, ни с середины, ни с другого конца, ни единого места, за которое можно было бы ухватиться, вот точно так же, государь, тот, кто ощупывает кружение слагаемых, видит в нем рождение, видит старость, видит болезнь, видит смерть и не видит там ничего счастливого и отрадного — ни с начала, ни с середины, ни с конца. Не видя, за что можно было бы ухватиться, сознание его впадает в томление, во всем теле у него начинает печь, и он, [чувствуя себя] обнаженным, незащищенным и беззащитным, проникается отвращением ко всякому становлению. Представь, государь, что человек попадает в жарко пылающий огромный костер и там, [чувствуя себя] обнаженным, незащищенным и беззащитным, проникается отвращением к огню. Вот точно так же, государь, не видя, за что можно было бы ухватиться, сознание человека впадает в томление, во всем теле у него начинает печь, и он, [чувствуя себя] обнаженным, незащищенным и беззащитным, проникается отвращением ко всякому становлению. И у него, увидевшего всю опасность кружения, появляется мысль: «От этого кружения лишь зной и палящее пекло, много в нем скорби и много тягости. О, если бы нашлось некружение! Это покойно и возвышенно, это — успокоение всех слагаемых, снятие всех наслоений, прекращение жажды, бесстрастие, пресечение, нирвана». И вот мысль его к некружению устремляется, влечется, радуется и ликует: «Найдено, кажется, избавление!» Представь, государь, что попавший на чужбину и заблудившийся человек вышел на правильную дорогу и по ней устремляется, влечется, радуется и ликует: «Вышел я, кажется, на правильную дорогу!» Вот точно так же, государь, у того, кто увидел всю опасность кружения, мысль к некружению устремляется, влечется, радуется и ликует: «Найдено, кажется, избавление!» И он на стезе, [ведущей] к некружению, упражняется, ищет, осваивается и ее умножает, ради этого утверждается у него памятование, ради этого утверждается усилие, ради этого утверждается радость, и так его непрестанно внимательная мысль преодолевает кружение и вступает в некружение. Когда истинно-делающий достиг некру-

жения, государь, то говорят, что он осуществил нирвану.

— Отлично, почтенный Нагасена. Да, это так, я с этим согласен.

[Вопрос 12 (82)]

— Почтенный Нагасена, есть ли такое место — будь то на востоке, будь то на юге, будь то на западе, будь то на севере, будь то наверху, внизу, сбоку, — где находится нирвана?

— Нет, государь, нет такого места ни на востоке, ни на юге, ни на западе, ни на севере, ни наверху, ни внизу, ни сбоку, где бы находилась нирвана.

— Если, почтенный Нагасена, нет места, где расположена нирвана, то и нирваны нет, а если кто-то осуществил нирвану, то это у него не осуществление, а ложь. Я дам обоснование. В самом деле, почтенный Нагасена, на земле есть поле, откуда берется зерно, есть цветок, откуда берется запах, есть куст, откуда берется цветок, есть дерево, откуда берутся плоды, есть копи, откуда берутся драгоценные камни. Так что, если какому-то человеку что-то понадобилось, он идет в соответствующее место и берет [то, что нужно]. Вот точно так же, почтенный Нагасена, если нирвана есть, то следует потребовать, чтобы было место, откуда она берется. А раз, почтенный Нагасена, нет места, откуда берется нирвана, то я утверждаю, что нирваны нет, а если кто-то осуществил нирвану, то это у него не осуществление, а ложь.

— Места, где расположена нирвана, действительно нет, государь, но нирвана есть. Пользуясь подлинным вниманием, истинно-делающий осуществляет нирвану. Скажем, государь, огонь ведь существует, но места, откуда он берется, нет. Тот, кто трет две чурки одну о другую, тот и получает огонь. Вот точно так же, государь, нирвана есть, но места, откуда она берется, нет. Осуществляет нирвану истинно-делающий, пользуясь подлинным вниманием. Или, скажем, государь, существует семь сокровищ миродержца: драгоценное колесо, драгоценный слон, драгоценный скакун, драгоценный самоцвет, драгоценная женщина, драгоценный хозяин, драгоценный советник, но места, откуда бы брались эти сокровища, нет. Они к истинно-делающему кшатрию являются сами собою, силою его делания. Вот точно так же, государь, нирвана есть, но места, откуда она берется, нет. Осуществляет нирвану истинно-делающий, пользуясь подлинным вниманием.

— Хорошо, почтенный Нагасена, пусть нет места, откуда берется нирвана. А есть ли такое место, находясь в котором истинно-делающий осуществляет нирвану?

— Да, государь, есть такое место, находясь в котором истинно-делающий осуществляет нирвану.

— Каково же это место, почтенный, находясь в котором истинно-делающий осуществляет нирвану?

— Нравственность, государь,— вот это место. Стоя на почве нравственности и пользуясь подлинным вниманием, истинно-делающий осуществляет нирвану, где бы он ни находился: у греков ли, у шаков ли, в Китае, в Вилате, в Александрии ли, в Никумбе, в Каши ли, в Кошале, в Кашмире ли, в Гандхаре⁵⁵, на вершине ли горы, в мире ли Брахмы — все равно. Скажем, государь, зрячий человек всюду увидит пространство, где бы он ни находился: у греков ли, у шаков ли, в Китае, в Вилате, в Александрии, в Никумбе, в Каши ли, в Кошале, в Кашмире ли, в Гандхаре, на вершине ли горы, в мире ли Брахмы — все равно. Вот точно так же, государь, стоя на почве нравственности и пользуясь подлинным вниманием, истинно-делающий осуществляет нирвану, где бы он ни находился: у греков ли, у шаков ли, в Китае, в Вилате, в Александрии ли, в Никумбе, в Каши ли, в Кошале, в Кашмире ли, в Гандхаре, на вершине ли горы, в мире ли Брахмы — все равно. Или, скажем, государь, где бы ни находился человек: у греков ли, у шаков ли, в Китае, в Вилате, в Александрии ли, в Никумбе, в Каши ли, в Кошале, в Кашмире ли, в Гандхаре, на вершине ли горы, в мире ли Брахмы — для него все равно найдется восточное направление. Вот точно так же, государь, стоя на почве нравственности и пользуясь подлинным вниманием, истинно-делающий осуществляет нирвану, где бы он ни находился: у греков ли, у шаков ли, в Китае, в Вилате, в Александрии ли, в Никумбе, в Каши ли, в Кошале, в Кашмире ли, в Гандхаре, на вершине ли горы, в мире ли Брахмы — все равно.

— Отлично, почтенный Нагасена. Ты объяснил, какова нирвана, объяснил, каково осуществление нирваны, указал преимущества нравственности, пояснил правильное делание, воздвиг знамя Учения, отверз око Учения. Не останется тщетным усилие истинно-делающих. Да, это так, о лучший из лучших наставников! Я с этим согласен.

Восьмая глава [закончена].

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОПРОС О ВЫВОДЕ

Итак, царь Милинда пришел туда, где был достопочтенный Нагасена. Придя, он приветствовал достопочтенного Нагасену и сел подле. И, сидя подле, царь Милинда, стремясь узнать, стремясь услышать, стремясь запомнить, стремясь узреть свет знания, стремясь развеять незнание, стремясь породить свет знания, стремясь истребить тьму незнания, собрал все свое хладнокровие, решимость, памятование, понимание и спросил достопочтенного Нагасену:

— Скажи, почтенный Нагасена, ты видел Просветленного?

— Нет, государь.

— Ну а учителя твои видели Просветленного?

— Нет, государь.

— Что же, почтенный Нагасена, ни ты не видел Просветленного, ни твои учителя не видели Просветленного. Стало быть, почтенный Нагасена, нет Просветленного, невозможно усмотреть Просветленного.

— Скажи, государь, а есть ли кшатрии прошлого, предки твоего кшатрийского рода?

— Да, почтенный, несомненно, есть кшатрии прошлого, предки моего кшатрийского рода.

— А видел ли ты когда-либо кшатриев прошлого, государь?

— Нет, почтенный.

— А скажем, те, кто тебя обучал, — придворные жрецы, полководцы, судьи, сановники — они видели когда-либо кшатриев прошлого?

— Нет, почтенный.

— Так если, государь, ни ты не видел кшатриев прошлого, ни обучавшие тебя не видели кшатриев прошлого, то где же эти кшатрии прошлого? Невозможно усмотреть кшатриев прошлого.

— Но можно видеть то, чем пользовались кшатрии прошлого, почтенный Нагасена, а именно: белый зонт, тюрбан, санда-

лии, опахало из хвоста яка, драгоценный меч, роскошные ложа. Через это, почтенный, мы можем узнать и поверить, что кшатрии прошлого действительно есть.

— Вот точно так же, государь, и мы можем узнать о Блаженном и поверить в него. Есть такое основание, почему мы можем узнать и поверить, что Блаженный действительно есть. Вот это основание: есть ведь, государь, то, чем пользовался Блаженный, знающий и видящий, святой, истинновсепросветленный, а именно: четыре постановки памятования, четыре истинных начинания, четыре основы сверхобычных сил, пять орудий, пять сил, семь звеньев просветления, арийская восьми-звенная стезя. Через это весь мир с богами знает и верит, что Блаженный действительно есть. Вот исходя из такого основания, такой причины, такого способа, такого вывода, можно узнать, что Блаженный действительно есть:

Людей переправив множество,
В нирвану ушел безопорную.
Поэтому можно вывести:
Он есть, совершенный муж!

— Почтенный Нагасена, приведи сравнение.

— Представь, государь, что некогда зодчий решил заложить город. Для начала он высмотрел место: не высокое, не низкое, не скалистое, не каменистое, лишенное каких-либо изъянов и пороков, радующее глаз; распорядился, чтобы на нем выровняли неровности, выкорчевали пни и колючие кусты, а затем заложил там город — великолепный, соразмерный, выверенный в частях, окруженный ровом и обводной стеной, с мощно укрепленными воротами и сторожевыми башнями, с множеством площадей, перекрестков, распутий и разъездов, с чистой и ровной царской дорогой, удобно расположенным базаром, обильный парками, садами, прудами, водоемами, колодцами, блистающий храмами многим богам, лишенный любых изъянов. Когда же все в этом городе наладилось, зодчий ушел в другую страну. А город спустя некоторое время стал богатым, цветущим, изобильным, уютным, благоденствующим, процветающим, безопасным и благополучным, привлекающим разных людей. И вот множество кшатриев, брахманов, вайшьев, шудр, сражающихся на слонах воинов, конников, колесничих, пехотинцев, лучников, меченосцев, знаменосцев, командиров, обозной прислуги, удалых раджпутов, лихих и неистовых витязей, бьющихся в броне, [отрядов] из сыновей рабов и наемных слуг, [отрядов] борцов, поваров, кухарей; цирюльников, банщиков, кузнецов, цветочников, мастеров по золоту, серебру, свинцу, по олову, по меди, по бронзе, по железу, ювелиров, мельников, гончаров, солеваров, кожевников, тележников, мастеров по слоновой кости, канатчиков, изготовителей гребней, прядильщиков хлопка, корзин-

щиков, мастеров, делающих луки, тетивы, стрелы, художников, изготовителей красок, красильщиков, ткачей, портных, пробирщиков, торговцев тканями, парфюмеров, травносов, дровоносов, наемных слуг, собирателей листьев, плодов, корней, продавцов рисовой каши [вразнос], пирожников, рыбников, мясников, винокуров, актеров, плясунов, акробатов, фокусников, борцов, сжигателей трупов, выбрасывателей увядших цветов, гадальщиков, нишадов, блудниц, храмовых танцовщиц, распутниц, стихотворцев — [множество людей из страны] шаков, греков, Китая и Вилаты, из Уджайна, Бхригукачхи, Каши, Кошалы с прилегающими областями, из Магадхи, Сакеты, Саураштры, из Патхен, из Котумбары и Матхуры, из Александрии, Кашмира, Гандхары¹ приехали жить в этот город из разных мест и видят, что город новый, построен хорошо, лишен каких-либо изъянов и недостатков, радуется глаз, и могут поэтому заключить: «А умелым был, должно быть, зодчий, что город этот построил». И вот, государь, точно так же Блаженный — бесподобный, ни равного, ни подобного себе не имеющий, несравненный, неисповедимый, неисчислимый, неохватный, неизмеримый, бесконечно достойный, достигший пределов достоинств просветленного, обладающий безмерной стойкостью, безмерным духовным жаром, безмерным усилием, безмерной силой, обретший запредельность силы просветленного — развеял Мару с его воинством, прорвал сети лжемудрия, попрали неведение, породил ведение, воздел светоч Учения, обрел всезнание и, в битве непобедимый и победивший, воздвиг град Учения.

У Блаженного, государь, в граде Учения обводная стена — нравственность, ров — совестливость, надвратная башня — знание, сторожевая вышка — усилие, мачта — вера, привратник — памятование, дворец — мудрость, Корзина Сутр — площадь, Корзина Абхидхармы — перекресток, Корзина Устава — судилище, постановка памятования — улица. А на этой улице, на постановке памятования, вот какие, государь, торговые ряды расположены: цветочный ряд, благовонный ряд, плодовый ряд, противоядий ряд, лекарственный ряд, бессмертного нектара ряд, драгоценностей ряд, всяческий ряд².

— Почтенный Нагасена, что такое у Блаженного, Просветленного цветочный ряд?

— Блаженный, знающий и зрящий, святой, истинновсепросветленный, описал, государь, разновидности предметов для созерцания³, а именно: «все бrenно», «все без самости», отвратительное, бедственное, оставление, бесстрашие, пресечение, непристрашение к чему бы то ни было, бrenность всех слагаемых, памятование с дыханием, вздувшийся труп, посинелый труп, разлагающийся труп, разползшийся труп, обглоданный труп, растерзанный труп, растерзанный труп убитого, кровавый труп, кишаший червями труп, скелет, доброту, сострадание, сорадова-

ние, равносность, памятование о смерти, памятование о теле⁴. Вот такие разновидности предметов для созерцания, государь, описал Блаженный, Просветленный. И каждый, кто стремится к избавлению от старости и смерти, берет какой-либо из этих предметов и избавляется этим предметом созерцания от страсти, избавляется от враждебности, избавляется от заблуждения, избавляется от гордости, избавляется от лжемудрия⁵, вырывается из мирского кружения, высушивает поток влечения, счищает с себя тройную грязь⁶, искореняет все аффекты и, вступив в не пятнаемый грязью и пылью, чистый, светлый, нерожденный, нестареющий, неумирающий, счастливый, блаженно-прохладный, безопасный град нирваны, в лучший из городов, становится святым и освобождает свою мысль. Вот что, государь, называется у Блаженного цветочным рядом.

Покупайте на базаре,
Где деяниями платят,
Созерцания предметы —
Истинно, освободитесь.

— Почтенный Нагасена, что такое у Блаженного, Просветленного благовонный ряд?

— Блаженный описал, государь, разные виды нравственности⁷. Благовонной нравственностью умащенные, сыны Блаженного, Просветленного весь мир с богами благовонной нравственностью напаивают и пропитывают; во все главные и промежуточные стороны⁸, по ветру и против ветра веет от них и все кругом овеивает благоуханный дух и в воздухе стоит. Вот эти разные виды нравственности: нравственный приход к прибежищу, пятичленная нравственность, восьмизвенная нравственность, десятизвенная нравственность и нравственность всех пяти разделов Уставных Начал⁹. Вот что, государь, называется у Блаженного благовонным рядом. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов:

«Цветов благоухание, сандала,
Тагары, маллики разносит ветер.
Но праведности дух благоуханный
Без ветра овеивает все вокруг»¹⁰.

«Что фимиам сандала или тагары?
Что аромат кувшинки или варшики?
Их ароматов много превосходнее
Благоуханье чистой добродетели»¹¹.

«Доступны и стоят немногого
Куренья сандала и тагары.
Лишь нравственность, благоухая,
Восходит до самых небес»¹².

— Почтенный Нагасена, что такое у Блаженного, Просветленного плодовой ряд?

— Блаженный описал плоды, государь, вот они: плод обретения слуха, плод возвращения единожды, плод безвозвратности, плод святости, плод овладения через пустоту, плод овладения через бессвойственность, плод овладения через неприлагание¹³. И каждый, кому нужен какой-то плод, платит за него своими деяниями и получает искомый плод — будь то плод обретения слуха, или плод возвращения единожды, или плод безвозвратности, или плод святости, или плод овладения через пустоту, или плод овладения через бессвойственность, или плод овладения через неприлагание. Представь, государь, что у некоего человека есть манговое дерево, исправно плодоносящее каждый год. Урожай он не снимает до тех пор, пока не объявятся покупатели. Если покупатель пришел, то он берет с него деньги и предлагает: «Ну, любезный, дерево и манго на нем перед тобой, что хочешь, то с него и рви: можно незрелый плод, можно созревающий, можно с пушком, можно зеленый, можно зрелый», и покупатель берет за свои деньги, что хочет: если хочет незрелый плод — берет незрелый, хочет созревающий — берет созревающий, хочет с пушком — берет с пушком, хочет зеленый — берет зеленый, хочет зрелый — берет зрелый. Вот точно так же, государь, каждый, кому нужен какой-то плод, платит за него своими деяниями и получает искомый плод — будь то плод обретения слуха (——) или плод овладения через неприлагание. Вот что, государь, называется у Блаженного плодовым рядом.

Ценой своих деяний люди
Покупают плод бессмертья.
Счастливыми пребудут те,
Что купили плод бессмертья.

— Почтенный Нагасена, что такое у Блаженного, Просветленного противоядий ряд?

— Блаженный описал противоядия, государь. Этими противоядиями Блаженный весь мир с богами исцеляет от отравлений-аффектов. Вот каковы эти противоядия — это, государь, четыре арийские истины, что возвестил Блаженный, а именно: арийская истина о тяготе, арийская истина о сложении тягот, арийская истина о пресечении тягот, арийская истина о верном пути, ведущем к пресечению тягот. И те, кто слышит четыре истины с установкой на высшее прозрение, — те избавляются от рождения, избавляются от старости, избавляются от смерти, избавляются от печали, стенаний, боли, уныния, отчаяния. Вот что, государь, называется у Блаженного противоядий рядом.

Средь всех противоядий мира,
Спасаящих от отравлений,

Ничто с Учением не сравнится.
Примите же его, монахи.

— Почтенный Нагасена, что такое у Блаженного, Просветленного лекарственный ряд?

— Блаженный описал лекарства, государь. Этими лекарствами Блаженный врачует богов и людей. Вот они: четыре постановки памятования, четыре истинных начинания, четыре основы сверхобычных сил, пять орудий, пять сил, семь звеньев просветления, арийская восьмизвенная стезя. Эти лекарства Блаженного — людям слабительное: их прослабит ложным воззрением, прослабит ложным намерением, прослабит ложной речью, прослабит ложными делами, прослабит ложным образом жизни, прослабит ложным усилием, прослабит ложным памятованием, прослабит ложным сосредоточением, вырвет жадностью, вырвет враждебностью, вырвет заблуждением, вырвет гордостью, вырвет лжеумудрием, вырвет сомнениями, вырвет легкомыслием, вырвет вялостью и сонливостью, вырвет бессовестностью и бесстыдством — всеми аффектами вырвет¹⁴. Вот что, государь, называется у Блаженного лекарственным рядом.

Средь многих и разнообразных
Лекарств, что сыщутся на свете,
Ничто с Учением не сравнится.
Примите же его, монахи.
Ведь от Учения-лекарства —
Конец и старости и смерти.
От виденья и освоенья
Придете к истощенью жажды
И несложённому покою.

— Почтенный Нагасена, что такое у Блаженного, Просветленного бессмертного нектара ряд?

— Блаженный описал бессмертный нектар, государь; этим нектаром Блаженный окропил весь мир с богами, и боги и люди, что были окроплены этим нектаром, освободились от рождения, старости, смерти, печали, стенаний, боли, уныния, отчаяния. Каков же этот нектар? Это памятование о теле. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов: «Тот, о монахи, бессмертного нектара отведаст, кто памятования о теле отведаст»¹⁵. Вот что, государь, называется у Блаженного рядом бессмертного нектара.

Терзаемым болезнью людям
Он предложил нектар бессмертья:
Деяниями заплатите,
И будет ваш нектар бессмертный.

— Почтенный Нагасена, что такое у Блаженного, Просветленного драгоценностей ряд?

— Блаженный описал драгоценности, государь. В уборе этих драгоценностей сыны Блаженного весь мир с богами озаряют, освещают, просвещают — пламенеют, ярко пылают и светятся сверху, снизу, со всех сторон. Каковы эти драгоценности? Это драгоценная нравственность, драгоценное сосредоточение, драгоценная мудрость, драгоценная свобода, драгоценное знание-видение свободы, драгоценные толкующие знания, драгоценные звенья просветления. Что же такое у Блаженного драгоценная нравственность, государь? Это нравственность сдерживания себя в согласии с Уставными Началами, нравственность сдерживания деятельности чувств, нравственность чистого образа жизни, нравственные правила обращения с личными вещами, малая нравственность, средняя нравственность, великая нравственность, нравственность стези, нравственность плода¹⁶. Человеком в уборе драгоценностей нравственности, государь, все на земле и на небе и у Мары и у Брахмы, в народе шраманском и брахманском восторгаются и восхищаются. Монах, украшенный драгоценной нравственностью, со всех четырех главных сторон, и с промежуточных, и сверху, и снизу, и с боков сияет и лучится, государь. Вниз вплоть до ада Незыби, вверх вплоть до самой макушки бытия все драгоценности он затмевает, побивает и превосходит. Таковы, государь, нравственные драгоценности, разложенные у Блаженного в ряду драгоценностей. Это, государь, называется у Блаженного драгоценной нравственностью.

В торговом ряду Блаженного
Нравственность предлагают вам.
Деяниями заплátите —
Украситесь драгоценностью.

Что такое у Блаженного драгоценное сосредоточение, государь? Это сосредоточение с задумыванием и продумыванием, сосредоточение с одним продумыванием без задумывания, сосредоточение без задумывания и продумывания¹⁷, пустотное сосредоточение, бессвойственное сосредоточение, неприлагаемое сосредоточение. От монаха в уборе драгоценного сосредоточения, государь, все страстные помыслы, враждебные помыслы, вредительские помыслы¹⁸, аффекты гордости, неуравновешенности, лжемудрия, сомнения и всяческие дурные помыслы — все это, столкнувшись с сосредоточением, скатывается с него, спадает, слетает, не пристает к нему и не может его замарать. Скажем, государь, как капля воды с листа лотоса скатывается, спадает, слетает, не пристает к нему и не может его замарать, ибо лотос совершенно чист, вот точно так же, государь, от монаха в уборе драгоценного сосредоточения все страстные помыслы, враждебные помыслы, вредительские помыслы, аффекты гордости, неуравновешенности, лжемудрия, сомнения и всяческие

дурные помыслы — все это, столкнувшись с сосредоточением, скатывается с него, спадает, слетает, не пристает к нему и не может его замарать, ибо сосредоточение совершенно чисто. Это, государь, называется у Блаженного драгоценным сосредоточением. Таковы, государь, драгоценности сосредоточения, разложенные у Блаженного в ряду драгоценностей.

Надевшему драгоценную
Гирлянду сосредоточенья
Чужды дурные помыслы
И мысли пустое рассеянье.
Украсьте себя, монахи,
Сим драгоценным убором.

Что такое у Блаженного драгоценная мудрость, государь? Это та мудрость, государь, которою арийский слушатель постигает, как оно есть: «Это благое», постигает, как оно есть: «Это неблагое», постигает, как оно есть: «Это зазорно, это незазорно, этим следует заниматься, этим не следует заниматься, это низко, это возвышенно, это темно, это светло, это отчасти светло, отчасти темно»¹⁹; постигает, как это есть: «Вот тягота»; постигает, как оно есть: «Вот сложение тяготы»; постигает, как это есть: «Вот пресечение тяготы»; постигает, как это есть: «Вот верный путь, ведущий к пресечению тягот». Это, государь, называется у Блаженного драгоценной мудростью.

Для надевшего драгоценную
Гирлянду истинной мудрости
Недолго мирское кружение,
Он скоро придет к бессмертию —
К кружению не влечет его.

Что такое у Блаженного драгоценная свобода, государь? Драгоценной свободой, государь, называется святость, а о монахе, достигшем святости, говорят, государь, что он надел убор драгоценной свободы. Скажем, государь, как человек, надевший убор из нитей жемчуга, украшения из драгоценных камней, золота, кораллов, умастивший себя благовонной мазью акалу, пудрой тагары, талиши и красного сандала, надевший яркие гирлянды цветов железного дерева, пуннаги, салового дерева, салалы, чампаки, юткики, атимуктаки, паталы, голубого лотоса, варшики и маллики²⁰, прочих людей превосходит, светится, лучится, блещет, блистает, сияет, сверкает, слепит, и все вокруг блекнет и меркнет рядом с его гирляндами, умащениями и драгоценными украшениями, — вот точно так же, государь, достигший святости, истощивший тягу монах в уборе драгоценной свободы превосходит монахов, стремящихся к свободе, и светится, лучится, блещет, блистает, сияет, сверкает, слепит, и все вокруг блекнет и меркнет рядом с его свободой, ибо, государь,

это высшее, всем украшениям украшение. Это, государь, называется у Блаженного драгоценной свободой.

На господина в уборе
Драгоценных камней и гирлянд
Снизу вверх все домашние смотрят.
Так на монаха в уборе
Драгоценной гирлянды свободы
Снизу вверх смотрят боги и люди.

Что такое у Блаженного драгоценное знание-видение свободы, государь? Знанием-видением свободы, государь, называется у Блаженного осознающее знание-понимание²¹. Это то знание, которым арийский слушатель осознавая-понимает стезю, плоды, нирвану, отброшенные уже аффекты и остающиеся еще аффекты.

Арии знанием-видением
Понимают, что дело сделано.
Взыскуйте, сыны Победителя,
Сие драгоценное знание.

Что такое у Блаженного драгоценные толкующие знания, государь? Толкующих знаний, государь, всего четыре: толкующее знание предмета, толкующее знание дхармы, толкующее знание выражения, толкующее отражающее знание. Монах же в наряде из этих четырех драгоценных толкующих знаний может войти в любое собрание, государь, будь то кшатрийское собрание, или брахманское собрание, или вайшийское собрание, или шраманское собрание, он войдет туда уверенно, без опаски, не убоится, не устрашится, не струсит и не затрепещет. Скажем, государь, как несокрушимый в бою воин бесстрашно выходит в полном вооружении на бой, [ибо уверен]: «Если неприятель покажется вдалеке — я свалю его выстрелом из лука, если приблизится — метну в него дротик, если еще приблизится — метну копье, если он будет близко — саблей развалю его надвое, если подойдет вплотную — всажу в него кинжал», — вот точно так же, государь, и монах в наряде из четырех драгоценных толкующих знаний бесстрашно входит в собрание, [ибо уверен]: «Если вопрос будет о том, что касается толкующего знания предмета, то предмет я объясню как предмет, основание объясню как основание, причину объясню как причину, метод объясню как метод, устраню неуверенность, смогу переубедить и ответом своим удовлетворю. Если вопрос будет о том, что касается толкующего знания дхармы, то дхарму я объясню как дхарму, бессмертное объясню как бессмертное, несложённое объясню как несложённое, нирвану объясню как нирвану, пустоту объясню как пустоту, бессвойственное объясню как бессвойственное, неприлагаемое объясню как не-

прилагаемое, бесстрастное объясню как бесстрастное, устраню неуверенность, смогу переубедить и ответом своим удовлетворю. Если вопрос будет о том, что касается толкующего знания выражения, то выражение я объясню как выражение, слово объясню как слово, зависимое слово объясню как зависимое слово, слог объясню как слог, связывание слогов объясню как связывание слогов, согласный объясню как согласный, оттенок согласного объясню как оттенок согласного, звук объясню как звук, тон объясню как тон, название объясню как название, словоупотребление объясню как словоупотребление²², устраню неуверенность, смогу переубедить и ответом своим удовлетворю. Если вопрос будет о том, что касается толкующего отражающего знания, то сравнение я объясню как сравнение, свойство объясню как свойство, суть объясню как суть, устраню неуверенность, смогу переубедить и ответом своим удовлетворю». Это, государь, называется у Блаженного драгоценными толкующими знаниями.

Толкующие знания
Кто купит и опробует,
Бесстрашно, безбоязненно
Блистать будет в собрании.

Что такое у Блаженного драгоценные звенья просветления, государь? Звеньев просветления, государь, всего семь: памятование — звено всепросветления, разбор дхарм — звено всепросветления, усилие — звено всепросветления, радость — звено всепросветления, расслабление — звено всепросветления, сосредоточение — звено всепросветления, равностность²³ — звено всепросветления. Монах же в наряде из этих семи звеньев всепросветления, государь, все потемки рассеивает и весь мир с богами озаряет, освещает и заливают светом. Это, государь, называется у Блаженного драгоценными звеньями просветления.

Монаха в венце драгоценном
Из звеньев всепросветления
Стоя приветствуют боги.
Деяниями заплатите —
И ваш будет этот венец.

— Почтенный Нагасена, что такое у Блаженного, Просветленного всяческий ряд?

— Всяческий ряд у Блаженного — это, государь, Девятичашные Речения Просветленного, чайтьи с мощами и с вещами и драгоценная община. Во всяческом ряду у Блаженного лежит благоденствие — хорошее рождение, лежит благоденствие — богатство, лежит благоденствие — долголетие, лежит благоденствие — здоровье, лежит благоденствие — красота, лежит благоденствие — мудрость, лежит человеческое благоденствие, лежит

благоденствие небожителей, лежит благоденствие нирваны. Те, кто хочет какого-либо благоденствия, расплачиваются своими деяниями и покупают то благоденствие, какое им желанно; а иные покупают блюдением нравственности, иные — обрядами постного дня; даже на незначительное деяние можно купить соответствующее благоденствие. Скажем, государь, как у торговца в торговом ряду, где торгуют кунжутом, бобами, фасолью [и прочим], можно купить и немного рису, бобов и фасоли за соответствующую малую цену, вот точно так же, государь, у Блаженного во всяческом ряду даже на незначительное деяние можно купить соответствующее благоденствие. Это, государь, называется у Блаженного всяческим рядом.

Среди всякого товара
На базаре просветленных —
Долголетье, рай, здоровье,
Красота, высокородье
И бессмертье в несложённом.
Здесь торгуют на деянья;
Есть дороже, есть дешевле.
Благоденствуйте, монахи,
И расплачивайтесь верой.

У Блаженного во граде Учения вот какие люди живут, государь: знатоки сутр, уставники, знатоки абхидхармы, излагатели Учения, глашатаи Долгого свода, глашатаи Среднего свода, глашатаи джатак, глашатаи Свода связок, глашатаи Численноупорядоченного свода, глашатаи Малого свода, совершенные нравственностью, совершенные сосредоточением, совершенные мудростью, охотно осваивающие звенья просветления, [упражняющиеся] в прозрении, преданные своей цели, лесовики, ком-леседы, бездомники, спящие на соломе, погостники, нележалцы²⁴, следующие стезей, обретшие плод, обучаемые и пользующиеся плодами [обучения], обретшие слух, возвращающиеся единожды, безвозвратные, святые, обладатели трех ведений, шести сверхзнаний, сверхобычных сил, пришедшие к пределам мудрости, умелые в постановках памятования, истинных начинаниях, основах сверхобычных сил, орудиях, силах, звеньях просветления, стезе, превосходном созерцании, развязках, [достижении сфер] чистого образа и безобразного, в покойном и приятном состоянии-овладении. И стал град Учения этими святыми заселен, населен, наполнен и заполнен, словно тростниковая чаща — тростником. Об этом сказано:

«Страсть, враждебность, заблужденье
Кто отбросил, также жажду,
Чужд влечению и тяге —
Те живут во граде дхармы.
Созерцатели лесные,

Те, что в рубище одеты,
Преданы уединенью,—
Все живут во граде дхармы.
Неседальцы, нележалыцы
И любое примут ложе,
В тряпки ветхие одеты,
Кто живет во граде дхармы.
Три одежды лишь имеют
(А четвертый — кусок шкуры),
Больше раза есть не станут,
Кто живет во граде дхармы.
Опытны, неприхотливы,
Стойки, до еды не жадны,
Что досталось — тем и рады,
Кто живет во граде дхармы.
Радость знают созерцанья,
Собранны, спокойны духом,
Уповают на ничтожность²⁵,
Кто живет во граде дхармы.
Те, кто следует стезею,
Обретает плод усилий
И взыскует высшей цели,—
Все живут во граде дхармы.
Слух обретшие к Учению,
Те, кто только раз вернется,
Безвозвратные, святые —
Все живут во граде дхармы.
Опытны в памятованье,
Куют звенья просветленья,
Помнят дхарму, прозорливы,
Кто живет во граде дхармы.
Сверхобычных сил взыскуют,
Рады сосредоточенью
И нетщеты в начинаньях,
Кто живет во граде дхармы.
Мастера в шести сверхзнаньях,
Вотчиной своей довольны,
Странствуют по поднебесью,
Кто живет во граде дхармы.
Молчаливы, очи долу,
Стерегут ворота мысли
И смиренны в высшей дхарме,
Кто живет во граде дхармы.
Сверхобычных сил владыки,
Ведения и сверхзнанья,
Мудрости предел узрели,
Кто живет во граде дхармы».

Те из монахов, государь, что обладают безграничным превосходным знанием, беспривязные, безмерно достойные, безмерно славные, безмерно мощные, безмерно пламенные, катят колесо проповеди вслед [за Блаженным] и достигли пределов мудрости,—такие монахи, государь, называются у Блаженного во граде Учения полководцами Учения.

Те же из монахов, государь, что имеют сверхобычные силы, постигли толкующие знания, обрели уверенность, странствуют по поднебесью, необоримы, несокрушимы, странствуют безопорно, сотрясают всю землю с горами и долами, солнца и луны касаются рукой, должным образом умелые в создании превращенных обликов и умножении обликов²⁶, достигшие предела в сверхобычных силах,—такие монахи, государь, называются у Блаженного во граде Учения придворными жрецами.

Те же из монахов, государь, что приняли чистые обеты, неприязательны, неприхотливы, отвращаются от недолжного намека и за подаянием обходят все дома без разбору, словно пчела, летящая на запах к цветку, а затем входят в безлюдную рощу, [чтобы упражняться], кому безразличны собственное тело и жизнь, достигшие святости, выше всего ценящие чистые обеты,—такие монахи, государь, называются у Блаженного во граде Учения судьями.

Те же из монахов, государь, что вполне чисты и незапятнанны, лишены аффектов, искусны в видении становления и прехождения [существ], достигшие пределов в дивном зрении,—такие монахи, государь, называются у Блаженного во граде Учения городскими осветителями.

Те же из монахов, государь, что много знают [сутр], наследники наследия, помнят сутры, помнят Устав, помнят перечни, искусны в разграничении глухих и звонких [согласных], долгих и кратких [гласных], открытых и закрытых слогов, держатели [в своей памяти] Девятичастного Завета,—такие монахи, государь, называются у Блаженного во граде Учения хранителями дхармы.

Те же из монахов, государь, что сведущи в Уставе, знатоки Устава, разбираются в поводах [наложения взысканий] и в различениях, в том, есть ли проступок или его нет, тяжкий он или легкий, исправимый или неисправимый, знают, как снимается взыскание, как происходит восстановление в правах и временное изгнание из общины, как берется обязательство загладить обиду²⁷, достигшие пределов в [знании] Устава,—такие монахи, государь, называются у Блаженного во граде Учения искусными в обрядах²⁸.

Те же из монахов, государь, что украшены прекрасной гирляндой цветов свободы, обретшие превосходнейшее из превосходных, бесценное, высшее состояние, любезные и приятные

множеству людей,— такие монахи, государь, называются у Блаженного во граде Учения цветочными торговцами.

Те же из монахов, государь, что пришли к пониманию четырех истин, узрели истины, вняли проповеди, избавились от сомнений в четырех плодах шраманства, счастливо обладают плодами и другим, стремящимся к тому же, раздают эти плоды,— такие монахи, государь, называются у Блаженного во граде Учения торговцами плодами.

Те же из монахов, государь, что умастили себя благовонием нравственности, обладатели множества разнообразных достоинств, сдувающие прочь смрад грязных аффектов,— такие монахи, государь, называются у Блаженного во граде Учения торговцами благовониями.

Те же из монахов, государь, что охочи до Учения, приятны в беседе, с радостным воодушевлением изучают тонкости Учения и Устава; находясь в лесу ли, под деревом ли, в пустой ли горнице, пьют превосходный нектар Учения и погружены в превосходный нектар Учения телом, словом и умом; исключительно находчивы в изложении Учения, неотступны в поисках Учения, вступают, где бы ни появились, в беседы о неприхотливости, беседы о непритязательности, беседы об уединении, беседы о несвязывании, беседы о прилежном усердии, беседы о нравственности, беседы о сосредоточении, беседы о мудрости, беседы о свободе, беседы о знании-видении свободы и пьют повсюду нектар беседы,— такие монахи, государь, называются у Блаженного во граде Учения бражниками, пьяницами.

Те же из монахов, государь, что в первую и в последнюю ночные стражи прилежат бодрствованию, проводят день и ночь сидя, стоя и прохаживаясь, прилежат йогическому освоению ради того, чтобы оттеснить аффекты, и усердно стремятся к своей цели,— такие монахи, государь, называются у Блаженного во граде Учения городской стражей.

Те же из монахов, государь, кто в согласии со смыслом и с выражением, с методами и с обоснованиями, причинами и примерами, содержащимися в Девятичастных Речениях Просветленного, рассказывают их и пересказывают, излагают и перелагают,— такие монахи, государь, называются у Блаженного во граде Учения торговцами Учения.

Те же из монахов, государь, кто богаты драгоценным Учением, состоятельны и зажиточны, обладая унаследованной изустно ученостью, постигшие объяснения гласных, согласных и свойств²⁹, понятливые и сообразительные,— такие монахи, государь, называются у Блаженного во граде Учения купцами Учения.

Те же из монахов, государь, что постигли возвышенную проповедь, хорошо знакомы с подразделениями опор [созерцания], достигли предела в достоинствах, [необходимых для того],

чтобы обучаться,— такие монахи, государь, называются у Блаженного во граде Учения прославленными в Учении.

Вот каков у Блаженного град Учения, государь: прочно основанный, прочно воздвигнутый, крепко построенный, крепко возведенный, надежно защищенный, надежно охраняемый и для недругов и неприятелей неприступный. Вот исходя из такого обоснования, такой причины, такого способа, такого вывода, можно узнать, государь, что Блаженный действительно есть.

Как, город видя красивый,
Построенный соразмерно,
Можно вывести следствие:
«Был зодчий, должно быть, велик»,
Так же, мироводителя
Град дхармы видя прекрасный,
Можно вывести следствие:
«Блаженный и вправду есть».
Можно вывести следствие,
Валы узрев океанские:
«Огромны валы в океане,
Должно быть, он сам велик».
Вот так же печали гонителя,
Воистину непобедимого,
Влечение истощившего
Просветленного, избавителя
От тягот мирского кружения,
Можно узнать по следствиям,
Волны увидев Учения,
Поднявшиеся к небожителям:
«Огромен размах волн Учения,
Учитель, должно быть, велик».
Можно вывести следствие,
Видя вершину возвышенную:
«Возвышенна эта вершина;
Наверное, Гималай!»
Так, видя вершину Учения,
Прохладную, непятнаемую,
Блаженным ввысь вознесенную,
Недвижную, прочноосновную,
Можно вывести следствие:
«Должно быть, и сам Просветленный
Непревосходимо велик!»
Слонов узнают могучих,
Встречая в лесу их след:
«Видно, что здесь ступали
Стопы царя слонов».
Так же о Просветленном,
Как слон, могучем, разумные

Могут вывести следствие,
Если хоть раз услышат
Строфы, им изреченные:
«Кто произнес эти стопы,
Должно быть, был исполин!»
Можно вывести следствие,
Оленей видя испуганных:
«Испуганы эти олени
Рыком царя зверей».
Так, видя лжепроповедников,
Ищущих в страхе укрытия,
Можно вывести следствие:
«Царь дхармы сам прогремел».
Видя землю умытую,
Покрытую нежной зеленью
И водой изобильную,
Можно вывести следствие:
«Большим дождевым облаком
Умыта эта земля».
Так, видя людское множество
В великом ликовании,
Можно вывести следствие:
«Утолена дхармы облаком
Духовная жажда их».
Видя трясину вязкую,
Зыбь болотную, топкую,
Можно вывести следствие:
«Здесь, видно, бездна влаги».
Так, видя людское множество,
Что прежде было запятнано
Страстями — болотной грязью,
А ныне с потоком дхармы
В море дхармы вливается,
Видя, как боги и люди
К бессмертной дхарме приходят,
Можно вывести следствие:
«Здесь, видно, бездна дхармы».
Кто благоухание чувствует,
Может вывести следствие:
«Прекрасным повеяло запахом;
Должно быть, деревья цветут».
Кто чувствует благоухание
Нравственности Учения,
Людей и богов овевающее,
Может вывести следствие:
«Поистине есть Просветленный,
И он непревосходим».

Вот подобными, государь, сотнями обоснований, тысячами обоснований, сотнями причин, тысячами причин, сотнями способов, тысячами способов, сотнями сравнений, тысячами сравнений можно было бы наглядно описать силу Просветленного. Скажем, государь, как ловкий изготовитель гирлянд берет разные цветы из цветочного вороха и, сообразуясь с наставлениями учителя и со своим собственным навыком, готовит из них целый ворох пестрых цветочных гирлянд — вот точно так же Блаженный, — словно пестрый ворох всяких цветов, бесконечно достоин, неизмеримо достоин, я же теперь в Завете Победителя словно гирлянды готовлю, словно венки плету, сообразуясь с наказом учителей минувшего и своим собственным разумением; я мог бы, государь, бессчетно привести доводов и следствий, говоря о силе Просветленного, только бы у тебя охота была слушать.

— Трудно было бы другому, почтенный Нагасена, так наглядно описать силу Просветленного доводами и следствиями. Я удовлетворен, почтенный Нагасена, весьма ярким ответом на мой вопрос.

Вопрос о выводе [закончен].

КНИГА ПЯТАЯ

О ПОЛЬЗЕ ЧИСТЫХ ОБЕТОВ

Монахов-пустынников видит царь,
Суровым обетам преданных,
И видит живущих в семье мирян,
Вкусивших плод безвозвратности.
И мысли об этом повергли царя
В сомненье весьма великое:
«Если Учение доступно в миру,
То тщетно обетов блюдение!
Спрошу у толковника лучшего,
Наговоры сметающего,
В Трех Корзинах искушенного,—
Он избавит меня от сомнения».

Итак, царь Милинда пришел туда, где был достопочтенный Нагасена. Придя, он приветствовал достопочтенного Нагасену и сел подле. И, сидя подле достопочтенного Нагасены, царь Милинда спросил его:

— Почтенный Нагасена! Есть ли на свете хотя бы один мирянин из тех, кто имеет дом, тешит себя усадями, имеет большую семью и множество детей, пользуется бенаресским сандалом, носит венки, умащает себя благовониями и притираниями, имеет дело с золотом и серебром, носит пестрый тюрбан, украшенный драгоценными камнями и золотом,—кто осуществил покой и высшую цель — нирвану?

— Не одна сотня, государь, и не две сотни, и не три сотни, и не четыре-пять сотен, и не тысяча, и не сотня тысяч, и не миллиард, и не десять миллиардов, и не десять тысяч миллиардов. Можно привести примеры, когда к постижению приходили десять [мирян], двадцать, сто, тысяча. Что именно тебе нужно, чтобы я рассказал¹?

— Рассказывай, как хочешь сам.

— Что же, государь, тогда я расскажу и о сотне, и о тысяче, и о десяти миллионах, и о миллиарде, и о ста миллиардах [постигших. Ведь рассказывая о случаях, когда миряне прихо-

дили к постижению Учения, пришлось бы] упомянуть обо всех проповедях безупречного поведения, истинного делания и превосходных чистых обетов, которые входят в Девятичастные Речения Просветленного. Скажем, государь, дождевая вода, излившись на высоты и низины, холмы и равнины, сушу и воду, вся течет вниз и вливается в великое хранилище вод — океан, вот точно так же, государь, [в моем рассказе пришлось бы] упомянуть обо всех проповедях безупречного поведения, истинного делания и превосходных чистых обетов, которые входят в Девятичастные Речения Просветленного. Для этого понадобятся все доводы и пояснения, которые я смогу предложить своим искушенным умом, — только так будет этот предмет подобающе рассмотрен, расцвечен, сполна и окончательно изложен. Скажем, государь, как умелый и опытный учитель письма, когда преподает письмо, наполняет [свои уроки] всеми доводами и пояснениями, которые он может предложить своим искушенным умом, и лишь тогда обучение письму бывает полным, окончательным, завершенным. Вот точно так же, государь, и здесь понадобятся все доводы и пояснения, которые я смогу предложить своим искушенным умом, — только так будет этот предмет подобающе рассмотрен, расцвечен, [от непонимания] очищен, сполна и окончательно изложен.

В городе Шравасты, государь, пятьсот миллионов триста пятьдесят семь тысяч арийских слушателей Блаженного, мирян и мирянок, обрели плод безвозвратности, и все они в миру, не отшельники. Далее, государь, когда [Блаженный] под деревом Гандамбой явил двойное чудо², двести миллионов живых существ пришло к постижению. Далее, во время проповеди-увещания к Рахуле, проповеди сутры о «Высшем благе», проповеди сутры о «Способе [сделать] мысль гладкой», проповеди сутры «Презренне», проповеди сутры «Прежде распада», проповеди сутры «Большая куча», проповеди сутры «Быстрота», проповеди сутры «Шарипутра» несметное число божеств пришло к постижению Учения. В городе Раджагрихе у Блаженного было триста пятьдесят тысяч арийских слушателей, мирян и мирянок, там же после укрощения слона Дханапала — девяносто миллионов живых существ; в пещере, [называемой] Чертог Индры, — восемьсот миллионов живых существ; в Бенаресе, в охотничьем заказнике, [называемом] «Заход [созвездия] провидцев», во время первой проповеди Учения — сто восемьдесят миллионов обитателей миров Брахмы и без счета божеств; в обители Тридцати Трех во время первой проповеди Учения — сто восемьдесят миллионов обитателей миров Брахмы и без счета божеств; во время спуска из миров небожителей, когда [Блаженный] у городских ворот Санкарши чудесно явил себя людям, триста миллионов исполненных веры людей и божеств пришло к постижению Учения. Далее, у шакьев в [их] городе Капилавасту, в

баньяновой роще, во время проповеди «Года просветленных» и проповеди сутры «Великое собрание» несметное число божеств пришло к постижению Учения. Далее, в собраниях слушателей, связанных с цветочником Суманасом, с Получившим Порицание, с купцом Анандой, с адживакой³ по имени Джамбу, с лягушкой, ставшей небожителем, с небожителем [по прозвищу] Точеные Серьги, с городской красавицей по имени Суласа, с городской красавицей по имени Шрима, с дочерью корзищика, с Малой Субхадрой, с сожжением останков брахмана из Сакеты, с Сунапарантой, с вопросом Шакры, с проповедью «Снаружи от забора», с проповедью сутры «Драгоценность», — в каждом из этих собраний к постижению Учения пришло восемьдесят четыре тысячи живых существ⁴. Пока Блаженный пребывал в мире, государь, повсюду, во всех трех областях и во всех шестнадцати странах⁵, где появлялся Блаженный, то двое, то трое, то четверо или пятеро, то сто, тысяча и сотня тысяч людей и божеств приходили к осуществлению покоя и высшей цели — нирваны.

— Почтенный Нагасена! Если миряне, живущие в уюте и тешащие себя уладами, осуществляют покой и высшую цель — нирвану, то какова же тогда цель чистых обетов? Выходит, что чистые обеты ни на что не нужны. Ведь если, почтенный Нагасена, болезнь проходит без мантр и без лекарств, то зачем же принимать рвотное, слабительное и прочие средства, ослабляющие тело? Если врага можно пристукнуть кулаком, зачем тогда мечи, копья, стрелы, луки, самострелы, палицы и булавы? Если можно забраться на дерево, опираясь на сучья, искривления, дупла, сучки, лианы и ветви, то зачем искать длинную и прочную лестницу? Если тело отдыхает даже от спанья на голой земле, то зачем искать приятные на ощупь, огромные, роскошные постели? Если можно в одиночку перебраться через опасную, губительную, страшную пустыню, то зачем искать вооруженную охрану и большой караван? Если через реку можно перебраться вплавь, то зачем искать надежный мост или лодку? Если можно на собственные средства прокормиться и одеться, то зачем угождать другому, лстиво заговаривать и виться вокруг него? Если вода есть в естественном пруду, то зачем копать колодцы, пруды и водоемы? Вот точно так же, почтенный Нагасена, если миряне, живущие в уюте и тешащие себя уладами, осуществляют покой и высшую цель — нирвану, то зачем принимать на себя чистые обеты?

— У чистых обетов, государь, есть двадцать восемь достоинств, истинных достоинств. Благодаря этим достоинствам чистые обеты всем просветленным желанны и приятны. Вот каковы эти достоинства: чистый обет, государь, [означает] чистый образ жизни, благие плоды, безупречность, непричинение тягот другим, безопасность, неугнетение, возрастание достоинств, не-

ущербность, отказ от самоподачи, защиту, обретение желаемого, укрощение всех существ, благую сдержанность, уместность, непривязанность, свободу, истощение страсти, истощение враждебности, истощение заблуждения, отбрасывание гордости, отсечение дурных помыслов, преодоление сомнений, разгром нерадивости, отбрасывание неудовлетворенности, терпение, безмерность, несравненность, приближение к концу всяческих тягот. Таковы, государь, двадцать восемь достоинств, истинных достоинств, присущих чистым обетам. Благодаря этим достоинствам чистые обеты всем просветленным приятны и желанны. Все те, государь, кто поистине следует чистым обетам, обретают восемнадцать достоинств. Они таковы: поведение их совершенно чисто; их делание весьма полно; они надежно защищены от телесных и словесных [проступков]; поведение их ума вполне чисто; их страхи успокаиваются; оглядка на самость в них пропадает; у них не случается злобных вспышек; они постоянны в доброте; у них правильный взгляд на пищу; они внушают всем живым существам уважение; они знают меру в еде; преданы бодхиствованию; не имеют пристанища; живут там, где им нравится; отвращаются от греха; склонны к уединению и никогда не беспечны. Таковы восемнадцать достоинств, государь, обретаемых теми, кто поистине следует чистым обетам.

Десять людей, государь, заслуживают достоинств, [присущих] чистым обетам. Вот каковы они: полный веры, совестливый, стойкий, нелицемерный, здравомыслящий, невзбалмошный, охочий до учения, не отступающий от намерения, необидчивый и освоивший доброту. Таковы, государь, десять людей, которые заслуживают достоинств, [присущих] чистым обетам.

Все те живущие в уюте и тешащие себя уладами миряне, которые осуществили покой и высшую цель — нирвану, — все они, государь, в прошлых своих жизнях следовали чистым обетам и освоились на этой ступени. Они очистили ими свое поведение и делание и потому теперь в своем мирском состоянии осуществили покой и высшую цель — нирвану. Например, государь, искусный стрелок сначала учит учеников тому, как лук устроен, как его надеть [за спину], как взять его в руки, как сжимать кулак, как сгибать пальцы, как ставить ноги, как брать стрелу, как накладывать ее [на лук], как прижимать, как натягивать, как удерживать, как целиться и как выпускать; учит их стрелять в травяное чучело, в пучок травы чханаки, в соломенное чучело, в комя глины, в щиты, а затем, порадовав царя [успехами учеников], получает в награду скакунов, колесницы, слонов, рысаков, богатство и имение, золото в монетах и слитках, рабов и рабынь, жену и [целую] деревню. Вот точно так же, государь, все те живущие в уюте и тешащие себя уладами миряне, которые осуществляют покой и высшую цель — нирвану, — все они, государь, в прошлых своих жизнях следова-

ли чистым обетам и освоились на этой ступени. Они очистили ими свое поведение и делание и потому теперь в своем мирском состоянии осуществили покой и высшую цель — нирвану. Невозможно, государь, прийти к святости за одну жизнь, не приняв сначала чистых обетов; лишь с высшим [напряжением] усилия, с высшим [упорством] в делании и в общении с подходящим учителем, духовным другом, святости достичь можно. Или, например, государь, [будущий] врач-хирург сначала радуется своего учителя денежным [вознаграждением] или работой у него в доме, выучивается у него тому, как держать нож, делать разрезы и надрезы, иссечения, как извлекать стрелы, промывать раны, осушать их, смазывать их лекарством, как давать рвотное, слабительное, смягчительное, а затем, освоив науку, закончив обучение, набив себе руку, он уже идет к больному, чтобы его лечить. Вот точно так же, государь, все те живущие в уюте и тешащие себя уладами миряне, которые осуществляют покой и высшую цель — нирвану, — все они, государь, в прошлых своих жизнях следовали чистым обетам и освоились на этой ступени. Они очистили ими свое поведение и делание и потому теперь в своем мирском состоянии осуществили покой и высшую цель — нирвану. Не бывает постижения Учения, государь, у тех, кто не очистился чистыми обетами. Скажем, государь, если не поливать семя водой, то оно не прорастет. Вот точно так же, государь, не бывает постижения Учения у тех, кто не очистился чистыми обетами. Или, скажем, государь, те, кто не творил благого, не творил доброго, не смогут попасть в благие уделы. Вот точно так же, государь, не бывает постижения Учения у тех, кто не очистился чистыми обетами.

Земле подобны, государь, чистые обеты, служа опорой для тех, кто ищет чистоты. Воде подобны, государь, чистые обеты, смывая всю грязь аффектов с тех, кто ищет чистоты. Огню подобны, государь, чистые обеты, сжигая лес аффектов в тех, кто ищет чистоты. Ветру подобны, государь, чистые обеты, сдувая прочь всю грязь и пыль аффектов с тех, кто ищет чистоты. Противоядию подобны, государь, чистые обеты, исцеляя от всех недугов-аффектов тех, кто ищет чистоты. Нектару бессмертия, государь, подобны чистые обеты, уничтожая весь яд аффектов в тех, кто ищет чистоты. Полю подобны, государь, чистые обеты, возвращая урожай всех шраманских достоинств в тех, кто ищет чистоты. Исполняющему желания самоцвету, государь, подобны чистые обеты, даруя лучшее из всех и желанное благоденствие тем, кто ищет чистоты. Кораблю подобны, государь, чистые обеты, перевоза на другой берег великого океана мирского кружения тех, кто ищет чистоты. Безопасному месту подобны, государь, чистые обеты, даруя безопасность и избавление от опасности рождения и смерти тем, кто ищет чистоты. Матери подобны, государь, чистые обеты своею заботой о тех,

кто задавлен тяготами и аффектами и ищет чистоты. Отцу подобны, государь, чистые обеты, порождая все шраманские достоинства в тех, кто ищет чистоты и стремится к возрастанию блага. Другу подобны, государь, чистые обеты, не перечая желанию обрести все шраманские достоинства, присущему тем, кто ищет чистоты. Лотосу подобны, государь, чистые обеты, не пятнаясь никакою грязью-аффектами у тех, кто ищет чистоты. Благородному, изысканному благовонию, государь, подобны чистые обеты, отгоняя зловоние всех аффектов от тех, кто ищет чистоты. Великому царю гор, государь, подобны чистые обеты, не колеблясь под всеми восьмью мирскими ветрами⁶ в тех, кто ищет чистоты. Пространству, государь, подобны чистые обеты, будучи обширными, просторными, привольными и удаленными от всяческой чащобы для тех, кто ищет чистоты. Геке подобны, государь, чистые обеты, унося прочь всю грязь аффектов с тех, кто ищет чистоты. Проводнику подобны, государь, чистые обеты, выводя из густого леса аффектов, из пустыни рождений тех, кто ищет чистоты. Большому каравану, государь, подобны чистые обеты, доставляя в лишенный всех опасностей, благодатный, безопасный, прекраснейший из прекрасных город нирваны тех, кто ищет чистоты. Отполированному, лишенному пятен зеркалу, государь, подобны чистые обеты, являя природу слагаемых тем, кто ищет чистоты. Щиту подобны, государь, чистые обеты, защищая от дубин, стрел и копий аффектов тех, кто ищет чистоты. Зонту подобны, государь, чистые обеты, защищая от дождя аффектов и от губительного жара тройного огня тех, кто ищет чистоты. Луне подобны, государь, чистые обеты, будучи желанными и отрадными для тех, кто ищет чистоты. Солнцу подобны, государь, чистые обеты восходом многих и разнообразных, драгоценных, прекрасных шраманских достоинств и безмерностью, неисчислимостью и бесконечностью для тех, кто ищет чистоты.

Итак, государь, чистые обеты для тех, кто ищет чистоты, весьма полезны, гонят прочь муки и страдания, гонят прочь неудовлетворенность, гонят прочь опасности, гонят прочь желания, гонят прочь грязь, гонят прочь печаль, гонят прочь тяготы, гонят прочь страсть, гонят прочь враждебность, гонят прочь заблуждение, гонят прочь гордость, гонят прочь лжеумудрие, гонят прочь все неблагое дхармы, славу приносят, благо приносят, счастье приносят, благополучие даруют, радость даруют, безопасность даруют, безупречны, приносят благие и желанные плоды, в них гряда достоинств, ворох достоинств, без меры, без счета достоинств, они велики, превосходны, великолепны.

Как пища, государь, нужна людям для подкрепления сил, как лекарство нужно для выздоровления, как друг нужен, потому что приносит пользу, как лодка нужна для того, чтобы переправиться, как гирлянда цветов нужна для того, чтобы благо-

ухать, как безопасное место нужно для того, чтобы чувствовать себя в безопасности, как земля нужна для того, чтобы на нее опираться, как учитель нужен для того, чтобы обрести умение, как царь нужен для того, чтобы добиваться почестей, как драгоценный самоцвет нужен для того, чтобы исполнялись желания,— вот точно так же, государь, и чистые обеты нужны ариям для того, чтобы обрести все достоинства шраманства.

Как вода, государь, [предназначена] для того, чтобы проросли семена, как огонь для того, чтобы жечь, как пища для того, чтобы сохранить силы, как лиана для того, чтобы связывать, как нож для того, чтобы резать, как питье для того, чтобы утолять жажду, как клад для того, чтобы было на что надеяться, как корабль для того, чтобы добраться до берега, как безопасное место для того, чтобы быть в безопасности, как лекарство для того, чтобы вылечить болезнь, как повозка для того, чтобы с удобством ехать, как царь для того, чтобы защищать, как щит для того, чтобы отражать удары палок, камней, дубин, стрел, копий, как учитель для того, чтобы научиться, как мать для того, чтобы вскормить, как зеркало для того, чтобы в него смотреться, как украшение для того, чтобы быть нарядным, как ткань для того, чтобы прикрываться, как лестница для того, чтобы взбираться, как весы для того, чтобы взвешивать, как мантра для того, чтобы ее шептать, как оружие для того, чтобы грозить и отражать [нападение], как светильник для того, чтобы рассеять мрак, как ветерок для того, чтобы облегчить зной, как ремесло для того, чтобы зарабатывать на жизнь, как противоядие для того, чтобы сохранить жизнь, как копи для того, чтобы извлекать из них драгоценности, как драгоценность для украшения, как приказ для того, чтобы от него не отступать, как власть для того, чтобы распоряжаться,— вот точно так же, государь, и чистые обеты для того, чтобы проросли все семена шраманства, чтобы сгорел весь сор аффектов, чтобы подкрепить сверхобычные силы, чтобы связать себя сдержанностью и памятованием, чтобы отсечь сомнения и нерешительность, чтобы избавиться от жажды [к мирскому кружению], чтобы вздохнуть спокойно, достигнув положения, чтобы вырваться из четырех течений, чтобы исцелить болезни-аффекты, чтобы обрести счастье нирваны, чтобы избавиться от опасности рождения, старости, болезни, смерти, печали, стенаний, боли, уныния, отчаяния, чтобы сохранить все шраманские добродетели, чтобы защититься от неудовлетворенности и дурных помыслов, чтобы научиться всем шраманским предметам, чтобы вскормить все шраманские добродетели, чтобы узреть спокойствие, прозрение, стезю и плоды, чтобы украсить себя величайшим из всех и всеми прославляемым и славимым украшением, чтобы закрыть дорогу ко всем дурным уделам, чтобы взойти на горную вершину [святости и достичь] цели шраманства, что-

бы правильно знать цену кривым, извилистым, неровным мыслям, чтобы правильно размышлять о дхармах, которым должно и не должно следовать, чтобы пригрозить всем аффектам-неприятелям, чтобы рассеять тьму неведения, чтобы потушить опаляющий тройной огонь, чтобы прийти к покойному, тонкому, мирному состоянию, чтобы оборонить все шраманские добродетели, чтобы добыть сокровища звеньев просветления, чтобы украсить себя [приличествующим] йогу украшением, чтобы не преступать безупречного, тонкого, умного, покойного и несущего счастье [учения], чтобы распоряжаться всеми арийскими, шраманскими дхармами. Для того чтобы обрести все эти достоинства, для каждого из них нужны чистые обеты. Итак, государь, чистые обеты безмерны, бесценны, бесподобны, несравненны, непревосходимы, возвышенны, превосходны, великолепно, пространны, обширны, протяженны, просторны, весомы, увесисты и велики.

Государь! Если злонамеренный, полный желаний, лицемерный, жадный, прожорливый, корыстолюбивый, честолюбивый, славолюбивый, недостойный, непригодный, неподобный, неспособный, не заслуживший этого человек принимает на себя чистые обеты, то его настигает двойная кара: уже в этой жизни унижение, презрение, осуждение, насмешки, осмеяние, отказ от общения, изгнание, отлучение, исключение, отверженность; а после смерти в жарком, пылающем, накаленном, раскаленном великом аду Нэзыби, простирающемся на сто йоджан, его многие сотни тысяч миллионов лет будет швырять вверх, вниз, из стороны в сторону, кружить и вертеть, словно пузырь на воде. Наконец он выберется оттуда и станет огромным претом-шраманом с тощими, корявыми и черными туловищем, руками и ногами; с распухшей и раздувшейся головой, изобилующей язвами; мучимый голодом и жаждой; с виду жуткий и нелепый, с изорванными в лохмотья ушами, с беспрестанно моргающими глазами, с руками и ногами в болячках и нарывах, с кишасим мушинными личинками телом, сжигаемым и опаляемым изнутри огнем, подобным горящему на ветру костру; беспомощный, беззащитный, жалостно скуля, вопя, воя и стеная, терзаемый неукротимой жаждой, он будет мыкаться по земле, оглашая ее своим нытьем.

Представь, государь, что недостойный, непригодный, неподобный, неспособный, не заслуживший этого, низкий, подлого рода человек принял кшатрийское помазание [на царство]. За это ему будет усекновение кистей рук, или усекновение ног по щиколотки, или усекновение и рук и ног, или усекновение носа, или усекновение ушей, или усекновение и носа и ушей, или «котелок каши», или «лысая раковина», или «зев Раху», или «горящий венчик», или «руки-факелы», или «лупленный банан», или «кожурка», или «козел на сковородке», или «тушка на крюку»,

или «гуляш живьем», или «строганина со щелочью», или «воротная петля», или «соломенное сиденье», или поливание кипящим маслом, или травля псами, или сажание на кол, или усекование головы, и он хлебнет всякого лиха, ибо он, недостойный, непригодный, неподобный, неспособный, не заслуживший этого, низкий, подлого рода человек вздумал стать властелином и попрал обычаи. Вот точно так же, государь, если злонамеренный, полный желаний (——) он будет скитаться по земле, оглашая ее своим нытьем.

Напротив, государь, если чистые обеты принимает на себя достойный, способный, пригодный к этому и заслуживший это человек — нетребовательный, непритязательный, склонный к уединению, ненавязчивый, полный решимости, ревностный, лишенный коварства и притворства, непрожорливый, некорыстный, нечестолюбивый, неславолюбивый, полный веры, с верою принявший постриг, стремясь избавиться от рождения и смерти, если такой человек берет на себя обеты, чтобы исполнить завет, то он вдвойне достоин поклонения: он богам и людям мил, приятен и желанен, словно благородные цветы суманая и маллики для того, кто омылся и умастил себя благовонием; словно отменная еда для голодного; словно прохладное, чистое, приятно пахнущее питье для томимого жаждой; словно превосходное лекарство для отравившегося; словно отличные рысак и колесница для того, кто хочет ехать быстро; словно драгоценный самоцвет, исполняющий желания, для того, кому нужна выгода; словно белый, чистый, блестящий зонт для кшатрия, желающего принять помазание; словно высшее духовное достижение — плод святости — для того, кто стремится осуществить Учение.

Такой человек полностью освоит четыре постановки памятования, полностью освоит четыре истинных начинания, пять орудий, пять сил, семь звеньев просветления, арийскую восьмизвенную стезю; его делание и достижения будут зрелыми; четыре плода шраманства, четыре толкующих знания, три ведения, шесть сверхзнаний и всё, что есть в шраманстве, будет его достоянием, и он примет помазание под светлым, чистым, блестящим зонтом свободы.

Скажем, государь, родовитому, высокородному кшатрию, принявшему кшатрийское помазание на царство, служат все жители царства: горожане, селяне, воины, телохранители; он окружен царской свитой тридцати восьми разрядов, актерами и танцорами, воспевателями подвигов, глашатаями, шраманами и брахманами всех возможных толков; он становится господином и издает указы обо всем: о гаванях, сокровищах, копях, городах, таможнях, чужеземцах, о наказании преступников. Вот точно так же, государь, если чистые обеты принимает на себя достойный, способный (——) то все, что есть в шраманстве,

будет его достоянием, и он примет помазание под светлым, чистым, блестящим зонтом свободы.

Всего, государь, есть тринадцать чистых обетов. Очистившись ими, [монах] погружается в великий океан нирваны и играет там во многие игры с дхармами, пользуется восьмью овладениями в [сферах] чистого образа и безобразного и обретает все разнообразие сверхобычных сил, способность дивного слуха, распознавание чужих мыслей, память о прошлых существованиях, дивное око и истощение всяческой тяги. Вот эти тринадцать обетов: [ношение одежды, сшитой из найденных на] свалке тряпок; имение не более чем трех одежд; [ограничение себя лишь тою] милостыней, которую собрал сам; хождение за милостыней во все дома [без разбора и предпочтения]; съедение всей пищи за один только присест; использование одной лишь миски; отказ от всяческой добавочной еды; житье в лесу; житье под деревом; ночлег под открытым небом; [постоянное пребывание] на кладбищах [и местах сожжения трупов]; спанье на любом ложе [и любой подстилке]; спанье сидя. Таковы, государь, тринадцать чистых обетов. Те, кто эти обеты блюдут, соблюдают, выполняют, исполняют, в них упражняются, им следуют и от них не отступают,— те обретают все, что есть в шраманстве, и все [йогические] овладения, счастливые и спокойные, становятся их достоянием.

Например, государь, богатый мореход выплачивает в порту пошлину, выходит в открытый океан и ведет корабль в Вангу, Такколу, Китай, Саувиру, Саураштру, Александрию, в порты Чолов, в Золотую Землю⁷ и в любые иные страны, куда можно добраться морем. Вот точно так же, государь, те [монахи], которые эти обеты блюдут, соблюдают, выполняют, исполняют, в них упражняются, им следуют и от них не отступают,— те обретают всё, что есть в шраманстве, и все [йогические] овладения, счастливые и спокойные, становятся их достоянием.

Или, например, государь, земледелец очищает сначала поле от сорняков, палок и камней, пашет его и засекает, заливают его обильно водою, охраняет его и стережет [от птиц и зверей], жнет, обмолачивает и получает наконец много зерна, и тогда все нищие, жалкие, убогие, неимущие люди оказываются в его власти. Вот точно так же, государь, те [монахи], которые эти обеты блюдут, соблюдают, выполняют, исполняют, в них упражняются, им следуют и от них не отступают,— те обретают всё, что есть в шраманстве, и все [йогические] овладения, счастливые и спокойные, становятся их достоянием.

Или, например, государь, родовитый и высокородный кшатрий, принявший помазание [на царство], становится судьей, господином, властелином, владыкой преступников и делает с ними, что хочет, и вся широкая земля становится его достоянием. Вот точно так же, государь, те [монахи], которые эти чистые

обеты блюдут, соблюдают, выполняют, исполняют, в них упражняются, им следуют и от них не отступают, — те становятся господами, властителями, владыками превосходного Завета Победителя, могут в нем исполнить все, что захотят, и все без изъятия шраманские добродетели становятся их достоянием.

Известен такой случай, государь: однажды тхера Упасена, сын бенгальцев, совершенный в безукоризненном исполнении чистых обетов, пренебрег договором, существовавшим среди монашеской общины Шравасты, и со своими младшими монахами он пришел к Блаженному, когда тот пребывал в уединенном созерцании. Он поклонился ему в ноги и сел подле него. Блаженный оглядел бывших с ним монахов, увидел, как превосходно они себя держат, обрадовался, порадовался за них и весело и дружелюбно побеседовал с ними, а затем своим глубоким, полновзвучным голосом сказал: «На твоих монахов, Упасена, так воспитать их?» А тот, услышав этот вопрос всеведущего, десяти сильного бога богов, ответил ему по правде и назвал те достоинства, которые действительно у него были: «Почтенный! Когда кто-то приходит ко мне и просит у меня пострижения и позволения стать моим учеником, я ему говорю: „Любезный! Сам я живу в лесу, ем только то, что подали мне самому, одеваюсь в рубище, сшитое из старых, выброшенных тряпок, и у меня только три одежды. Если ты тоже станешь жить в лесу, сам собирать для себя милостыню, одеваться в рубище, сшитое из старых, выброшенных тряпок, и не будешь иметь больше трех одежд, то я постригу тебя и возьму к себе в ученики“. Если это его устраивает и он соглашается, то я постригаю его и беру к себе в ученики; а если это его не устраивает и он не соглашается, то я не постригаю его и не беру к себе в ученики. Вот так, почтенный, воспитываю я своих монахов». Итак, государь, тот, кто принял на себя превосходные чистые обеты, становится господином, властелином, владыкой Завета Победителя и может в нем исполнить все, что захочет, и все [йогические] овладения, счастливые и спокойные, становятся его достоянием.

Государь! Как чистейший, благородного происхождения расцветший лотос гладок, мягок, благоуханен, мил и люб, приятен и желанен, не пятнается водою и тиной, красуется своими маленькими лепестками, ворсинками и коробочкой, облюбован роями пчел и стоит над прохладной и чистой водою, вот точно так же, государь, тот арийский слушатель, который эти чистые обеты блюдет, соблюдает, выполняет, исполняет, в них упражняется, им следует и от них не отступает, — тот обретает тридцать редких достоинств. Эти тридцать редких достоинств таковы: его мысль мягка, податлива, ровна и исполнена доброты; аффекты он убил, перебил и добил; спесь и гордость сбил и прибил; вера его недвижна, тверда, неизменна и чужда сомне-

ниям; исполненный чистой радости, он легко осваивает завидные покойные, счастливые состояния; он весь пропитан бесподобным, чистым благоуханием превосходнейшей нравственности; богам и людям он мил и приятен; лучшим из ариев, тем, кто пришел к истощению тяги, желанен; боги и люди почтительно пред ним склоняются; умные, сведущие, знающие толк люди его славят, прославляют, восхваляют и превозносят; ни к этой жизни, ни к той он не прилепляется; даже малые, ничтожные проступки считает опасными; для тех, кто стремится к высшему, великому благоденствию, он — помощник в обретении стези, плодов и высшей цели; он обладает лучшими вещами, которые можно получить подаянием; он ночует без пристанища; пребывает в лучшем тапасе — склонен мыслью к созерцанию; размотал спутанный клубок аффектов; сломал, рассек, разбил и разрушил препятствия; несокрушим; безукоризнен в поведении; безупречен в пользовании вещами; свободен от [всех будущих возможных] уделов; поднялся выше всех сомнений; всем существом устремлен к свободе; узрел Учение [духовным оком]; нашел прочное, надежное, безопасное пристанище; пресек скрытые склонности; достиг истощения всяческой тяги; помногу пребывает в покойном, счастливом состоянии созерцания; обладает всеми достоинствами, необходимыми шраману. Таковы тридцать редких достоинств, обретаемых тем, [кто предан чистым обетам].

Известно, государь, что тхера Шарипутра — это величайший человек во всей десяти тысячной мировой сфере, если не считать самого десяти тысячного учителя мира. Несметные, бессчетные кальпы он растил в себе благие корни; родившись в благородной брахманской семье, отказался от прельстительных улад, от огромного богатства в сотни тысяч [каршапан], принял постриг под началом Победителя, укротил свое тело, речь и мысль этими тринадцатью чистыми обетами и стал теперь обладателем бесконечных достоинств, тем, кто в Завете блаженного Готамы способен катить колесо проповеди вслед за самим Блаженным. Ведь есть, государь, в превосходном Численно-упорядоченном Своде изречение Блаженного, бога богов: «О монахи! Ни одного не знаю я человека, кроме Шарипутры, кто смог бы колесо верховной проповеди, запущенное Татхагатой, достойно катить вслед за ним. И лишь Шарипутра, о монахи, колесо верховной проповеди, запущенное Татхагатой, способен достойно катить вслед за ним».

— Отлично, почтенный Нагасена! Все то, что есть в Девятичастных Речениях Просветленного, все сверхмирские дела, все достижения, великие, превосходные [йогические] овладения — все это нерасторжимо связано с тринадцатью чистыми обетами.

Девятая глава [закончена] ⁸.

КНИГА ШЕСТАЯ

СРАВНЕНИЯ

— Почтенный Нагасена, какие качества должен иметь монах, чтобы достичь святости?

— Монаху, стремящемуся достичь святости, государь, следует:

одно качество взять у осла,
пять качеств взять у петуха,
одно качество взять у белки,
одно качество взять у пантеры,
два качества взять у леопарда,
пять качеств взять у морской черепахи,
одно качество взять у бамбука,
одно качество взять у лука,
два качества взять у вороны,
два качества взять у обезьяны,
одно качество взять у тыквы,
три качества взять у лотоса,
два качества взять у семени,
одно качество взять у салового дерева,
три качества взять у корабля,
два качества взять у якоря,
одно качество взять у мачты,
три качества взять у кормчего,
одно качество взять у моряка,
пять качеств взять у океана,
пять качеств взять у земли,
пять качеств взять у воды,
пять качеств взять у огня,
пять качеств взять у ветра,
пять качеств взять у скалы,
пять качеств взять у пространства,
пять качеств взять у месяца,
семь качеств взять у солнца,

три качества взять у Шакры,
четыре качества взять у миродержца,
одно качество взять у термита,
два качества взять у кота,
одно качество взять у крысы,
одно качество взять у скорпиона,
одно качество взять у мангусты,
два качества взять у старого шакала,
три качества взять у оленя,
четыре качества взять у вола,
два качества взять у вепря,
пять качеств взять у слона,
семь качеств взять у льва,
три качества взять у казарки,
два качества взять у пенахики,
одно качество взять у домашнего голубя,
два качества взять у совы,
одно качество взять у журавля,
два качества взять у нетопыря,
одно качество взять у пиявки,
три качества взять у змеи,
одно качество взять у удава,
одно качество взять у бродячего паука,
одно качество взять у грудного младенца,
одно качество взять у сухопутной черепахи,
пять качеств взять у горного леса,
три качества взять у дерева,
пять качеств взять у дождевого облака,
три качества взять у самоцвета,
четыре качества взять у охотника,
два качества взять у рыбака,
два качества взять у плотника,
одно качество взять у кувшина,
два качества взять у железа,
три качества взять у зонта,
три качества взять у поля,
два качества взять у противоядия,
три качества взять у пищи,
четыре качества взять у стрелка¹,
четыре качества взять у царя,
два качества взять у привратника,
одно качество взять у нишада²,
два качества взять у светильника,
два качества взять у павлина,
два качества взять у скакуна,
два качества взять у усика лианы,
два качества взять у столба Индры³,

одно качество взять у весов,
два качества взять у меча,
два качества взять у рыбы,
одно качество взять у должника,
два качества взять у больного,
два качества взять у покойника,
два качества взять у реки,
одно качество взять у быка,
два качества взять у пути,
одно качество взять у таможенника,
три качества взять у вора,
одно качество взять у ястреба,
одно качество взять у пса,
три качества взять у врача,
два качества взять у беременной женщины,
одно качество взять у самки яка,
два качества взять у наседки,
два качества взять у голубицы,
два качества взять у одноглазого,
три качества взять у пахаря,
одно качество взять у шакалихи,
два качества взять у долбленки,
одно качество взять у ложки,
три качества взять у рассчитывающегося с долгами,
одно качество взять у сборщика,
два качества взять у колесничего,
два качества взять у стольника,
одно качество взять у портного,
одно качество взять у корабельщика,
два качества взять у пчелы.
Перечень закончен.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество осла. Каково это качество?

— Известно, государь, что ишак ложится там где придется — на куче мусора, или на перекрестке, или на площади, или у ворот деревни, или на куче мякины, и притом не залеживается, — вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует стелить свой кусок шкуры и ложиться где пришлось — на подстилке из сена, или на подстилке из сухой листвы, или на деревянном топчане — и не следует залеживаться. Это то качество, государь, что следует взять у осла. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов: «Мои слушатели, о монахи, теперь неизменно прилежны, настойчивы, ревностны. Большого, чем прилечь на топчане, им и не нужно»⁴.

И есть также, государь, изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения:

«Когда сидит он скрестив ноги
И дождь не замочил коленей —
Не нужно большего удобства
Монаху, преданному йоге»⁵.

[2.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять пять качеств петуха. Каковы эти пять качеств?

— Известно, государь, что петух вовремя, в свою пору, уединяется. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует вовремя, в свою пору, подмести двор вокруг чайтьи, позаботиться о питьевой воде на день⁶, взбудрить тело⁷, помыться, поклониться чайтье, заглянуть к престарелым монахам и вовремя, в свою пору, войти в пустую горницу⁸. Это первое качество, государь, что следует взять у петуха. Далее, государь, петух вовремя, в свою пору, просыпается. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует вовремя, в свою пору, проснуться, подмести двор вокруг чайтьи, позаботиться о питьевой воде на день, взбудрить тело, поклониться чайтье и опять же войти в пустую горницу. Это второе качество, государь, что следует взять у петуха. Далее, государь, петух сначала покопается в земле, а потом съедает, что ему попало. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует сначала подумать и осознать: «Это не для потехи, не для забавы, не ради красоты, не ради привлекательности, но только чтобы тело было бодрым и крепким, чтобы утолить голод и блюсти воздержание. Так и прежняя тягота пресечется, и новая тягота не возникнет; так жизнь моя продлится и будет безупречной и не обременительной»⁹, а уже потом следует есть, что ему досталось. Это третье качество, государь, что следует взять у петуха. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов:

«Как съели в пустыне дитя —
Только б не всем пропасть,
Как смазку кладут на ось —
Только б телега шла,
Так он свою пищу ел —
Только бы крепким быть»¹⁰.

Далее, государь, хотя петух и зрячий, на ночь он слепнет. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует быть словно слепым, хотя он и не слеп. В лесу ли он или идет за милостыней по привычной ему деревне, ему следует быть словно слепым, глухим и немым ко всем зримым образам, звукам, запахам, вкусам, касаниям и дхармам, могущим вызывать страсть, и не следует обращать внимание на признаки и

второстепенные приметы. Это четвертое качество, государь, что следует взять у петуха. Ведь есть, государь, изречение тхеры Большого Катьяяны:

«Зрячий — а словно слепой,
Слышит — а словно глухой,
Имея язык, словно нем,
Сильный — а словно без сил,
Выгодою никакой
Он, как мертвец, недвижим»¹¹.

Далее, государь, петуха хоть комьями земли бей, палками, кольями и хворостинами, он свой родной дом все равно не оставит. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует оставлять подлинного внимания, латает ли он одежду, занимается ли хозяйством или повседневными делами, слушает ли наставления или сам дает их. Ведь подлинное внимание, государь, это для йога дом родной. Это пятое качество, государь, что следует взять у петуха. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов: «Что же такое для монаха своя вотчина, наследные отчие пределы? Это, о монахи, четыре постановки памятования»¹². И есть также, государь, изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения:

«Как рассудительный слон
Хобот себе не марают,
Знает, что можно есть,
Что для него полезно,
Так же сын Просветленного
Ученье марают не должен,
Должен быть осмотрителен
И неизменно внимателен»¹³.

[3.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество белки. Каково это качество?

— Известно, государь, что, если на белку нападают враги, она пушит и пружинит хвост и этим хвостом, как дубиной, отбивается от врагов. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, если на него нападают враги-аффекты, следует распушить и напружинить, как дубину, постановки памятования и отбиваться от всех аффектов дубиной постановок памятования. Это то качество, государь, что следует взять у белки. Ведь есть, государь, изречение тхеры Пантхаки Малого:

«Если аффекты наваятся,
Делу грозя монашескому,
Бить их надо дубиной
Постановок памятования».

[4.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество пантеры. Каково это качество?

— Известно, государь, что пантера беременеет с одного раза и больше с самцом не сходится. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует усмотреть в будущем зачатие, возникновение, пребывание в материнском чреве, кончину, распад, изнурение, погибель, опасности мирского кружения, дурные уделы, тревоги и пребрatности и с подлинным вниманием решить: «Я не стану рождаться больше». Это то качество, государь, что следует взять у пантеры. Ведь есть, государь, в Сборных сутрах, в сутре «Богатый пастух», изречение Блаженного, бога богов:

«Как мощный бык, разорвавший путы,
Как слон, проломившийся сквозь лианы,
Я вырвался из череды рождений.
Пусть будет дождь, если хочет бог»¹⁴.

[5.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять два качества леопарда. Каковы эти два качества?

— Известно, государь, что леопард затанвается в густой траве, или в густом лесу, или среди скали там подстерегает свою добычу. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует пребывать в уединении — в лесу, под деревом, в горах, в пещере, в скальной расщелине, на погосте, в чащобе, под открытым небом, у скирды, там, где тихо и нешумно, малоллюдно, от толпы потаенно и для уединенного созерцания удобно¹⁵. Это первое качество, государь, что следует взять у леопарда. Ведь есть, государь, изречение тхер — глашатаев Учения:

«Как леопард из засады
Устремляется на добычу,
Так же пусть сын Просветленного,
Умный и в йоге усердный,
Уединившись в пустынь,
К плоду святости устремится».

Далее, государь, какую бы добычу ни свалил леопард, он не станет пожирать ее, если она упала на левый бок. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует есть пищу, добытую неправедным способом, противоречащим словам Просветленного: ни [добытую] даянием бамбука, ни даянием листьев, ни даянием цветов, ни даянием плодов, ни мытьем, ни даянием глины, ни даянием благовонной мази, ни даянием палочки для чистки зубов, ни даянием воды для полоскания рта, ни улещиванием, ни угодничеством, ни игрой на слабостях, ни хождением по поручениям, ни врачеванием, ни посредничеством, ни сообщением новостей, ни обменом на полученное подаяние, ни отдачей обратно полученного прежде, ни предсказаниями по приметам на теле, ни еще чем бы то ни было¹⁶ [недозволенным — и поступать с такой пищей должно], как леопарду

с добычей, упавшей на левый бок. Это второе качество, государь, что следует взять у леопарда. Ведь есть, государь, изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения:

«Услышав мой намек недолжный,
Мне сладкой каши принесли.
Позволить себе съесть ее?
Я правила свои нарушу.
Пусть лучше кишки у меня
Наружу вылезут от боли.
Я правилом не поступлюсь,
Скорее уж расстанусь с жизнью»¹⁷.

[6.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять пять качеств морской черепахи. Каковы эти пять качеств?

— Известно, государь, что черепаха, раз она водяное животное, держится в воде. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует жить, распространяя на весь мир, на всех живых существ, на все особи и личности мысль, исполненную благого милосердия и доброты — огромной, великой, безмерной, чуждой всякой вражде и желанию вредить. Это первое качество, государь, что следует взять у черепахи. Далее, государь, когда черепаха выныривает из воды, она высовывает сначала голову и, если кого-то видит, тотчас ныряет и погружается на глубину: «Пусть они меня больше не видят». Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, если на него наваливаются аффекты, следует тотчас нырнуть в суть опоры [созерцания] и погрузиться в ее глубину: «Пусть аффекты меня больше не видят». Это второе качество, государь, что следует взять у черепахи. Далее, государь, когда черепаха выходит из воды, она согревает тело на солнце. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, когда он вывел свой ум из [сосредоточения, в котором находился, выполнял ли он его] стоя, или сидя, или лежа, или прохаживаясь, следует согревать ум истинными начинаниями. Это третье качество, государь, что следует взять у черепахи. Далее, государь, черепаха выкапывает ямку и поселяется в одиночестве. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует оставить прибыль, успех и почести, углубиться в безлюдную рощу, чащобу, в горы, в пещеру, в скальную расщелину — туда, где тихо, нешумно и уединенно, и там обосноваться в одиночестве. Это четвертое качество, государь, что следует взять у черепахи. Ведь есть, государь, изречение тхеры Упасены, сына бенгальцев:

«В тиши, в уединенье,
В соседстве со зверями
Монах пусть приютится
Для сосредоточенья»¹⁸.

Далее, государь, если черепаха идет по своим делам и [вдруг]

слышит или видит что-то [подозрительное], она втягивает голову и члены под панцирь и тихо и смиренно сидит, тело свое защищает. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, когда на него со всех сторон бросаются зримые образы, звуки, запахи, вкусы, касания и дхармы, следует во всех шести проходах захлопнуть ворота сдержанности, собрать ум, сдержаться и оставаться трезвенным и памятующим, защищать свое шраманское дело. Это пятое качество, государь, что следует взять у черепахи. Ведь есть, государь, в превосходном Своде связей, там, где сравнение с черепахой, изречение Блаженного, бога богов:

«Как черепаха под панцирь члены,
Втяни в себя мысли, сосредоточься,
Другим не вреди и не осуждай их,
Будь безопорен, придя к нирване»¹⁹.

[7.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество бамбука. Каково это качество?

— Известно, государь, что бамбук клонится туда, куда дует ветер, и не следует никакому другому направлению. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует клониться к тому, чему учил Блаженный, Просветленный в Девятичастном Завете Учителя, стоять на должном, на безупречном и стремиться только к выполнению шраманского дела. Это то качество, государь, что следует взять у бамбука. Ведь есть, государь, изречение тхеры Рахулы:

«Во всем, что должно, безупречно,
Я полагался на Ученье
Девятичастного Завета
И вырвался из злой юдоли».

[8.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество лука. Каково это качество?

— Известно, государь, что хорошо выструганный, соразмерный лук одинаково гибок с одного конца до другого, в нем нет жестких участков. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует быть гибким в общении с тхерами, новичками, средними по старшинству монахами и с равными себе и не следует быть строптивым. Это то качество, государь, что следует взять у лука. Ведь есть, государь, в джатаке о мудром Видхуре изречение Блаженного, бога богов:

«Пусть будет ум, как лук, упругим,
Пусть будет гибким, как бамбук,
И, неподатливость оставив,
Достоин будет царской жизни»²⁰.

[9.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять два качества вороны. Каковы эти два качества?

— Известно, государь, что ворона — птица осмотрительная-преосмотрительная, осторожная-преосторожная. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует быть осмотрительным-преосмотрительным, осторожным-преосторожным, поставить себе памятование и сдерживать деятельность чувств. Это первое качество, государь, что следует взять у вороны. Далее, государь, какую бы еду ворона ни нашла, она всегда поделится с сородичами. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует всяким праведным, по дхарме полученным прибытком, будь то хотя бы миска еды, непременно поделиться со своими благонравными сподвижниками. Это второе качество, государь, что следует взять у вороны. Ведь есть, государь, изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения:

«Я правилу твердо следую:
Не приступаю к трапезе,
Не поделившись с собратьями
Всем, что мне было подано».

[10.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять два качества у обезьяны. Каковы эти два качества?

— Известно, государь, что, когда обезьяне нужно где-то обосноваться, она обычно обосновывается на каком-нибудь огромном, мощном дереве, в уединенном месте, прикрытом со всех сторон ветвями и служащем защитой. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует найти [человека] совестливого, приветливого, нравственного, добродетельного, знающего много сутр, носителя Учения, приятного, уважаемого, почтенного, красноречивого, способного преподавателя, наставителя, разъяснителя, излагателя, побудителя, споспешателя и вдохновителя — такого духовного друга и учителя — и жить рядом с ним. Это первое качество, государь, что следует взять у обезьяны. Далее, государь, обезьяна на дереве все делает — и ходит, и стоит, и сидит, а когда настает ночь, там же и на ночлег устраивается. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует облюбовать лес, там стоять, ходить, сидеть, лежать, там же и спать, там же осваивать постановки памятования. Это второе качество, государь, что следует взять у обезьяны. Ведь есть, государь, изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения:

«Сидит он или ходит, лежит или стоит —
Хорош в лесу подвижник, и лес ему полезен».

Памятка ²¹:

Осел, петух и белка, пантера, леопард,
Черепаша и бамбук, лук, ворона, обезьяна.

Первая глава [закончена].

ГЛАВА ВТОРАЯ

[11.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество тыквы. Каково это качество?

— Известно, государь, что тыква, опираясь своими усиками на стебли, колышки и лианы, растет и тянется вверх. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, желающему [духовно] вырасти и стать святым, следует опереться умом на опору [созерцания] и тянуться вверх, к святости. Это то качество, государь, что следует взять у тыквы. Ведь есть, государь, изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения:

«Растет и вверх стремится тыква,
Найдя для усиков опору
В стеблях, в подпорках и лианах.
Так должен слушатель арийский,
Взыскующий конечной цели,
Найти опору созерцанья,
Растти и к святости стремиться».

[12.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять три качества лотоса. Каковы эти три качества?

— Известно, государь, что лотос в воде рожден, в воде возрос, но водой не пятнаем. Вот точно так же, государь, следует, чтобы занимающегося йогой йога не пятнали его семья, окружение, прибыль, слава, почести, уважение и личные его вещи. Это первое качество, государь, что следует взять у лотоса. Далее, государь, лотос вышел из воды и над нею возвышается. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует превзойти весь мир, возвыситься над ним и укрепиться в сверхмирских дхармах. Это второе качество, государь, что следует взять у лотоса. Далее, государь, лотос покачивается даже от слабого ветерка. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует сдерживать даже слабые аффекты и усматривать опасность даже в них. Это третье качество, государь, что следует взять у лотоса. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов: «Кто в мельчайших провинностях опасность усматривает, тот на деле выучивается правилам поведения»¹.

[13.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять два качества семени. Каковы эти два качества?

— Известно, государь, что даже маленькое семя, высаженное в тучную почву и не страдающее от недостатка дождей, приносит весьма обильный урожай. Вот точно так же, государь, и занимающегося йогой йогу следует поступать так, чтобы его нравственность принесла свой урожай — все плоды шраманства. Это первое качество, государь, что следует взять у семени. Да-

лее, государь, семя, высаженное в хорошо прополотое поле, быстро вырастает. Вот точно так же, государь, мысль занимающегося йогой йога, правильно схваченная, [упражнениями] в пустой горнице прополотая, в прекрасное поле постановок памятования высаженная, быстро вырастает. Это второе качество, государь, что следует взять у семени. Ведь есть, государь, изречение тхеры Анируддхи:

«В поле, чисто прополотом,
Семя быстро укореняется,
Обильно бывает плодами
И радует земледельца.
Так и сознание йога,
Очищенное в пустой горнице,
Прорастает быстро на поле
Постановок памятования».

[14.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество салового дерева. Каково это качество?

— Известно, государь, что саловое дерево прорастает в землю на глубину ста локтей и больше. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует достичь четырех плодов шраманства, четырех толкующих знаний, шести сверхзнаний и всего, что есть в шраманстве, [пребывая скрытым] в пустой горнице. Это то качество, государь, что следует взять у салового дерева. Ведь есть, государь, изречение тхеры Рахулы:

«Есть саловое дерево.
Растет оно и воду пьет,
А под землю проросло
На глубину до ста локтей.
Как в пору зрелости своей,
Когда наступит такой день,
Укореняется оно
На глубине до ста локтей,—
Великий муж! Вот так и я,
Как саловое дерево,
В глубинах, в пустой горнице
Корнями врос в Учение».

[15.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять три качества корабля. Каковы эти три качества?

— Известно, государь, что корабль, будучи прочно сбитым целым из разных бревен, перевозит [через море] множество людей. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует прочно, сбитым целым множества дхарм, [коренящихся в] нравственном, достойном, правильном поведении, весь мир с богами перевозить [через море мирского кружения]². Это первое качество, государь, что следует взять у корабля.

Далее, государь, корабль выдерживает удары множества грохочущих валов, мощный напор водоворотов. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует уметь выдерживать удары множества волн-аффектов, прибыль, славу, почести, почет, поклонение и преклонение, хулу и похвалу в чужих домах, приятное и неприятное, уважение и пренебрежение и удары множества волн всяческой враждебности. Это второе качество, государь, что следует взять у корабля. Далее, государь, корабль ходит по бесконечному, безграничному, безбрежному, неволнуемому в своих глубинах, оглушительно грохочущему, изобилующему сонмами тими, тимингал, китов и рыб великому, огромному океану. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует довести свой ум до постижения и достижения четырех арийских истин о трех поворотах, о двенадцати видах³. Это третье качество, государь, что следует взять у корабля. Ведь есть, государь, в превосходном Своде связей, в связке «Истины», изречение Блаженного, бога богов: «Когда вы раздумываете, монахи, раздумывайте о том, что есть тягота, раздумывайте о том, что есть сложение тяготы, раздумывайте о том, что есть пресечение тяготы, раздумывайте о том, что есть верная дорога, приводящая к пресечению тяготы»⁴.

[16.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять два качества якоря. Каковы эти два качества?

— Во-первых, государь, якорь в великом, огромном океане, водная поверхность которого бурно взволнованна и вздыблена множеством волн, останавливает корабль, держит его на месте и не дает [волнам] трепать его из стороны в сторону. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует посреди множества волн страсти, враждебности, заблуждения, под градом ударов дурных помышлений поставить свою мысль на якорь и не давать [помыслам] трепать ее из стороны в сторону. Это первое качество, государь, что следует взять у якоря. Далее, государь, якорь не скользит по волнам, но опускается на дно, останавливает корабль и держит его на месте даже на глубине ста локтей. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует скользить по волнам прибыли, почестей, славы, уважения, известности, почитания, преклонения и даже на вершине успеха, вершине славы следует ограничиваться тем, что необходимо для тела. Это второе качество, государь, что следует взять у якоря. Ведь есть, государь, изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения:

«Как якорь в волнах океанских
Не плавает и вглубь идет,
Так в волнах почестей и славы
Не плавайте, идите вглубь».

[17.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество мачты. Каково это качество?

— Известно, государь, что мачта держит на себе канаты, растяжки и паруса. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует исполниться трезвения и памятования; [что бы он ни делал] — подходил, уходил, смотрел вперед, смотрел в сторону, сгибал руку, разгибал руку, держал миску, носил верхнюю и нижнюю одежды, ел, пил, жевал, глотал, отправлял естественные надобности, спал, бодрствовал, говорил, молчал, — ему следует делать это с осознанием [того, что он делает]. Это то качество, государь, что следует взять у мачты. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов: «Пусть монах пребудет трезвенным и памятующим, о монахи. Это вам наше наставление»⁵.

[18.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять три качества кормчего. Каковы эти три качества?

— Во-первых, государь, кормчий день и ночь, постоянно, непрестанно, бдительно, осмотрительно-преосмотрительно управляет кораблем. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, чье дело направлять свою мысль, следует день и ночь, постоянно, непрестанно, бдительно и с подлинным вниманием направлять свою мысль. Это первое качество, государь, что следует взять у кормчего. Ведь есть, государь, в Стопах Учения изречение Блаженного, бога богов:

«Небеспечности радуйтесь,
Мысль свою стерегите.
Словно слон из трясины,
Из беды себя вызволите»⁶.

Далее, государь, все, что есть в великом океане, и хорошее и дурное, — все это кормчему известно. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует распознавать благое и неблагое, предосудительное и непредосудительное, низкое и высокое, темное и светлое и отчасти темное, отчасти светлое. Это второе качество, государь, что следует взять у кормчего. Далее, государь, кормчий на рулевое колесо накладывает печать, чтобы никто к рулевому колесу не прикасался. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует наложить на свою мысль печать сдержанности, чтобы среди помыслов никаких греховных, неблагих не было. Это третье качество, государь, что следует взять у кормчего. Ведь есть, государь, в превосходном Своде связей изречение Блаженного, бога богов: «Пусть, о монахи, среди ваших помыслов не будет греховных, неблагих помыслов, а именно: страстных помыслов, враждебных помыслов, вредительских помыслов»⁷.

[19.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество моряка. Каково это качество?

— Моряк так думает, государь: «Я человек наемный, подрянулся работать на этом корабле. Благодаря этому кораблю я имею харчи и жалованье. Отлынивать мне нельзя, мне нужно бдительно вести этот корабль». Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует думать: «Я не должен отлынивать! Ведь ощупывая [умом] это тело, составленное из четырех больших сутей, будучи постоянно, непрестанно бдительным, поставив себе памятование, трезвенный и памятующий, с мыслью собранной и сосредоточенной, я освобожусь от рождения, старости, болезни, смерти, печали, стенаний, боли, уныния, отчаяния». Это то качество, государь, что следует взять у моряка. Ведь есть, государь, изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения:

«Тело умом прощупывайте,
Постигайте его вновь и вновь.
Тот, кто видит природу тела,
Полагает страданиям конец».

[20.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять пять качеств океана. Каковы эти пять качеств?

— Во-первых, государь, великий океан с мертвым телом не уживается. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует уживаться со страстью, враждебностью, заблуждением, лжемудрием, гордостью, пренебрежением к другим, ревнивым соперничеством, завистью, скупостью, самоподачей, плутовством, хитростью — со всеми губительными аффектами и дурными поступками. Это первое качество, государь, что следует взять у океана. Далее, государь, океан держит и скрывает в себе драгоценный клад — множество жемчугов, самоцветов, «кошачьего глаза», раковин, камней, кораллов и хрусталя — и не разбрасывается им. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует обрести и достичь множества драгоценных достоинств — стези, плодов, созерцаний, развязок, сосредоточений, овладений, прозрения — и следует держать их при себе, не обнаруживать. Это второе качество, государь, что следует взять у океана. Далее, государь, океан уживается с огромными, великими размером существами. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует жить рядом с неприхотливым, непритязательным, блюющим чистые обеты, безупречным в поведении, безукоризненным в обращении, совестливым, приветливым, уважаемым, почтенным, красноречивым, способным преподавателем, направителем, хулителем греха, наставителем, воспитателем, разъяснителем, излагателем, побудителем, спешшателем и вдохновителем — с таким духовным другом и сподвижником. Это третье качество, государь,

что следует взять у океана. Далее, государь, океан, пополняемый водою Ганги, Ямуны, Ачиравати, Сараю, Махи и сотен тысяч прочих многоводных рек и потоками дождевой воды с небес, не выходит из своих берегов. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует из-за прибыли, славы, почестей, уважения, почитания и преклонения и даже ради сохранения жизни намеренно преступать правила поведения. Это четвертое качество, государь, что следует взять у океана. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов: «Государь! Как великий океан неизменен и из своих берегов не выходит, вот так же, государь, и правила поведения, данные мною слушателям, слушатели мои не преступят даже ради сохранения жизни». Далее, государь, океан все ручьи и реки — Ганга, Ямуна, Ачиравати, Сараю, Махи и прочие, все потоки воды с небес переполнить не могут. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует быть ненасытным в расспросах, беседах, слушании, запоминании, обдумывании, абхидхарме, Уставе, глубоких сутрах, возражениях, в [знании] стихосложения, словосложения, словоизменения и во [всем том, что необходимо для понимания] превосходного Девятичастного Завета Победителя. Это пятое качество, государь, что следует взять у океана. Ведь есть, государь, в джатаке о Сутасоме изречение Блаженного, бога богов:

«Огонь сжигать дрова не устанет,
Речная вода океан не наполнит,
Так умные люди, о лучший владыка,
Внимать благим речам не устанут»⁸.

Памятка:

Тыква, лотос, семя, сал, корабль и якорь корабельный,
Мачта, кормчий и моряк, океан десятым будет.
Вторая глава [закончена].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[21.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять пять качеств земли. Каковы эти пять качеств?

— Во-первых, государь, земля всегда одна и та же, осыпают ли ее желанными камфарой, агару, тагарой, сандалом, шафраном, изливают ли на нее нежеланные желчь, слизь, гной, кровь, пот, жир, слюну, сопли, истечения, мочу и кал. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу — встречает ли он желанное или нежеланное, прибыль или убыток, честь или бесчестье, хулу или похвалу, счастье или беду — всегда следует быть все тем же. Это первое качество, государь, что следует взять у земли. Далее, государь, земля не имеет нарядов и украшений, пахнет только самою собой. Вот точно так же, го-

сударь, и занимающемуся йогой йогу не следует иметь украшений и благоухать следует только своею нравственностью. Это второе качество, государь, что следует взять у земли. Далее, государь, земля едина, без дыр, без прорех, плотна, тверда, далеко простирается. Вот точно так же, государь, и нравственность занимающегося йогой йога должна быть едина, цельна, без дыр, без прорех, плотна, тверда и простирается на все. Это третье качество, государь, что следует взять у земли. Далее, государь, земля держит на себе деревни, торжки, города, области, деревья, горы, реки, пруды, озера, сонмы зверей, птиц, мужчин и женщин и в этом неутомима. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует проповедовать Учение, быть для других наставителем, воспитателем, разъяснителем, излагателем, побудителем, споспешателем и вдохновителем и быть в этом неутомимым. Это четвертое качество, государь, что следует взять у земли. Далее, государь, земля свободна от пристрастия и неприязни. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует быть свободным от пристрастия и неприязни и быть в своих мыслях [беспристрастным], подобно земле. Это пятое качество, государь, что следует взять у земли. Ведь есть, государь, изречение мирянки Субхадры Малой, прославляющее шраманов, [чьим наставлениям она следовала]:

«Однажды на монаха я
Со злости подняла топор,
Другим была довольна так,
Что благовономь умастила.
Ничуть не рассердился тот,
А этот лаской не прельстился.
Вот каковы мои монахи —
Земле подобны беспристрастьем!»

[22.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять пять качеств воды. Каковы эти пять качеств?

— Во-первых, государь, вода по своей природе определена, неволнуема, незамутненна и вполне чиста. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует оставить всякое лицемерие, попрошайничество, занятие предсказаниями, фокусничеством [и тому подобным] и быть по своей природе определенным, неволнуемым, незамутненным и вполне чистым. Это первое качество, государь, что следует взять у воды. Далее, государь, вода по природе постоянно свежа. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует со всеми живыми существами быть терпеливым, дружелюбным, снисходительным, жалеть их и желать им блага. Это второе качество, государь, что следует взять у воды. Далее, государь, вода нечистое очищает. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует в деревне, в лесу, с учителем, с наставником и

с теми, кто подобен наставникам, пререкаться или давать повод для упрека. Это третье качество, государь, что следует взять у воды. Далее, государь, вода многим людям желанна. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует быть нетребовательным и [потому] всегда быть всему миру весьма желанным. Это четвертое качество, государь, что следует взять у воды. Далее, государь, от воды никому не бывает дурного. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует телом, словом или мыслью совершать грехи, порождающие ссоры, свары, споры, пререкания, пустые терзания и неудовлетворенность. Это пятое качество, государь, что следует взять у воды. Ведь есть, государь, в джатаке о Кришне изречение Блаженного, бога богов:

«Владыка всех живых существ,
О Шакра! Вот что я хочу:
Из-за меня пусть никогда
Никто ни телом, ни умом
Страдания не испытает.
Даруй мне эту милость, Шакра»¹.

[23.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять пять качеств огня. Каковы эти пять качеств?

— Во-первых, государь, огонь сжигает сено, хворост, ветви и сухую листву. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует сжечь огнем знания все аффекты, внешние они или внутренние и опираются ли они на желанные или нежеланные предметы опыта. Это первое качество, государь, что следует взять у огня. Далее, государь, огонь беспощаден и безжалостен. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует жалеть и щадить какие-либо аффекты. Это второе качество, государь, что следует взять у огня. Далее, государь, огонь гонит холод прочь. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует породить жаркий огонь усилия и прогнать аффекты прочь. Это третье качество, государь, что следует взять у огня. Далее, государь, огонь порождает жар, будучи свободен от пристрастия и неприязни. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует быть свободным от пристрастия и неприязни и уподобить свою мысль огню. Это четвертое качество, государь, что следует взять у огня. Далее, государь, огонь рассеивает тьму и являет свет. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует рассеять тьму неведения и явить свет знания. Это пятое качество, государь, что следует взять у огня. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов, в котором он наставляет своего сына Рахулу: «Осваивай, Рахула, уподобление мысли огню. Если ты будешь осваивать уподобление огню, то невоз-

никшие неблагие дхармы так и не возникнут, а возникшие неблагие дхармы не смогут овладеть твоею мыслью»².

[24.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять пять качеств ветра. Каковы эти пять качеств?

— Во-первых, государь, ветер овеивает цветущие леса и рощи. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует найти утеху в лесу опор созерцания, цветущем прекрасными цветами свободы. Это первое качество, государь, что следует взять у ветра. Далее, государь, ветер сотрясает множество деревьев и кустов. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует, находясь в лесу, исследовать слабые и сотрясти аффекты. Это второе качество, государь, что следует взять у ветра. Далее, государь, ветер веет в пространстве. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует направлять свой ум к сверхмирским дхармам. Это третье качество, государь, что следует взять у ветра. Далее, государь, ветер распространяет запахи. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует распространять благоухание своей нравственности. Это четвертое качество, государь, что следует взять у ветра. Далее, государь, ветер бесприютен и не имеет пристанища. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует быть без приюта, без пристанища, без крова и быть от всего свободным. Это пятое качество, государь, что следует взять у ветра. Ведь есть, государь, в Сборных сутрах изречение Блаженного, бога богов:

«В сближенье возникла опасность,
Под кровом рождается страсть,
Жить без сближенья, без крова —
Вот истинно взгляд мудрецов»³.

[25.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять пять качеств скалы. Каковы эти пять качеств?

— Во-первых, государь, скала недвижна, несокрушима, неколебима. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу — встречает ли он уважение или неуважение, почтение или непочтительность, достойное или недостойное обращение, честь или бесчестье, хулу или похвалу, приятное или неприятное, желанные или нежеланные зримые образы, звуки, запахи, вкусы, касания, дхармы, — ему не следует испытывать страсть к тому, что склоняет к страсти, испытывать враждебность к тому, что склоняет к враждебности, впадать в заблуждение о том, что склоняет к заблуждению, не следует колебаться и трепетать, но следует быть неколебимым, подобно скале. Это первое качество, государь, что следует взять у скалы. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов:

«Как твердая скала
Неколебима ветром,
Так умным безразлична
Хула и похвала»⁴.

Далее, государь, скала тверда, и ничто к ней не прилепляется. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует быть твердым и ни к чему не прилепляться. Это второе качество, государь, что следует взять у скалы. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов:

«Кто ни к домохозяевам,
Ни к бесприютным странникам
Мыслью не прилепляется,
Кочует без пристанища,
Всегда непритязателен —
Того зову я брахманом»⁵.

Далее, государь, на скале не прорастают семена. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует давать в своей мысли прорасти [семенам] аффектов. Это третье качество, государь, что следует взять у скалы. Ведь есть, государь, изречение тхеры Субхутия:

«Если со страстью связанная
Мысль во мне нарождается,
Сам я осознаю ее
И в одиночку обуздываю:
„Вижу я, одолели тебя
Враждебность, страсть, заблуждение!
Уходи из лесу немедленно!
Здесь обитель очистившихся,
Безупречных подвижников.
Не оскверняй чистоты ее,
Уходи из лесу немедленно!“»^{5a}

Далее, государь, скала высоко вознесена. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует высоко вознести свое знание. Это четвертое качество, государь, что следует взять у скалы. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов:

«Когда умный прогонит прочь
Небеспечливостью беспечность,
Он воссядет в чертоге мудрых
И, лишенный печали, посмотрит
На печалющихся людей,
Как с горы на равнину смотрят,
Как разумный на глупых смотрит»⁶.

Далее, государь, скала не возносится выше и не умалется ниже того, что она есть. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует [в мыслях] возноситься или умалиться. Это пятое качество, государь, что следует взять у скалы. Ведь есть, государь, изречение мирянки Субхадры Малой, прославляющее шраманов, [чьим наставлениям она следовала]:

«Всем людям свойственно считать,
Что их везение возносит,
А невезенье умалет.
Не таковы мои монахи:
Они в везенье, невезенье
Всегда собою остаются».

[26.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять пять качеств пространства. Каковы эти пять качеств?

— Во-первых, государь, пространство ни с какой стороны схватить нельзя. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует быть таким, чтобы аффекты ни с какой стороны не могли его схватить. Это первое качество, государь, что следует взять у пространства. Далее, государь, пространство освоено провидцами, подвижниками, божествами и стаями птиц. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует освоить своим умом [знание того, что] все слагаемые бренны, тягостны и без самости. Это второе качество, государь, что следует взять у пространства. Далее, государь, пространство внушает страх. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует содрогаться при мысли о любых возможных в будущем рожденьях, не следует видеть в них ничего отрадного. Это третье качество, государь, что следует взять у пространства. Далее, государь, пространство бесконечно, безмерно, неизмеримо. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует обладать бесконечной нравственностью и безмерным знанием. Это четвертое качество, государь, что следует взять у пространства. Далее, государь, пространство ни к чему не льнет, ни с чем не связано, ни на чем не основано, ничем не спутано. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу ни к семье, ни к окружению, ни к прибыли, ни к жилью, ни к помехам, ни к личным вещам — ни к чему не следует льнуть, ни с чем не следует связываться, ни на чем не следует основываться, ничем не следует опутываться. Это пятое качество, государь, что следует взять у пространства. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов, в котором он наставляет своего сына Рахулу: «Пространство ни на чем не основывается, Рахула. Вот и ты, Рахула, осваивай уподобление мысли пространству. Если ты будешь осваивать уподобление простран-

ству, то никакие возникающие соприкосновения, приятные или неприятные, не смогут овладеть твоею мыслью»⁷.

[27.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять пять качеств месяца. Каковы эти пять качеств?

— Во-первых, государь, восходя в светлые пятнадцать дней после [новолуния], месяц все растет и растет. Вот точно так же, государь, и у занимающегося йогой йога достоинства правильного, должного нравственного поведения, учености и освоения, уединенного созерцания, постановок памятования, стережения шести проходов, знания меры в еде, преданности бодрствованию должны все возрастать и возрастать. Это первое качество, государь, что следует взять у месяца. Далее, государь, месяц — это могучий владыка. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует быть могучим владыкой своих хотений. Это второе качество, государь, что следует взять у месяца. Далее, государь, месяц странствует [по небу] ночью. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует пребывать в уединении. Это третье качество, государь, что следует взять у месяца. Далее, государь, над небесным дворцом месяца возвышается стяг. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует иметь свой стяг — нравственность. Это четвертое качество, государь, что следует взять у месяца. Далее, государь, месяц восходит, когда его просят и ждут. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует приходить в дома, куда его просят прийти и где ждут. Это пятое качество, государь, что следует взять у месяца. Ведь есть, государь, в превосходном Своде связей изречение Блаженного, бога богов: «Будьте, монахи, подобны месяцу, когда приходите в дома мирян, сдержите тело, сдержите мысль, всегда будьте в домах, как новички, не заноситесь»⁸.

[28.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять семь качеств солнца. Каковы эти семь качеств?

— Во-первых, государь, солнце высушивает всякую влагу. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует без остатка иссушить все аффекты. Это первое качество, государь, что следует взять у солнца. Далее, государь, солнце рассеивает непроглядную тьму. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует рассеять всяческую тьму страсти, тьму враждебности, тьму заблуждения, тьму лжемудрия, тьму гордости, тьму аффектов, тьму любых дурных поступков. Это второе качество, государь, что следует взять у солнца. Далее, государь, солнце всегда в движении. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует всегда быть подлинно внимательным. Это третье качество, государь, что следует взять у солнца. Далее, государь, солнце [всегда] в венце своих лучей. Вот точно так же, государь, и занимающемуся

йогой йогу следует быть в венце опор [созерцания]. Это четвертое качество, государь, что следует взять у солнца. Далее, государь, солнце движется, согревая великое множество людей. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует своим нравственным, достойным, должным поведением, созерцаниями, развязками, сосредоточениями, звеньями просветления, постановками памятования, истинными начинаниями, основами сверхобычных сил согревать весь мир с богами. Это пятое качество, государь, что следует взять у солнца. Далее, государь, солнце в страхе бежит от [асура] Раху⁹. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует при виде застрявших в зарослях-аффектах, попавших из-за своих дурных поступков, плод которых — преисподняя, в губительную пустыню дурных уделов, придавленных под бременем дурных воззрений, застрявших на неверном пути, идущих дурною стезей существ ужаснуться в своем уме великим ужасом. Это шестое качество, государь, что следует взять у солнца. Далее, государь, солнце простирает свет на благое и дурное. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует простереть свет [йогических] орудий, сил, постановок памятования, истинных начинаний, основ сверхобычных сил, [благих] мирских и сверхмирских дхарм. Это седьмое качество, государь, что следует взять у солнца. Ведь есть, государь, изречение тхеры Вангиши¹⁰:

«Как солнце восходящее
Живым являет образы
Нечистые и чистые,
Благие и греховные,
Так и знаток Учения
Всем людям, тьмой окутанным,
Пути являет многие,
Как солнце восходящее»¹¹.

[29.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять три качества Шакры. Каковы эти три качества?

— Во-первых, государь, Шакра наслаждается полным счастьем. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует радоваться счастьем полного уединения. Это первое качество, государь, что следует взять у Шакры. Далее, государь, когда Шакра видит небожителей, он привлекает их к своему [двору] и радуется этому. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует без вялости и лени привлекать к своему спокойному уму благие дхармы, радоваться этому, деятельно для этого стараться и прилагать усилия. Это второе качество, государь, что следует взять у Шакры. Далее, государь, у Шакры не бывает неудовлетворенности. Вот точно так же, государь, и у занимающегося йогой йога не должна в пу-

стой горнице возникать неудовлетворенность. Это третье качество, государь, что следует взять у Шакры. Ведь есть, государь, изречение тхеры Субхутя:

«Великий муж! С тех самых пор,
Как пострижение я принял,
Мой ум всегда свободен был
От помышлений об уладах».

[30.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять четыре качества миродержца. Каковы эти четыре качества?

— Во-первых, государь, миродержец располагает к себе людей четырьмя вызывающими расположение достоинствами¹². Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует расположить к себе четыре общности людей, привечать их и вдохновлять. Это первое качество, государь, что следует взять у миродержца. Далее, государь, в подвластных миродержцу пределах не бывает грабителей. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует допускать возникновения страстно-похотных, враждебных и вредительских помыслов. Это второе качество, государь, что следует взять у миродержца. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов:

«Кто рад успокоению помыслов,
Кто созерцает омерзительность —
Вот кто конец положит тяготам
И узы Мары разорвет»¹³.

Далее, государь, миродержец объезжает каждый день всю великую землю, омываемую океанскими водами, и проверяет сам, что хорошо и что дурно. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу каждый день следует подумать и осознать свои телесные деяния, словесные деяния и умные деяния: проверить, все ли его деяния этих трех видов были в тот день безупречны. Это третье качество, государь, что следует взять у миродержца. Ведь есть, государь, в превосходном Численно-упорядоченном Своде изречение Блаженного, бога богов: «Подвижник постоянно должен думать и осознавать: „Каков же я был за прошедшие день и ночь?“»¹⁴ Далее, государь, у миродержца защита и от внешних и от внутренних [врагов] всегда надежна. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует для защиты от внешних и внутренних аффектов выставить привратника — памятование. Это четвертое качество, государь, что следует взять у миродержца. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов: «Имея привратником памятование, о монахи, арийский слушатель отбрасывает неблагое,

осваивает благое, отбрасывает зазорное, осваивает незазорное, блюдет себя в чистоте»¹⁵.

Памятка:

Земля, вода, огонь и ветер,
Скала, пространство и луна,
Солнце, Шакра, миродержец.

Третья глава [закончена].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[31.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество термита. Каково это качество?

Известно, государь, что термит сначала возводит крышу, чтобы себя прикрыть, а потом уже идет искать пищу. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует сначала возвести крышу нравственной сдержанности, закрыть ею свой ум, а затем уже идти за подаением, ибо если занимающийся йогой йог возвел над собой крышу нравственной сдержанности, то он избавлен от всякой опасности. Это то качество, государь, что следует взять у термита. Ведь есть, государь, изречение тхеры Упасены, сына бенгалцев:

«Йог, возведший над помыслами
Крышу нравственной сдержанности,
Не прилепляясь к мирскому,
От опасностей избавляется».

[32.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять два качества кота. Каковы эти два качества?

— Во-первых, государь, находится ли кот в пещере, в норе или на складе, он все время старается поймать крысу. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, находится ли он в деревне, в лесу, под деревом или в пустой горнице, следует постоянно, непрестанно и бдительно стараться поймать свою добычу — памятование о теле. Это первое качество, государь, что следует взять у кота. Далее, государь, кот ловит добычу всегда поблизости [от своего жилья]. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует усматривать становление и распад тех самых пяти груд привязанности, [которые суть он сам]: «Вот образное, вот сложение образного, вот прехождение образного; вот ощущение, вот сложение ощущения, вот прехождение ощущения; вот распознавание, вот сложение распознавания, вот прехождение распознавания; вот слагаемые, вот сложение слагаемых, вот прехождение слагаемых; вот сознание, вот сложение сознания, вот прехождение сознания».

Это второе качество, государь, что следует взять у кота. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов:

«Отсюда уходить не нужно,
Верх бытия вам ни к чему.
Здесь и теперь в своем же теле
Должны вы обрести победу»¹.

[33.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество крысы. Каково это качество?

— Известно, государь, что крыса, повсюду расхаживая, ищет только одного — еды. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, где бы он ни расхаживал, искать следует только одного — подлинного внимания. Это то качество, государь, что следует взять у крысы. Ведь есть, государь, изречение тхеры Упасены, сына бенгальцев:

«Кто проникательно считает:
„Учение — всему глава“,
Тот не прельщается, спокоен,
Всегда памятованью предан».

[34.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество скорпиона. Каково это качество?

— Известно, государь, что оружие скорпиона — в его хвосте, и ходит он, высоко подняв хвост. Вот точно так же, государь, оружием занимающегося йогой йога должно быть знание, и свое знание ему следует высоко поднять. Это то качество, государь, что следует взять у скорпиона. Ведь есть, государь, изречение тхеры Упасены, сына бенгальцев:

«Тот, кто меч знания схватил
И пребывает прозорливым,
От всех опасностей избавлен
И для врагов неодолим».

[35.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество мангусты. Каково это качество?

— Известно, государь, что, если мангуста хочет подобраться к змее, она пропитывает все свое тело противоядием, а затем уже приближается к змее и хватает ее. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, когда он идет к полным гнева и озлобления, одолеваемым ссорами, сварами, пререканиями и строптивостью мирским людям, следует умастить свой ум противоядием доброты. Это то качество, государь, что следует взять у мангусты. Ведь есть, государь, изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения:

«А потому к своим, к чужим —
Ко всем питайте доброту,

Весь мир пронзите добротой:
Таков Блаженного завет»².

[36.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять два качества старого шакала. Каковы эти два качества?

— Во-первых, государь, старый шакал никакой едой не брезгает и ест вдоволь. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует брезговать никакой едой и следует есть столько, сколько нужно для крепости тела. Это первое качество, государь, что следует взять у старого шакала. Ведь есть, государь, изречение тхеры Большого Катьяяны:

«Однажды утром я в деревню
Отправился за подаяньем.
Увидел прокаженного,
Приветствовал и подошел.
Как раз он в это время ел.
И вот изъеденной рукой
Он в миску мне кладет пригоршню.
Отгнивший палец отвалился
И угодил туда же, в миску.
Усевшись где-то у забора,
Я съел его пригоршню каши —
И ел и съел без отвращения»³.

Далее, государь, старый шакал не разбирает, какая пища ему досталась — грубая или изысканная. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует разбирать, какая пища ему досталась: грубая или изысканная она, вкусная или не очень вкусная, и следует довольствоваться тем, что есть. Это второе качество, государь, что следует взять у старого шакала. Ведь есть, государь, изречение тхеры Упасены, сына бенгалйцев:

«Будь доволен грубою пищей,
Не стремись едой наслаждаться.
Угождающий своему чреву
К созерцанию не способен.
Кто довольствуется немногим,
Тот в монашестве совершенен»⁴.

[37.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять три качества оленя. Каковы эти три качества?

— Во-первых, государь, олень днем бродит по лесу, а ночью — под открытым небом. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу днем следует находиться в лесу, а ночью — под открытым небом. Это первое качество, государь, что следует взять у оленя. Ведь есть, государь, в проповеди, где речь идет о великом страхе, изречение Блаженного, бога богов: «В то время, Шарипутра, я в холодные зимние ночи, в пору,

когда празднуют восьмой день, когда падает снег,— в такие ночи я ночевал под открытым небом, дневал же в лесу»⁵. Далее, государь, если олень [заметил, что в него] летит стрела или копье, он увернется и убежит, не подставит тело [под удар]. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, если на него налетели аффекты, следует увернуться и убежать, не подставляя мысль [под удар]. Это второе качество, государь, что следует взять у оленя. Далее, государь, если олень видит людей, он бежит без оглядки: «Пусть они меня не видят». Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, если он увидел склонных к ссорам, сварам, спорам, пререканиям, безнравственных, ленивых, привыкших к пустому общению людей, следует бежать без оглядки: «Ни они меня пусть не видят, ни я пусть их не вижу». Это третье качество, государь, что следует взять у оленя. Ведь есть, государь, изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения:

«Пусть никогда у грешника,
Невежды и бездельника,
Безнравственного, вялого
Со мной не будет общего»⁶.

[38.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять четыре качества вола. Каковы эти четыре качества?

— Во-первых, государь, вол своего дома не бросает. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует бросать свое тело, [хотя он и знает], что удел тела — бренность, износ, одряхление, распад, разложение и уничтожение. Это первое качество, государь, что следует взять у вола. Далее, государь, впряженный в ярмо вол несет свое ярмо, хорошо ему или плохо. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует, приняв на себя монашество, жить в монашестве до конца своей жизни, до последнего издыхания, хорошо ему или плохо. Это второе качество, государь, что следует взять у вола. Далее, государь, у вола никогда не пропадает охота пить воду. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует воспринимать наставления учителя и наставника с никогда не пропадающей радостью, любовью и охотой. Это третье качество, государь, что следует взять у вола. Далее, государь, кто бы ни погонял вола, он везет свою телегу. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует воспринимать увещания и наставления тхер, новичков, средних по старшинству монахов и даже мирян, [смирненно] склоняя голову. Это четвертое качество, государь, что следует взять у вола. Ведь есть, государь, изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения:

«Пусть даже мальчик семи лет,
Едва принявший пострижение,

Мне наставленья преподаст,—
Если он искренен и добр,
Я голову пред ним склоню,
Его учителем сочту
И буду почитать его».

[39.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять два качества вепря. Каковы эти два качества?

— Во-первых, государь, когда наступает знойное и жаркое летнее время, вепрь окунается в воду. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, когда мысль его путается, накаляется и мутится от враждебности, следует окунуться в прохладное, несущее бессмертие, возвышенное освоение доброты. Это первое качество, государь, что следует взять у вепря. Далее, государь, вепрь забирается в лужу, выкапывает себе рылом ложе и на это ложе ложится. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует отбросить помыслы о теле и лечь на ложе избранного им созерцания. Это второе качество, государь, что следует взять у вепря. Ведь есть, государь, изречение тхеры Бхарадваджи Нищего:

«Тот, кто видит природу тела,
Проницателен и понятлив,
Тот лежит без супруги на ложе
Им избранного созерцанья».

[40.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять пять качеств слона. Каковы эти пять качеств?

— Во-первых, государь, когда слон идет, земля под его ногами подминается. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует, ощупывая [умом] тело, подминать все аффекты. Это первое качество, государь, что следует взять у слона. Далее, государь, слон поворачивается всем телом, чтобы посмотреть назад: он смотрит только вперед и не бросает взглядов по сторонам. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует поворачиваться всем телом, чтобы посмотреть назад, не следует бросать взглядов по сторонам, ни смотреть вверх, ни смотреть вниз, но следует смотреть только вперед на длину упряжки. Это второе качество, государь, что следует взять у слона. Далее, государь, у слона нет постоянного обиталища, он бродит в поисках пищи и не возвращается на одно и то же место. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует иметь постоянного обиталища и следует собирать милостыню, не имея своего крова. Если духовно зрящему человеку встретилось красивое, приятное, располагающее к себе место — под навесом, или у комля дерева, или в пещере, или на склоне горы, то там пусть и остановится и не устраивает себе настоящего жилья. Это третье качество, государь, что следует взять у слона. Далее, государь, слон любит воду, лю-

бит окунуться в полное чистой, прозрачной, свежей, ключевой водою, изобилующее синими, красными, розовыми лотосами и кувшинками лотосовое озеро и поиграть там в слоновьи игры. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует окунуться в полный чистой, прозрачной, свежей, незамутненной водою прекрасного Учения, изобилующий цветами свободы большой лотосовый пруд постановок памятования и, поливая себя знанием, отмывать, смывать с себя слагаемые [дхармы] — играть там в игры йогов. Это четвертое качество, государь, что следует взять у слона. Далее, государь, слон ставит ногу внимательно и поднимает ногу внимательно. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует ставить ногу с вниманием и памятованием и поднимать ногу с вниманием и памятованием; приближается ли он к чему-то или удаляется, сгибает руку или разгибает, ему все следует делать с вниманием и памятованием. Это пятое качество, государь, что следует взять у слона. Ведь есть, государь, в превосходном Своде связок изречение Блаженного, бога богов:

«Телесная сдержанность — благо.
Благо — сдержанность речи.
Сдержанность в мыслях — благо.
Благо — всякая сдержанность.
Кто сдержан во всем и стыдлив,
Тот защищен от дурного»⁷.

Памятка:

Термит и кошка, крыса, скорпион,
Мангуста и шакал, олень и вол,
Девятый — вепрь и напоследок слон.

Четвертая глава [закончена].

ГЛАВА ПЯТАЯ

[41.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять семь качеств льва. Каковы эти семь качеств?

— Во-первых, государь, шкура у льва светлая, чистая, ровная и без пятен. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу мысль следует иметь светлую, чистую, ровную и без пятен — без угрызений нечистой совести. Это первое качество, государь, что следует взять у льва. Далее, государь, лев ходит на четырех ногах и ступает смело. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует опираться на четыре основы сверхобычных сил. Это второе качество, государь, что следует взять у льва. Далее, государь, у льва красивая, пышная грива. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой

йогу следует иметь красивую, пышную гриву нравственности. Это третье качество, государь, что следует взять у льва. Далее, государь, лев ни перед кем не склоняется, даже если из-за этого он лишится жизни. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует ни перед кем склоняться, даже если он лишен одежды, пропитания, приюта и лекарств на случай болезни. Это четвертое качество, государь, что следует взять у льва. Далее, государь, лев ест по ходу своей охоты; где он свалил добычу, там он и ест вдоволь и лучшего куска себе не выбирает. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, когда он идет за милостыней, следует заходить во все дома без разбору, не обходить никакие дома стороной и не выбирать себе кусок получше; где бы ему ни подали пригоршню, следует взять ее и съесть, но только ради того, чтобы тело оставалось крепким, и не выбирать для себя пищу получше. Это пятое качество, государь, что следует взять у льва. Далее, государь, лев еду не запасает впрок: поев однажды свою добычу, он к ней больше не возвращается. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу никакие вещи и еду не следует запасать впрок. Это шестое качество, государь, что следует взять у льва. Далее, государь, если льву не удалось добыть пищу, то он не тревожится, а если он добыл пищу, он ест ее не жадно, не алчно, не забываясь. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, если он не добыл еды, не следует тревожиться, а если он добыл еду, следует есть ее не жадно, не алчно, не забываясь, имея перед глазами бедствие [мирского кружения], и с мудростью, [устремленной] к избавлению. Это седьмое качество, государь, что следует взять у льва. Ведь есть, государь, в превосходном Своде связей изречение Блаженного, бога богов, где он прославляет тхеру Большого Кашьяпу: «Кашьяпа, о монахи, всяким подаянием доволен и хвалит довольство всяким подаянием; он не совершает из-за подаяния ничего неуместного и недолжного; если не добыл подаяния, то не тревожится, а если добыл подаяние, ест его не жадно, не алчно, не забываясь, держит перед глазами бедствие [мирского кружения и устремляет свою] мудрость к избавлению»¹.

[42.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять три качества казарки. Каковы эти три качества?

— Во-первых, государь, казарка до конца своих дней не покидает своего супруга. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует до конца своих дней оставлять подлинное внимание. Это первое качество, государь, что следует взять у казарки. Далее, государь, казарка питается ряской и тиной² и остается довольна и сохраняет свои силы и красоту. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой

Йогу следует быть довольным тем, что ему достается. Если занимающийся йогой йог доволен тем, что ему достается, государь, то нравственность его не теряется, сосредоточение не теряется, мудрость не теряется, свобода не теряется, знание-видение свободы не теряется, никакие благие дхармы не теряются. Это второе качество, государь, что следует взять у казарки. Далее, государь, казарка не вредит живым существам. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует [навсегда] отложить палку, отложить меч, быть совестливым, исполненным участия, милосердия и желания блага всем живым существам. Это третье качество, государь, что следует взять у казарки. Ведь есть, государь, в джатаке о казарке изречение Блаженного, бога богов:

«Тот, кто не убивает и не зовет к убийству,
Тот, кто не побеждает и не зовет к победе,
Исполнен неврежденья и всякой чужд вражде»³.

[43.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять два качества [птицы] пенахики⁴. Каковы эти два качества?

— Известно, государь, что пенахика из ревности к супругу не кормит своих птенцов. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу к аффектам, если они в нем возникли, следует испытывать ревность, следует закрыть постановками памятования все дыры в сдержанности и стеречь ворота мысли памятованием о теле. Это первое качество, государь, что следует взять у пенахики. Далее, государь, пенахика днем ищет себе корм, а ночью для безопасности присоединяется к птичьей стае. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует самостоятельно, в одиночестве упражняться ради избавления от пут, а если его это не удовлетворяет, то следует влиться в общину, чтобы защитить себя от всяких наговоров, и жить под защитой общины. Это второе качество, государь, что следует взять у пенахики. Ведь есть, государь, изречение Брахмы, владыки мощи, сказанное в присутствии Блаженного:

«Пусть он возлюбит уединенье,
Стараясь в нем стряхнуть с себя путы.
Но если нет там отрады сердцу,
Пусть будет он под защитой общины»⁵.

[44.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество домашнего голубя. Каково это качество?

— Известно, государь, что, если домашний голубь живет в чужом доме, он ни на что не обращает внимания, сидит равнодушно и задумчиво. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, когда он пришел в чужой дом, не следует особо обращать внимания ни на женщин, ни на мужчин, ни на кровати, ни на сиденья, ни на ткани, ни на украшения, ни на

вещи, ни на имущество, ни на разнообразие кушаний, следует быть к этому равнодушным и держаться монашеских мыслей. Это то качество, государь, что следует взять у домашнего голубя. Ведь есть, государь, в малой джатаке о Нараде изречение Блаженного, бога богов:

«Если пришел ты в чужой дом
Ради еды и питья,
То в меру ешь и в меру пей
И не глазей по сторонам»⁶.

[45.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять два качества совы. Каковы эти два качества?

— Во-первых, государь, сова, всегдашняя противница ворон, прилетает по ночам в воронью стаю и убивает там много ворон. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует быть противником неведения [и однажды] сесть одному в укромном месте и уничтожить неведение до конца, вырвать его с корнем. Это первое качество, государь, что следует взять у совы. Далее, государь, сова склонна уединяться. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует возлюбить уединенное созерцание и радоваться уединению. Это второе качество, государь, что следует взять у совы. Ведь есть, государь, в превосходном Своде связок изречение Блаженного, бога богов: «Итак, монахи, возлюбивший уединение, радующийся уединению монах познаёт мудрость, как это есть: „Вот тягота“, познаёт мудростью, как это есть: „Вот сложение тяготы“, познаёт мудростью, как это есть: „Вот пресечение тяготы“, познаёт мудростью, как это есть: „Вот верная дорога, приводящая к пресечению тягот“»⁷.

[46.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество журавля. Каково это качество?

— Известно, государь, что журавль своим криком дает другим знать, есть опасность или нет. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует преподавать другим Учение и показывать, что в дурных уделах есть опасность, а нирвана безопасна. Это то качество, государь, что следует взять у журавля. Ведь есть, государь, изречение тхеры Бхарадваджи Нищего:

«Кромешная — это опасность и ужас,
Нирвана — это великое счастье.
Должен йог вдумчивый и умудренный
Уметь преподавать и то и другое».

[47.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять два качества нетопыря. Каковы эти два качества?

— Во-первых, государь, если нетопырь залетит в дом, он

полетает внутри и вылетит наружу, не задержится. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, когда он идет в деревню за подаванием, следует обходить все дома без разбору и, собрав подавание, быстро вернуться, не задерживаться. Это первое качество, государь, что следует взять у нетопыря. Далее, государь, если нетопырь живет в чужом доме, он не причиняет ему ущерба. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, если он пришел в чужой дом, не следует разочаровывать хозяев ни чрезмерными просьбами, ни излишними намеками [на то, что ему нужно], ни всякими неприятными телесными действиями, ни болтливостью, ни равнодушием к их счастью и несчастью, не следует причинять ущерб их основному делу, но следует желать им всяческого преуспевания. Это второе качество, государь, что следует взять у нетопыря. Ведь есть, государь, в Долгом своде, в сутре о признаках, изречение Блаженного, бога богов:

«„Пусть вера, добрый нрав, ученость,
Ум, щедрость, дхарма, добродетель,
Богатство, урожай на поле,
Потомство, жены, скот и птица,
Приятель, друзья, родные,
Именье, красота и сила —
Пусть им ничто не изменяет!“
Так он желает людям счастья,
Удачи в жизни, процветанья»⁸.

[48.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество пиявки. Каково это качество?

— Известно, государь, что там, где пиявка присосется, она долго будет сосать и пить кровь. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует присосаться мыслью к опоре [созерцания], твердо установить ее цвет, объем, место, протяженность, границы, отличительную особенность и признаки и, опираясь на нее, пить сладчайший нектар свободы. Это то качество, государь, что следует взять у пиявки. Ведь есть, государь, изречение тхеры Анируддхи:

«Мысль свою обоприте
Об опору для созерцания
И пейте чистыми помыслами
Свободы сладчайший нектар».

[49.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять три качества змеи. Каковы эти три качества?

— Во-первых, государь, змея передвигается на брюхе. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует продвигаться вперед своею мудростью. Если йог продвигается вперед своею мудростью, государь, то его мысль движется к

истине, избегает превратного видения и осваивает правильное видение. Это первое качество, государь, что следует взять у змеи. Далее, государь, змея всегда оползает целебные растения стороной. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует обходить дурные поступки стороной. Это второе качество, государь, что следует взять у змеи. Далее, государь, когда змея видит людей, она недовольна, печалится, огорчается. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, если у него появляются дурные помыслы и возникает неудовлетворенность, следует быть этим недовольным, печалиться и огорчаться: «Сегодня я был беспечен; нельзя, чтобы это впредь повторялось». Это третье качество, государь, что следует взять у змеи. Ведь есть, государь, в джатаке о Бхаллатии изречение двух киннаров:

«Однажды мы всю ночь в разлуке провели,
И каждый думал о другом и тосковал,
Об этой ночи до сих пор горюем мы,
Нам так печально, что ее не возвратить»⁹.

[50.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество удава. Каково это качество?

— Известно, государь, что у удава, обладающего огромным телом, в животе в очень многие дни бывает пусто и он, бедняга, редко может наесться досыта. Оставаясь полуголодным, он старается хотя бы не обессилеть. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, который живет чужим подаванием, зависит от милостины, полагается на чужое доброхотство и не ведет собственного хозяйства, редко удается плотно поесть. Поэтому здравомыслящему отпрыску благородного рода следует довольствоваться четырьмя-пятью пригоршнями, [если больше ничего нет], а дальше уж пить воду. Это то качество, государь, что следует взять у удава. Ведь есть, государь, изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения:

«Не наедайся слишком плотно
Ни сухомяткой, ни горячим.
Живот не набивай, знай меру,
Не оставляй памятованья,
Как это следует монаху.
Довольствуйся пятью кусками,
А дальше запивай водою;
Не нужно большего удобства
Монаху, преданному йоге»¹⁰.

Памятка:

Лев, казарка, пенахика, домашний голубь, сова,
Журавль, нетопырь и пиявка, змея и десятым — удав.

Пятая глава [закончена].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[51.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество бродячего паука. Каково это качество?

— Известно, государь, что бродячий паук растягивает на дороге паутину и, если в эту паутину попадает козявка, мошка или бабочка, он их хватает и пожирает. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует растянуть в шести проходах паутину постановок памятования, и, если в ней запутываются мошки-аффекты, следует тут же их приканчивать. Это то качество, государь, что следует взять у паука. Ведь есть, государь, изречение тхеры Анируддхи:

«Мысль умири в шести проходах
Постановками памятования,
Если попались туда аффекты,
Пусть поразит их мудрый».

[52.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество грудного младенца. Каково это качество?

— Известно, государь, что грудной младенец от своей цели не отступает, плачет и просит грудь. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует отступать от своей цели, следует стремиться к знанию Учения: слушать, расспрашивать, тщательно упражняться, уединяться, жить при учителе, общаться с духовным другом. Это то качество, государь, что следует взять у грудного младенца. Ведь есть, государь, в превосходном Долгом своде, в «Сутре об упокоении», изречение Блаженного, бога богов: «Вы же, Ананда, своею целью озаботьтесь, к своей цели стремитесь, о своей цели небеспечно, ревностно, самоотверженно пекитесь»¹.

[53.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество сухопутной черепахи. Каково это качество?

— Известно, государь, что сухопутная черепаха опасается воды и обходит воду стороной. До тех пор пока она обходит воду стороной, ее здоровью не будет никакого ущерба. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу беспечность следует считать чем-то опасным, небеспечность же считать великим достоинством. До тех пор пока он считает беспечность чем-то опасным, шраманству его не будет никакого ущерба и он будет близок к нирване. Это то качество, государь, что следует взять у сухопутной черепахи. Ведь есть, государь, в Стопах Учения изречение Блаженного, бога богов:

«Монах, небеспечности преданный,
Беспечность считает опасной.
Успехи его неизменны:
Ведь он уже близок к нирване»².

[54.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять пять качеств горного леса. Каковы эти пять качеств?

— Во-первых, государь, горный лес скрывает в себе злоумышленников. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу чужие проступки и прегрешения следует скрывать, не обнародовать. Это первое качество, государь, что следует взять у горного леса. Далее, государь, многие люди в горном лесу никогда не появляются. Вот точно так же, государь, и у занимающегося йогой йога не должны появляться страсть, враждебность, заблуждение, гордость, лжеумудрие, да и все прочие аффекты. Это второе качество, государь, что следует взять у горного леса. Далее, государь, горный лес удален от людской толчеи. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует быть удаленным от греховных, неблагих, неподобающих ариям дхарм. Это третье качество, государь, что следует взять у горного леса. Далее, государь, в горном лесу мирно и чисто. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует быть мирным, чистым, умиротворенным, отбросить прочь гордость и пренебрежение к другим. Это четвертое качество, государь, что следует взять у горного леса. Далее, государь, в горный лес часто приходят арии-подвижники. Вот точно так же, государь, следует, чтобы и к занимающемуся йогой йогу часто приходили арии-подвижники. Это пятое качество, государь, что следует взять у горного леса. Ведь есть, государь, в превосходном Своде связок изречение Блаженного, бога богов:

«Арии-созерцатели,
В уединенье стойкие,
Решительные, умные,
Твоим пусть будут обществом»³.

[55.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять три качества дерева. Каковы эти три качества?

— Во-первых, государь, дерево имеет цветы и плоды. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует обрести цветы свободы и плоды шраманства. Это первое качество, государь, что следует взять у дерева. Далее, государь, тем, кто подходит к дереву, приближается к нему, оно дарует тень. Вот точно так же, государь, если к занимающемуся йогой йогу приходят люди, ему следует гостеприимно позаботиться об их вещественных нуждах и об их нужде в Учении. Это второе качество, государь, что следует взять у дерева. Далее, государь, дерево не различает, на что оно бросает свою тень. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует делать различий между живыми существами, следует и на воров, убийц и своих ненавистников и на себя самого равно распространять доброту, [думая]: «Пусть существа друг с дру-

гом не враждуют, друг другу не вредят, не злобятся и счастливо заботятся о себе»⁴. Это третье качество, государь, что следует взять у дерева. Ведь есть, государь, изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения:

«С Девадаттой, едва не убийцей,
С Пальцеломом, лютым разбойником,
Со свирепым слоном Дханапалой
И с Рахулой, собственным сыном,—
Со всеми Мудрец одинаков».

[56.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять пять качеств дождевого облака. Каковы эти пять качеств?

— Во-первых, государь, дождевое облако очищает воздух от пыли и сора. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует очищать [мысль] от пыли и сора аффектов. Это первое качество, государь, что следует взять у дождевого облака. Далее, государь, дождевое облако дает земле отдохновение от зноя. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует освоением [и излучением] доброты давать отдохновение всему миру с богами. Это второе качество, государь, что следует взять у дождевого облака. Далее, государь, благодаря дождевому облаку прорастают семена всех растений. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует во всех живых порождать семена веры и возвращать эти семена, [чтобы они принесли свои плоды] — три вида благоденствия: [сначала] благоденствие быть нежителем или человеком, а потом и благоденствие достичь высшей цели и счастья — нирваны. Это третье качество, государь, что следует взять у дождевого облака. Далее, государь, дождевое облако появляется на небе в свою пору и оберегает от зноя все растения, растущие на поверхности земли: травы, деревья, лианы, кусты, целебные растения и большие лесные деревья. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует породить подлинное внимание и этим подлинным вниманием оберегать свое шраманское дело, ибо все благие дхармы коренятся в подлинном внимании. Это четвертое качество, государь, что следует взять у дождевого облака. Далее, государь, дождевое облако проливается дождем и наполняет потоками воды реки, пруды, озера, расщелины, старицы, низины, углубления и колодцы. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует на жаждающих [духовного] постижения людей изливать дождь проповеди Учения, воспринятого по преемству, и наполнять им их умы. Это пятое качество, государь, что следует взять у дождевого облака. Ведь есть, государь, изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения:

«В неоглядной заметив дали
Человека, духовно готового,

Просветленный приходит к нему
И ведет его к постижению».

[57.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять три качества драгоценного самоцвета. Каковы эти три качества?

— Во-первых, государь, драгоценный самоцвет со всех сторон совершенно чист. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует быть в своей жизни безусловно, совершенно чистым. Это первое качество, государь, что следует взять у драгоценного самоцвета. Далее, государь, драгоценный самоцвет ни с чем не образует соединений. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует соединяться с грешниками, с дурными друзьями. Это второе качество, государь, что следует взять у драгоценного самоцвета. Далее, государь, драгоценный самоцвет хорошо сочетается с другими сокровищами. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует жить рядом с прекрасными, благородными людьми — идущими стезею, обретшими плод, обучающимися и достигшими мастерства, с обретшими слух, возвращающимися единожды, безвозвратными, святыми, обладателями трех ведений, шести сверхзнаний, обретшими драгоценный самоцвет шраманства. Это третье качество, государь, что следует взять у драгоценного самоцвета. Ведь есть, государь, в Сборных сутрах изречение Блаженного, бога богов:

«Пусть те, кто к чистоте стремится,
Живут с подобными себе,
Всегда в согласье пребывая,
И тяготам кладут конец»⁵.

[58.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять четыре качества охотника. Каковы эти четыре качества?

— Во-первых, государь, охотник мало спит. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу спать следует мало. Это первое качество, государь, что следует взять у охотника. Далее, государь, мысли охотника связаны только с [преследуемым] зверем. Вот точно так же, государь, и мысли занимающегося йогой йога следует быть связанной только опорой [созерцания]. Это второе качество, государь, что следует взять у охотника. Далее, государь, охотник знает, что в какое время нужно делать. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует знать должное время: в какое время ему следует уединяться, в какое время выходить к людям. Это третье качество, государь, что следует взять у охотника. Далее, государь, охотник при виде зверя оживляется: «Сейчас я его подстрелю». Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует радоваться опоре [созерцания] и оживляться, [приступая

к упражнению]: «Сейчас я сделаю еще один шаг вперед». Это четвертое качество, государь, что следует взять у охотника. Ведь есть, государь, изречение тхеры Могхараджи:

«Опору [мысли] обрета,
Упорный, вдумчивый монах
Возрадуется пусть весьма:
Ведь это к постиженью шаг».

[59.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять два качества рыбака. Каковы эти два качества?

— Во-первых, государь, рыбак вытаскивает рыб крючком. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует знанием вытаскивать плоды шраманства один за другим. Это первое качество, государь, что следует взять у рыбака. Далее, государь, рыбак жертвует немногим, чтобы получить большую прибыль. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует оставить ограниченные мирские желания. Оставив ограниченные мирские желания, государь, занимающийся йогой йог обретает великий плод шраманства. Это второе качество, государь, что следует взять у рыбака. Ведь есть, государь, изречение тхеры Гахулы:

«Развязки через бессвойственность,
Пустоту и неприиагание,
Шесть сверхзнаний, четыре плода —
Все обретешь отречением»⁶.

[60.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять два качества плотника. Каковы эти два качества?

— Во-первых, государь, плотник обтесывает бревно, точно следуя черной нитке. Вот точно так же, государь, и занимающийся йогой йог должен точно последовать Завету Победителя, опереться на почву нравственности, схватить рукою веры топор мудрости и стесать аффекты. Это первое качество, государь, что следует взять у плотника. Далее, государь, плотник снимает заболонь и берет сердцевину. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует уклоняться от [бесполезных] споров: о вечности, о гибели, о том, одно ли и то же душа и тело, или тело — одно, а душа — другое; о том, что превосходно — то или иное; о том, что против судьбы не пойдешь; о том, человек ли свершает деяния; о том, есть ли прок в монашеской жизни; о том, что когда живое существо гибнет, то рождается уже другое существо; о том, вечны ли слагаемые; о том, верно ли, что тот, кто действует, тот и испытывает последствия деяний, или же действует один, а испытывает последствия деяний другой; о [всяких] взглядах на плоды деяний и воззрениях на плоды действий и от тому подобного⁷ — и следует взять себе

[понимание] природы слагаемых, высшую пустоту, бездеятельную и безжизненную, предельную пустоту⁸. Это второе качество, государь, что следует взять у плотника. Ведь есть, государь, в Сборных сутрах изречение Блаженного, бога богов:

«Стряхните грязь, отбросьте вздор,
Пустую болтовню оставьте
И сторонитесь лжемонахов.
Стряхните тех, кто ищет злого,
Кто сеет зло своею жизнью.
Пусть те, кто к чистоте стремится,
Живут с подобными себе»⁹.

Памятка:

Паук, младенец, черепаха, лес,
Дерево, дождь и самоцвет,
Охотник, рыболов и плотник.

Шестая глава [закончена].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[61.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять одно качество кувшина. Каково это качество?

— Известно, государь, что полный кувшин не звенит. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, достигнув предела в учености, освоении, знании сутр, во [всем] шраманстве, не следует об этом звенеть, не следует этим гордиться, не следует проявлять спесь, но следует оставить гордость, оставить спесь и быть чистосердечным, прямодушным и нехвастливым. Это то качество, государь, что следует взять у кувшина. Ведь есть, государь, в Сборных сутрах изречение Блаженного, бога богов:

«Что пусто, то звенит,
Что полно, то молчит.
Глупец — что пустой сосуд,
А умный — глубокий пруд»¹.

[62.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять два качества железа². Каковы эти качества?

— Во-первых, государь, железо отковки твердеет³. Вот точно так же, государь, и ум занимающегося йогой йога должен становиться тверже благодаря подлинному вниманию. Это первое качество, государь, что следует взять у железа. Далее, государь, железо впитанную им однажды воду из себя не выпускает⁴. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу, если в нем однажды появилась вера [в три драгоценности]: «Велик

Блаженный, Истинновсепросветленный; благовозвещено им Учение; на правильном пути его община»⁵, то ему не следует впредь ее упускать; и однажды появившееся знание: «Образное бренно, ощущение бренно, распознавание бренно, слагаемые бренны, сознание бренно» — тоже не следует впредь упускать. Это второе качество, государь, что следует взять у железа. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов:

«Муж с очищенным виденьем,
Дхарме ариев преданный,
Владеющий знанием особенным,
Бестрепетен и целиком...»⁶.

[63.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять три качества зонта. Каковы эти три качества?

— Во-первых, государь, зонт находится выше головы. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует быть [мыслью] выше головы аффектов. Это первое качество, государь, что следует взять у зонта. Далее, государь, зонт держат над головою за ручку. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует держаться за подлинное внимание, как за ручку. Это второе качество, государь, что следует взять у зонта. Далее, государь, зонт защищает от солнечного зноя, ветра и дождя. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует защитить [свою мысль] от множества ложных воззрений всяких шраманов и брахманов, от мертвящего ветра и губительного зноя тройного огня и дождя аффектов. Это третье качество, государь, что следует взять у зонта. Ведь есть, государь, изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения:

«Как зонт без дыр, большой и прочный,
От ветра, зноя защищает
И от неистовства дождя —
Вот так же слушатель арийский
Зонт нравственности крепко держит,
И от дождя любых аффектов,
От пагубы тройного жара
Он им надежно защищен».

[64.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять три качества поля. Каковы эти три качества?

— Во-первых, государь, поле перечерчено канавками. Вот точно так же, государь, и ум занимающегося йогой йога должен быть полон перечней, изъясняющих следование правильному, должному поведению⁷. Это первое качество, государь, что следует взять у поля. Далее, государь, вокруг поля насыпана со всех сторон гряда. Этою грядою на поле задерживают воду и дают урожаю созреть. Вот точно так же, государь, и за-

нимающемуся йогой йогу следует возвести между собою [и всем дурным] гряды нравственности и совестливости. Этою грядой нравственности и совестливости он удержит свое шраманство и обретет все четыре плода шраманства. Это второе качество, государь, что следует взять у поля. Далее, государь, поле радуется земледельца созревшим урожаем. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует богатым, обильным урожаем плодов [шраманства] воздавать своим подателям и радовать их: пусть малый дар он возвращает большим, а большой — еще большим. Это третье качество, государь, что следует взять у поля. Ведь есть, государь, изречение тхеры Упалия, носителя Устава:

«Пусть себя уподобит он полю,
Дары раздает обильно.
Превосходным считают то поле,
Что обильный приносит плод».

[65.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять два качества противоядия. Каковы эти два качества?

— Во-первых, государь, в противоядии не заводится червячков. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу не следует заводить в своем уме червячков-аффектов. Это первое качество, государь, что следует взять у противоядия. Далее, государь, яд надкушенный, потроганный, увиденный, съеденный, выпитый, разжеванный, проглоченный противоядием обезвреживается. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует обезвредить яд страсти, враждебности, заблуждения, гордости и лжемудрия. Это второе качество, государь, что следует взять у противоядия. Ведь есть, государь, изречение Блаженного, бога богов:

«Йог, увидеть стремящийся
Природу и смысл слагаемых,
Уподобившись противоядию,
Яд аффектов пусть уничтожит».

[66.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять три качества пищи. Каковы эти три качества?

— Во-первых, государь, пища все живые существа поддерживает. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует все живые существа поддерживать на [арийской] стезе. Это первое качество, государь, что следует взять у пищи. Далее, государь, пища укрепляет силы живых существ. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует укреплять свои благие достоинства. Это второе качество, государь, что следует взять у пищи. Далее, государь, пища всем живым существам весьма желанна. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует для всех живых существ

быть весьма желанным. Это третье качество, государь, что следует взять у пищи. Ведь есть, государь, изречение тхеры Мауд-гальяны:

«Самообузданный, сдержанный,
Нравственный, делу преданный —
Пусть йог будет людям желанен».

[67.] — Почтенный Нагасена, ты сказал, что следует взять четыре качества стрелка. Каковы эти четыре качества?

— Во-первых, государь, когда стрелок собирается выстрелить, он твердо опирает обе ноги о землю, коленями не двигает, колчан ставит на бедро, чтобы он не мешал⁸, тело выпрямляет, обеими руками стрелу на лук накладывает, сжимает кулак, плотно сжимает пальцы, напрягает шею, закрывает рот и прищуривает глаза, прямо смотрит на цель и решительно думает: «Пробью насквозь!» Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует твердо опереться на землю нравственности ногами усилия, быть постоянным в терпении и кротости, установить свою мысль в сдержанности, привести себя к самообузданию, зажать все желания и мечтания, плотно сжать мысль подлинным вниманием, напрячь усилие, закрыть шесть проходов, поставить себе памятование и решительно думать: «Пробью все аффекты насквозь каленой стрелой знания!» Это первое качество, государь, что следует взять у стрелка. Далее, государь, стрелок пользуется шипом, чтобы выпрямлять кривую, гнутую, искривленную каленую стрелу. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует пользоваться шипом постановок памятования, чтобы выпрямить кривую, гнутую, искривленную мысль. Это второе качество, государь, что следует взять у стрелка. Далее, государь, стрелок упражняется с мишенью. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует упражняться с телом, [рассматривая его] как [нечто] бренное, тягостное, лишенное самости, как болезнь, нарыв, занозу, напасть, недуг, чужое, распадающееся, беду, препятствие, опасность, преследование, неверное, хрупкое, непрочное, обнаженное, незащищенное, беззащитное, бессодержательное, пустое, бедственное, бессущностное, корень бед, убийцу, прилепленность, сложённость, связанное с рождением, связанное со старостью, связанное с болезнью, связанное со смертью, связанное с печалью, связанное со стенаниями, связанное с болью, связанное с унынием, связанное с отчаянием⁹. Вот так, государь, занимающемуся йогой йогу следует упражняться с телом. Это третье качество, государь, что следует взять у стрелка. Далее, государь, стрелок упражняется утром и вечером. Вот точно так же, государь, и занимающемуся йогой йогу следует упражняться в [созерцании] на опоре утром и вечером. Это четвертое качество, государь, что следует взять у стрелка. Ведь

есть, государь, изречение тхеры Шарипутры, полководца Учения:

«Прилежный стрелок из лука
Упражняется утром и вечером,
Не отлынивает от упражненья
И имеет харчи и жалованье.
Вот так же пусть сын Просветленного
Упражняется утром и вечером,
Не отлынивает от упражненья
И святости достигает».

[Закончен] пятый вопрос, о стрелке¹⁰.

Итак, в шести частях этой книги с ее превосходными двадцатью двумя главами изложены двести шестьдесят два вопроса Милинды. Неизложенными остались еще сорок два¹¹. Итого изложенных и неизложенных вопросов будет всего триста четыре. Все они называются вопросами Милинды¹².

Когда царь кончил задавать вопросы, а тхера — отвечать на них, земная твердь, простирающаяся на восемьдесят четыре сотни тысяч йоджан в ширину и омываемая со всех сторон океаном, сотряслась шесть раз, блеснули молнии, боги осыпали все дождем небесных цветов, Великий Брахма сказал «Хорошо!», а в недрах великого океана великий шум раздался, будто грома прогремел и прогрохотал. И царь Милинда с придворными приложили молитвенно сложенные руки ко лбу и земно поклонились [Нагасене]. Царь Милинда весьма возрадовался сердцем, истребил в своем сердце гордость, узрел суть Завета Просветленного, преодолел сомнения в трех драгоценностях, оставил упрямство и строптивость и, будучи весьма доволен достоинствами тхеры, его пострижением, истинным деланием и должным обращением, полный веры, оставивший [иные] привязанности, отбросил гордость и спесь, словно царская кобра, у которой выдернули ядовитые зубы, и сказал: «Отлично, отлично, почтенный Нагасена! Вопросы, на которые ты ответил, я мог бы задать самому Просветленному! Кроме тхеры Шарипутры, полководца Учения, никого нет в Учении Просветленного, равного тебе в искусстве отвечать на вопросы! Простите мне, почтенный Нагасена, мою гордыню. Примите меня, почтенный Нагасена, в мирские последователи общины. С нынешнего дня и до самой смерти мое прибежище — в [Учении]».

С тех пор царь и его войско слушали наставления тхеры Нагасены. Царь построил монастырь, принес его в дар тхере и снабжал тхеру Нагасену вместе с сотней миллионов святых монахов всем необходимым. А затем, полный доверия к мудро-

сти тхеры, он поручил заботы о царстве сыну, ушел из дому в бездомность и, углубив прозрение, достиг святости. Вот и сказано:

«Беседы на благо Учения
И мудрость на свете славятся.
Сломив заблуждение мудростью,
Приходят к покою разумные.
Тот, кому мудрость присуща
И памятованье немалое,
Высших достоин почестей,
Поистине он велик.
Пусть же муж рассудительный,
О благе своем радеющий,
Поклоняется мудрым людям
Так же, как чайтьям святых».

Сочинение, именуемое «Вопросы царя Милинды и ответы тхеры Нагасены», закончено.

КОММЕНТАРИЙ

Книга первая

¹ *Поклон Блаженному Святому Истинновсепросветленному* — частое начало тхеравадинских текстов. *Блаженный* (Bhagavān, что толкуется как «обладатель благой доли», а также «наделяющий людей») — наиболее употребительный титул Будды в устах буддистов. *Святой* (arahañ санскр. arhant) — человек, полностью избавившийся от аффектов и живущий в последний раз. Будда — тоже архат, но не всякий архат — будда. В махаяне понятие архата уточняется, там этим словом обозначается человек, свободный лишь от аффектов, но не от неаффективного неведения в отличие от будды, преодолевшего также и последнее. *Истинновсепросветленный* (Sammāsambuddho, санскр. Samyaksambuddha) толкуется как «самостоятельно и поистине познавший все дхармы» (Висуддхимагга, с. 202).

² *Сагала* — город в Пенджабе, отождествляемый с современным Сиялкотом.

³ Таким образом, Нагасена опирался на знание всего буддийского Канона.

⁴ *Пояснение* — пауо; видимо, имеется в виду пояснение посредством приведения основания (hetu, kāraṇaṃ). *Пример* (oraṭṭaṃ) — часть метода объяснения; прием, заключающийся в достаточно детальном уподоблении объясняемой ситуации или проблемы некоторой другой, понятной самой из себя. «Пример» соединяет прикладную логику и образное мышление. Тотальность использования «примеров» в ВМ заставляет предполагать некую связь со школой дриштантиков (излагателей примерами), но если считать это иным именем саутрантиков, то такая связь будет неправдоподобна.

⁵ Двумя чертами (//) обозначены стыки текстовых блоков, скомпонованных, зачастую неумело, позднейшим редактором.

⁶ В эллинистических государствах на территории нынешних Пенджаба и Афганистана.

⁷ *Брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры* — сословия (варны) древнеиндийского общества. При перечислении их буддийские сочинения в отличие от брахманистских и позднейших индуистских выносят на первое место кшатриев, а не брахманов. Это связано с традиционно принимаемым кшатрийским происхождением самого Будды и с непризнанием буддистами брахманских претензий на исключительность.

⁸ *Шраманы и брахманы* — обычное в ранних буддийских текстах парное сочетание. *Шраманы* — отшельники, странники, искатели истины, порвавшие с мирской жизнью. Часто объединялись в общины.

⁹ *Котумбарские*. Город или местность с таким названием неизвестны; см., впрочем, далее в тексте кн. IV, но там это может свидетельствовать о неосведомленности жившего позднее автора этой книги. Палийский толковый словарь *Абхидханаппадипика* приводит слово как название вида ткани наряду с тканями льняными, шелковыми, шерстяными, джутовыми и пр.

¹⁰ *Каршапана* — основная денежная единица. *Карша* — монета достоинством в четыре каршапаны.

²¹ В пали различаются не три разновидности пищи, как в русском (твердая пища, жидкая и напитки), а четыре: твердая — разжевываемая, как мясо, лепешки; мягкая — полужидкая вроде каш-размазни; жидкая, как суп; напитки.

¹² Страна северных кур — мифический материк к северу от Индии, где люди живут счастливо и безбедно, где все равны, никто не работает, где нет болезней, а смерть наступает спокойно и незаметно.

¹³ Алакаманда, или Алака — резиденция бога богатств Куберы (Вайшраваны), хранителя севера.

¹⁴ Оглавление в целом соответствует переводимому палийскому тексту «Вопросов Милинды». Отметим нелогичность деления: «Вопросы о свойствах» названы и наряду с «Вопросами Милинды», и как часть их; «Вопросы Милинды» есть и название всего текста, и второй его книги. «Вопросы к описанию йога» (прославление аскетических монашеских обетов), строго говоря, не могут быть названы «рогатиной»: формулировка альтернативы, необходимая для «рогатины», в них отсутствует. Их трудно назвать частью «Вопросов-рогатин» и по композиционным соображениям, ибо между ними и «Большой главой» (т. е. восьмью главами кн. III) находится вставка — «Вопрос о выводе», — которая в данном оглавлении рядопологается «Вопросам-рогатинам». Последняя фраза, поясняющая название «Связь с прошлым», есть явно еще более поздняя добавка, чем все оглавление.

¹⁵ Исторический Будда Шакьямуни считается не единственным, а лишь ближайшим к нам в череде будд, изредка, от эпохи к эпохе появляющихся в мире. Предшествовал ему будда Кашьяпа.

¹⁶ Буддийским монахам полагается вставать рано утром.

¹⁷ Имеется в виду одно несложное психическое упражнение — «памятование о Будде» (buddhānussati), заключающееся в вызывании в памяти достоинств Будды и сосредоточенном обдумывании их на основе принятой формулы.

¹⁸ Послушник (sāmaṇero) — тот, кто прошел обряд пострижения (paṭṭhajjā), но еще не посвящен в монахи. Правила буддийской Винаи («Устава») распространяются на него не в полной мере. Он должен изучать под руководством опытных монахов сутры и Винаю. В отличие от христианского монашества монашеское (и тем более послушническое) состояние в буддизме вовсе не является принудительно пожизненным. Вполне возможно выйти из монашества, а затем при желании вновь вступить в него.

¹⁹ Троекратное повторение (требования, вопроса и т. п.) носит полуритуальный, полуетикетный характер.

²⁰ Покой — нирвана. См. кн. II, гл. 1, примеч. 5.

²¹ Находчивый — paṭibhāno. Подразумевается четвертое из так называемых «толкующих знаний» (paṭisambhida), разъясняемых в кн. IV. Это творческое владение предметом, а также способность применять свое знание и излагать предмет, сообразуясь с ситуацией и собеседником.

²² Тишья, сын Маудгали (Tisso Moggalliputto) — видный тхеравадинский деятель, автор абхидхармистского трактата Катхаваттху («Предметы спора»). Вставка с пророчеством и упоминанием Тишьи сделана, вероятно, теми же редакторами, кто вставил (см. ниже текст и примечание к нему) слегка подовленную историю рождения и детства Тишьи из комментария на Винай-питаку.

²³ Материк Джамбу (санскр. Jambudvīpa) — южный из четырех земных материков по традиционной буддийской космографии. На нем находится Индия.

²⁴ К прошлому относятся, например, поминальные жертвы предкам; к будущему — обряды ради здоровья, получения потомства; к настоящему — например, по случаю рождения детей, вступления в брак и пр.

²⁵ Шрути ... счет на пальцах — sūti-sammuti-sañkhya-yoga-nīti-visesikā-gaṇikā-gandhabbā-tikicchā-cātubbedā-purāṇa-itihāsa-jotisā-māyā-hetu-mantaṇā-yuddhā-chandasā-muddā. В перечне очевидная путаница. Такие списки бываю крайне стереотипны и обычно подгоняются под какое-либо «хорошее» число:

известны перечни восемнадцати наук, шестидесяти четырех искусств и пр. Но число 19 психологических совсем «некруглое» и маловероятное, как и вообще числа, оканчивающиеся на девятку. Это, должно быть, чувствовал и автор пометки: «одним словом, девятнадцать наук». № 1 и 10 перечня — синонимы и попали в него из-за недостаточной осведомленности автора в брахманском образовании, поскольку *śūti* встречается обычно в паре с *saṃmūtī* и в ином сочетании в буддийских текстах неупотребительно. Не очень понятен № 14 (*māyā*); возможно толкование «царские уловки». № 16 (*manṭaṇā*) как «наука» или «искусство» из других текстов неизвестен, перевод сделан по этимологии и исходя из соседства № 17. № 19 (*muddā*) в других списках (например в *Divyāvadāne*, *Махавасту*) означает «искусство счета на пальцах», но в ином окружении. Список, наиболее близкий к данному, приведен в *Махавьютпатти* (*Mahāvūtpatti*. Изд. И. П. Миняев. СПб., 1911, с. 77—78).

²⁶ Институт философского диспута получил в древней Индии значительное развитие и определенную кодификацию. Умение вести диспут рано стало особым профессиональным умением, неотъемлемым философскому знанию самому по себе. Поэтому царь мог быть именно диспутантом, не будучи в то же время философом.

²⁷ Это вовсе не значит, что сам он был проповедником какого-либо толка. Царь принадлежал к числу «ветандинов» — спорщиков, не выдвигающих своего тезиса, но берущихся оспаривать положения оппонента.

²⁸ В переводе воспроизведена ошибка в согласовании, изобличающая небрежную интерполяцию.

²⁹ *Войско четырех родов* — боевые слоны, колесницы, конница и пехота, традиционное и ко времени написания ВМ уже устаревшее деление на рода войск, ибо колесницы постепенно выходили из употребления.

³⁰ *Рассуждатели* — *lokāyata*. Это слово не означает в палийских текстах философское направление (то же, что и *śāṅkhya*), а значит споры, главным образом софистического характера, как в Абх 112: «*Lokāyata* есть нечто, придуманное ради спора». Ср. также следующий контекст: «Иные же шраманы и брахманы данную им с верою еду едят и такую вот беспорядочной наукою, таким дурным заработком жизнь поддерживают: „будет-де дождь, будет бездождье, будет сытное время, будет голодное время, благополучие будет, нужда будет“ — таким вот счетом на пальцах, исчислением, расчетами, баснями, спорными выдумками (*lokāyata*)» (Д 1.1.25; Д 1.2.60). *Возражатели* — *vetandī*. Слово *vetandī* определяется в *Ньяясутрах* как оспаривание без выведения положительного аргумента.

³¹ Несколько странно здесь выделение буддистов («признающих Святого Истинновсепросветленного») из числа прочих шраманов, к которым они обычно причислялись небуддистами.

³² Далее следует неуклюжая интерполяция из канонической сутры «Плоды шраманства» (Д II), события которой относятся к эпохе жизни Будды, т. е. произошли за 500 лет до Милинды, судя по приводимому в тексте пророчеству. Интерполяция свидетельствует об окончательном превращении Милинды из исторического лица в легендарную фигуру, а кроме того, изобличает недостаточное понимание ее автором самой сутры.

³³ О перечисленных шести учителях см., например: *Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия*. М., 1980, гл. 3.

³⁴ *Ад Нэзыбь* (*Avicī*) — низший и страшнейший из многочисленных адв буддийской космографии.

³⁵ *Чандалы и пуккусы* — представители презираемых нечистых каст, по происхождению индоевропейцев.

³⁶ Можно понять иначе: «ни шраманов, ни брахманов-мирян».

³⁷ Очевидно, уходили не только после диспутов, но и заранее, чтобы не ввязываться в спор, суливший поражение.

³⁸ Любовь к большим степеням десяти — общая черта древнеиндийских текстов.

³⁹ *Гора Югандхара* находится на одном из концентрических горных хребтов, окружающих ось мира — гору Меру.

⁴⁰ Отметим, что, хотя святость и признается высшей ценностью и целью, достижение ее, как оказывается, вовсе не связано с особой мощью ума. Вся история поисков «усмирителя» царю Милинде, рождения Нагасены и пр., излагаемая ниже, свидетельствует о понимании буддизмом величайшего значения разума, который на деле превосходит самое святость. Ср. с этим также заключающие ВМ строки: «Пусть же муж рассудительный/... Поклоняется умным людям/ так же, как чайтьям святых».

⁴¹ *Обитель Тридцати Трех [богов]* — второй уровень небес мира желаний, где царствует царь богов Индра (Шакра).

⁴² *Дворец Победный (Vejayanto)* — чертоги Индры.

⁴³ Святые воспользовались одною из так называемых «сверхобычных сил». Они могут напоминать чудотворство, но воспринимаются не как собственно чудо, т. е. нарушение законов природы, а как особые, с большим трудом и после сложной тренировки достигаемые способности, которые все к тому же перечислены и описаны, так что никаких чудес, помимо перечисленных, не бывает по природе вещей.

⁴⁴ Как отметил Демьевиль (*Demiéville P. Les versions chinoises du Milindapañha. — Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient. 1924, 24, с. 26—27*), следующая далее история уговоров Махасены, рождения и детства Нагасены близко, а иной раз и дословно повторяет приводимую в введении к комментарию на *Винаю* историю тхеры Тишья, сына Маудгали. В китайском варианте этой интерполяции нет.

⁴⁵ *Я — слуга общины (āgāmiko)*, букв. «монастырский служка». Себя, как мирянина, Шакра ставит ниже монахов и готов услужить им.

⁴⁶ *Каверзные* — *diṭṭhivādēna*. Пользуясь методами диспута, царь выводит из аргументов буддистов следствия, неприемлемые для них самих, как то продемонстрировано в беседе с Аюпалой.

⁴⁷ Чтобы быть в состоянии самостоятельно, хотя бы до некоторой степени, определять, где родиться в следующий раз, требуется обладать немалыми духовными заслугами. Ср. кн. III, вопрос 6.

⁴⁸ *Там много деяний* — только в мире людей совершаются поступки (кама), имеющие значение для будущего и могущие привести в ад, на небеса и пр. Или проще: у людей приходится делать дела, работать.

⁴⁹ Имеется в виду один из путей ухода в нирвану — «уход вверх по течению» (*uddhamasoto*). Индивид переходит при этом на все более высокие небесные сферы (фактически уровни созерцания), а затем достигает нирваны.

⁵⁰ *Десятисильный* — эпитет Будды. К «силам» относятся способность проповедовать Учение разными способами, знание наклонностей живых существ и пр.

⁵¹ Здесь, по-видимому, опять перебой в рассказе.

⁵² *Торможение (nīrodho)* — психофизиологический предел сосредоточения, объективно характеризующийся прерывом психической деятельности, остановкой дыхания, падением температуры тела.

⁵³ *Засверкало ... прошел (āvudhabhaṇḍāni pajjalimpu, aggasassaṃ abhinipphaṇṇaṃ, mahāmegho abhippavassi)*. Первые два явления не вполне ясны, однако общий смысл несомненен: Нагасене предстоит защитить Учение, его деятельность будет плодоносной, утолит духовную жажду многих.

⁵⁴ То есть пока Нагасене не исполнилось семь лет.

⁵⁵ *Проходите, почтенный* — вежливый отказ подать что-либо монаху.

⁵⁶ *Рассказывал ... из Речений Просветленного* — это называлось *апиппаданап* — «следующая [за трапезой] радость». Подача милостыни и ответная проповедь были с экономической точки зрения обменом услуг. Вступая в монашескую общину, человек отказывался от собственности в пользу других и устранялся от участия в хозяйственной жизни общества, становясь носителем и распространителем духовной культуры. Общество же обеспечивало его материально.

⁵⁷ Имеются в виду лунные месяцы.

⁵⁸ Обучение мальчиков в брахманских семьях начиналось в семилетнем возрасте.

⁵⁹ Умение — *sīrpaṭ*, примерно соответствует античному пониманию слова «искусство» (*ars*, τέχνη).

⁶⁰ Тысячу — в ведийскую эпоху подразумевалось «коров», но авторы кн. I ВМ этого могли уже не знать.

⁶¹ Приглашение учителя на дом — необычная черта быта; как правило, дело было наоборот: ученик жил в доме учителя на правах члена семьи и помогал ему по хозяйству.

⁶² Мантры — ведийские гимны.

⁶³ Список изученных Нагасеной наук заимствован из Канона, см., например, сутру «Долгожитель» (М 91) и др. Со знанием словарей и ритуала — *saṇighaṇḍukeṭubhesu*. *Nighaṇḍu* — словари встречающихся в ведах редких и вышедших из употребления слов, составленные еще в древности. *Keṭubha* — важнейший из «членов вед» (*vedaṅga*), т. е. наука о ритуале. *Выделять слова из предложения* — восстанавливать отдельное звучание слова, устрояя позиционные фонетические изменения на стыках слов. Для ведийской учености характерно повышенное внимание к звуковой и грамматической правильности произносимого в ритуале ведийского текста, поскольку неправильное произношение, как считалось, могло сделать ритуал бесплодным, а то и вредным. *Признаки великого человека* — тридцать две особенности внешнего физического облика человека, предвещающие ему великую судьбу: если он останется мирянином, то станет миродержцем (*sakkaṇvatti*), а если уйдет в монахи, то станет Всепросветленным. Признаки находят свое отражение и в скульптурно-живописном каноне изображения будд.

⁶⁴ Очередная неувязка. Если Рохана семь лет ходил за подаанием в Каджангалу, то и жил он, надо думать, по соседству, а не где-то далеко, поэтому переноситься с помощью сверхъестественных сил не было надобности.

⁶⁵ Эта фраза игнорирует, как кажется, то что Рохана давно уже был приглашен постоянно свершать трапезу в доме отца Нагасены и не мог поэтому быть ему незнаком.

⁶⁶ Буддийские монахи стригутся наголо и носят оранжево-желтые одеяния. У сведущего в буддийской литературе читателя вопрос Нагасены вызывает в памяти такой же вопрос бодхисаттвы, будущего будды, во время последней из «четырех знаменательных встреч», т. е. при встрече с монахом, которая и подтолкнула бодхисаттву окончательно к уходу из мирской жизни.

⁶⁷ В подлиннике непереводаемая игра слов.

⁶⁸ В джатаках не раз рассказывается, что человека, иной раз даже злодея, от беды спасала только внушающая уважение желтая монашеская одежда.

⁶⁹ Перечень составляющих каноническую абхидхарму трактатов является позднейшей вставкой. Вообще интерполяции такого рода (расшифровка терминов, названий и пр.) принадлежат к самым частым в буддийских текстах. Указанное в данном списке содержание трактата «Описание [типов] личностей» не соответствует известному нам палийскому трактату с этим названием.

⁷⁰ Абхидхармистские трактаты написаны строго формализованным, почти алгебраизированным языком и легко допускают сокращения, «свертывания». Имеется даже палийское слово *peyyāḥaṭṭa*, означающее примерно то же, что и математический знак Σ. Без сокращений эти трактаты длинны невероятно.

⁷¹ Коралловое дерево — *maṇḍāga*. Растет, по мифологическим представлениям, в увеселительной роще Шакры, главы Тридцати Трех богов, на вершине вселенской горы.

⁷² Посвящение (*upasampadā*) — обряд принятия в полноправные члены общины. Посвящать разрешается лиц не моложе двадцати лет.

⁷³ Сезон дождей.

⁷⁴ Выражать в таких случаях свое согласие вслух считалось недопустимым.

⁷⁵ Провожатый *шраман* — младший монах, сопровождающий тхеру вне монастыря.

⁷⁶ Надмирное — *lokottara*, т. е. относящееся к нирване или к арийской восьмизвенной стезе.

⁷⁷ Здесь имеется в виду, что никакой «души», понимаемой как некая вещь, не существует, ибо дух есть процесс.

⁷⁸ «Все, что слагается, пресечется». Обычная формулировка происхождения так называемого «пути видения». Если возникшее при этом знание оказалось устойчивым, то человека можно по праву назвать «обретшим слух» (к дальнейшему восприятию буддийской проповеди), т. е. «первой арийской личностью», как то произошло с Нагасеной (см. дальше в тексте).

⁷⁹ *Йоджана* — древнеиндийская мера длины, по разным источникам, от 7 до 14 км. В китайском переводе ВМ йоджане соответствует 40 ли.

⁸⁰ Сравнение с пастухом взято из Дхп 19. *Не шраман* означает здесь «не святой», поскольку святой есть шраман по преимуществу.

⁸¹ *Толкующие знания* (paṭisambhidāyo) разъяснены в кн. IV ВМ.

⁸² Ставши святым, Нагасена обрел сверхобычные силы.

⁸³ *Странноприимная обитель* — saṅkheya-arāṇeṇa. Слово понималось до сих пор как топоним. Но ср. saṅkheya < saṅkheya — «[место], предназначенное для совместного житья» + arāṇeṇa — «монашеская келья».

⁸⁴ *Наследник наследия* (āgataṅgato) — эрудит в священных текстах. Слово āgato — «эрудиция в текстах» часто выступает в паре с adhigato — «понимание текстов».

⁸⁵ *Цель* — attho. Слово также означает «смысл; обозначаемый словом предмет; объект; выгода». В таком контексте, как этот, имеется в виду не одно, а несколько граней этого единого значения. Так, «высшая цель» (paramattho) в не меньшей степени есть и «высший смысл». *Ваш* — буддийский.

⁸⁶ Ответ Аюпалы не слишком удачен. Возможно, что выражение «жить по дхарме, гладкое житье» (dhammacariyāsamaṇiyya) тхера употребил, чтобы быть более понятным греческому царю, ибо и по словесной форме, и отчасти по смыслу это сочетание напоминает о стоическом греческом «жить (в согласии с природой)» *ὁμόλογον μετὰ τῆ φύσει*. Однако в Каноне «житье по дхарме» разъясняется как «десять благих путей деяния», а именно: отказ от убийства, воровства, прелюбодеяния; отказ от лжи, злословия, грубости, пустословия; отказ от алчности, вредительства и ложных взглядов (М 41). Таким образом, «житье по дхарме», «гладкое житье» есть лишь первый, поверхностный срез буддийского учения, а требования к личности здесь не очень высоки.

⁸⁷ *Заказник* — migaḍāyo. Большой огороженный участок леса, куда специально сгонялись звери для царской охоты.

⁸⁸ «Заход [созвездия] провидцев» — Isipatanaṇa. Созвездие провидцев соответствует Большой Медведице.

⁸⁹ Имеется в виду первая после просветления проповедь, в которой были возведены «четыре арийские истины». См. приложение 2.

⁹⁰ Перечень приводимых Аюпалой проповедей довольно случаен: если «Сутра запуска колеса проповеди» по справедливости считается одной из самых прославленных и глубоких, то *проповедь-увещание к Рахуле* (М 147) особыми достоинствами не отличается, рассматриваемые в ней темы излагаются множество раз и в других сутрах. *Проповедь в большом собрании* (Д XX) представляет собой описание множества небес и обитающих на них богов, т. е. собственно «проповеди» в ней нет и постижению Учения неоткуда взяться. *Сутра о способе [сделать] мысль гладкой* неизвестна, есть лишь «Глава о гладкой мысли» в А II.4. Что же касается сутр «Высшее благо» и «Презрение», то их содержание просто и приспособлено для восприятия совершенно неразвитых людей, ограничиваясь простыми житейскими призывами быть хорошими и избежать презрения. К сердцевине буддийского учения отнести их никак нельзя, в чем читатель может убедиться сам. См. приложения 3 и 4.

⁹¹ *Сыны шакьев* — буддисты. Исторический Будда происходил из племени шакьев и нередко именуется «мудрецом из рода шакьев» (Sākyamuni) и «львом из колена шакьев» (Sākyasiṃha).

⁹² *Чистые обеты* (dhutaṅgāni) — тринадцать необязательных, добровольно принимаемых аскетических обетов в буддийском монашестве. См. кн. V ВМ.

⁹³ *Одоеды* (ekāsanikā) — монахи, принявшие обет съедать всю суточную порцию пищи сразу, за один присест.

⁹⁴ *Тапас* — аскеза, обычно предпринимаемая с целью добиться мирских, но не духовных благ. Термин этот добуддийский и в буддизме довольно редок.

⁹⁵ *Бездомники* (abbhokāsikā) — монахи, давшие обет ночевать только под открытым небом.

⁹⁶ *Нележалцы* (nesajjikā) — монахи, принявшие обет спать сидя.

⁹⁷ *Монахи* — исправлено по китайской версии. В палийской — «греки», что противоречит контексту.

⁹⁸ *Глава общины, учитель школы, руководитель школы* — сказано для внушительности, ибо, строго говоря, Нагасена — не учитель школы, так как он последователь Будды и не вполне самостоятельный мыслитель.

⁹⁹ *Девять частей наставления Учителя* — одно из возможных членений корпуса канонической литературы по жанровой принадлежности. См. кн. III, гл. 7, примеч. 3.

¹⁰⁰ *Одежду ... лекарства на случай болезни всегда получающий* — каноническое клише. Буддийскому монаху изначально позволялось иметь в личном использовании следующие вещи: миску для сбора подаяния, три одежды, бритву, иголку, сито для процеживания воды. По мере прихода их в негодность миряне дарили монахам новые, а также заботились и о прочих их нуждах, например о лекарствах.

¹⁰¹ Т. е. достигший святости.

¹⁰² *Девамантия* — некоторые исследователи предлагают видеть в этом имени искажение греческого Δειφύριος. Но вернее предположить и межкультурную контаминацию со словом *Devmantiṣ* «прорицатель». Ср. кн. II, гл. 1, примеч. 26.

¹⁰³ Царь испугался так же, как в канонической сутре «Плоды шраманства» испугался царь Аджаташатру, подъехав к общине во главе с Буддой.

¹⁰⁴ *Хранителями стран света* (класс божеств, соотносимых со странами света и помещаемых на низшее из небес мира желаний) могут считаться только первые четыре из перечисленных богов, но по индуистской, а не по буддийской схеме. *Индра* правит востоком, *Яма* — югом, *Варуна* — западом, *Кубера* — севером. *Суяма* и *Сантушита* — старшие боги более высоких небес мира желаний, соответственно третьего и четвертого уровней. *Праджанати*, как можно догадываться, занял в этом перечне обычное место Индры (Шакры) — на макушке горы Меру, в обители Тридцати Трех.

¹⁰⁵ *Великий Брахма* — бестелесный бог небес в «мире образа» (gūraloka).

¹⁰⁶ *Гаруда* — царь мифических птиц, беспощадно преследующий и истребляющий змей. История вражды змей и птиц — известный мифологический сюжет. См.: *Темкин Э. Н., Эрман В. Г.* Мифы древней Индии. М., 1982, № 25 и 26.

¹⁰⁷ Отрубленная голова демона Раху гоняется по небу за месяцем и пытается проглотить его. Так объясняет индийская мифология лунные затмения. Сюжет о Раху и месяце см. в кн.: *Темкин Э. Н., Эрман В. Г.* Мифы древней Индии, № 24.

¹⁰⁸ *Вайшравана* (пали Vessavaṇa) — эпитет бога богатств Куберы, считающегося повелителем якшей, одного из разрядов духов. Мотив этот скорее общеофольклорный, чем буддийский, так как в буддизме якши изображаются оборотнями-людоедами, соответствующими ракшасам индийского эпоса, и с Куберой связываются не всегда.

¹⁰⁹ Тоска небожителя перед необходимостью вновь стать человеком и родиться на земле после небесного блаженства — частый мотив индийской литературы.

Книга вторая

Глава первая

¹ *Учтиво и дружелюбно расспросил его о жизни* — формульное выражение, заимствованное из Канона. Подразумевается довольно длительный и церемонный обмен любезностями.

² *Нагасена, Шурасена, Вирасена, Симхасена* — мужские имена, этимологически «войско слонов (или змиев)», «войско героев», «войско витязей», «войско львов». *Здесь не представлена личность* — *na h'ettha puggalo upalabbhati*. Перевод не вполне точен из-за отсутствия адекватного соответствия палийскому *upalabbhati*. Удачно можно передать это по-латыни: *persona hic* по *conspicitur*.

³ *Восемьдесят тысяч монахов* — в китайском варианте «восемьдесят монахов».

⁴ *Приемлемо ли это, можно ли согласиться с этим* — заимствованное из Канона выражение (Д XV.34).

⁵ *Кто нравственность блюдет? Кто прилежит созерцанию? Кто следует стезей, получает плоды, осуществляет покой?* — упомянуты три главные составляющие буддизма как культуры личности: 1) культура поведения — нравственность; 2) культура психики — йога, созерцание; 3) культура понимания — мудрость. Последняя, в свою очередь, выражается последовательностью этапов совершенствования — четырьмя «стезями», т. е. актами продвижения к окончательной цели — «прекращению тяготы», и соответствующими им «плодами» — устойчивыми результатами. Этапы таковы: а) обретение слуха (*so-tāpatti*; см.: *Парибок А. В.* Понятие первой арийской личности в связи с символикой воды в буддизме. — Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1987, с. 150—162); б) возвращение единойды (*sakadāgāmitā*); в) безвозвратность (*anāgāmitā*); святость или архатство (*arahattam*). Словом «покой» переведен условно-этимологически термин *piṭṭhaṇaṇ* (нирвана), поскольку здесь и повсюду в кн. II он лишь упоминается, но не рассматривается и, таким образом, считается как бы сам собою понятным. В последних вопросах кн. III, содержащих образное описание и зачатки теории нирваны, слово оставлено без перевода.

⁶ *Кто живых убивает ... Кто пьянствует ...* — названы нарушения пяти минимальных нравственных требований буддизма.

⁷ *Пять тотчас воздаваемых деяний* — пять чернейших преступлений, неминуемо влекущих посмертное немедленное («тотчас») воздаяние в аду: отцеубийство, матереубийство, убийство святого, пролитие крови Будды (убить его невозможно), раскол буддийской общины.

⁸ Реминисценция из канонической сутры «Плоды шраманства», где сходные взгляды высказывают Аджита Волосяное Одеяло: «Нет деяния, нет жертвования, нет всеожожения, нет у деяний хороших и дурных ни плода, ни последствия» (Д II.23) — и Пурана Кашьяпа: «Тот, кто жизнь пресекает, без спросу берет, грабит со взломом, разбойничает... к чужой жене входит, лжет — тот не свершает дурного» (Д II.17).

⁹ *У вас* — у буддистов.

¹⁰ *Учитель* наставлял послушника (*sāmaṇeḥ*) в сутрах, а *наставник* — в «Уставе».

¹¹ *Волосы ... головной мозг* — перечислены составляющие организма согласно схеме так называемого «памятования о теле» (*kāyagatāsati*) — аналитического созерцательного упражнения, подробно разработанного в *Висуддхи-магге* (гл. VIII), но кратко упоминаемого уже в канонических текстах. С анатомической точки зрения перечень, конечно, весьма несовершенно. Важно число членов перечня 32=2⁵. Мультипликативные структуры нередко играют мнемоническую и символизирующую роль в подобных перечнях.

¹² *Образное ... сознание* — перечислены «пять груд» (*khandhā*), т. е. пять компонент-блоков функционирующей психики.

¹³ Милинда в своем ответе опровергает, как ему кажется, два высказывания Нагасены: 1) «Здесь нет личности» и 2) «Сподвижники называют меня Нагасеной». В первом случае он пытается вывести из высказывания абсурдные («если кто-то умертвит вас, он не свершит убийства»), а также неприемлемые для буддиста положения («нет хорошего, нет дурного... нет у деяний праведных и неправедных ни плода, ни последствия»). Во втором случае он, не удовлетворяясь личным местоимением («меня называют»), доискивается, что же называют Нагасеной, и безуспешно, ибо в принятой им самим постановке во-

прос положительного ответа не имеет. О связи двух высказываний Нагасены Милинда не задумывается, его эффектное и напористое выступление лишено цельности.

¹⁴ *Поручни* — rathadaṇḍako, букв. «палка (шест) колесницы» (?). В переводе Т. В. Рис-Дэвидса слово опущено, Шрадер переводит Fahnenstock. В китайском тексте 旌, т. е. палка, флагшток.

¹⁵ В китайском переводе, по П. Демьевиллю, порядок и перечисление деталей несколько иной: les essieux, les jantes, les rayons, les moyeux, le timon, le joug, la plateforme, la hampe [du dais], le dais.

¹⁶ *Вследствие* — paticca. Слово выражает обусловливание в самом широком смысле.

¹⁷ *Просто имя* — в отличие от колесницы (выше), где было сказано «имя». Ведь имя нарицательное имеет некий смысл благодаря внутренней форме, если она у него есть, а собственное имя смысла не имеет, если не получает вторичного смысла по носителю (Хлестаков и пр.), т. е. оно — «имя и только».

¹⁸ Цитата из С V.10.6, где не утверждается, однако, что эти слова были произнесены в присутствии Будды. Более полный контекст см. в приложении 5. Вторая строка подразумевает противопоставление «истинного по общему мнению» (sammutisaccam, что в махаяне превратилось в samvṛtisatyam «прикровенную истину») — здесь это представление о существе — и «истинного в высшем смысле» (paramatthasaccam) — здесь это понятие гряд.

¹⁹ *«Я? Семь лет, государь»*. В подлиннике sattavasso'haṃ, что, если не считать с раздельным либо слитным написанием, а в устной форме — с интонацией, можно понять двояко: 1) «Я емь семь лет» и 2) «Я — семилетний». Именно эту неоднозначность и заметил Милинда.

²⁰ *Тень и отражение* — на пали равно chāyā.

²¹ *Противника запутывают перебором случаев... встречные различия* (āveṭṭhanam nibbeṭṭhanam, niggaḥo, paṭikkammam, viśeso, paṭiviseso) — эристические термины. *Перебор случаев* (āveṭṭhanam, букв. «завертывание»): например, некто утверждает, что личность существует в высшем смысле. Поскольку оба диспутанта признают, что существующее в высшем смысле есть дхарма, а число дхарм конечно и все они известны, то можно их все перебрать и показать противнику его ошибку. Толкование это предположительно; слово āveṭṭhanam не встречается в терминологическом контексте ни в *Катхаваттху* («Предметах спора»), ни в *Никаях* («Сводах»). Возможно, что речь идет просто о запутывании противника. Nibbeṭṭhanam этимологически означает «уничтожить результат действия āveṭṭhanam». *Опровержение* (niggaḥo) есть показ логической непоследовательности противника, например выведение из его тезиса следствий, неприемлемых для него самого. *Встречный ход* (paṭikkammam) — опровержение опровержения, выдвигаемое защитником оспариваемого тезиса. *Различения* (viśeso): на вопрос вроде «Верно ли, что А есть Б?» дается ответ: «В одних случаях да, в других — нет». *Встречные различия* (paṭiviseso): либо дальнейший разбор обоих случаев, выделенных противником, либо непризнание предложенного противником различия и противопоставления ему другого, своего (толкование предположительно).

²² В китайском тексте добавление: «Глупцы в споре не способны сами понять, победили они или потерпели поражение. Они занимаются придирками. Им нужна только победа». Кажется, что это — тонкий намек на возможное поведение Милинды.

²³ Фраза «Могу я спросить тебя?» есть вопрос, который уже задан.

²⁴ *Сел на коня* — по мысли Я. В. Василькова (см. его статью «О возможности греческого влияния на „Вопросы Милинды“», в печати), царь, как потерпевший поражение в диспуте, проиграл Нагасене колесницу. В древнейшем словесном состязании такое было, по-видимому, правилом, но в «Вопросах Милинды» это скорее лишь намек на памятный еще обычай, ибо принять колесницу от царя Нагасена, как монах, не мог.

²⁵ В китайском тексте порядок предложений иной: «„Изволь уведомить почтенного, Девамантия, что беседовать мы с ним будем завтра во дворце“. И Девамантия сказал достопочтенному Нагасене: „Почтенный, царь Милинда

говорит, что беседовать вы будете завтра во дворце". — „Спасибо“, — поблагодарил тхера. А царь встал с сиденья, попрощался с Нагасеной, сел на коня и уехал, продолжая думать об имени „Нагасена“. Он повторял про себя: „Нагасена, Нагасена...“.

²⁶ *Девамантия, Анантакая, Манкура*. Ранее исследователи предлагали для этих непривычных с индийской точки зрения имен греческое происхождение. Т. В. Рис-Дэвидс (The Questions of King Milinda, Transl. from the Pali by T. W. Rhys Davids. [Vol. 1.] Oxf., 1890, с. XIX) предложил возводить Anapatakāyo к Ἀντακός, что довольно сомнительно, ибо тогда естественно было бы ожидать скорее Antakho или Antiyakho. Другие гипотезы (см.: *Demiéville P. Les versions chinoises*, с. 94) еще менее правдоподобны. Учитывая соседство очень странного имени Sabbadinno (Всё-отдам — см. след. примеч.), можно допустить, что и остальные «имена» — только отчества подлинных, на деле же значащие. В древнеиндийской литературе персонажи со значащими именами не так уж редки. *Девамантия* возводим к Devamantrin «советник царя», Anapatakāyo значит примерно «великан», а Манкура — «робкий человек». Ср. кн. I, примеч. 102.

²⁷ *Всё-отдам* — пали Sabbadinno, значащее имя, смысл которого противоположен характеру его носителя. Поскольку показ данного несоответствия есть главное назначение следующего далее пассажа, имя пришлось перевести.

²⁸ Интермедия со скупцом, носящим «щедрое» имя, введена специально для того, чтобы еще раз подчеркнуть правоту Нагасены: «в имени не познается личность», т. е. по имени нельзя сказать, что за человек его носит. В китайском тексте вместо «Всё-отдам» стоит наивное имя «Скупец». Царь говорит после троекратного повторения реплик: «Ты и вправду беспримерный скупец! Не зря тебя так зовут». Ясно, что китайские переводчики лояли текст плоско, но сама их ошибка помогает догадаться о главном смысле беседы о «Нагасене» и колеснице. Этот смысл — не в обсуждении проблемы личности с буддийской точки зрения, но в рассмотрении отношения слов (имен собственных и нарицательных) к предметам и лицам, ими обозначаемым.

²⁹ Троекратное повторение однотипных реплик (*раковина, дудочка, рог*) содержательно совершенно излишне и введено по традиции. Три отдельных случая уже создают некое множество, общее правило.

³⁰ В абхидхарме имеется так называемая «тройка пар слагаемых» (saṅkhāgā): 1) телесные — вдох и выдох, 2) речевые — задумывание и продумывание и 3) психические — ощущение и распознавание.

³¹ Анантакая следует неписаному правилу: проигравший в споре становится последователем победителя.

³² *Мирская одежда* — dussayugaṃ, не вполне ясное слово. Предложенный перевод опирается на имеющееся здесь противопоставление dussayugaṃ и sīvaṃ «монашеского одеяния»; ср. также далее, в начале кн. III: царь снимает с себя «всегдашнюю мирскую одежду» (pakaṭṭidussayugaṃ) и облачается в «желтое рубище» (kāṣāyaṃ).

³³ *У нас есть цель, государь* — atthena mayāṃ mahārājā atthikā. Это столь же означает и «у нас есть смысл [жизни] и предмет нашей заинтересованной деятельности».

³⁴ *Истинно* — пали samma, санскр. samyak, этимологически примерно «всесторонне»; в буддизме означает соответствие объективности своему понятию.

³⁵ Каноническая реминисценция, ср. № 68: «Но вы, Анируддха, не царем доведенные, из дому в бездомность ушли; не грабителями доведенные, из дому в бездомность ушли; не оттого, что все в долгу, из дому в бездомность ушли; не для того, чтобы добыть себе пропитание, из дому в бездомность ушли; „погружен я в рождение, старость, смерть, в печали, стенания, тяготы, уныние, отчаяние; погружен в тяготы, обречен тяготам; хоть бы конец узреть всему этому множеству тягот“, — вероятно, [думая так], Анируддха, ушли вы из дому в бездомность?» (слова Будды).

³⁶ *Сам знаю и сам вижу* — намек на частое в Каноне выражение «знание-видение освобожденности» (vimuttiñāṇadassanaṃ). Нагасена, возможно,

дает понять царю, что полностью овладел Учением Будды и стал святым, но ср. ниже, примеч. 38.

³⁷ Прекрасно — пали *kallo'si*. Хотя слово *kallo* на пали есть, такое синтаксическое и ситуационное использование его странно и нигде, кроме текста ВМ, причем только в устах царя или в конце кн. II — греков (но не в устах Нагасены!), не встречается. Как можно догадаться, здесь мы имеем обиходное греческое слово *καλός* — «хорошо, ладно, прекрасно», употребляемое именно в подобных контекстах. Оно слегка переосмыслено в духе народной этимологии, что нетрудно, благо др.-инд. *√kaḥ* и греч. *√kallō* родственны, и употреблено в качестве речевой самохарактеристики греков. Такой факт означает, конечно, значительность бытового и языкового смешения в эллинистических государствах индийского Северо-Запада в эпоху диадохов.

³⁸ Это противоречит свидетельству кн. I о том, что Нагасена уже добился святости, а возможно, и сказанным только что словам «сам знаю и сам вижу».

³⁹ Любопытно, что слоны не упомянуты. Это — косвенное свидетельство в пользу создания текста на индийском Северо-Западе.

⁴⁰ Ячмень — возможно, он упомянут здесь как самый распространенный злак.

⁴¹ Ум — *mānasaṃ*, синоним слова *cittaṃ* — «мысль». Истинное внимание (*yoniso mānasi kāro*), непояснимое далее в тексте ВМ, толкуется в Асл 109 как «включенная в груды слагаемых [дхарма], которую можно считать для сопряженных с нею дхарм как бы возникшей в том смысле, что она „поставляет“ объект сознания [сознанию]». Уподобление внимания и мудрости действиям правой и левой руки может быть более глубоким, чем представляется на первый взгляд, и намекать на прекрасно практически и по-своему теоретически известную буддизму функциональную асимметрию мозга.

⁴² Перечислены так называемые «пять орудий» (*pañcendriyāṇi*) — подгруппа благих дхарм, входящая в большую группу из 37 «просветлительных дхарм» (см. след. примеч.). По *Висуддхимагге* (с. 129—130), подгруппа членится на монаду памятования и две диады: вера—мудрость и усилие—сосредоточение. «Нравственность» к орудиям не относится, упомянута как общая основа совершенствования.

⁴³ Перечислены, во-первых, «просветлительные дхармы» (*bodhipakkhiyā dhammā*) в непривычном порядке (обычный порядок: постановки памятования, истинные начинания, основы сверхобычных сил, орудия, силы, звенья просветления, стезя), а затем некоторые йогические термины, которые в отличие от «просветлительных дхарм» означают не столько постоянные свойства совершенствующейся личности, сколько процессы самого созерцания. Объяснить их крайне сложно и для понимания текста ВМ не обязательно.

⁴⁴ Любые растения... из отводков или семян — заимствование из М 35.

⁴⁵ Вновь заимствование отсюда же.

⁴⁶ Из стихотворной сутры «Колтун» (С VII. 1.6). См. приложение 6. Строфа использована также в начале *Висуддхимагге* Буддхагхоши как указание на троищность буддийской самокультуры.

⁴⁷ Строфа явно более позднего сочинения. В Каноне отсутствует.

⁴⁸ См. кн. I, примеч. 29.

⁴⁹ Одна из семи драгоценностей миродержца.

⁵⁰ Весь пассаж, начиная со слов «Представь, государь, что царь-миродержец...», цитируется в «Ниве эксегесы», где вера также объясняется через свойства прояснять и устремлять (Асл 98).

⁵¹ Чтобы обрести необретенное, достичь недостигнутого, осуществить неосуществленное — выражение заимствовано из Канона (А V.78).

⁵² Высоко в горах... И река вздулась и вышла из берегов — образ дословно заимствован из Канона (С XII.23.27).

⁵³ Толпа народу (*maññāpakaṃ*) — нередкое каноническое выражение в случаях, когда говорится об адресатах Учения.

⁵⁴ Из сутры «Алавийский якша», встречающейся в Каноне дважды (Сн I.10 и С X.12). См. приложение 7.

⁵⁵ Оба приведенных Нагасеной примера (с бревном, с войском) воспроизводятся в «Ниве эксегесы» с ссылкой на «Вопросы Милинды» (Асл 99).

⁵⁶ *Усердный* — предпринимающий усилия. Характерная черта специальной буддийской терминологии — использование всех синонимов, существующих в языке, для передачи либо одного и того же понятия, либо его оттенков, т. е. воспроизведение синонимии как общеязыкового свойства языком профессиональным. Так, в строго абхидхармистском, т. е. философско-психологическом, смысле тождественны значения слов «усилие», «усердие», «мужество», «рвение», «старание», «радение», «энергичность» и пр. (мы приводим русские аналоги соответствующих древнеиндийских слов). Эту особенность принятого в буддизме способа выражаться полезно иметь в виду, чтобы не удивляться и не видеть непоследовательности или аморфности мышления, встречая, например, в сходных или тождественных контекстах слова «мудрость», «постижение», «понимание» и т. п.

⁵⁷ *Упоминать* — *apilāpaṃ* < *ari* + *lāpaṃ* (от корня *lap*). Комментаторы разлагают это слово иначе: *a* + *pilāpaṃ* = «не давать уплыть». Такое толкование сомнительно лингвистически, ибо тогда был бы невозможен личный глагол *apilāpeti* (поскольку отрицание чисто именное), а глагол этот встречается. Но содержательно это толкование приемлемо и даже удачно.

⁵⁸ Пример повторен в «Ниве эксегесы» (Асл 100).

⁵⁹ *Драгоценный наследник* — *paṇḍita*, одна из семи драгоценностей миродержца. Традиция не едина в понимании этого слова, иногда считают, что это полководец.

⁶⁰ Пример повторен в «Ниве эксегесы» (Асл 100).

⁶¹ С XLVI.53.21.

⁶² *Низины... склоны... скаты сосредоточения* — заимствованное из канонической литературы клише.

⁶³ Пример дословно повторен в «Ниве эксегесы» (Асл 97).

⁶⁴ Пример перефразирован в «Ниве эксегесы» (Асл 97).

⁶⁵ Прежде чем изменить подлежащее изменению, т. е. прежде чем братья пресекают тяготу, следует усмотреть, что есть налицо: понять, что есть тягота и что она есть, а также бдительно примечать все происходящее. Первое есть «истинное видение» и составляет первый значительный шаг на пути пресечения тягот, а второе достигается прежде всего упражнением себя в «постановках памятования», будучи, таким образом, уже частью «пути освоения». Цитируемое высказывание Будды встречается в Каноне несколько раз, см. А.Х.2.1 и пр.

⁶⁶ Пример цитируется в «Ниве эксегесы» (Асл 101).

⁶⁷ Символика света свойственна буддизму не менее, чем западным религиозно-философским учениям.

Глава вторая

¹ *Становится* — *upajjati*. Учитывая большую важность переводимого контекста для истории философии, мы отдали предпочтение эквиваленту, звучащему более абстрактно; можно было бы перевести «возникает» или «рождается». Глаголы *upajjati*, *sambhoti*, *ajāyati* употребляются в древнеиндийском как полные синонимы. Все они сочетаются и со словами, обозначающими одушевленных существ (соответствуя тогда рус. «рождаться»), и с названиями вещей и процессов (рус. «возникать», «появляться», «становиться»).

² *Капелька, листочек, мешочек, комочек* (*kalalaṃ, abbudaṃ, peṣi, ghaṇṇaṃ*) — условный перевод терминов эмбриологии. Точнее было бы «зигота, бластоцист, хордон, гастрולה». Названия стадий утробного развития имеются уже в Каноне, см., например, С.Х.1.3.

³ *Все это связано единой благодаря телу* — *kāyaṃ nissāya sabbe te eka-saṅgahitā*. Другой вариант — *с опорой на тело*.

⁴ Время от заката до восхода делилось на три равных промежутка, называемые стражами.

⁵ *Иным [существо] становится, иным преходит*. Если становление понимать

как единство моментов возникновения и прехождения, то предложенный здесь перевод нелогичен, но такое употребление термина «становление» не единственно.

⁶ *Очередное сознание* — *raschimaiviññāṇaṃ*. Т. В. Рис-Дэвидс понимает как «последнее сознание (перед осуществлением нирваны)», но контекст этого не требует. *Raschima* может означать просто «более поздний». Пример со светильником использован со сходной целью в «Основных положениях срединной философии» (*Mūlamadhyamakakārikā*) Нагарджуны: «Теперь [автор], объясняя, каким образом невыводима ни конечность, ни бесконечность мира, т. е. ни то и ни другое, говорит: „Поскольку эта последовательность скандх подобна пламенам светильника, то логически несвязно [утверждать], что она конечна или бесконечна“» (ММК, с. 587).

⁷ Последовательность превращений «молоко—простокваша—сливочное масло—топленое масло» не раз упоминается в канонической литературе в связи с рассуждениями о процессах изменения. Ср. в особенности Д IX.48—53.

⁸ *Причина, основание* — *hetu*, *рассаяо*. В систематической буддийской философии термины *hetu* и *рассаяо* строго различны, но первое есть вид второго, а употребление их в паре, как здесь и далее, это лишь навеянная каноническими текстами риторическая фигура.

⁹ *Знание и мудрость* суть одно и то же только по содержанию. Из дальнейшего становится ясным, что знание, будучи результатом акта мудрости, не исчезает, как однажды написанное письмо.

¹⁰ *Навыки* — *sippatthāṇaṃ*, т. е. любое профессиональное умение.

¹¹ *Врач* (*vejjo*) — знаток лечебных трав, терапевт.

¹² Из-за того что слово *vedaṇā* равно значит «ощущение» и «боль», данный пассаж не вполне понятен в переводе. Поясним его. Считается, что архат (тот, кто не воплотится) не испытывает неприятных ощущений, т. е. переживаний (ощущение ведь толкуется Нагасеной, как и вообще в буддизме, в смысле психического опыта, переживания), кроме безусловно-физиологических, т. е. собственно физической боли как разновидности осязаемого. Но у него нет неприятных переживаний от дурного зрелища, звука и пр., тем более — от знаковых раздражителей, воздействующих на личность (например, он не может обидеться, рассердиться и т. п.). Поскольку состояние архата следует признать реальностью, а не выдумкой, то можно усомниться в правильности этого утверждения: вряд ли даже у архата отвратительная вонь, долгие, очень громкие звуки, мелькание света и тьмы перед глазами не вызвали бы неприятных ощущений, хотя, по абхидхармистской классификации, эти раздражители не принадлежат к осязаемому, а потому причисляются к опорам «дурного умонастроения» (*domanassāṇaṃ*), а не к опорам «телесной боли». Если высказанные соображения верны, то теория архата в данном случае не соответствует предмету. Источник цитирования — С XXXVI.1.6.

¹³ Эта проблема более подробно рассматривается в кн. III (вопрос 57).

¹⁴ Святой способен прервать свою жизнь особым йогическим усилием, но может и меться в виду и добровольная голодная смерть и пр.

¹⁵ *Не раут святые незрелый плод; разумные дожидаются, пока он созреет* — заимствованное из канонической литературы клише. См., например, Д XXIII.13: «Нет, раджа́ния. Нравственные, [следующие] благой дхарме шра́маны и брахманы не подгоняют незрелый плод созреть; разумные дожидаются, пока он созреет».

¹⁶ Из ТГ 1002 и 1003. Шарипутре принадлежат здесь собственно только слова «в трезвом уме и в памяти». Первая строфа не раз встречается в древнеиндийской литературе; см.: Indische Sprüche. Sanskrit und Deutsch. Hrsg. O. Böhtlingk. T. 2. St.-Pbg., 1872, с. 281.

¹⁷ В своем паралолизме о «благом неприятном» царь подменил термин: в первом своем вопросе — «Каково приятное ощущение?» — он имеет в виду все множество ощущений, а во второй реплике — элемент этого множества. Получился ошибочный вывод. В опровергающем примере Нагасены «жечь» соответствует «неприятному», «высокая температура» — «благому», «низкая температура» — «неблагому». Упомянутые Нагасеной шесть шестерок разъя-

няются в ранней протоабхидхармистской сутре «Анализ шести каналов» (М 137):

«Что такое шесть мирских удовольств? У воспринимающего — и думающего об этом — познаваемые зрением, слухом, обонянием, языком, осязанием, умом зримые объекты, звуки, запахи, вкусы, касания, дхармы — приятные, милые, желанные, отрадные — или у вспоминающего о прошлом восприятии [таких же, но теперь] прошлых, пресекавшихся, переживавшихся [объектов восприятия] появляется удовольствие. Такое удовольствие именуется мирским удовольствием.

Что такое шесть беспохотных удовольств? С видением бренности зримого, звуков, запахов, вкусов, касаний, дхарм [возникает благодаря пониманию их] превратности бесстрастие и пресечение [тяги к ним]: „И прошлые зримые объекты, звуки, запахи, вкусы, касания, дхармы и нынешние — все эти зримые объекты, звуки, запахи, вкусы, касания, дхармы бренны, тягостны, неизбежно превратны“. От такого истинно-мудрого понимания того, что есть, появляется удовольствие. Такое удовольствие именуется беспохотным удовольствием.

Что такое шесть мирских недовольств? У невоспринимающего — и думающего об этом — познаваемые зрением, слухом, обонянием, языком, осязанием, умом зримые объекты, звуки, запахи, вкусы, касания, дхармы — приятные, милые, желанные, отрадные — или у вспоминающего о прошлом невосприятии [таких же, но теперь] прошлых, пресекавшихся, переживавшихся [объектов восприятия] появляется недовольство. Такое недовольство именуется мирским недовольством.

Что такое шесть беспохотных недовольств? С видением бренности зримого, звуков, запахов, вкусов, касаний, дхарм [возникает благодаря пониманию их] превратности бесстрастие и пресечение [тяги к ним]: „И прошлые зримые объекты, звуки, запахи, вкусы, касания, дхармы и нынешние — все эти зримые объекты, звуки, запахи, вкусы, касания, дхармы бренны, тягостны, неизбежно превратны“. От такого истинно-мудрого понимания того, что есть, появляется зависть к высшим [состояниям] свободы: „Ах, когда же это я доберусь до той стоянки и жизни на ней, до которой добрался, на которой живут теперь арии?“ Так у питающего зависть к высшим [состояниям] свободы появляется недовольство. Такое недовольство именуется беспохотным недовольством.

Что такое шесть мирских безразличий? При видении зрением зримого, слышании слухом звука, чуюнии обонянием запаха, вкушении языком вкуса, осязании телом касания, сознавании умом дхарм у глупого, заблудшего человека-из-толпы, — не победившего ограниченности, не победившего последствий деяния, не усматривающего бедственности, не слышавшего [проповеди] человека-из-толпы появляется безразличие. Такое безразличие не преодолевает зримых объектов, звуков, запахов, вкусов, касаний, дхарм, поэтому такое безразличие именуется мирским.

Что такое шесть беспохотных безразличий? С видением бренности зримого, звуков, запахов, вкусов, касаний, дхарм [возникает благодаря пониманию их] превратности бесстрастие и пресечение [тяги к ним]: „И прошлые зримые объекты, звуки, запахи, вкусы, касания, дхармы и нынешние — все эти зримые объекты, звуки, запахи, вкусы, касания, дхармы бренны, тягостны, неизбежно превратны“. От такого истинно-мудрого понимания того, что есть, появляется безразличие. Такое безразличие преодолевает зримые объекты, звуки, запахи, вкусы, касания, дхармы, поэтому такое безразличие именуется беспохотным».

¹⁸ *Образно-знаковое* — *pāṇāgīraṇa*. Термин, встречающийся еще в старших упанишадах. Там он представляет собой выражение анализа психического объекта; всякий объект в самом деле есть в общем случае некоторый чувственный образ+название. В буддизме этот термин означает в противоположность упанишадам деление психики в целом. *Образное* есть первая «груда» (*skandha*), составленная из чувственных объектов и функций воспринимающих их органов; в некоторых школах добавляется еще несколько дхарм. В совокупности они дают материал для любой последующей психической переработки (оценки, смыслообразования, стимула к действию и т. п.), из-за чего нередко слово *gīraṇa* переводится как «материя», что неправильно. Ясно, что

гүраң — не объективная реальность и что она не независима от нас. Собственно материальное в организме есть анатомически-телесное и исчисляется 32-членным перечнем (см. начало кн. II), куда гүраң не входит, ибо Минлинда называет ее отдельно, после всех организмических составляющих. Знаковое — все прочие дхармы, т. е. четыре груди, кроме гүраң.

¹⁹ Знаком (—) передано палийское слово ре, употребляемое для сокращения стереотипных повторов и известных читателям перечней (матрик).

²⁰ В Северо-Западной Индии сеновалы часто устраиваются на чердаке крестьянского дома, как и в России.

²¹ Образ молока и получившейся из него простокваши использован Нагарджуной в ММК XIII.3 для сходных целей.

²² Попросил у царя должность — гаппо adhikāraṇa kareyya. Употребленный здесь каузатив позволяет перевести именно так, а не «сослужил царю службу», как предпочитает Т. В. Рис-Дэвидс. При его прочтении приходится слово adhikāra передавать в близком соседстве по-разному: «служба» и «должность».

²³ В китайском тексте стоит не «зародыш и яйцо», а «содержимое яйца и скорлупа», что кажется более отвечающим смыслу.

²⁴ Букв. «Какое-то время есть, какого-то времени нет».

²⁵ Разделение прошлого времени на сущее и не-сущее свидетельствует о принадлежности первоначального текста ВМ к школе кашьяпия. В отличие от сарвастивадинов, признававших реальность прошлого и будущего, и тхеравадинов, отрицавших ее, кашьяписты отстаивали компромиссный тезис: есть прошлое событие, результаты которого еще не проявились, и нет прошлого, отработавшего и исчерпавшего себя. Нагасена именно это и утверждает. Если так, то ВМ предстают едва ли не единственным сохранившимся памятником этой школы, крайне плохо известной; они могут быть использованы для реконструкции ее воззрений.

Глава третья

¹ Введена формула «причинно-связанного возникновения» (paṭiccasamuppaḍo), считающаяся в буддизме универсальным выражением любых психофизиологических процессов. Существуют десятки других ее вариантов. Объяснить эту формулу пока невозможно, ибо ни один из исследователей ее поистине не понял.

² Для канонической литературы такие упражнения в геометрии нехарактерны. Соблазнительно видеть в этом греческое влияние.

³ В подлиннике суммирующее слово ре, применяемое для сокращения однотипных контекстов.

⁴ Прилагательное «умный» следует здесь понимать в его исконном значении — как «относящийся к уму», а не в более позднем качественном («имеющий хороший ум»).

⁵ Предложенный сокращенный вариант-интерпретация формулы причинно-связанного возникновения в канонических сутрах и в текстах тхеравадинской абхидхармы не встречается, но без труда выводим из других вариантов и удивительно напоминает представления современной физиологии (рефлекторная дуга).

⁶ Сучья — khandhā, это же слово как психологический термин переводится «груда».

⁷ Данный параграф дефектен и в палийской и в китайской версиях и восстанавливается, хотя и без полной уверенности, на основании их обеих. В палийском тексте лакуна, не хватает реплики или двух, перепутано расположение реплик. Буквально сказано следующее.

(1) [Царь:] «Почтенный Нагасена, то, что, не быв, становится, быв, преходит — не пропадает ли оно, отсеченное с обеих сторон?» — (2) [Нагасена:] «Если, государь, отсеченное с обеих сторон пропадает, отсеченное с обеих сторон можно нарастить». — (3) [Непонятно, кто говорит:] «Да, и это можно нарастить». — (4) [Царь:] «Я не об этом спрашиваю, почтенный. Можно ли нарастить с края?» — (5) [Нагасена:] «Да, можно нарастить». — «Приведи

пример». Тхера привел ему пример с деревом: «Сучья и всего множества тягот семена». — [Царь:] «Прекрасно, почтенный Нагасена».

Если попытаться восстановить текст, который имели перед собой китайские переводчики, освободив их перевод от допущенных ими ошибок и поясняющих слов, то после реплики (1) должно, по-видимому, следовать: (2') [Нагасена:] «Да, пропадает». — (3') [Царь:] «Не отсеченное с обеих сторон можно и нарастить?» — (4') [Нагасена:] «Можно ли нарастить с обеих сторон [бытие] существ, странствующих, мчащихся в мирском кружении?» — (5') [Царь:] «Я не об этом спрашиваю. Можно ли нарастить с края?» В предложенной реконструкции принимается последовательность реплик 1—2'—3'—3 (с учетом 4') — 4—5. Конец параграфа испорчен, но пропущенное сравнение сансары с последовательностью воспроизведения растения из семени известно (ср., например, начало гл. 3), что позволяет восстановить смысл текста.

Поясним теперь ход мысли собеседников. Нагасена утверждает, что «первый край», т. е. первоначало во времени, не познается для всего мира в целом или для любого отдельного существа: доискиваясь до его истоков, мы можем узнать некоторое число прошлых его существований, но в конце концов упрямся в неведение «всего, относительно всего, во всех отношениях». Притом, конечно, безразлично, идет ли речь о нашем собственном прошлом или о прошлом других существ. Зато познается временное начало любого отдельного существования в последовательности жизней. Милинда спрашивает, есть ли вообще смысл в понятии середины, если пропали начало и конец. Нагасена подтверждает: смысла действительно нет. Но, замечает царь, если мы так отсеки соотносимые понятия начала, середины и конца, то, вероятно, возможна и обратная операция? Нагасена эту тему не поддерживает, возвращаясь к сказанному прежде: если существо умерло и у него таким образом отсечены оба конца (рождение и смерть), то это не значит, что оно не может появиться вновь. Милинду же интересует не процесс смены существований, а сама возможность обосновывать известное (налично данные существа) неизвестным, т. е. непознаваемым началом. Как можно основывать нечто на том, что не познается, а то и, быть может, не существует вовсе (глагол *paññāyati* в этом смысле не так однозначен, как его русский перевод «познается»)? На это Нагасена отвечает ему примером с деревом: дерево имеется налицо; никто не спорит с тем, что оно выросло из семени, но указать начало его семени невозможно (оно не познается, например, из-за крайней своей малости). Невозможно также указать и начало всей последовательности семя — дерево — семя — дерево, но это не мешает дереву существовать. Так же и с живыми существами. Сравнение звучит на пали тем убедительнее, что слово *khandho* совмещает в себе значения «развилка, начало ветвления» (это первое значение данного слова) и «груда» как абхидхармистский термин.

Дальнейшее изучение этого важного пассажа не обойдется без сравнения его с гл. 11 *Прасаннананды* Чандракирти, посвященной «первому и последнему краям» (*piṅvāragakoti*).

⁸ Обобщение на другие органы чувств и ум в тексте опущено, но подразумевается.

⁹ Нет слагаемых, возникающих из ничего. Все слагаемые возникают из чего-то — *natthi keci saṅkhāra ye abhavantā jāyanti, bhavantā yeva kho saṅkhāra jāyanti*, букв. «Нет никаких слагаемых, которые не-сущими рождаются, слагаемые только сущими рождаются».

¹⁰ Уподобление вине заимствовано из Канона (С XXXV.205.6).

¹¹ Нижний брус... трут — составные части приспособления для добывания огня трением. Перевод некоторых названий предположителен.

¹² Изображение — *attā*, санскр. *ātman*(I).

¹³ Знатоки — *vedagā*, букв. «знающий знание (или веды)». В канонической литературе слово встречается только как прилагательное «знающий».

¹⁴ Тело (*kāyo*) считается целиком органом осознания.

¹⁵ Проход (*dvāro*), букв. «дверь, ворота» — полустершееся метафорическое название органов чувств.

¹⁶ *Выломать* — в тексте стоит *ugghāṭeti* — «распахнуть». Исправлено по китайской версии и по параллельному месту ниже (в гл. VII).

¹⁷ *Сетчатые* — для защиты от москитов.

¹⁸ *Проходы зрения* — глаза.

¹⁹ *Имярек* — *Dinno*, ср. санскр. *Devadatta*.

²⁰ Традиционно насчитывается либо шесть приведенных здесь основных вкусов, либо четыре, с исключением острого и вяжущего.

²¹ *Мед* (*madhu*) — как и по-русски, не только пчелиный продукт, но и напиток.

²² *Под уклон, в проход, по наезженной дороге, благодаря освоенности* — *pinṇatta, dvāratta, cinṇatta, samudācaritatta*. По-видимому, это понятийно организованный перечень, поясняющий взаимодействие двух типов сознания. Из дальнейшего изложения можно заключить, что данная четверка выражает: 1) энергетический, 2) структурный, 3) общефункциональный и 4) частнофункциональный, относящийся к использованию условных знаковых систем, — аспекты связи первично-чувственного и последующего этапов осознания.

²³ Само *соприкосновение* в перечне не названо, поскольку, как говорилось выше, оно есть соединение зрения, зримого и зрительного сознания и поэтому подразумевается.

²⁴ Пример цитируется в «Ниве эксегесы» (Асл 89).

²⁶ *В злом уделе, в аду, в чистилище, в преисподней* — синонимический перечень заимствован из Канона (Д XXIII. 6).

²⁷ *В благом уделе, в горнем мире* — каноническое выражение.

²⁸ *Ту дхарму, которую он осознает умом, он осознает сознанием* — в подлиннике тоже дважды употреблен один и тот же глагол «осознавать» — *vi-jānāti*. Ум (*mano*) не отличается от сознания, имеющего предметом дхармы, по своему качеству, это лишь сознание предыдущего момента психической жизни, становящееся объектом сознания в следующего момент. Пример цитируется в «Ниве эксегесы» (Асл 93).

²⁸ *Притираться мыслью* — *apiṇaṇṇa*. Слово засвидетельствовано только в буддийских текстах. Оно соединяет в себе значения трех корней с приставкой *api-*: 1) *pij* «погружаться» (+*api* «повторно»); 2) *piṇ* «драить, полировать» и 3) *piṭṭ* «обдумывать». В итоге получается «отделять (словесно оформленную) мысль, погружаясь в предмет, притираясь к нему».

²⁹ В слегка измененном виде цитируется в «Ниве эксегесы» (Асл 94).

Глава четвертая

¹ Иными словами, реальна живая целостность психических процессов, дхармы идеальны, а их свойства выделяются для познавательных и практических потребностей. Отсюда уже недалеко до махаянского положения о «пустоте всех дхарм».

² *Пришли в состояние предметного многообразия* — *gocaranānattam gata*.

³ Эта фраза (*Nāgasena—Milindarājā—pañha nīṭṭhita*) отсутствует в китайском варианте. Т. В. Рис-Дэвид предлагает считать ее колофоном, заканчивающим кн. II. При том, что далее действительно встречаются интерполяции, изрядная часть последующей беседы должна быть отнесена к первоначальному тексту. Поэтому вернее понимать данную фразу буквально и согласно порядку слов, т. е. «Вопросы Нагасены к царю Милинде закончены» — и считать ее пометой переписчика. Действительно, здесь мы имеем единственный случай, когда спрашивал тхера, а не царь.

⁴ Отметим структуру перечня: три свойства природных, три — социальных и ум, равно значимый для обеих групп. Перечень заимствован из Канона (М 135).

⁵ *У всех существ... свое деяние... Деяние делит существ — крушит или возносит* — важнейшее каноническое положение, означающее, что деяние (*kaṃma*) есть субстанция существ.

⁶ Из С III.2.2, но там это произносит не Блаженный, а божество Кшема.

⁷ Для этого требуется температура внутренних слоев Солнца.

⁸ Формулировка вопроса царя напоминает «вопросы-рогатины». Возможно, что данный вопрос следует отнести к промежуточному этапу формирования «Вопросов Милинды», приведенному затем к написанию кн. III.

⁹ *Силою деяния* — пали *kammādhikātena*.

¹⁰ Заманательно упоминание гречанок наряду с представительницами древнеиндийских варн и к тому же на первом месте. Греки (и потомки смешанных браков) были, вероятно, столь многочисленны, что воспринимались как привилегированная варна.

¹¹ Вновь троекратное повторение однотипных примеров.

¹² Царь цитирует Канон (A VIII.70.12). По поводу упомянутого натурфилософского воззрения ср. кн. III, вопрос 4. Первоначально этот фрагмент был переведен условно: «Тхера взял сосуд с очень узким горлышком, перевернул его и спросил царя Милинду». Я. В. Васильков на обсуждении перевода высказал замечательную догадку, что речь идет о греческой клепсидре — водяных часах, использовавшихся в суде. Палийское название сосуда *dharmakāra* также может указывать на суд (*dharmā*). В китайском тексте говорится, что Нагасена обмакнул три сложенных пальца в чернильницу и показал царю, как капля чернил держится силою поверхностного натяжения в углублении между ними.

¹³ *Покой — это пресечение?* — *nirodho — nibbānam?* Данный вопрос является, по-видимому, одним из самых ранних свидетельств появляющегося интереса к «покою» (пали *nibbānam*, санскр. *nirvāṇa*), воспринимаемому в канонических текстах как нечто само собой понятное и не нуждающееся в особом объяснении. Размышления об этом привели впоследствии к созданию теории нирваны. См. кн. III, гл. 8.

¹⁴ Отрывок целиком скомпонован из канонических цитат.

¹⁵ *Познать... изведать* — в подлиннике глаголы и отглагольные формы с корнем *jā* и разными приставками: *abbijāneyam*, *abhiñāṇati*, *parijāneyam*, *pariñāṇati*. Перечень («познать, изведать, оставить, освоить») известен из Канона.

¹⁶ Обсуждению того, что есть покой (нирвана), как он переживается и кто его достигает, посвящены вопросы 65 и 79—82 в кн. III.

Глава пятая

¹ В пали — *Uṇāpādī*, в китайском тексте — «место слияния пятисот водяных потоков». По предположению С. Леви, палийское *Uṇāpādī* следует понимать этимологически как «сливную реку» (см.: *Demiéville P. Les versions chinoises*, с. 152). Имеется в виду буддийское космологическое представление об озере Анаватапта, из которого в четырех направлениях вытекают четыре великих реки.

² Вопрос вновь поднимается и подробно обсуждается в кн. IV.

³ В китайском тексте иной перечень рек: Ганга, Синдху, Сита, Вакшу. [...] Сита — одна из четырех мифических рек, течет на восток. Возможно, что это фактически верховья Брахмапутры. Вакшу — Амударья; последнюю реку отождествить не удастся: кит. арх. *siá-piá-i (*Demiéville P. Les version chinoises*, с. 230—231).

^{3a} Проблема существования и непревосходимости Просветленного посвящена кн. IV ВМ.

⁴ *Мастер письма* — *lekḥācariyo*.

⁵ Ближе неизвестен. Безусловно, не автор трактата «Предметы спора».

⁶ Возможно, что два предыдущих абзаца составляли исходно один вопрос и разделены были впоследствии.

⁷ В тексте, очевидно, лакуна.

⁸ Вопрос и ответ специально направлены против школы саутрантиков-санкрантиков, учивших, что скандхи переходят из одной жизни в другую.

⁹ В *высшем смысле* — *paramatthēna*. Выше (см. кн. I, примеч. 85) переводилось «высшая цель».

¹⁰ Предыдущие два абзаца являются очевидной вставкой, повторяя со-

держание бесед из гл. 3 и гл. 2, и добавлены скорее всего из желания дотянуть количество вопросов в гл. 5 до десяти.

¹¹ Из Дхп 2.

¹² В непрерывавшейся последовательности — *abbocchinnāya santatiyā*. Если деяния принесли уже свои плоды, исчерпали себя, то данная частичная последовательность (частичная потому, что весь индивид целиком есть закономерная последовательность состояний) прервалась и плоды — последствия деяний — можно указать.

¹³ Здесь скорее всего интерполяция. Этот вопрос был бы более на месте выше, в гл. 2.

¹⁴ Тело дхармы — *dharmakāyo*. Любопытно здесь это упоминание сугубо махаянского термина, хотя имеется в виду просто текст Учения, как смысловая целостность.

Глава шестая

¹ Блуждн воздержание — не только в узком смысле, но и заниматься психическими упражнениями, для чего плохое здоровье было бы помехой.

² В таком виде не найдено в канонической литературе, хотя высказывания в подобном духе не редкость; ср. Дхп 148: «Этот облик одряхлевший — куст болезней, гряда гнили». Однако следует иметь в виду, что подобные слова произносятся не как истинные сами по себе, но как благотворные для определенного типа людей, чрезмерно влекущихся к телесному, и должны помочь им избавиться от этой психологической зависимости. Они могут служить подспорьем для так называемых «созерцаний отвратительного», предписываемых страстным и чувственным людям. Никому и в голову не пришло бы навязывать их человеку унылому и склонному видеть жизнь в черном свете: ему бы говорили о плодотворности усилий, о радости избавления от аффектов и пр.

³ О понимании всеведения, присущего Будде, см. кн. III, вопрос 2.

^{3а} Проблема вновь и более подробно рассмотрена в кн. III (вопрос 68).

⁴ О тридцати двух признаках см. кн. I, примеч. 63; второстепенные приметы также относятся к особенностям внешнего облика. Золотистый цвет кожи, как можно предположить, вызван длительными упражнениями в сосредоточении и задержках дыхания, из-за чего может перестраиваться кровообращение в кожных капиллярах. Свечение — наивно-бытийное, непосредственное выражение того, что нынешние «экстрасенсы» именуют рефлексивным и скрыто-тавтологичным термином «излучение биополя». *Сажень* (*vuāto*) определяется одинаково с русской мерой.

⁵ Параграф целиком построен на игре слов. См. разбор его в исследовательской статье.

⁶ Текст параграфа кажется дефектным. Возможные конъектуры даны в скобках, но они все же не дополняют текста до конца.

⁷ У одного есть цель — *eko atthiko*.

⁸ Различение этих двух переживаний — контакта-присвоения сознанием объекта, с одной стороны, и страсти-влечения к этому объекту, с другой стороны, — введено уже в Каноне в тех же терминах; см. С XXXV.70.7—8.

⁹ В дошедшем до нас тексте нет такого упоминания.

¹⁰ Память — *sati*. В гл. I переводилось как «памятование». В пали и в санскрите это слово совмещает обиходное и специально-абхидхармистское значения.

¹¹ Воспитанная — *kaṭumikā* < санскр. *kṛtrimikā.

Глава седьмая

¹ Способ — *ākāro*. Другой вариант перевода — «форма».

² Движение рук — *muddā*. Можно было бы подумать, что речь идет о памяти на числа благодаря умению вычислять на пальцах, но см. ниже в тексте объяснение.

³ [Но всегда] память возникает о чем-то испытанном. — В китайском тек-

сте этой фразы нет. Это совершенно иное объяснение памяти, не вяжущееся с предыдущим, и по счету должно было бы быть семнадцатым. Исходя из этого и сделана конъектура.

⁴ Кто помнит свое собственное рождение — *jātissarā*. Слово часто означает «помнящий прошлые рождения», но такая память упомянута далее в тексте особо (см. примеч. 8), а Ананда и Кубджоттара известны из Канона как обладатели отличной памяти, но не утверждается, что они помнили о своих прошлых жизнях. Отсюда избранный вариант перевода.

⁵ Обретение слуха — в специфическом буддийском смысле, т. е. переход в арийское состояние. Комментируемая фраза — сокращенная цитата из Канона (А III.12). Там говорится: «Царю-кшатрию, на царствие помазанному, три места всю жизнь помнятся: где родился, где на царствие был помазан, где в битве победил. А монаху три других места всю жизнь помнятся: где постриг принял, где понял истины арьев, где стал святым».

⁶ Эту разновидность памяти по контексту предпочтительно понимать как вспоминание по смежности, а не по контрасту, как сказано буквально в подлиннике.

⁷ Имеется в виду моторная память.

⁸ Припоминает монах ... свои обиталища — стереотипное выражение из канонической литературы.

⁹ Перечень разновидностей памяти не имеет аналогов в трактатах по абхидхарме. Структура его пока больше не ясна, чем ясна. Выделяются — отчасти по формальным, отчасти по содержательным признакам — две группы по восемь разновидностей памяти, между которыми также усматриваются некоторые параллели. Выяснение логики перечня (в той мере, в какой она есть) представляет собою отдельную нелегкую задачу.

¹⁰ По-видимому, имеется в виду умышленное человекоубийство. Существуют рассказы о том, как святые случайно, сами того не заметив, совершали убийства живых существ, и это не считалось проступком.

^{10a} Формулировка вопроса Милиндой, как и выше (см. кн. II, гл. 4, примеч. 8), подразумевает альтернативу и приближается к «вопросам-рогатинам» кн. III.

¹¹ Последняя фраза явно противоречит общему смыслу контекста. Ведь о «благих деяниях» речь не шла — вспомнить о Будде вовсе не считается «деянием». Можно предполагать, что конец параграфа в палийской версии испорчен. На основании китайского перевода и с учетом оформления сравнений в тексте гл. I он гипотетически восстанавливается примерно так: «Вот точно так же, государь, если кто-то сто лет будет творить дурные дела, но при смерти ему случится один раз вспомнить о Просветленном, то он родится среди небожителей. А маленький камень здесь следует уподоблять тому, кто из-за убийства всего лишь одного живого существа родится после смерти в крошечной».

¹² Вопрос странен: Нагасена не утверждал, что старается отбросить будущие тяготы.

¹³ Вероятно, следует весь этот абзац считать позднейшей вставкой; по большей части он является дословным повтором из гл. 4.

¹⁴ Обычное в канонической литературе сравнение.

¹⁵ *Каласи* — ближе неизвестно. Не есть ли это еще более сокращенная и искаженная, чем приведенное выше слово «Аласанда», передача того же греческого *Ἀλεξάνδρα*? Метатеза *k* и *l* — явление вполне возможное.

¹⁶ Строго говоря, речь идет не о рождении, а о моменте зачатия или аналога ему в мире Брахмы.

¹⁷ *Достойное и недостойное* — то же, что благие и неблагие деяния.

¹⁸ Под *телом* здесь имеются в виду первые четыре груды, за исключением пятой груды (сознания), т. е. собственно организм.

¹⁹ *Совершающий достойное не раскаивается... постигает то, что есть* — цитата из канонической литературы С XLII.13.14).

²⁰ *Руки по запястья и ноги по щиколотки усекали* за тяжкие преступления; такой человек мог быть убийцей, вором, разбойником, а значит, деяния по-

влекли бы его в преисподнюю. По Нагасене, однако, ничтожного подношения Просветленному довольно, чтобы на многие миллионы лет обрести небесное блаженство. Вера в действенность поклонения Будде развивается в буддизме исподволь и является уступкой неразвитому религиозному сознанию мирян. См. подробное рассмотрение родственной проблемы в кн. III (вопрос 1).

²⁰ А Точка зрения Нагасены, безусловно, верна. Любителям авторитетов можно указать на согласие с нею Сократа (см.: *Ксенофон*. Воспоминания о Сократе, IV.2.19—22), Платона («Гиппий меньший»), Аристотеля («Никомахова этика», III.2), Гегеля («Основы философии права», § 140). Близкие проблемы рассмотрены также в кн. III (см. вопросы 16 и 58).

²¹ Четыре большие суты — четыре материальные первостихии, совпадающие с античными: огонь, вода, земля, воздух.

²² Устанавливает тело на мысль — *kāyaṃ citte samāropetvā*. Понятно, что речь идет об особой психической готовности, но в целом выражение остается загадочным.

²³ В действительности, как можно предположить, дело обстоит наоборот: представление о рыбах баснословной величины родилось из рассказов о коралловых рифах, которые вполне могли восприниматься как огромные рыбьи кости, лежащие на дне. Повлияли, конечно, и рассказы о китах. Преувеличенные размеров тем более вероятно, что индийцы в массе своей даже о море знали только понаслышке.

²⁴ Имеются в виду йогические упражнения и состояния с задержкой дыхания, особенно состояние торможения (*nīrodho*).

²⁵ Т. В. Рис-Дэвидс видит здесь народную этимологию: *samuddo* «океан» = *sama* «ровно, поровну» + *ud* [aka] «вода». Это кажется натяжкой. Пожалуй, смысл более естественен: вода называется особым словом «океан», а не просто водой, когда она отличается от воды в прочих водоемах своей соленостью.

²⁶ В палийском тексте вместо *cintetum* «помыслить» всюду *chinditum* «отсечь, рассечь», что делает отрывок непонятным. Хотя в гл. I и говорилось, что «свойство мудрости — отсекасть», но здесь-то речь идет не об аффектах, а обо всех дхармах. Исправлено на основании китайского перевода, где находим 惟, обычно переводящее глагол *cinteti*. Т. В. Рис-Дэвидс предлагает понимать здесь слово «дхарма» в двух смыслах: в единственном числе — как Учение, а во множественном — по-абхидхармистски. Но, как кажется, если принять сделанную здесь конъектуру, то в этом нет надобности, а в противном случае смысл остается неясным и при его прочтении.

²⁷ Эти дхармы — и разные предметы, и разные слова? — *ime dhammā pānattiha c'eva pānavuāñjana sa*? Сложные слова *pānattiha* и *pānavuāñjana* допустимо толковать и как существительные, и как прилагательные; последний вариант даст: «Эти дхармы — и разнопредметные и разновыраженные или же однопредметные, только выражение разное?» Таким образом, дхарма принимается как единство предмета и обозначающего его знака. Терминологическое оформление восходит к Канону (см., например, М. 43).

²⁸ «Мудровать» по-русски звучит непривычно, но в подлиннике отглагольная форма от той же основы *rga + jñā* > *raññā* «мудрость»; *rajanāna* «мудровать».

²⁹ Заключение параграфа интерполировано из гл. 3.

³⁰ Перечисленные пять дхарм соотносятся каждая с одной из груд в принятом порядке перечисления последних. В китайском тексте речь идет о пяти каналах, а не о данной связке дхарм.

³¹ Нагасена видит главную заслугу Будды в создании аналитического рассмотрения психической целостности, т. е. в чисто познавательном, философском достижении.

³² Зажигают четыре факела [из ткани, смоченной в конопляном масле, — тебя проводят, как меня самого] — конъектура на основе китайской версии. В палийском тексте *ukka padipiyanti, cattāri paṭākāni añattāni, Gamissanti*

bhaṇḍato rājadevūyā, что без конъектуры непонятно. Соответствующее место китайского текста Демьевиль переводит так: «Ainsi le roi ordonna aux sujets de son entourage de prendre quatre pièces de cotonnade, de les tremper dans l'huile de chènevis et de les porter en guise de torches: „Il faut reconduire Na-Sien, servez respectueusement Na-Sien, comme vous serviriez moi-même“». Можно предположить, что в пали bhaṇḍato заменяет первоначальное bhaṇḍa-ga-to — «из конопля» (ср. de chènevis). Целиком отрывок в первоначальном виде восстановить не удастся.

³³ Букв. «с завтрашнего дня назначаю тебе восемьсот порций».

Книга третья

¹ Что-то сказано неоднозначно, что-то по поводу сказано, что-то по сущности сказано — pariṇāyabhāsitaṃ atthi, atthi sandhāya bhāsitaṃ, sabhāyabhāsitaṃ atthi. Первое означает либо синонимические высказывания, либо — шире — разные способы (pariṇāyo) изложения одного содержания. Сказанное по поводу не самодостаточно и нуждается для своего правильного понимания в контексте и комментарии: например, каков был вопрос, ответом на который является данное высказывание, или какова была личность собеседника, учитываемая в ответе, в каком из многих возможных значений следует понимать входящие в высказывания слова и пр.

В последующей истории буддизма выражение sandhāya bhāsitaṃ превратилось в sandhyabhāṣā — так называемый «сумеречный язык» тантр. Сказанное по сущности не требует для своего понимания никакого специального комментария, помимо знания Учения; собственно, это и есть не что иное, как часть словесно выраженного Учения. Таким образом, лежащий в основании этой трихотомии признак есть неоднозначность и противопоставлены члены ее как: 1) неоднозначность выражения при тождестве смысла; 2) неоднозначная установимость смысла одного и того же выражения; 3) взаимная адекватность смысла и выражения. Это совсем другое деление, нежели широко известная дихотомия сутр на имеющие ясный и скрытый смысл (nītārtha, peyārtha). В ходе последующей беседы Нагасена не раз утверждает несопоставимость и разнонаправленность приводимых Милиндой цитат, употребляя немало и иных семантико-экзегетических терминов, помимо использованных здесь. Проблему классификации канонических высказываний (нигде, впрочем, в ВМ систематически неформулируемую и решаемую лишь на разнообразных примерах) можно считать методически определяющей содержание кн. III, ибо сами рассматриваемые в ней и объявляемые кажущимися противоречия крайне неоднородны, так что предметного единства усмотреть не удастся. К тому же несколько «вопросов-рогатин» оказываются при обращении к каноническим текстам и вовсе мнимыми трудностями: якобы наличествующее противоречие разрешается уже в Каноне, а стало быть, речь о нем заводится с показательно-методической целью.

² Вопросы-рогатины — mēṇḍakā, букв. «бараньи». Как термин слово впервые встречено в ВМ, и то только в заглавии, колофоне и стихах. В своих формулировках царь пользуется словом ubhatokotiko (см. кн. III, гл. 1, примеч. 3а).

³ Всегдашнюю мирскую одежду — pakaṭidussayugam; ср. кн. II, гл. 1, примеч. 32.

⁴ Шапочку, [уподобившую его] голову бритой [голове монаха] — mūṇḍaka-paṭṭisākaṃ. Что это за головной убор, в точности неизвестно.

⁵ Этот восьмеричный обет не совпадает с известным восьмеричным обетом постного дня и принят для особой цели — духовной подготовки к беседе. Перечень его составляющих обнаруживает общее с приводимыми ниже перечнями людей, недостойных беседы, разгласителей тайны и т. д. Кроме упомянутых трех клеш (страсть, ненависть, заблуждение) подразумевается и гордость: ясно, что быть кротким с прислугой и челядью для царя значит смирить свою гордость. Остальные четыре части обета означают удаление от повседневных мирских обязанностей; особые усилия не совершать проступков (быть ос-

моторительным в телесных и словесных действиях; хотя помысел может быть скверным, его нельзя назвать проступком); следование практике «стеречения органов чувств» (*indriyesu guttadvārātā*, по обычной терминологии, а здесь названо *śāṇḍātāpāṇaṃ anurakkhaṇaṃ*) и упражнение в доброте, к которому царь прибегает, вероятно, для того, чтобы не поддаться привычному для него спорчищескому настрою в беседе.

⁶ Каковы эти «восемь отношений», неясно.

⁷ В перечне, как и в следующем ниже его разъяснении, не все до конца понятно.

⁸ Список подогнан под удобное число. Как нередко бывает в индийской литературе, некоторые члены перечня не совсем ясны, основания деления понятий сугубо уязвимы; все служит лишь практическим, педагогическим целям без претензии на систематичность.

⁹ Назвал десять достоинств, необходимых мирянину, подтверждая царю (см. далее), что тот обладает ими и достоин беседы.

¹⁰ Имеются в виду празднества, связанные с брахманической обрядностью.

¹¹ То есть не изменит Учению Просветленного. Смена учителя (со строчной буквы — *ācārya*, в отличие от Учителя — *Sāstar*, Просветленного) внутри буддизма вполне допустима и нередко желательна, поскольку имеет место специализация учителей.

¹² *Сдержан в телесных и словесных действиях* — имеются в виду первые семь из десяти «благих путей деяния» (см. кн. I, примеч. 86).

¹³ В противоречии со сказанным только что, в перечне больше десяти членов.

Глава первая

¹ Принятый жест почтения при обращении к божеству или духовному лицу.

² Если Просветленный приемлет культ — *yadī Buddhō piṇḍaṃ sādīyati*. Глагол *sādīyati* означает не столько активную потребность, сколько внутреннее принятие и удовольствие от того, что происходит без активного участия человека, т. е. отчасти «соглашаться», отчасти «отдаваться впечатлению», «быть впечатленным чем-то», «принимать», «положительно реагировать».

³ Смысл высказанной дилеммы — в утверждении, что религиозный культ несовместим с буддийским учением. Культ есть организованные действия для снискания благосклонности сверхъестественной (что может по-разному приниматься в разных религиях) личности. «Иные проповедники» исходят из того, что сверхъестественным в буддизме следует считать нирвану и того, кто ее осуществил. Это очевидное огрубление, но типологически нирвана занимает в буддизме именно то место, что в религиях обычного типа понятие потустороннего. Итак, Будда либо «сверхъестествен», но тогда он не ответит на культ, ибо чужд всякой благосклонности, как утверждают сами буддисты; либо он находится в миру, и тогда его благосклонность не обещает ничего религиозно-ценного. Кто мог выдвинуть подобное рассуждение? Скорее всего последователи теистических направлений, которые далее противопоставляли бы буддизму свое учение с личным богом, потусторонним и благосклонным к верующему.

^{3a} *Обоюдоострый* — *ubhatokotiko*. Термин несколько раз встречается в Каноне, однажды (М 58) в том же значении, что и здесь. Он означает обращенную к оппоненту в диспуте формулировку альтернативы, принятие любого члена которой влечет по замыслу задающего такой провокационный вопрос поражение отвечающего. Поэтому единственная правильная тактика для отвечающего — отрицание самой альтернативы введением либо семантических distinctions, как часто поступает Нагасена, либо дополнительных содержательных условий.

⁴ *Природа* — *dhammatā*, точнее, «закономерность». В подлиннике, как и по-русски, неясно, к чему относится последняя строка: в том ли природа просветленных, что их почитают, в том ли, что им этого не нужно, или в том и в другом.

⁵ Царь возражает неточно. Ответ Нагасены не годится потому, что не решает трудности, ибо в цитате лишь переформулирована альтернатива, из которой исходит Милинда.

⁶ Три вида благоденствия — зримое, т. е. в этой жизни (уважение окружающих, спокойная жизнь и пр.), посмертное (рождение в счастливой форме бытия — небожителем или человеком) и обретение окончательного покоя.

⁷ Неодушевленный — *asetano*. Древнеиндийское слово совпадает со своим русским переводом только по объему: то, что по-русски называют неодушевленным, по-древнеиндийски называли бы *asetano*. Но это не означает признания души как вещи.

⁸ А разве подходит этому стихшему ветру, государь, название «ветер»? — *Apī nu tassa maharāja uparātassa vātassa vato ti samāñña upagacchati?* В данном контексте эта фраза вызывает недоумение. Если принять конъектуру: вместо *upagacchati* читать *aragacchati*, то возможно перевод: «Но разве пропадает само понятие ветра, когда стихает этот ветер?».

⁹ Свежесть — *sitalam*, собственно «прохлада, холод». У обитателей тропического климата с холодом связаны не те ассоциации, к которым привыкли мы. При переводе на русский язык степень качества и оттенок выражения приходится изменять.

¹⁰ Тройной огонь — три «корневых аффекта»: страсть, ненависть, заблуждение.

¹¹ Учение-наставление — *dharmavāṇa*. Впоследствии слово *dharm* в этом сочетании стало пониматься как «Корзина «сутр», а *vāṇa* — как «Корзина Устава», но в устах Будды это еще синонимические выражения. Само такое словоупотребление следует считать фигурой речи.

¹² Из «Большой сутры об упокоении» (Д XVI.6.1).

¹³ Благие корни — противоположность упомянутых выше «трех огней», или «тройного огня», т. е. отсутствие страсти, отсутствие ненависти, отсутствие заблуждения.

¹⁴ В специальных трактатах по медицине на считается большее число болезней.

¹⁵ Это включает в себя дурные деяния в строгом смысле слова, как вызывающие тягостные последствия в грядущих существованиях, но не исчерпывается ими, а может значить и просто вредный для здоровья образ жизни. См. обсуждение этой проблемы в вопросе 7.

¹⁶ Нагасена предложил весьма рискованные сравнения и недаром воздерживается от подробной расфировки их. Ведь вышло бы, что Будда подобен верблюдам, ослам, козлам и пр., а почитающие его люди — глистам в животе или болезням.

¹⁷ Удана IV.4, но имя якиши там не названо; см. приложение 7.

¹⁸ Вещественная причина — *hetu*. Святому «нечем гневаться», у него нет той «вещи», которую гневается.

¹⁹ Брахманская девица Чинча пыталась скомпрометировать Будду по научению неких аскетов, недовольных успехом его проповеди. Начала она с того, что с некоторых пор стала по вечерам приходить нарядно одетой к обители и ночевать около нее, возвращаясь домой по утрам; потом стала рассказывать, что проводит ночи с отшельником Готамой (т. е. с Буддой), а через некоторое время принялась понемногу подвязывать себе под сари тряпье, создавая у окружающих впечатление, будто забеременела. Наконец по прошествии нескольких месяцев она публично обвинила Учителя в том, что он бросил ее беременную и не заботится о ее нуждах. Будда заметил ей, что свидетелей у них нет, что она и подтвердила. В этот момент бывшие под сари тряпки развязались и вывалились наружу, и девица была вынуждена с позором удалиться под градом комьев земли, которыми ее осыпали возмущенные миряне. Отойдя от Будды настолько, что скрылась с его глаз, она провалилась сквозь землю прямо в страшный ад Авичи. (История изложена по комментарию к «Джатаке о царевиче Махападме», № 472.) Тхера Девадатта — двоюродный брат Будды, раскольник общины, трижды покушавшийся на жизнь Блажен-

ного. Истории Супрабуддхи из рода шакьев и брахмана Нанды изложены в комментариях на *Дхаммападу*.

²⁰ Ответ Нагасены сводится к тому, что культ не имеет в буддизме религиозного смысла, является только средством совершенствования. С таким взглядом охотно согласился бы и Кант (см. «Религию в пределах только разума»). Но, в сущности, вопрос не решен. Нагасена показал только, что можно так понимать культ и что он сам понимает его так. Но каково сознание верующих мирян и насколько им сродни точка зрения Нагасены? Скорее всего она им чужда, и психологически для них, несмотря на все противоречия с буддизмом как теорией, Будда есть объект религиозного культа, подобие божества теистических систем. Ср. современные этнографические наблюдения: «Вера в магические способности Будды создает замечательные предпосылки для отношения к нему наивного верующего как к могущественному божеству. И культовая практика, бесспорно, дает множество примеров именно такого отношения. Вопрос о том, существует ли Будда Гаутама и теперь, т. е. спустя более чем 2,5 тысячи лет после паринирваны... до сих пор является предметом спора различных буддийских сект, но религиозный практик, совершая обряд поклонения Будде, недвусмысленно выражает свое мнение по этому поводу. Мирянин, принося жертвы Будде, безусловно, рассчитывает на вознаграждение от него. В одной из современных религиозных поэм, написанных в форме обращения к юному верующему, говорится прямо: „Если ты приобрел все эти добродетели, Будда заметит тебя, полюбит тебя и будет с тобою“» (Краснодембская Н. Г. Традиционное мировоззрение сингалов. М., 1982, с. 108).

²¹ Пассаж испорчен и частично восстанавливается по контексту цитирования этого места в *Маноратхапурапи* (Manorathapūraṇi. Ed. by M. Walleiser. Vol. 1. L., 1924, с. 59), комментарии на *Ангуттараникаю*. В издании Тренкнера текст следующий: *Vāhasatāṃ kho mahārāja vihināṃ addhacūlaṇṇa vāhā vihi satt'ammanāṇi dve ca tumbā ekaccharakkhaṇe pavattacittassa ettaka vihi lakkaṇaṃ thāpiyamane parikkhayaṃ pariyādanāṃ gaccheyyūṇ.* В *Маноратхапурапи* имеем: *Cittan-ti ekacce acariyā bhavaṇṇacittan-ti vadanti. Tam-pana paṭikkhipitvā idha cittan-ti yaṃ kiñci antamaso cakkhuvinnāṇaṃ pi adhippetāṃ evāti vuttāṃ. Imassa paṇ'atthe Milindarāja dhammakathika-Nāgaśenatheraṃ pucchi: «Bhante Nāgasena, ekasmiṃ accharakkhaṇe pavattitacitta-saṅkhārā sace rūpino assu, kiva mahārāsi bhaveyyā-ti?» — «Vāhasatāṇaṃ kho mahārāja vihināṃ addhacūlaṇṇa ca vāhā vihi satt'ammanāṇi dve ca tumbā ekaccharakkhaṇe pavattitacittassa saṅkham-pi na upenti kalam-pi na upenti kalabhāgam-pi na upenti».*

²² *Повозка* (vāhā), *корыто* (аммаṇа) *адхака* (aḍḍha) — меры сыпучих тел. Точно подсчитать количество изменений мысли, приводимое Нагасеной, не удастся как из-за дефектности текста, так и из-за разногласия индийских толковых словарей и источников в определении мер. При следовании разным словарям получаются числа от 10^6 до 10^{10} изменений мысли в секунду. Если не отвергать это с порога как вздор, что, на наш взгляд, было бы опрометчиво, то естественнее всего было бы соотнести эти числа с данными физиологии высшей нервной деятельности. Поскольку самые сложные задачи мы решаем значительно лучше компьютеров, быстродействие которых дошло уже до десятков миллионов операций в секунду, соображение Нагасены заслуживает внимания.

²³ Букв. «семерная» (sattavidha), но далее видно, что речь идет об уровнях духовного развития.

²⁴ *Тело* (kāyo) — здесь четыре первые скандхи (груды) с исключением пятой скандхи — сознания.

²⁵ *Не сходят вниз* — т. е. не родятся более в дурном уделе — ни в крошечной, ни голодной духом, ни зверем.

²⁶ *Усвоили воззрение* — истинное воззрение, первое звено восьмизвенной стези.

²⁷ Наглядный образ духа будд-для-самих-себя строится иначе, чем предшествующие. Понятие будды-для-самого-себя для буддизма практически мало-

важно, вводится для систематичности, чтобы учесть возможность достичь просветления помимо исторически существующего буддизма. В типологию личности оно ложится не без труда.

^{27а} *Двойное чудо* (уатакарāṭīhīgam) — йогическая игра противоположными стихиями огня и воды, показанная Буддой: из правой руки вырывается огонь, с левой льется вода и т. п. Своего рода чувственно-наглядная, а потому и чудесная диалектика — показ тождества противоположностей.

²⁸ *Не требуют ни счета, ни вычисления, ни нескольких мгновений, ни даже части того* — gaṇanam-pi saṅkham-pi kalam-pi kalabhāgam-pi na upenti. Клише из Канона.

²⁹ *Рис муссонных и поливных сортов* — sāli, vīhi.

³⁰ Приписываемое Будде всеведение может быть названо потенциальным, т. е. постоянной реальной возможностью знать все что угодно, но не все вообще. В противоположность этому приписываемое некоторыми теологами христианскому или мусульманскому богу всеведение есть статическое, или актуальное, всеведение, и эта концепция порождает нескончаемые логические трудности. Понятие всеведения Будды является, кажется, логически непротиворечивым, против него могут быть выдвинуты скорее материальные возражения.

³¹ Подразумевается история из *Винаи* (Чулл VII).

³² *Лишь правоспособный монах, живущий в той же общине, находящийся в той же ограде* — термины буддийского Устава. *Правоспособный* (pakatatto) монах — прошедший обряд посвящения. Под расколом подразумевается лишь раскол сообщества монахов, живущих в одном месте, «в той же ограде». Раскол всей общины буддистов Уставом не предусматривается, так как тому не было precedентов и он был бы, вероятно, воспринят не как раскол, а как измена Учителю.

³³ *Достоинства* — здесь благие дхармы.

³⁴ Имеется в виду постоянно подчеркиваемая «искусность в средствах», присущая Татхагате.

³⁵ Строфа приводится в Каноне несколько раз, ср., например, введение к «Джатаке о плотниках-мореходах» (№ 466).

³⁶ Из других текстов неизвестен.

³⁷ Перечислены, за исключением деяния, причины болезней согласно каноническим текстам. Ср. вопросы 8 и 76.

³⁸ *Ляпис* — в тексте khāgalavaṇaṇi, «разъедающее вещество» вообще, обязательно азотнокислосое серебро. Перевод гипотетический.

³⁹ В Индии встречаются весьма ядовитые колючки; упоминание колючек в числе прочих больших неприятностей и бед не должно удивлять.

⁴⁰ Предложенное разрешение дилеммы не слишком удовлетворяет, ибо подозрительно похоже на фатализм. Чтобы совместить всеведение и сострадание, действительно важнейшую пару понятий, кои ми характеризуется Будда, достаточно было бы обладать понятием объективной неопределенности. Даже всеведущий не знает заранее, какое из нескольких объективно возможных событий осуществится. Но этого понятия у Нагасены нет.

⁴¹ «Большая сутра об упокоении» (Д XVI.3.13). Восемь причин таковы: 1) возникает движение «великих ветров», на конх покоится вода, от этого волнуется вода, а от нее сотрясается земля; 2) великий йог или божество, в созерцании которого образ воды преобладает над образом земли, сотрясает землю; земля, далее, трясется в следующие моменты жизни будущего Будды или уже ставшего Будды; 3) когда он, покидая небеса «Довольные» (Tuṣita), нисходит во чрево своей будущей матери; 4) когда он рождается (в последний раз); 5) когда достигает просветления; 6) во время первой проповеди, т. е. «Запуска колеса Дхармы»; 7) когда Будда «отпускает от себя тело», т. е. перестает поддерживать свою жизнь и предоставляет телу стариться и идти к смерти; 8) когда Будда уходит в окончательную безостаточную нирвану.

⁴² *Не в срок* — akāliko < kālo. Слово kālo означает в палийской литературе время не абстрактное, но качественно заполненное событиями, т. е. «пору», «срок».

⁴³ *Осенние, зимние и муссонные* — *vassiko, hemantiko, rāvussako*. Первое и последнее слова обычно синонимичны, перевод условный.

⁴⁴ Нагасена прав. Палийские тексты ограничиваются обычно перечислением даже первых пяти рек.

⁴⁵ Вновь упомянуты далее в тексте (вопрос 73), где вкратце объяснено, чем эти личности отличались.

⁴⁶ Ссылка на сюжеты «Джатаки о Мандхатаре» (№ 258), «Джатаки о царе Ними» (№ 241; см.: Повести о мудрости истинной и мнимой. Из «Книги джатак». Пер. с пали. Л., 1989), «Джатаки о Садхине» (№ 494), «Джатаки о Гуттиле» (№ 248). *Вознеслись в обитель Тридцати Трех* не означает, что были живыми взяты в рай. Они побывали у небожителей в гостях и вернулись на землю. *Мандхатар* — известный и из *Махабхараты* персонаж.

⁴⁷ Перечень подогнан под круглое число. *Самообуздание* и *самоуτεςнение* — *уато, piyato*. Члены перечня № 1, 2, 4, 5, 6 могли бы быть поняты как термины, но контекст нетерминологичен.

⁴⁸ *Стремление к обладанию* (*kāmatarphā*) — стремление получать наслаждения от органов чувств. *Стремление к бытию* (*bhavatarphā*) толкуется комментаторами как стремление получать удовольствие от пребывания в йогическом сосредоточении.

⁴⁹ Чарияпитака I.9.52.

⁵⁰ Перефразированная строфа Дхп 223:

«Гнев побеждай безгневием,
Неправедное — праведным,
Побеждай скупость щедростью,
Лжеца побеждай истиной».

⁵¹ См. кн. II, гл. 4: *земля покоится на воде, вода покоится на воздухе* (ветрах). Именно эти ветры здесь и имеются в виду.

⁵² См. кн. III, гл. 7, примеч. 25.

⁵³ Это можно понимать в двух смыслах — космологическом, общем для буддизма и упанишад (см.: Брихадараньяка упанишад. М., 1964, с. 102 и др.), и символическо-физиологическом. Первостихии ветра, воды и земли соотносятся, согласно древнеиндийской медицинской натурфилософии, с составляющими человеческого тела: земля — с плотными тканями, вода — с кровью, лимфой, желчью и пр., ветер — с дыханием и другими физиологическими процессами. Четвертая стихия — огонь — была выше (в примере с котлом) упомянута как действующее начало, источник энергии; в физиологии ей соответствуют внутреннее тепло, способность переваривать пищу и пр. Описание землетрясения есть символический намек на процессы, протекающие в организме боддхисаттвы в связи с его духовным ростом. Совершенство самоотречения и полный распад эгоцентризма вплоть до биологических его корней, до инстинктов сотрясают всю психику и весь организм. Вероятно, имеют место вегетативная буря и подобные явления.

⁵⁴ Некоторые из названий перечня в других текстах не засвидетельствованы, перевод их условно-этимологический. Названия существующих минералов соседствуют в перечне с названиями сказочных самоцветов.

⁵⁵ Аргументация Нагасены логически интересна тем, что использует категорию закона, который есть «спокойное отражение действительности» (Гегель). Поэтому единичные факты, не подпадающие под закономерность (*dharmatā*), он и не объясняет. В «Большой сутре об упокоении» и других канонических пассажах используется при подобном перечислении как раз слово *dharmatā* — «закономерность».

⁵⁶ Сюжет «Джатаки о царе Шиби» (№ 499; см.: Повести).

⁵⁷ Точно в таком виде цитата не найдена. В прозаической части джатаки № 499 находим ту же мысль в иных словах: «Если повреждено место, то дивное зрение не возникает».

⁵⁸ *Заклятие правдой* — общераспространенное в древней Индии поверье, будто искренняя клятва чем-то, имеющим предельно важное, жизненное значение для человека, производит сверхъестественное действие. По примерам

«заклятия правдой», приводимым Нагасеной, можно заключить, что это своего рода ордалия в споре с судьбой.

⁵⁹ Имеются в виду сюжеты из джатак.

⁶⁰ Из «Джатаки о рыбе» (№ 75; см.: Джатаки. Из первой книги джатак. Пер. с пали Б. Захарына. М., 1979).

⁶¹ Из «Джатаки о перепеле» (№ 35).

⁶² Из «Джатаки о Черном Дипаяне» (№ 444). Ссылка Нагасены создает не вполне верное представление об этой джатаке. Успешно произнести «заклятие правдой», как видно из нее, могут не только сиддхи, т. е. носители особых духовных достоинств (ср. также далее в тексте сюжет с блудницей). Укушенного коброй сына мать оживляет такою клятвой: «Поистине эта кобра мне не более ненавистна, чем отец твой, с которым я прожила столько лет!»

⁶³ Последние две фразы кажутся интерполяцией.

⁶⁴ Я от пристрастия и неприязни свободна — с одной стороны, это циничное признание продажной женщины. Но одновременно здесь и намек на то, что Биндуматия научилась верному среднему пути избегания крайностей — действительно немалое духовное достижение.

⁶⁵ «Дивное зрение», обретаемое йогическим освоением, на самом деле не может возникнуть, если у человека нет глаз, ибо оно есть приобретенная способность произвольно проецировать внутрипсихические образы на внешнее пространство, что без сетчатки невозможно.

⁶⁶ Действие «заклятия правдой» разъяснено, по существу, как чудо, т. е. то, что происходит помимо всякой естественной причинности.

⁶⁷ Зачатие, согласно буддийским представлениям, есть соединение психического остатка прежней умершей личности с материальным носителем. Остаток прежней личности символизируется гандхарвой.

⁶⁸ Из «Большой сутры об истощении жажды» (М 38).

⁶⁹ «Джатака о Шьяме» (№ 540).

⁷⁰ «Джатака о мудреце-чандале» (№ 497; см.: Повести).

⁷¹ О рождении Ришьяшринге (пали *Isisīṅgo*) рассказано в «Джатаке о Аламбуше и Ришьяшринге» (№ 523; см.: Повести) и в «Джатаке о Налинике» (№ 526). Об этом персонаже см. также: *Васильков Я. В.* Земледельческий миф в древнеиндийском эпосе (сказание о Ришьяшринге). — Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1979, с. 99—134. Джатака «Санкритья» (пали *Saṅkṛīssa*) известна, но о подобном происхождении героя в ней не говорится.

⁷² Сестрица — уставное обращение монаха к женщине.

⁷³ Случай описан в *Винае* (Сут Вибх, Ниссаггия, 4), но о рождении Кашьяпы-царевича там не упоминается. В введении к джатаке № 12 приведена другая версия истории его рождения. Тхера Удайин по канонической литературе скандально известен множеством вызванных похотливостью проступков.

⁷⁴ Ил — *kalalapa*. Исходное значение этого слова — «удобренная илом мягкая сырая почва, пригодная для высадки рисовой рассады». Зачатие и эмбриональное развитие представлялись древним индийцам подобными прорастанию и развитию семени на поле (отсюда, в частности, нередкое метафорическое обозначение женщины — матери детей как «поля»), поэтому во вторичном употреблении слово *kalalapa* означает слизистую матки, готовую к имплантации оплодотворенного яйца, а также и само яйцо.

⁷⁵ О подобных представлениях см.: *Пропп В. Я.* Мотив чудесного рождения. — *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976, с. 205—240.

⁷⁶ Соединение двух — т. е. родителей.

⁷⁷ *Каушика* — одно из имен Шакры, указывающее на его связь с родом мудреца Кушики. В палийской литературе такое обращение к Шакре воспринимается как фамильярность.

⁷⁸ Соединение происходит от касания, которое должно вызвать страсть — *pubbabhāgabhāvato rāgassa āmasapena sannipāto jāyati*, что до конца непонятно; возможно, что текст испорчен.

⁷⁹ Из влаги появляются на свет черви, насекомые и другие принадлежа-

щие к «влагородящему племени». Боги и обитатели ада появляются на свет без посредства родителей, самопроизвольно, т. е. *самородно*, например возникающая в цветке лотоса и пр. Перевод слова *okkanti* как «зачатие» обнаруживает в этом случае свою несостоятельность; речь идет о первом моменте слепления новой особи, о формировании пяти скандх. Однако, поскольку то, что истолковывается в буддизме как начало очередного существования, по-русски для реальных, а не мифологических существ не может быть названо иначе как зачатием, с этой несообразностью остается примириться.

⁸⁰ Пуца Дандака, пуца Медхья, пуца Калинга, пуца Матанга — имеются в виду сюжеты «Джатаки о Сарабханге» (№ 522) и «Джатаки о мудреце-чандале» (№ 497). Упомянуты также в М 56.

⁸¹ В «Джатаке о Шьяме» (№ 540), «Джатаке о Панаде» (№ 358), «Джатаке о царе Куше» (№ 531; см.: Повести).

⁸² Чулл Х.1.6. Сказано в связи с данным разрешением постригать женщин в монахини.

⁸³ Д XVI.V.62.

⁸⁴ Кит — пали такога, морское чудовище, чему в старом русском языке (но не в современном) как раз соответствует «рыба-кит».

⁸⁵ Макушка бытия — *bhavaṅgaṇi*, в космографии возвышеннейшая из небесных областей, соответствующая йогическому состоянию глубочайшей сосредоточенности. Учение Будды превосходит «макушку бытия» потому, что дает метод выйти навсегда за пределы мира вообще.

⁸⁶ Пятёрка свойств, что должно обрести (для успеха в следовании по стезе) — вера, телесное здоровье, искренность, энергичность, мудрость.

⁸⁷ Три предмета: культура поведения (или нравственности) — *adhisīlaṃ*, культура психики (или йогическая культура) — *adhicittaṃ* и культура понимания (или мудрости) — *adhipañña*.

⁸⁸ Предписания и запрещения — одно из возможных и естественных членений кодекса поведения.

⁸⁹ Фраза цитируется в *Маноратхапурани* (*Manorathapūraṇī*. Vol. 1, c. 133) в связи с изложением имевшей место между монахами дискуссии о том, что же следует считать главным для сохранности Учения: «следование» ли ему, т. е. йогическую и монашескую практику, или же знание канонических текстов. Сторонники первого взгляда ссылались на ВМ, но победили те, кто выше ставил эрудицию.

⁹⁰ Три утраты соотносимы с упомянутыми выше тремя предметами (см. выше, примеч. 87). Утрата понимания есть потеря культуры мудрости; утрата следования — потеря психической культуры; утрата внешней принадлежности — потеря культуры поведения.

⁹¹ На наш взгляд, различие приведенных высказываний проще объяснить как различие констатации и косвенного побуждения. Они соотносятся так же, как такие два высказывания: (1) «Смертность от инфаркта в большом городе намного выше, чем в деревне»; (2) «Если горожанин не будет курить и будет бегать трусцой, он скорее всего не заболит инфарктом». Понятно, что никакого противоречия нет.

⁹² Ногу Будде поранило во время покушения на него Девадатты (см. вопрос 26). Кровавым поносом он болел перед смертью, об этом говорится в «Большой сутре об упокоении»; последние два случая составляют один эпизод из *Винаи* (см. Мах VIII.1.30—34). *Тхера-служитель* — Ананда.

⁹³ Данный пример с подбрасываемым вверх комом земли не единичен в буддийской литературе. Ср. строфу, цитируемую Чандракирти в *Прасаннападае*: «Если брошен вверх ком земли, / То бросанье и есть причина; / У падения нет причины, / Помимо бросания вверх» (ММК, с. 222).

⁹⁴ С XXVI.21.

⁹⁵ По-видимому, не цитата, а утверждение, согласное с учением в целом. Утверждение о трех месяцах созерцания принадлежит послеканонической традиции. В *Винае* говорится лишь о четырех неделях (см. Мах I). Слово «созерцание» переводит здесь палийское *paṭisaṇṇāpaṇa*, а не *jhāpaṇa*, как в прочих случаях. *Paṭisaṇṇāpaṇa* означает созерцание или раздумье как занятие

и с точки зрения внешнего наблюдения, тогда как jhāṇaṃ — созерцание как психический процесс и состояние для самого созерцающего, а также термин в теории созерцания. Таким образом, «три месяца созерцания» — это скорее всего срок, прошедший между достижением просветления и началом проповеди Учения, когда Будда пребывал еще наедине с собою.

⁹⁷ Изложение Нагасены не вполне ясно. Естественно считать, что созерцание (и как jhāṇaṃ, т. е. психический процесс, и как уединенное занятие, т. е. paṭisaṇṇaṃ) представляет собою специфическую тренировку, расширяющую и изменяющую функциональные возможности психики. Иногда такая тренировка приводит к просветлению (гарантий никто дать не может). После перехода на этот новый режим функционирования необходимой остается лишь поддерживающая тренировка, интенсивность которой, если судить по аналогии со спортом, в несколько раз ниже, чем интенсивность развивающей тренировки. Психическую форму тоже нужно поддерживать. Именно поэтому и «прилежат татхагаты созерцанию». Такое понимание не противоречит утверждению об «отсутствии нужды в повторении свершенного», ибо воспроизведение функций не есть ни кармически активный поступок, ни усилие, направленное на стирание кармы. Под «свершением» же имеются в виду как раз создающие карму поступки и их противоположности.

⁹⁸ Из «Большой сутры об упокоении» (Д XVI.3.60).

⁹⁹ Д XVI.3.63.

¹⁰⁰ Такое значение у слова карро действительно есть.

¹⁰¹ Имеется в виду конь-сокровище, одно из семи сокровищ миродержца. Им, очевидно, символизируется солнце. Вероятна реминисценция из сутры «Великий Сударшана» (Д XVII.1.13): «Некогда, о Ананда, царь Великий Сударшана, испытывая этого драгоценного коня, сел на него поутру, проскакал по всей земле вплоть до океанских вод, ее омывающих, и вернулся в свою столицу Кушавати к завтраку».

¹⁰² Вопрос о том, может ли обладатель сверхобычных сил (о Будде речи нет!) прожить кальпу, рассматривается в KB XI.5 и решается с точки зрения тхеравады отрицательно.

¹⁰³ А I.18. Там же существование сравнивается далее с мочой, слюной, гноем, кровью. Самовоспроизведение организма неизбежно порождает продукты распада, вызывающие отвращение. Подобно этому пустое самовоспроизведение психической жизни порождает существование, которое тоже должно вызывать отвращение.

¹⁰⁴ Проблема совместимости двух обсуждаемых высказываний вообще не возникает, если учесть последовательность их произнесения. Первое из них Будда произнес перед Анандой с намеком, что тот попросит его прожить еще кальпу. Ему требовались особые усилия (Будде было тогда 80 лет), чтобы удержать организм от одряхления и неизбежной смерти, и Будда выяснял, нужно ли это его последователям, т. е. всё ли успели они от него взять. Но Ананда не догадался и промолчал. После этого Будда, находясь в созерцании, «спустил свой организм на самотек» — дал ему стариться и идти к смерти. Вероятно, такое решение было необратимым, ибо позже Будда сообщает Ананде, что жить ему осталось только три месяца и когда Ананда пытается его отговорить, отклоняет его просьбу, замечая, что теперь поздно и надо было быть вовремя догадливым. Слово «кальпа», должно быть, в «Большой сутре об упокоении» действительно значило изначально «человеческий век» и Будда спрашивал Ананду, не прожить ли ему еще одну жизнь. Позднее кальпу пытались толковать в данном контексте как «мировой период», что приводило к нелепости. Именно так понимают ее и в *Катхаваттху* (см. выше, примеч. 102). Отсюда и отрицательный ответ.

Глава вторая

¹ Со *сверхзнанием* — abhiññāya. Смысл утверждения в том, что Учение (дхарма) есть овнешнение в словах и систематизация для других уже обретенного духовного знания.

² «Большая сутра об упокоении» (Д XVI.6.3). *Малые и меньшие* — пали khuddakāṇukhuddakāṇi, сочинительная композиция с усилительным значением, т. е. «всякие там малые, неважные». По смыслу слово не делится на части khuddako «малый» и apukhuddako «вслед-за-малый» (меньший), но толкователи, а за ними и Нагасена делят его и задаются вопросом, что же означают эти части порознь. Отсюда и избранный вариант перевода.

³ *Проповедь о сохранности Учения* — Dhammasaṅghitipariyāyo. Ссылка по содержанию проповеди, а не по названию. Найти этот текст в канонической литературе не удается.

⁴ «Большая сутра об упокоении» (Д XVI.2.32).

⁵ Об этом рассказано в «Малой сутре о Малункье» (М 63); см. приложение 9.

⁶ Перечень четырех видов вопросов имеется уже в А III.67.2.

⁷ Перечислены пять скандх. Ответ на эти вопросы однозначен и положительный.

⁸ Оговорка следующая: «Да, но не только образное (ощущение, распознавание и пр.)».

⁹ Встречный вопрос, вероятно, таков: «Что имеется в виду под всем?».

¹⁰ Обсуждение этого вопроса не добавляет решительно ничего к материалу *Суттапитаки*.

¹¹ Дхп 129.

¹² Это не цитата, а утверждение в духе Учения. Ср., например, Дхп 213—216.

¹³ *Управляющий* — āpāraako. Возможен и перевод «оповеститель, глашатай».

¹⁴ *Смерти... по природе присуще величие* — maraṇassa eso sarasabhāvatejo, что малопонятно. Перевод сглаженный.

¹⁵ Общераспространенное в древней Индии поверье. Ср. «Джатаку о змеином яде» (№ 69; см.: Джатаки, с. 161—163).

¹⁶ Чуть измененная цитата из Дхп 127 (там в последней строке стоит «живому от плодов злодейства»).

¹⁷ Сутра «Драгоценность», заговор [из раздела] «Груда», заговор павлина, заговор «Верх знамени», заговор «Атанатия», заговор Пальцеломы. — Отличающаяся высокими литературными достоинствами стихотворная сутра «Драгоценность» (Ratanasuttaṃ = Сп II.1) содержит повторяющийся призыв-пожелание: «Пусть будет благо от этой истины!» Заговор «Груда» в точности неизвестен. Можно предположить, что речь идет о совете, данном Буддой одному дряхлому и непрестанно мучимому старческими недугами мирянину. Тот пожаловался Будде на свое скверное самочувствие и спросил, как ему быть. Будда ответил ему: «Да, мирянин, это правда. Ты и впрямь стар, дряхл, и все у тебя болит. Если ничего в твоём возрасте не болит, то это уже такая удача, что больше и желать-то нечего. Поэтому, мирянин, научись [жить] так: „Тело мое мучится, а мысль (cittaṃ) моя не будет [от того] мучиться“». Мирянин воспринял совет должным образом, и на сердце у него много полегчало. Эпизод приведен в С XXII.1.1. Заговор «Верх знамени» приведен в С XI.1.3; см. приложение 11. Заговор «Атанатия» (Ātanaṭṭiya) приводится в одноименной сутре *Дигхникаи* (XXXII). Это звуко сочетание отдаёт по-древнеиндийски легко распознаваемой имитацией привычного для индоарийского слуха, но все же чуждого и непонятного дравидского выговора, — тарабаршиной. Роль, аналогичную той, какую для индоариев играли дравиды (т. е. такого чуждого народа, с которым постоянно сталкиваешься и мысль о котором сразу приходит в голову, когда нужно представить себе людей одновременно и чужих и известных), для русских исторически играли турки. Можно было бы поэтому сделать морфологический перевод с якобы дравидского на якобы тюркский; получилось бы примерно «хурды-мурды». Заговор «Атанатия» предназначен для защиты живущих в лесу монахов от ракшасов, якшей и прочей нечисти, ибо, как объясняется в этой сутре, ракшасы и якши любят наслаждения и потому враждебны к буддийской проповеди, призывающей к умеренности в них. Любопытно, что уже редакторы самой канонической сутры осознавали сомни-

тельность заговора с последовательных буддийских позиций. Неточно будет сказать, что заговор в ней «преподает монахам» Будда, как это утверждает Милинда. Его предложил Будде бог Вайшравана: есть-де такое средство от лесных напастей; я вам его на всякий случай сообщу, а уж там поступайте, как знаете. Будда запомнил заговор и передал его монахам.

Заговор павлина приводится в «Джатаке о золотом павлине» (№ 491; см.: Повести).

Заговор Пальцеломы, строго говоря, не заговор. В сутре «Пальцелом» (М 86) рассказано, что обращенный Блаженным в монахи бывший брахман-разбойник Пальцелом помог мучившейся родами женщине разрешиться от бремени, сказав ей: «Я, сестрица, с тех пор как по-арийски родился (т. е. духовно преобразился и стал монахом.— А. П.), никого намеренно не лишал жизни. Пусть от этой правды ты станешь здорова и твое дитя». Но это называть заговором нельзя, это настоящее «заклятие правдой», о чем речь шла выше (см. кн. III, вопрос 5). Однако приписываемые Пальцелому стихи, завершающие сутру, весьма часто применяются в быту ланкийских буддистов в качестве охранительного заговора вместе с прочими заговорами, перечисленными в ВМ.

¹⁸ Вряд ли следует видеть в этом рационалистическое сведение эффективности заговора к физиологическому воздействию на организм его произнесения. Нагасена просто указывает, что применение заговоров, как и применение лекарств, сопровождается определенными внешними проявлениями.

¹⁹ *Как укушенный змеєю человек обезвреживал яд мантрой? [Или] как ему отсасывали [кровь] сверху и снизу [ранки], чтобы уничтожить действие яда?* — Koci ahinā dattho mantapadena viṣaṃ paṭiyamāno viṣaṃ cikkhassanto uddhamadho āsamayamāno? Текст, очевидно, испорчен, без конъектур осмыслению не поддается.

²⁰ Перечислены мотивы из джатак. Упоминание лесного пожара подразумевает «Джатаку о перепеле» (№ 35), однако выше, в вопросе 5, этот же случай объяснялся как «заклятие правдой». Так же и в самой джатаке.

²¹ Из «Джатаки о золотом павлине» (№ 491).

²² *Видьядхара* — пали vijjadhara, один из разрядов низшей мифологии.

²³ Из «Джатаки о жене в сундуке» (№ 436; см.: Повести).

²⁴ Из «Джатаки об осквернителе знамени» (№ 391; см.: Повести).

²⁵ *Препятствия-деяния и препятствия-аффекты* суть, по определению Васубандху в *Абхадхармакошабхашье*, причины мирского кружения вообще. *Неверие* же в большей степени является специфической причиной недейственности заговора.

²⁶ Можно понять иначе: «когда он родится, она отмывает его от нечистой слизи и умащает благовониями».

²⁷ *Муж* — sāmi. Т. В. Рис-Дэвидс переводит «к господину», что менее отвечает контексту.

²⁸ Заговоры (пали parittam, сингальское pirit) играют немалую роль и в современной ритуальной буддийской практике на Ланке. См.: *Краснодембская Н. Г. Традиционное мировоззрение сингалов*, с. 125 и сл.; *Schalk P. Der Paritta-Dienst in Ceylon*. Lund, 1972.

²⁹ С IV.2.8; см. приложение 13.

³⁰ Позднейшая благочестивая выдумка. В каноническом тексте Будда лишь с достоинством говорит Маре, что будет «питаться радостью, как сияющие боги».

³¹ В обсуждении этой дилеммы проглядывает, как и в нескольких других вопросах кн. III, тенденция превратить Будду в объект религиозного почитания. Это стремление не всегда находит себе опору в переданных традицией обстоятельствах жизни Будды, что и порождает вопросы. С просвещенно-буддийской точки зрения обидя царя за Будду («В голове у меня не укладывается, чтобы Татхагата, святому... несравненному, ни равного, ни подобного себе не имеющему, низкий, мелкий, ничтожный, грешный, подлый Мара дающие получить помешал») выглядит несерьезно. Нагасена мог бы, конечно, ответить словами из *Мадджхиманикаи*: «Появляются ли в мире просветленные, нет ли,

а все слагаемые дхармы бренны». А стало быть, разумнее устремиться к высшей цели и не заниматься рассуждениями, из которых никакого блага не следует. Однако здесь и в прочих подобных случаях Нагасена идет поневоле на компромисс, не отвергая с порога как неважные сомнения Милинды. Очевидно, остановить религиозную тенденцию было невозможно, оставалось лишь указать религиозному отношению его место в буддизме, что и делает Нагасена.

Чисто филологически можно предложить иное разрешение дилеммы. В первом из процитированных Милиндой утверждений сказано буквально: *lābhi Tathāgato civaṃga-piṇḍapāta...parikkhāpam*. Эта синтаксическая конструкция по-русски невоспроизводима. Подлежащее — *Tathāgata*, сказуемое же — именное (отглагольное прилагательное), а не глагольное: *lābhi* — «тот, кому свойственно получать». Таким образом, это не высказывание, обобщающее все возможные обстоятельства получения даров, что было бы со сказуемым-глаголом («Татхагата всегда получает»), а высказывание о свойстве Татхагаты, присущем ему благодаря его располагающей к себе манере поведения и т. п. Но в любых обстоятельствах важны свойства всех участников события, поэтому «свойство получать дары» лишь увеличивает при прочих равных условиях вероятность их получения, гарантии же не дает. При таком объяснении экзегетическая проблема аналогична рассматриваемой ниже, в вопросе 18.

³² В *Винае* такого высказывания нет. Речь идет скорее не о дисциплинарном проступке, а о неблагом деянии и его последствиях. Ср. выше, в кн. II, гл. 7.

³³ Из комментария на уставное правило Пач 61.2.3.

³⁴ Вероятно, смысл следующий: совершивший убийство и не знавший, что этого делать нельзя, больший грешник, чем тот, кто сделал это с сознанием дурности поступка. Но совершивший убийство без знания того, что он его совершает (не замечая этого и пр.), неповинен.

³⁵ «Большая сутра об упокоении» (Д XVI.2.32).

³⁶ Из сутры «Львиный рык. Миродержец» (Д XXVI.25).

³⁷ Цитата неизвестна.

³⁸ Ссылка на события, описанные в *Винае* (Чулл VII).

³⁹ Высказывание «У Татхагаты община расколу не подвержена» на пали звучит так: «*Tathāgato abhejjapariso*». Это именное предложение с приписыванием Татхагате некоторого свойства. Таким образом, община не может расколоться не вообще, а поскольку это зависит от Татхагаты. Именно эту логическую тонкость использует Нагасена.

Глава третья

¹ Из сутры «Высшее знание» (Д XXVII.31).

² Если старшее в людях — дхарма, Учение, а следование дхарме дарует обретение слуха (и более высокие духовные достижения), то обретший слух должен считаться «старшим по дхарме» по сравнению с человеком-из-толпы. Почему же старший должен почитать младшего? Отсюда — вопрос царя.

³ Перечень подогнан под круглое число. Некоторые его члены могут быть истолкованы терминологически, но не все. В целом перечень нелогичен, но от него и не требуется логики.

⁴ *Ступень опытности* — *asekhabhūmi*. Это ступень, на которой более не учатся, т. е. святость.

⁵ *Принадлежит к лучшей из общностей*. Насчитывается четыре общности: монахи, монахини, миряне, мирянки.

⁶ Об этом см. вопрос 32.

⁷ Цитата из неотожествляемого стихотворного текста.

⁸ См. вопрос 62.

⁹ О почитании монахов в буддизме ср. современные этнографические данные: «Буддийский монах сам является своеобразным объектом культового поклонения, и отношение к нему мирянина регламентируется религией... Мирянин обязан относиться к монаху с определенным почтением и, более того, ис-

полнять предписанные обрядовые акты в отношении монаха... мирянин... с особой почтительностью приветствует монаха, уступает ему дорогу, место в транспорте... Говоря о монахах, употребляют особые, отличающиеся от общеупотребительных слова для понятий „говорить“, „ходить“, „есть“ и пр. Особое положение монаха в среде верующих обусловлено не только его исключительной религиозно-просветительской ролью, но и той высокой степенью магико-ритуальной чистоты, которая приписывается монашескому состоянию» (*Краснодембская Н. Г. Традиционное мировоззрение сингалов*, с. 106).

¹⁰ Из А VII.68. Вот эта сутра в отрывках:

«Так я слышал.

Однажды Блаженный странствовал по Кошале вместе с большою общиною монахов. И увидел Блаженный по пути, по дороге в некоем месте большой костер — горящий, палящий, полыхающий. Увидев его, он сошел с дороги и уселся под каким-то деревом на приготовленном сиденье. А усевшись, Блаженный спросил монахов: „Видите вы, монахи, этот большой костер — горящий, палящий, полыхающий?“ — „Да, почтенный“. — „Как вы полагаете, монахи, что лучше: этот ли большой костер, горящий, палящий, полыхающий, обнять и сесть с ним рядом, лечь рядом или же кшатрийскую девицу, или брахманскую девицу, или вайшийскую девицу, мягкую, с нежными руками и ногами, обнять и сесть с нею рядом, лечь рядом?“ — „Лучше уж, почтенный, кшатрийскую девицу, или брахманскую девицу, или вайшийскую девицу, мягкую, с нежными руками и ногами, обнять и сесть с нею рядом, лечь рядом. Ведь больно будет, почтенный, если этот большой костер, горящий, палящий, полыхающий, обнять и сесть с ним рядом, лечь рядом“. — „Возвещаю вам, монахи, объявляю вам, монахи: лучше это будет злонравному, греховному, грязному и испорченному в поведении, тайно дела устраивающему, нештраману, поддельвающемуся под шрамана, не следующему брахманскому житию, поддельвающемуся под брахманское житие, изнутри прогнившему, липкому, никудышному человеку, если он этот большой костер, горящий, палящий, полыхающий, обнимет и сядет с ним рядом, ляжет рядом. Почему это так? Потому, монахи, что он из-за этого либо умрет, либо такую боль испытает, что не лучше смерти, но все же вследствие этого он после распада тела, после смерти не попадет в дурной удел, в ад, в кромешную, в преисподнюю. Если же, о монахи, злонравный, греховный, грязный (——) никудышный человек кшатрийскую девицу (——) обнимет и сядет с нею рядом, ляжет рядом, то долго ему, о монахи, будет и плохо и тяжело, и после распада тела, после смерти он попадет в дурной удел, в ад, в кромешную, в преисподнюю [далее следует еще несколько не менее решительных сопоставлений. — А. П.]. Так сказал Блаженный. И когда произносилось это разъяснение, примерно у шестидесяти монахов горлом пошла горячая кровь; примерно шестьдесят монахов оставили ученичество и вернулись к худшему: „Трудно, Блаженный! Слишком трудно, Блаженный!“, а примерно у шестидесяти монахов мысль стала свободна от всякой тяги [т. е. они стали святыми. — А. П.].»

¹¹ Муравейники считались входами в подземный мир — обиталище змей.

¹² *Муравьиные яйца* — *rampu*. Словари такого значения слова не дают, переведено предположительно, по контексту.

¹³ *Гвоздичное дерево* — дерево *jambu* (*Eugenia Jambolana*).

¹⁴ *Медовое дерево* (*madhuka*) — *Bassia latifolia*.

¹⁵ *Бамбук* цветет один раз в много лет и после этого погибает. *Банан* — травянистое растение, засыхающее после плодоношения. Существует поверье, что *самка мула* способна понести, но умирает от этого, будучи не в силах разродиться.

¹⁶ Решая данную проблему, Нагасена счастливо избежал нелепого преувеличения меры человеческой ответственности. Человек ответствен за поступки, т. е. действия, совершенные согласно намерению, но не за все то, что произошло не без его участия или просто благодаря его существованию. В противном случае пришлось бы ставить в вину обладателю достоинств муки, испытываемые его завистниками. Но если вспомнить, что Будде приписывается знание наклонностей живых существ, то вопрос оказывается сложнее, чем он

здесь обсужден: Будда заранее знал, что такая реакция на его проповедь со стороны некоторых из слушателей возможна, и, значит, сознательно шел на риск ради принесения блага «тем, кто способен к пробуждению». Несчастья, приключаются иной раз с неистинно следующими Учению, с буддийской точки зрения можно приписать созреванию их прошлых дурных деяний, уско-ренному вступлением в общину.

¹⁷ Дхп 361.

¹⁸ Четвероякое собрание последователей — см. выше, примеч. 5.

¹⁹ Сутра «Шайла» (Сн III.7). Шайле необходимо было удостовериться, что тело Будды имеет все 32 признака великого человека. Подобные же случаи описаны и в других сутрах, например в М 91.

²⁰ Всякое дело откладывал — *kiṛiyam kiṛiyam hāreyya*. По контексту можно понять и «всяким [пустынным] делом затруднялся».

^{20a} В *Сумангалавиласини* (т. I, с. 275—276) Буддхагхоша приводит иную — сокращенную и измененную — версию данного обсуждения: «Очень трудное дело, почтенный Нагасена, сделал Блаженный» — «Какое же, государь?» — «Ученикам брахмана Брахмаю, и ученикам Уттары Баварьи, и шестнадцати брахманам, и ученикам брахмана Шайлы — ста молодым брахманам — показал он то, чего на людях следовало стыдиться» — «Блаженный показал им не срам, он им показал отражение, государь. Он воспользовался своей сверхобычной силой, создал тень, как бы изображение того, что прикрито было исподним, а поверх него — узлом пояса, да сверху еще и рубищем, и его-то и показал, государь» — «Хватит и одного изображения, почтенный. Видно-то ведь все равно было!» — «Полно, государь! Да найдись такой человек, кому нужно было бы увидеть сердце Истинновсепросветленного, чтобы пробудиться, Татхагата и сердце бы вынул, показал бы ему!» — «Прекрасно, почтенный Нагасена».

²¹ *Высокородный* — *kulaputto*. Первоначально «отпрыск (известной) семьи», «не безродный», позднее переосмыслиется буддизмом как чисто духовное понятие («семья слушателей», «семья просветленных-для-самих-себя» и пр.).

²² Сюжет послужил основой Ашвагхоше для его бессмертной поэмы *Саундараганда*. Каноническую версию см. в приложении 12.

²³ *Пантхака Малый* — *Sullapanthako*. Назван так, будучи младшим из двух братьев, родившихся в пути (*pantho*).

²⁴ История приводится в введении к «Джатаке о малом купце» (№ 4). Даем ее в извлечениях: «[Старший брат Пантхаки Малого принял монашество и вскоре достиг святости]. Проводя время в счастливом созерцании, в счастливом осуществлении [арийской] стези, он подумал: „Можно ведь дать это счастье и Пантхаке Малому“. Он отправился к своему деду-купцу. [в доме которого жил Пантхака Малый], и сказал ему: „Господин купец! Если вы согласны, то я постригу Пантхаку Малого“ — „Постригайте, почтенный“. Тхера совершил постриг юного Пантхаки Малого и наставил его в десяти основах нравственности. Но послушником Пантхака Малый оказался тупым и за четыре месяца не смог выучить наизусть заданную ему одну строфу — пока выучивал следующую строку, предыдущую уже забывал. Наконец, Пантхака Большой сказал ему: „Пантхака, ты для нашего учения безнадежен. Ни одной строфы за четыре месяца выучить не можешь. Где уж тебе выполнить все, что следует подвижнику! Ступай из монастыря вон“... Услышав это, Пантхака Малый подумал: „Братец мой, очевидно, махнул на меня рукой. На что мне теперь учение? Вернусь в мир, буду совершать даяния, другие благие дела“. На следующий день он с утра направился в свой старый дом. А Блаженный, озирая на утренней заре мир, увидел это, опередил Пантхаку Малого и стал прохаживаться у сторожки, мимо которой тот должен был пройти. Выходя из дому, Пантхака Малый увидел Учителя, подошел к нему и поклонился. „Куда это ты в такую пору направляешься, Пантхака Малый?“ — спросил Учитель. — „Брат меня выставил, почтенный. Вот я и ухожу“ — „Пантхака Малый, ты принял в моем учении постриг. Что же ты не пришел ко мне, если тебя брат выставляет? Ни к чему тебе мирская жизнь, будешь при мне“. И Блаженный вместе с Пантхакой Малым пришел к [своей] благоуханной келье, дал ему в

руки созданную сверхобычной силой чистую тряпочку и сказал: „Пантхака Малый, садись лицом на восток, три эту тряпочку и повторяй: „Прочь, пыль, прочь, пыль“... Пантхака Малый уселся и стал, глядя на солнце, потирать свой лоскут и повторять: „Прочь, пыль, прочь, пыль“. Тер он себе и тер, и лоскут наконец испачкался. Тут он подумал: „Лоскут же был совсем чистый! Это из-за моего тела он утратил свой прежний вид и запачкался. Ах, и вправду не вечны слагаемые!“ Учитель заметил, что Пантхака Малый возвысился к прозрению, и сказал ему: „Пантхака Малый, ты не этот лоскут примечай, что он испачкался и окрасился пылью. В самом теле есть пыль страсти и прочая пыль, вот что пусть прочь уйдет!“ И он явил свой образ, показался Пантхаке, словно бы он сидел напротив него [на деле Учитель тем временем ушел и находился далеко.— А. П.], и произнес эти строфы:

Пыль — это страстный пыл, а не пыльца.
Страсть этим словом называют.
Пыль пыла отряхнув, монахи
Поймут беспыльное ученье.

Пыль — это гневный пыл, а не пыльца.
Гнев этим словом называют.
Пыль пыла отряхнув, монахи
Поймут беспыльное ученье.

Пыль — это заблуждение, не пыльца.
Слово „пыль“ значит заблуждение.
Пыль пыла отряхнув, монахи
Поймут беспыльное ученье.

К концу произнесения строф Пантхака Малый достиг святости с толкующими знаниями».

²⁵ Случай рассказан в комментарии на А I.14.

²⁶ Пошло-обывательский взгляд на вещи, с которым вынужден считаться Нагасена, сам основан на истинном, а не на натянутом, как в вопросе царя, противоречии: можно ли почитать Будду как величайшего, несравненного и мудрейшего учителя и одновременно прилагать к нему мерки посредственности. Окостенение как следствие компромиссов с убожеством не раз грозило буддизму. Последнее — яркое и плодотворное — возмущение против него мы видим в движении махасиддхов.

²⁷ А VII.6.5, однако это произносит сам Татхагата, а не Шарипутра.

²⁸ Имеется в виду первый из проступков (соитие), наказываемых изгнанием из общины. Тхера Судинна согласился по просьбе своих родных и бывшей жены в миру сделать ее матерью, чтобы продолжить род. Заметим, что слова «никчемный человек» адресуются в *Винае* отнюдь не только Судинне, но входят в состав формульного порицания, произносимого при всяком дисциплинарном нарушении.

²⁹ *Остальное получается и не у людей* — айпап кауигатāпап айлепа sambhavati, что буквально значит «иное совершаемое иным [деятелем] получается».

³⁰ Ср. в «Законах Ману»: «Называющий [другого] кривым, хромым и иным подобным [словом], даже если это соответствует действительности, должен уплатить штраф по меньшей мере в каршапану» (Законы Ману. М., 1960, с. 171).

³¹ *Когда тело у больного раздуто* — abhisanne kāye. Точный медицинский смысл неясен.

³² Как известно, коннотации многих слов с течением времени в языке плывут. Иногда слово поднимается в своем значении, а чаще девальвируется, воспринимается все более грубым и в конце концов даже неприличным. Ср., например, смену в русском языке слов, означающих «отхожее место». Вероятно, и слово «никчемный» (mogho) претерпело за несколько сотен лет от Будды

до времени написания кн. III ВМ похожую эволюцию, откуда и вопрос.

³³ *Остролистое дерево* (palāsa) — *Butea frondosa*.

³⁴ Из «Джатаки об остролистом дереве» (№ 307). Изречение бодхисаттвы, т. е. пока еще не Блаженного.

³⁵ Из «Джатаки о трепетном дереве» (№ 475; см.: Повести).

³⁶ В подлиннике другой пример. Повседневное выражение языка пали пришлось заменить другим повседневным выражением русского языка.

³⁷ Поскольку тексты самих джатак не оставляют никаких сомнений в том, что же имеется в виду под «деревом» (конечно, дух), то вопрос, очевидно, был поднят только для того, чтобы порассуждать о семантике обиходного языка.

³⁸ *Тхеры-глашатаи Учения* — *therā sangitakārakā. Sangīti* (букв. «спевка») есть совместное произнесение сутр и других высказываний и проповедей Будды, практиковавшееся в общине для того, чтобы сберечь подлинные тексты в условиях их устного бытования. Большое совместное оглашение сутр (*sangīti*) произошло, согласно традиции, на первом буддийском соборе, состоявшемся вскоре после смерти Будды.

³⁹ Д XVI.4.20.

⁴⁰ Д XVI.4.42.

⁴¹ В «Большой сутре об упокоении» сказано, что приготовленную свинину (см. сл. примеч.) Будда попросил подать одному ему, ибо никто, кроме него, не сможет ее переварить, а прочие блюда — монахам, пришедшим вместе с ним. Отсюда — возможно-искусное кривотолков.

⁴² *Блюдо из свинины* — *sūkaramaddavaṃ*. Комментаторы расходятся в понимании этого слова. Некоторые считают, что это не свинина, а трюфели, что менее правдоподобно.

⁴³ В самой сутре об этом не сказано. Возможно, что это символическое обозначение каких-то йогических способностей, помогавших переваривать трудноусвояемую пищу.

⁴⁴ *Овладевание-притирки мысли к дхармам* — *dhammānumajjanasamāpattiyo*. Перевод неизбежно остается темен, поскольку мы имеем дело с профессиональным йогическим выражением, созданным людьми, знавшими эти «притирки» по своей собственной практике. Поэтому для ясного понимания того, о чем идет речь необходимо было бы это уметь. См. сл. примеч.

⁴⁵ *Девять последовательных состояний-овладений в прямом и обратном порядке* — четыре уровня созерцания (*jhānāni*) в сфере образа, затем четыре сосредоточения в «безобразной» сфере и состояние «торможения ощущений и распознавания», а затем обратно.

⁴⁶ Это утверждение согласуется с каноническими текстами.

⁴⁷ Различается три «поля» Будды: предметное (которое он может познать), поле его поведения и поле рождения (которое упоминается в вопросе 52 как «десятитысячная мировая сфера»). Здесь имеется в виду последнее.

⁴⁸ «Большая сутра об упокоении» (Д XVI.5.10). Приведем более полный контекст: «[Ананда спрашивает Просветленного накануне его кончины:] „Как нам поступить с мощами Татхагаты, почтенный?“ — „Не путайте себя, Ананда, культом мощей Татхагаты. Вы лучше, Ананда, своею целью озабочены, к своей цели стремитесь, о своей цели небесечно, ревностно, самоотверженно пекиетесь. Есть, о Ананда, умные кшатрии, умные брахманы, умные вайшьи, исполненные приязни к Татхагате, они и займутся культом мощей Татхагаты“».

⁴⁹ Строфа в канонической литературе неизвестна и производит впечатление чего-то более позднего, действительно внешнего учению самого Будды.

⁵⁰ *Слагаемые* — здесь все слагаемые дхармы, а не только четвертая скандха.

⁵¹ *Поставить себе памятование* — имеются в виду очень важные начальные йогические упражнения, так называемые «постановки памятования». Йог ставит себе памятование, как пианист — руки. Упрощая, можно сказать, что смысл этих упражнений — в планомерном углублении внимания и расширении области актуально осознаваемого.

⁵² Печати — muddā. Возможен также перевод «счет на пальцах».

⁵³ Предание (muti, санскр. smṛti) — вспомогательная литература к ведам, сборники религиозно-правовых рекомендаций и пр.

⁵⁴ Шесть вспомогательных добавлений [к ведам] — грамматика, просодика, астрология, ритуал, фонетика, этимология. Борьба [влияния] планет и созвездий лунного зодиака (uḷuggahayuddham) — для составления гороскопов. Раху — в индийской астрономии планета с отрицательной светимостью, которую объясняются затмения. Звуки небесных барабанов — devadundubhissara. Заход [звезд] — okkanti, оба термина неясны. Покраснение небес в какой-то стороне света, как считалось, предвещает стихийные бедствия. Земные и воздушные [знамения] — bhūmantalikkham. Искусство спора — lokāyatikam, здесь понято в значении, обычном для канонической литературы. Круг собак (sācakkam) — видимо, астрологический термин. Название одной из глав Самхиты Варахамихры. Круг зверей (mīgasakkam) — вероятно, зодиак. Внутренний круг — круг, поделенный на 32 сектора, используемый при гаданиях. Смешанное возникновение (missakuppādam) — возможно, тоже какая-то гадательная практика или учет гадателем разных факторов (?). Птичий крик и щебет — также в практике гаданий. Ср. также кн. I, примеч. 25 и 63.

⁵⁵ Поклоняться, по крайней мере миске, стали все равно. Само слово dhātu — «мощи» кроме собственно телесных останков (sārīrikadhātu) означает также и вещи, бывшие в употреблении (pāribhogikadhātu). Множество предметов поклонения перечисляется в Махавамсе и Чуллавамсе. По данным последней, самыми знаменитыми реликвиями на Цейлоне были зуб, ключица, шейный позвонок, волос Будды, а также его миска для сбора подаяния (Чуллавамса XIV.30).

⁵⁶ Цитата неизвестна.

⁵⁷ Чул VII.

⁵⁸ Если царь упомянул о должном внимании, то ученый индийский педантизм требует от Нагасены тут же перечислить и назвать тех, кто на деле не выказывает внимания, хотя никакого отношения к беседе это и не имеет.

⁵⁹ Цитата не отождествляется.

⁶⁰ Из «Джатаки о мудром Видхуре» (№ 545).

⁶¹ Воздержание — целомудрие. Нищета (ākincaṇṇam) — во-первых, в обычном смысле, но так же и третья ступень безобразного сосредоточения, когда содержанием сознания является мысль «нет ничего».

⁶² То есть верны без оговорок.

⁶³ Варшика (vassikā) — один из видов жасмина, Jasminum sambac.

⁶⁴ В определении шрамана четырьмя свойствами довольно точно указываются его общественное положение (отсутствие имущества, безбрачие) и важнейшие нормы поведения (терпение, умеренность в еде). В первом же высказывании говорится о соответствии шрамана своему понятию, предназначению. Нагасена использует тонкое семантическое различие этих двух определений.

⁶⁵ Д I.1.5.

⁶⁶ Сутра «Шайла» (Сн III.7).

⁶⁷ Цитата не отождествляется.

⁶⁸ Джатака № 521, строфа 19. Речь идет об управлении государством, о царской справедливости. Произносит эти слова мудрая птица, наставляющая царя, а вовсе не Будда, как считает Миллинда.

⁶⁹ Беспристрастное — sama, букв. «ровное, гладкое».

⁷⁰ Сутра «Дхания» (Сн I.2).

⁷¹ Сутра «Чатумская» (М 67); см. приложение 10.

⁷² Вот уж узнаете, каково [без меня] — etaṃ tāva jāpāhi imaṃ nāma. Вероятно, текст испорчен или приведена разговорная идиома; перевод предположительный.

⁷³ Это поверье вновь упоминается в кн. VI (гл. 2, [20]).

Глава четвертая

¹ А I.14.

² Маудгальяяна успешно проповедовал в одной из деревень, благодаря чему жители ее обратились к Учению и перестали подавать милостыню подвижникам других толков. Обозленные подвижники наняли бандитов, которые и расправились с тхерой. В древней Индии с присущей ей религиозной и мировоззренческой терпимостью трудно сыскать прямые аналоги религиозным преследованиям, мученичеству и исповедничеству. Насильственная смерть учеников Будды (или буддистов более позднего времени) связывается почти всегда с происками завистников, наймом убийц и пр.

³ Случай описывается в комментарии на «Джатаку о Сарабханге» (№ 522). В одном из прошлых существований человек, ставший потом тхерой Маудгальяяной, совершил по наущению своей злой жены страшный грех — решил отделаться от своих дряхлых и полуслепых родителей, которых ему надоело кормить. Он завез их в лес, тихонько удалился, а затем изобразил нападение разбойников и принял избивать стариков. Родители не заметили обмана и только кричали: «Спасайся, сынок! На нас напали грабители!» Любовь и преданность стариков разбудила в злодее остатки совести. Он сделал вид, что разбойники удаляются, а затем пришел вновь, своим голосом успокоил и ободрил родителей и привез их домой. Именно это деяние, «тлевшее долго, как угли под золою», помешало Маудгальяяне уйти от убийц. Шесть дней подряд они приходили к Черной скале, где упражнялся тхера, но он каждый раз улетал от них по воздуху, пользуясь своей сверхъестественной силой. Но на седьмой день он не смог этого сделать. Переломав тхере все кости, разбойники ушли. Тхера йогической силой собрал свое тело, кое-как добрался до Блаженного и, получив его согласие, тотчас же упокоился в нирване.

^{3a} *Капиттха* — плод дерева *Feronia elephantum*.

⁴ *Уставные Начала* (Pāṭimokkha, санскр. Prātimoksa) — монашеский дисциплинарный кодекс. Оглашение его совершается по полнолунию, новолуниям и восьмым дням молодой и старой луны, будучи частью церемоний «постного дня» (пали uposatho < санскр. upavasatha, но в северном буддизме неправильно восстановлено в виде uposadha). Живущие в одном месте монахи собираются; один из заслуженных монахов громко произносит статьи Устава, начиная с проступков, за которые полагается изгнание из общины, и кончая мелкими нарушениями. Тот из монахов, кто считает себя провинившимся, должен назваться и признаться. При всеобщем молчании считается, что никто из общины данную статью не нарушил, и оглашение продолжается дальше. Миряне на эту церемонию не допускаются.

⁵ Три основания соотносятся с «тремя сокровищами»: Буддой, дхармой, общиной.

⁶ В перечне представлены этнические, религиозные и профессиональные общины, имеющие каждая свои секреты. *Атоны* (atonā) совершенно неизвестны, слово более нигде не встречается. *Горцы*, [блудущие] *дхарму*; *горцы*, [поклоняющиеся] *Брахме* (dhammagiriya, brahmagiriya) — неизвестны. *Манибхадра* — брат Куберы, полководец якшей и покровитель путников и торговцев. *Пурнабхадра* — также видный якша, упоминается в *Сканда-пуране*. *Счастье* (Lakṣmī) — супруга Вишну; *Злосчастье* — Kālī. О споре богинь Счастья и Злосчастья рассказывается в некоторых джатаках. *Васудева* позднее отождествляется с Вишну; *гханики* (ghanikā) неизвестны; *люди-с-мечом-и-арканом* (asipāsā) также неизвестны; не предшественники ли это тугов? *Бхадра* может быть названием народа или именем класса божеств.

⁷ *Шабары* — вошедший в пословицу дикий народец на Декане.

⁸ *Достоинства сдержанности в поведении, самообуздания, добродетели* (ācārasamuyamasilasamvagaṇṇā) — здесь примерно синонимичны, хотя могут различаться в строгом систематическом изложении, как в «Пути чистоты».

⁹ Здесь намеренно сокращена и изменена формулировка *Пратимокши* (Параджика 4), чтобы с большим основанием противопоставить два высказы-

вания. Имеется в виду заведомо ложная претензия на обладание сверхъестественными способностями и достижениями: на умение входить в созерцание, умение летать, на «обретение слуха», на безвозвратность, на святость и т. д.

¹⁰ *Прагмокша* (Пач 1).

¹¹ Ср.: Артхашаstra, III.19.

¹² Ср. в «Законах Ману»: «Тот член, каким человек низший ударит высшего, именно он у него должен быть отрезан — таково предписание Ману» (8.279).

¹³ *Проповедь, где повторяются слова «всегда так бывает»* (dhammatā esā) — большая сутра «Предание» (Д XIV). Цитируемых слов в этой сутре нет, но по содержанию сутры они вполне могли бы там быть. Возможно, что Нагасену (или автора текста) подвела память. «Уготованность» означает, что будущие родители, главные ученики, служитель, будущий сын подготовили себя сами своими прошлыми деяниями к тому, чтобы стать наиболее подходящими людьми для своих будущих ролей. *Главные ученики* — Шарипутра и Маудгальяяна. *Сын* — Рахула. *Служитель* — тхера Ананда. Просветление *уготовано* бодхисаттве его деяниями на благо других в течение многих жизней. Его можно считать уготованным с тех пор, как какой-либо просветленный, встретив бодхисаттву, прекрек ему в будущем просветление.

¹⁴ *Довольное небо* (Tusita) — четвертый уровень небес сферы желаний, на котором пребывает всякий бодхисаттва перед последней своей земной жизнью, во время которой он станет буддой.

¹⁵ Первые шесть из этих восьми проверок разъясняются в введении к комментарию на джатаки. *Проверяет время* значит проверяет, каков обычный срок жизни людей, населяющих землю. Он должен быть не более 100 тысяч лет (иначе старость и смерть незаметны и проповедь не удастся) и не менее ста лет (тогда у людей слишком мощные аффекты и вразумить их невозможно). *Проверяет материк* — убеждается, что из четырех больших материков будущий будда может родиться лишь на материке Джамбу (на остальных материках люди недостаточно культурны). *Проверяет страну* — уже в пределах обширного материка Джамбу выбирает «срединную страну», ограниченную с востока торжком Каджангалой, с юго-востока — рекою Салалаватией, с юга — торжком Шветакарникой, а с севера — горою Уширадхаджей. *Проверяет семью* — проверяет, в каком из двух сословий, в которых могут родиться будущие просветленные, т. е. в кшатрийском или в брахманском, целесообразно родиться, — какое из них в большей чести. *Проверяет родительницу* — проверяет, присущи ли ей добродетели, необходимые матери бодхисаттвы. Особо упомянуто, что она не должна быть пьяницей. (Очевидно, индийцы знали о пагубных последствиях пьянства для потомства.) *Проверяет срок жизни* — проверяет, сколько времени осталось жить его будущей матери, поскольку мать должна умереть на седьмой день после его рождения. Что означают проверки *месяца и отречения*, неясно.

¹⁶ Нагасена только отчасти ответил на вопрос. Можно предложить такое объяснение: «проверяет» означает здесь, что в сознание бодхисаттвы входит мысль о будущих родителях, учениках и пр., и само появление этой мысли означает, что срок близится или настал.

¹⁷ Ср. Сут Вибх III.5.13: «Тогда же некий монах, мучимый половым воздержанием, забрался на гору Гридхракуту и, бросившись с нее в пропасть, угодил в корзинщика и убил его. Он раскаялся... [Будда сказал ему]: „Проступка, влекущего исключение [из общины], здесь нет. В пропасть, монахи, бросаться не следует. Если кто бросится — это проступок [разряда] „дурное дело“ (dukkaṭam)“».

¹⁸ По-видимому, это не буквальная цитата.

¹⁹ *Четыре стремнины* (saturoghā) — алчность, агрессивность, приверженность к нравам и обетам, упорство (в заблуждениях): «Вот правда (а прочее — ложь)».

²⁰ Из сутры «Паясий» (Д XXIII.13).

²¹ Перечень образован соединением ряда более мелких перечней, заимствованных из Канона. Например, опасности от воды, от водоворотов, от

гавиалов и от крокодилов упомянуты в «Чатумской» сутре (приложение 10). Выделенные кавычками названия суть обозначения поистине чудовищных пыток и казней, которые, безусловно, не были общераспространенными, а являлись плодом досужей выдумки каких-то деспотов. Знание подробностей необходимо лишь для упражняющегося йога, который должен освежать в себе «понимание безотрадности». Мы воздержимся от описания этой поражающей воображение жестокости.

²² *Доброту, освобождающую мысль* — mettāya cetovimuttiyā. Доброта освобождает мысль, а не есть освобождающая мысль.

²³ *Нелюдь* (amanussā) — якши, ракшасы, пищачи и пр.

²⁴ То есть если не добился «обретения слуха» и пр.

²⁵ А XI.16.

²⁶ *Исполненного доброты* — т. е. йогически развившего в себе доброту, находящегося в состоянии освоенности доброты.

²⁷ «Джатака о Шьяме» (№ 540).

²⁸ То есть в тот самый момент не был исполнен доброты.

²⁹ Можно понять и по-другому: «Следует на всех живых, наделенных сознанием, распространять доброту, приносящую блага».

³⁰ «Джатака об отрешившемся от учителя» (№ 474; см.: Повести).

³¹ «Джатака о глупце» (№ 122; см.: Джатаки).

³² «Джатака о великой обезьяне» (№ 516; см.: Повести).

³³ «Джатака о слоновьем паре» (№ 514; см.: Повести).

³⁴ «Джатака о куропатке» (№ 438).

³⁵ «Джатака о терпеливом великомученике» (№ 313; см.: Повести).

³⁶ «Джатака о меньшем Нандии» (№ 222).

³⁷ «Джатака о Пандаре» (№ 518).

³⁸ «Джатака о кабане Секаче» (№ 492; см.: Повести).

³⁹ «Джатака о царстве Чайтье» (№ 422; см.: Повести).

⁴⁰ «Джатака о Пеструне» (№ 482).

⁴¹ «Джатака о добродетельном слоне» (№ 72; см.: Джатаки).

⁴² «Джатака о воинственном шакале» (№ 241).

⁴³ «Джатака о перепелке» (№ 357; см.: Повести).

⁴⁴ Джатака «Спор Правды и Кривды» (№ 457; см.: Повести).

⁴⁵ «Джатака о плотниках-мореходах» (№ 466; см.: Повести).

⁴⁶ «Джатака о достоверности» (№ 1).

⁴⁷ «Джатака об олене по имени Ньягродха» (№ 12).

⁴⁸ «Джатака о неблагодарном военачальнике» (№ 445; см.: Повести).

⁴⁹ «Джатака о Кхандахале» (№ 542).

⁵⁰ «Джатака о царевиче Махападме» (№ 472; см.: Повести).

⁵¹ «Джатака о младенце Дхармапале» (№ 358).

⁵² Приводим эту притчу: (Блаженный говорит монахам:) «Представьте, монахи, что некто бросил в море ядро с одним отверстием, восточный ветер тянет его на запад, западный ветер тянет его на восток, северный ветер тянет его на юг, южный ветер тянет его на север... И один раз в каждые сто лет выныривает из моря одноглазая черепаха. Скажите, просунет ли когда-нибудь эта одноглазая черепаха голову в отверстие ядра?» — «Разве что как-нибудь, когда-нибудь, почтенный, спустя очень долгое время». — «Скорее, о монахи, эта одноглазая черепаха просунет голову в отверстие ядра, чем вновь родится человеком глупец, попавший один раз в крошечную. Труднее ему это. Почему это так? Не бывает там житья по дхарме, гладкого житья, благих дел, достойных дел. Там все друг друга пожирают, а слабому — смерть» (М 129).

⁵³ Характерная для индийской мифологии «точность» в фантастике.

⁵⁴ Из «Джатаки о Кунале» (№ 536), строфа 19. Это не изречение Будды; ряд строф, куда входит и цитируемая строфа, вводятся в джатаке пометой: «На этот предмет (т. е. женскую порочность) есть такие высказывания».

⁵⁵ Из «Повести о большом подземном ходе» (джатака № 546; см.: Повести).

⁵⁶ То есть греха прелюбодеяния.

⁵⁷ То есть от своей совести.

⁵⁸ То есть, вероятно, не смогла бы устранить греховность, присущую этому поступку независимо от ее отношения к нему.

⁵⁹ Точно такая формулировка не найдена, но бесстрашие святых — вещь для канонической литературы очевидная.

⁶⁰ Ссылка на описанный в Чулл VII эпизод — третье покушение Девадатты на Будду. Зная, что в Раджагрихе есть буйный слон, топчущий людей насмерть, Девадатта подговорил корняков пустить его по той улице, по которой пойдет Блаженный. Святые сначала просили Учителя свернуть вбок и уклониться, но Будда успокоил их, сказав, что просветленные насильственной смертью не умирают. После этого святые действительно отступили, и остался один Ананда, который тогда не был еще святым, но «просто» любил Блаженного. Он пытался заслонить собою Блаженного от разбушевавшегося слона, пока Будда не попросил его отойти и не мешать. Когда слон приблизился, Будда, как сказано в тексте, «пронзил его добротой», и животное успокоилось, мирно подошло и дало себя погладить.

⁶¹ *Посмотрим-де, каков он на деле* — *raññāyissati sakena kammena*. Не вполне ясное выражение. Можно перевести иначе: «Будет видно, каков он по своим деяниям». Непонятно, имеются ли в виду прошлые деяния Татхагаты, плоды которых должны проявиться теперь, или же то, как сейчас поступит Будда. В предложенном переводе принимается второе толкование.

⁶² *Владыка мощи* (*Sahaṃprati*) — старинный и уже полупонятный титул бога Брахмы.

⁶³ Сутра «Чатумская»; см. приложение 10.

Глава пятая

¹ Начало сутры «Мудрец» (Сн I.12).

² Чулл VII.1. Это было сказано Буддой, когда купец Анатхапиндика собрался подарить общине сад с монастырем.

³ В таком виде не найдено. «Встань, не распускайся» — из Дхп 168.

⁴ Из «Большой сутры об Удайине» (М 77).

⁵ См. кн. II, гл. I, примеч. 6—7.

⁶ Неумеренность Девадатты в еде проявлялась двояко: во-первых, когда он вошел в доверие к царевичу Аджаташатру, ему и его окружению (бывшим с ним младшим монахам) подавали ежедневно по пятисот порций рисовой каши на молоке. Не в силах устоять перед такими почестями, Девадатта возгордился, что и стало началом его падения. Во-вторых, уже замыслив раскол общины, Девадатта предложил Блаженному ввести в общине более суровые правила, в том числе полностью отказаться от употребления мяса и рыбы (что он затем и вменил в правило отколовшимся вместе с ним монахам). Он также еженедельно два дня голодал, полностью воздерживаясь от пищи (Чулл VII). Таким образом, Девадатта был неумерен в самом буквальном смысле слова: не знал меры и отклонялся от нее то в сторону чрезмерного едения, то чрезмерного поста.

⁷ *Восемь [последовательных йогических] состояний-овладений* — те же, что в кн. III, гл. 3, примеч. 45, кроме состояния «торможения ощущений и распознавания».

⁸ Две «Джатаки о попугае» — «Большая» (№ 429) и «Малая» (№ 430).

⁹ *Я брахман* — слово «брахман» не означает здесь принадлежности к брахманскому сословию, можно считать его синонимом слова «святой» (*ārahā*), как в последней главе *Дхаммапады*; См. вопрос 48.

¹⁰ Точно в таком виде не найдено. Слова *yāsaṃyo sadā paṇātarāṇi*, переведенные как «внемлю просителям, всегда протягиваю руку помощи», относятся обычно к мирянам, не к Будде. Прочие эпитеты обычны для Будды.

¹¹ А I.14. Тхера Бакула принял монашество восьмидесяти лет от роду, а прожил сто двадцать.

¹² Стояние, передвижение, сидение и лежание составляют группу «четырех телесных положений». Неседальцы могут принадлежать лишь к тому психи-

ческому типу, для которого удобнее упражняться в сосредоточении стоя или прохаживаясь.

¹³ *Неседальцы, одножды* — соблюдающие соответствующие «чистые обеты»; см. кн. I, примеч. 93, 96, и кн. V.

¹⁴ Перечислено пять аспектов буддизма как индивидуальной самокультуры. Объясняются в кн. IV.

¹⁵ *Десять сил, четыре уверенности, восемнадцать свойств просветленных, шесть необыденных* (т. е. присущих только Будде) *знаний* — все это названия расшифровываемых отчасти в Каноне, отчасти в позднейших трактатах перечней, описывающих только Будду.

¹⁶ *Блаженный Возвышенно-зрящий* — Anomadassī. Согласно тхеравадинской традиции, после него до исторического Будды Шакьямуни было семнадцать будд.

¹⁷ *Расстройство [жизненных] ветров в животе* — udaravātābādhō.

¹⁸ *Блаженный Кругом-взирающий* — Vipassī. После него до Просветленного Шакьямуни было, как считается, еще пять будд.

¹⁹ *«Цветочно-травяная» болезнь* — tinārupphakārogo, не отождествляется.

²⁰ *Чистые обеты* — см. кн. V.

²¹ С XLV.139.

²² С XXII.58.

²³ С XII.65.

²⁴ Имеется в виду известный миф о царе-миродержце, подробно излагаемый в сутре Д XXVI и др. Драгоценный самоцвет и прочие драгоценности царя-миродержца не наследуются, они появляются у царя лишь благодаря личным его заслугам и достоинствам. Слово «делание» использовано в старом русском смысле, восходящем к передаче греч. πράσις.

²⁵ По-видимому, из введения к какой-то джатаке.

²⁶ *Ваджапея* (vājareya) — одно из пышных и торжественных ведийских жертвоприношений. Совершается кшатрием, желающим верховной власти, сопровождается закланием баранов, овец, коров и коз.

²⁷ «Джатака о Кашьяпе-мохнатом» (№ 433; см.: Повести). Из стихотворной, наиболее древней части джатаки остается неясным, успел ли совершить Кашьяпа заклание жертвенных животных. В прозаической же части рассказывается, что он опомнился, услышав их жалобный рев, и не обагрил своих рук кровью.

²⁸ Джатака № 433, строфа 2. Ответ Мохнатого Кашьяпы на просьбу совершить жертвоприношение.

²⁹ Царевна Лунолика была дочерью царя, стремившегося к верховному владычеству на материке Джамбу. Желая для этого совершить ваджапею, он хотел склонить подвижника Мохнатого Кашьяпу быть жрецом на готовящемся жертвоприношении, но тот наотрез отказался. Тогда царь пообещал ему в жены свою дочь. Увидев ее, подвижник влюбился до безумия и дал согласие.

Кровавый характер обряда ваджапея в джатаке преувеличен.

³⁰ Из «Джатаки о слоновьем царе» (№ 514; см.: Повести).

³¹ Из сутры «Горшечник» (М 81).

³² *Ниргунда* — Vitex negundo.

³³ *Гончар-горшечник* — ghaṭikāro kumbhakāro. В палийских текстах грань между именами собственными и нарицательными нередко неуловима. Так и в этом случае: некоторые комментаторы и исследователи склонны понимать слово Ghaṭikāro как имя собственное, хотя значит оно то же, и kumbhakāro — «гончар».

³⁴ Сутра «Горшечник» (М 81).

³⁵ Там же.

³⁶ Сдержанное отношение к чудотворству присуще раннему буддизму в целом. Ср. с этим некоторые мысли Великого Инквизитора у Достоевского.

³⁷ Цитировалось выше; см. примеч. 10.

³⁸ Из сутры «Шайла» (Сн III.7), также цитировалось выше.

³⁹ *Небесное состояние* — dibbavihāro. По-видимому, то же, что и brah-

maṇiḥāṅga — четыре упражнения-освоения безграничных доброты, сострадания, сорадования и равного ко всем отношения.

⁴⁰ Нагасена дает уклончивую формулировку. Ее можно понять и как иносказание (успешные действия согласно методу, преподаваемому Татхагатой, приводят человека к избавлению от всех тягот), но можно и религиозно, буквально.

⁴¹ Вопрос настолько очевиден, что иной цели, кроме прославления Будды, а попутно и упражнения в красноречии, изложение Нагасены и не преследует.

⁴² Из сутры «Бхарадваджа-пахарь» (Сн 1.4).

⁴³ Это обычный порядок «подготовительной проповеди»: о достоинствах щедрости (даяния), затем о нравственности, о тщете вожделений (их в конце концов не удастся полностью удовлетворить, а потому в общем итоге от них больше тягот, чем приятности) и о преимуществах отказа от них. Если по слушателям заметно, что они вняли сказанному и готовы слушать и воспринимать далее, то излагаются арийские истины.

⁴⁴ *Палочки для игры* — ghaṭikam. Переведено согласно комментарию на Д I.

⁴⁵ Перечень заимствован из Д I.1.14.

⁴⁶ *Условия ариев* (āgīyasamāyo) — условия жизни в буддийском монашестве.

⁴⁷ «Джатака об Аттахисене» (№ 403), но там это произносит Бодхисаттва.

⁴⁸ Предшествующее изложение перефразирует соответствующие главы *Винаи* (Чулл VIII и др.).

⁴⁹ См. кн. II, гл. 2, примеч. 1.

⁵⁰ Возможно, что имеется в виду пребывание Будды в Верандже во время засухи (эпизод *Винаи*), но ни о каких богатых, смачивающих пищу, в каноническом тексте не говорится.

⁵¹ *Выволить* — samuddhagaṇḍāya, букв. «вывести на берег [покоя из болота мирского кружения]».

⁵² Это не буквальная цитата. Срок указан обычный для комментаторской литературы. Четыре несметности кальп и сто тысяч кальп составляют $(4 \times 10^{140} + 10^5) \times 10^{140}$ лет.

⁵³ Об этом говорит сам Будда в сутре «Арийское искание» (М 26).

⁵⁴ *Мнение о самости* (sakkāyaditṭhi) — ориентация на (вредное, ненужное, бесполезное) понятие «я, я сам, моя самость» и в большей или меньшей степени сформированные представления о том, что такое эта «самость», т. е. бытийно-психические основания эгоцентризма. Ранняя буддийская систематика насчитывает 20 возможных типов «мнений» о «самости»: 1) образное [есть] самость; 2) самость образна; 3) в образном самость; 4) в самости образное и т. п. с оставшимися четырьмя грудями: 5) ощущение [есть] самость... 11) в распознавании самость... Мнения о самости отбрасываются при «обретении слуха».

⁵⁵ Замечательна чуткость Нагасены к смыслу мифа о просьбе Брахмы. Что же касается самой *склонности к бездеятельности*, то она достаточно понятна из сутры «Арийское искание» (М 26). Будда рассказывает, что к бездеятельности он склонился сначала, сразу после просветления, когда ему подумалось: «Напрасно я все это понял, это слишком сложно, тонко, трудно усвоить, и никому из существ, склонных к удовольствиям, моей истины не понять». Бездеятельность, таким образом, была следствием общего соображения: люди в общем не хотят истины. Потом же, после просьбы Брахмы, Будда оглядел мир своим оком просветленного и нашел, что все же есть кому проповедовать, мир не без умных людей, стремящихся к истине, т. е. здесь мысль стала конкретнее, опираясь на различия склонностей и способностей существ.

Глава шестая

¹ Из сутры «Арийское искание» (М 26). Достигнув просветления, Шакьямуни направился в Бенарес, чтобы произнести там свою первую проповедь.

По дороге между древом просветления и городом Гаей ему встретился некий адживака Упака, который спросил Просветленного, кто его учитель и какому учению он привержен. Просветленный ответил ему несколькими стихами, в том числе процитированным.

² Из той же сутры. Бодхисаттва научился у Арады Каламы йогическому состоянию, называемому «вхождение в ничтожность», т. е. третьей ступени безобразного сосредоточения.

³ Эти восемь брахманов упоминаются в введении к собранию джатак, однако имени Яджня там соответствует Каундинья (пали Koṇḍañño).

⁴ С северной стороны — udīśya. Точнее это значит «родом из мест севернее реки Сарасвати». Брахманы из этой местности пользовались наибольшим уважением.

⁵ Из канонических текстов тхеравады неизвестен.

⁶ Имеется в виду четвертая встреча бодхисаттвы Сиддхартхи, после которой он окончательно решил уйти из дому в бездомность. Проезжая по парку на колеснице, Сиддхартха увидел опрятно одетого буддийского монаха. (Понятно, что монахов тогда быть не могло. Это было знамение, посланное ему богами, чтобы побудить его к уходу из дому.) Он с удивлением спросил колесничего, что означает необычный облик встреченного им человека. Так как учение просветленных прошлого давно было утрачено и монашества не существовало, колесничий не мог знать, что повстречавшийся им человек — буддийский монах. Но, вдохновленный божеством, он ответил бодхисаттве на вопрос и одобительно отозвался о монашестве. (По введению к комментарию на джатаки.)

⁷ У Удраки, сына Рамы, бодхисаттва научился йогическому состоянию «ни-распознавания-ни-не-распознавания».

⁸ A I.15.

⁹ Тридцать семь просветлительных дхарм — см. кн. II, гл. 1, примеч. 43.

¹⁰ Три предмета — культура поведения, психики и понимания.

¹¹ Десятигигантская мировая сфера простирается на расстояние, в 10^{10} превосходящее то, на которое распространяется свет солнца.

¹² Из приведенных Нагасеной доводов первый не слишком убедителен, как признает он сам. Второй — социально-психологический довод, к природе будды касательства не имеющий. Третьим же доводом Нагасена, в сущности, утверждает, что будда единствен по определению понятия будды. Но это сомнительно. На деле здесь смешиваются два понятия: будда как человек, достигший окончательной духовной зрелости, «просветленный во всех дхармах», и будда как исторический деятель, основывающий учение и общину. Второй может быть только один, по понятию; первых же может быть одновременно и больше, чем признается в махаяне.

¹³ Из сутры «Анализ даров» (M 142).

¹⁴ Сама отбила, сама разорвала на куски, сама выкрасила... — Одежда монаха первоначально шилась из старой, ветхой ткани, потому отбила, чтобы ткань не была новой. Она делается из лоскутьев, потому разорвала на куски. Выкрасила в требуемый желтый цвет.

¹⁵ В проповеди сравниваются два монаха: первый, чувствуя голодную слабость, решил тем не менее в неурочное время не есть, а другой поел (M 2).

¹⁶ С II.3.10. В этой сутре собравшиеся вокруг Просветленного небожители произносят строфы, восхваляя каждый своего учителя.

¹⁷ Об «одобрении» этих слов Блаженным в сутре упоминания нет. Одобрение обычно выражается словами: «Хорошо, хорошо! Я бы об этом тоже так сказал!»

¹⁸ Строфа не найдена в канонической литературе.

¹⁹ A I.13.

²⁰ С XLV.24.

²¹ Белый цвет одежды нередок, но, конечно, не единствен. Здесь противопоставлен желтому цвету монашеского облачения.

²² Четыре части нравственности — самоограничение, согласно Пратимокше,

сдерживание деятельности органов чувств, чистота в добывании средств к жизни и нравственность, проявляющаяся в отношении к личным вещам.

²³ *Претрудный труд* — dukkharakārikā. Имеются в виду аскетические подвиги, свершавшиеся бодхисаттвой, когда он подвизался в тапасах вместе с пятью монахами (будущими слушателями первой проповеди в Бенаресе). Он упреждался в длительных задержках дыхания и лишал себя пищи.

²⁴ С VI.2.5.

²⁵ То есть к обретению слуха.

²⁶ *Благотворительная раздача пищи* — широко распространенный обычай в древней Индии. В городах существовали для этой цели специальные навесы.

²⁷ *Подавленных жаждой*. В переносном психологическом смысле — страстным влечением.

²⁸ Имеются в виду три сферы мирского существования.

²⁹ *Неязвущего* — pīkkantako, букв. «не имеющего заноз, колючек».

³⁰ «Овсяная кашка» — пали kaṭumbhakaṃ, ближе неизвестное растение.

³¹ Уже цитировалось выше, см. кн. II, гл. 2.

³² Вновь пример случайного субъективного мышления. Милинда воспринимает архата идеологически-ценностно, а не психологически-трезво. Он скорее стремится иметь почитаемый образ архата, чем знание об архате.

³³ Объяснение Нагасены впечатляюще-картинно, однако расплывчато и оставляет неясным, какой же способ борьбы с болью как психологическим и физиологическим явлением используется архатами. Попробуем разобраться в этом. Начнем с того, что в боли часто силен компонент страха перед тем, что она навредит, что это — предвестник еще худшего, большей боли и пр. Очевидно, что этого компонента у архата нет. Далее, в отношении если не к боли, то к ее объективному физиологическому корреляту (раздражению чувствительных нервных окончаний, сигнализирующему о повреждении) можно выделить два крайних случая: 1. Способность терпеть ощущаемую боль, не подавая вида и подавляя естественные реакции — стоны, дрожь и пр. Это — проявление мужества, т. е. нравственного качества, а не психической культуры, не йоги. Такой способ отношения к боли внушает уважение, но крайне неэффективен и неудачен психологически, ибо не снимает стресса. Неправдоподобно, чтобы им пользовались архаты. 2. Боль вообще не ощущается людьми, находящимися в особом психическом состоянии, возникшем до появления болевого раздражителя: истериками, берсерками, раннехристианскими мучениками и исповедниками. Этот способ тоже не подходит архатам, так как опирается на использование аффекта и суженности сознания, чего у архата не может быть. На наш взгляд, правдоподобнее всего думать, что архат научается отделять в боли специфический сигнал от его оценки. Он, таким образом, знает, что есть боль, если она есть, но при этом ему не больно. Ведь оценка сигнала есть связывание его с образом Я, а коль скоро последнего у архата нет, то и оценка отсутствует. Остается голый факт сенсорной информации, о котором архат, положим, знает, что он может свидетельствовать о нарушении целостности тканей, но это знание подобно знанию, например, погодных примет: красивый закат предвещает ветер, а это специфическое ощущение, скажем, в суставе, предвещает, если не предпринимать ничего, ограничение его подвижности. «Реакция на болевое раздражение как бы состоит из двух независимых компонентов — познавательного и эмоционального. Последний проявляется в форме отрицательной эмоции страдания. В некоторых случаях можно разделить эти компоненты, о чем свидетельствует, в частности, следующее наблюдение. Существуют больные, которые испытывают очень сильные боли хронического характера, не снимаемые при помощи лекарств. В таких случаях для устранения боли иногда прибегают к хирургическому вмешательству, которое заключается в перерезке нервных путей в передней части мозга (так называемая лейкотомия). В результате такой операции иногда можно наблюдать удивительный эффект. Человек утверждает, что он по-прежнему знает, что ему больно, однако теперь это знание его не беспокоит и он не испытывает никаких страданий. Иными словами, сохраняется сенсорный (или по-

знавательный) компонент боли, но исчезает его эмоциональный компонент» (Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 1979, с. 78). Таким образом, по нашему предположению, отношение к боли с достижением архатства меняется так же, как отношение к аффектам. Возьмем для примера аффект гордости. В абхидхарме она определяется как соответствующее действительности знание «я лучше него (в таком-то отношении)» + радостная оглядка на образ самого себя в связи с этим. Невозможно думать, что в архатстве исчезает первый компонент, т. е. знание, кто кого и в каком отношении лучше. Вся буддийская психическая тренировка направлена на постижение действительности, как она есть, и знание, согласно буддизму, всегда лучше незнания. Стало быть, архат продолжает знать, что он обладает лучшей памятью или большей физической силой, чем большинство остальных людей, но это знание его ничуть не трогает. Так же, надо думать, и с болью. Нагасена же, рисуя картину корчащегося от боли архата, который остается к этому равнодушным, вызывает скорее к воображению собеседника, ибо выдержка куда в большей степени способна вызвать восхищение профана, нежели разделение двух компонентов боли, что и объяснить-то очень нелегко. Возможно, впрочем, что наше рассуждение не учитывает каких-то различий между архатами и что умение отделять боль от себя является специфическим умением, не непременно имеющимся у архата.

Под «душевной болью», как явствует из объяснений Нагасены, следует понимать именно страдания, порождаемые физической болью, но не душевные страдания сами по себе. То, что архат не может горевать, обижаться, тосковать и пр., разумеется само собою и не требует обсуждения. Проблема боли, подробно здесь рассмотренная, впервые появляется в Каноне: (говорит Будда): «Не внявший [проповеди] человек-из-толпы, о монахи, и удовольствие ощущает, и боль ощущает, и не-удовольствие-и-не-боль ощущает. И внявший [проповеди] арийский слушатель, о монахи, тоже и удовольствие ощущает, и боль ощущает, и не-удовольствие-и-не-боль ощущает. В чем же здесь различие, монахи, в чем разница, в чем несходство внявшего арийского слушателя и не внявшего [проповеди] человека-из-толпы? Не внявший [проповеди] человек-из-толпы, о монахи, ощущая боль, печалится, жалуется, сетует, в грудь себя бьет, в помрачение впадает. Он две боли испытывает — телесную и душевную. А внявший арийский слушатель, о монахи, ощущая боль, не печалится, не жалуется, не сетует, не бьет себя в грудь, не впадает в помрачение. Он одну боль испытывает — телесную, но не душевную» (С XXXVI.1.6).

³⁴ Это не могут быть четыре проступка, за которые изгоняют из общины (т. е. соитие, кража, человекоубийство и заведомо ложная претензия на обладание сверхобычными способностями и на духовные достижения), поскольку в сутрах существуют примеры того, как бывшие злодеи принимали монашество и успешно достигали святости. Достаточно вспомнить о знаменитом разбойнике Пальцеломе, убившем не один десяток людей, прежде чем Просветленный укротил его. Естественно также, что до принятия монашества большинство живет супружеской жизнью, и это тоже не является для мирянина никаким проступком. Поэтому прав, вероятно, первый сингальский переводчик «Вопросов Милинды» Хинатикумбуре, на которого ссылается Т. В. Рис-Дэвидс (The Questions of King Milinda. Vol. 2, с. 78): он считает, что речь идет о «пяти тотчас воздаваемых деяниях». Это подтверждается сутрами. Например, о царе-отцеубийце Будда однажды после проповеди замечает, что, не будь он отцеубийцей, он бы достиг постижения, выслушав только что произнесенную проповедь.

³⁵ Ср. в кн. II, гл. 7.

³⁶ Утверждается, что психические процессы объективны, независимы от сознания. Но можно добавить, что вся буддийская йога имеет целью распределить их, ввести в сознание и сделать их от него зависимыми. Тем самым, конечно, снимается и сознание, становясь абсолютным знанием.

³⁷ Обряды постного дня (uposatho) — главные регулярные обряды буддийской общины, справляемые по 1, 8 15 и 23-м дням лунного месяца. В эти дни читается *Пратимокша*.

³⁸ М 142.

³⁹ Т. е. осязание.

⁴⁰ См. кн. II, гл. 7, примеч. 23.

Глава седьмая

¹ Слегка измененная цитата из А VIII.30: «Это Учение, о монахи, для того, кто непространности радуется не нарадуется» либо из М II: «Это завершение, о монахи, для того, кто непространности радуется не нарадуется».

² *Непространность* — *пйррайсац*. Слово *райсац* (в условном переводе «пространность») весьма емко и, в сущности, непереводаемо. Оно может значить «разворачивание, развитие», «проявление», «феномен», «разворачивание [сущности] во внешний мир», «повтор», «надувательство», «многословие, веле-речивость» и т. д. В буддийской философии его часто можно переводить как «экстенсивность», «момент экстенсивности». В цитируемом контексте также имеется в виду этот смысл: призыв к «непространности» — это призыв к интенсивному личностному развитию. Царь же использует в своем вопросе (см. ниже в тексте) также и оттенок «многословие», из-за чего возникает кажущееся противоречие.

³ Перечислены «девять частей» канонической литературы, согласно одной из возможных классификаций, наряду с делением Канона на «корзины», на «связки дхарм» и на «сводьы». Под *сутрами* (*suttam*) понимается в этой классификации вся *Винайпатака*, а также все отдельные канонические произведения, в название которых входит слово «сутра». *Песни* (*геууат*) — смешение стихов и прозы, в особенности же первые разделы *Самъюттаникаи*. *Разъяснения* (*веууакагапат*) — вся абхидхарма, а также все тексты, не вошедшие в остальные рубрики. *Строфы* (*gāthā*) — *Дхаммапада*, *Тхера- и тхеригатха*, все отдельные произведения в *Суттанипате*, не содержащие слова «сутра» в заглавии. *Восклицания и высказывания* (*udāpat* и *itivuttakam*) совпадают с одноименными разделами *Кхуддаканикаи*. Также и *джатаки*. Две последние «части» объясняются комментаторами путано и выделены не на очень ясных основаниях. *Чудесное* (*abbhutattham*) — канонические произведения, связанные с чудесным и необычайным (но что это, комментаторы не поясняют). *Раскрытия* (*vedallam*) — несколько сутр, построенных в вопросно-ответной форме и входящих в *Дигханикаю* или *Мадджхиманикаю*.

⁴ Один мыслительный миг составляет ничтожную долю секунды.

⁵ В чьих очах много пыли — образ взят из сутры «Арийское искание» (М 26). Слово «пыль» (*gaḍa*) значит также «страсть», т. е. «пыл». Это люди с сильными аффектами.

⁶ Господин — *sāmiko*. Вероятно, вершивший суд местный князь.

⁷ Совет — *parisā*, санскр. *pariṣad*.

⁸ Тхера Шарипутра традиционно считается первым буддийским философом, лучшим после самого Просветленного знатоком абхидхармы.

⁹ Он достиг святости (истощения тяги) через две недели после встречи с Буддой.

¹⁰ Несложённое (*asamkhatam*, санскр. *asamkṛtam*) — противоположное слогаемым (*samskāra* или *samskṛta*). Это дхармы невозникающие и неисчезающие, т. е. для всех буддийских школ нирвана, а для некоторых — еще пространство и др.

¹¹ Проблема мирянина-архата обсуждается в КВ IV.1. Из Канона известно, что архатами становились не только члены общины, а и миряне или подвижники-небуддисты, услышавшие хоть краткую буддийскую проповедь. Естественно, что они как правило тотчас принимали монашество. Описано также несколько несчастных случаев с мирянами, только что достигшими архатства и не успевшими еще вступить в общину. Возможно поэтому, что слишком жесткое утверждение о скорой и неотвратимой смерти мирянина-архата возникло из-за превратного толкования причинной связи, т. е. не «потому не приняли монашества, что погибли», а наоборот. Кроме того, нелिцепы учесть, что достижение святости — чрезвычайное событие в духовной жизни человека, и

он вполне может углубиться в себя, забыть об окружающем и не заметить опасности.

¹² *Наставник и учитель* обучают новоначального монаха Уставу и сутрам. *Миска и монашеское платье* необходимы для церемонии пострижения (pṛagatya).

¹³ *Сверхобычные силы* нужны, во-первых, для того, чтобы, находясь в отдалении, узнать, что такой-то человек стал святым, а кроме того, чтобы быстро прийти к нему (например, прилететь).

¹⁴ *Воровством* (в широком смысле) можно считать нарушение некоторых монополий власти (например, на судопроизводство, некоторые виды торговли, чеканку монеты и пр.). Аналогично этому посвящение есть монополия членов монашеской общины, и ее нарушение есть воровство.

¹⁵ *Несообразно* — visamam, букв. «неровно», «неверно», «опасно».

¹⁶ *Желудочная железа* — gahanī. В точности неизвестно, какой орган пищеварения имеется в виду. Возможно, двенадцатиперстная кишка или поджелудочная железа.

¹⁷ Строя келью, святой может обмериться и превысить установленные размеры.

¹⁸ Имеется в виду статья *Винаи* (Санг 5). Монахи не должны вольно или невольно заниматься сводничеством. Осознанно святой не станет этого делать; очевидно, подразумевается, что миряне могут обхитрить его и он невольно станет как бы сводником.

¹⁹ Принимать пищу монахам разрешается только до полудня.

²⁰ Святой может не заметить, что его пригласили на трапезу, и прийти в другой дом, а это есть нарушение Устава (Пач 46).

²¹ Обычно запрещается есть после главной и, как правило, единственной трапезы, но можно доедать остатки после больных монахов, которым есть не хочется (Пач 35).

²² *Аффекты* — kilesā. Данное употребление этого слова необычно, ибо подразумеваются здесь не психологические свойства, а проступки.

²³ *Десять неблагих путей деяния* — убийство, воровство, прелюбодеяние, ложь, клевета, грубость, пустословие, жадность, злоумышление, дурные воззрения.

²⁴ *Знает всё* — ср. кн. III, гл. I, примеч. 30.

²⁵ *Якши, ракшасы ... сиддхи, видьядхары* — перечислены классы мифологических существ. *Якши и ракшасы* — злые духи, оборотни-людоеды, обычно лесные или водяные. *Кумбханды* — класс враждебных человеку демонов, подвластных Вирудхаке, богу-царю юга. *Асуры и данавы* — одно и то же. Это всегдашние соперники богов, подобные титанам греческой мифологии. В буддийской психологии асурами символизируются «демонические натуры», стремящиеся в борьбе к самовозвеличению. *Гандхарвы* — небесные музыканты богов. Глава их — Дхритараштра, «Твердо царствующий», бог-царь востока. *Преты* — один из шести классов живых существ (наряду с адскими обитателями, животными, асурами, людьми и небожителями). В психологии ими символизируются натуры, непрестанно мучимые неисполнимыми желаниями. *Пишачи* — злые бесы, часто обитатели кладбищ и мест кремации. *Киннары* — полубожественные певцы и музыканты, изображаемые в виде людей с конскими головами; принадлежат к свите бога Куберы. *Драконы (mahoragā)* — слабо выделенный класс существ, близкий к нагам. *Наги* — зми-оборотни, обладающие подобным человеческому разумом. Могут принимать человеческий облик. Отличаются гневливостью, в гневе способны убить своим ядовитым дыханием. Приняв человеческое обличье, пытались иногда вступить в буддийскую общину. В Уставе запрещено постригать и посвящать нагов. Глава их — бог-царь Вирупакиша, «Лютоокный», властитель запада. *Волшебные птицы (suragga)* — мифические птицы, подобные орлам. Часто враги драконов, которых неустанно преследуют. *Сиддхи (siddha)* — персонажи низшей мифологии, один из разрядов полубогов. *Видьядхары (vidyādharā)* — обладатели магической силы, человекоподобные полубоги из свиты Индры (Шакры).

²⁶ *Кудруса* — малоценный знак — Paspalum fragmentaceum.

²⁷ *Большие лесные деревья* — *vanaspati*, большие деревья из верхнего яруса тропического леса. Любопытно, что палийский язык отличает их от просто деревьев (*gukkho*).

²⁸ *Нет в высшем смысле представления о существе* — *paramatthena sattupaladdhi natthi* = лат. *personae conceptio idealiter non est*.

²⁹ Разъясняется в вопросе 66.

³⁰ *Нирвана*. Выше слово переводилось как «покой», но здесь и далее оставлено без перевода. Мы имеем здесь начальную стадию разработки понятия нирваны.

³¹ Признание «несложёнными» (*asañkhatam*) двух дхарм, а именно нирваны и пространства, не известно ни в одной из хинаянских школ буддизма, чью точку зрения на этот предмет мы знаем. Можно думать, что это положение школы кашьяпия.

³² В кн. II, гл. 5, с ветром в сходном контексте сравнивалась мудрость.

³³ *Срок* — *utu*, санскр. *ṛtu*. Выделение огня из прочих «великих сутей» по другим школам буддизма неизвестно. Возможно, здесь мы вновь сталкиваемся с положением школы кашьяпия.

³⁴ *Нарада* — в индуистской мифологии божественный мудрец, вестник богов и покровитель музыки. Непонятно, почему текст связывает его с медициной. *Дханвантари* — врач богов. *Ангираса* — мудрец, которому приписывается создание заговоров *Атхарваведы*. *Капила* — основатель философии санкхья, не связываемый обычно с медициной. *Кандараггнисьяма* (пали *Kandaraggisāmo*), *Агула* и *восточный Катьяяна* (пали *pubba-Kassāyano*) неизвестны.

³⁵ Буддийский Устав основан на прецедентах.

³⁶ *Полтора́ста с лишним* (правил, составляющих *Винаю*) — фактически 175, если не считать раздела «Следует научиться», в котором изложены мелкие нарушения.

³⁷ *Туча* — в каноническом пассаже, откуда заимствованы эти слова (см. ниже, примеч. 39), стоит «пыль и сор».

³⁸ *Раху* — см. кн. I, примеч. 107.

³⁹ Это реминисценция из А IV.50; «У солнца и луны, о монахи, четыре загрязнения. Загрязненные солнце и луна не светят, не сияют, не блещут. Каковы они?

Облачность, о монахи, загрязнение солнца и луны; загрязненные ею, солнце и луна не светят, не сияют, не блещут. Туман, о монахи... пыль и сор, о монахи... Раху, о монахи, загрязнение солнца и луны; загрязненные им, солнце и луна не светят, не сияют, не блещут. Таковы, о монахи, четыре загрязнения... не сияют, не блещут. Вот так же, о монахи, у шраманов и брахманов четыре загрязнения» (далее разъясняется, что это — пьянство, связь с женщинами, деньги и несправедливый заработок).

⁴⁰ Вопросы 69 и 70 кажутся загадочными. По-видимому, им не хватает расшифровки упоминаемых метеорологических явлений как аллегории психических процессов и состояний. Для вопроса 69 возможную расшифровку дает канонический пассаж, использованный в нем. Вероятно, в вопросе 70 сиянием солнца символизируется свет мудрости, летним временем — состояние человека-из-толпы, полного аффектов, зимним временем (ср. эпитет покоя — «освежающий, прохладный») — состояние святости.

Глава восьмая

¹ Ссылка на сюжет «Джатаки о царе Бессантаре», последней и одной из самых известных в палийском собрании. Родившись сыном шибийского царя, бодхисаттва Бессантара с первых мгновений жизни проявлял беспримерную щедрость. По просьбе брахманов соседней страны, погибавшей от засухи, он отдал им своего приносящего счастье белого слона. Возмущенные этим, жители шибийского царства потребовали от царя, отца Бессантара, чтобы он изгнал сына за пределы царства. Царь вынужден был уступить. Бессантара с женою и двумя детьми поселился в лесу, где он однажды по просьбе брахмана отдал ему в рабство своих детей.

² Дар [устроением разнузданного] праздника — samajjadānam. Имеются в виду оргиастические обряды (естественно, небуддийские). Дар означает здесь предоставление для таких празднеств еды и пр. Почему не следует давать в дар быка, неясно. Куры (точнее, петухи) и свиньи символизируют основные аффекты страсти и заблуждения. Но могут иметься в виду и бойцовые петухи, используемые для развлечения. Не упомянуты змеи, символизирующие аффект враждебности, — вероятно, потому, что принесение в дар змеи — вещь слишком необычная, чтобы нуждаться в запретах.

³ В «Законах Ману» (XI.62) продажа детей и жены названа в числе меньших грехов, но, как известно, в чрезвычайных обстоятельствах допускаются некоторые нарушения обычных норм.

⁴ Телом царя Вессантары, государь, многие могли воспользоваться. — Рассмотрение своего тела как открытого, доступного означает в тхераваде понимание того, что оно не застраховано от нападений, от насекомых, что после смерти его съедят черви и пр.; в махаяне же это есть готовность пожертвовать своим телом ради чужого блага. Здесь имеется в виду последнее.

⁵ Чарьяпитака I.9.53.

⁶ Дед оставался шивийским царем и, по джатаке, действительно выкупил потом детей.

⁷ Пост — Uposatho; см. кн. III, гл. 6, примеч. 37. Такая кличка слона символизирует благочестие его владельца, царя-миродержца.

⁸ Железное дерево (nāgakesara) — Mesua roxburghii.

⁹ Немалейшая — Akaṇiṣṭham. В буддийской космографии высочайшая из областей сферы образа.

¹⁰ Нишка (пали nikkham) — надеваемое на шею или на грудь золотое украшение, а также название золотых монет различного достоинства.

¹¹ «Джатака о царе Вессантаре» (№ 547), строфа 671.

¹² Джатака о Вессантаре представляет собой один из немногих в древнеиндийской литературе подлинно трагических сюжетов, ибо рисует столкновение двух великих жизненных ценностей. Эстетика трагического в дальнейшем в Индии не развилась, и Нагасена инстинктивно старается смягчить остроту конфликта, утверждая, что бодхисаттва знал заранее о благополучном исходе дела. Для европейского читателя это не может не выглядеть отсутствием художественного вкуса. Из-за этого эстетически неверного хода несколько проигрывает и нравственная сторона объяснения, хотя здесь Нагасена, несомненно, прав: следует в принципе считать нравственно возможным причинение другому страдания ради достижения сверхличных целей. Противоположная точка зрения логически приводит к полному бездействию, которое, как легко видеть, оборачивается большими бедами и страданиями. Заметим, что мнение Нагасены вовсе не оказалось, как и выше (см. вопрос 20), на стороне пассивного «невреждения», которое нередко приписывается буддизму современным культурным сознанием европейца.

¹³ Отличие в роде. Бодхисаттва в последней жизни может родиться в брахманском или в кшатрийском роду. Под временем имеется в виду, вероятно, эпоха существования мира, в зависимости от которой меняются и обычная продолжительность жизни людей, и высота человеческого тела (мера).

¹⁴ Имеется в виду человеческий облик, так как просветления достигают только люди.

¹⁵ Ни нравственностью... ни восемнадцать дхармами просветленных. — Нравственность, сосредоточение, мудрость, свобода, знание-видение свободы составляют так называемые «пять чистых скандх». В совокупности это органическая система освоенного индивидом буддийского учения. Они соотносятся с пятью обычными скандхами (т. е. с образным, ощущением и т. д.), как бы замещающая их в совершенном человеке. Прочие упомянутые в перечне дхармы относятся к теории Будды. Толкование их весьма сложно.

¹⁶ Согласно легенде, когда бодхисаттва вернулся в свой дворец после прогулки по парку, во время которой произошла последняя из «четырёх встреч» (т. е. встреча с монахом-отшельником, окончательно побудившая царевича уйти из дому), его пытались развлечь пением, музыкой и танцами. Смотреть

и слушать ему не хотелось, и он уснул. Уснули и танцовщицы и музыканты. Внезапно проснувшись, бодхисаттва был неприятно поражен далеко не изысканным видом, в каком предстали перед ним спящие женщины: у этой задралась одежда, та громко храпит, у другой изо рта тянется струйка слюны и т. д. Царевич ощутил эфемерность красоты и удовольствий и еще больше укрепился в своей решимости уйти (по введению к джатакам).

¹⁷ *Озеро Приснохладное* — Anavatapta. Согласно традиционной космографии буддизма, из этого озера берут начало Ганга и другие великие реки, текущие из него в четырех направлениях.

¹⁸ *Жерло Бездны* — Pātalamukhaṃ. *Бездна* — населенная нагами область ниже земли людей и выше адов.

¹⁹ *Пять утех* — утех пяти чувств. См., например, ниже, в вопросе 79.

²⁰ Уже цитировалось выше. Из сутры «Арийское искание» (М 26).

²¹ Перечисленные психологические понятия толкуются в текстах следующим образом. *Злоба* (возможно, злопамятство) (uparāṇo) — сделавшийся устойчивым гнев. *Пренебрежение к другим* (mraṇṣa) — сокрытие чужих достоинств и нежелание их признавать. *Ревнивое соперничество* (pradāsa) — стремление ни в чем не допустить превосходства других над собой. *Самоподача* (maṇā) — сокрытие своих недостатков. *Плутовство* (sāthya) — кривоудущие, связанное с желанием скрыть свои пороки. *Заносчивость* (sāgambha) — грубо-высокомерное обхождение. *Гордость* (maṇa) — соответствующее действительности понимание: «Я равен мне подобным и выше тех, кто мне уступает» — и связанная с этим радостная оглядка на себя. *Самомнение* (atimāna) — преувеличенное, не соответствующее действительности мнение о себе, сопровождаемое радостной оглядкой на себя. *Тщеславие* (mada) — привязанность к богатству, успеху и пр. и кичение ими. *Бесечность* (pramāda) — беззаботное пренебрежение необходимостью развивать в себе хорошее и устранять дурное. *Обольщение* (pandī) — радостное стремление к удовольствиям.

²² Упоминание о том, что отец бодхисаттвы сам пахал на поле, плохо согласуется с позднейшей легендой о царском происхождении бодхисаттвы и больше отвечает исторической реальности.

²³ Приведена стереотипная формула первой стадии созерцания, многократно встречающаяся в канонических текстах. Ответ Нагасены должен удовлетворить царя, поскольку именно стадии созерцания являются выражением «истинного сосредоточения», т. е. составной частью арийской стези. Таким образом, Нагасена утверждает, что арийская стезя, по меньшей мере отчасти, была известна бодхисаттве еще во младенчестве.

²⁴ См. кн. III, гл. 4, примеч. 21.

²⁵ Уже упоминались в вопросе 4.

²⁶ *Восемь каршапан* — ничтожная сумма.

²⁷ Это свидетельство крайней бедности. Обычно вчерашняя пища не использовалась.

²⁸ Собственно, это не имя, а данное по этому случаю прозвище: «[Обладатель] одной [лишь] одежды».

²⁹ Число «восемь» считалось счастливым. Восемь в квадрате — еще более счастливое число. Дар восьмью предметами особенно почитен. *Восьмикратно-восьмерной* дар — принесение в дар восьми слонов, восьми коней, восьми рабов и пр.

³⁰ Речь идет о битве основателя династии Маурьев Чандрагупты Маурья с полководцем предшествовавшей династии Нандов.

³¹ Текст подлинника краток и непонятен: ekasmiṃ kira sīsakalande pariṇṇe ekaṃ kavandhaṅgaṃ utthahati. Контектуры сделаны, следуя цейлонскому переводчику Хинатикумбуре. «Великое заклание голов» он объясняет как убийство десяти тысяч слонов, ста тысяч всадников, пяти тысяч колесничих воинов и миллиарда (!) пехотинцев (The Questions of King Milinda. Vol. 2, c. 147).

³² «Белые метелки» — kumudabhaṇḍikā, неотожествляемый знак.

³³ *Ее уже через месяц жнут и складывают в амбар* — māsalunā antogehagatā hoti. Слово māsalunā более нигде не встречается. Можно предположить

здесь ошибку и читать māsa'lūnā = māsa «месяц» + lūnā «сжатая», что и сделано в переводе.

³⁴ *Блевотоеды, голодо-жаждущие и неутолимо-жаждущие* (vantāsikā, khur-pīrāsino, nijjhamataphikā) — разновидности претов (терзаемых неутолимыми желаниями духов). У первых, когда они пытаются поесть, обычная пища превращается в блевотину. Другие обладают громадным телом и крошечной глоткой, через которую не может пройти еда.

³⁵ *Живущие чужим доброхотством* — parādatṭupajivino. Голод и жажду этих претов облегчают принесенные им жертвы, употребить же обычную пищу они не в состоянии.

³⁶ Убийца хочет ухудшить участь предков, передав им свой грех.

³⁷ Словом «раздавать» переведен палийский глагол āvajjati, для которого такое значение необычно и связано контекстом. Этот глагол, собственно, означает «направлять внимание на что-то, думать о чем-то», а в данной связи — «мысленно отказываться от плодов свершенного блага в пользу других». Представление о возможности поделиться заслугами могло бы привести в конечном счете к доктрине, напоминающей католическую, но этого не произошло.

³⁸ *Знамение* — pimittaṃ — букв. «примета». В значении «знамение» чаще используется сложное слово rubbanimittāṃ.

³⁹ Словом «сознание» переведен в этом вопросе термин cittaṃ, всюду переводимый как «мысль». Такой перевод сделал бы текст этого вопроса непонятным.

⁴⁰ Перечислены главные причины телесных болезней.

⁴¹ Названы известные еще из Канона «восемь мирских дхарм», которыми описывается обычная человеческая жизнь, помимо стремления к знанию и совершенству.

⁴² *Бессознательное* — bhavañgaṃ. Состояние психики, не взаимодействующей с внешними и внутренними импульсами. Термин принадлежит только южному буддизму.

⁴³ [Йогическое] *торможение* — nirodho, называемое иначе «торможение ощущения и распознавания», психофизиологический предел сосредоточения.

⁴⁴ *Уместная смерть* — sāmāyikaṃ maṃgaṃ, что также значит и «обусловленная». Для контекста равно важны оба оттенка. В отличие от нее «смерть в свой срок» (kāle maṃgaṃ) означает лишь смерть от старости.

⁴⁵ К числу *шести сверхзнаний* (сверхчеловеческих умений, но связанных с информацией, а потому знаний), обретаемых, как считалось, специальной йогической тренировкой, относились чтение чужих мыслей, хождение сквозь стены, знание чужого и своего прошлого и будущего, своих прошлых жизней и т. п. Таким образом, в перечень шести сверхзнаний включаются в основном именно чудеса, и ожидать посмертных чудес от мавзолея святого, обладавшего ими, очень естественно.

⁴⁶ Как видно, миряне-буддисты придерживались в своей массе примерно таких же воззрений на святость, что и средневековые западноевропейские христиане (см.: Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981, гл. 2): святой есть прежде всего чудотворец. Однако, поскольку понятие нирваны делает представление о посмертных чудесах слишком вздорным, то Нагасена вынужден лавировать: он изобретает оговорки и дистинкции, а в заключение еще и напоминает деликатно, что святость и чудотворство — вещи разные.

⁴⁷ Перечислены совершители «пяти тотчас воздаваемых деяний»; ср. кн. II, гл. I, примеч. 7.

⁴⁸ Имеется в виду не прошедший должным образом обрядов постижения и посвящения, но выдающий себя за монаха.

⁴⁹ Имеются в виду проступки раздела sañghādisesa, которые разбираются всюю местной общиной монахов и влекут за собой временное исключение из общины.

⁵⁰ *Гусеница* — salakakimi. Точное значение слова неизвестно.

⁵¹ Сутра «Магандия» (М 75). *Суццубийца* — в сутре bhūṇahū, этимологически «убийца плода во чреве матери», т. е. тот, кто вызывает выкидыш, но

в ВМ это редкое слово уже не понято и заменено на bhūtahasso=bhūta «сущее, существо»+hasso — «убийца». В сутре собеседник Будды Магандия имел в виду, что Будда в зародыше искореняет веру в самость, т. е. не порицал Будду и был прав.

⁵² «Безобразные» боги (agūrakāyikā devā) — не имеющие «груды образного» (gūrakkhandho) имматериальные существа, состоящие из одной мысли и подобные высшим ангельским чинам в небесной иерархии псевдо-Дионисия Ареопагита.

⁵³ Жажда избыть — vibhavataṇhā. Филологически предпочтителен перевод «жажда мочь», но комментаторы толкуют это выражение как «жажду быть в мире безобразного», а также и как «жажду обрести нирвану». Слово «избыть» объединяет в себе оттенки «мочь» и «перестать переживать», ср. «избыть горе»=«смочь перестать горевать».

⁵⁴ Эти трупы символизируют три основных аффекта: змеи — вражду, ненависть; петухи — страсть; люди — заблуждение (здесь вместо более обычных свиней).

⁵⁵ Шаки — иранские племена на северо-западных границах Индии. Греки — греческие колонисты, обосновавшиеся на территориях современных Средней Азии и Афганистана после завоеваний Александра Македонского. Вилата (Vilāta) неизвестна, Т. В. Рис-Дэвидс переводит «Tartary». Александрия может быть одной из тех, что были основаны Александром в прилегающих к Индии областях (современные города Газни, Кандахар, Ходжент и пр.). Возможно, однако, что это Александрия египетская, морские торговые связи с которой в ту пору существовали. Никумба неизвестна. Каши — область вокруг Бенареса. Кошала — область в среднем течении Ганга со столицей в Вайшали. Гандхара — междуречье Кабула и Инда.

Книга четвертая

¹ О шаках, греках, Китае, Вилате, Александрии, Каши, Кошале и Гандхаре см. кн. III, гл. 8, примеч. 55. Уджайн — крупный город древней Индии, на территории современного штата Мадхья-Прадеш. Саураштра — область, прилегающая к Камбейскому заливу. Бхригукачча — совр. Бхаруч (Бароч). Магада — сильное древнеиндийское государство, на южной части территории современного штата Бихар. Сакета — столица государства, в средней части гангской равнины. Патхья — западные области Индии. Котумбара неизвестна. Матхура — древний город, на территории штата Уттар-Прадеш, существующий поныне.

² Аллегорическое сопоставление частей города с частями Учения и дхармами пролагает дорогу позднейшим тантрическим мандалам. Для того чтобы оно стало мандалой, необходимо было бы развить сопоставление абхидхармистски детальнее, значительно шире использовать зрительную образность, а также дать метод созерцания.

³ Предметы (или опоры) для созерцания — āgamtaṇāni.

⁴ В тхеравадинской систематизации, согласно Висуддхиматте, насчитывается 40 предметов созерцания, предназначенных для «культуры психики» (cīta-bhāvanā), а также ряд предметов для «культуры мудрости» (paññābhāvanā). Большая часть приведенного здесь перечня находит среди них свои соответствия. Некоторые из этих «предметов» обязательны для проработки всем занимающимся буддийской йогой; таковы созерцания бренности, бессамостности, бесстрастия, оставления и пр. Другие предназначены лишь для определенных психических типов людей. Так, созерцание стадий трупного разложения предписывается страстным людям, влекущимся к чувственному и к красоте; освоение доброты, сострадания, сорадования (радости от чужого счастья и успехов) полезно злобным и эгоистичным людям. Памятование с дыханием предназначено для рассеянных и путающихся людей и т. п.

⁵ Перечислены пять из шести аффектов (кроме сомнения), согласно одной из существующих в абхидхарме классификаций. От сомнения, как правило,

освобождаются раньше, чем приступают к психическим упражнениям, а именно при обретении «первого плода» — *sotāpatti* («прорезывание слуха к дхарме»).

⁶ *Тройная грязь* — грязь трех главных аффектов: страсти, враждебности и заблуждения.

⁷ *Нравственность* — *śīlaṃ*. Такой перевод здесь не вполне адекватен и оставлен ради единообразия. Слово *śīlaṃ* означает «нрав, поведение, правила и нормы поведения, обычаи, нравственность». В данном контексте важнее всего оттенок «нормы поведения».

⁸ *Главные стороны* — направления вперед, назад, направо, налево, вверх, вниз, а при ориентации по странам света — восток, юг, запад, север, зенит и надир. *Промежуточные* — северо-восток, северо-запад и пр.

⁹ *Нравственный приход к прибежищу* — принятие буддизма. *Пятизвенная нравственность* — отказ от убийства, воровства, прелюбодеяния, лжи и пьянства. *Восьмизвенная нравственность* — соблюдение обрядов постного дня (*uposatho*). *Десятизвенная нравственность* — первые четыре составляющие пятизвенной нравственности, отказ от злословия, грубости, пустой болтовни, алчности, желания другим зла и ложных воззрений. Пять разделов *Пратимокши* трактуют проступки различной тяжести — от самых серьезных, влекущих исключение из общины, до незначительных, когда от нарушителя требуется попросту не поступать так впредь.

¹⁰ Дхп 54.

¹¹ Дхп 55.

¹² Дхп 56.

¹³ *Овладение* (*samāpatti*) подчеркивает мастерство в удержании состояния. *Пустота, бессвойственность и непрilagание* (*suññato, animitto, appanāhito*) соотносятся с тем, какому из трех качеств, общих всем слагаемым дхармам (т. е. их брэнности, бессамостности и тягости) уделяется преимущественное внимание во время йогической работы.

¹⁴ Перечислены аффекты согласно Дхаммасангани, 1548.

¹⁵ Из сутры «Памятование о теле» (М 119).

¹⁶ Первые четыре вида «нравственности» (точнее, норм поведения) представляют собой принятое в комментаторской литературе аналитическое членение нравственности в зависимости от объектов нравственного отношения, куда включаются, таким образом, отношения с другими людьми, со своими действиями, с впечатлениями и с вещами. Следующая далее тройка соотносится с большей или меньшей детализацией правил поведения. Последние два вида не являются, в сущности, видами нравственности. Они означают, что акты вступления на стезю и обретения ее плодов имеют также и нравственное значение.

¹⁷ Имеются в виду первая, вторая и третья с четвертой (они здесь не различены) стадии созерцания.

¹⁸ Термином [неблагие] *помыслы* (*vitakko*) обозначается вполне осознанное и часто оформленное внутренней речью проявление аффектов, которое поэтому легче всего устранимо. *Враждебные помыслы* суть ненависть и отвращение к другим, *вредительские* — прямое желание другим вреда. *Страстные помыслы* устраняются созерцанием стадий трупного разложения, враждебные — освоением доброты, вредительские — освоением сострадания. Благие помыслы составляют второе звено восьмизвенной арийской стези.

¹⁹ В кн. II, гл. 1, это было названо функцией памятования, а не мудрости.

²⁰ *Железное дерево* (*pāṇakesara*) — *Mesua roxburghii*; *пуннага* — *Rottleria tinctoria*, или *Calophyllum inophyllum*; *салала* не отождествляется; *чампака* — *Michelia champaka* (или *aurantiaca*, или *rheede*), дерево с желто-оранжевыми цветами; *ютика* — *Jasminum auriculatum*; *атимуктака* — *Gaertnera racemosa*; *патала* — *Bignonia suaveolens*, дерево со светло-красными цветами; *варши-ка* — *Jasminum sambac*; *маллика* — арабский жасмин; *акалу* — благовонное алоэ; *тагара* — *Tabernaemontana coronaria*; *талиша* — *Flacourta cataphracta*.

²¹ *Знание-понимание* — *rassavekkhanāṃ*. Следующее в тексте объяснение обычно в абхидхарме.

²² В разъяснении толкующего знания выражения дана матрица понятий, представляющая собою свернутую форму лингвистической теории.

²³ *Равностность* (urekkhā) — отношение, свободное от крайностей влечения и отвращения, но не выпадающее и в безразличную тупость.

²⁴ Перечислены монахи, следующие «чистым обетам» (dhutaṅga). *Лесовики* (āraṇṇikā) ночуют только в лесу, не в домах. *Комлеседы* (rukkaṃmūlikā) — только у комля дерева. *Бездомники* (abbhokāsikā) ночуют под открытым небом. *Погостники* (soṣāṇikā) постоянно пребывают на кладбищах и местах кремации, занимаясь созерцанием трупов. *Нележалыцы* (nesajjikā) спят сидя.

²⁵ *Ничтожность* — ākiñcappāṇi. В общем употреблении это «нищета», в специально йогическом — название третьей стадии безобразного сосредоточения.

²⁶ *Создание превращенных обликов* — оборотничество. *Умножение обликов* — создание множества призрачных существ, копирующих своего создателя или же отличающихся от него видом. Обе способности считаются проявлением сверхъестественных сил.

²⁷ Перечислены термины *Винаи*. *Обязательство загладить обиду* берется у монаха, оскорбившего мирянина.

²⁸ *Искусные в обрядах* — rūpadakkhā — букв. «искусники формы».

²⁹ *Свойства* — lakkaṇaṇi. Как характеристика дхарм это слово уже встречалось в кн. II. Если учесть, что «свойство» дхармы поясняется нередко словами, синонимичными обычному ее названию, то возможно, что слово «свойство» соотносится со смыслом толкуемого слова, а вся тройка «гласные, согласные и свойства» соотносима с парой «выражение и содержание».

Книга пятая

¹ Можно привести примеры, когда к постижению приходили десять [мирян], двадцать, сто и тысяча. Что именно нужно тебе, чтобы я рассказал — Tittṭhatu mahārāja dasannam viṣatiyā satassa saḥassassa abhisamayo. Katamena te pariyaṇeṇa apuyogaṃ dammi? Фраза довольно трудна для понимания. Предложенный вариант не буквальный, но возможен (tittṭhatu имеет всегда уступительное значение) и согласуется с контекстом.

² См. кн. III, гл. I, примеч. 27а.

³ *Адживака* — последователь древнего учения адживики, составлявшей несколько столетий определенную конкуренцию буддизму.

⁴ Перечислены названия входящих в различные части Канона сутр и упомянуты по большей части поздние легенды, касающиеся обстоятельств их произнесения. Легенды приводятся более подробно в комментариях на четыре *Никаи*, на *Суттантипату* и *джатаки*.

⁵ *Три области* — Восточная Индия, верхняя часть гангской равнины и Декан. *Шестнадцать стран* — Анга (на территории нынешней Бенгалии), Магадха, Каши (Бенарес), Кошала, Вриджи (область в средней части гангской равнины, населенная племенем вриджей), Малла, Чеди (в Бунделькханде), Ватса (на гангской равнине со столицей в Каушамби), Куру и Панчала (соседствующие одна с другой области в районе нынешнего Дели), Матсья, Шурасена, Ашмака (на берегах Годавари), Аванти (со столицей в Уджайни), Гандхара и Камбоджа (обе на северо-западных границах Индии).

⁶ *Восемь мирских ветров*, чаще *восемь мирских дхарм* — прибыль и убыток, честь и бесчестье, хула и похвала, счастье и горе.

⁷ *Ванга* — Бенгалия. *Таккола* неизвестна. *Саувира* — страна в низовьях Инда. *Царство Чолов* — Коромандельское побережье. *Золотая Земля* (Suvarṇabhūmi) — побережье Бирмы.

⁸ Согласно данному колофону, выходит, что кн. V — это последняя глава кн. III, хотя между ними и вклинивается кн. IV («Вопрос о выводе»). Ср. оглавление в начале «Внешнего повествования».

Книга шестая

¹ Дошедший до нас текст шестой книги доведен до сравнения со стрелком.

² *Нишад* (nisādo) — дикий лесной охотник, неиндоарий.

³ *Столб Индры* (пали indakhilo. санскр. indrakīla) — невысокий, глубоко врытый в землю столб, к которому крепятся запираемые створки ворот. В сравнениях часто образец прочности, неподвижности.

Глава первая

⁴ Цитата неизвестна. В подлиннике каламбур: upadhāṇaṃ «подушка» и padhāṇaṃ — «старание, усилие».

⁵ ТГ 985.

⁶ О повседневных утренних обязанностях монахов см.: *Семека Е. С.* История буддизма на Цейлоне. М., 1969, с. 163—166.

⁷ *Взбодрить тело* — saṅgaṃ paṭijaggitvā. Возможно, что речь идет о своего рода физической зарядке.

⁸ *Пустая горница* — suñṇāgāro, помещение для йогических упражнений, где нет предметов, рассеивающих внимание.

⁹ Клише, не раз встречающееся в канонической литературе.

¹⁰ Строфа неизвестна. Содержащиеся в ней сравнения расшифровываются в *Самьюттаннике*:

1) С XII.63. [Просветленный обращается к монахам]: «Как же, монахи, следует смотреть на телесное пропитание? Представьте, монахи, что пара супругов пересекает пустыню, имея с собою небольшой запас еды, и с ними единственный их сыночек, любимый и милый. И вот, монахи, по пути через пустыню тот небольшой запас еды, что был у этой пары супругов, истощился и пришел к концу. И осталась у них еще часть пути через пустыню непреодоленной. И вот, монахи, этой паре супругов пришло на ум: „Тот небольшой запас еды, что был у нас, истощился и пришел к концу. И остается у нас еще часть пути через пустыню непреодоленной. Что, если мы единственного нашего сыночка, любимого и милого, зарежем, приготовим сушеного мяса и настойку [из крови] и будем питаться мясом нашего сына и так преодолеем остаток пути через пустыню? Не все хоть трое пропадем“. И вот, монахи, эта пара супругов своего единственного сыночка, любимого и милого, зарезала, приготовила сушеного мяса и настойку [из крови] и, питаясь мясом своего сына, преодолела остаток пути через пустыню. Ели они мясо своего сына и в грудь себя били: „Где ты, сыночек, где ты, сыночек наш единственный!“ Как вы полагаете, монахи, для забавы ли они эту пищу ели? Для потехи ли они эту пищу ели? Для красоты ли они эту пищу ели? Для привлекательности ли они эту пищу ели? — «Нет, почтенный». — «Должно быть, монахи, они ели такую пищу для того только, чтобы выбраться из пустыни?» — «Да, почтенный». — «Вот так же и [вам], монахи, следует смотреть на телесное пропитание».

2) С XXXV.198. 6—7. «Как же, о монахи, становится монах знающим в еде меру? Скажем, монахи, некто умащает мазью рану, чтобы срослись [мышцы] и чтобы она зарубцевалась. Или, скажем, монахи, некто смазывает тележную ось для того, чтобы вывезти груз. Вот так же, о монахи, и монах вдумчиво, осознанно принимает пищу».

¹¹ ТГ 501.

¹² С XLVII.6.

¹³ Здесь и далее, где не дана отсылка, источник цитаты неизвестен.

¹⁴ Сн I.2.21.

¹⁵ Клише, не раз встречающееся в канонической литературе.

¹⁶ Список заимствован из *Винаи*.

¹⁷ В канонических текстах эти строфы не встречаются. По объяснению цейлонского переводчика Хинатикумбуре, они были произнесены при следующих обстоятельствах: Шарипутра болел; Маудгальяна спросил его, что ему нужно для лечения, и получил ответ. Добыв нужное с божественной помощью, он принес кушанье Шарипутре, но тот отказался его принять (The Questions of King Milinda. Vol. 2, с. 288).

¹⁸ ТГ 577.

¹⁹ С I.2.8.

²⁰ «Джатака о мудром Видхуре» (№ 545).

²¹ *Памятка* (uddāpaṇ) — краткое оглавление, составлявшееся часто в метрической форме и служившее мнемоническим целям.

Глава вторая

¹ Д II.42.

² Стремление «перевезти» всех, не только одного себя, иметь которое при-
зывают здесь йога, следует считать махаянским мотивом.

³ См. приложение 2.

⁴ С XVI.7.

⁵ Д XVI.2.12.

⁶ Дхп 327.

⁷ С XVI.7.

⁸ «Большая джатака о Сутасоме» (№ 537; см.: Повести).

Глава третья

¹ «Джатака о Кришне» (№ 440).

² Слегка измененная цитата из М 62, где вместо «неблагих дхарм» гово-
рится о «приятных и неприятных касаниях» (maṇāpāmaṇā phassā).

³ СН I.12.1.

⁴ Дхп 31.

⁵ Дхп 404 и СН III.9.35.

^{5a} Тхера-ападана, 21.5—7.

⁶ Дхп 28.

⁷ М 62.

⁸ С XVI.3.2.

⁹ См. кн. I, примеч. 107.

¹⁰ *Вангиша* (пали Vangīso) — монах, известный своим поэтическим даром.
В ТГ приводится около ста приписываемых ему строф.

¹¹ Среди приписываемых Вангише в Каноне строф этой строфы нет, но
его авторство вполне возможно, поскольку поэтические достоинства этих строк
заметно выше среднего уровня.

¹² *Четыре вызывающих расположение достоинства* — щедрость, приветли-
вость, служение [общей] пользе и беспристрастие.

¹³ Дхп 350. *Созерцание омерзительности* — созерцание с опорой на стадии
трупного разложения, см. выше, в кн. IV, в ответе на вопрос о цветочном ряде.

¹⁴ А X.48.

¹⁵ Точно в таком виде не найдено. Ср. кн. II, гл. 1.

Глава четвертая

¹ Цитата неизвестна. *Макушка бытия* (bhavagga) — см. кн. III, гл. 1,
примеч. 85.

² Цитата неизвестна. Последние две строки часто встречаются и в дру-
гих текстах.

³ ТГ 1054—1056.

⁴ ТГ 580.

⁵ М 12. Цитата совершенно неуместна, поскольку в цитируемом пассаже
говорится об аскетизме, которому бодхисаттва предавался до достижения
просветления (о «претрудном труде»), и подражать этому отнюдь не следует.

⁶ Слегка измененная строфа из ТГ 987.

⁷ С III.1.5—6. Первые четыре строки также в Дхп 361.

Глава пятая

¹ С XVI.1.3.

² *Тина и ряска* — sevāla—rapaka, водяные растения. Перевод условный.

³ Из «Джатаки о казарке» (№ 451).

⁴ *Пенахика* (repāhikā) — птица не отождествляется.

⁵ С VI.2.3.4.

⁶ «Малая джатака о Нараде» (№ 477).

⁷ Многократно встречающееся в канонической литературе клише.

⁸ Д XXX.

⁹ Из «Джатаки о царе Бхаллатии и киннарах» (№ 504; см.: Повести).

¹⁰ ТГ 982—983.

Глава шестая

¹ Д XVI.5.24.

² Дхп 32.

³ С XIV.16.18.

⁴ Один из сокращенных вариантов формулы освоения доброты. *Заботяся о себе* — естественно, что их забота о себе не должна доставлять другим несчастья.

⁵ Сн II.6.10.

⁶ Цитата неизвестна. Как видно, составленные в метрической форме изречения о том, что существует бессмертная душа. О *гибели* — учение о том, что со смертью человек без остатка погибает. Споры о тождестве или различии души и тела входят в число «вопросов, оставляемых без ответа», см. кн. III, вопрос 12. *Против судьбы не пойдешь* — *akataṃ abhabbaṃ* — букв. «нет везения — не получается». О том, что не человек совершает деяния (*ariṣakāraṃ*) — вероятно, воззрения, подобные взглядам некоторых из «шести проповедников» в сутре «Плоды шраманства». Ср. кн. II, гл. I, примеч. 8.

Проблемы смерти и следующего рождения, последствий деяния и становления слагаемых были рассмотрены в кн. II.

⁸ Понятие пустоты имеет важнейшее значение в махаянской философии, в тхераваде же важна прежде всего «пустота индивидуума», т. е. сводимость его к дхармам.

⁹ Данная в тексте ссылка неверна, в *Суттанипате* цитируемых строф нет.

Глава седьмая

¹ Сн III.11.43.

² *Железо* — *kālāyaso*. Приводимые дальше сравнения настолько странны, что можно было бы предположить у слова *kālāyaso* иное значение или допустить, что текст испорчен.

³ Переведено условно, текст частично испорчен: *suthito va vahati*.

⁴ То есть окисляется, ржавеет (?).

⁵ Сокращенные формулы памятований о Просветленном, Учении и Общине. Полный их текст см. в приложении 11.

⁶ Последняя строка испорчена. В подлиннике: *sabbato ca mukhabhāvāpam-eva so*.

⁷ В подлиннике натянутый каламбур, игра значениями слова *mātikā* — «канавка» и «перечень».

⁸ *Коленями не двигает, колчан ставит на бедро, чтобы он не мешал* — *jaṇṇi avakallaṃ karoti, sarakalāraṃ kaṭisandhimhi ṭhapeti*. Перевод предположительный. Первое выражение необычно и не встречается более ни в каких текстах; точное значение его непонятно.

⁹ Некоторые из перечисленных в данном перечне «упражнений» известны, но в целом такое отношение к телу в общепринятом контексте чересчур прямолинейно и воспринимается как крайность.

¹⁰ Колофон ошибочен: вопрос о стрелке в данной главе идет седьмым.

Заключение

¹¹ Если судить по приведенному в начале книги перечню, то 38.

¹² Абзац, очевидно, добавлен редактором или переписчиком.

ПРИЛОЖЕНИЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ КНИГИ I С УЧЕТОМ ЕЕ КИТАЙСКОГО ВАРИАНТА

Поклон

Блаженному Святому Истинновсепросветленному!

Есть в стране греческой, богатой поселениями, город названием Сагала; красят его горы и реки, расположен он в отрадной местности, обилён садами, рощами и парками, прудами и озерами; чарует лесами, горами и реками; искусно воздвигнут; не страшны ему недруги и неприятели, не грозит ему осада; его стены и сторожевые башни построены затейливо и прочно; ворота с надвратными башнями — прекраснейшие из прекрасных; белокаменной стеною обнесён и в нём глубоким обведён царский дворец; дороги, улицы, развилки, перепутья правильно проложены; полны торговые ряды прекрасными и разными товарами, разложенными на продажу; под сотнями навесов нуждающимся раздают дары; сто тысяч прекрасных зданий, сверкающих, как Гималайских гор вершины, украшают город; слонами и конями, пешеходами и колесницами запружены улицы; многолюден город, полон красивых мужчин и женщин, роится толпами народа, населён множеством кшатриев, брахманов, вайшьев и шудр; разных толков шраманы и брахманы здесь собираются; во всяческих науках сведущие, живут здесь многоученные мужи; здесь торгуют различными тканями — бенаресскими, котумбарскими и прочими; здесь воздух напоен благоуханием множества пышных цветов и благовонных товаров, разложенных на продажу; здесь самоцветов драгоценных изобилие; в торговых рядах, расположенных по странам света, купцы — торговцы драгоценностями раскладывают свой товар; серебром и золотом, каршами и каршапанами улицы мостить можно; озарены кладовые сверканием сокровищ; богатства в избытке копятся, закрома и амбары полнятся, еды и питья изобилие; всяческих кушаний — твердых, мягких и жидких, напитков и смешанных — здесь можно отведать; видом город подо-

бен Стране северных куру, хлебом обилен, как Алака, божественный град. Правил в этом городе царь по имени Милинда, образованный, ученый, умный, одаренный. Он тщательно и в должное время исполнял все обряды, действия и ритуалы, относящиеся к прошлому, будущему и настоящему. Ему были ведомы многие науки; в диспутах несравненный и не превзойденный, он выделялся среди многих учителей разных толков. И на всем материке Джамбу некому было в силе, ловкости, мужестве, мудрости сравниться с царем Милиндой.

[Но в те самые времена жил на материке Джамбу] достопочтенный Нагасена — глава общины, учитель школы, руководитель школы, известный, прославленный, высоко чтимый многими людьми, ученый, мудрый, искусный, знающий, могучий, смиренный, опытный, образованный, помнящий все Три Корзины, сведущий, разумом гибкий и мощный, наследник наследия, обладатель толкующих знаний, хранящий в памяти девять частей наставления Учителя, достигший совершенства, по глаголу Победителя смысл Учения во благе проникновенно излагающий, толковник неизменно блистающий, рассказчик красноречивый, благие речи произносящий, несравненный, неотразимый, непревосходимый, неодолимый, неудержимый, неколебимый, как океан, несокрушимый, как царь гор, гонитель мрака светлосиянный, велеречивый, множества иных школ сокрушитель, учений соперников истребитель; среди монахов, монахинь, мирян, мирянок, царей, вельмож уважаемый, почитаемый, чтимый, признанный, ценимый; одежду, пропитание, приют, лекарства на случай болезни всегда получающий; мудрым, знающим, к нему с вниманием прибегающим, Ученье Победителя — девяностое сокровище —веряющий; указующий путь дхармы, держащий светоч дхармы, устанавливающий жертвенный столб дхармы, приносящий жертву дхармы, развертывающий знамя дхармы, вздымающий стяг дхармы, трубящий в боевую раковину дхармы, бьющий в литавры дхармы, издающий боевой клич дхармы, грохочущий громами Индры и из сладостно рокочущей громами, озаренной сетью молний познания, отягощенной влагою сострадания огромной дождевой тучи проливающий нектар дхармы на весь жаждущий мир. Странствовал он по деревням, торжкам, столицам [и тоже] пришел в город Сагалу. Сказано об этом:

«Три Корзины знали монахи, иные — пять Сводов сутр, Иные — четыре Свода, но первым был Нагасена. Ученый, красноречивый, опытный и искусный, Умный, глубокоумудрый, познавший, что есть стезя, Достигший последней цели, Нагасена искусный В окружении многих монахов знающих и правдивых Шел городами и весями и в город Сагалу прибыл.

Там он остановился в странноприимной обители
И с народом беседовал, подобный гривастому льву».

[Так встретились в городе Сагале два этих великих мужа.]
Об этом сказано:

«В славном городе Сагале царь, Милинда по имени,
С Нагасеною мудрым встретился — так Ганга с
морем встречается.

Пришел царь к красноречивому тьмы гонителю,
знания светочу,

И много о разных предметах он задал искусных
вопросов.

Отвечал ему Нагасена в беседе глубокомысленной,
Сладкозвучной, в сердца западающей, вызывающей
трепет восторга.

В абхидхарму и устав углубляясь, нити сутр в сеть
речей вплетая,

Уснащал он свои ответы пояснениями и примерами.

Размышляя об этом усердно, возвеселитесь же
помыслами.

Вопросам искусным внимлите — и сомнениям мста
не будет».

[Но вначале следует рассказать о том, что было раньше. Нагасена был родом брахман из одной деревни] у подножия Гималаев. Когда он подросток и исполнилось ему семь лет, отец спросил его: «Сынок мой Нагасена! Не пора ли тебе учиться, как это принято в нашем брахманском роду?» — «А какое, батюшка, в нашем брахманском роду учение?» — «Учение, сынок мой Нагасена, это три веды, а остальные умения — это умения, и только». — «Да, я выучусь, батюшка». И отец Нагасены заплатил брахману-учителю тысячу за обучение, отвел ему во внутренних помещениях дома отдельную комнату с ложем и сказал: «Обучи моего мальчика, брахман. Он должен выучить мантры наизусть». — «Ну, мальчик, запоминай мантры, мой дорогой». И брахман-учитель начал урок. И с первого же слушания трех вед юный Нагасена все их воспринял, понял слова, твердо запомнил, прочно усвоил и надежно запечатлел в памяти; у него разом открылось видение всех трех вед вместе со знанием словарей и ритуала, древних сказаний и с членением на слоги; он выучился грамматике, выучился выделять слова из предложения, узнал признаки великого человека и усвоил искусство спора. И вот юный Нагасена спросил отца: «Батюшка! Учатся ли в нашем брахманском роду еще чему-нибудь кроме этого, или это всё?» — «Нет, сынок, ничему, кроме этого, в нашем брахманском роду не учатся. Это всё». И юный Нагасена отчитался перед учителем и вышел из дому. Он уединился и

сосредоточенно задумался, и, обзревая начало, середину и конец своего умения, он не нашел в нем даже малой сути — ни в начале, ни в середине, ни в конце. «Увы, пусты эти веды, увы, одна болтовня эти веды, нет в них сути, далеко им до сути!» — подумал он с раскаянием и недовольством.

А в то время в Заповедном Логу Гималайских гор обитали [пятьсот] святых [— достопочтенный Ашвагупта, достопочтенный Рохана и другие. И вот достопочтенный Рохана, пребывая в созерцании, увидел, что Нагасена готов к восприятию Учения]. Он надел верхнюю одежду, взял в руки миску для сбора подаяния и, исчезнув в Заповедном Логу, мгновенно перенесся в деревню, где жил Нагасена. И издали уже завидел приближавшегося достопочтенного Рохану юный Нагасена, стоя в сторожке у ворот дома. Увидев его, довольный, оживленный, обрадованный, в приятном, приподнятом настроении, он подумал: «Может статься, что этот-то монах и знает суть?» Подойдя к достопочтенному Рохане, он спросил его: «У тебя побрита голова, и ты одет в желтое, кто ты, господин?» — «Я монах, мальчик». — «А отчего ты монах, господин?» — «Монахом я стал, мальчик, чтобы смахнуть с себя грехи и грязь, потому меня и зовут монахом». — «А почему, господин, волосы у тебя не так подстрижены, как у других?» — «Я понял, мальчик, что от волос лишь помеха, состриг волосы, усы и бороду и ушел в монахи. Когда людям срезают волосы, они печалются, сетуют, причитают, бьют себя в грудь, впадают в помрачение. Запутавшись в волосах-помехах, люди губят в себе понимание весьма тонких умений». — «А почему, господин, у тебя и одежда не такая, как у других?» — «Одежды, мальчик, связаны с желаниями, прельстительны, это принадлежность мирской жизни, а надевшему желтое никакая опасность из-за одежды не грозит. Поэтому одежда у меня не такая, как у других». — «А знаешь ли ты умения, господин?» — «Да, мальчик, знаю». — «И меня им научить можно?» — «Да, мальчик, можно». — «Так научи». — «Не сейчас, мальчик. Мы ведь пришли в дом за подаянием». И вот юный Нагасена принял из рук достопочтенного Роханы миску, проводил его в дом, сам обслужил его — положил ему вдоволь отменной еды, твердой и мягкой, и, когда достопочтенный Рохана поел и вымыл миску и руки, сказал ему: «Теперь обучи меня, господин». — «Избавься от помех, мальчик, отпросись у отца с матерью, надень монашеское платье, как у меня, тогда я обучу тебя». [И, видя искреннее желание юного Нагасены стать монахом,] отец и мать отпустили его. И вот юный Нагасена вышел из дому с достопочтенным Роханой и пришел с ним в Заповедный лог. Там достопочтенный Рохана совершил в присутствии пятисот святых пострижение юного Нагасены. «Что же мне для начала преподать Нагасене — сутры или абхидхарму? — подумал достопочтенный Рохана. — Ну, да Нагасена

умен, он без труда воспримет абхидхарму». Преподал он ему абхидхарму. И достопочтенный Нагасена с первого же слушания запомнил наизусть всю Корзину Абхидхармы, все семь трактатов, и сказал учителю: «Подождите, почтенный. Не нужно излагать еще раз. Я и так запомню». А когда собрались все пятьсот святых, достопочтенный Нагасена сказал им: «Почтенные! Я берусь полностью, без сокращения, изложить всю Корзину Абхидхармы, упорядочив ее по благим дхармам, неблагим дхармам и безразличным дхармам». — «Пожалуйста, Нагасена, излагай». И достопочтенный Нагасена за семь месяцев полностью изложил семь трактатов. Гул раздался в земле, «Хорошо!» — воскликнули боги, в мирах Брахмы загрохотало, а с небес дождем посыпались цветы кораллового дерева и порошок сандала. А когда достопочтенному Нагасене исполнилось двадцать лет, пятьсот святых совершили в Заповедном Логу обряд его посвящения.

А к тому времени одна видная мирянка уже полных тридцать лет помогала достопочтенному Рохане. И вот однажды эта мирянка пришла к достопочтенному Рохане в Заповедный Лог. Придя, она сказала достопочтенному Рохане: «Почтенный, есть ли при вас еще монах?» — «Да, госпожа, при мне есть монах по имени Нагасена». — «Тогда, почтенный Рохана, примите вместе с Нагасеной на завтра мое приглашение на трапезу». Достопочтенный Рохана молча дал понять, что согласен. И вот наутро, когда прошла ночь, достопочтенный Рохана встал, оделся, взял в руки миску, надел верхнюю одежду и с достопочтенным Нагасеной, который был ему провожатым шраманом, пришел в жилище мирянки и, придя, сел на предложенное сиденье. А мирянка сама прислуживала достопочтенному Рохане и достопочтенному Нагасене — положила им вдоволь отменной еды, твердой и мягкой. И вот достопочтенный Рохана поел, вымыл миску и руки и сказал достопочтенному Нагасене: «Порадуй, Нагасена, госпожу проповедью». С этими словами он встал с сиденья и ушел. И вот мирянка сказала достопочтенному Нагасене: «Я уже стара, почтенный Нагасена. Порадуй меня в проповеди глубоким изложением Учения». И достопочтенный Нагасена произнес для нее глубокую проповедь об абхидхарме, надмирную, толкующую о пустоте. И не успела мирянка подняться со своего сиденья, как открылось ей незапыленное, незамутненное видение дхармы: «Все, что слагается, пресечется». И сам достопочтенный Нагасена, порадовав мирянку проповедью, вдумался в дхарму, которую излагал; и пришло к нему прозрение; и не успел он подняться со своего сиденья, как получил плод обретения слуха.

А достопочтенный Рохана сидел в беседке. Он понял, что оба они обрели видение дхармы, и вслух похвалил Нагасену: «Отлично, Нагасена, отлично! Раз метнул копьё — и два зверя

с ног долой!» И многие тысячи богов вслух похвалили его. И вот достопочтенный Нагасена встал с сиденья и пришел к достопочтенному Рохане. Придя, он приветствовал достопочтенного Рохану и сел подле. И достопочтенный Рохана сказал достопочтенному Нагасене, севшему подле него: «Теперь, Нагасена, ступай к достопочтенному Ашвагупте. У него ты изучишь прочие Речения Просветленного». — «Да, почтенный». И достопочтенный Нагасена попрощался с достопочтенным Роханой, обошел его посолонь и удалился. И вот достопочтенный Нагасена пришел к достопочтенному Ашвагупте. Придя, он приветствовал достопочтенного Ашвагупту и рассказал о причине своего прихода. И за три месяца он выучил от достопочтенного Ашвагупты Три Корзины Речений Просветленного — сначала слова, а еще через три месяца усвоил и их смысл. Но вот однажды, когда собрались все пятьсот святых, достопочтенный Ашвагупта обозрел общину и сказал достопочтенному Нагасене: «Ты, Нагасена, словно пастух: коров он стережет, а молоко другие пьют. Вот и ты: Три Корзины Речений Просветленного запомнил, а все же не шраман. Вся эта община — словно горсть перебранных белых зерен риса. Один ты здесь черное зерно, не достиг еще святости». — «Довольно, почтенный, больше этому не бывать». И достопочтенный Нагасена встал, попрощался со святыми и удалился. «Мне нельзя находиться в этой общине, — подумал он. — Я подобен в ней шакалу среди львов. Я не сяду рядом с ними, пока сам не достигну святости». И достопочтенный Нагасена удалился в лес, под дерево, и день и ночь предавался созерцанию и вскоре достиг святости с толкующими знаниями. И когда достопочтенный Нагасена проник в истину, все боги воскликнули: «Хорошо!», гул раздался в земле, в мирах Брахмы загрохотало, а с небес дождем посыпались цветы кораллового дерева и порошок сандала. И тогда пятьсот святых, собравшись в Заповедном Логу Гималайских гор, послали к достопочтенному Нагасене вестника: «Пусть возвращается Нагасена. Мы хотим видеть Нагасену». И вот, услышав слова вестника, достопочтенный Нагасена исчез в том лесу, где был, и мгновенно перенесся в Заповедный Лог. [Там он поклонился земно своим учителям, поблагодарил их и отправился в странствие по деревням, торжкам и городам, проповедуя Учение и собирая вокруг себя учеников и слушателей. Так он однажды] пришел в город Сагалу и остановился там в странноприимной обители.

А царь Милинда выехал как-то раз из города, желая дать смотр своей несметной и безмерно могучей рати, состоявшей из войск четырех родов, и, когда построившиеся за городом силы были по его приказу сочтены, этот царь, любитель заводить споры и охотник вступать в диспуты с рассуждателями, возражателями и им подобными людьми, взглянул на солнце и

обратился к советникам: «До конца дня еще далеко. К чему возвращаться теперь же в город? Нет ли где ученого главы общины, учителя школы, руководителя школы — шрамана, брахмана или из тех, кто признает Святого Истинновсепросветленного, кто смог бы со мной побеседовать, сомнение мое развеять?» В ответ на это пятьсот греков сказали царю Милинде: «Есть тхера по имени Аюпала, государь. Он образован, наследник наследия, помнит наизусть Три Корзины. Поезжай, государь, и задай вопрос достойному Аюпале». — «Ну что же, известите-ка тогда почтенного!» И вот Девамантия послал к достойному Аюпале вестника: «Почтенный! Царь Милинда желает видеть достойного Аюпалу». — «Так пусть приходит», — отвечал достойный Аюпала. И вот царь Милинда взшел в окружении пятисот греков на прекрасную колесницу и приехал к достойному Аюпале. Приехав, он обменялся с достойным Аюпалой учтивыми, дружескими словами приветствия и сел подле. И, сидя подле достойного Аюпалы, царь Милинда спросил его: «Какова цель вашего пострига, почтенный Аюпала, и какова ваша высшая цель?» — «Цель нашего пострига, государь, в том, чтобы жить по дхарме, жить гладко, государь», — ответил тхера. «А есть ли миряне, почтенный, что тоже живут по дхарме, живут гладко?» — «Да, государь, есть и миряне, что тоже живут по дхарме, живут гладко. Когда Блаженный в Бенаресе, в заказнике „Заход [созвездия] провидцев“, запустил колесо проповеди, то к ста восьмидесяти миллионам из сонма Брахмы пришло постижение Учения; духам же, к которым пришло постижение Учения, счету не было. И еще, государь, во время проповеди Блаженного в большом собрании, во время проповеди сутры „Высшее благо“, во время проповеди-увещания к Рахуле, во время проповеди сутры о „способе [сделать] мысль гладкой“, во время проповеди сутры „Презрение“ к несметному числу божеств пришло постижение Учения, и все они в миру, не отшельники». — «Раз так, почтенный Аюпала, то бессмыслен выходит ваш постриг; лишь из-за прежде свершенных греховных деяний шраманы, сыны шакьев, себя постригают и чистые обеты соблюдают. Те монахи, почтенный Аюпала, что ныне одноеды, — те были прежде ворами, у других добро отнимали. Раз отнимали они добро у других, то из-за такого деяния и стали теперь одноедами; время от времени, походя, им есть не дано. Нет у них тапаса, нет добродетели, нет воздержания. Те монахи, почтенный Аюпала, что ныне бездомники, — те были прежде ворами, разоряли чужие деревни. Раз рушили они дома других, то из-за такого деяния и стали теперь бездомниками; приютом воспользоваться им не дано. Нет у них тапаса, нет добродетели, нет воздержания. Те монахи, почтенный Аюпала, что ныне нележалыцы, — те были прежде ворами, грабили на дорогах. Они путников хва-

тали, вязали, сидеть оставляли; из-за такого вот деяния они стали теперь нележалцами, и им себе постель постелить не дано. Нет у них тапаса, нет добродетели, нет воздержания». В ответ на это достопочтенный Аюпала смолчал, не нашелся что возразить. И пятьсот греков сказали царю Милинде: «Государь! Умен тхера, а все же не уверен и ответить ничего не может». А царь Милинда увидел, что достопочтенный Аюпала молчит. Он хлопнул в ладоши и воскликнул, обращаясь к грекам: «Увы, пусто на материке Джамбу, увy, болтовня одна на материке Джамбу, нет здесь ни шрамана, ни брахмана, кто смог бы со мной побеседовать, сомнение мое развеять». Так было уже двенадцать лет: узнав, что где-то живет ученый шраман, брахман или мирянин, царь отправлялся к нему и задавал ему вопрос, но никто не смог угодить царю и ответить на его вопросы. Люди уходили куда глаза глядят, а те, кто не уходил на чужбину, сидели все и молчали. Но на этот раз царь обзрел собрание, увидел, что монахи бесстрашны и невозмутимы, и подумал: «Есть, несомненно, еще какой-то мудрый монах, кто сможет со мной побеседовать, иначе монахи не были бы так невозмутимы». И царь Милинда спросил греков: «Послушайте, нет ли еще какого мудрого монаха, кто смог бы со мной побеседовать, мое сомнение развеять?» И вот Девамантия сказал царю: «Подожди, государь, подожди, государь! Есть еще, государь, тхера по имени Нагасена: ученый, мудрый, смиренный, опытный, весьма сведущий, рассказчик красноречивый, благие речи произносящий, достигший совершенства в толкующих знаниях предмета, дхармы, выражения и отражения. Он теперь остановился в странноприимной обители. Поезжай, государь, и задай вопрос достопочтенному Нагасене. Он сможет с тобой побеседовать, сомнение твое развеять». И тут на царя Милинду, когда он внезапно услышал имя «Нагасена», страх нашел, столбняк нашел, мороз по коже прошел. И царь Милинда переспросил Девамантию: «Правда сможет монах Нагасена со мной побеседовать?» — «Он сможет побеседовать даже с четырьмя богами — хранителями стран света, с Шакрой, главой богов, и с самим пращуром — Великим Брахмой. Что уж говорить о людях?» И царь сказал Девамантии: «Раз так, Девамантия, пошли к почтенному вестника». — «Да, государь». И Девамантия послал вестника к достопочтенному Нагасене: «Почтенный! Царь Милинда желает видеть достопочтенного Нагасену». — «Так пусть приходит», — отвечал достопочтенный Нагасена. И царь Милинда вошел в окружении пятисот греков на прекрасную колесницу и вместе с большой военной силой прибыл в странноприимную обитель к достопочтенному Нагасене. А в то время достопочтенный Нагасена, окруженный восьмьюдесятью монахами, сидел в беседке. И издали уже завидел собрание достопочтенного Нагасены царь Милинда. Завидев его, он спро-

сил у Девамантии: «Чье это собрание, Девамантия?» — «Это собрание достопочтенного Нагасены, государь». И тут, когда царь увидел издалека собрание достопочтенного Нагасены, на него страх нашел, столбняк нашел, мороз по коже прошел. И царь Милинда, как слон, преследуемый носорогом, как змей, преследуемый Гарудой, как шакал, преследуемый удавом, как медведь, преследуемый буйволом, как лягушка, загнанная змеей, как лань, загнанная барсом, как змея при встрече со змееловом, как крыса при встрече с кошкой, как бес при встрече с заклинателем духов, как месяц в пасти демона Раху, как змея, попавшая в корзинку, как сокол, попавший в клетку, как рыба, попавшая в сеть, как человек, забредший в полный хищников лес, как якша, провинившийся перед Вайшраваной, как небожитель, когда пришла пора ему покинуть небеса, — уstraшенный, подавленный, ужаснувшийся, потрясенный, с волосами, вставшими дыбом, растерянный, потерянный, омраченный рассудком, помутненный духом, собрался все же с мужеством, решив: «Нет, на людях я не поддамся слабости», и сказал Девамантии: «Не нужно мне указывать на достопочтенного Нагасену, Девамантия. Я сам узнаю, кто он здесь». — «Хорошо, государь, узнавай сам». А в это время достопочтенный Нагасена сидел посреди собрания. Перед ним сидело сорок монахов старше его, а позади — сорок монахов младше его. И царь Милинда обозрел всю общину монахов — сидевших спереди, и сзади, и в середине — и издалека уже завидел достопочтенного Нагасену, сидевшего посреди общины, бесстрашного, бестрепетного, безбоязненного, подобного льву гривастому, и, увидев, тотчас узнал его по облику: «Вон Нагасена». И царь Милинда сказал Девамантии: «Девамантия! Вон там Нагасена?» — «Да, государь, это и есть Нагасена. Верно ты узнал Нагасену, государь». И вновь на царя страх нашел, столбняк нашел, мороз по коже прошел. Об этом сказано:

«Учитивого в обхождении, смирением высшим смиренного
Увидел царь Нагасену и слово такое вымолвил:

„Немало знал я спорщиков, во многих участвовал
диспутах,

Но страха такого не было. Что ж я сегодня трясусь?
Наверное, поражение сегодня меня постигнет,
А победит Нагасена — слишком нестойк мой дух“».

СУТРА ЗАПУСКА КОЛЕСА ПРОПОВЕДИ (С LVI.2.1)

Так я слышал.

Однажды Блаженный находился в Бенаресе, в заказнике «Заход [созвездия] провидцев»¹. И там Блаженный обратился к пятерым монахам²:

«Есть, о монахи, две крайности,
которым пусть не следует подвижник.
Какие две?

Одна — это склонность ко всяким похотям,
как гумно пошлая,
низкая, мужицкая, простонародная,
неарийская, бессмысленная.

Другая — это склонность себя изнурять,
тяжкая, неарийская, бессмысленная.

Но ни к той, ни к другой крайности не клонится
верная срединная дорога
и до конца постигнута Татхагатой;

видение дарующая, знание дарующая,
к умиротворению, к постижению, к пробуждению,
к упокоению ведет.

Какова же, монахи, эта верная срединная дорога,
что до конца постигнута Татхагатой

и, видение дарующая, знание дарующая,
к умиротворению, к постижению, к пробуждению,
к упокоению ведет?

Это — арийская восьмизвенная стезя,
а именно:

истинное воззрение, истинное намерение, истинная речь,
истинные поступки, истинный образ жизни, истинное усилие,
истинное памятование, истинное сосредоточение. Это и есть,
монахи, верная срединная дорога,

что до конца достигнута Татхагатай
и, видение дарующая, знание дарующая,
к умиротворению, к постижению, к пробуждению,
к упокоению ведет.

А вот, монахи, что есть тягота³:

и рождение тяжко,
и старость тяжка,
и болезнь тяжка,
и смерть тяжка,
и печаль, стенания, боль, уныние, отчаяние
тяжки.

С постылыми связь тяжка,
с милыми разлука тяжка,
и не иметь, чего хочется, тяжело.

Короче, пять горючих груд тяжки⁴.

И это — арийская истина.

А вот, монахи, каково сложение тяготы.

Это жажда, себя поддерживающая,
прелесть, сопряженная со страстью,
то тем, то этим готовая прельститься,
а именно:

жажда обладать,
жажда быть,
жажда избыть.

И это — арийская истина.

А вот, монахи, каково пресечение тяготы:

без остатка всей этой жажды
бесстрастное пресечение, уход,
покидание, свобода, безуютность.

И это — арийская истина.

А вот, монахи, какова верная дорога,

что приводит к пресечению тягот.

Это — арийская восьмизвенная стезя,
а именно:

истинное воззрение, истинное намерение, истинная
речь, истинные поступки, истинный образ жизни, истинное
усилие, истинное памятование, истинное сосредоточение.

И это — арийская истина.

„Вот тягота“, — гласит арийская истина.

Так, о монахи, мне

неслыханных прежде вещей⁵

видение открылось,
знание открылось,
мудрость открылась,
ведение открылось,
ясность открылась.

„И эту тяготу должно понять“ —

так, о монахи, мне
    неслыханных прежде вещей
видение открылось,
знание открылось,
    мудрость открылась,
    ведение открылось,
    ясность открылась.

„Я понял ее“ —

так, о монахи, мне
    неслыханных прежде вещей
видение открылось,
знание открылось,
    мудрость открылась,
    ведение открылось,
    ясность открылась.

„Вот сложение тяготы“, — гласит арийская истина.

Так, о монахи, мне
    неслыханных прежде вещей
видение открылось,
знание открылось,
    мудрость открылась,
    ведение открылось,
    ясность открылась.

„И это сложение должно отринуть“ —

так, о монахи, мне
    неслыханных прежде вещей
видение открылось,
знание открылось,
    мудрость открылась,
    ведение открылось,
    ясность открылась.

„Я отринул его“ —

так, о монахи, мне
    неслыханных прежде вещей
видение открылось,
знание открылось,
    мудрость открылась,
    ведение открылось,
    ясность открылась.

„Вот пресечение тяготы“, — гласит арийская истина.

Так, о монахи, мне
    неслыханных прежде вещей
видение открылось,
знание открылось,
    мудрость открылась,
    ведение открылось,
    ясность открылась.

„И это пресечение тяготы должно осуществить“ —
так, о монахи, мне

неслыханных прежде вещей
видение открылось,
знание открылось,
мудрость открылась,
ведение открылось,
ясность открылась.

„Я осуществил его“ —

так, о монахи, мне
неслыханных прежде вещей
видение открылось,
знание открылось,
мудрость открылась,
ведение открылось,
ясность открылась.

„Вот верная дорога, что приводит к пресечению тягот“, —
гласит арийская истина.

Так, о монахи, мне
неслыханных прежде вещей
видение открылось,
знание открылось,
мудрость открылась,
ведение открылось,
ясность открылась.

„И этою верной дорогой должно пройти“ —

так, о монахи, мне
неслыханных прежде вещей
видение открылось,
знание открылось,
мудрость открылась,
ведение открылось,
ясность открылась.

„Я ею прошел“ —

так, о монахи, мне
неслыханных прежде вещей
видение открылось,
знание открылось,
мудрость открылась,
ведение открылось,
ясность открылась.

И покуда, монахи, не стало во мне вполне чистым
это —

о трех оборотах, о двенадцати видах —
знание-видение
четырёх арийских истин, как они суть,
до тех пор, монахи, не объявлял я

на земле и на небе,
и у Мары и у Брахмы,
и в народе шраманском и брахманском,
божеском и человеческом,
что просветлен высшим истинным всепросветлением.
Но когда, о монахи, стало во мне вполне чистым
это —

о трех оборотах, о двенадцати видах —
знание-видение
четырех арийских истин, как они суть, —
тогда, о монахи, объявил я
на земле и на небе,
и у Мары и у Брахмы,
и в народе шраманском и брахманском,
божеском и человеческом,
что просветлен высшим истинным всепросветлением.
И открылось мне знание-видение:
„Мой ум нерушимо свободен,
это — последняя жизнь,
нет становления больше“».

Так сказал Блаженный. Пятеро монахов восхищенно вос-
приняли сказанное им. И от слушания этой проповеди досто-
почтенному Каундинье незапыленное, незагрязненное видение
дхармы открылось: «Всё, что слагается, — пресечется».

Так запущено было Блаженным колесо проповеди.
И земные боги вслед возгласили:

«Ныне в Бенаресе, в заказнике „Заход [созвездия]
провидцев“,

запущено Блаженным
колесо верховной проповеди,
его же хода не остановить
ни шраману, ни брахману,
ни богу, ни Маре, ни Брахме
и никому во вселенной».

Услышав глас земных богов,
четыре бога-царя⁶ вслед возгласили:

«Ныне в Бенаресе, в заказнике „Заход [созвездия]
провидцев“,

запущено Блаженным
колесо верховной проповеди,
его же хода не остановить
ни шраману, ни брахману,
ни богу, ни Маре, ни Брахме
и никому во вселенной».

Услышав глас четырех богов-царей,
боги обители Тридцати Трех,

боги Правительных небес,
 боги Довольных небес,
 боги небес, Тешащихся-творениями,
 боги небес, Распоряжающихся-чужими-творениями⁷,
 боги сонма Брахмы вслед возгласили:
 «Ныне в Бенаресе, в заказнике „Заход [созвездия]
 провидцев“,

запущено Блаженным
 колесо верховной проповеди,
 его же хода не остановить
 ни шраману, ни брахману,
 ни богу, ни Маре, ни Брахме,
 и никому во вселенной».

Так в то мгновение, в ту пору, в тот час
 до сонма Брахмы глас вознесся,
 и десяти тысячная сфера миров
 задрожала, заколебалась и сотряслась.

И мир озарился беспредельным сиянием и светом,
 в коем поблекло великолепие богов.

И Блаженный возгласил клич:

«Ты понял, Каундинья! Ты понял, Каундинья!» — так досто-
 почтенному Каундинье имя стало Каундинья-понявший.

Примечания

¹ «Заход [созвездия] провидцев» — Isipatanam. Комментируемая сутра пронизана солнечной символикой: колесо — солнце, спицы — лучи, запуск — восход, «12 видов» — 12 месяцев и т. п., что побуждает к символическому пониманию и этого названия. Словом *провидцы* (isi) в буддизме обозначаются мудрецы, йоги и подвижники добуддийского времени, а как астрономический термин это слово значит созвездие Большой Медведицы. Семь составляющих его звезд соотносились с семью великими провидцами древности. Заход (даже, возможно, «падение») созвездия означает, как и по-русски, что «звезда провидцев закатилась», поблекла и стала неразличимой в сиянии нового учения.

² *Пятерым монахам* — бывшим товарищам бодхисаттвы Сиддхартхи по аске и умерщвлению плоти.

³ *Тягота* — dukkham. Чаше в буддологии переводят как «страдание», что неудачно, во-первых, стилистически, ибо палийское слово совсем простое, обиходное и часто употребляемое, тогда как в русском «страдание» слышится рефлексия, но не прямое выражение бытия; во-вторых, и содержательно: в буддизме не учат, что «всё — страдание», но скорее что «всё не так», «всё трудно» и даже «нет мирского совершенства». Понятие *дуккха* вовсе не совпадает по значению с общеупотребительным словом, из которого оно выросло. Но оно и не может быть осмыслено без связи с ним. Можно видеть в использовании этого обиходного слова, значащего «плохо», «неладно», «больно» и пр., некоторую уловку, побуждающую людей развиваться. Цель буддизма — в развитии психики. Но понятно, что самостоятельным мотивом развитие может стать только у весьма развитых индивидов. Остальных же приходится страшать: не призывать сразу к развитию, а сначала внушить, что так жить, как живут они, плохо. Объективно это совершенно верно, но субъективно

неразвитый человек довлеет себе и не понимает, что он, говоря словами Шлегеля, есть «карикатура на самого себя».

⁴ *Горячие груды* ((upādānakkhandhā) — пять скандх обычного человека, являющиеся предметом привязанности (upādānaṃ) и как бы топливом (тоже upādānaṃ) для огня страстей.

⁵ *Вещей* — dhammā. Здесь, несомненно, имеется в виду именно это значение слова: dhammo=nissatto — «неодушевленное», т. е. русское «вещь» в одном из существующих значений.

⁶ *Четыре бога-царя* — хранители стран света.

⁷ Названы в восходящем порядке обитатели небес сферы желаний.

СУТРА «ВЫСШЕЕ БЛАГО»

(Сн II.4)

Так я слышал.

Однажды Блаженный находился в Шравасте, в роще Джеты — в обители, [подаренной] Анатхапиндикой. И вот некий дух чарующего вида явился, когда миновала ночь, к Блаженному в рощу Джеты, всю ее озарив. Подойдя к Блаженному, он приветствовал его и стал подле. И, стоя подле, дух этот обратился к Блаженному стихами:

«Много и боги и люди раздумывали о благе,
Желая преуспеянья. Скажи: что — высшее благо?» —
«Не иметь дела с глупцами, с разумными иметь дело,
Чтить почитанья достойных — это есть высшее благо.
Жить в подходящей местности, в прошлом скопить
достоинства,

Истая самоотдача — это есть высшее благо.
Хорошая память, уменье, должное обучение
И речи, что ладно сказаны, — это есть высшее благо.
Помощь своим родителям, забота о детях с женой,
Делами незагружённость — это есть высшее благо.
Житьё по дхарме и щедрость, о родственниках забота,
Безупречность в деяниях — это есть высшее благо.
От греха воздержание, к питью непристращение,
О своем долге радение — это есть высшее благо.
Скромность и уважение, довольство и благодарность,
Беседы о дхарме вовремя — это есть высшее благо.
Терпение и покладистость и лицеизрение шраманов,
Слушанье дхармы вовремя — это есть высшее благо.
Тапас и целомудрие, ариев лицеизрение,
Осуществление покоя — это есть высшее благо.
В ком мысль не содрогается, не мятется и не печалится
От мирского касания — тому это высшее благо.
Кто этому последует, от всех неудач избавится,
Достигнет преуспеяния. Это есть высшее благо».

СУТРА «ПРЕЗРЕНИЕ»

(Сн I.6)

Так я слышал.

Однажды Блаженный находился в Шравасты, в роще Джеты — в обители, [подаренной] Анатхапиндикой. И вот некий дух чарующего вида явился, когда миновала ночь, к Блаженному в рощу Джеты, всю ее озарив. Подойдя к Блаженному, он приветствовал его и стал подле. И, стоя подле, дух этот обратился к Блаженному стихами:

«[Всё мирское] презревшего, мы спрашиваем Готама.

Пришли мы спросить Блаженного: что приводит к презрению?» —

«Ты сам, господин, разумен; неразумие же презренно;
Ты сам, господин, любишь дхарму; ненависть к ней презренна».—

«Это мы понимаем, это, во-первых, презренно.

Второе скажи, Блаженный: что приводит к презрению?» —

«Если дурные нравятся, благие ему не по нраву,

К дхарме дурных он клонится — это ведет к презрению».—

«Это мы понимаем: такое тоже презренно.

Третье скажи, Блаженный: что приводит к презрению?» —

«Сонливость и склонность к сборищам, вялость и лень
мужа,

Видимая гневливость — это ведет к презрению».—

«Это мы понимаем, это, в-третьих, презренно.

Скажи четвертое, Блаженный: что приводит к презрению?» —

«Если кто-то отца и мать, старых и впавших в дряхлость,
Не содержит, имея средства, это ведет к презрению».—

«Это мы понимаем. Это, в-четвертых, презренно.

В-пятых, скажи, Блаженный: что приводит к презрению?» —

«Кто брахмана или шрамана или иного нищего

Обманывает и лжет им — это ведет к презрению».—

«Это мы понимаем. Это, в-пятых, презренно.

Шестое скажи, Блаженный: что приводит к презрению?» —

«Если богатый человек, имея и пищу и золото,
Вкусное ест в одиночку, это ведет к презрению». —

«Это мы понимаем, это, в-шестых, презренно.

Седьмое скажи, Блаженный: что приводит к презрению?» —

«Кто чванится семьей и родом, кто чванится своим
богатством,

Себя с роднею превозносит, того это ведет к презрению». —

«Это мы понимаем, это, в-седьмых, презренно.

Восьмое скажи, Блаженный: что приводит к презрению?» —

«Кто склонен к женщинам и к пьянству, кто без конца

играет в кости,

Просаживает все доходы, того это ведет к презрению». —

«Это мы понимаем, это, в-восьмых, презренно.

Девятое скажи, Блаженный: что приводит к презрению?» —

«Недовольный своими женами, если кто по гетерам бегаёт,
Бегаёт по чужим женам, это ведет к презрению». —

«Это мы понимаем, это, в-девятых, презренно.

Скажи десятое, Блаженный: что приводит к презрению?» —

«Если старик вдруг женится на девушке пышногрудой

И сон теряет от ревности, это ведет к презрению». —

«Это мы понимаем, это, в-десятых, презренно.

Одиннадцатое скажи, Блаженный: что приводит
к презрению?» —

«Транжира, пьяницу, бабника или ему подобного

Если ставят начальником, это ведет к презрению». —

«Это мы понимаем, это, в-одиннадцатых, презренно.

Двенадцатое скажи, Блаженный: что приводит

к презрению?» —

«Кто хочет царство раздобыть, родившись в воинском роду,

Бедном и полном тщеславия, это ведет к презрению.

Эти врата презрения пусть распознает разумный

Арий, исполненный виденья, и сеет в мире благое».

СЛУЧАЙ С МОНАХИНЕЙ ВАДЖРОЙ (С V.1.6)

(Стереотипное прозаическое оформление стихов приводится сокращенно.)

Однажды монахиня Ваджра углубилась в дремучий лес и села где-то под деревом, чтобы провести там день. Приблизился к ней лукавый Мара и обратился к ней стихами:

«Кем существо сработано? Кто существо изготовил?
Где существо сложилось? Где существо пресечется?»

«Кто же эти стихи сказал — человек или нелюдь? — подумала монахиня Ваджра. — Ах, да ведь это лукавый Мара хочет на меня страх, столбняк, мороз по коже наслать, из сосредоточения меня вывалить, он и сказал». Поняв, кто это, она ответила стихами:

«Ты веришь, что есть существо? Это воззрение Мары.
В ворохе чистых слагаемых¹ тебе существа не сыскать.
Как говорят „колесница“ о собранных вместе частях,
Так все назовут „существом“ то, что всего только груды;
Лишь тяготы возникают, и длятся одни лишь тяготы.
Не что иное, как тяготы возникло — и пресечется».

«Узнала меня монахиня Ваджра», — подумал с огорчением лукавый Мара и тотчас же пропал.

Примечание

¹ Ваджра имеет в виду, что она духовно очистилась, поэтому *слагаемые* (четвертая груда) не загрязнены аффектами.

СУТРА «КОЛТУН»
(С VII.2.6)

(Стереотипное прозаическое оформление стихов почти полностью опускается.)

Однажды брахман Бхарадваджа, тот, кто спросил о колтуне, обратился к Блаженному стихами:

«Нутро — колтуном, снаружи — колтун.
Переколтунен народ колтуном.
Готама, мне на вопрос ответь:
Кто расколтунит этот колтун?» —
«Кто умен и, опершись на нравственность,
Мысль свою и мудрость развивает,
Ревностен и опытен в монашестве, —
Тот и расколтунит эдакий колтун.
Кто ни страсти, ни враждебности,
Ни неведенья не ведает,
Стал святым, от пут избавился —
Тот колтун свой расколтунил.
Где словесное и образное,
Неприятие и образы
Без остатка пресекаются,
Там кончается колтун».

ИСТОРИЯ ЯКШИ, УДАРИВШЕГО ШАРИПУТРУ (Удана IV.4)

(Стереотипная рамка и повторы сокращены.)

Однажды достопочтенный Шарипутра и достопочтенный Маудгальяна жили в Голубиной лощине. И вот как-то раз в лунную ночь достопочтенный Шарипутра, только что побрив голову, сидел под открытым небом и был погружен в какое-то сосредоточение. Шли с севера на юг двое якшей-приятелей по какому-то своему делу. Увидели они достопочтенного Шарипутру, и говорит один якша другому: «Ох, и хочется мне, приятель, дать этому шраману по голове». — «Оставь, приятель, — говорит ему на это другой якша. — Не нападай ты на шрамана. Это шраман могучий, мощный, сверх обычного сильный». Не внял якша приятелю, ударил достопочтенного Шарипутру по голове. И таков был удар, что слона ростом в семь или в семь с половиной локтей в землю бы вогнал или макушку бы горы раздробил. Но якша вдруг завопил: «Горю, горю!» — и тотчас провалился в преисподнюю. И узрел великий Маудгальяна своим дивным, чистым, сверхчеловеческим оком, как якша наносит достопочтенному Шарипутре удар по голове. Узрев это, он пришел к достопочтенному Шарипутре и спросил его: «Все ли у тебя, друг, в порядке, всего ли тебе хватает, не болит ли что у тебя?» — «Все у меня, друг мой Маудгальяна, в порядке, всего мне хватает, голова только побаливает». — «Чудесно, друг мой Шарипутра, необычайно, друг мой Шарипутра! Как ты могуч, достопочтенный Шарипутра, и сверх обычного силен! Тебя ведь некий якша по голове ударил, да так, что слона ростом в семь или в семь с половиной локтей в землю бы вогнал или макушку бы горы раздробил, а у тебя голова только побаливает!» — «Чудесно, друг мой Маудгальяна! Необычайно, друг мой Маудгальяна! Как ты могуч, достопочтенный Маудгальяна, и сверх обычного силен! Тебе даже якшу видно, а я что-то ни черта не

вижу!» Услыхал Блаженный дивным, чистым, сверхчеловеческим слухом разговор этих могучих мужей. И, узнав об этом, Блаженный тогда воскликнул:

«Если мысль, подобно скале,
Недвижно и прочно стоит,
Прелестью не прельщаема,
Гневом не раздражается,
Если так освоена мысль —
Не поддастся боли она».

СУТРА «АЛАВИЙСКАЯ»

(С X.12; Сн I.10)

Так я слышал.

Однажды Блаженный находился в Алави, в жилище алавийского якши. И вот алавийский якша подошел к Блаженному и, подойдя, сказал Блаженному: «Выйди, подвижник». — «Хорошо, любезный». И Блаженный вышел. «Войди, подвижник». — «Хорошо, любезный». И Блаженный вошел. И опять (——) и в третий раз (——) и в четвертый раз алавийский якша сказал Блаженному: «Выйди, подвижник». — «Э нет, любезный, я не выйду. Что хочешь, то и делай». — «Вопрос тебе задам, подвижник. Коли не ответишь мне, я с ума тебя сведу, или сердце тебе разорву, или за ноги ухвачу и за Гангу закину». — «Не знаю я, любезный, ни на земле, ни на небе, ни у Мары, ни у Брахмы, ни в народе шраманском и брахманском, божеском и человеческом никого, кто смог бы меня с ума свести, или сердце мне разорвать, или за ноги ухватить и за Гангу закинуть. Ну, да ты спрашивай, любезный, что тебе надобно». И вот алавийский якша сказал Блаженному стихами:

«Что для человека главное богатство?
 Следуя чему, обретет он счастье?
 Что, скажи, на свете всех нектаров слаще?
 И кого зовут лучше всех живущим?» —
 «Вера — человека главное богатство.
 Исполняя дхарму, обретет он счастье.
 Истина на свете всех нектаров слаще.
 Мудрого зовут лучше всех живущим». —
 «Как перебраться через реку?
 Как перебраться через море?
 Как превозмочь свои страдания?
 Как самому себя очистить?» —
 «Преодолеешь реку верою.
 Преодолеешь море рвением,

Страдание превозможешь мужеством,
Очистишься своею мудростью». —
«Как научаются быть мудрым?
Как разживаются богатством?
Как добиваются почета?
Как привязать к себе друзей?
Оставив мир, уйдя в иной,
Кто не горюет после смерти?» —
«В учение святых кто верует,
К упокоению ведущее,
И наставлению кто внемлет,
Тот научается быть мудрым.
Впрягаясь в дело, сноровитый,
Упорный — обретет богатство.
Почета ты добьешься истиной.
Друзей к себе привяжешь щедростью.
Кто дом свой держит, крепко верит,
Такой четверкою отмечен:
Решимость, щедрость, правда, дхарма,
Тот не горюет после смерти.
А если хочешь, то расспрашивай
Всех прочих шраманов и брахманов:
Что лучше самообладания,
Терпенья, щедрости и истины?» —
«К чему теперь расспрашивать
Всех шраманов и брахманов?
Понятно ныне стало мне,
Что ценится в грядущей жизни.
На счастье мне, остановился
В моей Алави Просветленный.
Понятно ныне стало мне,
К кому быть щедрым не напрасно.
По деревням, по городам
Я отправляюсь в странствие,
Прославлю Просветленного
И дхарму его праведную».

«МАЛАЯ СУТРА О МАЛУНКЬЕ»
(М 63)

(Сутра приводится полностью, но со сверткой повторений.)

Так я слышал.

Однажды Блаженный находился в роще Джеты — в обители, подаренной Анатхипиндикой. И вот тхере, сыну Малункьи, находившемуся в уединении, в сосредоточении, пришла в голову такая мысль: «Есть вопросы из области мнений, которые Блаженный оставил без ответа, не разъяснил, отклонил: вечен мир или не вечен; конечен мир или бесконечен; одно ли и то же душа и тело, или тело — одно, а душа — другое; существует ли татхагата после смерти или не существует; или и существует, и не существует; или ни существует, ни не существует. На все это Блаженный не отвечает. И не нравится это мне, не устраивает это меня, что Блаженный не отвечает на эти вопросы. Пойду-ка я к Блаженному и спрошу об этом. Если Блаженный ответит мне на них; то буду я учиться у Блаженного брахманскому житию¹. А если не ответит, то оставлю ученичество и вернусь к худшему»². И вот к вечеру достопочтенный сын Малункьи вышел из сосредоточения, пришел к Блаженному, приветствовал его и сел подле. И, сидя подле Блаженного, достопочтенный сын Малункьи рассказал ему, о чем думал в уединении. «Если Блаженный знает ответы на эти вопросы, то пусть он их мне скажет. А если не знает, то что же? Для того, кто не знает, лучше будет и говорить прямо: не знаю, мол, и не вижу». — «А говорил я разве тебе, сын Малункьи: пошли, мол, сын Малункьи, учись у меня брахманскому житию, а я тебе объясню, вечен мир или не вечен (——) или ни существует татхагата после смерти, ни не существует?» — «Не было этого, почтенный». — «Или, может, ты мне говорил: я, почтенный, стану учиться у Блаженного брахманскому житию, а Блаженный мне объяснит, вечен мир или не вечен (——) или ни существует

татхагата после смерти, ни не существует?» — «Не было этого, почтенный». — «Итак, ты согласен, сын Малунки, что ни я тебе не говорил об этом, ни ты мне не говорил об этом. А коли так, никчемный ты человек, с чего ты вздумал оставлять ученичество³? Представь, сын Малунки, что кто-то скажет: „До тех пор не стану учиться у Блаженного брахманскому житию, пока Блаженный не объяснит мне, вечен мир или не вечен (——) или ни существует татхагата после смерти, ни не существует“. Не успеет татхагата объяснить ему это, как человек этот умрет. Представь, сын Малунки, что человека ранило напитанной ядом стрелою и друзья-знакомые, кровные родственники привели к нему врача, хирурга. А человек этот скажет: „Не дам я до тех пор вынуть эту стрелу, пока не узнаю, что за человек меня ранил: кшатрий ли он, брахман ли, вайшья ли, шудра ли; пока не узнаю, как его имя, кто он родом, пока не узнаю, чернокожий ли он, смуглокожий ли или с кожей золотистого цвета; пока не узнаю, из какого меня ранили лука — простого или самострела; пока не узнаю, что за тетива на луке — из дерева ли арка⁴, тростниковая ли, пеньковая ли, жилная ли, из молочайного ли дерева⁵; пока не узнаю, какое у стрелы древко — вставное или накладное⁶; пока не узнаю, что за оперение у стрелы — из перьев ли коршуна, или цапли, или сокола, или павлина, или мягкоклювой птицы⁷; пока не узнаю, какой жилой оно примотано — воловьей ли, буйволиной ли, оленьей ли⁸, обезьяньей⁹ ли; пока не узнаю, что за наконечник — игольный ли, бритвенный ли, расщепленный ли, каленый ли, „телячий зуб“ ли „олеандровый лист“ ли. Не успеет человек все это узнать, как умрет он. Вот так же, сын Малунки, и с этими вопросами: не успеет татхагата все это объяснить, как человек умрет.

Какое бы мнение ни было, сын Малунки, вечен мир или не вечен (——) или ни есть татхагата после смерти, ни нет его, а брахманское житие остается. Какое бы мнение ни было, сын Малунки, вечен мир или не вечен (——) или ни есть татхагата после смерти, ни нет его, — есть рождение, есть старость, есть смерть, есть печаль, стенания, боль, уныние, отчаяние, и их уничтожение, очевидное уже в этой жизни, я и указую. Потому, сын Малунки, не разъясненное мною и знайте как неразъясненное, разъясненное мною знайте как разъясненное. Вот что, сын Малунки, мной не разъяснено: вечен мир или не вечен (——) или ни есть татхагата после смерти, ни нет его. Почему, сын Малунки, это мной не разъяснено? В этом нет смысла, это не служит брахманскому житию, отвращению, бесстрастию, пресечению, умиротворению, постижению, просветлению, упокоению, потому это мной не разъяснено. А вот что, сын Малунки, мной разъяснено: вот тягота, вот сложение тяготы, вот пресечение тяготы, вот образ действий, ведущий к пре-

сечению тяготы. Почему, сын Малункьи, это мной разъяснено? В этом есть смысл, это служит брахманскому житию, отвращению, бесстрастию, пресечению, умиротворению, постижению, просветлению, упокоению, потому это разъяснено. Потому, сын Малункьи, не разъясненное мной и знайте как неразъясненное, разъясненное мной знайте как разъясненное». Так сказал Блаженный. Достопочтенный сын Малункьи восхищенно воспринял сказанное им.

Примечания

¹ *Брахманское житие* — brahmasaṃyama — «житие по Брахме». Исконно — первая стадия жизни индоария, целомудренная жизнь и ученичество в доме учителя. В буддизме — монашеская жизнь. В предложенном переводе устанавливается связь со старым русским выражением «ангельское житие», «ангельский облик», т. е. монашеская жизнь. Действительно, бестелесные боги миров Брахмы во многом аналогичны ангелам религиозных мифологий Запада.

² То есть к мирскому состоянию.

³ *С чего ты вздумал оставлять ученичество?* — Ko santo kaṃ paṇṇāsi.

⁴ *Дерево арка* — Calotropis Gigantea.

⁵ *Молочайное дерево* — то же, что и арка.

⁶ *Вставное или накладное* — yaḍi vā kaṇṇaṇṇa yaḍi vā gopamaṇṇa. Вероятно, имеется в виду, как накладывается стрела на лук: вставляется ли она в пазуху в середине лука или накладывается сверху.

⁷ *Мягкоклювая птица* — sithilahaṇṇa, неизвестна.

⁸ *Оленьей* — goguvassa, из жил оленя гири — «пестрого».

⁹ *Обезьянней* — semhārassa, перевод согласно традиционному комментарию. В словарях слово отсутствует.

СУТРА «ЧАТУМСКАЯ»

(М 67)

Так я слышал.

Однажды Блаженный находился в Чатуме, в миробалановой роще. В то время пятьсот примерно монахов, возглавляемые Шарипутрой и Маудгальяяной, как раз добрались до Чатумы, чтобы повидать Блаженного. Местные монахи здоровались с пришлыми монахами, указывали им места ночлега, показывали им места, куда положить верхнюю одежду и миски, и все при этом очень шумели и галдели. Тут Блаженный окликнул Ананду: «Что за шум, что за галдеж, Ананда? Рыбаки, что ли, сеть вытащили?» Ананда ответил, в чем дело. «Созови ко мне этих монахов, Ананда». Когда монахи, собрались, Блаженный вновь спросил их: «Что это за шум, что за галдеж? Рыбаки, что ли, сеть вытаскивали?» Монахи объяснили. «Ступайте, монахи, я вас отпускаю. Вы не можете более жить при мне». — «Да, почтенный», — отвечали эти монахи Блаженному, встали, попрощались с Блаженным, обошли его посолонь, свернули постели, взяли верхнюю одежду и миски и ушли.

А в то время чатумские шакьи находились по какому-то своему делу в доме собраний. Увидели чатумские шакьи этих монахов издалека еще; завидев их, они подошли к ним и спросили: «Куда же это вы идете, почтенные?» — «Распустил Блаженный общину монахов, любезные». — «Да вы, почтенные, посидите здесь с полчаса, вдруг нам удастся умиловить Блаженного». — «Да, любезные». И чатумские шакьи направились к Блаженному. Придя, они приветствовали Блаженного и сели подле. И, сидя подле Блаженного, чатумские шакьи сказали ему: «Почтенный! Пусть будет Блаженный благосклонен к общине монахов, пусть наставляет Блаженный общину монахов. Как прежде, почтенный, Блаженный сердечно относился к общине монахов, так пусть и теперь Блаженный сердечно относится к общине монахов. Ведь есть, почтенный, монахи, при-

нявшие постриг недавно, только что пришедшие к этому учению-наставлению. Если не будут они видеть Блаженного, переменятся они, захиреют. Как молодые всходы, не получая воды, переменятся и захиреют, так и те монахи переменятся и захиреют. Или как малый теленок, не видя матери, переменится и захиреет, так и те монахи переменятся и захиреют. Поэтому, почтенный, как прежде Блаженный сердечно относился к общине монахов, так же пусть и теперь Блаженный сердечно относится к общине монахов».

А Брахма, владыка мощи, узнав своею мыслью помышление Блаженного, исчез в мире Брахмы и так же быстро, как сильный мужчина прямую руку согнет или согнутую выпрямит, внезапно появился перед Блаженным. Он накинул одежду на одно плечо, почтительно сложил ладони и обратился к Блаженному: «Почтенный! (——) (повтор речи шакьев.— А. П.) пусть и теперь Блаженный сердечно относится к общине монахов».

И чатумским шакьям с Брахмой, владыкой мощи, удалось умиловить Блаженного притчами о всходах и малом теленке. Тут достопочтенный Маудгальяна окликнул монахов: «Вставайте, любезные, берите свои верхние одежды и миски. Умиловити Блаженного чатумские шакьи и Брахма, владыка мощи, притчами о всходах и малом теленке». — «Да, любезный». И монахи пришли к Блаженному. И Блаженный спросил Шарипутру, сидевшего подле него: «О чем ты думал, Шарипутра, когда я распустил общину?» — «Я тогда подумал, почтенный: теперь Блаженный будет беззаботно пребывать в счастливом состоянии, очевидном уже в этой жизни, и мы тоже». — «Остерегись, Шарипутра, остерегись, Шарипутра! Не следует тебе впредь иметь таких мыслей». И Блаженный окликнул достопочтенного великого Маудгальяну: «О чем ты думал, Маудгальяна, когда я распустил общину?» — «Я тогда подумал, почтенный: теперь Блаженный будет беззаботно пребывать в счастливом состоянии, очевидном уже в этой жизни, а мы с достопочтенным Шарипутрой будем опекать общину». — «Хорошо, хорошо, Маудгальяна! Или я могу опекать общину, или Шарипутра с Маудгальяной».

И Блаженный обратился к монахам: «Есть, о монахи, четыре опасности, которых следует остерегаться тому, кто входит в воду. Вот они: это опасность от волн, от крокодилов, от водоворотов и от гавиалов. Так же, о монахи, есть четыре опасности, которых следует остерегаться тому, кто последовал этому учению-наставлению, принял постриг и ушел из дому в бездомность. Вот они: это опасность от волн, от крокодилов, от водоворотов и от гавиалов.

Вот что такое опасность от волн: уходит некий отпрыск [известного] рода, верующей семьи из дому в бездомность, принимает постриг [и думает]: „Выбрался я из рождений, старости,

смерти, печали, стенаний, боли, уныния, отчаяния; выбрался, одолеваемый тяготами, из тягот. Видится уже конец всему этому множеству тягот“. И вот такого монаха товарищи его по брахманскому житию начинают учить и наставлять: „Подходить надо так-то, отходить надо так-то, смотреть надо так-то, глядеть надо так-то, сгибаться надо так-то, выпрямляться надо так-то, постель, верхнюю одежду, миску содержать так-то“. Начинает он думать: „Пока я жил в доме, я сам других учил и наставлял. Они мне, по-моему, в сыновья и во внуки годятся, а еще думают, что им можно меня учить и наставлять“. Оставляет он ученичество и возвращается к худшему. Опасностью от волн, монахи, называется гнев и возмущение.

Вот что такое опасность от крокодилов: уходит некий отпрыск [известного] рода, верующей семьи из дому в бездомность, принимает постриг [и думает]: „Выбрался я из рождений, старости, смерти, печали, стенаний, боли, уныния, отчаяния; выбрался, одолеваемый тяготами, из тягот. Видится уже конец всему этому множеству тягот“. И вот такого монаха товарищи его по брахманскому житию начинают учить и наставлять: „Эту твердую пищу тебе можно есть, эту твердую пищу тебе нельзя есть (——) мягкую (——) жидкую (——) это питье тебе можно пить, этого питья тебе нельзя пить. Разрешенную твердую пищу тебе можно есть, неразрешенную твердую пищу тебе нельзя есть (——) мягкую (——) жидкую (——) разрешенное питье тебе можно пить, неразрешенное питье тебе нельзя пить; вовремя можно твердую пищу есть (——) не вовремя нельзя питье пить“. Начинает он думать: „Пока я жил в доме, я из твердой пищи что хотел, то и ел, чего не хотел, того не ел (——) что хотел, то и пил, чего не хотел, того не пил; когда хотел, тогда и ел, (——) когда не хотел, тогда и не пил; и разрешенное ел, и неразрешенное ел (——) и неразрешенное пил. Верующие миряне подают мне днем, но не вовремя прекрасную твердую и мягкую еду, а эти мне, похоже, рот затыкают“. Оставляет он ученичество и возвращается к худшему. Это, монахи, называется: испугался человек крокодилов, оставил ученичество и вернулся к худшему. Опасностью от крокодилов, монахи, называется чревоугодие.

Вот что такое опасность от водоворотов: уходит некий отпрыск (——) „Выбрался (——) видится уже конец всему этому множеству тягот“. И вот такой монах встает рано поутру, надевает верхнюю одежду, берет в руку миску и входит за подаванием в деревню или торжок, не оберегая тело¹, не оберегая речь, не поставив памятование, не обуздав [органы] чувств. Видит он там хозяина дома или сына хозяина дома, удовлетворяющего и тешащего все свои чувства пятью уладами. Начинает он думать: „Пока я жил в доме, я ведь тоже удовлетворял и тешил все свои чувства пятью уладами. Есть

наслаждение в мирской жизни; можно и наслаждаться, и творить благие дела". Оставляет он ученичество и возвращается к худшему. Это, монахи, называется: испугался человек водоворотов, оставил ученичество и вернулся к худшему. Водоворотами, монахи, называются чувственные улады.

Вот что такое опасность от гавиалов: уходит некий отпрыск (——) встает рано поутру (——) не обуздав [органы] чувств. Видит он там женщину, плохо прикрытую, полуодетую. От видения этой плохо прикрытой, полуодетой женщины страсть сотрясает его мысли, и он с мыслями, сотрясенными страстью, оставляет ученичество и возвращается к худшему. Это, монахи, называется: испугался человек гавиала, оставил ученичество и вернулся к худшему. Гавиалом, монахи, называется женщина.

Таковы, о монахи, четыре опасности, которых следует остерегаться тому, кто последовал этому учению-наставлению, принял постриг и ушел из дому в бездомность».

Так сказал Блаженный. Монахи восхищенно восприняли сказанное им.

Примечание

¹ *Тело* — здесь первые четыре груди.

СУТРА «ВЕРХ ЗНАМЕНИ» (С XI.1.3)

(Стереотипное оформление и повторы сокращены, суммирующие содержание сутры заключительные стихи опущены.)

Однажды в Шравастии Блаженный сказал монахам:

«В прошлом, монахи, назревала битва между богами и асурами¹. И вот, монахи, глава богов Шакра обратился к Тридцати Трем богам: „Друзья! Если найдет на богов во время сражения страх, столбняк, мороз по коже, взгляните тогда на верх моего знамени. Как взглянете вы на верх моего знамени, так тот страх, столбняк, мороз по коже, что найдут на вас, вас отпустят. А не взглянете на верх моего знамени — взгляните на верх Знамени Праджапати (——) Не взглянете на верх знамени Праджапати — взгляните на верх знамени Варуны (——) Не взглянете на верх знамени Варуны — так взгляните на верх знамени Ишаны². Как взглянете вы на верх знамени Ишаны, так тот страх, столбняк, мороз по коже, что найдут на вас, вас отпустят“.

Но когда, о монахи, смотрели те боги на верх знамени Шакры (——) или на верх знамени Ишаны, тот страх, столбняк, мороз по коже, что находили на них, иной раз их отпускали, иной раз не отпускали. Почему это так? Потому, монахи, что глава богов Шакра сам не свободен от страсти, не свободен от ненависти, не свободен от заблуждения, сам робок, боязлив, труслив и склонен удрать.

Я же вам, монахи, так говорю: если на вас в лесу, или под деревом, или в пустой горнице³ найдет страх, столбняк, мороз по коже, вспомните тогда обо мне, вот так: „Он — Блаженный, святой, истинновсепросветленный, совершенный в знании и поведении, благопришедший, знаток мира, непревосходимый, укротитель буйных мужей, Учитель богов и людей, просветленный, Блаженный“. Как вспомните вы обо мне, так тот страх, столбняк, мороз по коже, что найдут на вас, вас отпустят.

А не вспомните обо мне — так вспомните об Учении: „Благовозвещено Блаженным Учение, зримое, бессрочное, ко всем обращенное, притягательное, внутренне познаваемое понятливыми“ (———).

А не вспомните об Учении — так вспомните об общине: „На хорошем пути община слушателей Блаженного, на прямом пути община слушателей Блаженного, на логичном пути община слушателей Блаженного — четыре пары арийских личностей, все восемь арийских личностей. Достойна она почитания, весьма достойна, заслуживает благоговения. Она для мира — высшее поле заслуг“⁴. Как вспомните вы об общине, так тот страх, столбняк, мороз по коже, что найдут на вас, вас отпустят.

Почему это так? Потому, монахи, что Татхагата — святой, истинновсепросветленный, свободен от страсти, свободен от ненависти, свободен от заблуждения, не робок, не боязлив, не труслив, не склонен удрать».

Так сказал Блаженный.

Примечания

¹ Соперничество богов и асуров — известнейший мифологический мотив.
² *Ишана* — одно из имен Шивы.

³ Комната для созерцания.

⁴ Помешенное на поле семя даяния прорастет заслугой. *Четыре пары* — идущие четырьмя стезями и обретшие их плоды.

ИСТОРИЯ ОБРАЩЕНИЯ НАНДЫ

(Удана III.2)

(Повторы и оформление свернуты.)

В Шравасты достопочтенный Нанда во всеуслышание говорил многим монахам: «Не удовлетворен я, любезные, брахманским житием. Не могу я вынести брахманского жития. Оставлю я ученичество, вернусь к худшему». Некий монах рассказал об этом Блаженному. Блаженный велел призвать к себе Нанду и спросил его, правда ли это. «Да, почтенный». — «Но почему?» — «Когда я выходил из дому, почтенный, возлюбленная моя из рода шакьев не успела еще пробор до конца накрастить. Она посмотрела на меня и сказала: „Поскорее возвращайся, мой господин“. Вот я все и вспоминаю ее». И тут Блаженный обхватил достопочтенного Нанду рукою и так же быстро, как сильный мужчина согнутую руку выпрямит или прямую руку согнет, исчез [вместе с Нандой] из рощи Джеты и мгновенно перенесся в обитель Тридцати Трех. А там в то время примерно пятьсот апсар пришли к Шакре, предводителю богов, его потешить, и ступни их, [накрашенные красной краской, были похожи на лапки] голубок. И вот Блаженный обращается к Нанде: «Видишь ты, Нанда, этих апсар?» — «Да, почтенный». — «Как ты полагаешь, Нанда: кто красивее, кто прекраснее, кто милостивнее — возлюбленная ли твоя из рода шакьев или эти пятьсот апсар с красными ножками?» — «Моя возлюбленная против них, почтенный, все равно что подпаленная обезьяна, безногая и безухая; она и в счет не идет, и в сравнение не идет, и части малой их не стоит, насколько эти пятьсот апсар ее красивее, прекраснее и милостивнее». — «Радуйся, Нанда, радуйся, Нанда! Ручаюсь тебе, твои будут эти пятьсот апсар с красными ножками». — «Если Блаженный сам мне ручается, я буду удовлетворен в монашестве». И вот Блаженный обхватил Нанду рукою (——) и перенесся с ним обратно в рощу Джеты. Прослыша-

ли монахи об этом, и стали они достопочтенного Нанду звать наемным и продажным: «Купили тебя, Нанда! Продажный ты, Нанда! Ради апсар живешь в монашестве!» И достопочтенный Нанда, унижаемый, мучимый, терзаемый этими прозвищами, уединился и был вдумчив, ревностен, старателен (——) и стал одним из святых.

КОЗНИ МАРЫ
(С IV.2.8)

(Повторы свернуты.)

Однажды Блаженный находился в Магадхе, у Пяти Салов — брахманской деревни. В то время там у мальчиков были гости. И Блаженный вошел в Пять Салов за милостыней. Но тогда пятисальских брахманов обуял лукавый Мара: «Пусть не получит шраман Готама милостыни». И как вошел Блаженный в Пять Салов с чистой, вымытой миской, так и вышел оттуда с чистой, вымытой миской. И приблизился к Блаженному лукавый Мара. Приблизившись, сказал Блаженному: «Ну, шраман, получил милостыню?» — «Ты же сам так сделал, Лукавый, что я не получил милостыни». — «Тогда, Блаженный, войди еще раз в брахманскую деревню Пять Салов. Я так сделаю, что получит Блаженный милостыню».

«Дурное ты содеял, Мара:
Ты навредил Татхагате.
Уж не надеешься ли ты,
Что не вернется к тебе грех?
Хотя у нас нет ничего,
Мы живем очень счастливо.
Будем питаться радостью,
Словно боги Сияющие». —

«Узнал меня Блаженный», — с тяжким крушением подумал лукавый Мара и тотчас пропал.

БЕСЕДА НАГАСЕНЫ С ЦАРЕМ О ДУШЕ,
ЦИТИРУЕМАЯ В АБХИДХАРМАКОШАБХАШЬЕ

(Abhidharm-Koshabhāṣya of Vasubandhu.

Ed. by P. Pradhān. Patna, 1967, с. 469)

Узел этот¹ был распутан уже в древности. Царь Калинга², придя некогда к тхере Нагасене, сказал: «Я хотел бы спросить почтенного, но отшельники, случается, очень болтливы. Ответишь ли ты прямо на то, о чем я тебя спрошу?» — «Спрашивай», — последовал ответ. «Душа и тело — одно ли и то же, или душа — одно, а тело — другое?» — «Это неопределенно», — сказал тхера. «Как! Мы же заранее условились, почтенный, отвечать точно на вопрос. Почему же я слышу иное: это-де неопределенно?» Тхера сказал: «Я бы тоже хотел спросить государя, но цари, случается, очень болтливы. Ответишь ли ты прямо на то, о чем я тебя спрошу?» — «Спрашивай», — последовал ответ. «Плоды того мангового дерева, что растет у тебя во дворце, кислые или сладкие?» — «Да нет у меня во дворце никакого мангового дерева», — сказал тот. «Как! Мы же заранее условились, государь, отвечать точно на вопрос. Почему же я слышу иное: нет-де мангового дерева?» — «Как я скажу, сладкие у дерева плоды или кислые, если его нет?» — «Вот точно так же, государь, души ведь нет. Как же я скажу, тождественна она телу или отлична от него?»

Примечания

¹ То есть проблема существования души.

² Искажение редкого иноязычного имени Милинда.

ГЛОССАРИЙ

Абхидхарма — «мета-дхарма», «мета-учение», систематизированное и формализованное изложение буддийской философско-психологической теории и метода посредством перечней дхарм.

Арий, арийский — до буддизма самоназвание говоривших на индоарийских языках жителей Северной Индии. Будда переосмысляет арийскую общность в духовном смысле. В буддизме арий есть тот, кто прошел уже по крайней мере «первой арийской стезей», т. е. перестал быть «человеком-из-толпы».

Аффекты — слово понимается в переводе в смысле, близком Спинозовскому. В буддизме аффекты (*kleśa*) — конфликтные эмоциональные реакции и предрасположенности, нарушающие гармонию и целостность психической жизни и искажающие восприятие, познание и деятельность. Всем людям, кроме ариев, в той или иной мере присущи все аффекты.

Безостаточный покой — то, что наступает после физической смерти Будды или святого. **Остаток** — пять груд, продолжающих функционирование после достижения святости или просветления.

Благое — то в психике, что ведет в будущем к приятным переживаниям, к довольству, способствует рождению в счастливой форме (человеком или небожителем) или достижению нирваны.

Боги (небожители) — смертные, как и человек, но счастливые, могущественные и долговечные существа, обитающие в высших областях мира.

Груды — санскр. *skandha*. Индийское слово в повседневном употреблении означает: 1) развилку ствола, место ответвления крупных сучьев; 2) плечи (место ответвления рук от торса). В буддизме термин понимается как название пяти компонент, на которые, как оказывается при пристальном философском рассмотрении, «разветвляется» кажущийся обыденному сознанию целым и неделимым индивидуум.

Деяние (санскр. *kaṃma*) — произведенная соответствующей мотивацией деятельность, преследующая объективные (материальные или идеальные) цели и ведущая впоследствии к плодам, т. е. переживаниям, пассивному претерпеванию. Живые существа, как считается, созданы деяниями, т. е. все то, что они есть в настоящее время, является продуктом прошлых деяний существ, причинно с ними связанных и в просторечии именуемых «их прошлыми жизнями».

Дхарма — индийское слово имеет, по свидетельству комментаторов, четыре основных значения: 1) учение (в том числе буддийское); 2) проповедь; канонический текст; 3) качество; 4) неодушевленное. В первых двух значениях слово, как правило, переводится. Третье и четвертое значения в синтезе дают абхидхармистское понятие дхармы, важнейшее понятие раннебуддийской философии. Дхарма есть тождество, неразличенность вещи, ее свойства и отношения обладания свойством, или стяжение в точку этой триады категорий: вещь—свойство—обладание. Весь жизненный мир в раннем буддизме рассматривается как сплетение дхарм. С учетом двух первых значений имеем, что дхарма есть: 1) смысл слов Будды; 2) сами эти слова и 3) их предмет разом.

Жажда — сильная степень проявления стремления к жизни, мощи, наслаждению и пр. Как дхарма — синоним страсти.

Истинные начинания — четверная решимость: 1) устранить в себе имеющееся дурное; 2) не допустить появления в себе дурных качеств, которых пока нет; 3) не упустить то благое, что уже есть, и 4) освоить то благое, которого пока нет.

Источники (сознания) — зримые образы, звуки, запахи, вкусы, касания и дхармы (как объекты ума).

Кальпа — 1) срок жизни; 2) время от возникновения мира до его гибели; 3) эпоха, протекающая между появлениями двух будд.

Каналы — органы чувств (ум считается шестым чувством), доставляющие информацию сознанию.

Лжемудрие — неправильные воззрения на деяние, на личность и прочие существенные предметы. Один из основных аффектов.

Майтрея — будущий будда, пришествие которого предсказано было буддой Шакьямуни.

Мара — бог высшего из уровней мира чувственного, олицетворение мирского могущества и процветания и искушения ими. Аналогичен западному Люциферу.

Мир — замкнутая вселенная, содержащая в себе области разного рода существования, от адом до безобразных небес. Число миров бесконечно.

Миродержец — мифический праведный вселенский монарх. Обретает власть над миром без насилия и без страха. Будда сравнивается с миродержцем как подобный ему властитель духовного мира.

Мирское кружение — жизненный мир существ, порождаемый аффектами и деяниями и представляющий собою безначальную последовательность существований в различных формах; мир преходящего.

Освоение (санскр. bhāvanā) — в санскрите и пали отглагольное существительное от каузатива глагола bhū — «быть», т. е. «вызывание к бытию». Удачен английский перевод realisation, поскольку это слово по-английски значит: 1) осуществлять (как и по-русски) и 2) понимать. Bhāvanā и есть осуществление, вызывание к бытию в психике благого, а благо — это понимание действительности, как она есть. Освоение есть абсолютная деятельность, не ограничивающаяся объективными целями, но возвращающаяся на субъекта, т. е. в строгом смысле практика. Это культура психической активности, а более конкретно — применение методов йоги.

Плод — результат деяния, проявляющийся в последующих существованиях. Различают плоды созревающие (vipāka), которые влекут рождение в соответствующей области мира, и плоды вытекающие (niṣyaṇḍa), которые создают сходные, но с обратным знаком ситуации в той же области мира, где были произведены деяния. Например, плодом vipāka убийства является рождение в аду, а плодом niṣyaṇḍa его же — быть убитым самому в будущей человеческой жизни. В переводе различие между этими двумя плодами не проводится.

Победитель — эпитет Будды, который назван так за то, что победил всех своих врагов, т. е. все неблагое дхармы — аффекты, неведение.

Причина — также «вещественная причина» (hetu). В психической жизни понимается примерно как генотип, который «причиняет» развертывание в фенотип, но тем самым не перестает быть сам. Так, причиной убийства может быть враждебность, которая после его совершения не пропадает.

Прозрение — мудрость, функционирующая в паре со «спокойствием» на основе предварительного йогического освоения. Термин используется контекстуально для указания на процессы, подводящие к «прохождению арийской стезей».

Просветленный-для-самого-себя — индивид, самостоятельно, без помощи учителя, вырвавшийся из мирского кружения и достигший нирваны, но не имеющий ни сил, ни желания проповедовать метод освобождения другим.

Самость — неизменная самотождественная сущность индивида. Ни одна из дхарм не есть самость. Отрицается буддизмом.

Сверхобычные силы — в широком смысле любые способности, выходящие

за пределы обычной природной нормы, в узком — парапсихические способности, обретаемые, как считалось, трудной йогической тренировкой.

Свобода — состояние избавившегося от аффектов.

Свойство — характеристика дхармы. Лингвистически свойство нередко выражается словом, синонимичным обозначению самой дхармы, или даже одно-коренным производным с иным суффиксом.

Святой — название человека, достигшего цели совершенствования в тхеравадинском буддизме, а также эпитет Будды; в западной культуре слово «святой» является достаточно расплывчатым идеологическим понятием, тогда как буддийское «святой» = агаһа имеет вполне точное философско-психологическое значение: это человек, полностью и навсегда избавившийся от аффектов и от всякого страдания психической (не чисто физиологической) причины. Все учение хинаянского буддизма можно считать инструкцией по достижению святости, и тексты свидетельствуют, что это не было чересчур сложно. Принятый перевод слова агаһа как «святой» использует момент, общий западному и буддийскому понятиям: оба они обозначают идеал человеческой личности, доступный многим, но не только единицам и не всем.

Силы (в числе просветлительных дхарм) — то же, что и орудия, но разившиеся до такой степени, что способны подавить свои противоположности, т. е. вера — дурные взгляды, усилие — лень и инертность, мудрость — неведение и т. д.

Слагаемые — 1) четвертая грудa; 2) все дхармы, кроме «несложённых», т. е. нирваны и еще нескольких дхарм, в зависимости от буддийской школы. Слово образовано приставкой sam, означающей «совместность», и корнем kṛ — «делать». Русский перевод следует понимать в смыслах: 1) слагаемые слагаются, складываются — вызываются к проявлению наличием многих условий, оснований; 2) они сами слагают, создают собою мирское кружение; 3) их можно сложить, отложить, т. е. успокоить, и это будет нирвана.

Существо — структура дхарм, связанная в единую закономерную последовательность смены состояний.

Чайтья — культовое сооружение с останками святого или содержащее его личные вещи, тексты сутр и пр.

Человек-из-толпы — обычный человек, не арий, ставящий в своей жизни не абсолютные, а объективные цели, совершающий деяния и подверженный аффектам.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А	— Ангуттараникая
Асл	— Аттхасалини
Д	— Дигханикая
Дхп	— Дхаммапада
М	— Мадджжиманикая
Мах	— Махавагга
ММК	— Муламадхьямникакарика
КВ	— Катхаваттху
Пач	— Пачиттия
С	— Самьюттаникая
Санг	— Сангхадисеса
Сн	— Суттанипата
Сут Вибх	— Суттавибханга
ТГ	— Тхера- тхеригатха
Чулл	— Чуллавагга

ЛИТЕРАТУРА

- Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970.
- Антология мировой философии. Т. 1. М., 1969.
- Аристотель. Сочинения. Т. 2. М., 1978, т. 4. М., 1983.
- Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М., 1980.
- Брихадараньяка упанишада. Пер., предисл. и коммент. А. Я. Сыркина. М., 1964.
- [Васильев В.] История буддизма в Индии, сочинение Даранаты. Пер. с тибетского В. Васильева. СПб., 1869.
- Васильева Т. В. Беседа о логосе в платоновском «Теэтете». — Платон и его эпоха. М., 1979, с. 278—300.
- Васильков Я. В. Земледельческий миф в древнеиндийском эпосе (Сказание о Ришьяшринге). — Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1979, с. 99—133.
- Васильков Я. В. О возможности греческого влияния на «Вопросы Милинды» (в печати).
- Вигасин А. А., Самозванцев А. М. «Артхашастра». Проблемы социальной структуры и права. М., 1984.
- Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Ч. 1. — Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 9. М., 1932.
- Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 2. М., 1971.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права. — Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 7. М., 1934.
- Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
- Джатаки. Из первой книги джатак. Пер. с пали Б. Захарьина. М., 1979.
- Дхаммапада. Пер. с пали, введ. и коммент. В. Н. Топорова. М., 1960.
- Законы Ману. Пер. С. Д. Эльмановича, пров. и испр. Г. В. Ильиным. М., 1960.
- Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. Язык пали. М., 1965.
- Кант И. Трактаты и письма. М., 1982.
- Краснодембская Н. Г. Традиционное мировоззрение сингалов. М., 1982.
- Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1987.
- Парибок А. В. О смысле примера с колесницей в «Вопросах Милинды». — Санскрит и древнеиндийская культура Т. II. М., 1979, с. 85—92.
- Парибок А. В. Понятие «первой арийской личности» в связи с символикой воды в буддизме. — Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1987, с. 150—162.
- Платон. Сочинения. Т. 2. М., 1970.
- Повести о мудрости истинной и мнимой. Из «Книги джатак». Пер. с пали. Л., 1989.
- Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976.
- Радхакришнан С. Индийская философия. [Т. 1]. М., 1956.
- Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 1979.
- Рой М. История индийской философии. М., 1958.

- Семека Е. С. История буддизма на Цейлоне. М., 1969.
- Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1. М., 1957.
- Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии. М., 1982.
- Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М., 1988.
- Abhidharm-kosa of Vasubandhu. Ed. by Pradhan. Patna, 1967.
- Abhidhānappadīpikā. Ed. W. Subhūti. Colombo, 1883.
- Anguttara-Nikāya. Ed. R. Morris, E. Hardy. Vol. 1—6. L., 1885—1910.
- Athalye Yaśavanta Vāsudev. The Tarka Samgraha of Annambhaṭṭa. Bombay, 1897.
- Atthasālinī. Ed. by P. V. Bapat and R. D. Vadekar. Poona, 1942.
- Bureau A. Les sectes bouddhiques du petit véhicule. Saïgon, 1955.
- Basu Rabindra Nath. A Critical Study of the Milinda Panha. Calcutta, 1978.
- Behrsing S. Beiträge zu einer Milindapañha-Bibliographie.—Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London. 1933, vol. 7, c. 335—348; 517—539.
- Buddhavaṃsa and Cariyāpitaka. Ed. by R. Morris. L., 1882.
- Burnouf E. Introduction à l'histoire du buddhisme indien. P., 1845.
- Demiéville P. Les versions chinoises du Milindapañha.—Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient. 1924, XXIV, c. 1—258.
- Dhammapadam. An Anthology of Sayings of the Buddha. Ed. and Transl. by A. P. Buddhadatta Mahathera. Colombo, [6. r.].
- Dhammapada Commentary. Ed. H. C. Norman, L. S. Tailang. Vol. 1—5. L., 1906—1915.
- Dhammasaṅgani. Ed. E. Müller. L., 1885.
- Digha-Nikāya. Ed. T. W. Rhys Davids, C. A. F. Rhys Davids. Vol. 1—3. L., 1899—1911.
- Festugière A.-J. Trois rencontres entre la Grèce et l'Inde.—Révue de l'histoire des religions. T. 125, № 1, 1942—1943, c. 32—45.
- Die Fragen des Königs Menandros. Aus dem Pali... übersetzt von F. O. Schindler. B., 1907.
- Die Fragen des Milinda. Aus dem Pali... übersetzt von Nyanatiloka. Bd. 1. Lpz., 1919; Bd. 2. München—Neubiberg, 1924.
- Garbe R. Ein historischer Roman aus Altindien. B., 1902.
- Gonda I. Tara's Hypothesis on the Origin of the Milindapañha.—Mnemosyne. Seria 4. Leiden, 1949, vol. 2, c. 44—62.
- Hardy E. A Manual of Buddhism. L., 1860.
- Indische Sprüche. Sanskrit und Deutsch. Hrsg. von O. Böhtlingk. T. 2. St.-Pbg., 1872.
- The Jātaka together with its Commentary. Ed. V. Fausboll. Vol. 1—6. L., 1877—1897.
- Kāthavatthu. Ed. A. C. Taylor. Vol. 1—2. L., 1894—1897.
- Kāthavatthu Commentary. Ed. I. Minayeff.—Journal of the Pali Text Society. L., 1889.
- Mahāvuyutpatti. Издал И. П. Минаев. СПб., 1911 (Bibliotheca Buddhica XIII).
- Majjhima-Nikāya. Ed. V. Trenckner, R. Chalmers. Vol. 1—4. L., 1888—1925.
- Manorathapūraṇi. Ed. M. Walleiser. Vol. 1. L., 1924.
- Lévi S. Le bouddhisme et les Grecs.—Mémoire S. Lévi. P., 1937, c. 204—213.
- Lévi S. Un nouveau document sur le Milindapañha.—Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 4-e série. 1893, t. 21, c. 232—237.
- McDermott J. P. Kamma in the Milindapañha.—Journal of American Oriental Society. 1977, vol. 97, c. 460—469.
- Milindapañho. The Pali Text. Ed. by V. Trenckner. London—Edinburgh, 1880.
- Milinda's Questions. Transl. from the Pali by I. B. Horner. L., 1963—1964.
- Mūlamadhyamakakārikās (Mādhyamikasūtras) de Nāgārjuna avec la Prasannapadā Commentaire de Candrakīrti publié par L. de la Vallée Poussin. St.-Petersbourg, 1903.
- Norman K. R. Pali Literature. Wiesbaden, 1983.

- Die Nyāyasūtras. Text. Übersetzung, Erläuterung und Glossar von W. Ruben. Lpz., 1928.
- Pelliot P. Les noms propres dans les traductions chinoises du Milindapañha.— Journal Asiatique. 11-e série. 1914, t. 4, c. 379—419.
- Pfungst A. Die Fragen des Königs Milinda.— Gesammelte Werke. Bd. 2. F. a. M., [6. r.], c. 105—120.
- Poind of Controversy or Subjects of Discourse, being a Transl. of the Kathavattu by Shwe Zan Aung and Mrs Rhys Davids. L., 1915.
- Les questions de Milinda (Milindapañha) traduits du Pali avec introduction et notes par L. Finot. P., 1923.
- The questions of King Milinda. Transl. from the Pali by T. W. Rhys Davids. [Vol. 1—2]. Oxf., 1890—1894.
- Rhys Davids C. A. F. Mrs. Buddhist Psychology. L., 1914.
- Rhys Davids C. A. F. Mrs. The Birth of Indian Psychology and its Development in Buddhism. L., 1936.
- Rhys Davids C. A. F. Mrs. The Milinda's Questions. L., 1930.
- Rhys Davids T. W. Milinda.— Encyclopaedia of Religion and Ethics. Ed. by J. Hastings. Vol. 8. Edinburgh, 1915, c. 631—633.
- Samyutta-Nikāya. Ed. L. Feer. Vol. 1—6. L., 1884—1904.
- Schalk P. Der Paritta-Dienst in Ceylon. Lund, 1972.
- Specht E. Deux traductions chinoises du Milindapañho.— Transactions of the Ninth International Congress of Orientalists. Vol. 1. L., 1893, c. 518—529.
- Stcherbatsky Th. I. The Soul Theory of the Buddhists.— Известия Российской Академии Наук. 6-я серия. 1919, т. 13, c. 846—848.
- Sutta-Nipāta. New ed. by D. Andersen and H. Smith. L., 1913.
- Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938.
- Thera- and Theri-Gāthā. Ed. H. Oldenberg, R. Pischel. L., 1883.
- Udanam. Ed. P. Steinthal. L., 1885.
- Vinaya Piṭakam. Ed. by H. Oldenberg. London — Edinburgh. Vol. 1—5, 1879—1883.
- Visuddhimaggo. Ed. C. A. F. Rhys Davids. Vol. 1—2. L., 1920—1921.
- Walleser M. Buddhistische Philosophie. Bd. 1. Heidelberg, 1904.
- Weber A. Die Griechen in Indien.— Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften. 1890, c. 927 и сл.
- Weisheit des alten Indien. Bd. 2. Buddhistische Texte. Hrsg. von J. Mehlig. Leipzig und Weimar, 1987.
- Winternitz M. Geschichte der Indischen Literatur. Bd. 2. Lpz., 1913.
- Woodcock G. The Greeks in India. L., 1966.

SUMMARY

Milinda's Questions. This is the first translation of the book into Russian. It constitutes a unique monument of Buddhist and world culture. It is a remarkable sample of the Indian philosophic literature distinguished by great originality within its genre. Its ancient version (the original recension) of Book One and virtually the entire Book Two was composed in the 1st century A. D. in North-West India, and had acquired its present form some centuries later in Sri Lanka. MQ is the only work of the early Indian literature, which mentions the name of a real Greek, Milinda, the Graeko-Bactrian King Menander who ruled in the second half of the 2nd century B. C. His questions of philosophic and religious problems of Buddhism are answered by a prominent Buddhist authority Nagasena. The story probably relies on the real encounter between Milinda and the Buddhist ācārya.

The edition is addressed to two categories of readers. The translation is meant not only for the students of culture, but also for a wide section of educated readers. It attempts to convey the aesthetic indiosyncrasy of the original in the Russian language while strictly following its terminology. The translator believes that in the distinctive, self-sustaining early Indian culture, a specific concept, when expressed, cannot be isolated from the initial linguistic meaning, for the language form, expressing the concept, remains transparent and directly reaches the aesthetic plane of the mind. For this reason, the terms are motivated not only by the logic of the subject, to which they belong, but also by the universal logic of thinking, reflected in the language. But for few exceptions of the old Indian words, borrowed by the Russian language, virtually the entire terms of the Buddhist philosophy and psychology are rendered by plain Russian words. Their general meaning makes it possible to convey by means of them the Indian concepts that had no analogues in the European cultural code. In some instances, a number of new words were coined, to serve as equivalents of the Indian ones. The translation reconstructs thereby this writing as a phenomenon of the universal humanitarian culture. It simulates the linguistic environment in which it was created to show the Russian reader that MQ is comparable with Plato's dialogues and Cicero's treatises.

The commentary to the translation is addressed to specialists.

It identifies the quotations and allusions of the Buddhist canon, often making use of a wider context. Some realities are explained and lists of terms are decoded. In some cases there are necessary philosophic, psychological, social and cultural explications. Textological problems are also considered. Deviations from Trenckner's edition on which the translation is made are noted. The interpretation of the text differs from earlier Western translations including: (1) colophon *Nāgasena-Milindarāja-pañhā niṭṭhitā* (Trenckner, p. 64) is interpreted as "The end of Nagasena's questions to King Milinda". For this reason, this section is not considered to be the end of Book Two, and the total number of books makes six; (2) the dubious passage at the beginning of Chapter 3, Book Two (Trenckner, pp. 51-52) is tentatively reconstructed by collating it with the Chinese version according to P. Demiéville.

In order to recreate the cultural background, constituted for the reader of the original by the Buddhist canon, a number of canonic translations, mentioned or discussed in MQ, are included in the appendices.

The foreword gives a short description of the monument, sums up the results of its study, and sets out the principles of translation. The article on the study of the monument considers, firstly, the problems of MQ genre, and secondly, the content of the writing in terms of cultural tradition. The main formal distinctions of the writing are as follows.

With the exception of Book One, which has a form of avadāna, MQ is written as a didactic conversation between ācārya Nagasena and student Milinda. The roles are established at the beginning of the conversation in Book Two, after Milinda's unsuccessful attempt to talk to Nagasena as an equal. Nagasena's explications are usually built according to a five-elements syllogism, akin to the nyāya syllogism. But its elements (avayava) are distributed as utterances of both participants. The third element is particularly different from the nyāya syllogism, because instead of udāharaṇam (an instance, an example of a general rule, known to the addressee) opammam (a pattern, a usual situation isomorphous to the one under consideration) is used. The explicated meaning itself is presented in the form of mātrkā, or a concise list, containing the result of immanent division of the concept.

In contrast with the canon, Book Two includes: (1) dialectical elaboration of the concept of becoming, done with virtually categorical thoroughness, (2) a number of dharma definitions, used for the first time ever, borrowed by later commentators of abhidharma. Also for the first time dharma is defined by means of lakṣaṇa; (3) Buddha's accomplishment, according to the author, is the elaboration of the analytical study of integral psychological processes; (4) the discussion of the problem of purimā

koṭi (Trenckner, pp. 51-52) resembles the deliberations of the mādhyamika school; (5) in arguing upon a chariot (beginning of Book Two) the speakers indirectly introduce important semiotic concepts.

The tenets in Book Two, conflicting with the Theravada school, in the framework of which the text was built, and a number of tenets, diverging from its principles in Book Three, raise the question about MQ affiliation to the Buddhist school. The analysis of controversial theses in MQ after A. Bareau's list of disparities among the early Buddhist school suggests the only conclusion that MQ, as a theoretically consistent writing, belongs to the kāśyapīa school. This can hardly be verified because the school is scarcely known.

Book Three constitutes more than a half of the text. It is of interest from the viewpoint of its hermeneutics. The experience of comparing seemingly contradicting canonic quotations, differentiation of levels of meaning, addressees etc., should inevitably run counter to the tendency of creating a consistent Buddhist philosophy on the basis of canonic texts, for Buddha is claimed to be an expert teacher. It means that the hierarchy of meanings, as a basis of any taxonomy, cannot be substantiated. Thus the hermeneutics of Book Three inevitably leads to principles of Mahayana Buddhism: the priority of method over system and relativity of spoken words.

Book Four to Six were written later and are of less interest. Book Four presents an extended allegory of dharma and sangha as a city, which is an indication of gradual anticipation of tantric mandalas.

This edition has a glossary in addition to commentaries on individual sections of the text. The glossary explains technical terms of the text.

В 74   Вопросы Милинды (Милиндапаньха). Пер. с пали, исслед. и коммент. А. В. Парибка. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989 (Памятники письменности Востока. LXXXVIII. Bibliotheca Buddhica. XXXVI).— 485 с.
ISBN 5-02-016554-9

Издание представляет собой первый перевод с языка пали на русский выдающегося произведения индо-буддийской литературы «Милиндапаньха» («Вопросы Милинды»), единственного в своем роде текста, в котором в высоколитературной форме отразилась встреча греческого и индийского культурных миров. (Милинда — реально существовавший индо-греческий царь Менандр.) Текст создан в первых веках нашей эры. Перевод сопровождается исследовательской статьей и обширным научным комментарием.

В 4703020100-181 121-89
013(02)-89

ББК 86.39

Научное издание
**ВОПРОСЫ МИЛИНДЫ
(МИЛИНДАПАНЬХА)**

Редактор *Э. Г. Володин*
Младший редактор *Н. О. Хотинская*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректоры *Т. А. Алаева и П. С. Шин*

ИБ № 16249

Сдано в набор 24.02.89. Подписано к печати 02.10.89. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 30,5. Усл. кр.-отт. 31,5. Уч.-изд. л. 33,73. Тираж 10 000 экз. Изд. № 6583. Зак. № 172.
Цена 4 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28